



Н. С. БОНДАРЬ

**ПУБЛИЧНОЕ И ЛИЧНОЕ:
ПОИСК БАЛАНСА
ПРОДОЛЖАЕТСЯ...**

Мемуарная
юриспруденция

РОСТОВ-НА-ДОНУ — МОСКВА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИСТ»
2020

Б 81 БОНДАРЬ Н. С. Публичное и личное: поиск баланса продолжается... Мемуарная юриспруденция / 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д–М.–СПб.: Изд-во «Юрист», 2020. — 752 с., 66 с. ил.

Настоящая книга является вторым, существенно переработанным, дополненным изданием. Первое издание вышло в 2010 году под названием «Личное и публичное: в поиске баланса...». Оно было подготовлено по инициативе учеников и коллег по научно-образовательной деятельности и приурочено к юбилею Заслуженного юриста РФ, Заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., проф. Н. С. Бондаря.

В новое издание вошли материалы, основанные на публикациях, интервью, других опубликованных в разные годы материалах, характеризующих жизненный, творческий научно-педагогический и 20-летний профессиональный путь Н. С. Бондаря как судьи Конституционного Суда РФ (с 2000 г.), а также заведующего кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ (с 1987 г.), профессора кафедры административного и финансового права СПбГУ (с 2008 г.). По жанру публикация относится к мемуарной юриспруденции, где наряду с биографическими страницами личной жизни нашли отражение взгляды и оценки автора, касающиеся конституционного развития России, состояния теории и практики конституционализма, кризиса юридического образования, становления и развития регионального (Ростовская область как субъект РФ) и муниципального конституционализма.

Издание предназначено всем, кто интересуется теорией и практикой российского конституционализма, конституционного правосудия, мемуарной юриспруденцией. Опубликована на не бюджетной основе.

ISBN 978-5-91835-390-5

**Вместо введения: необязательные пояснения
ко второму изданию книги** 7

**ГЛАВА I. Лично-биографичное
с неизбежными вкраплениями публичного** 22

- 1.1. Личность автора: справочно-официально
и ничего более 22
- 1.2. Никогда не говори школе «прощай!» 25
- 1.3. У подножия юридического олимпа:
выбор профессии, юридический факультет 37
- 1.4. Вхождение в практическую юриспруденцию:
военный следователь 52

ГЛАВА II. Мои университеты конституционализма 63

- 2.1. Alma mater — сакральное конституционно значимое явление
жизни: ностальгия в сочетании с умеренным оптимизмом 63
 - 1. Alma mater — наша жизнь.
И не только университетская... 65
 - 2. Alma mater в контексте моих уроков конституционализма. 67
 - 3. Вместо заключения:
alma mater «тогда», «сейчас» и... «всегда!» 76
- 2.2. Конституционализм как единство политико-правовых
и нравственно-этических начал 78
- 2.3. Юридическое образование на распутье
национальных традиций и космополитических иллюзий 90
Европа нам указ или не указ? 118
- 2.4. Жизнь коротка, память вечна...
(об ушедших учителях, коллегах)... 119
Слово о профессоре В. А. Ржевском, его вкладе в теорию
и практику отечественного конституционализма 120
Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения
(в контексте творческого наследия профессора И. Е. Фарбера) ... 128
Конституционное право — фундаментальная ценность
демократического правового государства
(по мотивам научного наследия академика О. Е. Кутафина) 136
Самоуправление как «демократия малых пространств»:
баланс власти и свободы (памяти профессора Г. В. Барабашева) ... 148

Конституционный строй — государственно-правовое выражение гражданского общества России (памяти профессора Ю. П. Еременко)	151
У истоков муниципального права демократической России: памяти профессора В. И. Фадеева	155
ГЛАВА III. Двадцать лет служения конституционному правосудию	169
3.1. Вступая в новую должность.....	171
«Подчиняюсь... только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более!»	171
Первые интервью после назначения	182
«... И звучал гимн России»	182
Отличник. Теперь ростовские студенты за конституцию спокойны	185
Ростовчане в Москве: Конституционный Суд РФ. Рейс «Москва. Ильинка, 21 — Ростов-на-Дону, Горького, 88» — постоянный.....	187
Вдали от Ростова, но всегда с земляками-ростовчанами.....	196
3.2. Плюрализм мнений — принцип конституционного правосудия. Особые мнения (мнения) судьи КС РФ.....	210
Перечень мнений (особых мнений) судьи КС РФ Н. С. Бондаря	214
3.3. Судья-докладчик	219
3.4. «Omnia fluunt, omnia mutantur»: было время, когда судьи даже председательствовали поочередно.....	226
3.5. Конституционная география зарубежных поездок	236
3.6. Об официально-публичном — в личностном восприятии: встречи судей КС РФ с гарантом Конституции.....	258
3.7. Научно-преподавательское хобби как продолжение профессионально-судебной деятельности	274
3.8. Главный смысл служения конституционному правосудию — защита Конституции	283
Конституция РФ — документ XXI века. Интервью	292
«Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире?	304

ГЛАВА IV. Судебный конституционализм: единство властно-юрисдикционных и доктринальных начал	335
4.1. Судебный конституционализм как доктринальное отражение «богоугодных грехов» конституционного правосудия: КС — больше, чем суд	338
4.2. Суд над судебным конституционализмом: мнения и отзывы рецензентов, оппонентов, коллег	352
Стенограмма круглого стола «Судебный (“живой”) конституционализм: доктрина и практика» (СПбГУ, 5 марта 2011 года) (извлечения)	360
Философско-мировоззренческая картина современного российского конституционализма. Очерк о возможном и необходимом в правовой модернизации России — в поддержку монографии Н. С. Бондаря. <i>Добрынин Н. М.</i>	428
Судебный конституционализм в России и Н. С. Бондарь. <i>Крусс В. И.</i>	457
4.3. Признание	471
А. Национальная премия по литературе в области права 2018 года.	471
Буква закона. Прошло вручение Национальной премии по литературе в области права	471
Названы лучшие правовые книги	472
Парадоксы конституционного правосудия (интервью Н. Бондаря для «Адвокатской газеты», 15 мая 2018 г.)	474
Б. Еще одно почетное признание: премия «Юстиция»	486
Профессор Николай Бондарь стал лауреатом премии «Юстиция»	486
ГЛАВА V. Региональный и муниципальный конституционализм: донские мотивы, авторские воспоминания....	490
5.1. Донской край — любовь моя... Времени и расстояниям — неподвластно	493
5.2. Ростовская область: обретение нового конституционного статуса	499
5.3. Правовая система Ростовской области в региональном конституционализме	509

5.4. Обращение органов государственной власти Ростовской области в КС РФ как форма участия в конституционно-правовой жизни России.	520
5.5. Муниципальный конституционализм: от теории к практике утверждения на Дону.	531
А. Местное самоуправление — институциональная основа муниципального конституционализма.	531
Б. От самоуправленческого романтизма — к реализму муниципального конституционализма.	541
В. Местное самоуправление в доктринальных подходах и авторских оценках (на основе мнений судьи КС РФ).	549
5.6. Ростовская школа муниципального права и ее вклад в развитие муниципального конституционализма.	580
А. Исторические предпосылки и научно-теоретические истоки Ростовской школы муниципального права.	581
Б. Кафедра — организационно-правовая основа школы муниципального права: история и современность.	588
ГЛАВА VI. Возвращаясь к личному, глубоко сокровенному. И не только...	612
6.1. Слово сына.	615
6.2. Не только память, но и жизнь бесконечна.	624
Исповедь как покаяние.	626
Когда друзья больше, чем родня (портретные зарисовки).	653
С московскими звездами музыкального искусства на Луганщине.	663
Музыка поэзии: вершины творчества.	671
Разное как продолжение главного: стихи-посвящения.	685
Вместо эпилога: «Хрестам поклонившись, іду на узгір'я, свого родоводу шукаю сліди».	693
Хронологический указатель научных трудов, иных публикаций Н. С. Бондаря.	697
О жизни и творчестве Н. С. Бондаря.	744



Вместо введения: необязательные пояснения ко второму изданию книги

Невероятно быстро летит время! И еще быстрее пролетает жизнь... Казалось, совсем недавно, вчера, готовилось по инициативе моих учеников и коллег первое издание книги, которая получила неожиданное, но, вероятно, вполне оправданное название «*Личное и публичное: в поиске баланса...*». Издание было приурочено к авторскому юбилею 10-летней давности и, стало быть, значительно более оптимистичному, чем юбилей текущего, 2020 года...

В связи с этим, однако, впору вспомнить не менее оптимистичную истину, что «мои года — мое богатство». Вряд ли есть необходимость обосновывать (тем более — пытаться опровергнуть) ее правдивость и, естественно, не только потому, что из песни слов не выбросишь... Причем, это то единственное «богатство», которого каждому из нас всегда будет мало, мы будем пытаться пополнить его новыми годами немолодой жизни... В этом — тоже очевидный парадокс бытия: желая подольше оставаться молодыми, мы в то же время не отказываемся, напротив, стремимся к продолжению, к продлению не очень молодого состояния жизни, что вполне естественно; ведь этим определяется, в конечном счете, течение самой жизни...

Осознание таких элементарно-противоречивых истин, по крайней мере, касающихся меня, в какой-то мере тоже «заслуга» предъюбилейного периода, когда особенно остро воспринимаются мгновения жизни, набирающие все большее ускорение и устремленность в вечность¹.

При всем том, что это общий (универсальный) закон человеческого бытия, в субъективно-личностном плане у каждого он проявляется, естественно, по-разному, в том числе с учетом разных (очень разных!) для каждого в отдельности сопутствующих условий, предпосылок, обстоятельств тех или иных этапов, зигзагов конкретной жизни. С этими сомнениями, внутренними размышлениями все-таки решился на подготовку нового, второго издания книги.

Возможно, главным аргументом в пользу такого решения явилось авторское убеждение, что поиск баланса между личным и публичным — процесс постоянный, бесконечный. Но при этом на каждом новом этапе жизни и личное, и публичное по-разному проявляются; тем более неизбежно возникают новые оттенки в поиске почти неуловимого баланса между ними.

Этим объясняется и уточнение самого названия книги: во-первых, теперь это не «Личное и публичное», а «Публичное и личное». И это тот случай, когда от перестановки слагаемых сумма («балансирующая» сумма!) меняется; новый этап жизни позволил со всей определенностью на первое место поставить не личное, а публичное. Хорошо это или плохо — другой вопрос, ответ на него в определенной мере, возможно, будет просматриваться на

¹ Никогда не забуду в этом плане воспоминания отца, его восприятие времени на закате своей жизни (после 80), которыми он делился со мной во время нечастых приездов в отчий дом «рідной» и, к сожалению, такой далекой сегодня неньки-Украины, как мгновения, в течение которых не успеваешь перейти от новогоднего состояния к осознанию того, что неожиданно наступил Первомай, стремительно переходящий в новый учебный год — 1 сентября (для тех, кто всю свою профессиональную жизнь измерял учебными годами, работая в системе образования — а мои родители именно к ним принадлежали — 1 сентября, как и в старые допетровские времена, тоже воспринимался как новый год, новый годичный цикл профессиональной жизни).

последующих страницах книги... Во-вторых, новое название содержит акцент на то, что *поиск баланса продолжается*. И, нет сомнений, будет продолжаться, пока продолжается сама жизнь...

При этом, кстати, только сейчас подумал, что если вдруг представится возможность (шанс!) подготовить в будущем новое очередное издание, возможно, двигаясь по спирали, вернусь к первоначальному «Личное и публичное», чему тоже будет вполне понятное объяснение. Ведь для судьбы (в том числе конституционного) 70 лет — конституционно значимая дата, предполагающая последующий переход в новое статусное состояние судьбы в отставке со всеми вытекающими, для меня пока неизведанными, но вполне предполагаемыми последствиями. В то же время, в связи именно с этой (юбилейной) датой вспомнил стихотворение своего отца С. Е. Бондаря (к его творчеству и дальше в книге буду обращаться, в том числе сохраняя украинскую мову первоисточника), которое так и называлось — «В день сімдесятиліття»). Естественно, оно было написано к его, поэта, семидесятилетию. Но как близко, абсолютно лично, как собственное внутреннее состояние души воспринимаются эти слова:

Іду до фінішу, ступаю сміло,
В житті сприйнявши добрий гарт.
Хоч сім десятків пролетіло,
А все здається — тільки старт.
Здається, жив лиш мить, так дуже мало,
Хоч підшов пар сто зітер.
Все те, що серце чуле увібрало,
Мене тривожить ще й тепер¹.

Эти слова достойны быть поэтическим эпиграфом к моим, наверняка, не всегда интересным, прозаичным воспоминаниям. К этому хочу добавить, что в общении с моим выдающимся земля-

¹ Здесь и далее стихи С. Е. Бондаря приводятся по книге: Бондар С. Голуби повертаються знов. Донець, Донбас, 2005. С. 242.

ком по Луганщине, младшим другом моего отца и старшим моим другом, удивительно талантливым человеком — поэтом, композитором, музыкантом-исполнителем, глубоким знатоком трех славянских языков (украинского, русского, белорусского), Анатолием Николаевичем Васильцовым (литературный псевдоним — Анатолий Анненко, в дальнейшем о нем еще будет сказано) возникла идея перевести соответствующее стихотворение на русский язык, в том числе чтоб это было понятнее для более широкого, русскоязычного, круга моих читателей. С удовольствием и глубокой благодарностью Анатолию Николаевичу даю этот перевод:

Иду вперед, шагаю смело. —
Не сгинул жизненный азарт.
Хоть семь десятков пролетело,
А кажется, что только — старт.
Прожил, конечно, очень мало.
Но много все же знал потерь...
То, что душа в себя впитала,
Меня волнует и теперь.

*Перевод с укр. стихотворения С. Бондаря
«Семидесятилетие» (Анатолий Анненко)¹.*

Дополнительным аргументом в пользу обновления издания явилось также — и в этом нужно откровенно признаться — то обстоятельство, что юбилейная дата с ее внушительными цифровыми показателями продолжительности жизни «случайно» дополняется еще двумя «промежуточно-юбилейными» датами, которые соотносятся с основными этапами профессиональной деятельности. В хронологическом порядке это, во-первых, 45-летний юбилей научно-образовательной университетской деятельности в Ростовском государственном университете (с 2005 г. — Южный феде-

¹ Анатолий Анненко. Стихи.ру // Режим доступа: URL: <https://stihi.ru/avtor/anatoliy14>.

ральный университет), во-вторых, 20-летний юбилей пребывания в конституционном правосудии и в этом же, 2020 году — завершение карьеры судьи КС РФ в соответствии с установленными Законом возрастными ограничениями. Несомненно, каждая из этих дат по-своему значима, достойна нового, второго, издания книги о... продолжающемся поиске баланса личного и публичного, публичного и личного...

Заинтересованный читатель — если к тому же он окажется внимательным — обнаружит, что книга достаточно необычна, во многом нетрадиционна и существенно отличается от первого издания, в том числе в жанрово-композиционном плане. Хочется надеяться, найдутся и те, кто, набравшись терпения, хотя бы пролистают страницы издания с фото-вкраплениями. Для разрешения же трудного вопроса «листать — не листать», а тем более — «читать — не читать» (данную книгу) в помощь все тому же отдельно взятому заинтересованному читателю предпосылаются своего рода путевые (не путать с путевыми!) заметки.

Определяя жанр издания, следует, прежде всего, отметить, что это не есть сборник научных статей в традиционном смысле данного понятия и тем более — не издание избранных сочинений автора с намеком на некий итог (который сегодня уже вряд ли уместно называть, в порядке самоутешения, предварительным) научно-профессиональной деятельности. Сегодня, когда имеются неограниченные возможности ознакомиться с интересующими читателя книгами и статьями в бескрайних просторах Интернета, юбилейные издания «избранных», «полных», собраний сочинений могут напоминать попытку «памятник себе воздвигнуть». Не хотелось бы этим заниматься, тем более, что и это, второе, издание представляет собой книгу пока еще без эпилога...

Свой авторский замысел вижу в том, чтоб хотя бы фрагментарно, ни в коем случае не претендуя на полноту, представить непростой, невероятно противоречивый период нашего государственного и общественного развития, совпавший с начальными и последующими этапами авторского путешествия сільського хлоп-

ця из украинского села Голубівка (Голубовка) по дорогам жизни, вместившим несколько исторических эпох. Вначале — это советская эпоха, связанная с украинским происхождением — и по крови (*jus sanguinis*), и по почве (*jus soli*); с учебой в украинской школе, а затем, без каких бы то ни было, абсолютно непонятных для того периода языковых и иных проблем — учеба в российском университете нашей единой, общей Родины под названием «СССР»; затем — неожиданный развал страны и, казалось бы, полное крушение надежд и жизненных планов; после этого — длительное как вечность (особенно по меркам восприятия человеческой жизни молодым поколением), темное как южная ночь безвременье последнего десятилетия XX века; и, слава Богу, столь же неожиданно появившаяся на заре нового столетия надежда на возрождение новой России, что совпало с начавшимся именно в этот исторический (для судеб страны) период моим вхождением не только в теорию, но, что было особенно важно и судьбоносно, в практику нового отечественного (российского) конституционализма. По иронии судьбы первый год нового тысячелетия стал для автора этих строк, с благословения исполнявшего в тот необычный период истории обязанности Президента России (об этом подробнее — несколько позже), началом главного марафона моей профессиональной жизни в качестве судьи Конституционного Суда Российской Федерации (в дальнейшем — КС РФ) протяженностью 20 лет.

Вероятно, этот конституционно-судебный марафон станет едва ли не главной темой настоящего издания (пока еще сам этого не знаю). В этом есть своя логика, в том числе если иметь в виду само название издания. Ведь пребывание в сфере конституционного правосудия неизбежно (и постоянно!) было связано с познанием, восприятием проблем конституционализма на соответствующих этапах его становления и развития в единстве теории и практики, личного восприятия и публичных, государственно-значимых оценок, имея в виду *научно-педагогическую конституционную биографию* длиной в несколько десятилетий (точнее — 45 лет), с одной стороны, и *практическую конституционно-судебную*

деятельность последних 20 лет, с другой. Такой подход — сквозь призму публичного и личного — тем более уместен, если иметь в виду, что квинтэссенцией самого по себе современного конституционализма как особого политико-правового режима верховенства конституции демократического правового государства является, в конечном счете, поиск и достижение баланса между Властью и Свободой, стремление к гармонии Публичного и Личного в социальной и правовой действительности.

В связи с этим предлагаемый жанр издания с большой долей условности рискую назвать *профессионально-мемуарной юриспруденцией*¹. Его особенность, которая, наверняка, кем-то будет воспринята как недостаток (что, впрочем, не исключает и другие, более позитивные оценки), заключается прежде всего в попытке *найти логику личной и публичной жизни в ее непредсказуемости, алогичности*, выявить закономерную вариативность и уже в этом смысле — в большой степени непредсказуемость развития линий связи личной судьбы с судьбой, историей своей страны, тем более, если иметь в виду биографию моего поколения на изломе конституционных эпох.

В повествовательно-текстовом варианте (на страницах книги) все это выглядит, правда, значительно проще: речь идет всего лишь о попытке сочетания разноплановых, разнонаправленных материалов портретного характера, с одной стороны, и профессиональной, в том числе научно-педагогической, судейской деятельности, с другой. Отсюда (а не от астрологии, имея в виду авторский астрологический знак Весов) — желание расположить во многом биографичную для моего поколения (и уже в этом смысле — не вполне биографическую для любого конкретного человека) «ква-

¹ К этому жанру с определенными оговорками, пожалуй, можно отнести такие работы, как: Авакьян С. А. Размышления конституционалиста: избранные статьи. М.: Изд-во МГУ, 2010; Стариков Ю. Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения... Сборник избранных научных трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010; Иванов И. А. О времени и о себе. Воспоминания-размышления-перспективы. Ростов н/Д. — Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020.

дратуру круга жизни», тем более, в системе координат «публичного и личного», учитывая непреходящее, фундаментальное значение воплощаемых в этих двух парных понятиях социальных и правовых ценностей жизни как таковой. Поиск же баланса между ними — едва ли не самая сложная проблема как для каждого отдельного человека, так и для любого, даже наилучшим образом конституционно устроенного социума.

Еще одна особенность книги — отсутствие линейной (прямой, строго хронологической или тематической) последовательности внутреннего содержания; откуда она возьмется в «квадратуре круга» самой жизни? К тому же надо учитывать, что абсолютное большинство материалов, включенных в настоящее издание, это публикации разных лет, отражающие те или иные стороны личной и публичной жизни автора. Посчитал недопустимым редактировать, «причесывать» их под события и, тем более, дух сегодняшнего дня. Более важным представлялось сохранить историко-документальную достоверность публикаций разных лет. И только в тех случаях, когда могли быть, например, повторы, дублирование или очевидное несоответствие сегодняшним обстоятельствам (связанным, например, с уходом кого-то из жизни и т. п.), пришлось аккуратно вторгаться в текст, бережно относясь к его первоначальному содержанию. Одновременно в некоторых случаях есть сопровождающие «вчерашний» текст сегодняшние послесловия (post scriptum).

С этим же связана попытка найти оптимальные варианты систематизации материала, его упорядочения, по возможности, удобного для восприятия читателем. Здесь, конечно, не могли не присутствовать элементы хронологии, но не только. Они определяются также наличием, степенью полноты тех материалов, которые были написаны в разные годы: о родителях, школьных годах или об Alma Mater, о научно-педагогической работе или Конституционном Суде России и т. д. Очевидно, что не все соответствующие сюжеты будут одинаково полными. Но это, считаю, не есть недостаток. Ведь не только первое, но и нынешнее, второе, изда-

ние характеризуется ... *незавершенностью повествования*. Книга не имеет своего логического окончания, неизбежного эпилога. К счастью, пока не имеет... Стало быть, пробелы, которые обнаружит внимательный читатель, хотелось бы надеяться, еще будет возможность устранить. Впрочем, как это ни грустно, надо признать: большая часть *книги моей жизни* (абсолютно большая!) уже написана. И никакой ответственный редактор или самый грамотный корректор не в состоянии изменить или хотя бы подправить ее содержание, по-другому расставить знаки препинания в прозаичных строчках той жизни, которая когда-нибудь (хотелось бы надеяться, попозже) будет именоваться прошлой...



Может показаться, что все сказанное выше напоминает не столько пояснения, сколько своего рода *извинения в связи с появлением данного издания*. Но, право, мне меньше всего хотелось бы предпосылать этому изданию некую исповедь. Если она и нужна, то только самому автору и разве что очень ограниченному кругу очень близких к нему людей. Впрочем, соглашусь с тем, что сама по себе эта книга — тоже, своего рода, исповедь, невольная попытка «отчитаться» о прожитых годах. А всякая исповедь сопряжена, как известно, с глубокими внутренними сомнениями, с готовностью претерпеть ответственность (не только ретроспективную) и при этом — не обязательно *получить отпущение грехов за все, что связано с земной жизнью во всех ее проявлениях*. При этом самыми строгими судьями (естественно, после Всевышнего) являются, как известно, родные и близкие, друзья и коллеги, все те, с кем шел по жизни (то ли вместе, то ли рядом) и чье мнение для меня чрезвычайно важно.

Особое место в этом ряду занимают, естественно, дети и, хотелось бы надеяться, внуки, которым еще предстоит (независимо от сегодняшнего возраста кого-то из них) осознать ценность кровных отношений, прочувствовать сакральную связь со своей малой родиной, принимать в качестве своей землю, где покоятся предки разных поколений, помнить их. В этом плане настоящее издание

— в какой-то мере попытка своеобразного диалога между поколениями, между *Прошлым*, *Настоящим* и — хотя бы в какой-то мере — *Будущим*, диалога, который касается, конечно, в первую очередь сферы личной жизни и где по разным причинам будет, возможно, еще больше недосказанности, чем это касается событий публичной жизни.

Что же касается коллег, то при всем желании невозможно будет хотя бы вспомнить каждого из них. Но все они и каждый в отдельности имеются в виду — будь то коллеги по научно-педагогической жизни или по профессиональной деятельности в КС РФ. Не случайно в предисловии к одной из главных, как я сам считаю, своих книг — получившей, кстати, первую национальную премию по литературе в области права за 2018 год — прямо отмечается: «Специфика настоящего издания, само содержание проблем судебного конституционализма, рассматриваемых в свете конституционного правосудия, предполагают, что своего рода коллективным соавтором данной концепции являются мои коллеги — судьи Конституционного Суда РФ (как действующие, так и ушедшие в отставку), сотрудники аппарата Суда. Главная апробация отдельных положений и идей происходила в дискуссиях именно с ними, в том числе при выработке конкретных решений Суда. Одновременно можно было бы назвать многих коллег, работающих в научно-образовательной сфере, прежде всего конституционалистов, которые либо были моими учителями, старшими товарищами, либо являются учениками и теперь уже признанными учеными. Всем им — искренняя признательность»¹.

Надеюсь, вводными замечаниями хотя бы в какой-то мере удастся компенсировать вполне естественную, хотя и не во всем оправданную фрагментарность книги. Впрочем, в этом плане второе издание во многом повторяет «достоинства и недостатки» первого. Поэтому, возможно, читателю легче будет адаптироваться к их восприятию с учетом тех оценок и характеристик, кото-

¹ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2016. С. 16.

рые ранее были адресованы первому изданию после его выхода. Пожалуй, одним из наиболее содержательных размышлений (это в большей степени именно размышления, а не традиционная рецензия) можно считать публикацию моих учеников-молодых докторов наук¹. Позволю себе использовать ее в обозначенных целях — для адаптации потенциального читателя второго издания к особенностям книги, ее текста.

По мнению рецензентов, «оригинальность, нестандартность книги уже в том, что это первый авторский опыт совершенно особенного — научно-профессионального, юридико-философского самоосмысления, который реализован в форме *идейно-духовной автобиографии*, отличающейся как от классической анкетной ее формы, так и от мемуаров в их собственном смысле». Пожалуй, можно согласиться с рецензентами, что книга прежде всего символизирует очередной этап на пути авторского анализа взаимного соотношения и сопряжения ценностей личного и публичного характера, служит своеобразной формой закрепления его итогов, и вместе с тем она имеет целью обозначение ориентиров для дальнейших научно-профессиональных и личностных (жизненных) исканий. Поэтому не кажется чем-то удивительным, а только вполне естественно, что для решения поставленных задач автор, не ограничиваясь уже существующими формами подачи материала, создает и использует жанровую структуру нового типа — где-то на стыке литературно-художественного и юридико-научного стиля и определяет это вновь сформированное направление как профессионально-мемуарную юриспруденцию.

Суть и назначение профессионально-мемуарной юриспруденции состоит в том, чтобы показать противоречивый процесс познания проблем российского конституционализма на различных этапах его становления в единстве теории и практики, личного

¹ См.: Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Конституционализм как единение публичного и частного. Рецензия на книгу: Бондарь Н. С. Личное и публичное: в поиске баланса... Публикации разных лет. Ростов н/Д.: Альтаир, 2010. 674 с. // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. №11. С. 43–46.

восприятия и публичных, государственно-значимых оценок, имея в виду авторскую научно-педагогическую биографию, с одной стороны, и практическую конституционно-судебную деятельность, с другой. Соответственно, главная цель книги, какой она видится ее творцу, определяется не публицистической привлекательностью, но исторической достоверностью, а стало быть — необходимостью и желанием показать, как сам автор и его коллеги-конституционалисты понимали противоречивость развития теории и практики отечественного конституционализма с их демократическими надеждами, политическими разочарованиями, конституционными иллюзиями.

Итак, мы имеем дело со стремлением изложить уникально-специфический, глубоко индивидуальный, личностный опыт восприятия, осмысления, переживания и соучастия в сложнейшем процессе функционирования и трансформации отечественного конституционализма, но не в плане чисто биографическом, а прежде всего под углом зрения движения конституционно-правовых идей — сквозь призму конституционно-правовой аксиологии и онтологии. Поэтому и вынесенное в заглавие книги положение о балансе между личным и публичным отражает неразделяемую связь субъективно-человеческой картины мира, своей собственной индивидуальной истории и вместе с тем профессионально-юридического, конституционного подхода к реальности в ее юридически отраженном, опосредованном существовании.

В этом можно обнаружить своего рода попытку добиться так называемой актуализированной памяти, когда настоящее во всех своих точках соединяется с прошлым и оно, прошлое, входит в настоящее как актуальная данность. Припоминаемый личный опыт освоения конституционно-правовой реальности становится в этом случае отражением неких конституционно-правовых архетипов общества, что, в конечном счете, позволяет выйти на уровень такого типа понимания непрерывности конституционно-правового развития, в рамках которого конституционно-правовые идеи при-

обретают надвременное содержание и становятся частью конституционной действительности, современности, определяют идеологические основы настоящего и грядущего. Конституционно-правовая реальность начинает рассматриваться как единство прошлого, настоящего и будущего, возникает представление о внутренне связанном, непрерывном конституционно-правовом концептуальном пространстве¹.

Личностно-профессиональное осмысление и описание политико-правовых явлений всегда представляет особый интерес, поскольку делает возможным более глубокое понимание их идейно-смысловых основ, проникновение вовнутрь их морально-психологических характеристик. Впрочем, есть и более веские основания считать это важным и своевременным.

Российская наука конституционного права переживает сейчас во многом критический период, приобретает отчетливо выраженный описательно-комментаторский уклон. Налицо тенденции усиливающейся апологетики, ухода от научно-критического осмысления «резонансных» вопросов, ослабления программно-прогностических функций конституционно-правовой науки. Сегодня она, надо признать, не работает «на опережение», а все больше «догоняет». Лишь изредка встречаются новаторские, прорывные разработки, нет своего рода «драйва», но что хуже — нет устойчивых государственно организованных механизмов стимулирования инновационного развития научно-теоретических основ российского конституционализма.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена состоянием и качеством современного юридического, в особенности конституционно-правового, образования (о чем в дальнейшем еще будет сказано). Нельзя также не признать, что среди факторов, сдерживающих конституционно-правовой научный прогресс, од-

¹ Эти подходы находят свое подтверждение в поправке к Конституции РФ (ст. 67!), возводящей на высший правовой уровень правопреемство Российской государственности, основанной на тысячелетней истории России, сохраняющей память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога.

ним из существенных является фактор «поколенческого разрыва». Речь идет не столько о его внешних, возрастных формах проявления, сколько о внутренних, глубинно-сущностных моментах. Рассматриваемый с этой стороны данный разрыв выражается в первую очередь через отсутствие научно-идейной преемственности, прерывание сложившихся традиций, незнание или, что хуже, забвение либо замалчивание достижений советской конституционной (государственно-правовой) науки.

Для конституционного права как высшей юридической формы опосредования народной жизни с присущими ей характерными социокультурными особенностями роль традиции и преемственности является особенно важной. Неслучайно Конституция РФ кладет в основание конституционно-правовой системы наряду с другими такие ценности, как: сохранение исторически сложившегося государственного единства; почитание памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость; ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями (преамбула). К сожалению, однако, в российской юриспруденции сами вопросы конституционно-правовой преемственности остаются малоисследованными, им не уделяется должного внимания.

В этом плане книга вполне может рассматриваться как одна из попыток восстановления исторически-научной справедливости и воссоздания конституционно-правового научного континуитета, имеет своим смыслом «примирить» конституционное прошлое с настоящим и на этой основе сформировать прочную идейную платформу для желаемого конституционного будущего. Это тем более важно, если иметь в виду то верно подмеченное автором книги обстоятельство, что сам конституционализм — это понятие не только публично-правовое, но и нравственно-этическое.

Пожалуй, можно согласиться с рецензентами и в том, что «в книге можно проследить юридическое становление самого автора, весь сложный путь формирования, развития и обогащения его научных позиций, расширения сферы его научных интересов».

Рад буду, если с рецензентами согласятся и другие читатели в той части, что при всей сложности поднятых в книге вопросов «авторская позиция изложена доступным и понятным языком, с нескрываемой любовью к предмету исследования. В целом книга ориентирует на необходимость умелого сочетания в конституционном праве принципов прогрессизма и традиционализма, универсализации и учета специфически-национальных социокультурных особенностей. Она позволяет, по мнению рецензентов, продвинуться вперед как в освоении новых жанровых форм изложения конституционно-правового материала, так и в понимании сущности фундаментальных конституционно-правовых явлений и процессов.

Приведенные основные характеристики первого издания, хотелось бы надеяться, будут способствовать прочтению, восприятию и второго, существенно обновленного и дополненного издания.

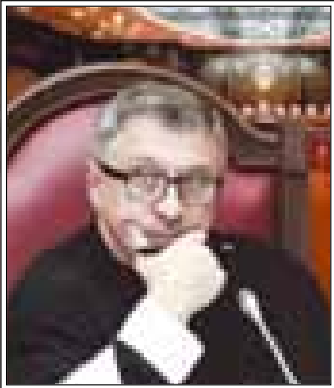




ГЛАВА I

Лично-биографичное с неизбежными вкраплениями публичного

1.1. ЛИЧНОСТЬ АВТОРА: СПРАВОЧНО-ОФИЦИАЛЬНО И НИЧЕГО БОЛЕЕ¹



Бондарь Николай Семенович, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ.

Родился 18 октября 1950 года в селе Голубовка Кременского района Ворошиловградской (ныне — Луганской) области в семье сельских учителей.

В 1968 г. окончил Кременскую среднюю школу №2 (с серебряной медалью). В том же году поступил на

¹ См.: Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=5>; официальный сайт Южного Федерального Университета. URL: <https://sfedu.ru/person/nsbondar>; официальный сайт СПбГУ. URL: http://law.spbu.ru/AboutFaculty/Teachers/TeacherDetails/bf3f3b10-51ad-45ef-8704-eb7c8040fd42.aspx?ReturnURL=%2FAboutFaculty%2FTeachers.aspx&Generic_Content=CntItem.

учебу и в 1973 г. окончил (с отличием) юридический факультет Ростовского госуниверситета (ныне — Южный федеральный университет) по специальности «правоведение». В 1973–1975 гг. — военный следователь военной прокуратуры Псковского гарнизона Ленинградского военного округа.

С 1973 по 1975 год — обучение в аспирантуре по кафедре государственного и международного права РГУ. В 1979 г. под научным руководством профессора В. А. Ржевского защитил в Ленинградском госуниверситете кандидатскую диссертацию на тему «Конституционная природа социально-экономических прав, свобод и обязанностей советских граждан», а в 1997 г. в Саратовской академии права — докторскую диссертацию на тему «Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации».

В 1987 году по его инициативе и при непосредственном участии была создана кафедра муниципального права и управления РГУ (ныне — кафедра муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ), заведующим которой является по настоящее время (по совместительству); под его руководством на кафедре впервые сформировалась учебная дисциплина «Муниципальное право». В этот же период (1998 г.) стал инициатором создания Института права и управления РГУ, директором которого являлся вплоть до назначения судьей Конституционного Суда РФ.

16 февраля 2000 г. по представлению Законодательного Собрания и Губернатора Ростовской области, а также Ростовского госуниверситета назначен Советом Федерации судьей Конституционного Суда РФ.

Работу в КС РФ неизменно совмещает с научно-преподавательской деятельностью в РГУ (ЮФУ) в качестве заведующего кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ, а с 2008 г. по настоящее время — также — профессора кафедры государственного и административного права (в настоящее время — кафедры административного и финансового права) СПбГУ.

С 1999 г. председатель Диссертационного совета по юридическим наукам в РГУ (ЮФУ), который возглавлял вплоть до прекращения деятельности Совета (2019 г.) в связи с переходом ЮФУ на новую, внутриуниверситетскую систему защиты диссертаций. В этот же период на протяжении двух сроков (2007–2012 гг.) являлся членом Экспертного совета по праву ВАК; член редколлегий 10 научных журналов.

В научном мире Н. С. Бондарь широко известен как специалист в области конституционного и муниципального права, конституционного правосудия; принимает активное участие в международных, всероссийских, региональных конференциях, симпозиумах, является инициатором и организатором ряда научно-практических конференций. Автор более 350 научных публикаций, включая монографии, учебники по конституционному, муниципальному, налоговому праву, теории и практике развития правовой государственности.

В 2018 г. стал победителем *Национальной премии по литературе в области права* за монографию «Судебный конституционализм: доктрина и практика» (М.: Норма, 2016).

Награжден *Орденом Почета* (2011 г.), *медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени* (1999 г.), *Почетной грамотой Президента РФ* за активное участие в подготовке проекта Конституции Российской Федерации и большой вклад в развитие демократических основ Российской Федерации (2013 г.), *Благодарностью Президента РФ* за большой вклад в развитие конституционного правосудия в РФ (2016 г.), ведомственными наградами (включая юбилейные медали и почетные грамоты Министерства юстиции РФ, Президиума Совета судей РФ, именное наградное оружие от имени Генерального прокурора РФ), а также Почетными грамотами Губернатора Ростовской области (2012 г.), Законодательного Собрания Ростовской области (2010 г., 2015 г.), Ростовской-на-Дону городской Думы (2010 г., 2015 г.), памятными знаками «75 лет Ростовской области» (2012 г.), «80 лет Ростовской области» (2016 г.), памятным знаком Законодательного Собрания

Ростовской области «За развитие парламентаризма» (2018 г.) и др., в ряду которых также награды общественных формирований (например, орден Всевеликого войска Донского «За веру, Дон и Отечество», 2003 г.).

1.2. НИКОГДА НЕ ГОВОРИ ШКОЛЕ «ПРОЩАЙ!»¹

С каждым прожитым десятилетием начинаешь по-особому трепетно относиться к своему далекому прошлому; к событиям, фактам, людям, которые когда-то яркой кометой пронесли по небосклону твоей судьбы, оставив неизгладимый след в памяти. Именно поэтому я с неподдельным интересом воспринял поступившее несколько лет назад из моей родной школы предложение ответить на некоторые вопросы, касающиеся, прежде всего, школьной и последовавшей за ней (как закономерное следствие) взрослой жизни.

И хотя для меня еще не пришло время всерьез обратиться к написанию мемуаров, но, как бы там ни было, воспоминания о детстве, школьных годах, отчем доме, пожалуй, сродни написанию первых (надеюсь, только первых) строк Эпилога моей жизни. Ведь не секрет, что с возрастом мы все чаще обращаемся к истокам своей жизни — к родословной, школе с ее первыми учителями, к узким тропинкам, ведущим к «малой родине», к отчему дому...

Об этом, кстати, немало написал отец, в том числе в своих стихах. Позволю себе использовать в своих воспоминаниях хотя бы некоторые выдержки из его поэзии, имея в виду, что он писал о жизни с ее «босоногим дитинством», которую во многом я тоже повторил, о тех местах и людях, которые для меня тоже являются частичкой «родины», «рідного краю», «малої Батьківщини»... Одно из стихотворений отца так и называется — «Рідний дім».

¹ Настоящий материал был подготовлен в 2012 году для музея Кременской средней школы (Луганская область) на основе предварительно сформулированных вопросов как к школьному питомцу, выпускнику 1968 года.

←↔→ КРАЙ СЧАСТЛИВОГО БОСОНОГО ДЕТСТВА ↔→



Серед степу широкого, на Україні милій...



В то время все было в радость... (1954 г.)

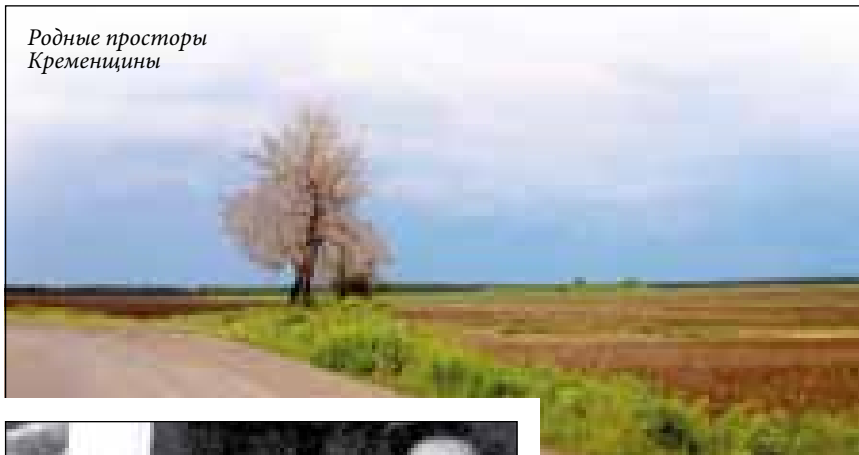


Брат и сестра. С молоком матери впитали потребность друг в друге, 1956 г.



*Первый велосипед!
(1958 г.)*

←↔→ КРАЙ СЧАСТЛИВОГО БОСОНОГО ДЕТСТВА ↔→



*Родные просторы
Кременщины*



*Сестра-первоклассница!
(1956 г.)*

*В рваной обуви,
но такое счастье,
когда рядом мама... (1957 г.)*



Конечно, у каждого из нас есть свой «рідний дім», своя *Школа Жизни*, как и свои пути-дороги, возвращающие нас в страну Детства. Но всегда, для всех есть и нечто общее. Это — постоянное, непрерывное, независимо от того, где проживаешь и чем занимаешься, *духовное состояние*, энергетическая связь с родившей и взрастившей тебя землей, в которой теперь уже нашли вечный покой твои предки, с твоей «родиной» (в русском языке к этому слову ближе всего — «родословная», правда, оно имеет и несколько иной смысл, хотя корень у них единый, наш, славянский).

Но как бы ни хотелось окунуться в давнее безоблачное (как оно теперь представляется) детство, прежде всего о *моей Школе*.

Родился, крестился в Голубовке и первые школьные годы — там же.

Голубівка, моя Голубівка.
Босоноге дитинство моє.
Мого роду щаслива домівка,
Хай Господь тобі щастя дає.

С. Бондарь «Моя Голубівка»

Моя первая попытка пойти в первый класс (в Голубовскую среднюю школу) оказалась ... неудачной. Все было достаточно прозаично, хотя для меня, на тот момент, до слез обидно. Мои родители были сельскими учителями: отец Семен Егорович — преподаватель немецкого языка в Голубовке, а мать Валентина Романовна — на тот момент (1957 г.) учитель начальных классов в соседнем с Голубовкой селе Скарговка (по бездорожью, в дождь и снег ходила пешком 3 км туда и столько же обратно ежедневно с кипой учебных тетрадей, которые надо было успеть проверить ночью). Учтывая, что первый класс оказался некомплектным, моего отца убедил легендарный директор школы Воронцов П. И. несколько раньше, до исполнения мне 7 лет, пойти в школу. Я с удовольствием отправился, но радость моя была преждевременной. Вернувшись поздно вечером с работы, мама в ответ на мои восторги по поводу посещения школы, сказала: «Хорошо, сын, что сходил. Но

в этом году больше не пойдешь». Мотивировала тем, что мал ростом, надо подрасти, да и раньше семи лет тогда не очень принято было идти в школу. Вот так и получилось, что пришлось еще один год ждать, чтоб стать полноправным первоклассником Голубовской средней школы. Так что в моей жизни были два «первых сентября» первого класса!

В промежутке между учебой в Голубовской и Кременской школами было еще одно школьное «вкрапление»: трехлетнее проживание (по различным семейным обстоятельствам) в селе Верхняя Покровка Старобельского района той же Луганской области. Пожалуй, главное и самое острое воспоминание, связанное с данным периодом, это то обстоятельство, что в третьем классе, на протяжении года, учила меня... моя собственная мама. Это были уникальные, неповторимые уроки жизни, которые она мне преподавала! Как пример: вопрос о школьных оценках, отношении к учебе. Так получалось, что, получая «пятерки» в школе, я тем не менее ни в чем не отставал от друзей по улице, гонял до ночи футбол и т. д. И когда родители вечером приходили с работы, допоздна они меня не видели, а потом уже было не до занятий... Поэтому мама, как школьный учитель, избрала свой «педагогический» метод воздействия. Одним из первых вызывала на следующий день к доске, спрашивала иногда даже то, что еще не успели пройти по программе обучения. Но я отвечал, как правило, на все вопросы, а получал за это... только «четверки». И однажды прямо на уроке, не сдержав обиду, громко, в сердцах заявил, что меня даже одноклассники спрашивают, родная ли она мне мать, коль скоро так «несправедливо» относится ко мне. Промолчав в классе, уже дома на это ответила; «Вырастешь, поймешь цену моих школьных «четверок», сынок». И я действительно вскоре понял (как припоминаю, раньше, чем вырос) значение этого и других материнских уроков,

В этом плане весьма интересным также оказалось начало моей учебы в Кременской средней школе №2 (в миру ее называли «красной»), куда я пришел в 8-й класс (1965 год). В это время

отец уже работал в Кременском медучилище, мать — в Кременской школе №4. Первого сентября в силу занятости они не имели возможности проводить меня в новую для меня школу. Сегодня в это, пожалуй, трудно поверить, но я сам с документами на руках, полученными в Голубовской школе, постучавшись (как сейчас помню), зашел в кабинет к директору школы Калмыкову Евгению Елисеевичу (как потом я убедился, это был удивительно душевный человек, прекрасный педагог). Первый его вопрос был, где живу, из какой семьи (естественно, ни о каких предварительных звонках для «решения» таких вопросов тогда не могло быть и речи). Первый конфуз возник, когда я не смог назвать точный адрес жительства (его-то фактически и не было — на ул. Пролетарской родители временно снимали комнату). А дальше — еще интереснее: выписка об окончании семи классов из Голубовки рябила одними пятерками, но документ оказался... без школьной печати. Директор, как я сразу понял, в шутку «обвинил» меня в том, что это я, вероятно, сам себе наставил пятерок. А потом спросил, не побоюсь ли учиться в самом сильном, 8-Б классе. Я набрался смелости (если не наглости) ответить, что не побоюсь. И директор сам лично (!) повел меня в 8-Б (на второй этаж, где сейчас кабинет правоведения). В это время уже шли занятия первого урока. Как же педагогически тонко представил меня директор классу! Сказал, что вы, ученики 8-Б, считаете себя лучшими, а вот теперь посмотрим, как будете смотреться на фоне нового отличника. Это при том, что меня вроде бы и «не очень признал» полноценным отличником. В то же время не только у меня, а и у класса, его отличников, задел струну самолюбия, здорового честолюбия, а отчасти, вероятно, и конкуренции.

Все так и получилось, как, вероятно, предполагал директор, опытный педагог. В классе увеличилось количество отличников, хотя мне пришлось для этого попотеть (все-таки между сельской и городской школами всегда были и остаются определенные различия в условиях обучения и уровне знаний). В конечном же счете, из четырех параллельных выпускных классов только в 10 «б»

образца 1968 г. были медалисты. Я, правда, получил не золотую, а серебряную медаль, имел единственную «четверку»: по иронии судьбы, как будущий гражданин России — заработал ее по русскому языку. Одноклассники, правда, до сих пор считают, что эта оценка стала следствием моего капитанства в школьной команде КВН, где в качестве одного из номеров была продемонстрирована не самая доброжелательная реприза, в качестве «героя» которой узнала себя преподаватель русского языка. Но, справедливости ради, я никогда не связывал «четверку» по русскому языку со своими «достижениями» по линии КВН.

Весьма значимым школьным событием стало для меня, пришедшего из другой школы («со своим уставом в чужой монастырь»), избрание к концу того же учебного года, в 8-м классе, секретарем комитета комсомола школы. Им оставался (переизбирался) до конца учебы в школе. Что бы ни говорили и не писали в последующем (в так называемые новые времена) о комсомоле, всегда считал и сегодня так считаю: это была особая, яркая, насыщенная многими важными событиями страница школьной жизни. Возможно, одна из самых ярких, в какой-то мере предопределившая и последующие профессиональные интересы. Руководство комсомольской организацией (с количеством ее членов более 100 человек) — это и бурные комсомольские собрания, и регулярные, порой затягивавшиеся в силу остроты вопросов до позднего вечера, заседания комитета комсомола, и празднование памятных государственных дат, и уже упомянутые, невероятно интересные (зарождавшиеся как раз в это время) встречи КВН в недавно построенном на тот момент Дворце культуры на пл. Красная, и самые различные олимпиады (вспоминаю, что директор школы считал, что я, поступив на юрфак, погубил в себе математика, химика или физика, так как по всем этим предметам участвовал в областных олимпиадах), и спортивные соревнования, особенно футбол и т. д. и т. п. Одним словом, никто меня не убедит, что, по крайней мере, на низовом уровне комсомол был некой бюрократической организацией.

Принимали же меня в комсомол как ученика 7 класса Голубовской СШ в Кременском райкоме комсомола, который располагался на пл. Красная в здании, которое теперь занимает музыкальная школа. Помню, это было по-настоящему волнительное и праздничное событие, а предшествовала ему активная подготовка, что отнюдь не считалось зазорным, как теперь порой представляется некоторыми «непримиримыми» критиками всего того, что было связано с нашей общей Родиной. Как к реликвиям школьной жизни отношусь к комсомольскому билету и комсомольскому значку, которые бережно сохранила в период безвременья сестра и в последующем, несколько лет назад, передала их мне. Кстати, и в студенческие годы продолжал заниматься комсомольской работой на юридическом факультете РГУ в качестве комсорга.

Вступлению же в комсомол предшествовало *членство в пионерской организации*: в Голубовке, как и в Кременской СШ №2, пионерская организация носила имя Олега Кошевого. Но, пожалуй, вряд ли мог похвастаться тому, что был примерным октябренок и образцовым пионером: хотя учился на отлично, практически все свободное время посвящал спорту, особенно футболу, волейболу, настольному теннису, а зимой — лыжам, хоккею. Одним словом, был как все, с различными последствиями, в том числе разбирательствами в школе. А уже в Кременной (все-таки город!), в старших классах, особенно с избранием секретарем комитета комсомола, «пришлось» не только в учебе, но и в общественной жизни «стать образцовым».

Наконец, еще несколько слов совсем уже о личном (в рамках поставленных вопросов). Уместно будет отметить, что не только знания и, в последующем, профессиональные ориентиры, но и семейная жизнь своими истоками имела — в буквальном смысле — нашу «красную» школу. Речь идет о том, что в том же 8-Б (о котором писал выше), была ученица Каменева Ольга, член комитета комсомола и в этом смысле — моя «подчиненная», которая всегда была в центре внимания всей юношеской части шко-

лы; сегодня Ольга Ивановна — уже пятый десяток лет — носит мою фамилию. Самым большим достижением нашей совместной жизни являются прекрасные дети Андрей и Оксана, давно нашедшие себя в личной и профессиональной жизни: юристы, кандидаты юридических наук; Андрей Николаевич — до недавнего времени — зам. Председателя Московского арбитражного суда, в настоящее время — Председатель первого арбитражного апелляционного суда; Оксана Николаевна — уважаемый нотариус Ростовской нотариальной палаты.

Можно было бы коснуться многих других воспоминаний, связанных с незабываемой школьной жизнью. Но и без того пространными получились эти, отдельные зарисовки. Может, один из важных уроков заключен в известных словах школьной песни: «Для нас всегда открыта в школе дверь, прощаться с ней не надо торопиться». Поэтому и сегодня мне все чаще — и чем дальше, тем чаще — хочется сказать: «Здравствуй, моя школа!».

◆◆◆

*Post
Scriptum
2020*

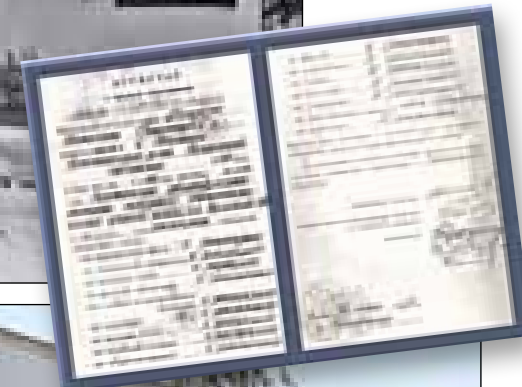
В порядке *post scriptum* — лаконичные, но необходимые пояснения и дополнения к материалу, подготовленному 8 лет назад. Главное дополнение связано с тем, что произошло за это время (после 2014 г.) на Украине. Мое отношение к Украине и ее народу, к «малой Родине», конечно, не изменилось и никогда не изменится. Но, к сожалению, коренным образом изменилась ситуация на самой Украине, куда теперь, после марта 2014 г., не могу приехать, посетить родную школу, могилы своих родителей, других предков, родственников, школьных друзей... (К этой, крайне болезненной, теме еще придется вернуться на других страницах воспоминаний). Сложно писать сегодня и о Конституционном Суде Украины, его судьях, со многими из которых, включая председателей разных периодов, были хорошие, в каких-то случаях — дружеские отношения («бывших» председателей КСУ, кстати, немало, учитывая, что в соответствии с украинским законодательством председателем КСУ судья может быть

избран своими коллегами лишь на один, трехлетний, срок; вряд ли можно сомневаться, что это важная, во многом уникальная, гарантия того, что председатель КС — действительно «первый среди равных»). Вероятно, особые испытания выпали на тех судей и председателей, которые осуществляли свои полномочия в самый сложный период истории Украины, связанный с майским переворотом 2014 г. (по-другому не могу оценивать эти события). Здесь хочу вспомнить прежде всего Анатолия Сергеевича Головина; не считая уместным вдаваться в политические оценки событий, связанных в том числе с лишением его полномочий как судьи КСУ, не могу не отметить, что по состоянию на сегодняшний день наши теплые отношения не только сохранились, пройдя испытания суровым временем, но и укрепились, что очень ценю. То же самое касается и отношений с Натальей Константиновной Шапталой, которая была Председателем КСУ непродолжительное, но по-своему в очень сложное, ответственное время (май-сентябрь 2019 г.), связанное в частности с приходом к власти на Украине нового президента, похоже, «успешно» продолжившего старую политику. Теплые воспоминания сохранились о добрых отношениях, приятных встречах как в Киеве, так и в Москве с бывшим Председателем КСУ Ю. В. Баулиным, который, кстати, был избран на этот пост в марте 2014 года... Но, пожалуй, первым из состава КСУ, с кем у меня давно-давно (в конце 1980-х — начале 1990-х годов!) сложились дружеские отношения, был В. М. Кампо. Вспоминаю судей КСУ в отставке В. Д., Бринцева, С. П. Удовиченко, Полномочного Представителя Президента в КСУ Селиванова А. С. и др. О всех них, бывших и нынешних судьях КСУ высказываюсь исключительно в личном плане, но ни в коей мере не считаю возможным касаться политических моментов.

Можно было бы дать дополнительные комментарии и в связи с другими обстоятельствами с учетом пройденного времени. Но, надеюсь, в том числе содержание последующих глав в какой-то мере будет способствовать преодолению неизбежных для таких ситуаций пробелов, недосказанности.



В первый класс,
Голубовка,
1958 г.



Новое здание
Голубовской школы
и ее ученики,
2010 г.



В Голубовской школе,
на творческой встрече памяти
С. Е. Бондаря, 2008 г.



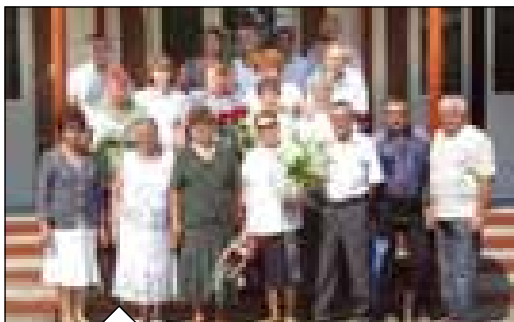
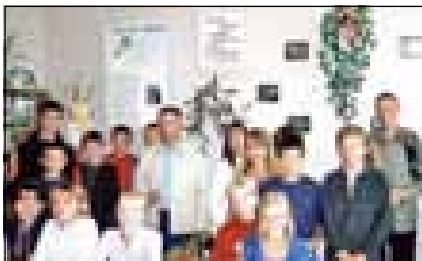
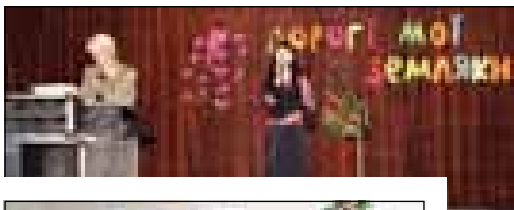
Школа вновь
ласково запрошует, 2010 г.



Встреча с директором Голубовской школы, 2010 г.



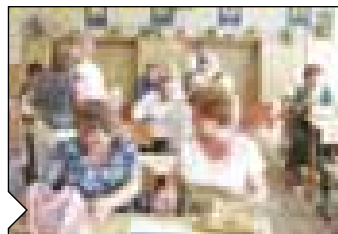
В музее Голубовской школы, 2008 г.



Одноклассники 10 «Б» Кременской школы. Спустя 40 лет вновь в своем классе, 2008 г.



Каменева (в девичестве) Ольга Ивановна



1.3. У ПОДНОЖИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОЛИМПА: ВЫБОР ПРОФЕССИИ, ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ¹

В соответствии с древнегреческой мифологией Олимп считается священной горой, местом пребывания богов. В связи с этим греческих богов часто называют «олимпийцами». Таким Олимпом (юридическим) является, в моем представлении, Конституционный Суд, хотя судей не склонен отождествлять с богами². Но восхождению на юридический Олимп предшествовал длительный «подготовительный период», главный смысл которого — постижение теоретических и практических начал профессии юриста. В этом плане у подножия юридического Олимпа были поступление и обучение на юридическом факультете РГУ, первые шаги вхождения в практическую деятельность юриста. Для меня это была весьма интересная — благодарю Бога, что она случилась в моей профессиональной биографии — служба в военной прокуратуре в качестве военного следователя сразу после окончания юрфака (о чем подробнее еще скажу).

¹ Кроме авторских работ, использовано также интервью проф. Краковскому К. П., которое опубликовано в его прекрасной книге, посвященной истории факультета (См.: Краковский К. П. Нить времени. История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского-Южного федерального университета. 1915–2015. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 189–194).

² Интересную мысль высказал в свое время, при обсуждении моей монографии «Судебный конституционализм» в Санкт-Петербургском государственном университете, мой коллега, давний хороший товарищ и блестящий ученый Гадис Абдуллаевич Гаджиев, сравнив судей КС РФ с пророками, которые, по его словам «несут народу некие сакральные юридические знания». При этом, как считает Г. А. Гаджиев, «наиболее известные пророки, они же и глубочайшие мыслители, этики Божьей милостью, юристы-конституционалисты — и Иисус Христос, и Моисей, и Мухаммед. Это в какой-то степени конституционалисты» (См.: Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: стенограмма круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. №3. С. 1–29). Это весьма смелые и ответственные по своей сути сравнения. Не вдаваясь в их анализ, нельзя не признать, что в этом что-то есть.

Но вначале, далеко на подступах к подножию Олимпа был выбор профессии, поступление на юридический факультет и дальше — счастливые, но достаточно напряженные студенческие годы учебы.



С годами поистине сакральное, таинственное значение приобретают те события и обстоятельства, которые повлияли на выбор профессии, на поступление именно в свой вуз, и на выбор, в конечном счете, последующей профессиональной жизни. У каждого есть свои обстоятельства, свои жизненные примеры конкретных людей, повлиявшие не только на выбор профессии, но — в буквальном смысле — и на судьбу.

У меня, на первый взгляд, не во всем логичным был путь в юридическую профессию. Во-первых, в школе (которую закончил в Луганской области с серебряной медалью), наряду с активным занятием спортом и мечтой играть в луганской футбольной команде «Заря», одной из лучших по тем временам в СССР (в 1972 г. стала чемпионом СССР!), успешно выступал на областных олимпиадах по физике, химии, математике, и немало удивил своих учителей выбором юридического факультета¹. Во-вторых, мои родители —

¹ Возможно, неравнодушным отношением к математике в какой-то мере объясняется и то обстоятельство, что, в частности, в ростовский период жизни дружеские отношения, включая занятие спортом, пожалуй, не в меньшей мере, чем с юристами, были у меня и с математиками. Особое место занимал в этом плане наш неформальный футбольный клуб, а если быть более точным, их было два. Один из них — получил в последующем название «Профессорский клуб», так как в нем играли большей частью профессора РГУ; руководителем и вдохновителем этого Клуба был (и остается!) мой хороший товарищ, последовательный «ждановец», профессор Ю. Г. Волков. Но значительно больше, на протяжении двух десятков лет, я играл в другом Клубе, большинство которого составляли математики. Играли мы по воскресеньям на левом берегу Дона (знаменитый Левбердон) круглогодично, в любую (!) погоду, с последующим, едва ли не круглогодичным купанием в Дону и т. д. (что имеется в виду под «и т. д.», не буду расшифровывать). В этом Клубе я был единственным юристом. Случайных людей у нас там не было. Помню, с согласия членов Клуба пригласил как-то на игру одного из своих коллег; после первой же игры мне ненавязчиво посоветовали самому приходить, без коллеги...

>>

сельские учителя, а деды-прадеды и по отцовской, и по материнской линиям — простые крестьяне Новороссии; никаких юридических «корней» в родословной, таким образом, не было. Впрочем, это не

>> Дело было, конечно, не в спортивном мастерстве; весь секрет в том, что футбол — игра, где не просто проявляется характер человека, но обнажается сама натура, скрытые черты человека. На футбольном поле нельзя «казаться», там ты такой, какой есть по жизни. При этом звания и должности не имели никакого значения — будь ты ректор (а их вышло из Клуба трое, в том числе, к сожалению, покойный ректор РГУ А. В. Белоконь, ректор РИЖТа Ю. А. Устинов) или молодой аспирант. Именно аспирантом я начинал играть в этом Клубе со своим близким другом-математиком В. Г. Сафроненко, в последующем ставшим заместителем директора НИИ механики и прикладной математики ЮФУ (он, кстати, был одним из самых техничных футболистов и не случайно в наших кругах носил высокое звание «великий Сафрон», а моя многолетняя дружба с ним продолжается и сегодня). Кстати, в качестве студента в Клубе начинал играть и мой сын Андрей (которого в отличие от коллеги сразу приняли как своего). Благодаря значительно более старшим товарищам (особенно имею в виду одного из профессоров-математиков) он успешно расширял на футбольном поле в том числе и познания в области живого русского языка (известно ведь, во время игры нередко проявляется острый дефицит убедительных слов для выражения эмоций, объяснения ситуации и т. д.). Поначалу это очень смущало Андрея, но затем уяснил, что на футбольном поле нет профессоров и студентов, здесь всех выравнивает выигрыш (победа) или проигрыш (поражение). Эта закономерность проявляется, кстати, не только на футбольном поле...

Что же касается пристрастия к футболу, то удалось сохранить это качество и на последующий период жизни. По крайней мере, горжусь, что какое-то время в Москве посчастливилось поиграть в сборной команде «Судьи России», в том числе в международных матчах, а также с известной командой звезд эстрады «Старко» и др. Но самым «выдающимся» своим достижением в футболе считаю игру в Париже в 1994 году. В то время я был там на международном (трехнедельном) семинаре по правам человека, и мы, участники семинара, представители 38 стран, в выходной день решили организовать футбольную встречу между «сборными» командами Старого света (Европой) и Африкой. До начала игры, во время тренировок, африканские коллеги заметили, что европейцы имеют состав команды посильнее. Чтоб выровнять силы, они попросили меня перейти к ним, в африканскую команду. Я вынужден был принять их предложение, но при этом выдвинул свое встречное условие, которое они тоже приняли: быть в таком случае их капитаном. В этом качестве, капитана сборной Африки (!), я и сыграл тот матч, причем мы, «африканцы», убедительно победили со счетом 6:3! Как можно не гордиться таким спортивным «достижением»?!

совсем так. Был один несостоявшийся юрист, мой дядя, родной брат отца — Иван Егорович Бондарь. Это был человек, обладавший яркими природными талантами. В 17 лет, мальчишкой, сбежал на фронт, вернулся с войны офицером и с осколком на всю оставшуюся недолгую жизнь. После войны поступил в Харьковский юридический институт, но в силу личных жизненных обстоятельств не смог закончить. Никогда не забуду, как я, совсем юный подросток, часами слушал его рассказы, получал ценнейшие уроки жизни; именно его духовное влияние стало для меня определяющим при выборе профессии. Тогда и решил для себя стать юристом.

Думаю, на выбор мною юридической профессии в последнюю очередь повлияла также комсомольская работа в школе. Это получило свое подтверждение и в том, что в университете также с первого курса продолжил заниматься ею. В дальнейшем же, могу отметить, имел и такое заметное «достижение» как избрание секретарем партийного бюро юридического факультета РГУ в бытность мою еще аспирантом, т. е. оказался, пожалуй, самым молодым секретарем партбюро за всю историю факультета.. По тем временам вес секретаря партбюро был значителен, фактически это был второй человек на факультете после декана. И сегодня, спустя десятилетия, я искренне считаю, что ни комсомол, ни партию я никогда не предавал (и комсомольский, и партийный билеты сохранил). А вот партия меня подвела, подвела страну, пережившую колоссальную геополитическую трагедию. Впрочем, это отдельная тема.

Что же касается поступления на юридический факультет, то здесь надо учитывать, что ближайшими от места жительства (г. Кременная Луганской области) были два вуза — Харьковский юридический институт и Ростовский госуниверситет¹. В Харьковский (который территориально немного ближе) для поступления нужен был производственный стаж. Поэтому поехал поступать

¹ Во имя исторической справедливости и точности изложения фактов биографии следует вспомнить и тот факт, что у отца возникла идея, не поступать ли на юрфак Минского госуниверситета. И он даже съездил туда летом 1968 г.! Но приехал с убеждением, что надо все-таки выбирать между Харьковом и Ростовом-на-Дону.

в Ростов-на-Дону, признаюсь, не имея особого представления об РГУ, но помню, что, пожалуй, главным брендом РГУ (говоря современным языком) уже тогда был, в том числе далеко за пределами Ростова, ректор Ю. А. Жданов.

Хорошо помню вступительный экзамен по отечественной истории, когда отвечал с явным украинским акцентом на вопрос о событиях лета 1917 г. Приятно удивил строгих экзаменаторов ответом на их дополнительные вопросы, в том числе, с какими современными (на тот период) событиями можно сравнить «корниловский мятеж» 1917 г. Ответил не по-книжному и, вероятно, не в последнюю очередь за это получил пятерку. А когда экзаменаторам сказал в ответ на их поздравление, что поздравлять можно не только со сдачей экзамена, но и с поступлением в университет, они немало удивились: как это я раньше, в том числе, когда они обсуждали, что ставить — «4» или «5», хотя бы не намекнул, что медаль и что «нужна» была «пятерка», ведь с таким же успехом могли поставить и «четверку»! Думаю, не только я тогда представления не имел, как это можно было «намекнуть», «попросить» экзаменаторов на вступительном экзамене! Остается только сравнивать прошлые и нынешние времена и нравы...

Что касается вхождения в юриспруденцию. На всю жизнь запомнил первое для меня выступление легендарного (в этом нет никакого преувеличения!) ректора РГУ Ю. А. Жданова перед нами, первокурсниками университета. Надо было знать интонацию, чувствовать эмоциональную окраску речи этого выдающегося представителя университетской науки и образования в их единстве с культурой (в этом — ждановское понимание предназначения университета как носителя культуры), чтобы оценить очень «простую» мысль, которую он тогда высказал: «Не особенно радуйтесь тому, что вы поступили в университет, — загадочно, лукаво улыбнувшись, сказал он, обращаясь к нам, первокурсникам. — Дело в том, что университет не готовит никого конкретно, не готовит узких специалистов. Но, не готовя «никого конкретно», — продолжил Юрий Андреевич, — университет готовит специалистов,

которые нужны везде». Это и есть гениально простая, ждановская формула национального университетского, в том числе юридического, образования, которое по определению должно быть не узко-профессиональным, а фундаментальным. Этому пониманию я верен и сегодня, несмотря на все те реформаторские шараханья, космополитические иллюзии Болонского процесса, что, боюсь, может привести к пересмотру философско-мировоззренческих основ национальной системы юридического образования, к примитивизации под предлогом усиления специализации, к снижению его уровня — как по направлению бакалавриата, так и магистратуры (в соотношении со «старым добрым» специалитетом).

Но это лишь попутно о наболевшем. Возвращаясь же к первым шагам студенческой жизни, не могу не вспомнить, что, как оказалось, с поступлением на юрфак мой профессиональный выбор еще не был окончательным.

Не стыжусь вспоминать, что на первом курсе оказался под магическим влиянием политической экономии как дисциплины, органически сочетающей, в моем представлении, гуманитарные и математические начала (математика какое-то время не отпускала меня). Если же учесть, что преподаватель политэкономии И. А. Крохина почему-то рассмотрела во мне будущего светила экономической науки и настоятельно советовала перейти на экономический факультет, не устоял перед таким соблазном: согласовав соответствующие вопросы в деканате экономфака, летом после 1-го курса стал готовиться к сдаче разницы в предметах для перехода на экономфак, погрузился в высшую математику. Но, слава Богу, вовремя одумался и остался на юрфаке. Впрочем, и по сегодняшний день сохранил особое отношение к математике, считаю, что для юриста — это очень важная сфера знаний. Уверен, только обладая хотя бы элементарными навыками математической логики, и законодатель, и правоприменитель получают надежную методологию следования логике, заложенной в содержании и форме, системе права. Алгоритм правопонимания сродни математическим алгоритмам, а нормы права — это, по сути, математически выве-

ренные модели человеческих отношений. Не случайной является в этом плане формула: «Право — математика свободы». Как говорится, ни убавить, ни прибавить.

С высоты времени, в том числе собственного опыта преподавательской работы, непросто говорить о преподавателях юридического факультета, которые произвели самое сильное впечатление. Но, перечитав собственные воспоминания 10-летней давности, не считаю необходимым вносить существенные коррективы (в отличие от известного политика и дипломата Ш. де Талейрана, не считаю необходимым «бояться первого движения души, так как оно бывает самым искренним»). Своих университетских Учителей я представил в свое время сквозь призму типологии лекторов, имея в виду, естественно, свое студенческое впечатление того периода. Заранее приношу извинение, что не всех удалось вспомнить, поместить в эту галерею, хотя в нашей памяти, студентов того периода, каждый из них, безусловно, занимает свое важное место, хотя, конечно, с учетом личных восприятий (здесь я несколько не боюсь «разойтись» в оценках того или иного преподавателя с другими выпускниками, в том числе моими однокашниками).

Первое и очень сильное впечатление оставил читавший теорию государства и права профессор И. Ф. Рябко, видный ученый, замечательный лектор и незаурядная личность. У Ивана Федоровича были лекции-размышления, он как бы мыслил вслух и вовлекал студентов в этот мыслительный процесс. Мое твердое убеждение, что это был блестящий ум, интеллектуальная глыба; думаю, что даже при всех его значительных научных достижениях он реализовал свой потенциал, талант ученого процентов на 25. Возможно, он был недостаточно честолюбив и одновременно — очень щедр в научном плане, раздавая свои многочисленные блестящие идеи, а некоторые «коллеги» просто их заимствовали, не потрудившись сослаться на первоисточник (конкретный пример в этом плане связан с концепцией общих правоотношений, которая впервые была предложена проф. И. Ф. Рябко в далеком 1958 г., о чем, к сожалению, почти никто не помнит, в том числе и потому, что

Рябко этому посвятил единственную статью в «Ученых записках РГУ», а «приватизировавшие» это научное открытие — уверен, что эта идея имеет значение правового открытия — написали книги, монографии, «забыв» сослаться на первоисточник). Если же говорить о каких-то других, очень личных воспоминаниях, то разве можно забыть, что в свое время именно проф. Рябко научил меня (горжусь этим!) правильно... есть донских раков?! Естественно, это было уже позже, не в студенческий период...

Александр Анатольевич Пушкаренко, читавший историю государства и права СССР, представлял собой строгий классический (!) тип лектора-педагога. Его лекции, часто казавшиеся экспромтом (он никогда не читал «с листа»), я по сей день считаю академической классикой. Он не только учил, но воспитывал студентов своим не просто уважительным, но почтительным отношением к студентам и, конечно, замечательными лекциями, ярким отточенным стилем изложения, историческими образами; всем этим он никого в аудитории не оставлял равнодушным.

А вот читавший «зарубежку» (историю государства и права зарубежных стран) К. Г. Федоров представлял совершенно иной тип лектора. неброская форма лекций, больше напоминавших простое общение со студентами очень умного, много знающего человека. Но это было не просто оперирование многочисленными фактами, датами, историческими лицами. Он очень тонко и умело давал подчас саркастические оценки современным событиям сквозь призму истории. Константина Георгиевича (студенты за глаза уважительно называли его «Костя Федоров») можно смело назвать другом студентов. Нашей группе повезло: он был нашей «классной дамой». Будучи большим поклонником и тонким знатоком классической музыки, он и нас, студентов, приобщал к прекрасному. Как-то принес патефон, пластинки, собрал нас в криминалистической лаборатории и устроил вечер классической музыки, в котором самое интересное было — наблюдать за тем, как слушал, проживал музыку К. Г. Федоров. Не удержусь от еще одного-двух воспоминаний исключительно личного характера от-

носителю этой разносторонней личности с непростой судьбой: мой сын (которому сейчас за сорок) хорошо помнит, что первый урок большого тенниса ему (где-то в 8-летнем возрасте) давал известный профессор. А позже, когда в одной неформальной ситуации мы, несколько заметно более молодых его коллег, поздравляли К. Ф. Федорова с рождением двух сыновей в новой его семье с молодой женой, он, как потом оказалось, пророчески, с философской грустью сказал: «Поздние дети — ранние сироты»... Разве можно это забыть?

Лекции моего Учителя, научного отца — Владимира Алексеевича Ржевского я бы назвал «лекции-песни», помня известную народную мудрость, что из песни слов не выбросишь. Это были абсолютно выверенные, отточенные до невероятного блеска глубокие и точные суждения, можно сказать, откровения, которые студенты просто должны были занести в тетрадь, не подвергая ни малейшему сомнению. Ни единой оговорки или запинки. А на следующем занятии — если тема лекции рассчитана на несколько часов — ее продолжение следовало не просто с той последней мысли, на которой лектора застал звонок предыдущего занятия, а буквально с той фразы, с тех слов (!), которые были произнесены в конце лекции несколько дней назад! Не случайно уже тогда студенты называли Владимира Алексеевича лектороммашиной. Знаю, что не всем это нравилось: ведь трудно было представить, чтоб «интеллектуальный аристократ» В. А. Ржевский отвлекся на не относящийся к теме вопрос, а тем более, например, рассказал в студенческой аудитории анекдот (хотя, как потом убедился, став его коллегой, он их знал немало и прекрасно рассказывал). Известный факт: конспекты лекций В. А. Ржевского передавали от одного поколения студентов другому, и в концептуальном плане они сохраняли свою ценность.

Не могу не поделиться и другим: как аспирант В. А. Ржевского — без преувеличения отмечу — прошел у него выдающуюся, в чем-то, как потом сам сделал вывод, экспериментальную научную школу (ведь я был у него первым аспирантом (!), в дальней-

шем ни к кому таких требований он не предъявлял...). В течение первого года аспирантуры я законспектировал практически все основные работы по конституционному праву, включая дореволюционные; получилось 10 общих тетрадей (объемом по 96 стр.). Когда к 20-летию создания Конституционного Суда РФ нас, судей, попросили дать какие-то памятные для нас личные предметы (вещи) для музея Конституционного Суда, я передал несколько тетрадей, в том числе с конспектами первых работ о конституционном правосудии, опубликованных в СССР (их и сейчас можно увидеть в этом музее).

Не менее важными (и весьма памятными!) являются также планы материалов к коллоквиумам, которые я готовил по заданию В. А. Ржевского в порядке подготовки к сдаче кандидатского экзамена по конституционному праву. Это была, своего рода, квинтэссенция научных теорий по каждому разделу конституционного права (в форме развернутого плана). Очень непросто было их готовить, но их значение, как потом оказалось, трудно переоценить; в этом плане с ними связана особая история, которой не могу не поделиться.

В далеком 1976 г. В. А. Ржевский, который был в то время деканом юридического факультета РГУ, сообщил мне, что он, к сожалению, не сможет поехать в Орджоникидзе (ныне — Владикавказ) для чтения «вахтовым» методом на молодом по тем временам юридическом факультете университета Северной Осетии курса конституционного права. Из этого вытекало, по мнению моего учителя, что послезавтра ехать должен я. Я попытался робко возразить, имея в виду в качестве главного аргумента, что, являясь аспирантом второго года обучения (его самого начала, это был сентябрь 1976 г.), не имею ни текстов лекций, ни элементарной практики их чтения в студенческой аудитории. На это последовал решительный ответ: «Вот и проверите себя, — (в таких случаях В. А. переходил на «Вы», чтоб подчеркнуть недопустимость каких-либо возражений). — Не утонете — значит, будет толк. А не получится — будем думать, как быть дальше». Вся эта история закончилась тем,

что я впервые в жизни (!) вычитал курс конституционного права (по 4 часа в день) в течение двух недель! И это стало возможным благодаря полученной аспирантской подготовке и тому, что у меня были планы-конспекты коллоквиумов. А по итогам чтения курса я провел в экспромтном варианте своеобразное анкетирование студентов, так как интересно было знать их мнение о первом лекторском опыте. До сих пор храню эти ответы: практически все студенты пожелали подписать свои ответы (не отвечать анонимно); при этом только в одной анкете содержалось замечание (кстати, весьма уместное), а один из текстов был написан... в стихотворной форме... каллиграфическим девичьим почерком (тоже — не был анонимным). Были и другие, весьма глубокие, интересные в том числе с точки зрения пожеланий на будущее и, что скрывать (?), лестные отзывы. Чего стоит, например, такой, (цитирую): «Вы очень отзывчивый человек, будет хорошо, если Вы и в дальнейшем останетесь таким. И чтобы годами выработанная строгость была доброй». Это написала студентка Бациева Изета, так она подписалась.. Хотелось бы процитировать и другие отзывы, но, пожалуй, все это будет выглядеть нескромно... Что же касается полученного от В. А. Ржевского задания, были все основания считать, что «не утонул» и не подвел Учителя, о чем он узнал раньше, чем я вернулся в Ростов. Это было не только боевое крещение, а в буквальном смысле экстремальная форма рождения преподавателя (кто был повивальной бабкой при этих родах, не приходится сомневаться). Кстати, студенты соответствующего потока юридического факультета тоже помнят эти события, о чем делился со мной несколько лет назад выпускник этого курса Северо-Осетинского университета, ныне доктор юридических наук, профессор МГЮА.

Несколько эгоистично поступил, что столько места занял воспоминаниями, связанными с В. А. Ржевским. Но было, конечно, немало и других (наряду с упомянутыми) прекрасных преподавателей, блестящих лекторов; в том числе таких, в которых нельзя было не влюбиться независимо от того, какую оценку они ставили на экзамене. Не знаю, чего у студентов было больше: любования

или слушания, когда лекции читали, например, Елена Михайловна Акопова или Ирина Севостьяновна Вишневецкая, бесспорно, две звезды факультета (и не только факультета). Не могу не назвать блестящего лектора-цивилиста, который, вероятно, особенно нравился женской аудитории, Станислава Ивановича Дудникова, оригинального, глубокого человека В. Г. Беляева, молодого красавца, любимца женской части студентов (не только в те далекие времена) В. Т. Гайкова...

Много, конечно, и других воспоминаний. Ведь студенческая жизнь не заканчивалась лекционной аудиторией... Возможно, нескромным покажется признание, но, каюсь, увлеченность исследовательской работой проявилась, пожалуй, уже на первом курсе (первую курсовую писал у проф. Рябко (который считал, что главное назначение научного руководителя — не мешать студенту, как и аспиранту, самостоятельно работать), а со второго курса — у В. А. Ржевского). Не стеснялся едва ли не ежедневно (а то и 2 раза в день — до и после занятий) заходить в научную библиотеку, задерживался там допоздна. Работал в НОКе государственного права, делал доклады, выступал на конференциях, и не только в Ростове. Даже победил на каком-то всесоюзном конкурсе.

С научным руководителем В. А. Ржевским «вышел» на проблему конституционных прав граждан, которой во многом остаюсь верен до сих пор; тем более что это подкрепляется нынешними профессиональными интересами: ведь основным направлением деятельности КС РФ является именно защита прав граждан (это не декларация, а реальность). Считаю весьма значимым — в плане проблематики по правам человека — и то обстоятельство, что именно моя кафедра в свое время одной из первых в стране (тогда СССР) ввела спецкурс «Права человека», который читается поныне и заканчивается ежегодными студенческими конференциями по правам человека (этой традиции — уже более 30 лет!). Научные «уроки Ржевского» продолжаю со своими учениками, диссертантами (отчего они, вероятно, бывают порой не в восторге; впрочем, никто из них пока (?) мне так и не представил не только

10, но хотя бы 2–3 общие тетради конспектов). Вообще-то в «наше время» студенческая наука была делом более престижным и находилась на весьма приличном уровне. Поверьте, это не брюзжание «отца» в отношении «детей», а, как говорится, «медицинский факт».

Из других студенческих воспоминаний, конечно, нельзя не обойтись без традиционных в тот период знаменитых поездок на Багаевский консервный завод, на сельхозработы в другие места. Но особое, трепетное воспоминание — стройотряд. Навсегда останется в памяти наш знаменитый университетский «отряд Егорова». И. В. Егоров — командир отряда, мой однокурсник (для меня не просто однокурсник, приехал с Украины, парень «от сохи», с которым подружились), был старше нас на 8 лет (безвременно ушел из жизни), имел богатый жизненный опыт; он был не просто признанным лучшим командиром, но образцом моральной чистоты, в том числе и в таком пикантном вопросе, как распределение заработанных немалых по студенческим меркам стройотрядовских денег. Например, вопрос о премиях (тоже весьма значимых по размеру) решался отрядом путем тайного голосования; я со своим постоянным напарником по «пахоте» однокурсником Витей Шеиным (в последующем — генерал военной юстиции В. С. Шеин) всегда оказывались в числе премированных по итогам такого тайного голосования. Вспоминаю, в течение первого месяца работы в стройотряде (после 2-го курса) я потерял около 15 кг (при моем весьма скромном на тот период начальном весе). Зато мой стройотрядовский заработок позволил мне пользоваться в студенческие годы минимальной финансовой помощью родителей (впрочем, для максимальной у них и возможностей не было), а на 4 курсе смог «справить» свадьбу, не обращаясь к помощи родителей, чем горжусь.

Пусть не покажется нескромным, но, думаю, есть все основания считать, что факультет и университет могут гордиться своими выпускниками образца 1973 года. Даже очень лаконичное представление нашего выпуска может быть тому свидетельством. Все

мы были, конечно, очень разными, со своими симпатиями и, что скрывать, антипатиями. Но оценивая «свой курс» с колокольни сегодняшнего дня, нельзя не вспомнить, например, Ярмыша А. Н., одного из ярких, талантливых студентов, который в дальнейшем добился больших успехов; он д. ю.н., профессор, член-корр. АН Украины, вся его профессиональная жизнь проходит на Украине (сам он родом оттуда) на различных должностях, в том числе весьма высокого уровня (остается лишь сожалеть, что бацилла национализма, похоже, не миновала его; считаю, имею право высказать такое соображение, по крайней мере, как его земляк, болеющий по поводу Украины не меньше его). Представительство курса в научно-образовательной сфере весьма солидно: это профессора Гензюк Э. Е., Чефранова Е. А., доктор наук Ибрагимов Р. Ю., доценты Лях С. М., Шимбарева Н. Г., Мархотин В. И., Слепакова С. Наверняка, кого-то не назвал... Кстати, доктором юридических наук является и В. И. Колесников, который больше известен стране как один из руководителей (в разные годы) Министерства внутренних дел, затем Генеральной прокуратуры, в дальнейшем — депутат Государственной Думы; он является ярким примером того, что не только университетские отличники могут достигать больших высот в профессиональной карьере, а в наше время — и защищать докторские диссертации... Есть, естественно, представители и других (практически всех) юридических специальностей. Среди прокурорских работников, например, генерал военной юстиции Шейн В. С., Шимбарев В. В., Егоров И. В., Копылов А. И. Судейский корпус достойно был представлен П. Е. Донченко, В. Д. Шиловой, С. Абрамович... Особо хотелось бы выделить Степаненко Владимира Федоровича, моего ближайшего друга по университетской и последующей жизни, талантливого человека, который, будучи председателем Пятигорского городского суда, невероятно рано (в 53 года) ушел из жизни, оставив добрую память, в том числе о нашей чистой светлой дружбе... К сожалению, он не единственный, кого уже нет с нами (это В. И. Бражников, Егоров И. В., С. В. Федоров, Н. В. Кислякова...). Хочется отметить и такую показатель-

ную деталь, что, кажется, ни один представитель нашего выпуска не имел конфликта с законом. Много ли сегодня найдется таких выпусков юридических вузов?

Конечно, это лишь отдельные эпизоды воспоминаний студенческой жизни. Боюсь, сегодня кому-то может показаться, что это была сплошная идиллия. Отнюдь! Были и другие, в том числе, например, остро воспринимаемые в юном студенческом возрасте отдельные эпизоды, как казалось, недопустимой несправедливости. Но с колокольни прожитых лет большинство из таких эпизодов воспринимаются совсем по-другому: то ли со значительно большим пониманием, то ли как хороший повод проверить себя на прочность, то ли как вообще не имеющие особого значения... Главное же, что чрезвычайно важно сегодня для нас, питомцев нашей Alma Mater: все мы — прихожане одного, общего для всех нас Храма, нашего Храма науки и юридического образования. У нас, прихожан этого Храма, общая, единая вера — вера в Добро и Справедливость, в силу Права, которому нас учили на юридическом факультете, по адресу ул. Горького, 88. Наш Храм намолен всей его 100-летней историей — как Ростовский государственный (у истоков — Варшавский императорский, ныне — Южный федеральный) университет. Низкий поклон нашей alma mater и всем тем, кто творил ее историю, создавал ее славу.

◆◆◆

*Post
Scriptum
2020*

Главное, в порядке *post scriptum*, и вероятно печальное связано с тем, что все больше становится моих учителей, о которых еще недавно можно было тепло вспоминать как о здравствующих, сегодня приходится говорить о них, заботясь о сохранении их светлой памяти. Это и Е. А. Аكوпова, и В. Т. Гайков, и И. С. Вишневская..., не говоря уже о тех, кто ушел еще раньше. Светлая память им, нашим Учителям, ярким педагогам, высочайшим профессионалам-юристам, в основе авторитета которых были, прежде всего, нравственные качества проповедников Добра и Справедливости... В этом же ряду хотелось бы

упомануть ушедшую из жизни в нынешнем, 2020 году, жену В.А. Ржевского – Ирину Трифоновну Андрееву. Она 52 года проработала судьей Ростовского областного суда. Это была уникальная, поистине мудрая женщина, мой учитель по жизни. А для моего сына Андрея, как молодого судьи Ростовского областного суда она стала наставником в профессии.

1.4. ВХОЖДЕНИЕ В ПРАКТИЧЕСКУЮ ЮРИСПРУДЕНЦИЮ: ВОЕННЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

В прежние времена, в том числе те, которые вспоминаю на страницах настоящего издания, переход к практической работе после окончания вуза был достаточно предсказуемым. Существовало так называемое обязательное для выпускника государственное распределение (нынешние студенты, думаю, не очень представляют, что это такое) по итогам окончания факультета. Но при этом надо иметь в виду один принципиально важный момент: государственное распределение выпускников осуществлялось в соответствии с итоговыми показателями пятилетнего обучения в университете, имея в виду, что приоритетным правом выбора предлагаемых в соответствии с госраспределением мест работы обладали выпускники с более высоким общим количеством баллов, набранных за весь пятилетний период учебы.

Но, были, конечно (что скрывать?), и исключения, отход от указанного порядка распределения. Именно в такую «исключительную» ситуацию и я попал при госраспределении как выпускник юрфака РГУ. Но ирония судьбы такова, что благодаря именно этим «исключительным» обстоятельствам я оказался, в конечном счете, в военной прокуратуре, начал свою профессиональную деятельность военным следователем. Конкретные же обстоятельства выглядели следующим образом.

В ряду других должностей и мест работы, предусматривавшихся планом госраспределения выпускников юрфака 1973 года, было пять, как тогда считалось, по-своему «элитных» мест работы

в военной прокуратуре. На эти 5 мест желающих оказалось около 15 выпускников, они согласны были пойти служить в кадрах военной прокуратуры (как тогда считалось, на 25 лет). Я мечтал об аспирантуре и не связывал свое профессиональное будущее с военной прокуратурой. Но возникла по-своему удивительная, в чем-то парадоксальная ситуация. Как сейчас помню, начальник управления кадров Северо-Кавказской окружной военной прокуратуры подполковник Просвирнин в буквальном смысле «облюбовал» меня, активно агитировал написать рапорт о готовности служить в военной прокуратуре (ВП). Когда я категорически отказался, он — абсолютно уверен, руководствуясь благими намерениями, — решил призвать меня на срочную службу. При этом искренне уверял, что я в дальнейшем буду его благодарить и, скорее всего, останусь служить в ВП. Так, закончив юрфак с «красным» дипломом, я, как искренне считал, несправедливо лишился права выбора мест распределения, был призван на срочную службу в ВП.

Сейчас, по прошествии времени, искренне благодарен дальновидному и по-своему доброму кадровику, благодаря которому вот так, помимо своего желания, оказался в ВП. И столь же искренне признаюсь, что при всей сложности службы она мне была по душе и, могу определенно сказать, как в профессиональном плане, так и с точки зрения гражданского возмужания дала очень много. Более того, с учетом вполне успешной службы, меня уже в окружной военной прокуратуре Ленинградского военного округа также активно агитировали остаться служить в ВП. Сейчас, пожалуй, впервые публично признаюсь: в конечном счете, я согласился написать рапорт; но сделал это, как выяснилось, слишком поздно: в это время уже был подписан приказ об окончании моей срочной службы и увольнении из ВП. В этом случае я должен был прибыть к месту призыва (в Ростов-на-Дону) и заново написать рапорт о согласии на военную службу. Но этого уже не случилось: сразу после увольнения из ВП поступил в аспирантуру РГУ, предопределив тем самым иную профессионально-юридическую линию своей жизни.

Что же касается службы в ВП, то об этом можно было бы, пожалуй, написать отдельную книгу: воспоминаний, в том числе очень приятных, касающихся как расследования отдельных уголовных дел, так и удивительно чистых офицерских отношений с коллегами по ВП и военному трибуналу (тогда так назывались военные суды), с военнотружущими знаменитой Псковской десантной дивизии (где проходил службу). Не говорю уже о том, как сразу же влюбился в Псков, в сказочные Пушкинские места, Печорский монастырь... Не случайно, кстати, когда меня убеждали в окружном управлении кадров Ленинградского военного округа остаться служить в ВП и пообещали при этом, если соглашусь, перевести служить в Ленинград (гарнизонную или окружную ВП), я на полном серьезе попросил: если останусь в ВП, не переводить меня в Ленинград, так как мне очень нравится Псков. О том, какое удивление было по поводу моей «просьбы», не приходится даже и говорить. Но не случайно говорят: чему бывать, того не миновать; я от Ленинграда «сбежал», но несколько десятилетий спустя «догнал» Санкт-Петербург; правда, он принял меня в другом качестве, когда я был уже не у подножия юридического Олимпа...

И еще хотя бы несколько зарисовок в порядке приятных воспоминаний о службе в военной прокуратуре Псковского гарнизона Ленинградского военного округа. Вспоминаю, начальный этап службы был сопряжен в том числе с решением вопроса о приеме в члены КПСС. Горжусь, что рекомендацию для вступления в партию мне давали очень уважаемые люди — военный прокурор гарнизона полковник Зазулин А. М. и председатель военного трибунала подполковник Семенча А. П. На общепартийном собрании в гарнизоне в рамках рассмотрения данного вопроса слово взял Семенча А. П.; говорил, как и подобает в таких случаях, вполне положительно о кандидате в члены КПСС. А затем, ближе к концу выступления, неожиданно перешел на другой тон, заявив: «Следует в то же время со всей определенностью сказать, что у Николая Семеновича есть один очень серьезный недостаток». После этих слов в зале, естественно, воцарилась гробовая тишина, а А. П. Се-

менча, сделав паузу, продолжил: «Дело в том, что он (т. е. я — Н. Б.) не умеет отдыхать».

И в этом мой старший коллега был во многом прав. До сих пор сожалею, что так и не съездил с А. П. на охоту, куда он неоднократно приглашал. А на Псковщине сказочные охотничьи места! Но вспомнил я об этой истории по другому поводу. Думаю, данный эпизод свидетельствует, что уже в тот период не осталась незамеченной для коллег-сослуживцев моя натура «трудоголика» и поведение на основе естественного признания приоритета публичного в соотношении с личным. Вряд ли всем этим следует гордиться, но это данность¹.

В заключение сюжета о службе в военной прокуратуре приходится признать: при всем том, что работа военного следователя мне была по душе, в течение военной службы не оставлял мысль об аспирантуре. Эти планы, кстати, активно поддерживал мой научный руководитель проф. Ржевский В. А., в том числе своими письмами из Ростова в Псков. Именно в этот период, несмотря на всю напряженность работы военного следователя, удалось сдать два кандидатских экзамена (по иностранному языку и философии). С одним из экзаменов была связана, кстати, одна небезынтересная ситуация, заслуживающая упоминания в данном повествовании. Речь идет о том, что в связи со сдачей экзамена я несколько позже пришел на работу в этот день, что не осталось незамеченным, а с военным прокурором предварительно не согласовал возможное опоздание. Пришлось доложить все как было, в том числе раскрыть причину опоздания. И какой удивительной была реакция прокурора? В это трудно поверить, но о каком-либо замечании, другой негативной реакции прокурора и речи не было. Главное, что навсегда врезалось в память, — это искренняя... обида Алек-

¹ При этом хотя бы в самой осторожной форме следует оговориться, что принцип приоритета публичного над личным, следование ему по жизни отнюдь не тождественно монашескому образу жизни. Еще со времен средневековья известна протестантская максима: «Чтоб стать святым, не обязательно быть ангелом» (в данном случае, естественно — не о себе).

сея Михайловича¹ на меня, что я не поставил его в известность о подготовке и сроках сдачи кандидатских экзаменов. И сейчас помню сказанные с обидой, адресованные мне слова: «Неужели ты мог подумать, что я не поддержу? Не только на сдачу, но и на подготовку к экзамену дал бы время», — с искренним огорчением закончил он разговор. Ясно, что это были отношения не просто прокурора со следователем, старшего офицера с младшим... А для меня случившееся стало большим уроком — уроком прежде всего человеческих, а не служебных отношений. Кстати, такие искренние, добрые отношения, какими они были в те времена в военной прокуратуре, в последующем, на других этапах профессиональной жизни, чаще всего вызывали ностальгические чувства приятных воспоминаний на фоне новых реалий нового времени...

Нет никакого преувеличения в том, что практический опыт двухлетней службы в военной прокуратуре имел для меня бесценное значение — как для последующей научно-преподавательской университетской работы, так и для дальнейшего восхождения на юридический Олимп, для будущей деятельности в качестве судьи КС РФ.



¹ Попутно отмечу: за весь период службы я практически не обращался к военному прокурору как того требовал устав — «товарищ полковник». Была принятая форма обращения по имени, отчеству, что в полной мере соответствовало образу А. М. Зазулина как утонченного интеллигента в полном смысле этого слова, а не просто начальника-офицера.



Студенческий
субботник,
1969 г.



Незабываемые
студенческие
годы, 1970 г.

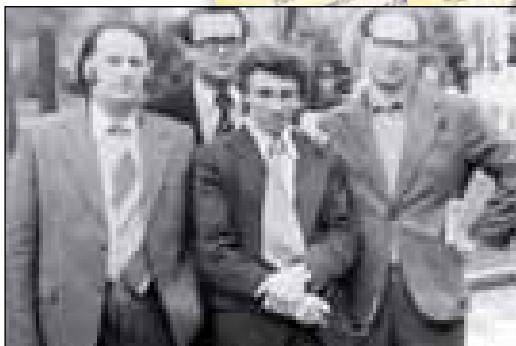


На первомайской
демонстрации,
1971 г.

На демонстрации,
7 ноября 1979 г.
Справа налево:
Ю.А. Жданов,
А.А. Пушкаренко,
спиной —
В.А. Ржевский



Отзыв в стихах
о лекциях по консти-
туционному праву
одной из студенток
Северо-Осетинского
университета,
1976 г.



С коллегами
по факультету
на демонстрации

Каждая новая
встреча
выпускников-1973
— настоящий
праздник, 1988 г.



Заседание
партийного бюро
юридического
факультета РГУ,
1979 г.



На встрече
однокурсников



Однокурсники — представители
четырех национальностей —
настоящие друзья, 1978 г.



С безвременно ушедшим самым
близким товарищем по РГУ
В. Ф. Степаненко, 1988 г.

Полевые
занятия
на военной
кафедре РГУ,
1971 г.



На военных сборах
под Орджоникидзе
(Влакавказ). 1972 г.





Ленинград,
Дворцовая
площадь.
Рядом с военной
прокуратурой
ЛенВО, 1971 г.



ГЛАВА II

Мои университеты конституционализма

2.1. ALMA MATER — САКРАЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННО ЗНАЧИМОЕ ЯВЛЕНИЕ ЖИЗНИ: НОСТАЛЬГИЯ В СОЧЕТАНИИ С УМЕРЕННЫМ ОПТИМИЗМОМ¹

*Ante
Factum
2020*

Не только символом, но и реальным воплощением главного университета «моего» конституционализма была, конечно, alma mater — Ростовский государственный (Южный федеральный) университет, вступивший в 2015 году во второе столетие своей научно-образовательной жизни. Именно к юбилейной дате — столетию РГУ–ЮФУ был подготовлен материал, который привожу ниже. В данной версии текст представлен в сокращенном виде, содержащем наиболее важные, на мой взгляд, положения и суждения.

◆◆◆

¹ Данный параграф подготовлен на основе: Бондарь Н. С. Alma mater — сакральное явление моей жизни: с ностальгией о прошлом и умеренным оптимизмом на будущее: сб. тезисов по материалам Международной научно-практ. конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015. Т. 1. С. 3–8; Бондарь Н. С. Alma mater — сакральное явление моей жизни: Ностальгия в сочетании с умеренным оптимизмом // Гуманитарий Юга России. 2015. №4. С. 13–22.

История развития науки и образования в России и отдельных ее регионах, в том числе на Дону, несет на себе отпечаток сложного, противоречивого пути развития российской государственности, что, как известно, нередко сопровождается острыми дискуссиями, связанными как с отношением к тем или иным историческим событиям, так и с оценкой отдельных этапов преобразований в стране, с поиском баланса между использованием в процессе реформирования зарубежного опыта и бережным отношением к национальным традициям. Особое значение это имеет для юридической науки и юридического образования, для которых особенно опасны космополитические иллюзии и забвение национальных традиций.

Сложный, противоречивый процесс «перманентного» реформирования высшего образования является реальностью последних двух десятилетий, в которой работают все вузы нашей страны, независимо от их «возраста», степени успешности и конкретных показателей в научной и образовательной деятельности. Не является ли свидетельством тому и тот факт, что моя *Alma mater* (а для моего поколения — это Ростовский государственный университет) отмечает в этом году свой столетний юбилей как Южный федеральный университет, который в этом качестве появился... неполных девять лет назад? По моему глубокому убеждению, главный смысл этой даты состоит все же не в арифметических подсчетах и хронологических нестыковках. Пожалуй, наиболее важным в ценностном и социокультурном, историческом плане является то, что эту дату необходимо рассматривать в первую очередь как *столетний юбилей университетского образования и университетской науки на Дону*.

При таком взгляде становится очевидным, что вся эта история (науки и образования на Дону) — единый, непрерывный процесс развития: от Императорского Варшавского (оказавшегося волею исторических судеб в 1915 году в Ростове-на-Дону), Донского, Северо-Кавказского, Ростовского государственного — к Южному федеральному университету. Каждый такой этап и зигзаг (последние тоже были и, к сожалению, не только в давние времена) —

неотъемлемая часть университетской истории, страницы нашей общей образовательно-профессиональной биографии.

Хорошо известно, что большое видится на расстоянии. В этом плане 100 лет — временная дистанция вполне почтительная. Тем не менее нелегко говорить и писать о том, что вроде бы находится в далеком прошлом, относится к воспоминаниям, но в действительности является частицей твоей в том числе и сегодняшней жизни.

Именно такое внутреннее противоречие испытываешь, приступая к оживлению воспоминаний, инвентаризации мыслей по поводу *alma mater*, пытаюсь переложить, «проявить» сегодняшний ее портрет, усиленный «воспоминаниями о будущем», на бумагу. Это будет, безусловно, субъективный, но искренний взгляд — из прошлого в день сегодняшний с попыткой заглянуть в неведомое, а, возможно, и предназначенное уже не для моего университетского поколения будущее. Но если даже это так (ведь не только закон, а и человеческая жизнь «не имеет обратной силы»), и в этом случае в послезавтрашнем дне нашей *alma mater* незримо будет присутствовать не только университетская семья нового века, но и внуки-правнуки *alma mater* периода ее столетней «молодой зрелости», имея в виду, что сегодняшний «миг» между «прошлым и будущим» определяется... уже (пока лишь!?) одним веком.

1. *Alma mater* — наша жизнь. И не только университетская...

Известно, что для человека всегда характерно в определенной мере идеализировать прошлое: хотя бы потому, что в те времена «и трава была зеленее, и деревья были выше», а мы были заметно моложе, полны жизненных планов и романтических представлений о безоблачном будущем.

Вероятно, во многом этот же психологический эффект связан и с воспоминаниями об *alma mater*. С годами поистине сакральное, таинственное значение приобретают те события и обстоятельства, которые повлияли на твой выбор профессии и вуза, на поступление именно в данный, ставший родным университет, а, стало быть,

и на выбор жизненного пути. Конечно, у каждого есть свои обстоятельства, свои жизненные примеры конкретных людей, повлиявшие не только на выбор профессии, но — в буквальном смысле — и на судьбу. Но всех нас, нынешних и вчерашних-позавчерашних студентов юридического факультета РГУ (в истоках — Варшавского императорского, а ныне — ЮФУ), объединяет одно — сам университет стал для нас общей Судьбой.

Мне уже приходилось сравнивать наш университет и родной факультет с Храмом науки и образования, а всех нас, причастных к этому Храму, его «прихожанами». И это действительно так. Ведь университет, как и молитвенное помещение, — не просто здание; это сакральное место, впитавшее в себя энергетику преподавателей и студентов многих-многих поколений, энергетику звучавших под его сводами лекций проповедников — профессоров и доцентов о праве и справедливости, что, как всегда, по-разному впитывали кающиеся (на экзаменах!) грешники в лице всегда молодых, пытливых студентов. Наш Храм (независимо от его внешнего, далеко не всегда достойного вида) десятилетиями пропитывался атмосферой юриспруденции, в основе которой всегда была (независимо от политического климата светской жизни) едва ли не божественная вера в справедливость, в торжество права. И эта вера (пусть порой наивная, не всегда соответствовавшая реалиям повседневной правовой действительности) была, есть и, хочется надеяться, будет общей, единой, как для тех, кто давно учился и преподавал (преподают) на юридическом факультете, так и для тех, кто недавно приобщился к нашему общему Храму науки и образования.

В этом плане представляется уместным отметить и то обстоятельство, что в силу особенностей самой природы соответствующей сферы деятельности наука и образование являются, пожалуй, одной из наиболее консервативных сфер социальной жизни. Всегда ли мы учитывали это обстоятельство, особенно в последние два десятилетия, которые во многом были растратены в погоне за космополитическими иллюзиями Болонского процесса и бесконечными «рейтингами», «индексами» и иными заморскими не всегда

понятными и порой очень далекими от объективности «критериями» оценки качества отечественной науки и образования?

Так получилось, что осознание этих истин происходило постепенно и, пожалуй, начиная с первых шагов погружения в университетскую жизнь, а стало быть, и в юриспруденцию. Этому понимаю я верен и сегодня, несмотря на все те реформаторские шараханья, которые, боюсь, могут привести (и это уже имеет место) к пересмотру философско-мировоззренческих основ национальной системы юридического образования, к примитивизации под предлогом усиления специализации, к утрате в будущем профессиональной мобильности юриста в угоду так называемой академической мобильности студента, к снижению уровня профессиональной подготовки — как по направлению бакалавриата, так и магистратуры (в соотношении со специалитетом).

Но это лишь попутно о наболевшем, имея в виду, что по-прежнему, и сегодня, считаю себя сотрудником Ростовского государственного университета (и, стало быть — ЮФУ). Впрочем, поймал себя на мысли, что это, вероятно, вполне закономерно, что вспомнил в первую очередь выступление Ю. А. Жданова: ведь именно такое понимание университетского образования как фундаментального, основывающегося на новейших (на тот момент) достижениях юридической науки позволило нам стать теми специалистами, за которых, надеюсь, и сегодня, в XXI веке, не стыдно нашей alma mater.

2. Alma mater в контексте моих уроков конституционализма

«Раздай всё, что знаешь,
Умеешь и смеешь —
В себе умираешь —
В другом уцелеешь». (Ю. А. Жданов. «Феноменология»)

Чем я обязан своей alma mater? Если коротко — всем. Имею в виду, конечно, прежде всего, профессиональную жизнь (хотя не только ее).

Всегда, в разных ситуациях профессиональной деятельности, приходилось испытывать гордость за свой университет и, не буду скрывать, за глубину полученных знаний. Вспоминаю, какое уважение к диплому Ростовского госуниверситета было проявлено во время прохождения собеседований на высоких государственных уровнях в связи с решением вопроса о рекомендации моей кандидатуры Президенту РФ для представления в Совет Федерации в качестве кандидата в судьи Конституционного Суда РФ.

Сегодня, как судья КС РФ, я причастен к решению важных, весьма сложных проблем российского конституционализма. Но в основе этой профессиональной деятельности и ныне заложен во многом тот багаж, который я вынес из стен *alma mater*. Другое дело, что это, конечно, не просто сумма знаний (которые мы получали в аудиториях более 40 лет назад), а научная школа, «прививка» к учебе как постоянной естественной потребности (как, например, прием пищи), мировоззренческие убеждения, Вера в Право и в Правду жизни, полученные здесь, в школе реального, а не мнимого, иллюзорного конституционализма.

Сейчас, возможно, впервые признаюсь, что и сегодня остаюсь в своем университете, на своем факультете, на кафедре, прежде всего, потому что ощущаю постоянную *потребность учиться*. Входя в студенческую аудиторию (к сожалению, не часто), всегда рассчитываю, что не только поделюсь знаниями, но и позаимствую что-то, «подпитаюсь» студенческой молодостью, свежестью их восприятия сегодняшней действительности. Поэтому мои университетские уроки конституционализма — не только прошлое, но и настоящее и, хочется надеяться, будущее (уже во втором веке жизни нашей *alma mater*). Какие эти уроки? Их, конечно, немало, но хотя бы о некоторых, возможных, главных, я скажу несколько слов.

► **Не разучиться учиться!** Это, пожалуй, *первый и, возможно, главный урок* моего университета конституционализма. Это своего рода методологическая максима достижения профессионального успеха, которую важно усвоить каждому, начиная со студенческой

скамы: *в университете не учат, а обучают тому, как надо учиться*. Профессионал как творческая личность (где бы он ни работал) всегда должен оставаться пытливым учеником.

В этом же ряду есть еще одна простая, но весьма сложная для восприятия (в силу внешней простоты) аксиома: *оставаться прилежным пытливым учеником сложнее, чем занять возжеленную должность*, стать хозяином уютного кабинета.

Впрочем, и на этом нельзя ставить точку. Неизбежен еще один очень важный вопрос: *чему учиться?* В особенности, после получения университетского диплома... Ответ очевиден: всегда, всю жизнь постигать Правду Жизни, воспринимать свою юридическую профессию как искусство, которое посредством постоянной упорной учебы может быть доведено до совершенства высокого... ремесла (но ни в коем случае — не ремесленничества!).

С этим напрямую связан *второй урок* моего университета конституционализма.

► **Юриспруденция, юридическая деятельность** не есть в чистом виде профессия. Точнее, это — *больше, чем профессия*. Это некое духовное (душевное) состояние-призвание, имеющее глубоко личный и одновременно гражданский (!) характер. Оно тяготеет в большей степени именно к искусству — искусству добра и справедливости. Апостол Павел писал, что нравственный человек, даже не читая законов, «естеством своим законное творит». Юрист, конечно, должен читать и знать законы, но «законное» должен «естеством своим творить».

В этом плане взаимосвязь формально-юридического (позитивно-правового) и естественно-правового начал в юридической деятельности имеет принципиальное, решающее значение. Их сбалансированное сочетание применительно к отдельным отраслевым направлениям и профилям (цивилистическому, правоохранительному) достигается на основе развития базового, государственно-правового профиля, в рамках которого как раз формируется на ценностях конституционализма фундамент юридического мировоззрения. Нужно учитывать, что кон-

ституционализм как таковой представляет собой категорию не только политико-правовую, юридическую, но и национально-культурную, ценностную. В современных условиях усиливающегося и приобретающего глобальный характер ценностного кризиса современного конституционализма, включая столкновения и попытки придать доминирующее значение социально-правовым ценностям, сложившимся в отдельной, порой чуждой нам цивилизационной среде, данная проблематика приобретает особую актуальность¹.

Конституционализм объективно не может существовать, развиваться вне связи с правовой и социальной культурой общества, функционирующей в национальной среде суверенной государственности.

Именно суверенная воля многонационального народа, получающая юридическое выражение в государственном суверенитете, есть основание для утверждения и реализации фундаментальных социальных ценностей как в правовой системе государства и национальной системе конституционной демократии, так и в системе международного права, которое составляет продукт межгосударственного общения, т. е. в конечном счете результат согласованной воли облеченных в государственную форму равноправных и суверенных народов. Особое значение это имеет применительно к России, где демократия, пусть даже длительное время существовавшая в неразвитых формах, всегда была, по словам Н. А. Бердяева, «одухотворена»².

Речь, таким образом, идет о том, что конституционализм при всех свойственных ему космополитических (наднациональных) началах, служит выражением национальных государственных традиций, основой для непрерывного транслирования ценностей народа от поколения к поколению. Невозможно подходить без учета отечественных, а не заимствованных извне в виде неких

¹ См. подробнее: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2015.

² См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 211.

политико-идеологических и формально-юридических инъекций *нравственных национально-культурных представлений о власти, свободе, собственности как основополагающих явлениях социально-правовой действительности.*

Вероятно, именно духовные, социокультурные начала, имеющие сакральное происхождение и проникающие во все сферы человеческого бытия, ярко свидетельствуют о том, что одним из важных условий гармонизации отношений во всей системе конституционализма и поиска баланса ценностей власти, свободы, собственности являются морально-этические, духовно-культурные ориентиры, имеющие глубокую национальную базу и религиозно-мировоззренческое обоснование.

Почему так? Ответ на этот вопрос можно найти в рамках следующего, *третьего урока* конституционализма.

» **Юридическая деятельность — понятие нравственно-этическое.** Сегодня, в условиях дефицита духовности, очевидного кризиса нравственных ценностей, острого противостояния добра и зла это имеет особое значение. Подтверждение тому — слова руководителя (на тот момент) Следственного департамента МВД РФ, который, оценивая кадровую ситуацию, писал: «профессия юриста деградирует, и все хотят обслуживать интересы, которые неплохо оплачиваются по принципу «чего изволите?»¹. Нельзя не согласиться с тем, что эта проблема не надуманная, она вполне реальна, отражает глубокий нравственный недуг как юридической профессии, так и юридического образования. Между тем я убежден, что *состояние юридического образования — вопрос конституционной безопасности*, причем в одинаковой степени безопасности как общества и государства, так и каждой конкретной личности. Ведь конституционная безопасность и есть ни что иное, как состояние защищенности жизненных интересов личности, общества и государства на основе последовательного обеспечения верховенства права, баланса конституционных ценностей.

¹ А. И. Савенков // Коммерсантъ. 2015. 11 июня. №102.

Вспоминаются в связи с этим удивительно современно звучащие мысли, высказанные в далеком 1881 году одним из выдающихся юристов дореволюционной (царской) России Б. Н. Чичериным, которые он изложил в лаконичном «Посвящении русскому юношеству» — предисловии к одному из главных своих научных произведений «Собственность и государство». Врачевание страшного нравственного недуга, потрясшего русскую землю, является, по мысли Б. Н. Чичерина, тем главным, к чему должно готовить себя русское юношество, пожелавшее посвятить свою жизнь служению закону. Но излечить нравственную болезнь можно, только понявши, откуда она происходит, в чем кроется ее источник. В частности, по его словам, «переменчивые направления общества не могут служить мерилom истины». «История учит нас, что нередко то, что вчера возвеличивалось до небес, сегодня отвергается с презрением, а завтра, может быть, опять получит власть над умами». В этих условиях «чтобы отличить истину от лжи и прочное от преходящего, надобно в себе самом носить мерило истины».

Формирование вот этого «мерила истины» в каждом питомце и есть одна из главных нравственно-этических целей, которой призвана следовать *alma mater*.

Еще один урок, как представляется, очень важный, в частности для осознания того, что образование (не только его итоговый результат, но и сам процесс) — одна из высших не только публично значимых, но и личных ценностей.

► **Образование и наука, юриспруденция в целом — понятия эстетические.** Речь идет о том, что и учиться, и заниматься практической юриспруденцией надо с удовольствием, получая эстетическое наслаждение. В основе красоты юридической профессии как понятия эстетического — тот факт, что само по себе *право — воплощение свободы и равенства, а его реализация — искусство добра и справедливости*. У авиаконструкторов есть одна примета: некрасивый, т. е. не отвечающий требованиям эстетики инженерной мысли, самолет не полетит. Так и в науке: *если предлагаемая теория не красива, то она, считается, не верной*. Красота

в науке, образовании — в честности ученого и педагога, достоверности, объективности используемых аргументов и т. п. (В скобках, справедливости ради, отмечу: порой и внешне красивые теории бывают не верными; так же, как и красивые женщины...).

► Наконец, еще одна своего рода аксиома: **наука и образование — не самоцель, а средство, инструмент познания мира с целью последующего его совершенствования, преобразования**, включая преобразование правовой действительности (путем ее нормативного упорядочения, укрепления законности, гарантирования прав и свобод граждан и т. д.). Единство теории и практики — важнейший показатель профессионализма, что имеет как рациональное, так и иное, в том числе поэтическое обоснование (например, устами Мефистофеля в «Фаусте» Гёте).

Все эти университетские уроки не имеют срока давности, они важны всегда. Современному юристу, независимо от конкретного профессионально-должностного профиля, невозможно подходить без учета наших, отечественных, а не заимствованных извне в виде неких политико-идеологических и формально-юридических инъекций, *нравственных национально-культурных представлений о власти, собственности, свободе как основополагающих явлениях социально-правовой действительности*.

В этом же ряду находится и вопрос о конкретных механизмах и самой практике включения духовно-нравственных ценностей как в систему профессионального юридического мировоззрения, так и в сферу действующего законодательства и всего правопорядка. Это тем более важно, учитывая, что в современных условиях активного наступления на традиционные национальные ценности нравственность и мораль становятся объектом не только политических, идеологических, но и конституционно-правовых посягательств. В качестве неких «новых», прогрессивных, отвечающих ценностным ориентирам «креативных» групп и слоев современного общества (в отличие от традиционных нравственных ценностей, носителями которых являются якобы слабые и униженные, люмпенизированные слои общества) объявляются, например,

«ценности» нетрадиционных сексуальных отношений, равноправия однополых браков и повышенная правовая защита (включая конституционную) сексуальных меньшинств, а не национальных или религиозных, культурно-языковых меньшинств. В этом же русле находятся и принимаемые в последнее время решения Европейского суда по правам человека, касающиеся ценностей традиционной семьи, защиты детства, материнства.

На уровне судебной власти и конституционного правосудия в особенности концентрированным выражением нравственно-этических начал является вопрос о том, *может ли быть признана конституционной норма, содержащая в своей основе начала несправедливости?* Не имея возможности подробного обоснования своей позиции, считаю возможным тем не менее сформулировать нравственно-этическую в своей основе, но, безусловно, имеющую конституционное значение максиму: *несправедливое решение не может быть конституционным*. Адресатом этой максимы должны быть все правоприменители, включая, естественно, судейский корпус, равно как и законодательную власть, а, в конечном счете — все общество.

Объективности ради следует обратить внимание, что речь идет отнюдь не о повелительно-утвердительной формуле данной максимы; реалии правоприменительной практики таковы, что заложенное в ней требование долженствования не в полной мере обеспечено императивными началами. Достаточно отметить, что на конституционном уровне категория справедливости присутствует лишь в преамбуле Конституции РФ. Однако ее нормативные начала, обращенные, в том числе в будущее, находят свое подтверждение и в сущностных, и в структурно-содержательных характеристиках данной категории (в ее сочетании правовых и нравственных начал), пронизывающей всю систему конституционализма. Подтверждением этого является, в частности, активное использование категории справедливости и в нормоконтрольной практике Конституционного Суда РФ: более 60% его решений напрямую используют категорию справедливости при оценке на конституционность проверяемых норм.

Не «импортно-либеральным», а именно таким подходам к проблемам жизни права, конституционализма я учился в свое время, задолго до демократических преобразований 1990-х годов, у прекрасных ученых — своих Учителей, которые — как теперь, спустя многие годы, можно со всей определенностью утверждать — были Педагогами-Конституционалистами не по научной специализации, а по призванию, в силу своего субъективного, нравственно выверенного юридического мировоззрения (чего так не достает сегодня многим, особенно молодым ученым и педагогам «новой» формации). Это были, по существу, носители конституционного мировоззрения и той основополагающей для всей отечественной университетской культуры традиции, которая сочетанию в образовании как таковом и юридическом образовании в особенности обучающего и воспитательного начал придает принципиальное значение.

Именно в юридическом образовании находятся истоки формирования профессионального конституционного мировоззрения, от уровня развития которого зависит в конечном итоге состояние правовой культуры общества. Именно поэтому (стоит сказать об этом хотя бы попутно) необходимо прежде всего с позиций конституционных требований и широкого правопонимания подходить к решению вопроса о том, каким должен быть профессиональный портрет современного юриста.

Здесь важным является сам подход к вопросу о том, на какую модель профессионального юридического мировоззрения необходимо ориентироваться. Кого должны готовить юридические вузы: сотрудников правоохранительных органов, имеющих преимущественно карательно-правоохранительную профессиональную ориентацию, или специалистов правозащитного правоприменения (в сфере бизнеса, управления, социальной защиты граждан и т. п.)? На мой взгляд, вполне очевидно на осмыслении советского опыта универсализации правоохранительной модели и постсоветской радикальной смены ориентиров в рыночно-цивилистическую, предпринимательскую сторону, что ни одна из этих моделей не может служить сегодня основой юридической профессионализа-

ции, поскольку ставит либо публичное, либо частное в положение ценностной доминанты.

Выход из ситуации дисбаланса между частными и публичными ценностно-правовыми началами — переход к конституционной модели юриста и, соответственно, к формированию конституционного по своей природе профессионального мировоззрения юристов независимо от их специализации и места работы. Такая модель в главных своих характеристиках имеет конституционное обоснование: *в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России*, и именно такой подход позволяет преодолеть догматические крайности, связанные с односторонним узкоотраслевым пониманием формирования профессиональных качеств юриста. *Без конституционализации юридического образования невозможен переход к конституционному профессиональному мировоззрению*. Именно на базе конституционализации юридического образования возможно разрешить противоречие между универсализацией и специализацией юридического образования, шириной и глубиной профессионально-мировоззренческих качеств современного юриста.

Подобная образовательная практика имеет в своей основе прямые предписания Основного закона о его верховенстве по отношению ко всем другим нормативным правовым актам безотносительно к их отраслевой принадлежности и прямом действии на всей территории РФ (ст. 15 Конституции РФ), ценности конституционного права как призванного и способного обеспечить формирование юридических основ всего общественно-государственного устройства во всех его жизненно важных проявлениях.

3. Вместо заключения: alma mater «тогда», «сейчас» и... «всегда»!

С высоты времени, в том числе собственного опыта преподавательской работы, не просто говорить об университете с позиций такого соотношения и в чем-то неизбежного противопоставления.

Тем более, что для меня сегодняшний университет — не только воспоминание о прошлом. Горжусь, что почти половина срока столетней истории университета (45 лет!) для меня неразрывно связаны с alma mater.

В то же время это, надеюсь, дает мне моральное право не только по достоинству оценивать сегодняшние новые несомненные достижения своей alma mater, но и говорить о неиспользованных резервах, высказывать критические соображения и пожелания в порядке «воспоминаний о будущем».

Конечно, столь знаменательный — вековой! — юбилей университета не очень располагает к поискам проблем и нерешенных вопросов. Когда их не было?! Поэтому — лишь несколько слов, в частности, о том, что не зависит от самого университета, но оказывает существенное, в своей основе, негативное влияние на современный научно-образовательный процесс. В укрупненном, тезисном виде и, естественно, в дискуссионном порядке это, например: отсутствие и по состоянию на сегодняшний день научно обоснованной национальной концепции развития (а не перманентного, как это имеет место на протяжении последних десятилетий, так называемого реформирования!) высшего образования, включая юридическое; некритическое заимствование зарубежного — в том числе порой не самого передового — опыта развития высшего образования, концентрированным выражением чего явились космополитические иллюзии по поводу Болонского процесса, распространение так называемой двухуровневой системы образования («бакалавр–магистр») на специальности, которые, как свидетельствует в том числе и зарубежный опыт, имеют особенности, не во всем совместимые с данной системой (как, например, юриспруденция). Нельзя не отметить и то обстоятельство, что наш университет в числе первых обрел статус федерального (вместе с СФУ), был новатором в решении многих вопросов становления вуза нового типа. В этом — несомненная заслуга ЮФУ. Но нельзя не признать, что переход к системе федеральных университетов осуществлялся при отсутствии научно обоснованной государственной концепции

федерального университета как вуза нового типа; во многих случаях фактически происходило не присоединение других вузов к головному (классическому) университету, а поглощение, «усреднение» последнего в новом образовательном конгломерате. Еще один лаконичный, но, как представляется, не второстепенный вопрос: нет ли оснований полагать, что в последние годы наметились и, кажется, все активнее проявляются процессы неконтролируемой, в чем-то вроде бы стихийной, но фактически имеющей очевидные федеральные импульсы всеобщей бюрократизации высшей школы, которые берут верх над традиционными принципами, духом университетской демократии?

При всех сложностях и порой противоречивости некоторых современных тенденций развития высшей школы нет сомнений, что нашу *alma mater* ждет светлое будущее, а каждое новое поколение ее студентов и преподавателей будет умнее и, что важно, счастливее (как в профессиональном, так и личном плане!) предыдущих. Новых выдающихся достижений, ярких талантливых питомцев тебе, *alma mater*, в новом столетии!

2.2. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ЕДИНСТВО ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛ¹

Конституционализм — понятие не только публично-политическое, но и частно-правовое, нравственно-этическое. Это первый и, возможно, главный урок, который я извлек в своих университетах конституционализма, чему учился у своих Учителей. Но в этом тезисе необходимо видеть не противопоставление, а взаимодополнение, тесное переплетение нравственно-

¹ В основе: Бондарь Н. С. Конституционализм как нравственно-этическая категория: методология познания в контексте моих университетов конституционализма // Современный российский конституционализм: доктрина и практика. Материалы межвуз. научно-практич. конф. (ЮФУ, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (СПбГУ, 5 марта 2011 г.) / Отв. ред. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д. — СПб.: Профпресс, 2011. С. 13–33.

этических, публично-правовых и частных начал конституционализма. Даже к самому понятию конституционализма, не говоря уже о подготовке специалистов в области конституционализма, немисливо подходить без учета наших, отечественных социокультурных представлений о власти и собственности, свободе и ответственности, составляющих глубинные характеристики реального конституционализма.

При всей сложности, противоречивости развития российского конституционализма (как в научно-теоретических, так и практически-прикладных его компонентах) представляется важным осознание того, что отечественный конституционализм берет начало не в 1990-е годы прошлого века. История российского конституционализма едина, что является отражением единства, цельности духовной культуры и нравственного духа нации; недопустимо вырывать из этой истории страницы ни советского, ни самодержавного (в том числе даже придворно-бюрократического), ни либерально-демократического или иного понимания отечественного конституционализма. Каждый народ имеет такую систему конституционализма, которая соответствует его национальным, историческим, социокультурным потребностям и традициям и, конечно, которой он... достоин. Судьба российского конституционализма, науки конституционного права и практики конституционного строительства отражает общую сложную, противоречивую судьбу нашего отечества. Ее необходимо не только понимать и принимать, но и уважать, любить такой, какая она есть, а не пытаться «обосновывать» в угоду кому бы то и чему бы то ни было, что «конституционализм» — якобы порождение чисто западной, в частности, протестантской культуры, и как сто лет назад, так и сейчас он якобы чужд российской среде.

Конечно, на научных идеях и публикациях советского периода не могли не сказываться идеологические догмы и общеобязательная коммунистическая идеология. Но, очистив научные зерна от идеологических плевел, можно оценить глубину многих идей

и концептуальных подходов, порой опережавших время и предвещавших будущие конституционные перемены (до которых, к сожалению, дожили не все мои учителя).

При всей дискуссионности многих проблем становления и развития отечественного конституционного права для меня очевидным является тот факт, что особую роль в утверждении идей конституционализма, конституционализации «советского государственного права» и его превращении в конституционное право как ведущую отрасль правовой системы сыграли в свое время ленинградская и саратовская школы конституционного права¹. Судьбе было угодно распорядиться таким образом, что связующим звеном между этими двумя школами стал в свое время В. А. Ржевский. Как питомец Ленинградской школы конституционного права после окончания аспирантуры в 1964 году он начинает преподавательскую работу в Саратовском юридическом институте, где сразу же складывается звездный научный дуэт «И. Е. Фарбер — В. А. Ржевский». Впоследствии, с переездом в 1967 году в Ростов-на-Дону, В. А. Ржевский — становится основателем уже ростовской школы конституционного права и моим научным руководителем.

Это был глубокий эрудит, знаток музыки, поэзии, литературы, тонкий ценитель анекдота и всего прекрасного в жизни. Но в плане юридической науки В. А. Ржевский был, пожалуй, одним из немногих молодых (на тот период) интеллектуалов, которых так и хочется назвать «учеными-аристократами». «Аристократами», естественно, не в плане сословного происхождения, а с учетом заметного интеллектуального превосходства по сравнению со своим окружением. А превосходство интеллектуальное — это, как известно, то, что труднее всего воспринимается по жизни.

¹ В этом плане достаточно назвать первые работы, заложившие основы конституционализации советской государственно-правовой науки: Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1967; Советское конституционное право, под ред. С. И. Русиновой, В. А. Рянжина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

Так было всегда и во все времена. Можно «простить» человеку, что он богаче или даже удачливее тебя, но что умнее — это уж слишком... Мне пришлось поработать вместе с В. А. Ржевским в разных качествах, в том числе под его руководством как заведующим кафедрой (первоначально это была кафедра основ государства и права, а затем — кафедра государственного и международного права РГУ).

В последующем соответствующий опыт оказался весьма полезным при создании и руководстве новой не только для факультета и университета, но для всей системы отечественного юридического образования кафедры муниципального права и управления. Только наличие в настоящем издании других материалов, посвященных, например, юбилею родной кафедры, удерживает меня от желания еще раз вернуться в те времена, когда мы, молодые романтики, не только мечтали о несбыточном, но и реализовывали конкретные (и, порой, очень непростые, не всеми понимаемые, воспринимаемые и поддерживаемые) планы, в том числе связанные с созданием новой кафедры, открытием новых специализаций дневной и заочной форм обучения, разработкой и реализацией новых учебных планов и т. д. и т. п. Этот начальный этап создания кафедры мне посчастливилось пройти рука об руку со своими единомышленниками, старшими и более молодыми коллегами, которых в свое время я по праву назвал «отцами-соучредителями» кафедры. Это: доцент Федор Карпович Голомидов, мой учитель по студенческой скамье, к сожалению, слишком рано ушедший от нас; профессор Вячеслав Сергеевич Вильямский, который на протяжении более двух десятков лет, несмотря на свой солидный возраст, активно работал на кафедре с первого дня ее создания и до недавнего времени; также Емельянов Михаил Васильевич, впоследствии отдавший приоритет политической карьере и неизменно являющийся с конца 90-х годов прошлого века депутатом Государственной Думы, одним из лидеров парламентской партии «Справедливая Россия». Нет необходимости сейчас вспоминать, у кого из них какие сомнения были на начальном

этапе создания и становления кафедры¹. В конечном счете у нас все получилось! Не скрою, для меня наша кафедра — не просто структурное подразделение факультета. Это большая и, возможно, лучшая часть моей университетской жизни, моих университетов конституционализма. Скорее всего, поэтому ваш покорный слуга так и не смог (пока) расстаться в том числе и с заведованием кафедрой, хотя такое совмещение — дело не простое, особенно после переезда Конституционного Суда в Санкт-Петербург. Так что кафедра — это тоже концентрация публичного и личного, политико-правового и нравственно-этического...

Возвращаясь же к рассказу о моих Учителях, которых по праву можно назвать классиками отечественного конституционализма, хотелось бы надеяться, что не случайным является то обстоятельство, что о ярких личностях, во весь голос заявивших о себе как о конституционалистах и муниципалах, не в новое время, а уже в советский период, и оказавших на меня большое влияние (каждый — по-своему), мне удалось написать в разное время небольшие воспоминания, в том числе в связи с анализом отдельных проблем их богатого научного наследия. К огромному сожалению, эти публикации появлялись с печальной последовательностью преждевременного ухода каждого из них — Исаака Ефимовича Фарбера, Владимира Алексеевича Ржевского, Юрия Петровича Еременко, Георгия Васильевича Барабашева, Олега Емельяновича Кутафина. Каждый из них заслуживает бесчисленного количества добрых слов, ярких эпитетов. Но здесь я сознательно назвал лишь их имена как живых своих Учителей, а воспоминания о них, хотя и в сокращенном виде, терпеливый и заинтересованный читатель сможет найти в этой же главе настоящего издания.

¹ Об этом читатель может подробнее узнать, познакомившись, например, с воспоминаниями самих участников тех событий. См.: Емельянов М. В. Здравствуй, кафедра! Я с тобой! // От советского строительства — к муниципальному праву: история и современность (кафедре муниципального права и управления ЮФУ (РГУ) — 20 лет): сб. материалов, посвященных юбилею кафедры муниципального права и управления ЮФУ / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. С. 36–44; Вильямский В. С. У истоков // Там же. С. 45–51.

Ряд фамилий выдающихся ученых, благодаря которым я впитал отечественные, российские идеи и традиции конституционализма и которые уже давно оставили этот мир, можно было бы продолжить. Остается лишь извиниться перед ними, их памятью за то, что не всем я смог уделить внимание в этом своем очерке. Однако их научные идеи и нравственные уроки жизни важны для меня и сегодня: ведь конституционализм, являясь в своей основе политико-правовым явлением, предстает в то же время, говоря языком Канта, и как *нравственный императив*, причем не только для субъектов публичной власти, но для каждого члена общества как гражданина России, а потом уже как носителя профессиональных знаний и ролевых функций, будь то ученый, политик, предприниматель или кто бы то ни был иной. Немало было тех, кто помог мне осознать это. Имею в виду, естественно, не только тех, чьим лекциям я внимал в просторных аудиториях РГУ. Память хранит немало примеров бесценных нравственных уроков жизни (и, стало быть, уроков конституционализма), преподанных мне коллегами, профессорами других вузов. Таких уроков действительно очень много.

В этой связи хотя бы несколько строк я хотел бы посвятить выдающемуся представителю Саратовской юридической школы — профессору Николаю Игнатьевичу Матузову... Воспоминания об этом замечательном человеке для меня особенно значимы. Дело в том, что наши отношения имели очень неожиданное начало. В далеком (страшно подумать!) 1977 году, когда я был на втором году аспирантуры, вышла моя первая научная публикация, посвященная обоснованию конституционной природы социально-экономических прав и обязанностей (в последующем она составила, в определенной мере, концептуальную основу моей будущей кандидатской диссертации)¹. Каким же было мое удивление

¹ Бондарь Н. С. К вопросу о конституционной природе социально-экономических прав и обязанностей советских граждан // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. 1977. №2. С. 25–31.

и неподдельный восторг, когда вскоре после выхода публикации в свет, я получил письмо от одного из ведущих (уже по тем временам!) специалиста по правам личности профессора Н. И. Матузова, с которым я, естественно, совершенно не был знаком. Наверняка он и не подозревал, каким событием, стимулом для меня в плане дальнейшей научной работы стало письмо-поддержка маститого ученого. Разве это не нравственный урок столь внимательного отношения мэтра к начинающему ученому? В дальнейшем у нас сложились, как мне кажется, весьма теплые отношения, которыми я очень дорожил. Хотя, каюсь, в рабочей суете не всегда успевал вовремя позвонить, поздравить его с праздником. Наши теплые контакты с ним продолжались вплоть до ухода из жизни этого светлого человека¹.

Из ушедших из жизни моих университетских (по РГУ) Учителей, ближе всего находившихся к государственведческой специализации, я бы мог назвать Ивана Федоровича Рябко, Александра Анатольевича Пушкаренко, Константина Георгиевича Федорова и целый ряд другие. С каждым из этих людей тоже связаны нравственные уроки жизни².

¹ Хорошо помню, как боготворили Н. И. Матузова его ученики. Это я знаю не понаслышке, так как с некоторыми из них был знаком достаточно близко. Не имея детей и внуков, Николай Игнатьевич относился к ученикам, аспирантам как к своим чадам. И они платили ему тем же теплом. Одно из подтверждений этого — монография, подготовленная учениками профессора Матузова к его 85-летнему юбилею (См.: Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / Под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: Изд-во Поволжского ин-та управления им. П. А. Столыпина, 2013). Такие публикации и есть лучший памятник Учителю от благодарных учеников.

² Не могу удержаться, чтобы между строк не сказать и еще об одном удивительном человеке — ветеране-фронтовике И. Ф. Рябко. Я к нему относился не только как к блестящему лектору и видному ученому, но и как к высоконравственной личности (тем более что его, как мне казалось, не всегда правильно понимали некоторые коллеги, а, может быть, просто завидовали, что в научной среде не редкость). К примеру, отечественная правовая историография не зафиксировала того безусловного факта, что автором идеи общих правоотношений, в 1958 году стал именно профессор И. Ф. Рябко >>

Я вспомнил в данном случае своих учителей конституционно-правового, государствоведческого направления. Но не меньшую роль сыграли в моем научном «возмужании» и представители других специализаций. Среди них уже ушедшие из жизни — профессор Евгений Иванович Филиппов, доценты Станислав Иванович Дудников и Александр Тихонович Гужин и многие другие, а также ныне здравствующие, продолжающие к нашей всеобщей радости трудиться на факультете, любимые в годы нашего студенчества «богини права» — Елена Михайловна Аكوпова, Ирина Севостьяновна Вишневская. Симпатию (научную и чисто человеческую) к ним испытывали все факультетские представители сильного пола всем, ведь иногда возраст лишь подчеркивает обаяние. Были и преподаватели-мужчины — любимцы студентов: о-о-очень молодой по тем временам Виктор Тимофеевич Гайков, который в последующем на протяжении более полутора десятков лет руководил факультетом.

>> (См.: Ученые записки Ростовского ун-та. Вып. 2. Т. 17. Ростов н/Д., 1958. С. 3–17). Будучи студентом второго курса юрфака, я обнаружил этот факт, когда готовил курсовую работу. Одновременно я с удивлением наткнулся на публикации другого известного ученого, который позже стал активно писать об общих правоотношениях, но... без ссылок на проф. Рябко. Я воспринял это едва ли не как личную обиду — на каком основании весьма уважаемый исследователь права из Свердловска фактически приписал себе выдающуюся, по-своему революционную идею моего преподавателя! В юношеском порыве я предложил И. Ф. Рябко опубликовать статью об общих правоотношениях в центральном журнале, застолбив тем самым свой приоритет. В ответ я встретил абсолютное спокойствие и невероятное внутреннее достоинство человека, уверенного в торжестве справедливости: Рябко заметил, что уже говорил своему коллеге, о его некорректном поступке и добавил: «... Писать еще одну статью по одной и той же проблеме не буду. История рассудит, кому принадлежит приоритет». К огромному сожалению, он ошибся: его приоритет в отношении данной научной находки так и не был зафиксирован. Желая хотя бы частично восстановить историческую справедливость по отношению к этому благородному человеку, я посчитал необходимым поделиться этой историей прежде всего с молодыми учеными. Думаю, они усвоят ее мораль.

Но вернемся к предмету данного очерка — к моим университетам конституционализма. Начав достаточно рано, уже с аспирантских лет, участвовать в научных конференциях, я постепенно познакомился с плеядой выдающихся ученых, работавших в других вузах, по чьим научным трудам я постигал уроки конституционализма. В последующем с некоторыми из них сложились добрые человеческие отношения как с учителями, а в каких-то ситуациях — и как со старшими товарищами. Многих уже нет с нами. Это Леонид Дмитриевич Воеводин, Борис Иванович Кожохин, Виктор Степанович Основин, Феликс Михайлович Рудинский, Константин Филиппович Шеремет, Вадим Аркадьевич Пертцик, Борис Михайлович Лазарев и другие.

Можно было бы назвать немало ныне здравствующих старших коллег, которых я также считаю своими наставниками в плане уроков конституционализма, но есть опасение ненароком позабыть о ком-либо из них. Поэтому ограничусь лишь тем, что пожелаю всем им крепкого здоровья и научного долголетия. Назову же только несколько фамилий. Это — пусть не покажется неожиданным — академик Юрий Кириллович Толстой. Всем Юрий Кириллович известен как выдающийся цивилист, но в 1979 году, когда я защищал кандидатскую диссертацию в ЛГУ, он работал профессором кафедры государственного и административного права. Я полушутя-полусерьезно говорил тогда, что он был «ведущим конституционалистом». Учитывая, что моя диссертация касалась конституционных проблем собственности и экономических прав граждан, не удивительно, что именно Ю. К. Толстой стал «главным судьей» (рецензентом) моей диссертации. В дальнейшем к моей большой радости у нас сложились, как мне кажется, не только научные, но и добрые человеческие отношения, которыми я очень дорожу¹.

¹ Горжусь, что из рук именно Юрия Кирилловича Толстого в 2015 году я получил статуэтку первой премии Санкт-Петербургского отделения Союза юристов России в области юридической науки.

А вот защита докторской диссертации непосредственным образом была связана с двумя конституционно-правовыми кафедрами других вузов — МГУ и Саратовской академии права, и, соответственно, с заведующими этих кафедр — замечательными конституционалистами Суреном АдIBEKовичем Авакьяном и Владимиром Терентьевичем Кабышевым. Как-то неожиданно (имея в виду не заслуги — они очевидны, а временной фактор) сегодня они уже вполне заслужили почетные звания «патриархов» российского конституционализма. Благодарен судьбе за то, что не один десяток лет мы вместе идем по жизни, в том числе и в профессиональном плане.

То же самое можно сказать о конституционалистах моего поколения. Со многими из них мне довелось познакомиться на знаменитых (не только своими научными достижениями) Школах молодых юристов; Звенигородских конференциях (кто там бывал, никогда не забудет неповторимую атмосферу тепла и дружеского общения), проходивших с участием мэтров советской юридической науки и нас, молодых аспирантов и преподавателей, которым все было интересно: начиная от проблем «метаправа» и заканчивая конституционными аспектами реализации права на тайну частной жизни... Именно такими были совсем еще недавно профессора Наталья Алексеевна Боброва (кстати, уже в те времена проявившая недюжинные поэтические и бардовские таланты), Наталья Александровна Богданова, Юрий Михайлович Батулин, Татьяна Дмитриевна Зражевская, Михаил Александрович Краснов, Владимир Алексеевич Кряжков, Евгений Викторович Колесников, Александр Федорович Малый, Валерий Валентинович Невинский, Юрий Ильич Скуратов, Михаил Александрович Федотов, Борис Сафарович Эбзеев и др.

Нам, молодым, ничто человеческое не было чуждо. Но в то же время, с каким упорством, интересом и искренним энтузиазмом мы постигали премудрости науки конституционализма! Это были, в том числе, достаточно новые для того периода про-

блемы — прав человека, конституционной ответственности, свободы печати, самоуправления и т. д. И даже при условии, что к названиям соответствующих конституционных категорий механически добавлялось «социалистический (-ое, -ая)», мотивация к их глубокому изучению чаще всего не страдала. Неслучайно наше поколение конституционалистов оказалось столь востребованным в эпоху демократических преобразований страны в самых различных институтах власти. Есть среди нас те, кто занимал высокие государственные должности — генерального прокурора, министра печати и информации, судьи Конституционного суда, парламентария. Мои коллеги трудились в Администрации президента России, Правительстве, руководили кафедрами и т. д., а одному из них — профессору Ю. М. Батурину — удалось «поднять» идеи российского конституционализма на недостижимую высоту — в космос. Вдвойне приятно, что, по крайней мере, с некоторыми из них мы и сегодня дружны, независимо от служебного и иного положения время от времени встречаемся, вспоминая свою «конституционную юность».

Но время не стоит на месте. Не успеваешь оглянуться, а в числе тех, кто перешел в разряд маститых ученых (в том числе конституционалистов) — уже твои вчерашние ученики. Еще совсем недавно ты читал им лекции, оппонировал при защите диссертаций (и таких достаточно много) или же выступал научным руководителем (консультантом) в проводимых ими исследованиях. А сегодня они сами «обрастают» своими последователями и восприимчивыми.

Для любого ученого его бывшие аспиранты, соискатели — предмет особой гордости. Впрочем, случаются и досадные исключения из правил. Но в таких случаях претензии надо предъявлять к себе: значит, ты что-то вовремя не рассмотрел, проглядел подлинную сущность «кандидата в ученые». Особые сожаления вызывают такие ситуации, если они касаются незащищенного получения докторской ученой степени: не соответ-

ствующий научным критериям и человеческим нравственно-этическим качествам доктор наук — преступление перед сферой образования, наукой, перед обществом. Эти мысли подкрепляются опытом моей работы в ВАКе в качестве члена Экспертного совета по праву, равно как и продолжительным — около двадцати лет — опытом руководства диссертационным советом при ЮФУ. Вспоминая же своих учеников, оснований для удовлетворения, к счастью, нахожу значительно больше, чем поводов для разочарования. Независимо от того, трудятся они, получив ученую степень, в научно-образовательной сфере или являются практиками в государственных или коммерческих организациях, искренне рад, что они нашли свою колею в жизни.

На новом жизненном этапе, когда научно-педагогическую деятельность пришлось сочетать с ответственной работой судьи Конституционного Суда РФ, университеты конституционализма (где было бы комфортно и учить, и самому познавать новое) приобрели принципиально иное значение. Вместе с тем как ранее, так и сейчас не считаю зазорным продолжать учиться, в том числе у своих учеников. Без постоянного стремления к новым знаниям, без внутреннего поиска может не только притупиться способность чувствовать новое, свежее в научном плане дуновение, но есть элементарная опасность кристаллизироваться в дне вчерашнем, остановиться в развитии, а значит, безнадежно отстать от тех же вчерашних аспирантов и студентов. Конечно, молодежь сейчас другая — она не хуже и не лучше нас образца 1970-х; она просто другая. В условиях проникновения во все сферы жизни общества информационных технологий они способны быстрее ориентироваться в огромных массивах знаний. Как они распорядятся всей этой массой информации — другой вопрос, ответ на который зависит в том числе и от того, как они усвоили (усвоят) не только профессионально-юридические, но и нравственно-этические уроки конституционализма.

2.3. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА РАСПУТЬЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И КОСМОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ¹

Наука и образование — важные сферы современной системы конституционализма, имея в виду как социальную политику государства, так и права человека. *Непрерывность, последовательная преемственность традиций — важнейшие условия и предпосылки успешного развития образовательной сферы вообще и юриспруденции в частности.* Непродуманные же перемены, в том числе под благими лозунгами «модернизационных процессов и реформ», могут вступить в противоречие с национально-историческими традициями в области образования, привести к утрате достигнутого. Вот уж поистине — *не все новое является прогрессом.*

С учетом этих общих соображений представляются уместными, в том числе с учетом собственного опыта, оценки современных тенденций развития юридического образования, понимание его природы и назначения как конституционной ценности и одновременно — важной сферы реализации конституционализма демократического правового государства.

¹ Материал подготовлен на основе ранее изданных публикаций по проблемам конституционализации юридического образования. См.: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. Изд.-е 2-е. М.: Юрист, 2014; Бондарь Н. С. Реформированию юридического образования — конституционные ориентиры // Lex russia. 2013. №11. С. 1248–1250; Бондарь Н. С. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? // Юридическое образование и наука. 2013. №1. С. 7–16; Бондарь Н. С. Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования? // Человек и закон. 2010. №1. С. 18–27.

Юридическое образование как конституционная ценность: сочетание публичных и личностных начал

Профессиональная деятельность юриста самым непосредственным образом связана как с защитой государственных интересов, отстаиванием публичных ценностей общества и государства, так и с *охраной прав и свобод личности, безопасностью граждан.* Защищая закон на основе верховенства права, юрист призван на профессиональной основе охранять публичные и частные конституционные ценности и интересы, находить баланс между ними.

Вместе с тем и само по себе юридическое образование является конституционной ценностью. Что имеется в виду? Известно, что «ценность» есть признание за соответствующим явлением (объектом) определенной полезности, объективно-субъективной необходимости. В этом плане через конституционную ценность раскрывается в первую очередь конституционная значимость данного явления, в том числе юридического образования. Конституционная значимость юридического образования очевидна. Это проявляется в двух аспектах: а) публично-правовом и б) субъективно-личностном.

В публично-правовом плане юридическое образование, будучи включенным в общую систему профессионального образования страны, представляет собой важную сферу социальной государственности и одновременно — государственной политики по подготовке юридических кадров для судебных, правоохранительных, иных государственных и муниципальных органов, субъектов хозяйственной деятельности и т. п. В этом качестве юридическое образование проявляет себя как составляющая одной из основ конституционного строя, институциональное средство кадрового обеспечения законности и правопорядка, защиты суверенной российской государственности. Юристы-правоведы являются, без преувеличения можно сказать, кадровой основой охраны и обеспечения безопасности Российской Федерации, что, впрочем,

характерно для всякого уважающего себя государства, рассчитывающего на то, чтобы к нему с уважением относились на международной арене.

В субъективно-личностном плане конституционная ценность юридического образования имеет двуединые характеристики. Они связаны, с одной стороны, с самой природой получаемого человеком юридического образования как субъективно значимого для данного лица блага, являющегося результатом реализации этим лицом конституционного права на образование и во многом предопределяющего социально-правовой статус данного лица в обществе и государстве как обладателя профессионально-юридических знаний. С другой стороны, речь идет об ориентации профессиональной юридической деятельности в первую очередь на личность, защиту ее прав и свобод, составляющих высшую ценность российского конституционализма (ст. 2 Конституции РФ).

Конечно, это достаточно абстрактные, но важные характеристики, имеющие значение для уяснения самой природы и назначения юридического образования как конституционной ценности в современном демократическом государстве. Им соответствуют и особенности юридического, государственно-правового оформления (отражения) данной конституционной ценности: а) как элемента основ конституционного строя (ст. 7 Конституции РФ) и б) как составляющей конституционного статуса личности (ст. 43 Конституции РФ).

Соответственно, государственная политика в сфере реформирования юридического образования, очевидно, должна быть конституционно обоснованной, целенаправленной, взвешенной, последовательной и системной, проводиться с опорой на научно обоснованные, концептуально выверенные подходы. Ее конституционное измерение определяется не только закреплением в Конституции РФ основополагающих требований и гарантий в области образования (ст. 43 Конституции РФ), но и фактическим конституционно-правовым содержанием вопросов профессиональной деятельности юриста. Неслучайно различные проблемы

образования неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, подтверждением чего могут служить, например, принятые судом решения, касающиеся введения единого государственного экзамена¹ и другие².

Поэтому характеристики юридического образования как конституционной ценности определяются не только Конституцией как актом, устанавливающим свод основополагающих ценностных ориентиров государственно-организованного общества, но и решениями КС РФ. В концептуальном плане это определяется принципиальной возможностью генерирования конституционных ценностей посредством нормоконтрольно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля и, соответственно, особой нормативно-доктринальной природой решений этих органов, с помощью которых этим ценностям придаются в том числе нормативные качества категории действующего права³. Справедливости ради следует, однако, признать, что и в этом случае конституционное значение соответствующих характеристик (в том числе относящихся к юридическому образованию) коренится в Конституции, в ее глубинном содержании и системных взаимосвязях нормативных положений Конституции.

В концентрированном виде понимание юридического образования как конституционной ценности заключается в том, что *качество подготовки юридических кадров — это в конечном счете проблема конституционной безопасности*; причем безопасность в

¹ Определение КС РФ от 12 ноября 2008 г. №909-О-О; Определение КС РФ от 16 декабря 2008 г. №1088-О-О.

² См., напр.: Постановление КС РФ от 24 октября 2000 г. №13-П // СЗ РФ. 2000. №44. Ст. 4399; от 16 ноября 2004 г. №16-П // СЗ РФ. 2004. №47. Ст. 4691; от 27 ноября 2009 г. №18-П // СЗ РФ. 2009. №49 (ч. 2). Ст. 6041; Определения КС РФ от 27 января 2011 г. №88-О-О от 17 ноября 2011 г. №1620-О-О; от 29 мая 2012 г. №865-О; от 17 июля 2012 г. №1345-О.

³ Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. №6 (12). С. 1–11.

этом случае в одинаковой степени касается как общества и государства, так и каждой конкретной личности. Ведь конституционная безопасность и есть ни что иное, как состояние защищенности жизненных интересов личности, общества и государства на основе последовательного обеспечения верховенства права, баланса конституционных ценностей.

Очевидно, что с распадом Советского Союза и его правовой системы, со стихийным переходом к рынку, в том числе активным проникновением рыночных начал в сферу образования, возникли принципиально новые условия функционирования всей ранее действовавшей системы образования, в том числе по подготовке юридических кадров. Соответственно возникают и новые риски, угрозы, требующие оценки состояния юридического образования сквозь призму конституционной безопасности.

Именно поэтому автор данной публикации посчитал возможным и необходимым обратить внимание на современное состояние юридического образования как проблему конституционной безопасности. Об этом он заявил на встрече судей Конституционного Суда РФ с Президентом РФ, состоявшейся 12 декабря 2012 года¹.

В наибольшей степени данная проблема — состояния юридического образования как конституционной безопасности — проявляется, по крайней мере, в двух основных моментах. Это, **во-первых**, бурный рост юридических вузов, что, в свою очередь, сопровождается таким же стремительным падением качества подготовки юридических кадров; **во-вторых** — и это, пожалуй, главная проблема не только сегодняшнего дня, но и на перспективу — в последствиях перестройки отечественного юридического образования в соответствии с требованиями Болонского процесса.

¹ См.: Закатнова А., Курпяева О. Конституцию поздравили. Встреча Президента РФ с судьями конституционного Суда // Российская газета (федеральный выпуск). №5960. 2012. 13 декабря.

Рыночно-образовательный парадокс: количество юридических вузов обратно пропорционально качеству юридического образования

Проблемы отечественного юридического образования накапливались длительное время, но особенно обострились они в последние полтора-два десятилетия.

Притчей во языцах стала, например, проблема, связанная с *непомерным ростом количества юридических вузов, в первую очередь — непрофильных*. Об этом сейчас не говорит только ленивый, но воз и ныне там: по данным Рособнадзора, у нас в стране до недавнего времени подготовку юридических кадров осуществляли более 1000 высших образовательных учреждений. Для сравнения заметим: во всем Союзе ССР подготовку юристов осуществляли 52 вуза, а, например, в США в настоящее время действуют всего около 200 аккредитованных школ права).

Известно, что это за «юридические» вузы новой, рыночно-образовательной формации, каков уровень знаний, преподаваемый там студентам. Не имея надлежащей профессиональной, интеллектуальной, а нередко и материальной базы, они восполняют этот «пробел» саморекламой, откровенным обманом своих клиентов, занимаясь не столько образовательной, сколько образовательно-предпринимательской деятельностью, своего рода «бизнес-юриспруденцией».

Сегодня эти проблемы вызывают серьезную обеспокоенность, в том числе у руководства страны. Неслучайно, именно юридическому образованию был посвящен специальный Указ Президента РФ от 26 мая 2009 г. №599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»¹. В соответствии с ним была предусмотрена разработка, при содействии Ассоциации юристов России (АЮР), механизма общественной аккредитации федеральных государственных и негосударственных образовательных учреждений высшего

¹ СЗ РФ. 2009. №22. Ст. 2698.

профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров, которая в сочетании с поставленной тем же Указом задачей упорядочения процедур лицензирования образовательной деятельности и государственной аккредитации государственных и негосударственных образовательных учреждений, осуществляющих подготовку юридических кадров, необходимостью выработки четких критериев оценки качества их деятельности, должна была бы привести число юридических вузов к оптимальному значению.

Остается лишь сожалеть, что многочисленные «решительные» заявления и предупреждения, как представителей Минвуза, других государственных органов, так и АЮР в адрес откровенно неэффективных юридических вузов не прекратили (и, пожалуй, даже не уменьшили) образовательно-юридический беспредел. Общественная аккредитация юридических вузов (с помощью АЮР) пока также не дала сколько-нибудь заметных результатов (если, правда, не учитывать финансовые результаты.). Вероятно, надежнее было бы начинать с наведения порядка в системе государственной аккредитации, а заодно установить ответственность должностных лиц за безосновательное «освящение» государственными решениями псевдоюридических вузов. Общественная же аттестация, конечно, возможна и полезна, но лишь как вспомогательное, дополнительное средство общественного контроля за юридическими вузами.

При этом бурный рост юридических вузов не только не сопровождался мало-мальски сопоставимым усилением кадрового потенциала юридических вузов и, соответственно, хотя бы сохранением достигнутого качественного уровня юридического образования, но естественным в этой ситуации, продиктованным рыночными условиями, оттоком или в лучшем случае работой по совместительству в нескольких такого рода «вузах» востребованных специалистов признанных юридических центров. Проявилась, таким образом, в чем-то «уникальная закономерность» современного развития юридического образования: количественные (откровенно профицитные) показатели числа юридических вузов

оказались, в своей основе, обратно пропорциональными «дефицитным» показателям качества юридического образования.

Учитывая же, что общее число квалифицированных педагогов-юристов и ученых-правоведов в системе высшего образования страны весьма невелико (как и ограничена его профессиональная и даже «рыночная» мобильность), чаще всего в качестве специалистов-преподавателей «широкого профиля» выступают практические работники правоохранительных органов, которым нередко поручается читать по несколько юридических дисциплин. Это, в свою очередь, ведет, наряду с другими негативными последствиями, еще к одному, пока не до конца осознанному результату — к *утрате традиционной для отечественного образования фундаментальной подготовки юридических кадров.*

Все описанные выше проблемы существенно обострились с включением нашего юридического образования в Болонский процесс.

Когда телега ставится впереди лошади: иллюзии интеграции России в Европейское образовательное пространство

Нет сомнений, что интеграция в европейское и мировое образовательное пространство имеет объективные предпосылки и условия. Очевидно, однако, и то, что интеграционные процессы не могут быть одинаковыми и равномерными применительно ко всему образовательному пространству. Уже сегодня это актуально, например, для профессий и специальностей, связанных со сферой бизнеса и предпринимательства, для естественных и технических направлений профессиональной деятельности. Но является ли столь же актуальной эта задача (по крайней мере, по состоянию на сегодняшний день) для юристов, ориентированных в своей профессиональной подготовке прежде всего на изучение национального законодательства, действующего, естественно, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права? Утвердительный ответ на этот вопрос по крайней мере не очевиден.

Говоря же о состоянии юридического образования как проблеме конституционной безопасности, в современных условиях, думается, есть основания обратить серьезное внимание на проблему соотношения национальных традиций в области юридического образования и зарубежного опыта, что в обобщенном виде может быть представлено как *соотношение национальных традиций и наднациональных (космополитических) начал* в системе юридического образования.

Острогу этому вопросу придает, в частности, то обстоятельство, что с момента, когда были подписаны документы о присоединении России к Болонскому процессу, получил некое идеологическое обоснование тезис о том, что *главным направлением и целью реформы юридического образования является его унификация с Болонской системой*. При этом основой такой унификации, которая якобы должна была бы позволить войти в европейское образовательное пространство, должна стать двухуровневая система «бакалавриат–магистратура».

Автору данной статьи уже приходилось критически высказываться (и не только в научных публикациях) по поводу этих нововведений, что дает моральное право и сейчас, после принятия законодательных решений о переходе на двухуровневую систему юридического образования, не отказываться от принципиальной позиции. Правда, с одной существенной оговоркой: коль скоро теперь это требование закона — все обязаны его исполнять, пока закон сохраняет свое действие. Критическая же оценка необходима для понимания того, к каким последствиям, связанным с утратой наших национальных традиций в области юридического образования, мы можем прийти, если: а) не сможем минимизировать на практике разрушительные последствия внедрения этой системы в нашу национальную сферу юридического образования и б) не выработаем свою национальную доктрину юридического образования.

В связи с этим, прежде всего, несколько слов о *Болонском процессе и его значении для России* в части, касающейся подготовки юридических кадров. Известно, что официальный процесс объе-

динения образовательного пространства в Европе был начат «снизу» — путем подписания 250 ректорами университетов Европы Великой хартии университетов в Болонье 18 сентября 1988 года. В дальнейшем, когда «процессы, происходящие в Европе, приобрели более конкретный характер, стали более полно отвечать реалиям стран Европейского союза и его граждан» (преамбула документа), была принята Болонская декларация (Болонья, 19 июня 1999 г.).

С ней традиционно, но не вполне обоснованно, связывается начало Болонского процесса. Сомнения связаны, прежде всего, с ее юридической силой: это декларация, а не юридически обязательная конвенция. В этом документе в *декларативной форме* была провозглашена задача «координировать политику» соответствующих государств (декларация была подписана 31 государством Европы) с тем, чтобы «достичь в ближайшей перспективе (и, в любом случае, — в пределах первого десятилетия третьего тысячелетия)» таких целей, как: «принятие системы, основанной, по существу, на двух основных циклах — постепенного и постепепенного» образования; «внедрение системы кредитов по типу ECTS — европейской системы перезачета зачетных единиц трудоемкости»; «содействие мобильности путем преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения» учащихся и преподавателей и т. п. для Европейского союза, который медленно, но последовательно движется по пути интеграции в единое не только финансово-экономическое, но и политико-правовое пространство, задача унификации юридического образования действительно актуальна — уже для того, чтобы обеспечить правовые условия функционирования единого рынка труда, включая рынок юридических услуг. Однако даже в этой ситуации интеграционные процессы в образовательной сфере были обозначены весьма осторожно: координация образовательной политики с возможной перспективой выхода на унифицированную двухуровневую систему образования к концу «первого десятилетия третьего тысячелетия». При этом каждое из крупных государств Евросоюза — Великобритания, ФРГ, Франция, Испания, Италия — подписывали

документы с многочисленными оговорками, стремясь интегрировать в Болонский процесс собственные традиции с возможно меньшими для себя потерями. Более того, многие крупные негосударственные университеты Европы вообще находятся вне Болонского процесса, он для них не имеет императивного, юридически обязательного значения¹. Не поэтому ли в таких государствах (например в ФРГ) подготовка юристов по программам первого уровня (бакалавриат) осуществляется в своей основе лишь для... третьих стран; национальные же кадры проходят продолжительную профессиональную юридическую подготовку (в среднем до шести лет) по своим университетским программам со сдачей квалификационных экзаменов, стажировкой и т. д.² Никто в Европе не принуждает и не собирает нивелировать все разнообразие учебных программ, выработанных столетиями. Для них понятие престижности национального вуза стоит на первом месте!

При этом важно учитывать, что автоматического взаимного признания дипломов в рамках Болонского процесса не предусмотрено. Согласно разделу III Лиссабонской конвенции 1997 года квалификации (дипломы), выданные в одной из стран-подписантов, подлежат лишь обязательной оценке. Это означает, что обладатель диплома (квалификации) может требовать бесплатную оценку своего образования. А что дальше? Последствия такой оценки неопределенны. Третья страна не обязана признавать такой диплом, даже при соблюдении, например, унифицированной «системы кредитов» и наличии единого для всех стран по своей форме Приложения к диплому; тем более это проблематично, если речь идет о дипломе юриста.

Что же у нас? Каковы последствия включения отечественного юридического образования в Болонский процесс?

¹ См.: Галкина Е. Болонские тайны // URL: <http://warrax.net/89/8bolon.html>.

² См., напр.: Bundesrechtliche Regelung der Ausbildung zum Einheits- und Volljuristen in einer zweiphasigen Ausbildung nach Deutschem Richtergesetz vom 19. 4.1972, zuletzt geändert am 5.2.2009; Landesrechtliches Gesetz über die Ausbildung von Juristinnen und Juristen im Land Berlin vom 23. Juni 2003 und Ausbildungs-, und Prüfungsordnung für Juristinnen und Juristen im Land Berlin (Berliner Juristenausbildungsordnung — JAO) vom 4.8.2003, zuletzt geändert am 7.1.2009.

«Бакалавриат–магистратура» — путь к снижению уровня национального юридического образования

Уверен, что основные мотивы замены исторически сложившейся у нас системы юридического образования (по пятилетней программе подготовки специалистов) на двухуровневую систему «бакалавр–магистр» никоим образом не связаны с целями повышения качества юридического образования. Никто и не скрывает, что в данном случае имеется в виду иная цель — включиться в процесс унификации национальных европейских систем юридического образования. Одним словом, унификация рассматривается как самоцель, хотя там, на европейском образовательном пространстве (и тем более — на рынке юридических услуг Евросоюза), нас, кажется, никто не ждет. Это надо признать откровенно.

А каковы издержки адаптации нашей правовой действительности к системе «бакалавр–магистр»? Не касаясь организационно-методических и иных трудных вопросов, с которыми столкнулись юридические вузы в связи с внедрением двухуровневой системы юридического образования, отметим то главное, что касается *качества будущих выпускников отечественных юридических вузов*.

Главный вывод в этой части заключается в том, что большая часть юридических кадров, прошедших подготовку по соответствующей двухуровневой системе, окажется *за бортом традиционного для России фундаментального юридического образования*. Взамен фундаментальности сейчас утверждается компетентностный принцип, предполагающий индивидуальную подготовку студента в соответствии с запросами работодателей. Последствия подобного перехода скажутся позже, однако, уже сейчас ясно, что в преобладающей части это будет качественно иной уровень юридического образования, что, надо полагать, ожидает как бакалавров, так и магистров права.

Так, что касается *системы бакалавриата*, то теперь, как известно, именно по этим усеченным программам четырехлетнего обучения будет готовиться в России основная часть юристов: в магистратуре продолжат обучение, по оптимистичным оценкам, около 20–25% бакалавров. Известно, что это первая ступень высшего юридического образования. Но может ли она считаться полностью самостоятельной и завершенной, если уже сейчас работодатели (наниматели) не воспринимают бакалавров в качестве работников с полноценным (надлежащим) высшим образованием, а государство, законодатель по этому поводу просто молчит, не принимает номенклатуру юридических должностей, которые могли бы замещаться бакалаврами. Зато уже появились ведомственные нормативные документы, запрещающие профессиональное вторжение юристов-бакалавров в такие сферы квалифицированной юридической деятельности как правосудие, прокурорская работа и т. п. Оно и понятно, и по-своему оправданно, если иметь в виду уровень юридической подготовки бакалавров права. Кстати, об этом свидетельствует и опыт западноевропейских стран-участниц Болонского процесса, которые для своего внутреннего потребления готовят в преобладающей части юристов по полной программе подготовки юридических кадров.

С подготовкой магистров связано не меньше проблем, многие из них уже проявились достаточно остро. Первый опыт реализации магистерских программ по юриспруденции свидетельствует, что их подготовка во многих вузах превращается в профанацию: ведь в соответствии с нашим действующим законодательством степень магистра юриспруденции доступна (в это трудно поверить, но это так!) для обладателя любого диплома бакалавра или специалиста, независимо от базового образования. Будь ты врач, математик или физик, в течение двух лет (!) ты можешь приобрести (прежде всего, на коммерческой основе) степень магистра юриспруденции. А ведь еще до недавнего времени наши юридические вузы давали второе высшее (юридическое) образование по четырехлетним программам обучения! Не

ведут ли такие «новации» к подрыву самих основ национального юридического образования? Ведь в этой ситуации профессора и доценты вынуждены заниматься в рамках магистерских курсов (!) юридическим ликбезом, чтобы дать хоть какие-то основы знаний о праве (та же учебная дисциплина «Теория государства и права», отраслевые учебные курсы магистерскими стандартами, естественно, не предусмотрены) в рамках псевдоюридической *подготовки будущих... не-юристов-магистров*. Вспоминаю весьма эмоциональное повествование известного профессора одного из ведущих юридических вузов Москвы о том, как ему приходится читать спецкурс для группы магистрантов, где юрист лишь... один, а остальные — представители почти десятка самых разных специальностей.

В тех же вузах, где переход на двухуровневую систему юридической подготовки состоялся несколько лет назад и, таким образом, имеется возможность набора на магистерские программы бакалавров с базовым (юридическим) образованием, такая подготовка происходит в рамках государственных стандартов, основу которых составляют так называемые «болонские кредиты». При этом магистерское обучение в силу самой специфики его образовательных стандартов (как относительно самостоятельного уровня юридического образования), а также с учетом узко-кафедральной «прописки» каждой в отдельности магистерской программы и объективной необходимости для кафедры решать собственные проблемы (например, учебной нагрузки в условиях перехода к двухуровневой системе обучения), мягко говоря, поверхностно. Так, не всегда принимается во внимание проблема углубления профессиональных знаний, навыков и умений завтрашнего юриста высшей квалификации.

Одним словом, присущие обоим уровням юридического образования противоречия в нашей, отечественной их интерпретации, включая законодательное регулирование, объективно ведут к снижению ранее установленных и реально достигнутых стандартов подготовки юристов: очевидно, что повсеместно внедряемый ба-

калавриат *существенно* уступает нашему специалитету. Соответственно, эти процессы объективно выхолащивают национальные традиции юридической сферы профессиональной деятельности, имея в виду, что в этих (новых) условиях естественным образом возникает образовательный провал в подготовке юридических кадров, где преобладающей части суждено стать заведомыми аутсайдерами-бакалаврами или же магистрами юриспруденции зачастую без... юридического образования.

Вряд ли может быть выходом в этой ситуации реализация активно обсуждаемого в последнее время предложения о *введении единого квалификационного экзамена*, сдав который, выпускник юридического вуза получал бы право на занятие конкретной профессиональной деятельностью — нотариуса, судьи, прокурора, госслужащего системы управления и т. п. Действительно, подобные экзамены существуют в США и ряде стран Европы, и они во многом оправдывают себя. Но надо понимать, что это проблема заключительного этапа проверки знаний, она вторична по отношению к самому процессу обучения. Если не навести порядок в подготовке специалистов, в системе обучения, может сложиться ситуация, когда на выходе и проверять-то будет нечего.

Что же касается интеграции нашего магистерского юридического образования в международную образовательную среду, то сегодня это весьма сомнительная задача, в том числе с учетом некоторых чисто технических моментов: даже в Европе (как и в США) до сих пор не решена проблема выработки минимальных критериев завершенности и полноты академической ступени юридического образования, на основе чего можно было бы двигаться, в свою очередь, к выработке международно признанных стандартов (критериев) завершенного (полноценного) высшего юридического образования. Очевидно, что достижение согласия по этим критериям затруднительно — об этом свидетельствует и зарубежный опыт — даже в рамках отдельных национальных систем юридического образования.

Не допустить пересмотра философско-мировоззренческих основ национальной системы юридического образования

Модернизацию национальной системы юридического образования есть основание рассматривать прежде всего с философско-мировоззренческих позиций¹, поскольку *каждое общество должно вырабатывать свои основы формирования профессионального сознания юристов*. В этом плане при оценке современных тенденций развития юридического образования (в том числе в связи с проблемой национальной конституционной безопасности) необходимо осознание того, что составляет главный водораздел между, условно говоря, Болонской и нашей национальной моделями подготовки юристов. Он, этот водораздел, проявляется в том, что *на основе Болонского процесса кардинально меняется понимание самой сущности и целей юридического образования*. На смену ориентирам, основанным на требованиях *единства образования, науки и воспитания* и осуществления на этой базе широкой, фундаментальной (в том числе гуманитарной) подготовки будущих юристов, приходит новая формула: *юридическое образование — это процесс подготовки практикующего юриста как узкого специалиста в конкретной сфере правоприменения. Отечественной системе образования предлагается, таким образом, принципиально новая мировоззренческая основа — философия юридического прагматизма*.

В соответствии с этим уже сегодня претерпевают коренные изменения учебные планы, решительно сокращается номенклатура учебных дисциплин. И это не случайно: в западных юридических вузах заметно меньше учебных дисциплин, чем у нас, причем это касается не только гуманитарных, общеобразовательных, но

¹ См.: Синюков В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. №7; Жалинский А. Э. Правовая мысль и профессиональная деятельность юристов // Право и политика. 2005. №8; Камышанский В. П. О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. 2010. №2.

и специальных, юридических дисциплин. В этих условиях задача видится в том, чтобы подготовить юристов-практиков узкого профиля, «связанных» так называемыми «кредитами» (для бакалавра — 180–240 обязательных кредитов, для магистра — 60–120 «космополитических» кредитов. Парадокс состоит в том, что в этом случае, под предлогом создания условий для расширения образовательной (академической) мобильности, может существенно сократиться мобильность профессиональная: ведь в юридическом вузе изначально должны будут готовить сугубо узкого корпоративного юриста, нотариуса и т. п., о нынешних же возможностях, как изначального выбора юридической профессии, так и последующей переквалификации в рамках расширяющегося спектра юридических профессий придется забыть.

В связи с этим следует со всей определенностью подчеркнуть: Болонский процесс не может (и не должен!) менять национальную стратегию развития юридического образования.

Россия, как известно, относится к романо-германской системе права и к той же (романо-германской) системе юридического образования. Для нее всегда была характерна ориентация не на прикладные, прагматические цели подготовки узких специалистов, а на приоритет глубокой общетеоретической, фундаментальной подготовки будущих юристов с их профессиональной ориентацией для различных сфер правоприменительной, равно как и правотворческой, деятельности.

При этом в России юридическое образование зарождалось «сверху», по велению государя. В частности в ходе реформ Петра Великого вся система образования была подчинена интересам прежде всего государства. Главной задачей провозглашалось «*приуготовление юношества к различным родам государственной службы*». Уже первым Императорским Уставом 1804 года (который первоначально предназначался для Московского, а затем был распространен и на другие университеты) учебным заведениям в лице юридических факультетов вменялось в обязанность готовить кадры для различных сфер государственной службы.

Справедливости ради, следует, правда, отметить, что в СССР в силу понятных причин сложилась узко-профессиональная, *правоохранительная (криминально-правоохранительная) модель юриста* как специалиста с высшим образованием, ориентированного на работу, прежде всего, в правоохранительных органах. Такое понимание назначения юриста и, соответственно, модели, методики и методологии его подготовки было естественным: оно вытекало из понимания самой природы государства как аппарата принуждения и главным образом правоохранительного назначения будущих специалистов в области юриспруденции.

Сейчас мы понимаем ограниченность такой роли юриста в обществе и государстве и соответствующей этому системы подготовки юридических кадров.

Конституционная модель юридического образования

При поиске решений соответствующих проблем следует учитывать, что потребности самой жизни, переход к рыночной экономике и плюралистической демократии предопределили трансформацию правоохранительной модели юриста и поиск новых подходов к юридическому образованию. Одним из наиболее значимых и востребованных работодателем оказался подход, связанный с выработкой некой «*рыночно-цивилистической, предпринимательской модели юриста*». По меньшей мере, каждый второй студент юридического факультета до недавнего времени (что соотносилось с началом рыночных преобразований) желал стать банкиром или, в крайнем случае, бизнесменом от юриспруденции. При наличии, безусловно, позитивных ориентиров в такой подготовке юристов есть в ней и очевидные издержки: цивилистическая модель юриста неизбежно базируется на приоритете частно-правовых ценностей. Это ведет к дисбалансу в квалификационных характеристиках будущего специалиста в области права между частными и публичными ценностно-образовательными началами, тем более в условиях усиливающегося взаимодействия,

переплетения частных и публичных начал в том числе в хозяйственной сфере.

Рыночные преобразования ни в коей мере не могут и не должны вести к фетишизации частноправовых начал в регулировании общественных отношений, что особенно важно подчеркнуть в связи с реализацией на законодательном уровне Концепции развития гражданского права¹. Они способны лишь деформировать и дезорганизовать как частно-правовую сферу правового регулирования, так и правовую систему в целом, существенным образом разбалансировать соотношение личных, общественных и государственных интересов.

В современном мире главным является поиск баланса, оптимального соотношения между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями — с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это представляет собой проблему соотношения суверенной государственной власти и свободы, которая (свобода) является не только «привилегией» частноправовых институтов; она прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, «присутствует» в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции, а конституционное право как ядро правовой системы (во всей совокупности ее отраслей) приобретает природу публично-частной отрасли права. Эти тенденции должны учитываться и в системе юридического образования, в том числе при выработке своего рода идеологических основ современного национального юридического образования.

¹ В этом плане заслуживают всяческой поддержки подходы к проблеме соотношения частноправовых и публично-правовых начал в гражданском праве академика Ю. К. Толстого, его предложение выработать концептуальные начала публично-правового регулирования хозяйственных отношений «... там, где мы все отдаем на откуп рыночной стихии, происходит немало трагедий...» (См.: Толстой Ю. К. О концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. №1. С. 31–38).

В частности, одна из фундаментальных задач в аспекте реформирования юридического образования — *переход к конституционной модели современного юриста*. Именно она должна обеспечить преодоление крайностей правоохранительной и предпринимательской моделей юриста.

В особой степени это важно для классического университетского юридического образования, для которого принципиально противопоказан узко-отраслевой подход к подготовке юристов (этим должны заниматься ведомственные юридические вузы, существующие в настоящее время более чем в десятке министерств и ведомств — как-то юридические учебные заведения системы МВД, Прокуратуры, ФСБ, ФНС, Минфина, Минтранса и т. д.). И это не должно восприниматься как искусственная попытка разделить юридические вузы на «ведущие» и «ведомые». Наличие классического университетского и отраслевого (ведомственного) юридического образования — давно сложившиеся реалии, которые нельзя не учитывать, в том числе в виде внутригосударственных рейтингов соответствующих вузов, юридических школ и т. п. Мы же, к сожалению, ориентируемся лишь на зарубежные рейтинги, в том числе при оценке своих (!) вузов. Кстати, и в системе университетского юридического образования возможна своя внутренняя градация с учетом имеющихся федеральных, исследовательских университетов, не говоря уже о столичных (МГУ, СПбГУ), обладающих особым статусом.

Что же касается самого по себе учебного процесса, то в рамках конституционной модели подготовки юристов он должен строиться таким образом, чтобы преподавание гражданской, уголовной и любой другой отрасли права основывалось на конституционных ценностных началах, пронизывающих всю нашу правовую систему, и они должны стать надежными основами (принципами) правоприменительной деятельности каждого юриста независимо от сферы и направления его профессиональной деятельности. Без конституционализации всего учебного процесса юридических вузов невозможна подготовка современного правоведа университетского уровня.

Поэтому конституционная модель, ориентированная на фундаментальную подготовку юристов, не сводится к собственно государственной (конституционно-правовой) специализации. Она имеет конституционное обоснование во всех своих квалификационно-профессиональных характеристиках: *в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России.*

При этом структурная модель современного юриста может быть представлена в обобщенном виде как определенная система профессионально-образовательных координат и алгоритмов, определяющих:

1) стоящие перед юристом конституционно значимые перспективные цели и текущие задачи его профессиональной (прежде всего — правоприменительной) деятельности;

2) необходимые для решения соответствующих публично значимых задач личные и профессиональные качества юриста;

3) технологию (алгоритмы) формирования юриста как личности и специалиста сообразно с предъявляемыми к нему *универсальными* (характерными для юридического образования в целом) и *специальными* (отвечающими конкретному направлению профессиональной деятельности юриста) знаниями, умениями и навыками.

Наша национальная модель современного юриста должна разрабатываться в соответствии с вытекающими из Конституции РФ общими принципами, целями и задачами юридической деятельности как специальной профессиональной работы по обеспечению и поддержанию конституционного правопорядка, законности, обеспечению прав, свобод и законных интересов личности, общества, государства. Юрист должен быть жестко связан конституционными императивами, профессионально ответственен за реализацию Конституции как акта высшей юридической силы и прямого действия (ст. 15 Конституции РФ). В отличие от прежней модели советского юриста как юриста-правоохранителя, современный юрист — это, прежде всего, проводник и защитник верховенства права, и в этом смысле он — «правозащитник» (в широком смысле

этого слова), для которого защита прав и свобод человека и гражданина, равно как и защита публично значимых конституционных ценностей общества и государства, является не только профессиональной обязанностью, но и конституционным долгом.

Одновременно юрист должен удовлетворять и таким требованиям, как:

а) обладание высоким уровнем общесоциальной и правовой культуры, ориентация своей познавательной-исследовательской и практической деятельности на уважение и защиту основ конституционного строя Российской Федерации, отстаивание ее национальных интересов;

б) понимание сути современных государственно-правовых, социально-политических и финансово-экономических явлений и процессов в их объективной сложности и взаимосвязях;

в) овладение знаниями об исторических традициях и передовом зарубежном опыте правовой организации общественных отношений;

г) усвоение методологии юридического познания и навыков реальной юридической деятельности, способность самостоятельно адаптироваться к условиям быстроизменяющейся правовой реальности.

Национальная модель юриста, таким образом, призвана отражать необходимость и конкретные направления формирования у гражданина в процессе юридического образования *профессиональной «юридической личности» как субъектного носителя системы конституционно-правовых ценностей и идеалов.* Соответственно, необходимым структурным элементом модели современного юриста и притом — в силу своей специфики — ее нормативным началом является конституционное мировоззрение (правосознание).

В этом плане, уйдя от слепого заимствования какой бы то ни было модели подготовки юридических кадров, необходимо выработать модель, отвечающую культурным, историческим традициям и духовности России, ибо главными проблемами в области юридического образования являются не технологические, не организационно-методические, а философско-мировоззренческие

аспекты, подразумевающие для своего разрешения использование именно конституционных начал.

Между тем, анализ состояния юридического образования в России, а также оценка направлений его совершенствования позволяют сделать вывод, что конституционно-правовой составляющей в системе юридического образования не уделяется должного внимания. В этом плане одна из главных задач по совершенствованию самого содержания, образовательных стандартов подготовки будущих юристов — это *конституционализация юридического образования* во всех его составляющих, включая уголовно-правовой, гражданско-правовой блоки и т. д.

Следует признать, что конституционный нигилизм процветает, порой, в юридических вузах: прежние представления о Конституции как чисто декларативном документе, а не Основном законе прямого действия во многом остаются ни к чему не обязывающей научно-педагогической догмой для заметной части преподавательского состава отраслевых юридических дисциплин, особенно уголовно-правового профиля. Вот и оказываемся в конституционном зазеркалье учебного процесса, где господствует своего рода параксизм отраслевой автономии, учебно-дисциплинарная «суверенность» в преподавании отдельных правовых дисциплин, для которых и Конституция, и решения Конституционного Суда РФ как особый вид источников права имеют второстепенное значение.

Что же касается правовой глобализации как фактора реформирования юридического образования, то вполне можно согласиться с тем, что в современных условиях весьма *актуальной является проблема формирования единого образовательного пространства в области юриспруденции*. Но с кем? О каком пространстве идет речь?

На эти вопросы, в моем представлении, главный ответ заключается в том, что это должны быть в первую очередь страны, имеющие с нами единые исторические и стратегические основы социально-экономических, политических и правовых условий развития. Этим целям в наибольшей степени могло бы соответствовать *создание Евразийской концепции юридического образова-*

ния, ориентированной на решение общей задачи формирования единого образовательного пространства государств — участников СНГ. Между тем, сейчас нам, к сожалению, по этим вопросам до Киева или Еревана сложнее добраться, чем до Брюсселя.

В рамках конкретных направлений Евразийской концепции юридического образования можно выделить следующие:

- формирование общих принципов государственной политики в области юридического образования;
- установление согласованных уровней юридического образования;
- выработка механизмов установления эквивалентности и взаимного признания дипломов, ученых степеней и званий;
- обеспечение образовательной и профессиональной мобильности и т. д.

Что же касается взаимоотношений национальной системы юридического образования с Болонским процессом, то в этой части представляется необходимой корректировка политики интеграции юридического образования в европейское образовательное пространство. Думается, мы могли бы стать (оставаться) участниками Болонского процесса без ломки сложившейся системы образования и, что принципиально важно (!), без девальвации достигнутого уровня образовательных стандартов. В частности, на двухуровневую систему юридического образования можно было бы перейти, не отказываясь от оправдавшей себя модели специалитета, а, напротив, взяв ее за основу — в качестве первого (и, что очень важно, полноценного, признаваемого всеми работодателями) уровня юридического образования. Вторым же уровнем станет в этом случае магистратура, как это и предусмотрено Болонскими стандартами. Такому решению не противоречит, по крайней мере, в принципиальном плане и действующее законодательство. В частности новый Федеральный закон «Об образовании» прямо предусматривает в структуре системы образования в качестве самостоятельных уровней профессионального образования не только бакалавриат и магистратуру, но и специалитет (ст. 10, п. 5).

В заключение отметим: юридическое образование — понятие космополитическое и одновременно глубоко национальное, конкретно-историческое. Юрист — носитель и хранитель национальной правовой культуры. Поэтому нам необходимо четкое понимание того, в каком направлении совершенствовать, реформировать юридическое образование. Ориентиром является в этом плане осознание того безусловного факта, что юридическое образование — важнейшая национальная ценность и конституционная цель современного демократического правового государства.

Магистр почти не виден¹

Приемлема ли в России Болонская система?

Споры о Болонской системе, предполагающей два уровня подготовки специалистов — бакалавров и магистров, ведутся давно. Ряд именитых юристов считает, что в юридической сфере она вообще неприемлема. Свой взгляд на острую проблему члену президиума Ассоциации юристов России Михаилу Барщевскому изложил судья Конституционного суда РФ Николай Бондарь.

ЕВРОПА НАМ УКАЗ ИЛИ НЕ УКАЗ?

— **Николай Семенович, не так давно на встрече с президентом Путиным Вы неожиданно подняли вопрос о юридическом образовании. Что Вас, доктора наук, профессора, завкафедрой одного из федеральных университетов, не устраивает?**

— К сожалению, многое вызывает тревогу. Это и переход от традиционной для нас фундаментальной подготовки к обучению юристов по «компетенциям» узкого профиля, и двухуровневая система «бакалавриат–магистратура» и т. д. Но Болонская система ориентирована на Евросоюз, члены которого уже давно связаны единым правовым пространством и рынком юридических и обра-

¹ Текст интервью М. Барщевскому. Юридическая неделя // Российская газета. 2013. 7 марта.

зовательных услуг. А нас там нет. Для нас остро стоит вопрос: ориентироваться на национальные традиции или же оказаться в плену неких космополитических иллюзий?

— **Мне кажется, как и беременной, юристом нельзя быть «немножко». Либо ты юрист, либо нет. А бакалавриат не готовит полноценного юриста, насколько я понимаю?**

— Согласен, двухуровневая система, в которой, как предполагается, около 75% юристов будут готовиться по программам бакалавриата, может привести к утрате признанного статуса юридического образования как элитного, фундаментального. Таким оно всегда воспринималось, к этому всегда стремились в России, начиная с Петровских времен.

— **И что Вы предлагаете?**

— Если говорить в самом общем виде, то, во-первых, отказ от заимствованной двухуровневой системы образования либо существенная ее модернизация. Ведь ее прообраз у нас был: среднее юридическое (техникумы) и высшее юридическое (вузы). Их реформирование, конечно, необходимо было, но не разрушение же, не отказ от специалитета в угоду магистратуре. О бакалаврах мы уже говорили, а кто такой магистр юриспруденции? В нашем варианте им может стать в течение двух лет (!) бакалавр или специалист с любым образованием (!) — медицинским, техническим и т. д., т. е. готовим магистров юриспруденции без... юридического образования. Условно говоря, вчерашний акушер, позавчерашний ветеринар завтра может стать магистром юриспруденции, не прослушав ни одной лекции по курсу теории права, отраслевых дисциплин конституционного, гражданского права, и т. д.

Во-вторых, сокращение юридических вузов, но вряд ли тем путем, который сейчас избран...

...Свой третий пункт я определил бы как не только проверку знаний, а прежде всего — наведение порядка в системе подготовки, в обеспечении этими знаниями. И это не только образова-

тельные стандарты. Необходима национальная образовательная концепция, основанная на традициях единства юридической науки, обучения и воспитания. А болонские ориентиры заключаются в том, чтобы по ускоренной программе готовить узких специалистов в конкретной области юридической деятельности (нотариата, правоохранительных, налоговых органов и т. п.). В моем представлении... речь должна идти о том, чтобы любое направление, профиль имели конституционные ориентиры. Трудно представить грамотного юриста без умения защищать конституционные ценности — и личности, и государства. Конституционная модель юриста должна основываться на конституционализации всей системы образования... Именно Конституция является той матрицей, которая определяет ориентиры для толкования и применения правовых норм. А во многих вузах конституционное право изучается в течение одного семестра. Большие скажу, бакалавры теперь могут изучать конституционное право как бы «денационализированное»: и отечественное и зарубежное в одном курсе. <...>

— В среде юристов давно витает идея о едином квалификационном экзамене, сдав который, человек получает право идти работать нотариусом, судьей, прокурором либо госслужащим, начиная с определенного уровня. Подобные экзамены существуют в США и многих странах Европы. Как Вы относитесь к введению жесткого профессионального экзамена в России?

— Для меня тема заключительного этапа проверки знаний вторична по отношению к самому процессу обучения. Если не навести порядок в системе обучения, может сложиться ситуация, когда и проверять будет нечего — король-то окажется голый.

Но, конечно, должны быть проверочные фильтры. Даже при существующей системе государственные экзамены не должны быть экзаменами перед преподавателями, которые выставляли ни за что «пятерки» или «четверки» в течение пяти или четырех лет обучения.

— К сожалению, во многих случаях не «за что», а «почем»...

— Да, но я вынужден выбирать более мягкие формулировки, учитывая статус судьи. При этом государственной аттестационной комиссии надо вернуть изначально предполагавшееся назначение. И нельзя вводить какие-то экзамены вместо, как альтернативу госэкзамена, а вот наряду с ним — да, согласен. <...>

— Вы много лет проработали в Ростове-на-Дону, потом довольно долго в Москве, сейчас трудитесь в Питере. Сравните юридическую жизнь в Ростове, Питере и Москве. Где вам как юристу-ученому было интереснее, где среда была питательнее и богаче?

— Научная жизнь интереснее и богаче в Москве. Здесь, я думаю, двух мнений не может быть. Комфортнее для внутреннего состояния души в Ростове. А, по роду нынешней основной профессиональной деятельности, как судье, — в Питере, рядом с «Медным всадником».

◆◆◆

*Post
Scriptum
2020*

К приведенным выше материалам о проблемах высшего образования, опубликованным шесть-семь лет назад, казалось бы, крайне необходимо послесловие — *post scriptum*. Действительно, некоторые положения фактического характера нуждаются в уточнениях. Нельзя не отметить, например, того факта, что за этот период достаточно заметно, особенно, если иметь в виду абсолютные цифры, сократилось количество образовательных организаций, занимающихся подготовкой юристов. По состоянию на 2020 год по специальности «Юриспруденция» бакалавров готовят 493 вуза и филиала (при этом в Москве и области — 92, в Санкт-Петербурге — 26). Тем не менее вряд ли можно считать эти показатели оптимальными. Тем более с учетом сегодняшних потребностей рынка юридических услуг, ориентированного теперь уже не просто на выпускников с юридическим дипломом, а на высококвалифицированных специалистов в области права.

Что же касается основных проблем юридического образования и его так называемого «реформирования» на протяжении последних двух-трех десятилетий, то они, как представляется, практически в полной мере сохраняются, а в чем-то и обостряются. В этом плане сегодня у всех на слуху проблема вездесущей «цифровизации», которая активно вторгается и в сферу образования. Ускоренный переход на дистанционное обучение, связанный со сложной эпидемиологической ситуацией, обозначившейся в начале 2020 года, является мерой вынужденной, а потому не во всем и далеко не везде продуманной и выверенной. Тем не менее дистанционное образование посредством различных цифровых образовательных платформ и методик, с использованием функционала соответствующего программного обеспечения представляется сегодня порой как наше светлое будущее. Очевидно, однако, что дальнейший процесс внедрения информационных технологий в сферу образования должен осуществляться с учетом особенностей тех или иных образовательных сфер. Одно дело, например, математика или физика и т. п., совсем другое — гуманитарные направления, в особенности юриспруденция, где подготовка специалиста напрямую сопряжена с формированием мировоззренческих начал личности будущего юриста. Соответственно, образование и воспитание в этом случае — единый процесс, который вряд ли может носить исключительно дистанционно-цифровой характер. Не говорю уже о других аспектах, связанных с необходимостью учитывать в первую очередь интересы обучающихся, соблюдать их права, а не ориентироваться на «удобства» для самой по себе образовательной системы, в том числе имея в виду ее удешевление, сокращение педагогического штата и т. п. Одним словом, цифровизация образования, как и состоявшееся не во всем продуманное присоединение к Болонскому процессу, не может быть самоцелью, в противном случае это путь к снижению качества подготовки специалистов.

Хочется надеяться, что поиск путей решения накопившихся проблем юридического образования будет вестись, в том числе,

с учетом высказанных соображений, тем более что с ними (с этими соображениями) согласны многие специалисты высшей школы. Свидетельством этого являются, в том числе, дискуссионные отклики на публикации, которые легли в основу данного сюжета главы о моих университетах конституционализма¹. Они также могли бы быть полезны для выбора вектора дальнейшего развития отечественного образования.

2.4. ЖИЗНЬ КОРОТКА, ПАМЯТЬ ВЕЧНА... (ОБ УШЕДШИХ УЧИТЕЛЯХ, КОЛЛЕГАХ)...

*Ante
Factum
2020*

Очень трудно писать об ушедших. Тем более, если это твои учителя, коллеги, с кем шел по жизни многие годы. Что, однако, может быть важнее, чем бережное отношение к памяти близких нам людей, в том числе оставивших заметный след в конституционно-правовой науке? Руководствуясь этими сложными чувствами я принял решение поместить хотя бы в сокращенном виде материал о своих коллегах-учителях, который более полно представлен в первом издании этой книги². Грустным дополнением к этому очерку стали заметки, посвященные памяти безвременно ушедшего из жизни моего хорошего товарища и коллеги профессора В. И. Фадеева.

Вряд ли есть необходимость предпосылать какие-либо дополнительные слова к тому, что было написано обо всех этих известных ученых и прекрасных людях своего времени, сохра-

¹ См., например: Сивицкий В. А. Начало комплексному осмыслению состояния российского юридического образования положено, что дальше? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. №4. С. 191–195; Берлявский Л. Г. Рецензия на книгу: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №9. С. 236–240.

² См.: Бондарь Н. С. Личное и публичное.: в поиске баланса... Публикации разных лет. Ростов н/Д.: Альтаир, 2010. С. 135–268.

нение памяти о которых — долг всех нас, живых... Надеюсь на понимание читателя и в том, что какие-то материалы, факты из жизни и творчества представленных в данной главе книги ученых в определенной мере могли затрагиваться и в других частях настоящего издания.



Слово о профессоре В. А. Ржевском, его вкладе в теорию и практику отечественного конституционализма¹

*Кто как дышит, так и пишет,
не пытаюсь угодить...*

Пожалуй, единственная возможность остановить время, перенестись в прошлое — это *человеческая Память*. Память об учителях — особая: она всегда связана с самооценкой личности человека, осознанием того, откуда и каким он пришел в этот мир и кем стал...

Все это особенно остро воспринимается по отношению к конкретным людям, повлиявшим на выбор твоего жизненного пути, рода профессиональной деятельности. Еще вчера трудно было представить, что так рано придется писать воспоминания о Владимире Алексеевиче Ржевском, говорить о нем в прошедшем времени. Впрочем, почему в прошедшем? Вряд ли это правильно — считать, что ушедшие остаются в прошлом. Все зависит от самого человека, от того, что он успел сделать, какой оставил след на земле. Благодаря именно этому «наследству» гарантирована принадлежность человека — после его ухода из жизни — не только к прошлому, но к настоящему и будущему.

¹ См.: Бондарь Н. С. Слово о профессоре В. А. Ржевском, его вкладе в теорию и практику отечественного конституционализма // Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Ржевского / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. С. 8–16.

У профессора В. А. Ржевского есть такое наследство: это его научные труды, большое количество учеников, как практиков, так и ученых. Поэтому о В. А. Ржевском нужно говорить не только в прошедшем времени. Хотя, конечно, и вспомнить есть о чем. Тем более, если иметь в виду, что я оказался в свое время первым аспирантом, а затем и первым кандидатом юридических наук, защитившим диссертацию под научным руководством молодого доктора юридических наук В. А. Ржевского. Мне посчастливилось поработать вместе с ним на двух кафедрах, а также в деканате и в партийном бюро юридического факультета (будучи замом В. А. — в первом случае как декана, во втором — как секретаря партбюро).

Что же предшествовало восхождению В. А. Ржевского на научный Олимп? В сухих биографических справках отмечаются, как правило, год, место рождения, вехи научного и служебного роста. Но достаточно ли этого для понимания всей глубины человеческой личности, ее духовной природы и, соответственно, для сохранения как можно более полного образа в памяти, включая тех, кто уже не успел прослушать лекции, не был лично знаком с Владимиром Алексеевичем? Вряд ли.

Разве не заслуживает внимания, например, то обстоятельство, что не просто в профессиональном плане, но как бы наследственно, на генетическом уровне Владимир Алексеевич впитал в себя качества педагога, учителя. Его отец — Алексей Трофимович Ржевский — преподаватель педагогического училища, до глубокой старости (до 95-летнего возраста!) занимавшийся литературным творчеством, мать — Ржевская Мария Степановна — учительница начальных классов средней школы. Многие десятилетия они посвятили благородному учительскому труду в небольшом городке Бобруйске Воронежской области.

Здесь же Владимир Алексеевич Ржевский окончил с золотой медалью среднюю школу, а затем поступил на **юридический факультет Ленинградского университета**, окончив его с отличием. Был оставлен в аспирантуре, где защитил кандидатскую диссертацию и получил фундаментальную юридическую подготовку, в

частности, под руководством своего научного руководителя Семена Марковича Равина, к которому на всю жизнь сохранил теплую благодарность.

Бесспорным является тот исторический факт, что молодой кандидат наук В. А. Ржевский заявил о себе в полный голос как о талантливом ученом **в Саратовском юридическом институте, на кафедре конституционного права**, которую возглавлял в те времена блестящий ученый, обладавший поистине энциклопедическими познаниями, профессор Исаак Ефимович Фарбер. Его первая монография вышла в Саратове в 1966 году¹. Думаю, не будет преувеличением сказать, что с тех пор другие работы по этой проблематике, в том числе уважаемых ученых (только из этических соображений не называю их фамилии), были направлены, в лучшем случае, на развитие, а чаще всего — комментирование идей, содержащихся в работе В. А. Ржевского.

А затем, всего год спустя, явилась конституционная феерия в образе совместной с И. Е. Фарбером книги «Вопросы теории советского конституционного права»². Главные разделы книги охватывают учение о государственной власти, государственном суверенитете, конституционных основах свободы личности, что соответствует, в представлении авторов, главным объектам конституционно-правового регулирования — власть, суверенитет, свобода личности. В ней была предложена новая система науки конституционного права, новое понимание ее предмета и т. д.

Ни в коей мере не умаляя научных достижений многих других представителей конституционно-правовой науки этого славного вуза, рискну высказать предположение, что с выходом в свет этой книги И. Е. Фарбера и В. А. Ржевского, вероятно, следует связывать рождение мощной, успешно развивающейся и в наши дни саратовской конституционно-правовой школы. Подтверждением этого яв-

¹ Ржевский В. А. Территориальная организация советского государства. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1966.

² Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1967.

ляется, в частности, то обстоятельство, что последующие годы наблюдался настоящий «звездопад» диссертаций по конституционно-правовой проблематике молодых питомцев кафедры, ставших впоследствии крупными учеными-конституционалистами страны — Юрия Петровича Еременко (1968 г.), Владимира Терентьевича Кабышева (1969 г.), Олега Орестовича Миронова (1969 г.), Бориса Сафаровича Эбзеева (1975 г.) и др.

Немало можно было бы рассказать о том, какой глубокий след не только в профессиональной, научной деятельности, но и в человеческом плане оставил Саратов в судьбе В. А. Ржевского. Встречи с бывшими коллегами по саратовской школе конституционного права (где бы в последующем они не работали), конференции с их участием всегда были для Владимира Алексеевича праздником. Особенно запомнились, например, блестяще организованная в Саратовском юридическом институте конференция 1979 года, посвященная проблемам правового статуса личности, или традиционные конференции конституционалистов в Звенигороде, на которых мне посчастливилось неоднократно бывать вместе с Владимиром Алексеевичем, слушать его яркие научные выступления, и, конечно, неформальные (очень неформальные!) встречи друзей-коллег, где В. А. Ржевский был в центре внимания: мог рассказать и анекдот, и неожиданно проявить себя блестящим знатоком поэзии, музыки, литературы, не говоря уже о познаниях в самых различных отраслях права, истории или спорта и т. п. И это при всем том — хотелось бы особо подчеркнуть данное обстоятельство, — что по своему внутреннему состоянию и внешнему восприятию, как студентов, так и коллег, он был своего рода научным аристократом, никогда не стремился быть «как все», выдерживал дистанцию (что, наверняка, импонировало не всем коллегам).

1967 год оказался знаменательным, поистине судьбоносным для В. А. Ржевского еще по одной причине (кроме выхода в свет совместной с И. Е. Фарбером работы, которая сразу сделала молодого Ржевского известным, признанным ученым). Так случилось, что в этом же году начинается и **ростовский период его профес-**

сиональной деятельности. Именно здесь он подготовил докторскую диссертацию «Воплощение суверенитета советского народа в конституционных институтах общественно-политического строя СССР», блестяще защитив ее в своей alma mater — Ленинградском госуниверситете (в 1974 г.), став по тем временам одним из самых молодых в Советском Союзе докторов юридических наук (свой автореферат докторской диссертации В. А. Ржевский в июле 1974 года прислал мне в Псков, где я проходил службу в военной прокуратуре). С тех пор В. А. Ржевский — бесспорный авторитет, ведущий специалист и по проблемам общественного строя¹.

В последние годы своей жизни, даже тяжело болев, В. А. Ржевский обращается к проблемам судебной власти². В завершающий период своей творческой деятельности В. А. Ржевский выступил соавтором и научным редактором выдержавшего несколько изданий солидного учебного пособия (объемом более 600 страниц) «Основы государства и права». В этом пособии были раскрыты многие из тех проблем курса основ государства и права, которые обсуждались и разрабатывались еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг. на кафедре основ государства и права³, созданной профессором В. А. Ржевским в 1978 году в качестве одной из первых в стране такого рода кафедр. В последующем он возглавлял эту кафедру на протяжении нескольких лет (до того, как стал руководителем другой кафедры — государственного и международного права — так она называлась в то время).

Что же касается **педагогической деятельности**, то она для В. А. Ржевского началась в Ростове-на-Дону в качестве доцента ка-

¹ Ржевский В. А. Общественно-политический строй СССР как воплощение суверенитета советского народа. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1974; Он же. Общественный строй развитого социализма: конституционное содержание, структура, регулирование. М.: Юрид. Лит., 1983.

² Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности. М.: Юристъ, 1998.

³ См., напр.: Бондарь Н. С., Ржевский В. А. Мировоззренческая направленность учебного курса «Основы советского права» // Правоведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. №6. С. 68–75.

федры государственного и международного права. Кажется, это было только вчера, а в действительности — в далеком 1969 году... На второй курс юридического факультета Ростовского госуниверситета пришел молодой, подтянутый, безупречно одетый доцент и приступил к чтению лекций в совершенно необычной, оригинальной (по сравнению с другими преподавателями) манере. Без опоры на конспект, выстреливая в течение всей лекции идеально отточенные фразы (без оговорок, без запинок!), придерживаясь строгой логики изложения материала, сопряженной с незабываемой эмоциональностью подачи, Ржевский быстро завоевал любовь и уважение студенческой аудитории. А если тема лекции была рассчитана на несколько занятий, то на следующей лекции ее продолжение следовало не просто с той последней мысли, на которой лектора застал звонок предыдущего занятия, а буквально с той же фразы, с тех же слов (!), которые им были произнесены несколько дней назад! Неслучайно уже тогда учащаяся молодежь прозвала Владимира Алексеевича лектором-машиной. Причем материал подавался таким образом, что абсолютно все студенты, старательно записывавшие лекцию, в конечном счете получали своего рода рукописное учебное пособие. Недаром, пожалуй, все его благодарные ученики потом многие годы сохраняли свои конспекты, иногда передавая их своим младшим товарищам «по наследству», в том числе и в другие вузы. У меня и сейчас есть эти конспекты. Кстати, так же, как и планы-конспекты материалов к коллоквиумам, которые оформлялись в порядке подготовки к сдаче кандидатского экзамена по конституционному праву. С этими материалами как раз была связана история моей поездки в 1976 году в Орджоникидзе (Владикавказ) для чтения «вахтовым» методом на юридическом факультете Северной Осетии курса конституционного права. Об этой истории я рассказал ранее, в первой главе; здесь же остается подчеркнуть, что именно эти конспекты помогли мне выйти, как представляется, с честью из непростой ситуации (первого опыта чтения лекций полного курса конституционного права в течение предельно короткого периода),

Очень непросто давать оценки крупным личностям, в особенности, с точки зрения того, **что явилось главным, самым важным итогом жизненного пути.** Тем не менее рискну это сделать. Вероятно, это, *во-первых, научный вклад профессора В. А. Ржевского в развитие теории конституции и на этой основе — в конституционализацию отечественной государственно-правовой науки.* Первоначально в совместном труде с И. Е. Фарбером, а в последующем в ряде своих публикаций уже в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В. А. Ржевский становится одним из наиболее активных сторонников понимания советского государственно-правового права как права конституционного.

Нельзя не отметить, что, казалось бы, весьма абстрактные теоретические представления профессора В. А. Ржевского уже в тот период получали неожиданный практический выход. Достаточно вспомнить в связи с этим об участии Владимира Алексеевича в качестве эксперта в историческом заседании Конституционного Суда РФ «по делу КПСС» в 1992 году. Один из участников этого процесса профессор Ф. М. Рудинский, давая оценку своему коллеге В. А. Ржевскому как эксперту по данному делу, пишет: «Владимир Алексеевич вообще очень талантливый человек, и его заключение, ответы на вопросы были весьма высокими по теоретико-правовому уровню... Он защищал позицию об институциональной раздвоенности партии. Весьма оригинальными были его суждения о КПСС как элементе фактической конституции». (Выделено мною — Н. Б.)¹. Далее автор воспоминаний пишет: «В своем итоговом решении КС признал субъектом конституционной ответственности в данном деле не КПСС и КП РСФСР, а их руководящие структуры. Таким образом, он согласился с позицией экспертов И. П. Ильинского и В. А. Ржевского»². Думаю, дополнительные комментарии на этот счет излишни.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, определяя главные итоги научно-профессиональной деятельности

¹ См.: Рудинский Ф. М. Дело КПСС в Конституционном суде. Записки участника процесса. М., 1999. С. 120–121.

² Там же. С. 175.

сти профессора В. А. Ржевского, это, конечно, *формирование ростовской конституционно-правовой школы.* Очевидно, что она во многом явилась как бы продолжением, развитием на Донской земле саратовской школы конституционного права. А если посмотреть еще глубже в историю, то вырисовывается своего рода географическая триада профессионального пути В. А. Ржевского: *Ленинград — Саратов — Ростов-на-Дону.* Она (эта географическая триада) во многом отражает в том числе и географию развития отечественных идей конституционного права (в частности в тот период, когда далеко не во всех юридических учебных и научных учреждениях страны признавалась конституционно-правовая природа ведущей отрасли права).

Говоря о ростовской конституционно-правовой школе, имею в виду не только учеников В. А. Ржевского, защитивших диссертации по конституционному праву. Ее организационным центром была, конечно, кафедра государственного и международного права, где под руководством В. А. Ржевского всегда имела место безупречная организация учебной, научной, методической работы. Например, кафедральные научно-методические семинары нередко превращались в мини-конференции с последующей публикацией их результатов, в том числе в центральных изданиях. Становление и развитие научной школы вряд ли можно представить без активной научно-студенческой работы. Для многих из нас именно со студенческого научного общества начинались первые шаги в науку. Как тут не вспомнить о том, что тогда, в отличие от нынешнего времени, на юридическом факультете РГУ наибольшим авторитетом и престижем среди студентов пользовалась именно государственно-правовая специализация.

И перечисление такого рода, на первый взгляд, почти незаметных, но очень важных примет зарождения, существования и развития научной школы; истинного, а не мнимого научного авторитета (вряд ли, например, можно было услышать от В. А. слова о себе в третьем лице как о профессоре — в таком «самоутверждении» он не нуждался), можно было бы продолжить, не говоря

уже о конкретных научных публикациях, о развитии идей конституционализма в трудах учеников В. А. Ржевского. Сегодня ростовская конституционно-правовая школа — реальная страница отечественного конституционализма.

Земной поклон Владимиру Алексеевичу Ржевскому за все, что он успел сделать в отведенное ему время короткой, но столь богатой творческой жизни.

Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения

(в контексте творческого наследия профессора И. Е. Фарбера)¹

Не так много можно назвать ученых-юристов (и, в частности, представителей конституционно-правовой науки как наиболее политизированной области юриспруденции), труды которых, пережив своих авторов, со временем актуализировались бы самой жизнью, закономерностями государственного и общественного развития. К таким ученым, научным идеям которых уготована счастливая судьба долгой жизни, относится Исаак Ефимович Фарбер.

Горжусь тем, что был лично знаком с этим прекрасным человеком, интересным собеседником, носителем энциклопедических знаний, блестящим юристом — практиком и ученым.

¹ На основе: Бондарь Н. С. Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И. Е. Фарбера) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2008. Вып. 9. С. 47–58; Бондарь Н. С. У истоков доктрины «живого» реального отечественного конституционализма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. №4 (93). С. 42–47; Бондарь Н. С. Правовая педагогика в конституционном измерении (памяти И. Е. Фарбера как великого педагога) // Педагогическое мастерство: опыт и инновации: сб. ст. по матер. межвуз. науч.-метод. конф., посвящ. памяти профессора И. Е. Фарбера (26 февраля 2015 г., Саратов)/под ред. С. Н. Туманова, В. Т. Кабышева, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2016. С. 10–15.

Теплым взаимоотношениям с И. Е. Фарбером я был обязан, конечно, своему научному руководителю Владимиру Алексеевичу Ржевскому. Вспоминаю об этом еще и потому, что после выхода в 1967 году их совместной работы¹ обе фамилии — Фарбер и Ржевский — как бы слились воедино, став негласным синонимом предложенной ими новой концепции в конституционно-правовой науке. Если бы И. Е. Фарбер не опубликовал ничего другого, кроме этой совместной работы, и тогда он вошел бы в историю отечественной конституционно-правовой науки.

Судьба свела нас, когда возглавляемая им кафедра государственного права Саратовского юридического института была ведущей организацией при защите моей кандидатской диссертации в Ленинградском госуниверситете (1979 г.). Затем были не частые, но яркие встречи в Саратове, Москве, Ростове. Однажды в дни научной конференции, проходившей в Саратове, я побывал в гостях у Исаака Ефимовича. Не передать словами впечатления молодого аспиранта (1978 г.) от великолепной личной библиотеки маститого ученого и, конечно, от его гостеприимства и теплой непринужденной, совершенно домашней обстановки, в которой проходило наше общение.

Позже, три года спустя, я встретился с И. Е. Фарбером уже в статусе председателя Государственной аттестационной комиссии на юридическом факультете Ростовского госуниверситета. Прошло несколько десятков лет, но так и остался единственным, поистине уникальным — и очень поучительным! — пример столь заинтересованного, по-отечески внимательного отношения председателя ГАК в лице видного ученого к студентам-выпускникам, к их дипломным исследованиям. Ежедневно, на ночь, И. Е. Фарбер забирал дипломные работы, которые должны были выноситься на следующий день на защиту, с собой в гостиницу. Он знакомился с каждой из них или, если не успевал прочитать лично, просил об этом членов ГАК. Он исходил из того, что поверхностное

¹ См.: Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967

отношение к дипломным работам («пролистывание» их во время самой процедуры защиты) есть проявление неуважения к труду их авторов.

Что касается научного наследия, то нельзя не отметить многогранность таланта И. Е. Фарбера как крупного ученого в различных областях теории государства и права, конституционного права. Но, ни в коей мере не умаляя вклад профессора Фарбера в развитие теории и методологии права, правовой педагогики, других направлений юриспруденции, для меня особенно важно в научных трудах И. Е. Фарбера все то, что составляет *научно-теоретическую мозаику основ конституционного мировоззрения*. Начало их доктринального оформления хронологически совпало, во-первых, с научным прорывом в исследовании проблем правосознания в единстве правовой идеологии и правовой психологии как структурных элементов не только собственно правосознания, но и правового мировоззрения, что впервые получило обоснование в трудах И. Е. Фарбера как теоретика права. Во-вторых, этот период совпал с погружением признанного специалиста в области общей теории права в конституционно-правовую проблематику, научно-теоретическое обоснование основополагающих конституционных ценностей (прав человека и суверенитета государства, власти и собственности, политической и экономической демократии в их конституционном выражении и т. д.) и, соответственно, со становлением саратовской школы конституционного права во главе с профессором И. Е. Фарбером¹.

Конечно, сама по себе проблема конституционного мировоззрения может рассматриваться с различных позиций. В данном случае важно подчеркнуть, что речь не идет о некоем конкретном наборе догматических положений, содержащихся в работах И. Е. Фарбера, которые могли бы быть представлены в качестве научно-теоретических истоков конституционного мировоззрения. Все работы И. Е. Фарбера в области конституционного права — это,

¹ См.: Саратовская научная школа конституционного права/Сост. В. Т. Кабышев. М., 2006. Вып. 2.

во-первых, результат нового научно-методологического подхода к исследованию как самой конституции в единстве ее фактических и формально-юридических характеристик, так и к исследованию конституционных проблем власти, суверенитета, свободы личности в обществе и государстве; во-вторых, сами по себе научные идеи, выдвинутые в трудах И. Е. Фарбера, в буквальном, материализованном выражении представляют собой научно-теоретические истоки нового для того времени конституционного мировоззрения.

Для уяснения этих вопросов важно учитывать, что конституционное мировоззрение представляет собой сложное явление социальной действительности, отражающее не только правовые, но и политико-идеологические, эмоционально-волевые, психологические, национально-культурные начала, действие которых, с одной стороны, непосредственно проявляется в общественных отношениях, составляющих предмет конституционного права, а с другой — предопределяется общественной практикой, которая по существу и выступает основой появления, развития, столкновения и преобразования социальных ценностей, воплощающих в себе основные характеристики конституционного мировоззрения и имеющих тенденцию к нормативному формализованному выражению. В концептуальном, теоретически обобщенном виде подходы к научному пониманию конституционного мировоззрения были предложены уже в одном из первых монографических исследований И. Е. Фарбера «Правосознание как форма общественного сознания» (М., 1963), в котором автором были рассмотрены вопросы о сущности правосознания, о взаимоотношениях данной формы отражения объективной реальности с общественными отношениями и юридической надстройкой, выявлена структура правосознания, отражающая единство правовой психологии и правовой идеологии и т. д.

На этой теоретической основе вполне логичным может выглядеть понимание и самой конституции не только в качестве основного закона государства, но и как нормативной основы, политико-правового ядра высшей формы правового сознания,

имея при этом в виду понимание самой конституции не только в ее формально-юридическом, но и в мировоззренческом, политико-идеологическом выражении.

Возможность таких подходов обуславливается уже тем обстоятельством, что именно конституция интегрирует в себе и возводит на высший нормативно-правовой уровень основные результаты развития политико-правовой культуры общества в их ценностном проявлении, определяет механизмы нормативной интеграции соответствующих конституционных ценностей в политико-правовой культуре общества, его социальных групп и каждой отдельной личности.

Поэтому, возможно, одним из главных выводов, вытекающих из трудов И. Е. Фарбера, является вывод о том, что социальная ценность конституции определяется прежде всего тем, что она является основным нормативно-правовым средством обеспечения свободы индивида, инструментом упорядочения взаимоотношений человека с обществом и государством.

Таким образом, уже на заре становления современного конституционализма проблема свободы, взаимоотношений государства и личности стала рассматриваться как одна из центральных в конституционной философии нового политического строя и соответственно в механизме конституционного регулирования всей системы общественных отношений. Обеспечение прав человека, признание и гарантирование определенного уровня свободы и взаимной ответственности составляют главное содержание всех тех реальных отношений, которые складываются между государственной властью и личностью, а поиск баланса между свободой и властью составляет основной смысл их конституционного регулирования.

И неслучайно параллельно с разработкой фундаментальных проблем общей теории конституционного права И. Е. Фарбер активно занимался проблемой свободы личности, прав человека и гражданина. Символично, что в том же 1967 году в журнале «Правоведение» вышла его статья «Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе». Пожалуй, именно с ее появлением

в нашей стране развернулось масштабное исследование прав человека и гражданина как важнейшей проблемы отечественного (а не буржуазного, как до этого принято было считать) конституционализма. В дальнейшем эти идеи получили обоснование и развитие в специальной монографии ученого¹.

Свобода и государственная власть это органически взаимосвязанные явления: как свобода личности, положение человека в обществе детерминируют природу власти, определяют ее глубинные характеристики с точки зрения достигнутого уровня демократизма и гуманистических начал в механизме властвования, так и государственная власть самым непосредственным образом влияет на положение личности, придает юридически обязательные качества фактическим отношениям власти–подчинения, свободы–ответственности в государственно организованном обществе. Начала власти и свободы в их взаимодействии определяют, таким образом, саму суть конституционной ткани демократического общества, основанного на принципах современного конституционализма.

В разграничении фактической и юридической конституции состоит основной смысл предложенного И. Е. Фарбером подхода к анализу природы этого сложного общественно-политического явления, а на этой основе — и понимания одного из наиболее дискуссионных на тот момент вопроса о конституционной природе государственного права, его (конституционного права) предмете как ведущей отрасли правовой системы. Под редакцией именно профессора Фарбера был подготовлен и издан *один из первых отечественных учебников советского конституционного (а не государственного) права*². Данный подход позволил выявить важные конституционные истоки, имеющие своей отправной точкой реальные общественные отношения, помог очертить пределы и закрепить на высшем правовом уровне систему важнейших общественных отношений в их ценностном измерении.

¹ См.: Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.

² См.: Советское конституционное право / Под ред. И. Е. Фарбера. Саратов, 1979.

Ярким подтверждением того, что новаторские идеи профессора Фарбера, опередившие свое время, пронизывают всю систему отечественного конституционализма, является его авторская концепция конституционного мировоззрения, новые научные подходы к формированию общественного правосознания и конституционной культуры в обществе и государстве.

Истоки доктринального оформления соответствующих идей хронологически совпали, во-первых, с научным прорывом в исследовании проблем правосознания в единстве правовой идеологии и правовой психологии как структурных элементов не только собственно правосознания, но и правового мировоззрения, что впервые получило обоснование как раз в трудах И. Е. Фарбера как теоретика права. Во-вторых, этот период совпал с погружением признанного знатока общей теории права в конституционно-правовую проблематику, научно-теоретическим обоснованием основополагающих конституционных ценностей (прав человека и суверенитета государства, власти и собственности, политической и экономической демократии в их конституционном выражении и т. д.) и, соответственно, становлением саратовской школы конституционного права во главе с профессором И. Е. Фарбером¹.

Конечно, сама по себе проблема конституционного мировоззрения может рассматриваться с различных позиций. В данном случае важно подчеркнуть, что речь не идет о некоем конкретном наборе догматических положений, содержащихся в работах И. Е. Фарбера, которые могли бы быть представлены в качестве научно-теоретических истоков конституционного мировоззрения.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что профессор Исаак Ефимович Фарбер, будучи признанным классиком отечественного конституционализма, одновременно является *одним из основоположников правовой педагогики*. Я бы сказал, что фундаментальный вклад профессора Фарбера в этой сфере заключается в том, что именно он придал *правовой педагогике конституционное измерение*.

¹ См.: Саратовская научная школа конституционного права. Вып. 2 / Сост. В. Т. Кабышев. М.: Формула права, 2006.

Не касаясь конкретных вопросов, связанных с известной монографией профессора И. Е. Фарбера «Очерки вузовской педагогики», остановлюсь, пожалуй, на одном, но, как представляется, принципиально важном, в том числе в общеметодологическом и педагогическом плане, вопросе. Он связан с пониманием общего смысла и направленности современного юридического образования, где, соответственно, определяющее значение имеет получившее свое обоснование именно в работах профессора И. Е. Фарбера понимание конституционных основ модели юриста.

Еще в далеком 1979 году в сборнике «Проблемы конституционного права», изданном Саратовским юридическим институтом, была опубликована статья профессора И. Е. Фарбера, которая так и называлась — «Конституционные основы модели юриста»¹. В этой статье содержатся многие по-современному звучащие положения, которые дают конституционные параметры современной модели юриста. В их основе лежит необходимость четкого понимания того, что *современный юрист — это высокообразованный и имеющий широкие, не только собственно профессиональные, но и общегуманитарные знания и ориентиры человек*. Согласно его убеждению юридический вуз должен формировать не «должностное» мышление прокурора, судьи, следователя и так далее, а широкое профессионально-юридическое мышление. И. Е. Фарбер предлагал научно-теоретические подходы, связанные с пониманием сущности правосознания и юридического мировоззрения, основанные на конституционно-правовых началах. Один из отстаиваемых им постулатов гласит, что в основе формирования современного юриста должно лежать конституционное мировоззрение.

В той же статье был сделан и другой вывод: главным орудием производства для юриста является Закон. Коль скоро это так, значит правовая педагогика должна быть ориентирована прежде

¹ См.: Фарбер И. Е. Конституционные основы модели юриста // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Саратов, 1979. Вып. 3. С. 3–11.

всего на формирование знаний, навыков, умения правильно толковать и примечать действующее законодательство.

Идеи профессора И. Е. Фарбера, связанные с необходимостью формирования юриста как специалиста широкого профиля, позволяют вполне определенно оценить обоснованность тех «инновационно-реформаторских» подходов, которые были реализованы в последние годы. Нет сомнений в том, что рано или поздно, в том числе на основе более глубокого и непредвзятого изучения научных работ классиков российской юриспруденции и правовой педагогики, включая, разумеется, подходы профессора И. Е. Фарбера, необходимо будет корректировать реформу юридического образования, но корректировать осмысленно: *сохраняя все лучшее, что наработано, в том числе за последнее время, но и не забывая сложившиеся в этой сфере национальные традиции.*

Конституционное право — фундаментальная ценность демократического правового государства

(по мотивам научного наследия академика О. Е. Кутафина)¹

*Ante
Factum
2020*

В основу помещенного здесь материала памяти академика О. Е. Кутафина легли несколько публикаций. Одна из них представляет собой текст моего выступления на пленарном заседании Международной научно-практической конференции 9 декабря 2009 г. в МГЮА — значимом и памятном для меня событии, связанном с именем этого замечательного человека. Та конференция

¹ Материалы доклада на пленарном заседании Международной научно-практической конференции 9 декабря 2009 г. в МГЮА им. О. Е. Кутафина «Государство и право: вызовы XXI века» (Кутафинские чтения). См. также: Бондарь Н. С. Концепция «живого» (судебного) конституционализма: методология исследования в свете практики конституционного правосудия // Теория и практика российского конституционализма: сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. / Отв. ред. В. И. Фадеев. М.: Издательский центр Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013 г. С. 10–32.

положила начало прекрасной традиции проведения ежегодных Кутафинских чтений. Только самые что ни есть уважительные обстоятельства помешали мне участвовать в двух из девяти проведенных Кутафинских чтений. С воспоминаний об этом мероприятии и начну свое слово памяти, адресованное великому Ученому, моему Учителю, старшему товарищу...

◆◆◆

Величественным, по-своему уникальным духовным памятником выдающемуся советскому и российскому конституционалисту, академику Олегу Емельяновичу Кутафину, уверен, на долгие времена будут Кутафинские чтения. В этом плане конференция 9 декабря 2009 года войдет в историю не только МГЮА имени О. Е. Кутафина, но и в историю юридической жизни страны — как открывшая традицию проведения — в рамках Кутафинских чтений — ежегодных встреч с этим выдающимся ученым-юристом. Для кого-то это будет общение, как с живым, со своим учителем, коллегой, товарищем, а для многих (и их, наверняка, с каждым годом будет все больше) Кутафинские чтения станут местом знакомства и приобщения к богатству юридической мысли и практического наследия О. Е. Кутафина как ученого, педагога, руководителя вузовского образования, государственного деятеля. Это уже будет знакомство тех представителей молодых поколений юристов, кому не довелось слушать лекции, быть его учеником.

При всей той широте научных интересов, которая всегда, на всех этапах творческой деятельности была присуща О. Е. Кутафину, его научно-теоретическое и практическое наследие имеют прямое отношение в том числе к становлению отечественного конституционного правосудия. Об этом мне особенно приятно сказать от имени всех своих коллег, судей Конституционного Суда РФ. В чем это проявилось?

Во-первых, без вклада этого выдающегося ученого в развитие теории российского конституционализма трудно представить формирование новой российской государственности и ее демократических институтов, включая институт конституционно-судебного

контроля. Во-вторых, активно участвуя в государственно-политической деятельности, О. Е. Кутафин способствовал нормативному и организационно-правовому оформлению национальной модели конституционного правосудия, созданию Конституционного Суда РФ. В-третьих, О. Е. Кутафин тесно сотрудничал с Конституционным Судом РФ уже на первых этапах его практической деятельности, лично или через возглавляемые им МГЮА и кафедре конституционного права участвовал в выработке конкретных судебных решений — как эксперт и соавтор многих заключений.

Что же касается заявленной темы доклада — «Конституционное право как фундаментальная ценность современного демократического правового государства» — она, наверняка, кому-то покажется несколько амбициозной. Но возможные в связи с этим вопросы должны быть адресованы не только мне, а, прежде всего... академику О. Е. Кутафину. Ведь именно он своими научными исследованиями, общественно-государственной и преподавательской деятельностью, всей своей жизнью утверждал истину о конституционном праве, конституционализме как важнейшей базовой правовой ценности современного демократического государства.

Ценностное значение конституционного права проявляется во всем богатстве и многообразии проявлений данной отрасли права. Аксиологический анализ конституционного права предполагает охват весьма широкой по объему, научно-теоретической и практической значимости проблематики, связанной с наследием О. Е. Кутафина. С учетом этого представляется возможным обратиться внимание лишь на отдельные ее аспекты.

1. Проблема конституционного права как ценности может быть раскрыта с учетом различных аспектов самого по себе понятия «конституционное право», которое, как известно, проявляется в определенном смысловом триединстве: как терминологическое обозначение соответствующей науки, учебной дисциплины и самостоятельной юридической отрасли. Ценностное значение, очевидно, присутствует в каждом из этих его аспектов.

Ценность конституционного права как науки заключается, прежде всего, в том, что данная отрасль юридических знаний, теснейшим образом соприкасаясь с общей теорией права и философией права, выступает методологической основой для современной юриспруденции. Получающие обоснование в науке конституционного права понятия и категории имеют универсальное междотраслевое значение. Концентрированное концептуально-правовое воплощение методологический потенциал конституционного права получает в категории «конституционализм».

Именно посредством конституционализма конституционное право как юридическая наука исследует закономерности формирования и функционирования государственной власти в ее соотношении со свободой, стремится к отысканию их оптимального баланса, который обеспечивал бы планомерное, гармоничное развитие общества и государства на принципах верховенства права, прав человека, социальной справедливости и равенства всех перед законом, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма и т. п. В этом плане — как особая сложносоставная аксиологическая, телеологическая и праксиологическая система конституционализма — конституционное право само по себе является одной из важнейших нематериальных ценностей цивилизации, входит в состав мирового культурного наследия всего человечества в целом и одновременно каждой отдельной нации, конфессии и т. п.

Неслучайно одну из последних своих научных работ О. Е. Кутафин посвятил конституционализму¹. Именно ценностные мотивы звучат уже во введении к этой работе. «Говоря о современном российском конституционализме, — пишет О. Е. Кутафин, — нельзя не заметить, что он носит в значительной мере характер мнимого конституционализма, поскольку отличается неустойчивостью, возможностью обращения вспять, очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность —

¹ См.: Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма. 2008.

авторитаризм»¹. Для всех, кому знаком стиль О. Е. Кутафина как ученого, понятна острота и многослойность идей, заложенных в этой цитате.

Сферой проявления *ценностных характеристик конституционного права как учебной дисциплины* является система юридического образования, по отношению к которой оно должно выступать в качестве системообразующего фактора.

В этой связи уместно отметить то внимание, которое О. Е. Кутафин уделял юридическому образованию как ректор крупнейшего юридического вуза страны, преподаватель и организатор научно-исследовательской работы аспирантов и докторантов, разработчик учебных курсов по государствоведческим дисциплинам, архитектор модели современного юриста. Под его руководством и при авторском участии был издан первый в стране новый курс лекций постсоветского периода — «Государственное право Российской Федерации»². В настоящее время вышло в свет несколько изданий подготовленного им совместно с Е. И. Козловой учебника «Конституционное право Российской Федерации», удостоенного премии Президента РФ в области образования. Следует упомянуть также выдержавший несколько изданий учебник «Муниципальное право Российской Федерации», подготовленный в соавторстве с В. И. Фадеевым. Известна также плодотворная работа О. Е. Кутафина как многолетнего председателя Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов России. Вся научно-педагогическая деятельность О. Е. Кутафина свидетельствует о его глубоком понимании необходимости утверждения конституционного права в юридико-образовательном процессе как базового курса, определяющего фундаментальные основы профессионализации современного юриста.

При этом конституционная модель, ориентированная на подготовку юристов широкого профиля, не сводится к собственно государствоведческой (конституционно-правовой) специали-

¹ См.: Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 7.

² См.: Государственное право Российской Федерации / Отв. ред. О. Е. Кутафин. М.: Юрид. лит., 1996.

зации. Она имеет конституционное обоснование во всех своих квалификационно-профессиональных характеристиках: *в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России.*

Соответственно, другие (отраслевые) кафедры юридических вузов должны осознавать, что преподавание юридических дисциплин — гражданского, уголовного и любой другой отрасли права — должно основываться на конституционных ценностных началах, пронизывающих всю нашу правовую систему и должных стать надежными основами (принципами) и правоприменительной деятельности каждого юриста независимо от сферы и направления его профессиональной деятельности. *Без конституционализации всего учебно-правового процесса юридических вузов невозможна подготовка современного юриста.* Именно на основе конституционализации юридического образования возможно разрешить противоречие между универсализацией и специализацией юридического образования, широтой и глубиной профессиональных качеств современного юриста.

Ценность конституционного права как юридической отрасли определяется его социально-целевым предназначением как особой формы:

- а) нормативного закрепления, охраны и сбалансирования фундаментальных социальных ценностей — прежде всего, ценностей власти и свободы;
- б) обеспечения механизмов разрешения социальных конфликтов и противоречий;
- в) основополагающего систематизатора, высшего регулятора всей правовой системы, государственной и общественной жизни.

Ценность конституционного права проявляется и в том, что оно является ядром правовой системы и ведущей отраслью права, регламентирует процесс создания права, устанавливает виды правовых актов органов, их издающих, соотношение юридической силы таких актов¹.

¹ См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М.: Юристъ. 2001. С. 44.

Важным представляется сформулированный О. Е. Кутафиным в его работе «Предмет конституционного права» вывод о том, что конституционное право сочетает в себе элементы частного и публичного права, является для каждого из них базовым¹, т. е. *конституционное право является отраслью публично-частного права*. В рамках такого подхода особенно актуальны идеи о недопустимости противопоставления частного и публичного права, ошибочности попыток увязать само понятие публичности с государственным централизмом, авторитарными началами администрирования, а гражданскому праву как праву частному придать значение единственного и уникального гаранта экономической свободы личности, некоей экономической конституции, поскольку якобы именно и только частное право выражает правовой строй, основанный на свободе человека; все это означает фетишизацию частнопроводных начал в регулировании общественных отношений с участием гражданина, и в современных условиях такие попытки не имеют под собой никаких оснований. Они способны лишь деформировать и дезорганизовать правовую систему, существенным образом разбалансировать соотношение личных, общественных и государственных интересов.

В современном мире главным является поиск баланса, оптимального соотношения между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями, с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти (на характеристике власти как «суверенной» делаю акцент) и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, «присутствует» в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции. В этом смысле нахождение баланса власти и свободы составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма².

¹ См.: Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 44.

² См.: Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005.

Примечательно, что отстаиваемый О. Е. Кутафиным научно-теоретический подход о природе конституционного права как частно-публичной отрасли имеет свое формально-юридическое подтверждение и в практике Конституционного Суда РФ, который неоднократно, применительно к различным конституционно-правовым институтам, указывал на их сложный публично-частный характер.

В условиях современного глобализирующегося мира, склонного к существенному уплотнению правового регулирования на основе универсализации юридических подходов к организации социальной жизнедеятельности, ценность конституционного права объективно возрастает, что в практическом плане проявляется:

- а) в расширении сферы общественных отношений, подпадающих под конституционное регулирование;
- б) в качественном развитии форм проявления — источников — конституционного права;
- в) в расширении круга субъектов конституционно-правовых отношений.

Характерно, что именно эти колоссальные «сдвиги» в развитии конституционного права, естественным образом входящие в сферу внимания и деятельности Конституционного Суда РФ, получили свое отражение и в наиболее крупных научных трудах О. Е. Кутафина, а именно, в таких работах, как «Предмет конституционного права» (М.: Юристъ, 2001), «Источники конституционного права Российской Федерации» (М.: Юристъ, 2002), «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица» (М.: Проспект, 2007).

2. О. Е. Кутафин также справедливо полагал, что предмет конституционного права нельзя рассматривать узко и одномерно, в том числе с точки зрения того, что право в целом должно регулировать лишь небольшую часть общественных отношений, в то время как основной массив общественной практики должен выстраиваться на основе саморегуляции¹. По мнению О. Е. Кутафина, предмет конституционного права является комплексным образованием,

¹ См.: Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 27.

в который входят: во-первых, общественные отношения, складывающиеся в процессе воплощения в жизнь основных признаков государственной организации общества и лежащих в ее основе; во-вторых, отношения, имеющие основополагающее значение для тех сфер, в которых они складываются. Эти, последние отношения, являются как бы факультативным атрибутом предмета конституционного права и становятся его необходимым элементом тогда, когда в этом заинтересовано государство, что выражается в соответствующих нормах права, содержащихся в таких основополагающих актах, как конституция, или других актах, имеющих учредительный характер¹. Таким образом, предмет конституционного права имеет динамическое, исторически развивающееся содержание, что в полной мере соответствует его характеру ведущей юридической отрасли и позволяет государству эффективно, в надлежащей юридической форме реагировать на изменяющуюся общественную практику.

Нет сомнения, что одной из наиболее значимых тенденций современного этапа развития человечества, которая оказывает все более активное, прямое влияние на ценностную систему современного конституционализма, является глобализация.

Правовая глобализация отражает не только пространственные (количественные), но и *качественные изменения конституционных характеристик социальной и правовой жизни*. В центре ее внимания — нарастание общего, универсального в нормативно-правовых стандартах современной цивилизации. Особенно важно то, что правовая глобализация является отражением тенденций юридизации, усиления правового нормирования основных сфер социальной действительности. Но это только одна сторона проблемы, другая же заключается в том, что правовая глобализация представляет собой реакцию на возникновение в XXI веке новых глобальных вызовов человечеству в виде международного терроризма, природных и техногенных катастроф, экологического и энергетического кризисов и т. д.

¹ См.: Кутафин О. Е. Там же. С. 25.

И эти процессы также были предметом научных интересов О. Е. Кутафина. Это тем более важно, если иметь в виду, что *процессы правовой глобализации объективно нуждаются в конституционных оценках* на уровне национальных государственно-правовых систем, хотя в то же время нельзя не учитывать, что они естественным образом — не только в силу глобальных последствий, но и по самой своей природе — выходят далеко за пределы собственно национальных конституционно-правовых систем.

Основу глобальной юридизации общественных отношений в современных демократических государствах составляют, прежде всего, процессы правовой модернизации на основе всеобщего признания и утверждения универсальных конституционных ценностей. В свою очередь, универсализация конституционных ценностей сопровождается их трансформацией из мифологизированных политико-идеологических характеристик сущего в действующие нормативно-правовые императивы должного.

В юридико-глобализационном плане эти процессы могут быть представлены в различных аспектах:

а) институциональном, правотворческом, состоящем в сближении правовых систем современности на основе единства их конституционных ценностей;

б) право-реализационном аспекте, где особый интерес вызывает формирование наднациональных юрисдикционных органов по защите обще-признанных ценностей (прежде всего прав и свобод человека);

в) в аспекте утверждения новой правовой идеологии, нового типа правосознания и правовой культуры, что выражается, в том числе, в унификации правовых ценностей и сближении фундаментальных характеристик национальных правовых культур;

г) в конституционализации общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе — проникновение внутригосударственных юридико-правовых начал в сферу международных отношений и др.

При всем том, что каждая эпоха неизбежно вносит свои коррективы в систему ценностей, на которые она ориентируется, аксиологической и во многом праксиологической основой правовой глобализации являются и, безусловно, должны сохраняться имеющие всеобщее признание универсальные конституционные ценности современной демократии как общее достояние человеческой цивилизации. В их ряду — ценности свободы и неприкосновенности, социальной справедливости и равенства всех перед законом, правового социального государства, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма и др. Признанием незыблемости этих конституционных ценностей явился, в частности, и выход в свет монографии О. Е. Кутафина, посвященной исследованию одной из «вечных», но недостаточно изученных проблем неприкосновенности в конституционном праве¹.

Применительно к правовой системе России проблема, связанная с признанием судебных решений источниками права, была поставлена О. Е. Кутафиным одним из первых в отечественной науке новейшего времени. Это было сделано ученым в его капитальном труде «Источники конституционного права»².

Главным контраргументом придания судебным актам нормативного характера (а этой позиции придерживался и сам Кутафин) является выраженная еще Гансом Кельзенем точка зрения, согласно которой суд в системе разделения властей не может создавать нормы права. Сторонники данной концепции права рассматривают в качестве единственного источника права нормативно-правовой акт и исходя из принципа разделения властей считают недопустимой подмену законодательных решений, актами органов, осуществляющих правосудие, пусть даже и конституционное. Такой подход, на наш взгляд, не бесспорен: разделение властей во-

¹ См. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004.

² См. Кутафин О. Е. Источники конституционного права. М.: Юристъ. 2002. С. 141–147.

все не предполагает возможности осуществления правотворческой деятельности только законодательными органами.

Не будет преувеличением сказать, что проблемы современного российского конституционализма являлись для академика О. Е. Кутафина основной, своего рода сквозной темой его научного творчества.

Всевозможным «доктринам» ненационального, «заморского» происхождения конституционализма О. Е. Кутафин дает однозначный ответ самим названием своей монографии — «Российский конституционализм». И точка! Никаких сомнений относительно национальной основы его происхождения и пусть трудного, но поступательного развития.

Поэтому необходим не плач по западным «истокам и традициям конституционализма», а важна, говоря словами О. Е. Кутафина, выработка государственно-правовых механизмов *обеспечения устойчивости* отечественного конституционализма, гарантирование *недопустимости обращения вспять* принятых обществом конституционных ценностей. Для успешного решения этих задач большое значение имеет уяснение и последовательный учет глубоких, сущностных характеристик конституционализма.

В связи с проблемой защиты отечественного конституционализма О. Е. Кутафин пишет: «Являясь гарантией конституционности, конституционное правосудие обеспечивает защиту конституционного строя страны. При этом *речь идет об охране не только Конституции, но и конституционализма от любых нарушений* (выделено мной — Н. Б.), даже если они осуществляются посредством тех или иных изменений Конституции»¹. В этом плане главной целью конституционного судопроизводства является, по мнению О. Е. Кутафина, защита не столько Конституции как нормативного акта высшей юридической силы, сколько закрепленного ею конституционализма². Все это — архиактуально в наше время!

¹ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. С. 542.

² Там же.

**Самоуправление как «демократия малых пространств»:
баланс власти и свободы
(памяти профессора Г. В. Барабашева)¹**

Вряд ли нуждается в подкреплении доказательствами известная истина о том, что выбор не только профессии, но и конкретного направления деятельности, в особенности научной, не бывает случайным. В той или иной мере это предопределяется человеческим характером, глубинными нравственно-этическими, мировоззренческими установками ученого как человека, личности, гражданина.

Можно ли представить себе случайным выбор сферы научных интересов Георгием Васильевичем Барабашевым? Вопрос риторический... Человек, всегда занимавший активную жизненную позицию (достаточно вспомнить его многолетнюю депутатскую деятельность, в том числе в Моссовете), гражданин-патриот и, как сейчас сказали бы, последовательный государственный — это с одной стороны. С другой — внутренняя свобода Георгия Васильевича как творческой личности; невероятная его открытость не только как ученого, но и как руководителя кафедры (порой казавшаяся даже излишней); демократизм своих научных взглядов; полная толерантность; терпимость к плюрализму мнений в науке. В чем, в каких направлениях научных изысканий можно было совместить публичные качества государственника и внутреннюю установку на ценности свободы и демократии? Возможно, это мое субъективное мнение, но думаю, что в наибольшей степени такому личностному «раздвоению» (тот случай, когда о «раздвоении» можно говорить в хорошем, позитивном смысле) соответствовало именно то направление научных исследований, которое и было избрано Георгием Васильевичем в качестве главного: *местное са-*

¹ Бондарь Н. С. Самоуправление как «демократия малых пространств»: баланс власти и свободы // Меняясь сам, изменял мир к лучшему: Материалы научной конференции, посвященной памяти Г. В. Барабашева. Москва, 17 ноября 2004 г. / Под ред. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 43–69.

моуправление — это «трудное дитя России»¹, воплотившее *единство* таких противоречивых (не только для России) явлений, как *власть и свобода*.

Важным уроком сложной, противоречивой истории возрождения и непрерывного, в чем-то ставшего перманентным реформирования местного самоуправления в условиях развития новой российской государственности является вывод о том, что для демократического общества одинаково опасными являются крайности как самоуправленческого романтизма, так и муниципального нигилизма. Не успев освободиться от господствовавших до недавнего времени иллюзорно-идеологических представлений о местном самоуправлении как некоей публично-властной самоценности, независимой, а в чем-то и противостоящей власти государственной, мы увлеклись новыми идеями, ориентированными на построение единой властной вертикали, в которую есть соблазн «встроить» в конечном счете и местное самоуправление.

В этом находят свое подтверждение те две извечно противоборствующие тенденции общественного управления, о которых писал Г. В. Барабашев: *первая из них связана с усилением роли государства*, разбуханием государственного аппарата и попытками превращения государственного регулирования в «сквозную» функцию государственной жизни, осуществляемую на всех уровнях публичных отношений; *другая тенденция связана с демократическими началами социального управления*, с самоуправлением².

Исторический опыт свидетельствует, что уровень развития местного самоуправления оправдан исключительно в той мере, в какой это позволяет сформировать эффективную систему управления городом, районом, которая содействовала бы созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь каждого человека. Поэтому при поиске «золотой середины» между крайностями в

¹ См.: Барабашев Г. В. Местное самоуправление — трудное дитя России // Барабашев Г. В. Местное самоуправление. М., 1996. С. 291–301 (впервые опубликована в журнале «Сегодня», №1, 1992).

² Он же. Местное самоуправление. С. 13–14.

оценке местного самоуправления следует исходить из того, что не политико-идеологические критерии, а социальное содержание и ориентация на конкретную личность являются, пожалуй, главной ценностью местного самоуправления как института демократии.

В этом находит свое отражение *сущностная природа местного самоуправления*, которая проявляется в единстве публичных и частных начал, основанных на балансе власти и свободы. Именно поэтому сегодня, в условиях когда все более очевидной становится опасность превращения демократии в механизм «осуществления государственной власти меньшинством с помощью большинства»¹, что проявляется в современных избирательных технологиях, жестких системах партийного строительства, принципах функционирования государственных информационных систем и т. п., реальную альтернативу соответствующим процессам можно обнаружить — по крайней мере в определенной степени — в местном самоуправлении, но реальном, а не мнимом, декларативном.

На чем основаны столь оптимистичные оценки исторической роли местного самоуправления? Не являются ли они проявлением все того же самоуправленческого романтизма?

Во-первых, вопросы местного самоуправления, связанные с необходимостью решения повседневных проблем граждан по месту их жительства, меньше всего подвержены политическим и партийным пристрастиям, идеологическим искажениям. В конечном счете решение именно этих вопросов является критерием эффективности и целесообразности складывающихся форм осуществления власти на местах. Во-вторых, на уровне местного самоуправления наиболее ярко, рельефно проявляются личностные моменты в развитии социальных процессов, именно здесь проступает «очеловеченный» образ социально-экономических и политических реформ. Именно местное самоуправление, обеспечивающее развитие, говоря словами Александра Солженицына, «демократии малых пространств» (города, поселка, станицы, села и т.

¹ См.: Керимов А. Д. Изъяны демократии и возможные пути их преодоления // Право и политика. 2002. №4. С. 37.

п.), способно обеспечить *органическое сочетание, баланс власти и свободы, внешнего (вертикального) управления и внутренней самоорганизации населения*. Тем самым становится возможным преодолеть традиционные, авторитарные по своей сути представления о демократии как государственной форме организации власти, которая якобы является единственным источником и главным гарантом прав личности.

Конституционный строй — государственно-правовое выражение гражданского общества России (памяти профессора Ю. П. Еременко)¹

1. У истоков научной концепции конституционного строя.

В ряду весьма широкого круга проблем современного конституционализма, которые находились в поле зрения научных интересов доктора юридических наук, профессора Ю. П. Еременко, пожалуй, особое место принадлежит проблемам конституционного строя. Без преувеличения можно сказать, что в разработке и обосновании понятия конституционного строя, анализе сущности и конституционного содержания, а также места и роли данной категории в системе конституционного регулирования и в правореализационном процессе Юрий Петрович опередил время, по крайней мере, на полтора-два десятилетия.

Конституционалист-государственник в лучшем и, я бы сказал, возвышенно-романтическом значении этого понятия, профессор Ю. П. Еременко видел в Конституции и в утверждаемой на ее основе конституционной законности, конституционном контроле, конституционной ответственности важнейшие источники силы, авторитета и демократического потенциала российской государственной власти. В то время, когда в советской

¹ На основе: Бондарь Н. С. Конституционный строй как государственно-правовое выражение гражданского общества России // Конституционное развитие России. Межвузовский сборник научных статей. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003. Вып. 4. С. 62–81.

государственно-правовой науке шли во многом схоластические споры о «социалистическом содержании» и соотношении понятий «общественно-политический» или «общественно-экономический» строй, «государственный» или «общественный» строй и т. п., вытекающих из гл. 1 Конституции СССР 1977 г. (которая называлась «Основы общественного строя и политики СССР»), свежей струей конституционной мысли были восприняты идеи Ю. П. Еременко о конституционном строе как одной из базовых категорий не только науки конституционного права, но и действующей нормативной системы конституционного регулирования. Комплексный, во многом универсальный, характер данной категории Ю. П. Еременко видел в том, что конституционный строй воплощает в себе систему важнейших («господствующих») экономических, политических, идеологических отношений в их конституционной форме выражения, которые воплощают полномочия (суверенитет) народа и определяют сущность и основные черты социалистического общества в целом¹.

Очистив предложенное понимание конституционного строя от неизбежного для того периода идеологического налета, мы получим научно выверенное и в дальнейшем нашедшее свое подтверждение в системе нового конституционного регулирования представление об этой фундаментальной категории конституционного регулирования новой демократической России.

2. Конституционный строй — базовая категория Конституции РФ 1993 г. Наличие в Конституции РФ самостоятельной главы, посвященной основам конституционного строя РФ, безусловно, имеет принципиальное, основополагающее значение для конституционного регулирования всей системы общественных отношений. Сравнивая подходы к регулированию соответствующих отношений в советских конституциях, с одной стороны, и в новой Конституции РФ, с другой, Ю. П. Еременко в одной из своих последних публикаций справедливо отмечал, что «действующая

¹ См.: Еременко Ю. П. Советская Конституция и законность. Саратов, 1982. С. 18 и др.

Конституция не заменила один термин на другой («общественный строй» на «конституционный строй» — Н. Б.), но последовательно провела идею конституционализма через все свое содержание»¹. В частности, она закрепила принципы правового государства (признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина как высшую ценность; демократизм, полномочия народа; разделение властей; политический и идеологический плюрализм); социального, светского государства; рыночной экономики и др.

Вместе с тем парадокс заключается в том, что весьма подробное закрепление в главном законе страны основ конституционного строя сослужило плохую службу для последующих научных исследований самой по себе категории конституционного строя России. При наличии соответствующей главы Конституции в науке конституционного права как бы естественным образом утвердился во многом комментаторский подход к анализу основ конституционного строя России в соответствии со статьями гл. 1 Конституции. Между тем, главы и статьи Конституции это лишь внешняя форма конституционного регулирования; глубинные же, содержательные особенности, как и сущностные характеристики конкретных конституционных институтов, не могут быть раскрыты без анализа реальных общественных отношений, являющихся предметом соответствующей сферы конституционного регулирования. Внутреннее содержание Конституции является выражением объективно существующей системы конституционных институтов, в основе которых лежат реальные общественные отношения, представляющие собой четко (а в чем-то и достаточно жестко) скоординированную систему.

Это в полной мере касается и основ конституционного строя. В основе не только материальных, но и правовых характеристик получившего закрепление в Конституции РФ 1993 года нового конституционного строя России лежит природа тех общественных отношений, воплощением которых является конституцион-

¹ Еременко Ю. П. О роли государства в становлении российского конституционализма // Российский конституционализм: проблемы и решения: матер. междунар. конф. М., 1999. С. 132.

ный строй как специфическая конституционная категория. В этом плане, в том числе на основе высказанных в свое время идей Ю. П. Еременко, можно сделать вывод, что конституционный строй как конституционно-правовая категория представляет собой государственно-правовое выражение формирующегося в России гражданского общества. Не только содержание, но и институциональная структура конституционного строя предопределяется соответствующими характеристиками (содержанием и структурой) гражданского общества.

3. Судебно-конституционная защита основ конституционного строя России. Воплощенные в гл. 1 Конституции РФ институты конституционного строя России представляют собой своего рода метаюридическую часть Конституции, которая обладает повышенной юридической силой по отношению не только к текущему законодательству, но и в соотношении со всеми остальными структурными частями самой Конституции, что предопределяет особое значение основ конституционного строя как для оценки конституционности правовых норм на любом уровне их закрепления, включая конституционный, так и для преодоления в правоприменительной практике пробелов, коллизий и т. д.

Это предполагает возможность и необходимость двуединой характеристики институтов конституционного строя: во-первых, как главного критерия конституционности законов и иных нормативно-правовых актов, являющихся предметом конституционного контроля; во-вторых, как важнейшего объекта конституционной охраны, осуществляемой, в частности, средствами конституционного правосудия.

Весьма актуально звучат слова Ю. П. Еременко, что «никакие экономические, политические, социальные и другие задачи по становлению российского конституционного строя государство не решит, если оно будет оставаться в правовом отношении слабым»¹. Неслучайно Юрий Петрович задолго до создания Кон-

¹ Еременко Ю. П. О роли государства в становлении российского конституционализма. С. 134.

ституционного Суда России был страстным сторонником идеи учреждений в нашей стране органа конституционного контроля, а в последующем внес не только теоретический вклад в становление российского конституционного правосудия, но и был активным участником одного из наиболее громких дел — так называемого «дела КПСС»¹.

У истоков муниципального права демократической России: памяти профессора В. И. Фадеева²

Трудно поверить, что человек, полный идей и творческих замыслов, с которым еще вчера приходилось обсуждать планы на будущее, неожиданно, на взлете широкого профессионального признания, уходит в вечность, никому, даже самым близким, не сказав «прощай», оставив при этом недописанными страницы новых статей, учебников, которым уже не суждено увидеть свет. Трагично, но именно так случилось с Владимиром Ивановичем Фадеевым.

В разные годы, на различных этапах жизни, в связи с разными событиями приходилось мне встречаться и общаться с Владимиром Ивановичем. Но нет сомнений: всех, кто в той или иной мере был связан по жизни с В. И. Фадеевым, объединяет добрая память об этом скромном, самоотверженно трудолюбивом и невероятно доброжелательном, отзывчивом, требовательном больше к себе самому, чем к другим (в том числе имея в виду подчиненных), человеку. Возможно, по этой причине — чтобы еще раз выразить единые, общие для многих людей, знавших профессора В. И. Фадеева, восприятие и воспоминания о нем — возникла идея написать эту статью в соавторстве. С одной стороны, для одного из соавто-

¹ См. об этом: Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном суде. Записки участника процесса. М., 1999.

² На основе: Бондарь Н. С., Джагарян, А. А. У истоков муниципального права демократической России: Памяти профессора В. И. Фадеева / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян: сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. Т. 2. М.: Проспект, 2015. С. 18–43.

ров Владимир Иванович был не просто коллегой, но на протяжении трех десятков лет они вместе шли по жизни и, так случилось, во многом параллельно, в том числе в дискуссиях и дружеском обмене мнениями, участвовали в формировании основ новой для конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века муниципально-правовой науки и аналогичной отрасли новой системы российского права. Очевидно, что в связи с этим можно было бы многое вспомнить о Владимире Ивановиче — и как о прекрасном человеке, товарище, и как о видном ученом, влюбленном в свое дело опытном педагоге, методисте, эксперте ВАК (где тоже пришлось совместно работать на протяжении нескольких лет непростого нынешнего периода развития нашей науки), руководителе одной из ведущих кафедр России конституционно-правового профиля, куда так часто приходилось обращаться от имени Конституционного Суда РФ за квалифицированными заключениями¹, и т. д. С другой стороны, это воспоминания представителя молодого поколения, имея в виду, что у второго соавтора настоящей статьи профессор В. И. Фадеев еще совсем недавно был официальным оппонентом при защите докторской диссертации в Южном федеральном университете в Ростове-на-Дону. Владимир Иванович оставил о себе яркое впечатление и по результатам выступления на заседании Совета, и от неофициальной (но, как всегда, обязательной) части такого мероприятия.

Это, конечно, лишь самые небольшие фрагменты большого массива воспоминаний, которые составляют светлую память об этом прекрасном человеке. Нет преувеличения в том, что главный смысл своей профессиональной жизни профессор Фадеев видел в науке. В этих условиях, вероятно, вполне уместным будет и продолжение наших воспоминаний, касающееся прежде всего научных достижений и заслуг безвременно покинувшего нас Владимира Ивановича.

¹ Например, они имели большое значение для Конституционного Суда РФ в ходе формирования правовых позиций при принятии постановлений от 29 октября 2010 г. №19-П, от 7 июля 2011 г. №15-П, от 24 декабря 2012 г. №32-П, от 27 декабря 2012 г. №34-П, от 10 октября 2013 г. №20-П и др.

1. От советского строительства — к муниципальному праву. Обращаясь к научному наследию профессора В. И. Фадеева, отмечая широту охваченных его работами проблем, можно все же с полной уверенностью утверждать, что основное, магистральное направление его профессиональной деятельности связано прежде всего с муниципальным правом. Во многом именно благодаря трудам Владимира Ивановича были определены концептуальные начала современного российского муниципального права, его понятийно-категориальный и методологический аппарат, предметно-содержательные, функциональные и системно-структурные характеристики. Его стараниями сформировалась и определенная методическая культура освоения и преподавания этой новой дисциплины.

Не секрет, что профиль научных интересов всегда в той или иной мере отражает индивидуальные особенности конкретной личности, ее ценностные установки и ориентации. Для В. И. Фадеева, как человека социально неравнодушного и «заряженного» энтузиазмом творческого научного поиска, наделенного немалым организаторским талантом и притом способного удивительно органично сочетать внутреннюю свободу и раскрепощенность с самодисциплиной и ответственностью, научно-профессиональный выбор, сфокусированный на местном самоуправлении, видится вполне естественным, органичным. Именно самостоятельная, социально-активная и гражданственно-ответственная личность, чуткая к проблемам своего города, села или поселка, готовая брать на себя ответственность за их решение, выступает центральной фигурой муниципальных (самоуправленческих) отношений, всей системы функционирования демократической системы государственно организованного общества. В этом плане и уникальность профессора В. И. Фадеева как ученого во многом подчеркивалась и обогащалась присущими ему способностями живым примером настаивать на утверждении тех ценностей и идеалов, которые он видел основанием муниципально-правовой доктрины.

Примечательно, что уже кандидатская диссертация В. И. Фадеева (1982 г.), формально отстоящая по предмету от муниципальной проблематики, пронизана идеей о том, что полномочия народа определяется реальным участием граждан в государственно-правовых отношениях, составляющих политическую, экономическую, социальную и иные основы народовластия. «Власть народа, — писал он, — это власть, немислимая без сознательной дисциплины и высокой организованности, без ответственного подхода каждого гражданина к своим обязанностям, к интересам народа»¹. В дальнейшем связанные с этим подходом представления о неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности индивидуального и коллективного, частного и публичного начал, прав и обязанностей, свободы и социальной солидарности, государственно-централизованного руководства обществом и публично-территориальной самоорганизации населения получили отражение и логическое развитие в авторской концепции местного самоуправления и муниципального права.

Считается, что в науке есть те, кто «рушит стены», и те, кто впоследствии долгие годы «разбирает завалы». Профессор В. И. Фадеев, пожалуй, относился к числу тех ученых, деятельность которых, не укладываясь в пафос этой во многом искусственной и сомнительной дихотомии, превозносящей в науке беспощадную революционность, упорным и кропотливым трудом отстаивают и проводят в жизнь идейно-научные преобразования, следуя духу преемственности, поступательно-эволюционного развития. Научные инновации оказываются при этом связаны и обусловлены внимательным, деликатным и бережным отношением к сложившимся традициям, национальному культурно-историческому и научному наследию, создаются не с «чистого листа», а в продолжение развития предшествующих этапов отечественного государственного управления.

¹ См.: Фадеев В. И. Советский гражданин как субъект государственно-правовых отношений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 11.

Как известно, не только социально-политическое, но и научно-юридическое дискуссионное пространство в нашей стране конца 1980-х — начала 1990-х гг. имело отчетливо выраженный противоречивый характер. Доминирующей была ориентация на отрицание достижений советской юриспруденции, что зачастую сочеталось с неумеренной комплиментарностью (переходящей в откровенную идеализацию) по отношению к зарубежной юридической доктрине, в том числе в муниципальной области. Во многом именно этим объясняется, например, известная резкость формулы Конституции РФ 1993 года об организационном невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти (ст. 12), которая вызвала немало кривотолков о якобы оторванности местного самоуправления от государства. Вопреки новомодным течениям В. И. Фадеев в своей представленной к защите в 1994 году докторской диссертации обозначил альтернативную (к сожалению, и сейчас не вполне воспринятую) позицию: при разработке проблем в области муниципального права не должен отбрасываться какой-либо накопленный опыт отечественных научных исследований, включая научные работы, касающиеся местных органов советской власти. Сформулированный и впоследствии многократно повторенный им методологический императив сводится к тому, что «историческая преемственность выступает одним из существенных признаков любой науки»¹. Разумеется, это не предполагает автоматического воспроизводства тех или иных исторических моделей, как и слепого использования нерелевантного конкретно-историческим условиям устаревшего научного инструментария. Речь о другом. Как подчеркнул В. И. Фадеев в одной из своих последних работ, важно «восстановить «дней связующую нить», увидеть в современных тенденциях развития государственно-правовых институтов определенную обусловленность историческими традициями... учитывать их в своих

¹ См.: Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: проблемы становления и развития. Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 3, 23–24.

научных выводах и прогнозах»¹. В этом он видел насущную задачу современных ученых-конституционалистов, и, надо признать, если таковые хотят быть подлинно причастными делу служения науке, они не вправе отказываться от порой вынужденной роли пророков в своем отечестве.

Профессор В. И. Фадеев последовательно придерживался той идеи, что в России местное самоуправление имеет государственные истоки, государственные начала, и поэтому точно так же, как недопустимо отождествлять местное самоуправление с местной государственной властью, недопустимо и их жесткое противопоставление — нужна разработка правовых форм их конструктивного взаимодействия и сотрудничества, взаимного учета интересов². В местном самоуправлении он видел сферу взаимопроникновения институтов публичной власти и гражданского общества, позволяющего обеспечить участие граждан в индивидуальных и коллективных формах в реализации народовластия на местном уровне.

Для профессора В. И. Фадеева научно-правовая преемственность имела и еще одно — нравственно-этическое или, если угодно, лично-гуманистическое — измерение. Отсюда и призывы отдавать дань уважения «блистательным ученым-конституционалистам, которые сформировались в советский период, но чей талант был устремлен в будущее»³. И верность своим научным наставникам, что проявилось, например, при защите кандидатской и докторской

¹ Фадеев В. И. Критические заметки на полях работ по конституционному праву // Актуальные вопросы преподавания конституционного права: сборник материалов Всероссийской конференции преподавателей конституционного права, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, 27 июня 2013 г., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) / Отв. ред. С. М. Шахрай, В. И. Фадеев. М.: Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 92.

² См., напр.: Фадеев В. И. Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования // *Lex Russica*. 2014. №4. С. 399.

³ См.: Фадеев В. И. Фактическая конституция профессора В. Т. Кабышева // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2014. №1. С. 25.

диссертаций: в обоих случаях официальным оппонентом выступал профессор К. Ф. Шерemet. Отсюда, наконец, и стремление сохранить, передать молодому поколению юристов научное наследие своих ушедших коллег. Ежегодно проводимые, начиная с декабря 2009 года, при самом активном участии профессора В. И. Фадеева «Кутафинские чтения» служат тому безусловным подтверждением.

Становление муниципального права профессор В. И. Фадеев связывал с действием двуединых факторов. С одной стороны, это развитие общественных отношений публично-территориальной самоорганизации населения, обособление местного самоуправления в системе управления обществом и государством. С другой стороны, это формирование нормативно-правовой (законодательной) основы местного самоуправления. При этом, рассматривая местное самоуправление как ориентированное на осуществление демократических идеалов и ценностей, профессор В. И. Фадеев исходил из того, что теоретическую базу муниципального права составляют общепризнанные принципы современной муниципальной демократии в единстве с научными подходами земского движения дореволюционной России и советской юриспруденции¹. Этот подход позволяет взглянуть на сам процесс форми-

¹ Уместно будет подчеркнуть, что, вопреки имеющим сегодня немалое распространение представлениям о том, что советская юриспруденция отвергала местное самоуправление как чуждое социалистическому народовластию, относя его лишь к феноменологии буржуазной государственно-правовой жизни, в действительности для государственного права того периода идеи о наличии в природе советов народных депутатов (особенно местного уровня) общественно-самоуправленческих начал (наряду и при решающем значении их государственно-властных качеств) не были чуждыми. См., напр.: Пертцк В. А. Проблемы местного самоуправления в СССР. М., 1963; Ржевский В. А. Общественно-политический строй СССР как воплощение суверенитета советского народа. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1974. С. 64–87; Кабышев В. Т. Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. С. 83–109; Скуратов Ю. И. Система социалистического самоуправления советского народа. Проблемы конституционной теории и практики. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. С. 276, 308.

рования в России муниципального права (в виде интегрального единства идейно-доктринального, регулятивно-отраслевого и учебно-дисциплинарного компонентов) как на последовательное развертывание в отечественной правовой системе исторически сложившихся и вновь воспринятых в качестве фундаментальных конституционных принципов российским обществом демократических ценностей государственно-общественного устройства, связанных с самостоятельным и под свою ответственность решением населением вопросов непосредственного жизнеобеспечения человека по месту жительства.

В основе муниципального права лежат прежде всего конституционные ценности уважения достоинства личности, верховенства права, демократии, социальной справедливости, идеологического, политического и экономического плюрализма, сочетания централизации и децентрализации власти, из которых вытекает необходимость признания и реального гарантирования права объединенных в территориальные сообщества жителей самостоятельно решать политически и социально-экономически важные для них вопросы (а не просто совещаться по ним). Утверждение, воплощение соответствующих демократических конституционных ценностей посредством адекватно-юридического оформления механизмов их реализации в муниципальном праве определяет в конечном итоге степень зрелости муниципальной демократии. Неслучайно одной из ключевых проблем современного российского местного самоуправления профессор В. И. Фадеев считал проблему последовательной реализации Конституции РФ 1993 года, проблему качества принимаемых законов¹.

Вклад профессора В. И. Фадеева в становление российского муниципального права как ученого-теоретика органично дополняется его широкой практической деятельностью по многим направлениям. Владимир Иванович известен как талантливый пе-

¹ См.: Выступление профессора В. И. Фадеева на встрече Президента РФ В. В. Путина с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин, Москва, 7 ноября 2013 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/news/19579>.

дагог, посвятивший преподавательской деятельности почти 35 лет своей жизни, и активный участник учебно-методической работы, в том числе в рамках учебно-методического объединения по юридическому образованию. Личность преподавателя он считал «константой образовательного процесса» и поэтому в современных условиях особый акцент делал на праве преподавателя на творчество, на поиск в процессе обучения, дабы препятствовать излишней бюрократизации и сверхформализации учебного процесса¹.

Авторский учебник В. И. Фадеева по муниципальному праву, изданный еще в 1994 году, был одним из первых по этой дисциплине и оказался широко востребованным, равно как и более поздние издания, подготовленные с его участием. Учебник же по муниципальному праву, написанный им в соавторстве с О. Е. Кутафинным и выдержавший уже несколько переизданий, вполне можно отнести к числу классических академических курсов муниципально-правовой науки.

Нельзя не вспомнить также об участии Владимира Ивановича в подготовке проектов федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.) и «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» (1998 г.), а также проекта закона г. Москвы «Об организации местного самоуправления в городе Москве» (2002 г.), его работе в качестве эксперта российской делегации в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы (1995–1997 гг.), о руководстве юридической службой Союза малых городов России (1994–1999 гг.) и участии в работе научно-методического совета при Комитете по местному самоуправлению Совета Федерации, а также общероссийской общественной организации «Муниципальная академия».

А ведь еще было научное руководство работой аспирантов и консультирование при подготовке докторских диссертаций, официальное оппонирование и отзывы на авторефераты диссертаций.

¹ См.: Фадеев В. И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования // Конституционное и муниципальное право. 2013. №4.

Участие профессора В. И. Фадеева в качестве официального оппонента при защите докторской диссертации одного из соавторов этой статьи в 2012 году оставило в памяти образ очень глубокого, внимательного и интеллигентного человека, для которого диссертационный процесс не был обременительной формальностью. Он считал это хорошим поводом для заинтересованного и серьезного диалога по проблемам местного самоуправления. При всей своей занятости Владимир Иванович нашел возможность изучить диссертацию досконально и только сокрушался о том, что в суете допустил по тексту отзыва опечатки.

2. Муниципальное право — вторичное (комплексное), но не второстепенное отраслевое образование. Последовательно отстаиваемый профессором В. И. Фадеевым фундаментальный и во многом новаторский подход состоял в системно-целостном обосновании муниципального права как вновь формирующейся относительно самостоятельной отрасли права, предметно охватывающей собой достаточно широкий круг комплексных общественных отношений. Притом что акцент в характеристике этих отношений В. И. Фадеев делал на их властной природе, только властными отношениями предметное содержание муниципального права в его понимании не исчерпывается. Муниципально-правовое опосредование касается как организации, так и деятельности местного самоуправления и, соответственно, распространяется на решение вопросов местного значения, затрагивающих все основные области жизнедеятельности населения муниципального образования. На этой основе происходит проникновение в предметную сферу муниципального права различных по содержанию и характеру отношений, в том числе имущественных, финансовых, социальных и др.

В работах профессора В. И. Фадеева справедливо был поставлен вопрос о насущной потребности научного осмысления и дальнейшей разработки проблем муниципальной хозяйственной деятельности, развития муниципального сектора экономики¹. Сама

¹ См.: Фадеев В. И. Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования. С. 398.

категория местного (муниципального) хозяйства, первоначально воспринятая законодателем как своего рода экономический эквивалент местного самоуправления¹, «выпала» из действующей нормативной системы. Игнорируются и особенности местного хозяйства как интегрального единства социально-направленных и рыночно-предпринимательских начал, включающего не только объекты муниципальной собственности, но и все значимые для местного сообщества инфраструктурные, производственные, сервисные объекты независимо от формы собственности. Между тем, такому пониманию местного хозяйства соответствуют социальные функции местного самоуправления как субъекта непосредственного жизнеобеспечения населения, действующего и через управление муниципальной собственностью (в том числе в рамках широкого социально ориентированного муниципального предпринимательства), и через организацию обеспечения потребностей местных жителей с участием субъектов иных форм собственности (включая осуществление в этих целях регулятивной, координационной, контрольной, стимулирующей и иных функций).

3. Научная стратегия развития муниципального права: основные направления и ориентиры. Обеспечение эффективного решения посредством муниципального права задач становления и устойчивого функционирования российского местного самоуправления напрямую связано прежде всего с необходимостью качественного обновления и активизации исследований в рамках муниципально-правовой науки, в том числе на основе формирования ее собственной методологии. Неслучайно в целом ряде научных работ последнего этапа своей научной деятельности профессор В. И. Фадеев все с большей настойчивостью отмечал, что отсутствие научно обоснованной концепции развития местного самоуправления отрицательно сказывается на реализации его

¹ См.: Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 267.

конституционной модели, призывал к созданию мощного научно-учебного, информационного центра по местному самоуправлению¹.

Здесь следует учитывать, в первую очередь, то верно подмеченное профессором В. И. Фадеевым в ходе защиты докторской диссертации одного из авторов этой статьи (2012 г.) обстоятельство, что «проблемы развития местного самоуправления в современной России, законодательного регулирования его предметов ведения и полномочий могут быть правильно поняты и пути их оптимального решения могут быть найдены только в контексте реализации принципа социального государства, обеспечения социальных прав, взаимосвязи социальной справедливости и муниципальной демократии». Это вовсе не означает прямолинейную соподчиненность принципов местного самоуправления принципу социального государства, а, напротив, предполагает необходимость четкого уяснения того, что социальная государственность и муниципальная свобода являются взаимообусловленными. Муниципальная самоорганизация населения выступает специфической формой совместного создания людьми по месту жительства достойных условий жизни и свободного развития, обеспечивает социальную взаимопомощь населения. Поэтому последовательное обеспечение социальных прав не может быть достигнуто без признания и гарантирования реальной самостоятельности местного самоуправления. Речь должна идти об обеспечении взаимодополняющей реализации этих конституционных принципов, чтобы они не ослабляли, а усиливали друг друга. Муниципальное право должно быть мерой сочетания, синтеза муниципальной демократии и социальной справедливости.

Профессор В. И. Фадеев всегда считал, что заявленная Конституцией РФ модель местного самоуправления устанавливает для российского общественно-государственного развития очень

¹ См., напр.: Фадеев В. И. Основные проблемы реализации конституционной модели местного самоуправления на современном этапе // Lex Russica. 2009. №2.

высокую планку и на данном этапе это во многом «костюм на вырост». Разумеется, связанные с этим неизбежные сложности на пути освоения в конституционной практике муниципальной демократии не могут служить оправданием для отступления от конституционных принципов и норм, их выхолащивания под воздействием социально-политического контекста. Нужны всесторонне обоснованные, трезвые оценки в отношении последовательности, темпов, глубины муниципально-демократических преобразований, которые должны быть осознаны как безусловно необратимые и претворяться в жизнь на основе взаимосогласованной работы государственных и муниципальных органов власти, общественных организаций, научных и экспертно-аналитических центров, при решающем участии самих местных сообществ. Программно-нормативную платформу этого процесса профессор В. И. Фадеев видел в утверждении посредством Указа Президента РФ основных направлений государственной политики в области развития местного самоуправления.

Очевидно, что в основе формирования и продуктивной реализации долгосрочной программы конституционного становления местного самоуправления лежит развитый исследовательский аппарат муниципально-правовой науки, определяющей качественные характеристики муниципального законодательства и надлежащую кадровую составляющую осуществления муниципальной власти. По всем этим направлениям предложены фундаментальные, во многом прорывные идеи блистательного отечественного ученого профессора Владимира Ивановича Фадеева, для которого местное самоуправление, муниципальное право составляли не просто профессиональное направление, а сферу жизни и творчества, пространство борьбы за утверждение высоких идеалов демократической российской государственности. Оставленное им научное наследие — важный вклад в интеллектуальное достояние российской юриспруденции.





Заседание
Попечительского совета
Южного федерального
университета
под председательством
Д.А. Медведева



ГЛАВА III

Двадцать лет служения конституционному правосудию

*Ante
Factum
2020*

Настоящая глава является для меня, пожалуй, одной из самых сложных. Это и понятно: соответствующий материал предыдущего издания основывался на первой половине, фактически — на оценке начального этапа пребывания в КС РФ. Совсем другое дело — день сегодняшний. Теперь это уже не просто новые, более солидные количественные показатели пребывания в конституционном правосудии. 20-летний юбилей служения Конституции, который пришелся на текущий год, знаменует одновременно завершение пребывания в действующем составе Конституционного Суда Российской Федерации — окончание этого значимого и, безусловно, главного периода моей профессиональной деятельности.

Считаю, однако, важным подчеркнуть, что представленный материал ни в коей мере не может рассматриваться как подведение некоего итога 20-летней конституционно-судебной деятельности. Соответствующая глава первого издания, конечно, существенно дополнена, переструктурирована, предложено заметно больше сюжетных линий, связанных непосредственно с конституционно-судебной деятельностью. Одним словом, это профессионально более выверенный и взвешенный, в каком-то смысле более реа-

листичный взгляд на сегодняшнюю действительность, в том числе в ее конституционных проявлениях... Но писать обо всем этом в «итоговом» варианте — во многом означало бы вынести своего рода приговор — прежде всего, себе и своему времени... Не исключаю, что такой приговор был бы оправдательным. Однако и в этом случае остался бы без ответа вопрос: «а зачем?»

Возможно, с этим связан тот факт, что в данной главе (как ни в какой другой) содержится немало скрытого между строк контента; в том числе имеются отсылки к предложенным в сокращенном варианте или неопубликованным (пока) материалам. Речь идет, в том числе, об особых мнениях (мнениях), высказанных мною, по итогам рассмотренных КС РФ дел и принятых решений, тексты которых не приводятся в настоящем издании (из соображений экономии его объема), но на основании их выходных данных заинтересованному читателю не составит труда отыскать интересующий документ.

Еще в большей степени я имею в виду появившиеся за 20-летний период работы в КС РФ публикации, которые — практически все, включая не менее полутора десятков монографий, — были посвящены конституционному правосудию. В этом плане, став судьей, я всегда считал научную работу важным вспомогательным средством (инструментом) погружения в новую для себя профессионально-судебную деятельность. Сейчас прекрасно понимаю, что не все, что написал, прошло испытание временем (особенно остро это ощутил на фоне конституционной реформы-2020); но все, что писал, было связано с непростым периодом нашего развития, с «болезнями роста» в процессе конституционно-правового становления новой российской государственности... Впрочем, в порядке полушутливой оговорки и не очень убедительного самооправдания напомним слова, написанные на надгробии основоположника антропологического направления в уголовном праве Чезаре Ломброзо: «Я не был прав, но буду прав!».

В продолжение же обозначенной темы приходится признать: при всей важности и обоснованности призывов к единству теории

и практики у каждой из этих сфер, безусловно, имеются свои собственные закономерности существования и развития. Тем более наличие симфонии между конституционной теорией и реальной практикой оказывается под вопросом, если посредником (а, возможно, и дирижером) между ними выступает политика, без которой, справедливости ради следует признать, невозможно обойтись и не обходится конституционно-правовая сфера ни одного современного общества и государства.

С учетом 20-летнего авторского марафона конституционно-юрисдикционной жизни можно было бы, конечно, предпослать предлагаемой главе и более пространный перечень оговорок (в порядке *Ante factum*). Но опять же — отдаю предпочтение сохранению искренности восприятия того, «как это было вчера», а не пояснениям того, как хотелось бы представить сегодня, — чтобы читатель воспринимал те или иные вопросы и явления вчерашнего дня с учетом наших сегодняшних желаний и ожиданий.

Поэтому ограничусь вышеприведенными замечаниями, погружившись в приятные воспоминания одного из самых ярких периодов биографии, связанного не только с восхождением на юридический Олимп профессиональной деятельности, но и — что скрывать — с самой по себе жизнью во всех ее проявлениях.

3.1. ВСТУПАЯ В НОВУЮ ДОЛЖНОСТЬ...

«Подчиняюсь... только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более!»

Вынесенные в подзаголовок слова — выдержка из присяги судьи Конституционного Суда Российской Федерации, которую мне посчастливилось торжественно-взволнованно произнести на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 16 февраля 2000 года, примерно в 11.10, после тайного голосования по кандидатуре на замещение вакантной должности судьи КС РФ.

Что значит быть судьей Конституционного суда? Чем конституционный судья отличается от судей других юрисдикций? Это не риторические, а очень серьезные вопросы.

Вспоминаю в связи с этим слова Владимира Александровича Туманова — человека, которого всегда чтит и уважал (и отнюдь не только как бывшего председателя КС РФ, хотя, впрочем, возможно, не в последнюю очередь и за то, что оставался он в этой должности меньше трех лет, — ровно столько, сколько позволял действовавший на тот момент закон с учетом его предельного возраста...). Как-то раз, в один из первых моих дней рождения, который я отмечал уже в статусе судьи КС РФ, он, предварительно поздравив меня, тихо, почти шепотом, в свойственном ему стиле, произнес: «а ведь конституционным судьей можно стать не раньше, чем через три–четыре года работы в Конституционном суде...».

Не мог (и сегодня не могу) не согласиться с этим мнением мэтра конституционного правосудия! Но ирония судьбы заключалась в том, что, возможно, на интуитивном уровне, неожиданно пришлось задуматься над вопросом о том, кто такой конституционный судья, уже на заседании Совета Федерации 16 февраля 2000 года¹. Речь идет об адресованном мне при обсуждении вопроса о назначении на высокую должность судьи КС РФ вопросе одного из членов Совета Федерации (тогда это были авторитетные руководители законодательных и высших исполнительных органов субъектов РФ):

¹ Теперь это удостоверение, естественно, имеет архивное, поистине историческое, значение. Бережно храню его, как, кстати, и тот «разовый» пропуск в КС РФ, выписанный 16.02.2000 г. уже после состоявшегося назначения судьей КС РФ. Дело в том, что сразу после голосования в Совете Федерации я приехал в КС. Скорее всего, меня пропустили бы и без пропуска, который выдавался бюро пропусков. Но я решил, что по-своему будет необычно пройти в здание КС получившему назначение судье КС на основе разового пропуска. Выходил из здания КС РФ уже с удостоверением (временным), подписанным Председателем КС РФ М. В. Баглаем. А постоянное служебное удостоверение исполняющий обязанности Президента РФ подписал несколько позже, но (и это было принципиально важно!), не дожидаясь назначенных на 26 марта 2000 года выборов Президента РФ.

– Как будете судить в качестве судьи Конституционного суда — по закону или по совести?

До сих пор удивляюсь, как, не растерявшись, быть может, даже излишне спокойно ответил:

– И не по совести, и не по закону.

А затем, после небольшой паузы, добавил:

– А по Конституции!

Ответ был воспринят, как я сразу почувствовал, одобрительно, что нашло свое подтверждение в убедительных итогах тайного голосования.

Так получилось, что мою кандидатуру представил в Совет Федерации В. В. Путин, который был в то время исполняющим обязанности Президента РФ. Данное представление (моей кандидатуры) было первым кадровым вопросом исполняющего обязанности Президента РФ в Совете Федерации. Понимаю, что это случайность, но приятная, как и тот факт, что я — **обладатель уникального служебного удостоверения, подписанного исполняющим обязанности Президента РФ.**

Попутно отмечу также, что в то время Совет Федерации по составу был иным — он состоял из глав исполнительной и законодательной власти субъектов Федерации, и результаты голосования на его заседаниях нередко были трудно непредсказуемыми. Это касалось, кстати, и результатов голосования по назначению (в тот период) нескольких кандидатов в конституционные судьи, которые так и не сумели убедить сенаторов в том, что они достойны занять эту высокую должность.

Что же касается самого смысла ответа (чем буду руководствоваться, став конституционным судьей?), то здесь всё достаточно просто и одновременно сложно: Конституционный суд должен оценивать (судить!) законы на предмет их соответствия Конституции. Это единственный орган государственной власти, который вправе подвергнуть сомнению содержание закона, признать его недействующим как не отвечающий требованиям Конституции. Соответственно, и при решении этих вопросов необходимо руководствоваться

Конституцией и только ей, а не законом. Если же говорить о такой категории, как «совесть», то ее юридическое значение также находит концентрированное отражение в Конституции, в ее принципах и высших ценностях добра и справедливости, равенства и свободы, баланса частных и публичных интересов и т. д. В этом смысле Конституция — нормативно-правовое выражение не только политических, социально-экономических, но и нравственно-этических ценностей нации; зеркало, отражающее как политико-правовое устройство общества и государства, так и сам дух многонационального народа России, его представления о чести, достоинстве, совести.

Руководствоваться Конституцией, всегда и во всем следовать только ее положениям — задача чрезвычайно ответственная для всех и каждого, но в особой степени — для судьи Конституционного суда, участвующего в определении судьбы закона или иного нормативного правового акта. В этом плане охранять Конституцию — особая профессия, вершина профессиональной карьеры юриста; одновременно — это своего рода искусство, искусство поиска баланса власти и свободы, демократии и дисциплины, прав и обязанностей, публичных и частных ценностей... В профессиональном плане это предполагает, в частности, уяснение глубокого, сакрального содержания Конституции, зачастую скрытого смысла не только конкретных норм, положений Конституции, но и сложных системных ее характеристик, предопределяющих содержание тех самых конституционных ценностей, начал, принципов в их иерархических и иных взаимосвязях, которыми следует руководствоваться при оценке норм проверяемого закона. Что же касается самого по себе проверяемого закона, то он может иметь не только чисто юридическое значение: это может быть, например, «финансово емкий» акт, признание которого неконституционным сопряжено с уяснением Судом возможных бюджетно-финансовых последствий, в том числе, возможно, весьма существенных не только для государственного бюджета, но и для отдельных категорий граждан с точки зрения бюджетной обеспеченности их прав и законных интересов. В других случаях это может быть связано с по-

литическими интересами, целями экономической политики, социальных реформ и т. п. Каковы возможности и пределы вторжения Конституционного Суда в эти сферы? Это отнюдь не абстрактные научно-теоретические вопросы, в них и многих других, им подобных, — сама суть конституционного контроля и, соответственно, деятельности каждого конституционного судьи.

В связи с настоящим текстом, посвященным назначению судьей КС РФ, не могу не отметить, что, пожалуй, самые яркие первые впечатления были связаны с поистине звездным составом Суда. Ни в коей мере не возьмусь давать им персональные и профессиональные характеристики. Ограничусь лишь указанием, что с первого дня мне посчастливилось работать бок о бок с выдающимися юристами. Причем это был, думаю, не просто КС, состоящий из отдельных звездных юристов (хотя это тоже было), но более важно другое: это была, своего рода, звездная команда судей. Ее состав был, как представляется, удачно сбалансированным по всем основным показателям, имея в виду в том числе соотношение ученых и практиков, представителей классического (общетеоретического) и отраслевого конституционализма и т. п. В этом плане мне посчастливилось работать — с первых дней пребывания в КС РФ — как с теми, кого сегодня, безусловно, можно именовать патриархами конституционного правосудия (В. Д. Зорькин, Г. А. Гаджиев, Ю. Д. Рудкин Ю. М.-судьи КС первой волны, своего рода, «отцы» российского конституционного правосудия, а также Данилов, Л. М. Жаркова,), так и с находящимися сегодня в отставке М. В. Баглаем (в то время — Председатель КС), Т. Г. Морщаковой (заместитель Председателя), судьями Жилиным, А. Л. Кононовым, Н. В. Селезневым, А. Я. Сливой, В. О. Лучиным, Б. С. Эбзеевым. Особые чувства, слова глубокого сожаления по поводу ушедших из жизни судей КС Н. В. Витрука, В. Г. Стрекозова, О. И. Тиунова, О. С. Хохряковой, с которыми также в разное время довелось вместе работать, — светлая им память.

Понимаю, что всякие оценки личностей субъективны, благодарен судьбе, что у всех судей КС образца 2000 года имел счастливую возможность, в той или иной мере, учиться. Каждого из них (впро-

чем, как и всех действующих судей КС РФ¹⁾ можно смело именовать *судебными конституционалистами*, как правило, выдающимися — то ли в области теории, доктрины конституционализма, то ли практики, онтологии конституционализма, классического либо отраслевого (например, правоохранительного, гражданско-правового, процессуального, административно-юрисдикционного), сравнительно-правового, международного конституционализма.

Не секрет, что не всегда при разрешении тех или иных вопросов, при последующей выработке решения Конституционного Суда его итоговый документ (в виде постановления либо определения) принимается единогласно. В этом плане без преувеличения можно сказать, что Конституционный суд, по самим принципам своей деятельности, предполагается как один из наиболее демократичных органов государственной власти. Имеется в виду, в том числе, возможность отстаивания каждым судьей своего мнения при принятии общего решения, что включает и право на особое мнение (мнение). Сюжету об этих уникальных процессуальных документах посвящен следующий параграф этой главы. Данный же параграф завершаю представлением некоторых документов — важных характеристик начального этапа моей деятельности как судьи КС РФ: официальным текстом присяги судьи КС РФ (ст. 10 ФКЗ «О КС РФ»), Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ о моем назначении судьей КС РФ, свидетельством о вступлении в должность судьи КС РФ, а также подборкой фотоматериалов, иллюстрирующих события 16 февраля 2000 года.

¹ При всей вполне понятной сдержанности в части личностных характеристик коллег не могу не отметить, что наряду с указанными выше судьями в сегодняшний «переходный» состав КС РФ («переходный» — от 19 до 11 судей) входят назначенные в «московский период» судьи С. М. Казанцев, Л. О. Красавчикова, С. М. Маврин, Н. В. Мельников, а также судьи «ново-питерского периода» К. В. Арановский, А. И. Бойцов, С. Д. Князев). К этому остается добавить, что коллегой по конституционному правосудию был также М. И. Клеандров (судья КС РФ с 2008 по 2018 год). Таким образом, не сложно сосчитать, что за 20-летний период служения конституционному правосудию имел возможность бок о бок работать с 26, как правило, выдающимися юристами — конституционными судьями разных периодов деятельности КС РФ.



**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

О назначении Бондаря Николая Семеновича
на должность судьи Конституционного Суда
Российской Федерации

В соответствии с пунктом "ж" части статьи 102, частью 1 статьи 128 Конституции Российской Федерации и частью третьей статьи 9 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

1. Назначить на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации Бондаря Николая Семеновича.
2. Настоящее постановление вступает в силу со дня его принятия.

**Председатель
Совет Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации**



Е. С. СТРОЕВ

Москва
16 февраля 2000 года
№ 10-СФ



Присяга судьи Конституционного Суда Российской Федерации

(часть вторая 10 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации")

"Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, подчиняясь при этом только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более"

Присягу принял судья
Конституционного Суда Российской Федерации

**БОНДАРЬ
Николай Семенович**

Москва
" 16 " февраля 2000 года

подпись

СВИДЕТЕЛЬСТВО

**о вступлении в должность судьи
Конституционного Суда Российской Федерации**

*В соответствии с Конституцией Российской Федерации
и Федеральным конституционным законом
«О Конституционном Суде Российской Федерации»*

**БОНДАРЬ
Николай Семенович**

*назначен Советом Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
на должность судьи
Конституционного Суда Российской Федерации,
приведен к присяге
и вступил в должность судьи Конституционного Суда
Российской Федерации « 16 » февраля 2000 года*

Председатель
Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации



Е. С. СТРОЕВ

Москва
« 16 » февраля 2000 года

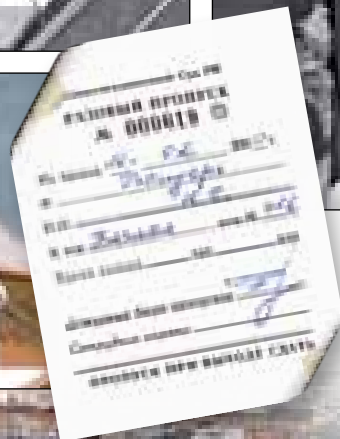
—•— ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ —•—



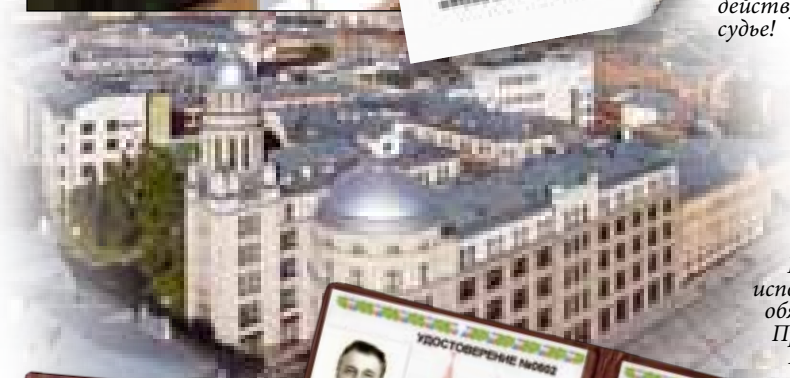
Подчиняться
только Конституции...



Символы судебной
власти — тоже
очень важно!



Разовый пропуск
в КС РФ —
действующему
судье!



Подписано
исполняющим
обязанности
Президента
РФ, 2000 г.



—•— СЛЕЗЫ РАДОСТНОЙ ГРУСТИ —•—



Искренность
чувств
не вызывает
сомнений...
(февраль,
2000 г.)



Первые интервью после назначения

«... И ЗВУЧАЛ ГИМН РОССИИ»¹

По представлению и. о. Президента Российской Федерации В. В. Путина Совет Федерации назначил заведующего кафедрой муниципального права и управления РГУ, профессора Н. С. Бондаря судьей Конституционного Суда Российской Федерации.

Редакция газеты присоединилась к многочисленным поздравлениям и взяла по интересу эксклюзивное интервью у Н. С. Бондаря.

– Что Вы почувствовали, узнав о результатах голосования в Совете Федерации?

– Это были, пожалуй, самые острые, самые глубокие чувства переживаний и, что важно, ожиданий быть в дальнейшем сопричастным к решению важнейших проблем нашего государства. Эти чувства «наплывали» во время исполнения гимна России в зале заседаний Совета Федерации.

– Самый каверзный вопрос, заданный Вам в Совете Федерации?

– Пожалуй, самым необычным был вопрос о моем гражданстве. Как Вам известно, судьей Конституционного Суда РФ может стать только гражданин Российской Федерации. Но этот вопрос представителя Самарской области был больше в целях разрядки обстановки, так как всем было абсолютно ясно, что судьей КС РФ может быть только гражданин Российской Федерации. Что же касается гражданства, то вопрос понятен: по национальности я украинец. Хорошо, что не спросили за какую футбольную команду болею. Был также вопрос: как буду судить — по закону или по совести? Ответил, что не по закону и не по совести, а только по Конституции РФ. Ответ членам Совета Федерации, кажется, понравился.

¹ Интервью с Н. С. Бондарем // Живой голос. Независимая газ. юрид.-ф-та РГУ. 2000. №3.

– Первые впечатления в Конституционном Суде РФ?

– Самое приятное впечатление — от близкого знакомства с судьями, многих из которых я знал и раньше. Причем речь идет не только об их профессионализме (в этом нет никаких сомнений, и о каждом судье можно было бы многое рассказать), а, прежде всего, об особой атмосфере в Конституционном суде: принципиальность, высокая требовательность — и в то же время, искренняя доброжелательность. Есть чему поучиться некоторым нашим творческим и весьма ученым коллективам (угадайте, каким?).

– Как стать судьей Конституционного Суда РФ?

– Очень «просто»: по представлению Президента РФ Совет Федерации может назначить вас на должность судьи Конституционного Суда РФ, если вы будете соответствовать таким «пустяковым» требованиям, как достижение возраста — не менее 40 лет, наличие высшего юридического образования, стаж работы по юридической специальности не менее 15 лет. Кроме того, вы должны обладать «безупречной репутацией и признанной высокой квалификацией в области права».

– Какие возможности и льготы Вы получили как судья Конституционного Суда РФ?

– Статус судьи Конституционного Суда РФ определяется, как известно, Законом «О статусе судей Российской Федерации», а также специальным Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ». Поверьте, никаких излишеств нет, тем более, если провести сравнение со статусом конституционных судей зарубежных стран. Но и жаловаться нет оснований. Став судьей Конституционного Суда РФ, я получил возможность бесплатного проезда в автобусе, троллейбусе и даже метро. В принципе, в соответствии с п. 2 Указа Президента РФ «Об обеспечении деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и о предоставлении государственных гарантий судьям Конституци-

онного Суда Российской Федерации и членам их семей», информационное и организационное обеспечение деятельности судей Конституционного Суда, а также их социально-бытовое, медицинское и санаторно-курортное обслуживание осуществляются в порядке и на условиях, определенных для заместителей Председателя Правительства РФ.

– Меняются ли у Вас походка и осанка, когда надеваете мантию судьи Конституционного Суда РФ?

– Хотя нам больше приходится сидеть в судейском кресле, чем ходить, в мантии я чувствую себя достаточно комфортно. Мантия не стесняет движений. Походка и осанка при этом практически незаметны. А вот больше всего удручает, что приходится много слушать, а не говорить, как это привычнее для меня в качестве лектора. И вообще, в Конституционном суде все хорошо, кроме одной «мелочи»: нет студентов (и студентовок).

– Есть ли какое-то отличие судьи Конституционного Суда РФ от судьи третейского суда, в работе которого Вам также приходилось участвовать?

– Отличие почти такое же, как от футбольного судьи.

– Пожелания факультету и слушателям созданного Вами Института права.

– Желая всем студентам ценить не только академический час университетской учебы, но и каждую минуту жизни. И еще: помните, что сегодняшний день никогда не повторится, ведь завтра вы уже будете жить в завтрашнем дне. Всем — крепкого здоровья, счастья, благополучия, творческих успехов, эффективной и плодотворной деятельности на юридическом поприще. И, конечно, внутреннего удовлетворения от своей работы. А я, в свою очередь, надеюсь также на возможность новых встреч в аудиториях факультета и Института.

ОТЛИЧНИК. ТЕПЕРЬ РОСТОВСКИЕ СТУДЕНТЫ ЗА КОНСТИТУЦИЮ СПОКОЙНЫ¹

...На прошлой неделе Совет Федерации утвердил в качестве судьи Конституционного Суда РФ доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой муниципального права и управления Ростовского государственного университета Николая Бондаря.

Около двадцати претендентов из разных регионов России рассматривались в качестве кандидатов на вакантное место. Исполняющий обязанности Президента России Владимир Путин остановил свой выбор на ростовчанине.

В свои неполные 50 он сумел преодолеть неблизкий путь — от небольшого украинского села, где родился и вырос, до белокаменной. Родители — обычные сельские учителя. Мать преподавала в том классе, где он учился. Была столь строга к сыну, что однажды он примчался к ней со слезами обиды. Приятели уверили второклассника, что так к сыну может относиться только «неродная» мать. «Сынок, когда вырастешь, ты поймешь, что дела в знаниях, а не в оценках», — успокоила она. Школу он окончил с медалью. Потом был юридический факультет Ростовского госуниверситета, также оконченный с отличием. Затем он два года работает следователем военной прокуратуры Псковского гарнизона Ленинградского ВО. Возвращается в Ростов, где защищает кандидатскую и докторскую диссертации. Темы его исследований — конституционное и муниципальное право, а также права человека.

После утверждения на заседании Совета Федерации в Москве Николай Семенович Бондарь всего на два дня прилетел в Ростов, чтобы завершить начатые дела. При этом успел устроить полагающееся в таких случаях застолье, прочесть несколько лекций студентам, подписать кучу разных бумаг.

Коллеги отмечают редкое сочетание умелого организатора, общественного деятеля и, пожалуй, самое главное — очень порядочного человека. Мне рассказали характерный случай. Когда шли

¹ Карамышева Л. Интервью с Н. С. Бондарем // Труд. 2000. 22 февраля.

выборы руководителя университета, Бондарь открыто высказался против формальной и безальтернативной их организации. Последствий не испугался, хотя речь шла о вышестоящем начальстве. Я спросила его:

- **Вы не боялись, что останетесь без работы?**
- Разве я похож на засидевшуюся невесту, которая ждет жениха и хочет всем понравиться?
- **Говорят, в Совете Федерации вас спросили: «Как будете судить — по совести или по закону?»**
- Я ответил: «По Конституции». Так в присяге записано: «Клянись честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, подчиняясь при этом только Конституции РФ, ничему и никому более».
- **Вы переедете в Москву или семья ваша останется здесь?**
- Моя младшая дочь оканчивает в этом году десятый класс, поэтому семья останется. Затем планируем переехать.
- **А сын?**
- Он уже взрослый, у него своя семья. Кстати, работает судьей.
- **Почти каждый год вы издаете объемистые монографии, учебники. Когда успеваете?**
- В сутках так много часов, целых 24! А если серьезно, то, отчитав 8–10 часов лекций, прихожу домой и ногами, иногда до самого утра, занимаюсь. Без творческой работы нет движения вперед. Жизнь-то не стоит на месте.
- Студенты, прощаясь с ним, написали с юмором: «О, наш чудесный, умный, стройный! Бежишь из нашей кутерьмы. Зато отныне будем мы за Конституцию спокойны!».
- Вчера Николай Бондарь приступил к выполнению своих новых обязанностей.

РОСТОВЧАНЕ В МОСКВЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ.
РЕЙС «МОСКВА. ИЛЬИНКА, 21 —
РОСТОВ-НА-ДОНУ, ГОРЬКОГО, 88» — ПОСТОЯННЫЙ¹

Николай Семенович Бондарь — человек, очень известный в Ростове вот уже на протяжении, наверное, как минимум, двух десятилетий; причем, известный не только в юридических кругах и в органах власти. Известный — сказать мало; это очень уважаемый человек.

Мир тесен; и на протяжении последних семи лет (а все эти годы Николай Семенович работает судьей Конституционного Суда РФ) часто слышим отовсюду: «встречаюсь с Бондарем», «Бондарь был на вечере памяти Ржевского», «Бондарь посоветовал...», «он приезжал на Рождество». С учетом его чрезвычайной загруженности на работе в Москве, объяснить его «вторую жизнь» в Ростове ТОЛЬКО делами невозможно: ведь человек такого статуса мог бы не менее (а скорее всего более) успешно реализовывать свои интересы ученого и в столице; что же касается дружеского общения, — на него современный занятый человек выделяет гораздо меньше времени, нежели Бондарь проводит в Ростове. Таким образом, объяснение «ростовской жизни» мы нашли одно — эмоция...

Вот обо всем этом и о многом другом мы и попросили рассказать, наверное, самого высокопоставленного ростовчанина, ставшего москвичом.

— **Николай Семенович, чувствуете ли Вы, ростовчанин, себя уже москвичом? Вообще, из чего это складывается: «чувствуете» или «не чувствуете»?**

¹ Нестеренко И. Интервью с Н. С. Бондарем // Форум. Общественно-политический, информационно-аналитический журнал. 2007. Январь-февраль. №1 (8). С. 4–10. После 2007 года, когда давалось интервью, произошли различные события, в том числе печальные. Так, ушли из жизни, как уже отмечал, коллеги Н. В. Витрук, В. Г. Стрекозов, О. С. Хохрякова (о которых говорится в интервью), произошли другие изменения. Но, надеюсь, оправданным будет публикация интервью как своего рода исторического документа без купюр и редактирования.

— Бытует известная поговорка: москвичом нельзя стать, им надо родиться. По прошествии определенного времени работы и проживания в Москве (незаметно пролетели уже почти семь лет!) могу сказать, что в этой шутке только доля шутки. Образ жизни, психология взаимоотношений, начиная от соседей по даче и заканчивая коллегами по работе, здесь иные по сравнению, в особенности, с Ростовом. Это не значит, что они хуже или лучше, — просто иные. Но мне в этом плане, можно сказать, повезло. Практически с первых дней московской жизни я, как мне кажется, почувствовал себя «в своей тарелке», по-домашнему. Здесь — две основные причины.

Во-первых, не буду скрывать (тем более, что многим это известно), я отношусь к трудоголикам, и переезд в Москву означал для меня в первую очередь перемену места работы; нахождение же рабочего кабинета окнами на знаменитую Старую площадь, в 200 метрах от Красной площади, не влияет на восприятие данного места лишь как рабочего кабинета, где ежедневно приходится проводить, пожалуй, большую часть суток. Сама же по себе работа — что тут скрывать? — не просто интересная, но приносит внутреннее удовлетворение и, осмелюсь сказать, удовольствие. Очень важно, что для меня она в некоторых, очень важных составляющих является продолжением предыдущей профессиональной деятельности, но, конечно, на качественно новом уровне. Имею в виду, что Конституционный суд — не только один из высших органов государственной власти, но и своего рода научная лаборатория современного конституционализма; достаточно отметить, что в его составе 13 докторов юридических наук (из 19 судей КС), немало докторов и кандидатов наук и в аппарате Суда. (Впрочем, ученые звания и степени — не единственный, а, возможно, и не решающий показатель профессионализма. Яркий пример в этом плане — судья Данилов Юрий Михайлович, который благодаря своему удивительно глубокому профессионализму снискал полушутливое, но вполне заслуженное звание «народного академика»; ясно, что для этого звания степень не нужна; он — бывший председатель Воронеж-

ского областного суда, заместитель последнего Министра юстиции СССР). И не удивительно, что решение КС РФ — это вклад в развитие не только практики, но и теории конституционализма. Дополнительным же, «факультативным» свидетельством моего личного участия в этом направлении деятельности является, например, выход в свет четырех книг, учебника, статей, написанных за неполных семь лет пребывания в Москве на основе практики конституционного судопроизводства в России (все это, правда, не входит в профессиональные обязанности, это для души, почти хобби).

Во-вторых, очень важным является уровень, характер человеческих отношений. Без преувеличения могу отметить, что, получив высокое назначение в КС РФ, с первого же дня я оказался в кругу не просто коллег по ремеслу, но вместе с людьми, которых (большинство из 19 судей) хорошо знал ранее. Некоторые были (и есть) давними хорошими друзьями, коллегами по вузовской науке (Борис Эбзеев, Гадис Гаджиев), старшими товарищами (в числе которых, например, наш земляк М. В. Баглай). Всех нас давно объединяли научные интересы и человеческие отношения. А сколько прекрасных специалистов работает в МГУ, МГЮА и т. д., с которыми у меня тоже давние теплые отношения! Поэтому назначение в Москву не означало перемещение в неизвестную среду человеческих, личностных отношений. Вот и судите — стал москвичом или нет.

К тому же, убежден: для любого россиянина, гражданина России, Москва не может восприниматься как «чужой» город. Правда, с точки зрения внутреннего психологического комфорта и, что особенно важно, ритма жизни, Москва и Ростов, как говорят не только в Одессе, — две большие разницы. В этом плане один маленький штрих без комментариев: у меня есть немало старых приятелей-москвичей, с которыми я чаще встречался, когда жил в Ростове, чем сейчас...

— **Вы — один из самых высокопоставленных ростовчан (а может быть, и самый высокопоставленный), кто не прервал тесных связей с Ростовом. Вы часто здесь бываете. Вы, кажет-**

ся, даже не продали здесь квартиру. Ваши дети, как говорят, работают в Ростове. Вы остаетесь заведующим кафедрой на юрфаке РГУ (ныне ЮФУ) и т. д. Во-первых, почему — так, а не иначе, и зачем Вам это надо? Ведь работа в Москве абсолютно стабильна и, по идее, дает массу возможностей для самореализации — думаю, в любом престижном вузе Вам с удовольствием предоставили бы кафедру. Что все же Вас притягивает в Ростове, и как Вы сами это объясняете себе внутренне?

— Есть вещи, которые трудно объяснить словами, это надо прочувствовать. На одном из московских мероприятий, посвященном юбилею руководителя ростовского землячества в Москве, префекта ЮВАО Москвы, профессора и прекрасного человека Владимира Борисовича Зотова, я предложил считать его и других высокопоставленных «ростовских москвичей» находящимися в Москве в командировке: до тех пор, пока Ростов не является столицей России. Земляками это предложение было воспринято с воодушевлением...

А если более серьезно, Ростов — моя студенческая юность, профессиональное становление и возмужание, это родной город (малая родина) моих детей, это мои учителя по университету, мои друзья и т. д. и т. п. Одним словом, это большая, очень большая частица моей жизни, меня самого. На этом можно было бы и закончить ответ на данный вопрос. Ведь каждый более конкретный нюанс (как, например, университет, юрфак, кафедра...) — это самостоятельные темы. Например, руководимая мною кафедра в Ростовском университете — не просто одна из кафедр; в нынешнем, 2007 году (!) исполняется 20 лет со дня ее создания. А создавал ее я с «нуля», такого профиля кафедр в других вузах страны не было (это не бахвальство, так и есть), и руководил ею с первого дня существования. На кафедре под руководством вашего покорного слуги было подготовлено около двух десятков диссертаций. А раз-работка, например, в 1996 году получившего достаточно широкую известность проекта Устава Ростова? И это опять же не просто воспоминания о работе над Уставом в плане активных обсужде-

ний его проекта с М. А. Чернышевым, с депутатами гордумы и т. д. Это живое ощущение каждой его статьи как Основного закона ростовчан (может, в т. ч. поэтому День города Ростова воспринимаю как личный праздник, всегда получаю поздравления от М. А. Чернышева, других ростовчан).

Вот и подумайте теперь: есть где-нибудь, в том числе в Москве, например, еще одна такая кафедра?! Что же касается детей, то как отец-эгоист могу, постучав по дереву, только порадоваться за них. Так получилось, что год назад сын Андрей получил достаточно ответственное назначение в судебной системе в Москве; теперь, как и я, часто колесит по маршруту Москва–Ростов. А дочь Оксана (тоже юрист) так и не поддалась на уговоры и соблазны переехать в Москву, остается в Ростове.

— Николай Семенович, как часто Вы бываете в Ростове? И чаще — по каким поводам? Кто из ростовчан постоянно бывает у Вас в Москве? И тоже — по каким поводам?

— В среднем один раз в месяц-полтора бываю в Ростове, иногда и чаще. Приезжаю не в гости, а к себе на работу. Это прежде всего — университет: до недавнего времени был председателем Попечительского совета РГУ. Теперь, с созданием ЮФУ, будут и по этой части изменения. Очень важно и почетно, что предварительное согласие возглавить Попечительский совет ЮФУ дал Д. А. Медведев, мне предложено «понижение» — быть замом у первого зама Председателя Правительства. Другое направление работы — наряду с упоминавшейся выше кафедрой муниципального права и управления, Институт права и управления, который мне пришлось создавать (в структуре РГУ) и быть его директором до назначения в КС РФ; это заседания Диссертационного совета на юридическом факультете университета, председателем которого я по-прежнему являюсь, и т. д.

В моем кабинете и на даче побывали очень многие ростовчане. В обобщенном плане могу сказать, что это представители всех ветвей власти Ростовской области (почти конституционный

подход к ответу на вопрос), а также руководители университета, факультетов, института и, конечно, личные друзья, многие из которых, кстати, относятся к перечисленным «категориям» ростовчан. Важно и то, что, по крайней мере, в персональном плане проходили практику в КС РФ лучшие студенты юрфака РГУ.

Что касается встреч, не могу не отметить: не частые, но регулярные встречи бывают с В. Ф. Чубом и А. В. Поповым, которые — как губернатор и председатель Законодательного Собрания области — в 2000-м году рекомендовали мою кандидатуру Президенту России В. В. Путину для представления в Совет Федерации в связи с назначением судьей Конституционного Суда (назначение состоялось 16 февраля 2000 года).

— Как Вы устроены в Москве? Квартира? В центре или нет? Служебный автомобиль? Отдельный ли кабинет, приемная или нет?

— Судьи Конституционного Суда РФ действительно не бездомные. В соответствии с Указом Президента РФ (был издан еще в 1998 г.), судьям КС РФ обеспечиваются материально-технические, информационные и иные гарантии на уровне заместителя Председателя Правительства РФ. Ведь в данном случае речь идет не о неких привилегиях, а об авторитете судебной власти, в частности — в лице ее высшего конституционного органа. Соответственно, у каждого судьи КС есть квартира в Москве, предоставленная на основании закона, государственная дача, служебный автомобиль, отдельный кабинет с приемной. Должен отметить: материальные гарантии независимости судей КС РФ в настоящее время вполне соответствуют международным стандартам.

— Николай Семенович, несколько слов об «организации жизни» судьи Конституционного суда. Есть ли у Вас в некотором роде специализация, принято ли как-то особенно прислушиваться к экспертным оценкам кого-то из судей, которые являются специалистами именно в данной отрасли права?

— Несомненно, у каждого судьи есть свои научные и иные профессиональные пристрастия, интересы. Например, Гадис Абдуллаевич Гаджиев и Лариса Октябрьевна Красавчикова являются известными специалистами по гражданскому праву, Сергей Петрович Маврин и Ольга Сергеевна Хохрякова — по трудовому праву, а Борис Сафарович Эбзеев, Владимир Георгиевич Стрекозов и, конечно, Валерий Дмитриевич Зорькин — по конституционному праву. Среди членов Суда есть и два бывших прокурора, оба Николаи Васильевичи, — Мельников из Ростова-на-Дону и Селезнев из Кеморова. При распределении дел для их подготовки судьей в качестве докладчика это учитывается. Однако формально-юридически ни о какой узкой специализации не может быть речи, все судьи КС РФ равноправны, и каждый в отдельности может быть докладчиком практически по любому делу (в некоторых случаях могут быть назначены два докладчика). Например, мне нередко приходилось готовить дела по налогам, уголовному и гражданскому процессу, гражданскому, жилищному, пенсионному праву и т. д., хотя моя основная специализация — конституционное и муниципальное, административное право.

— Каждый ли день Вы бываете на работе? Соблюдается ли строго график «присутствия»? Как вообще строится механизм работы Конституционного суда — расскажите, пожалуйста, обо всем этом в той мере, в какой это интересно обывателю.

— Об этом можно говорить и коротко, и очень долго. Если в двух словах, на работе бываю каждый день и нередко задерживаюсь допоздна, но не потому, что кто-то требует, обязывает, а просто не хочу лишиться себя такого удовольствия. Что же касается графика «присутствия», то это прежде всего — заседания суда, которые являются обязательными для судьи. Таких заседаний в месяц бывает различное количество, в среднем от 4–5 до 7–8, а то и больше. Это и пленарные заседания (с участием всех 19 судей), и заседания палат (у нас две равноправные палаты, в составе которых 9 и 10 судей). В общей сложности в течение месяца надо изучить в

порядке подготовки к заседаниям не менее 100 дел. Подготовка же может проходить и дома, на даче, в библиотеке. Я предпочитаю — в Суде.

На изучении у судьи находится одновременно несколько дел, и практически по каждому необходимо подготовить запросы в соответствующие министерства, ведомства; по сложным делам направляются запросы к экспертам. Экспертами выступают наиболее авторитетные по соответствующим проблемам специалисты, но нередко и между экспертами возникают разногласия, что вполне естественно. Одним словом, существует непростой механизм выработки и последующего согласования коллегиально принимаемых решений. В конечном счете каждое решение КС РФ — это результат коллективного творчества, а не чей-то авторский документ. Хотя, конечно, догадывается, что каждое общее правило содержит свои исключения. Я был бы не до конца искренен, если бы не сказал, что специалисты порой обнаруживают «почерк» того или иного судьи в конкретном решении.

Важное значение для выражения и отстаивания личной позиции судьи при принятии решения имеет право на особое мнение. Для КС РФ (в отличие от других судов) это естественная, а не какая-то экстраординарная форма реагирования судьи на принятое решение. Мне тоже порой приходится пользоваться этим правом. Последний пример — мнение по получившему широкий резонанс так называемому делу о «гонораре успеха» адвокатов.

— **Рассматривались ли в последнее время Конституционным судом дела, которые, на Ваш взгляд, Николай Семенович, можно назвать чрезвычайно принципиальными и важными для общества? Коротко расскажите о сути.**

— Практически каждое дело, принимаемое Конституционным судом, является важным. Ведь если даже оно рассматривается по жалобе конкретного гражданина, принятое решение касается тысяч, а то и сотен тысяч граждан, находящихся в такой же ситуации.

Например, после вступления в силу известного Федерального закона №122 в Конституционный Суд Российской Федерации в течение года поступило более 700 запросов. Были приняты решения (как в виде Определений, так и Постановлений). Пришлось скорректировать законодателя по некоторым позициям, которые касались, например, таких категорий, как ветераны труда (9 361 426 чел.); реабилитированные лица (1 032 225 чел.); ветераны боевых действий (147 289 чел.); военнослужащие, проходившие военную службу в частях, не входивших в состав действующей армии, в период с 22 июня 1941 года по 3 сентября 1945 года не менее шести месяцев, и ставшие инвалидами вследствие общего заболевания (90 783 чел.) и др.

Были подобного рода жалобы по социальной проблематике и из Ростовской области.

Например, в октябре 2006 года вдовы шахтеров — Кондрашева Валентина Александровна из города Шахты, Вандарьева Мария Карповна, Марченко Зоя Ивановна и Жубра Нина Александровна — из Новошахтинска обжаловали изменения в Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 1998 года «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (в редакции Федерального закона от 7 июля 2003 года). Суды общей юрисдикции отказывали им, как и многим-многим другим вдовам, в праве на получение страховых выплат, мотивируя свой отказ тем, что таким правом обладают лишь нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания. Получалось, если шахтер погиб в шахте, страховые выплаты положены, а если смерть наступила не сразу, спустя некоторое время (когда шахтер уже стал получать пенсию), хотя и от полученного увечья, — страховые выплаты якобы не положены. Это вопиющая несправедливость, которую решительно исправил Конституционный суд (мне пришлось готовить и докладывать это дело).

— *Работая в Конституционном суде, Вы имеете возможность видеть картину уровня правового развития нашего общества, что называется, «вширь и вглубь». Скажите об этом несколько слов. Если возможны и уместны оценки, — было бы замечательно.*

— *Это очень важная и сложная тема. Кстати, на декабрьской встрече судей КС РФ с Президентом РФ (она была посвящена Дню Конституции) мне пришлось высказать некоторые соображения, касавшиеся обсуждаемой темы — правовой реформы в РФ. Я отметил, что при всей сложности, например, разработки нового законодательства и даже формирования новой судебной системы, несравненно более сложной является проблема формирования новой конституционной культуры общества, нового правосознания всех и каждого, начиная от министров и заканчивая конкретными правоприменителями и исполнителями хутора Васюки. Этот вопрос был весьма активно поддержан и развит Президентом в беседе с нами.*

Значение КС РФ как раз заключается еще и в том, что Суд принимает активное участие не только в защите Конституции, ее ценностей, но и в формировании новой конституционной идеологии общества и государства (слова «идеология» не боюсь, в данном случае оно имеет иное смысловое значение по сравнению с нашими прежними политико-идеологическими представлениями). А конкретнее — пусть это будет темой следующей нашей беседы.

Вдали от Ростова, но всегда с земляками-ростовчанами

Переезд в Москву в связи с назначением судьей КС РФ — это, конечно, не только принципиально новая работа с новыми статусными началами и профессиональными интересами, новыми служебными отношениями. Это еще и адаптация к новой среде человеческих (неслужебных) отношений в

таком особом, уникальном городе как Москва. И в этом плане особую роль в моей московской жизни сыграло Ростовское землячество.

Ростовское землячество существует в Москве с 1996 г. Но в последующем, уже в период моего пребывания в КС РФ, по разным причинам пришлось заново пройти юридическую процедуру перерегистрации данного общественного объединения в качестве Землячества ростовчан «Донская станица». В этом статусе объединение было зарегистрировано 5 сентября 2007 года. Горжусь, что наряду с выдающимися земляками (как-то: П. С. Дейнекин, В. Ю. Голубев, В.В Понедельник, В. Б. Зотов и еще несколько человек) в числе соучредителей являюсь и я; горжусь, несмотря на то, что была ситуация, когда пришлось обосновывать допустимость быть соучредителем некоммерческой общественной организации мне как судье КС РФ. Длительное время, вплоть до 2018 года, незаменимым руководителем землячества был В. Б. Зотов (о котором, конечно же, надо будет сказать дополнительно хотя бы несколько слов); теперь, с 2018 г., Председатель землячества — наш весьма уважаемый земляк Липовой Сергей Анатольевич, Герой России, генерал-майор, руководитель общественной организации «Офицеры России».

Без преувеличения могу сказать: если бы не было землячества, моя жизнь в Москве была бы иной, менее насыщенной, менее интересной и полноценной. Это не только встречи, общие собрания земляков, но масса очень важных, интересных, общественно значимых дел, начиная с установки в Москве памятника великому земляку М. А. Шолохову (что по разным причинам было непросто решить), продолжая празднованиями юбилеев знаменитых земляков М. А. Шолохова, А. П. Чехова, В. Закруткина... Это также поездки в составе московской делегации ростовского землячества в родной город на крупные мероприятия, связанные с юбилеями города Ростова и области, со вступлением в должность на новые сроки губернатора области, мэра Ростова-на-Дону... И, конечно, это юбилеи самих

членов землячества¹. А среди них — поистине выдающиеся люди, гордость Донского края и России, о которых с огромным сожалением сегодня приходится говорить в прошедшем времени. Это, например, три командующих ВВС России (в разное время) — генерал армии П. С. Дейнекин, маршалы авиации Е. И. Шапошников и В. С. Михайлов, легенда советского футбола В. В. Понедельник, генералы И. Г. Сардак, Н. Г. Антоненко, атаман А. Г. Мартынов... Всех просто невозможно перечислить. Кстати, в числе активных членов и соучредителей землячества был и Василий Юрьевич Голубев, работавший в то время вице-губернатором Московской области, главой Ленинского района Подмосковья; теперь, вернувшись на родную Донскую землю, уже 10 лет он успешно трудится губернатором Ростовской области. Так что ростовское землячество — еще и кузница кадров высшего государственного уровня (будем считать, что это шутка, но в ней — только доля шутки).

«Организатором и вдохновителем» всех добрых дел ростовского землячества в Москве, безусловно, был многолетний Президент землячества Владимир Борисович Зотов. Даже не хочется

¹ Кстати, в кругу членов землячества принято отмечать не только радостные события. Надеюсь, не только мне запомнился, например, поминальный обед, посвященный памяти моего отца (по христианской традиции на 9-й день после ухода из жизни). Он проводился с участием также землячества Луганской области «Лугань», членом которого я также состою. Это не есть раздвоение чувств, а жизненная реальность: считаю, что у меня две «малые Родины» — родительская, которая находится на Украине, в селе Голубовка, и «малая Родина» взрослой жизни, начинаая от студенчества и до седины. Это — Ростов-на-Дону. Что же касается упомянутого поминального обеда, то он проходил с участием в том числе заслуженного артиста России профессора консерватории им. П. И. Чайковского одного из лучших альтистов страны Ю. А. Тканова. В дальнейшем это знакомство переросло в дружбу. О ярких страницах этих отношений, в том числе с участием блестящего композитора, заслуженного деятеля искусств А. П. Кулыгина, выдающегося баритона, народного артиста России профессора Московской консерватории С. Б. Яковенко, будет сказано в следующих главах настоящего повествования.

перечислять все его должности и звания, так как главные среди них — прекрасные человеческие качества; он был и инициатором, и организатором, и непосредственным руководителем всех основных дел и мероприятий землячества. Но чтоб понятно было, с чем, с каким объемом другой работы приходилось В. Б. Зотову совмещать эту общественную деятельность, укажу все-таки на то, что на протяжении двух десятков лет являлся префектом Юго-Восточного административного округа Москвы (рекордсмен-долгожитель среди всех московских префектов), был членом Правительства Москвы; одновременно, являясь доктором экономических наук, профессором, вел (и продолжает вести!) активную научно-преподавательскую деятельность, является один из учредителей и руководителей Муниципальной Академии России. Не могу в связи с этим не вспомнить и боевого помощника В. Б. Зотова, в том числе по землячеству, И. И. Афанасьева. Те, кто помнят его по ростовскому комсомольскому периоду (в качестве первого секретаря Ростовского обкома комсомола) и знают сейчас, в московский период, вероятно, согласятся, что это о нем поется в известной комсомольской песне — «... и вечно буду молодым».

Молодой задор членов землячества (несмотря индивидуальные, порой весьма солидные, возрастные показатели) лежал и в основе таких удивительных мероприятий как хаш. В этих случаях к 7 часам утра (!), в воскресенье, «хашисты»-члены землячества съезжались с разных концов Москвы на Б. Ордынку; при этом многие приезжали на спецтранспорте, в связи с чем порой шутили, что такое массовое передвижение весьма узнаваемого в Москве транспорта ранним воскресным утром может вызвать вопросы у определенных органов... В действительности, однако, это были не просто застолья, а, без преувеличения могу сказать, настоящая школа гражданственности, патриотизма. Слово держали герои России, генералы, действующие и бывшие казачьи атаманы, представители различных органов московской и федеральной государственной власти. А

какой бывала художественная часть с участием самых что ни есть известных, выдающихся артистов России, казачьего хора и т. д.!

В связи с этим небезынтесными могли бы быть, конечно, и портретные характеристики членов землячества. Это могло бы, однако, вылиться в относительно самостоятельное повествование, время для которого, будем надеяться, еще впереди. Сейчас же не могу не сказать хотя бы несколько самых теплых слов памяти великого патриота России, истинного государственника Петра Степановича Дейнекина. Не буду говорить о его исторических заслугах как бывшего командующего ВВС, Героя России. В данном случае для меня важнее воспоминания о нем как об удивительной души, светлейшем Человеке, с которым мне посчастливилось не только познакомиться, общаться, но, как мне кажется, у нас сложились добрые, в чем-то дружеские отношения. Он бывал моим гостем в Санкт-Петербурге, стены моего служебного кабинета и комнаты отдыха были свидетелями наших неформальных встреч... Кстати, именно в комнате отдыха все годы на видном месте у меня находился подарок П. С. Дейнекина — картина-ремейк «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану», где «писарь» — это я, а «запорожские казаки» — абсолютно узнаваемые выдающиеся члены ростовского землячества. Петр Степанович был душой землячества и любого его мероприятия, а каким был любимцем женщин до последнего дня своей жизни — об этом и говорить не приходится. Незабываемыми были полеты в Ростов спецрейсами, которые обеспечивал бывший главком ВВС; чем сопровождалась эти полеты, можно только догадываться... Неожиданный уход из жизни Петра Степановича я воспринял как личную трагедию, 12 августа 2017 года, в День ВВС, он пилотировал со свойственным ему азартом военно-транспортный самолёт «Дуглас» на авиашоу, посвящённом 105-летию ВВС России. А несколько дней спустя, 19 августа, не выдержало сердце... Несмотря на отпускной период, удалось побывать на прощании и похоронах. В 2018 году в честь П. С.

Дейнекина был назван новый стратегический бомбардировщик-ракетоносец Ту-160 М.

Все это было совсем недавно, почти вчера... Тем не менее — «... а годы летят, как птицы летят. И их не вернуть нам назад».

Говорят, с годами человек обязательно, в той или иной форме, в крайнем случае мысленно, все чаще возвращается в детство, в места своей юности. Вероятно, я тоже вполне достиг этого возраста. Скорее всего, по этой причине в Москве был (и остаюсь) членом не только Ростовского, но и Луганского землячества. При этом должен искренне признаться: в работе Луганского землячества принимал менее активное участие, хотя избирался в том числе в состав его Правления. Но ценил и бережно отношусь к памяти о нечастых, но интересных, важных для меня встречах. Дороги для меня награды земляков — медаль «За заслуги перед Луганщиной» III степени, медаль «За заслуги перед Кременщиной». А, кстати, самую первую в моей жизни награду тоже получил на Украине, это была серебряная медаль по итогам окончания Кременской СШ №2, Все эти украинские награды, как, кстати, и полученную позже (2012 г.) одну из высших наград КСУ — «Почесна відзнака КСУ», бережно храню как сакральные реликвии своей жизни. Ведь все они тоже знаменовали собой определенные вехи не только самой по себе профессиональной биографии, но и школы конституционализма.

Именно таким образом рассматриваю значение неформальных (земляческих) отношений в своей московской, как в последующем и в питерской жизни (из Питера не всегда удавалось приезжать на земляческие мероприятия, но, по мере возможности, с удовольствием делал это). Поэтому надеюсь, читатель с пониманием отнесется к тому, что посчитал возможным включить соответствующий сюжет в главу, посвященную профессиональной практической работе в КС РФ. Ведь это тоже — очевидная попытка нахождения баланса, гармонии личного и публичного в деятельности судьи высшего органа правосудия.

☞ С ДОНСКИМИ ЗЕМЛЯКАМИ: ВСЕГДА РЯДОМ С РОСТОВОМ ☜



Принадлежит истории...
Обложка книги и именное
посвящение главы
российской
и советской
военной авиации
П. С. Дейнекина

Задумчивый, не по роли,
а в ситуации хауса,
один из любимых
актеров —
А. Я. Михайлов



Члены ростовского
землячества в роли
«казаков», которые
пишут письмо
турецкому султану.
Подарок П. С. Дейнекина

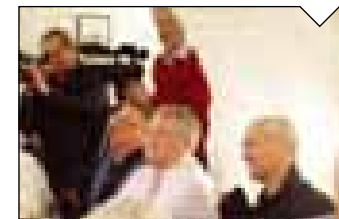


☞ С ДОНСКИМИ ЗЕМЛЯКАМИ: ВСЕГДА РЯДОМ С РОСТОВОМ ☜



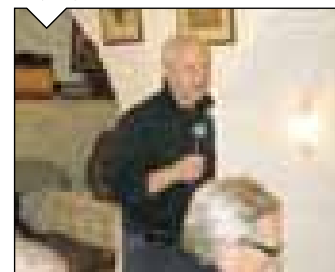
Земляки — соучредители
московского землячества
ростовчан!

В центре: маршал
Е. И. Шапошников, последний
министр обороны СССР



С легендарным В. Понедельником
и президентом землячества
В. Б. Зотовым на праздновании
Дня города в Ростове-на-Дону, 2012 г.

Среди хашистов землячества
всегда было немало узнаваемых
народных (заслуженных) артис-
тов, военачальников,
государственных деятелей



Самодельный ансамбль
землячества — поздравление
с юбилеем Донского края.
Среди участников — маршал,
два генерала
и два профессора, 2012



Встречи земляков —
всегда торжественно-искренние

←☞ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ С КОСМОНАВТАМИ ☞→



С земляком —
космонавтом
В. В. Горбатко

Знакомство
с героями
космоса —
заслуга
П. С. Дейнекина



С А. А. Леоновым



В. В. Терешкова — всегда в центре внимания

←☞ ЗАСЕДАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА: НА ВИДУ У ВСЕХ ☞→

Весь состав КС РФ.
Было 19 судей, 2007 г.



Заседание
первой палаты
КС РФ, 2009 г.



← ЗАСЕДАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА: НА ВИДУ У ВСЕХ →



Заседание КС РФ
завершилось...



Совещание
КС РФ
в Сенатском
зале



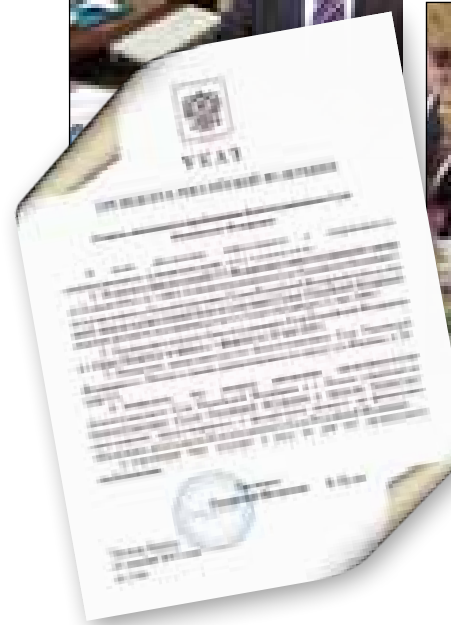
Первая
палата КС РФ



← РАБОЧИЕ БУДНИ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ →



В рабочем кабинете
на Ильинке, 21, г. Москва, 2006 г.



Решение о новом месте пребывания
КС РФ принято. Первая встреча
Президента РФ с судьями в Сенате,
декабрь, 2007 г.

☞ РАБОЧИЕ БУДНИ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ ☞

Новая прописка: г. Санкт-Петербург,
Сенатская, 1. Новый кабинет —
работа прежняя, любимая...



Уголок Донского края
в рабочем кабинете
на Сенатской, 1,
Санкт-Петербург,
2013 г.

Есть место в кабинете,
комнате отдыха
и для памятных
подарков



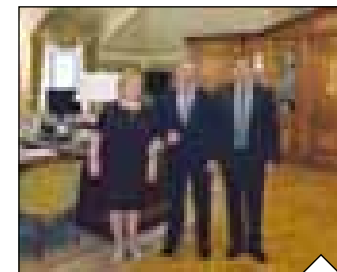
☞ В КАЧЕСТВЕ ДОРОГИХ ГОСТЕЙ... ☞



Дорогие земляки —
А. Н. Васильцов (слева)
и В. Н. Прокопенко (справа)



Участники научно-практической
конференции, 2011 г.



С А. С. Головиным
и его супругой,
2017 г.
С академиком
Ю. К. Толстым



Бывшие ученики — тоже не
редкие гости (С. А. Долгов)



Ростовские юристы —
ученые и практики —
в гостях в КС РФ

3.2. ПЛЮРАЛИЗМ МНЕНИЙ — ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ. ОСОБЫЕ МНЕНИЯ (МНЕНИЯ) СУДЬИ КС РФ

В соответствии со ст. 76 ФКЗ о КС РФ судья КС РФ, не согласный с решением КС РФ, вправе письменно изложить свое особое мнение. Особое мнение судьи приобщается к материалам дела и подлежит опубликованию в «Вестнике КС РФ» наряду с решением КС РФ.

Судья КС РФ, голосовавший за принятое постановление или заключение по существу рассматриваемого КС РФ вопроса, но оставшийся в меньшинстве при голосовании по какому-либо другому вопросу или по мотивировке принятого решения, вправе письменно изложить свое мнение о несогласии с большинством судей. В таком случае письменное несогласие судьи также приобщается к материалам дела и подлежит опубликованию в «Вестнике КС РФ».

Предваряя некоторые личные размышления относительно института особых мнений (мнений) судьи КС РФ, следует отметить, что сама по себе возможность высказать позицию, отличную от получившей свое выражение в решении КС РФ, является реализацией принципа независимости судьи КС РФ (Ст. 13 ФКЗ о КС РФ).

Несмотря на существующие в доктрине различные подходы к пониманию существа и юридической природы института особых мнений (мнений)¹, очевидным является тот факт, что сам по себе этот институт выступает особым инструментом процессуального реагирования судьи КС на то или иное решение. И совсем не обязательно — а иногда даже и не желательно — связывать его с критикой состоявшегося решения суда, отрицанием его юридической обязательности.

¹ См., например: Гаджиев Г. А. Публикация особого мнения, или История нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Законодательство и практика массмедиа. 2005. №12; Басангов Д. А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. №2 и др.

«Право на мнение» по своей сути должно использоваться в качестве элемента, развивающего, усиливающего доктринальные начала вынесенного решения. И даже несогласие с окончательным выводом — если речь идет об особом мнении — следует оценивать как дополнительную возможность высказать те соображения, которые могут быть использованы правоприменителями и (или) законодателем в дальнейшем, а не как инструмент критики КС РФ.

Таким образом, *особое мнение* означает, что судья не разделяет итоговый вывод, содержащийся в резолютивной части постановления (определения) Суда и, стало быть, положенную в основу этого вывода систему аргументации. В то же время, проголосовав за сформулированный Конституционным судом в резолютивной части постановления (определения) итоговый вывод о соответствии (несоответствии) оспариваемых положений закона Конституции, судья имеет возможность изложить свое *мнение* по поводу тех или иных положений мотивировочной части данного решения. В этом плане и особое мнение, и мнение представляют собой *вариант доктринального толкования решения Конституционного Суда РФ*.

Учитывая же, что субъект такого толкования — конституционный судья, принимавший участие в выработке и принятии данного решения, такое толкование имеет повышенное значение: в каких-то случаях оно актуализирует систему аргументации, предлагает дополнительные аргументы в пользу принятого решения либо обращает внимание на определенные противоречия, содержащиеся, по мнению судьи, в принятом решении; в других ситуациях мнение (особое мнение) преследует цель обратить внимание на особенности порядка исполнения соответствующего решения Суда, если в самом решении этот вопрос по тем или иным причинам не получил необходимого (опять же с точки зрения судьи) разрешения. В этом плане вполне определенный интерес может представлять мнение (особое мнение) для законодателя, если в нем — как это нередко бывает — обосновывается альтернативный вариант законодательного решения соответствующего вопроса.

В связи с предложенными характеристиками природы и назначения особого мнения (мнения) вспоминаю, что во время выступления на Международной научной конференции «Современный кризис права и конституционное правосудие», проходившей в Санкт-Петербургском филиале НИУ «Высшая школа экономики» 28–29 июня 2019 г., я оценил *институт особого мнения судьи* как своего рода **публично-правовую форму покаяния судьи**, понимание судьей целесообразности и необходимости принятия Судом иного решения, но с учетом невозможности решающим образом повлиять на принимаемое Судом решение, — публичное извинение за свой голос, отданный в поддержку вердикта. В этих характеристиках — отражение единства нормативно-доктринальных и глубоких нравственно-этических начал в природе института особого мнения (мнения) судьи.

Одним словом, особые мнения (мнения) судьи могут расцениваться (при всём их «неудобстве», диссонансе с таким желанным для кого-то «единодушием») в качестве важной, необходимой и профессионально значимой формы участия в отправлении конституционного правосудия. Очевидно, однако, и то, что особые мнения (мнения) — не самоцель. По крайней мере, я их таким образом никогда не рассматривал, не ориентировался на количественные показатели по данному направлению работы конституционного судьи. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что написание особого мнения (мнения) сопряжено для судьи с нравственно-этическими началами самоограничения, недопустимостью их использования в ущерб авторитета Конституционного суда и его решений.

Именно этими подходами руководствовался при написании своих особых мнений и мнений ваш покорный слуга. В общей сложности их было за время моей работы судьей КС РФ — 23 (в том числе особых мнений — 5, мнений — 18). Мнений заметно больше, чем особых мнений, и это во многом результат авторских подходов к пониманию природы и написанию соответствующих документов. Очевидно, что они (как разновидность процессуаль-

ных документов) должны быть адресованы в первую очередь специалистам — прежде всего ученым и, в какой-то мере, практикующим юристам, включая адвокатов и судей. Имея в виду именно такой круг адресатов (не ориентируясь при этом на популистское восприятие особого мнения в угоду, например, тем или иным политическим интересам и представлениям, не придавая особому мнению оттенка саморекламы и т. п., что, к сожалению, как свидетельствует жизнь, тоже возможно), критические оценки решения КС РФ уходят на второй план, специалистом они могут быть «прочитаны» между строк концептуального подхода, и мнения становится вполне достаточно, чтобы выразить свою позицию, сформулировать предложения, адресованные законодателю и т. п. В этом плане могу откровенно признать, что есть мнения, пограничные с особыми мнениями, как, например: мнение к Постановлению от 1 декабря 2015 г. №30-П¹ или заметно более раннее мнение к Постановлению от 23 января 2007 г. №1-П.²

Все мнения (особые мнения) достаточно разноплановые, имея в виду как отраслевую принадлежность соответствующей проблематики, так и причины и поводы, систему аргументации, цели их написания³. Было бы заманчиво в полном объеме привести все эти авторские документы конституционного правосудия на страницах этой книги (как это, кстати, имело место в первом издании), но с учетом существенно увеличившегося количества и,

¹ См.: СЗ РФ. 2015. №50. Ст. 7226.

² См.: СЗ РФ. 2007. №6. Ст. 828.

³ Есть и такие мнения, которые были написаны по делам, где мне приходилось выступать в качестве председателя (в период, когда в КС РФ функционировали палаты) или быть докладчиком по данному делу. В связи с этим в литературе небезосновательно ставился вопрос о правомерности, обоснованности таких подходов, когда мнение исходит от председательствующего в судебном заседании или от докладчика. Думается, вполне разумно, что специалисты не увидели в этом проблем ни правового, ни этического характера, хотя это, конечно, во многом зависит и от тональности самого мнения (особого мнения) (см.: Верещагин А. Особые мнения в российских судах // Сравнительное конституционное право. 2006. №4 (57). С. 165–175.

соответственно, общего объема этих документов вряд ли это было бы оправданно. Поэтому представляется целесообразным ограничиться перечнем, на основе которого читатель без труда найдет интересующий документ. К тому же, определенным дополнением к этому будут отдельные вкрапления некоторых текстов мнений (особых мнений) в других структурных частях издания в связи с анализом вопросов, соотносимых с содержанием данных процессуальных документов.

При этом, конечно, нет возможности (да и вряд ли есть в том необходимости) анализировать, давать дополнительные характеристики отдельным мнениям (особым мнениям), хотя с каждым из них связаны те или иные воспоминания и переживания. Например, был такой уникальный для нашего конституционного судопроизводства случай, когда к особому мнению, в частности, подготовленному к Постановлению от 14 ноября 2005 г. №10-П (оно касалось, в частности, оценки графы избирательного бюллетеня «против всех»), присоединились еще два судьи нашей палаты; это было дело, которое рассматривалось палатой, а не пленарным составом КС. Такого рода особые мнения в форме присоединения являются распространенной практикой, например, в ЕСПЧ. У нас же это был, повторяю, первый и последний (по крайней мере на сегодняшний момент) случай. Но анализ таких, как и других, особенностей мнений (особых мнений) лучше отдать на откуп взыскательного читателя.

Перечень мнений (особых мнений) судьи КС РФ Н. С. Бондаря

А. МНЕНИЯ:

1. **К Постановлению от 6 апреля 2004 г. №7-П** по делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 87 Кодекса торгового мореплавания РФ и постановления Правительства РФ от 17 июля 2001 года №538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой

международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // СЗ РФ. 2004. №15. Ст. 1519.

2. **К Постановлению от 23 апреля 2004 г. №9-п** по делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского // СЗ РФ. 2004. №19 (часть 2). Ст. 1923.

3. **К Постановлению от 29 ноября 2004 г. №17-п** по делу о проверке конституционности абз. 1 п. 4 ст. 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В. И. Гнездилова и С. В. Пашигорова // СЗ РФ. 2004. №49. Ст. 4948.

4. **К Постановлению от 14 июля 2005 г. №8-п** по делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и постановления правительства РФ «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э. Д. Жуховицкого, И. Г. Пойма, А. В. Понятовского, А. Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго» // СЗ РФ. 2005. №30 (ч. II). Ст. 3199.

5. **К Определению от 17 июля 2006 г. №137-о** о прекращении производства по делу о проверке конституционности положений законов Кабардино-Балкарской Республики «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» в связи с жалобами ряда граждан // ВКС РФ. 2006. №5.

6. **К Постановлению от 23 января 2007 г. №1-п** по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ в связи с жалобами ООО «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева // СЗ РФ. 2007. №6. Ст. 828.

7. **К Постановлению от 17 марта 2010 г. №6-п** по делу о проверке конституционности положений ст. 117, ч. 4 ст. 292, ст.ст. 295, 296, 299 и ч. 2 ст. 310 АПК РФ в связи с жалобой ЗАО «Довод» // СЗ РФ. 2010. №14. Ст. 1733.

8. **К Определению от 28 июня 2012 г. №1248-о** по жалобе гражданина А. А. Хорошенко на нарушение его конституционных прав п. 5 ст. 403, ч. 4 ст. 413 и ч. ч. 1 и 5 ст. 415 УПК РФ // ВКС РФ. 2013. №1.

9. **К Определению от 4 октября 2012 г. №1768-о** об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки О. Н. Коршуновой на нарушение ее конституционных прав ст. 34 Ракон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfdecision113178.pdf>.

10. **К Определению от 10 октября 2013 г. №1485-о** об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан О. В. Борохова, В. А. Кауца и А. Ю. Федотова на нарушение их конституционных прав ч. 2 ст. 1.7 и п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfdecision142508.pdf>

11. **К Постановлению от 4 июня 2015 г. №13-п** по делу о проверке конституционности положений ст. 31.1 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В. А. Князик и П. Н. Пузырина // СЗ РФ. 2015. №24. Ст. 3548.

12. **К Постановлению от 1 декабря 2015 г. №30-п** по делу о проверке конституционности ч. ч. 4, 5 и 5.1 ст. 35, ч. ч. 2 и 3.1 ст. 36 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и ч. 1.1 ст. 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления

муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2015. №50. Ст. 7226.

13. **К Определению от 18 июля 2017 г. №1551-о** об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации «Профсоюз работников образования города Череповца Вологодской области» на нарушение конституционных прав и свобод ст.ст. 35 и 35.1 ТК РФ, ст. 11 ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», ст.ст. 26, 33 и ч. 1 ст. 46 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfdecision281841.pdf>.

14. **К Определению от 26 января 2017 г. №203-о** об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общероссийской общественной организации инвалидов «Российской ассоциации незрячих студентов и специалистов» на нарушение конституционных прав и свобод ч. ч. 6 и 11 ст. 45 и ч. 17 ст. 48 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfdecision261567.pdf>.

15. **К Постановлению от 23 июля 2018 г. №35-п** по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 208 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Т. В. Ивановой, И. М. Митина и Е. В. Шкотова // СЗ РФ. 2018. №31. Ст. 5065.

16. **К Постановлению от 19 февраля 2018 г. №9-п** по делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 2 ФЗ «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», п. 5 ст. 15 и п. 7 ст. 20 Закона РФ «О статусе судей в РФ» в связи с запросом промышленного районного суда города Смоленска // СЗ РФ. 2018. №9. Ст. 1436.

17. **К Постановлению от 18 июля 2019 г. №29-п** по делу о проверке конституционности положения абз. 1 п. 1 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова // СЗ РФ. 2019. №30. Ст. 4411.

18. **К Определению от 24 октября 2019 г. №2955-о** об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Т. М. Павловой на нарушение ее конституционных прав ч. 3 ст. 13 и ч. 4 ст. 28, а также ч. 3 ст. 43 во взаимосвязи с ч. ч. 1, 4 и 5 ст. 44 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfdecision438345.pdf>.

Б. ОСОБЫЕ МНЕНИЯ:

1. **К Постановлению от 15 января 2002 г. №1-п** по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 64 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и ст. 92 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова // СЗ РФ. 2002. №6. Ст. 626.

2. **К Определению от 4 марта 2004 г. №90-о** по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности п. 7 ст. 2 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // ВКС РФ. 2004. №5.

3. **К Постановлению от 14 ноября 2005 г. №10-п** по делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 48 и ст. 58 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», п. 7 ст. 63 и ст. 66 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой уполномоченного по правам человека в РФ // СЗ РФ. 2005. №47. Ст. 4968.

4. **К Определению от 1 ноября 2007 г. №948-о** об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. А. Астафьева на нарушение его конституционных прав п. «д» ч. 1 ст. 115, ст.ст. 117 и 119 УИК РФ // ВКС РФ. №2. 2008.

5. **К Постановлению от 14 мая 2012 г. №11-п** по делу о проверке конституционности положения абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова // СЗ РФ. 2012. №21. Ст. 2697.

3.3. СУДЬЯ-ДОКЛАДЧИК

Процессуальная фигура судьи-докладчика, порядок его назначения и полномочия определяются ст. 49 ФКЗ о КС РФ, которую необходимо рассматривать в нормативном единстве со ст. 41 того же закона.

В соответствии с положениями ст. 49 для подготовки дела к слушанию, составления проекта решения КС РФ, а также изложения материалов в заседании КС РФ *назначает одного или нескольких судей-докладчиков*. При изучении обращения и подготовке дела к слушанию судья-докладчик в соответствии с полномочиями КС РФ истребует необходимые документы и иные материалы, поручает производство проверок, исследований, экспертиз, пользуется консультациями специалистов, направляет запросы. Судья-докладчик и председательствующий в заседании определяют круг лиц, подлежащих приглашению и вызову в заседание, дают распоряжения об оповещении о месте и времени заседания, а также о направлении участникам процесса необходимых материалов.

Одновременно следует иметь в виду, что решению вопроса о назначении судьи-докладчика предшествует, как это вытекает из ст. 41 ФКЗ о КС РФ, предварительное изучение обращения. Такое изучение (предварительное) является обязательной стадией судопроизводства в КС РФ, и оно *поручается*, как это прямо указано в той же статье, *Председателем КС РФ* в порядке, установленном Регламентом КС РФ, одному или нескольким судьям.

Положениями же Регламента КС РФ (в частности § 25) предусматривается, что распределение обращений между судьями для предварительного изучения производится Председателем КС РФ исходя из нагрузки судей и регистрируется в секретариате КС РФ. Вполне естественно, что эти нормативные предписания наполняются и в определенной мере дополняются своего рода процедурными обыкновениями, в том числе связанными с порядком назначения судьи-докладчика.

Возможно, и не стоило бы акцентировать внимание на вопросе о *порядке назначения судьи-докладчика*, если бы недавно — в мае нынешнего года, т. е. уже в период работы над настоящим изданием — я не получил письмо из Германии от проф. Гертруды Люббе-Вольф, известного специалиста в области конституционного правосудия. Она обратилась с просьбой дать пояснения как раз по вопросам, связанным с порядком назначения судьи-докладчика в российском конституционном судопроизводстве. При этом на основе анализа ФКЗ о КС РФ и Регламента КС РФ уважаемая профессор высказывает соображения по поводу того, насколько определенно установлен в РФ порядок назначения конституционного судьи-докладчика, и просит прояснить этот вопрос, в том числе с учетом возможных обыкновений в этой сфере. Данное письмо-обращение подтолкнуло меня к тому, чтобы внимательнее отнестись к теме. Нельзя не согласиться с проф. Г. Люббе-Вольф, что в данном случае речь идет о важном процессуально-процедурном вопросе, который нуждается в четкой правовой регламентации, в том числе с учетом опыта решения этих вопросов в других судах, а также зарубежной практики.

В настоящее время, в рамках действующего нормативно-правового процессуального регулирования (имея в виду, как отмечалось прежде, ст. 41 и 49 ФКЗ о КС РФ в сочетании с предписаниями Регламента КС РФ), полномочия по распределению обращений для предварительного изучения судьями, а в последующем — по назначению судьи-докладчика (при условии принятия обращения к производству), принадлежат Председателю КС РФ.

В связи с назначением судьи-докладчика нередко интересуются также вопросом о том, в какой мере учитываются профессиональные интересы судьи? Иными словами, есть ли в КС РФ специализация? На это можно определенно ответить: специализации, в том числе отраслевой, в КС нет и быть не может. Хотя бы потому, что одним из основных принципов статуса судьи КС РФ является равенство прав судей КС РФ (ст. 16 ФКЗ о КС РФ). Поэтому, как общее положение, судья может быть назначен докладчиком

по любому делу; за 20-летнюю деятельность, например, я мог бы меньше назвать тех отраслей права, по которым не был судьей-докладчиком.

Подтверждением этого являются также чисто статистические показатели тех дел, в которых мне довелось выступить судьей-докладчиком. Из всего массива таких решений (в общей сложности их было 197, из которых 38 — постановления и 159 — определения) можно выделить следующие институционально-отраслевые темы, которых касались эти решения¹:

а) *конституционно-правовые в узком смысле этого понятия, включая конституционные основы местного самоуправления* (8 постановлений и 26 определений);

б) *гражданско-правовые, в том числе гражданский и арбитражный процесс* (2 постановления, 8 определений);

в) *уголовно-правовые, включая уголовный процесс* (6 определений);

г) *финансово-правовые, в том числе налоговые* (6 постановлений, 29 определений);

д) *административно-правовые институты* (4 постановления, 6 определений).

В основу другого классификационного подхода могут быть положены права и свободы человека и гражданина, их защита как важнейшая цель конституционного правосудия. Соответственно, в числе дел, по которым я участвовал в качестве судьи-докладчика, можно выделить связанные с защитой:

— *экономических прав* (4 постановления, 29 определений);

— *социальных прав* (2 постановления, 26 определений);

— *политических прав* (7 постановлений, 21 определение);

— *личных прав* (5 постановлений, 8 определений);

¹ Еще раз отмечу: подобного рода классификация, как, впрочем, и все классификации, являются достаточно условными. Условности ей добавляет в большей степени тот момент, что вопросы, которые приходится КС РФ разрешать в рамках рассмотрения тех или иных дел, зачастую представляют собой переплетение множества отраслевых, межотраслевых и общеправовых проблем, а потому с точностью определить, к какой именно сфере отнести конкретное дело, иной раз достаточно сложно.

Были, конечно, конкретные, наиболее запомнившиеся по тем или иным причинам, дела. Так, например, первым (и уже поэтому значимым) постановлением, в выработке которого довелось участвовать в качестве судьи-докладчика, было Постановление от 27 апреля 2001 г. №7-П по делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса РФ, в рамках которого КС РФ, пожалуй, впервые подверг конституционно-правовой оценке институт административной ответственности юридических лиц. В дальнейшем этот вопрос в разных аспектах возникал в делах КС РФ неоднократно.

Не могло не запомниться и Постановление от 2 апреля 2002 г. №7-П, принятое в связи с жалобами заявителей А. Г. Злобина и Ю. А. Хнаева. Никакого злоупотребления положением судьи-докладчика в данном деле, конечно, не было (и не могло быть), но по итогам острых дискуссий удалось обосновать и в конечном счете принять в качестве принципиально новой правовой позиции КС РФ положение о праве муниципальных образований — как разновидностей территориальных объединений граждан — напрямую обращаться в КС РФ за защитой конституционных прав местного сообщества. До сих пор это право, к сожалению, не получило законодательного оформления. Но правовая позиция КС РФ работает, муниципальные образования активно пользуются возможностью на обращение в КС РФ, предоставленной им самим КС РФ. По итогам обращений в КС РФ органов местного самоуправления было принято 127 решений (по состоянию на 01.09.2020 г.).

Из относительно недавних, уже «питерского» периода работы КС РФ, можно отметить Постановление от 1 декабря 2015 г. №30-П. Оно также было посвящено проблемам местного самоуправления, но уже на ином уровне — сквозь призму конституционно-правовой оценки очередного этапа (нескончаемой в нашей стране) муниципальной реформы. Были сформулированы определенные методологические ориентиры реформирования местного самоуправления, но, в том числе и как судья-докладчик, я посчитал их недостаточными и потому под-

готовил довольно пространное, надеюсь, не бесполезное, особенно для региональных органов власти, мнение. Попутно будет отмечено, что были и другие дела, по которым, выступая судьей-докладчиком, мне пришлось высказывать несовпадающее с большинством мнение. Это, например, особое мнение к Постановлению от 14 мая 2012 г. №11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова. Как представляется, об актуальности высказанных соображений свидетельствовала относительно недавняя дискуссия на страницах журнала «Закон», в рамках которой фактически пришлось повторить эти соображения, учитывая, что законодателем после принятия того постановления КС РФ с 2012 года так ничего и не было сделано в этом плане¹.

Из дел уголовно-правовой тематики, по которым довелось быть судьей-докладчиком, пожалуй, в числе наиболее запомнившихся можно назвать прежде всего дело, по итогам рассмотрения которого было принято Постановление от 24.04.2003 №7-П в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец (по проверке конституционности п. 8 Постановления Государственной Думы РФ от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»)². Особенностью этого дела и, соответственно, дополнительной сложностью для судьи-докладчика было то, что в итоге его рассмотрения фактически впервые достаточно определенно была сформулирована (опять же — по итогам острых дискуссий) правовая позиция КС о защите в рамках уголовного процесса прав не только обвиняемого (чему ранее было посвящено немало постановлений КС), но и потерпевшего. Сегодня это может показаться, по крайней мере, неожиданным, но в тот период,

¹ См.: Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов // Закон. 2018. №12. С. 27–45.

² См.: СЗ РФ. 2003. №18. Ст. 1748.

когда одним из основных направлений либеральной (!) уголовной политики провозглашались гарантии прав обвиняемого, о правах потерпевшего некоторые очень известные специалисты в области уголовного процесса (сознательно не буду называть фамилии) и слышать не хотели. Сегодня эта проблема стоит по-другому: в уголовном процессе необходим разумный баланс по обеспечению интересов и гарантированию прав как обвиняемого, так и потерпевшего. Своего рода конституционно-правовые истоки такого подхода берут начало в том числе и в указанном Постановлении КС 2003 года.

В продолжение сюжетной линии, связанной с тематикой дел, по которым мне довелось выступать судьей-докладчиком, приведу еще одно воспоминание. Оно связано с процессуальным нюансом о том, что, как это предусмотрено ФКЗ о КС РФ, «КС РФ назначает *одного или нескольких* судей-докладчиков». На начальном, «московском» этапе работы КС РФ практика назначения двух судей-докладчиков была далеко не единичной. А вот в «питерский» период, т. е. после 2008 года, насколько я помню, не было ни одного дела КС РФ, по которым выступали бы два судьи-докладчика. В этом же плане вспоминаю, пожалуй, по-своему эксклюзивную, единственную в практике КС РФ ситуацию, когда по одному делу, рассматривавшемся, кстати, в режиме статьи 41 ФКЗ, т. е. по итогам предварительного изучения обращения судьей КС без принятия дела к слушанию и, соответственно, с принятием итогового определения, а не постановления, были назначены три судьи-докладчика — это, в алфавитном порядке, Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев и О. С. Хохрякова. Речь идет об Определении от 15.02.2005 г. №17-О «По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»». Рад, что пришлось быть причастным к подготовке данного решения, которое и сегодня не утратило значения с точки зрения обоснования достоинства личности в качестве конституционно-

правового критерия законодательного регулирования социальных, в том числе пенсионных, отношений, развития, углубления представлений о нормативном содержании права на социальное обеспечение (ст. 38 Конституции), хотя это было определение, а не постановление (это к вопросу о том, что до сих пор продолжают дискуссии по поводу обязательности правовых позиций КС РФ, сформулированных в определениях, а не постановлениях).

Вероятно, можно считать символичным, что последнее дело, по которому пришлось выступать судьей-докладчиком, стало дело по проблемам образования — о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. И. Пикулина; по итогам его рассмотрения было принято Постановление №39-П от 23 июля 2020 года. А символизм заключается в том, что после завершения карьеры судьи КС РФ, наверняка, главной сферой продолжения профессиональной деятельности будет научно-образовательная сфера, нуждающаяся в серьезном совершенствовании, в том числе с точки зрения правового регулирования.

В завершение сюжета о судье-докладчике, с учетом опять же сугубо личного опыта, могу определенно отметить, что при всей важности процессуальной фигуры судьи-докладчика в то же время нет оснований преувеличивать ее значение. Надеюсь, не открою большой тайны, если отмечу, что, например, составлением проекта решения КС РФ (что вменяется в обязанность судьи-докладчика в соответствии со ст. 49 ФКЗ о КС РФ) на практике может активно заниматься не только аппарат судьи-докладчика, но и, как это нередко бывает, профильное управление аппарата КС РФ. К тому же, большую работу по редактированию проводит редакционно-издательское управление, в результате чего итоговые решения КС РФ далеко не всегда (а скорее всего, достаточно редко) сохраняют авторский стиль судьи-докладчика. Из этических соображений не называю фамилии судей, которые входят в

число тех, чей стиль изложения чаще просматривается и в итоговом содержании решения КС РФ¹.

В целом, однако, исполнение полномочий судьи-докладчика — важное, ответственное и профессионально весьма интересное направление деятельности судьи КС РФ. Без преувеличения могу отметить — и, уверен, это не только мое мнение, — нами (судьями) это всегда рассматривалось не как некое обременение, а своего рода почетное, в буквальном смысле слова конституционно значимое, полномочие². Оно является, естественно, одним из многих полномочий, определяющих статус судьи КС РФ...

3.4. «OMNIA FLUUNT, OMNIA MUTANTUR»³:

БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА СУДЬИ ДАЖЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОВАЛИ ПООЧЕРЕДНО...

Знаменитая формула жизни, выведенная в свое время греческим философом Гераклитом (V в. до н. э.), о том что «все течет, все изменяется», проявляет себя постоянно, действу-

¹ Вспоминаю в связи с этим почти легендарную для КС РФ Струнникову Н. В., которая, будучи многолетним бессменным начальником редакционно-издательского управления, высококвалифицированным специалистом и невероятно ответственным человеком, умудрялась редакционно «причесать» любой проект решения таким образом, что он отвечал самым высоким стандартам судебного акта, но при этом становился в буквальном смысле «обезличенным»; как правило, не сохранял авторский стиль судьи-докладчика, на что полушутя-полусерьезно, пожалуй, чаще всего «жаловался» в «московский» период нашей работы мой старый добрый товарищ Б. С. Эбзеев, который и как ученый и как судья обладал своим собственным, присущим лишь ему стилем изложения.

² Думаю, вполне уместно в связи с этим вспомнить слова Н. В. Витрука, который ближе к завершению своей карьеры судьи КС РФ высказывал «удивление»: «За что я зарплату получаю? Если бы мне сказали, что за участие в заседаниях КС и исполнение других обязанностей судьи я сам должен платить, согласился бы. Занимаешься любимым делом, а за это еще и деньги получаешь!», — шутил он.

³ «Все течет, все изменяется» (лат.)

ет всегда и во всем, в малом и глобальном. В конституционном правосудии — тоже. При том, что сами по себе конституция, правосудие относятся к наиболее стабильным институционально-правовым началам современной государственности, стабильность конституционного правосудия естественным образом сочетается с динамизмом.

Ни в коей мере не ставя задачу хотя бы фрагментарно обозначить те изменения, которые конституционное правосудие претерпело «на моих глазах», т. е. в течение последних двух десятилетий, отмечу лишь то обстоятельство, что только изменения в ФКЗ о КС РФ вносились в течение этого периода 16 раз (!), при этом были изменены 68 статей ФКЗ (что составляет более половины от их общего количества); кроме того, была введена новая глава — XIII.1 «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека». Но дело, конечно, не в количественных показателях. Совершенствование конституционного правосудия и судебной системы в целом — процесс закономерный. Это тем более важно учитывать, имея в виду, что судебной системе вполне справедливо отводится роль своего рода локомотива всех других реформ в обществе и государстве. От состояния судебной власти во многом зависит отношение граждан ко всей правовой политике, уровень доверия к российской государственной власти.

Вместе с тем реформирование правосудия должно быть связано с системными преобразованиями, для чего необходим переход от институциональных преобразований к концептуальному внутреннему реформированию¹. Именно на этой основе должно происходить последовательное повышение роли суда в юрисдикционном механизме государства.

В последние годы законодателем были предприняты значительные усилия в направлении модернизации конституционно-го судопроизводства, включая, например, введение процедуры

¹ См.: Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 248, 249.

рассмотрения дел без проведения слушаний (так называемое письменное судопроизводство), закрепление возможности рассмотрения одновременно нескольких дел, введение требования обязательности судебного применения закона как условия для обращения граждан и их объединений в Суд¹; установление годичного срока для обращения в порядке конкретного нормоконтроля в КС после рассмотрения дела в суде, изменение подходов к определению кворума в заседаниях КС и замещению в его составе вакантных должностей² и т. п. Очевидно, что эти изменения были направлены главным образом на поиск оптимальных механизмов реализации конституционного судопроизводства, повышение его эффективности.

При этом возникает, правда, вполне закономерный вопрос: имеют ли эти и другие изменения единую концептуальную основу развития конституционного правосудия? При поиске ответа на этот вопрос нельзя не обратить внимание, что многие изменения соответствующего периода (вплоть до поправок к Конституции РФ 2020 года, которые пока не вступили в силу и не анализируются в данном случае), как правило, касались хотя и важных, но все же не основных, зачастую разрозненных вопросов деятельности КС; больше всего они имели организационный характер или затрагивали сам по себе статус судей, а также статус Председателя КС РФ и его заместителей, включая изменение порядка их избрания (назначения)³. Только практика и время дадут этим и другим изменениям наиболее объективную, непредвзятую оценку. Поэтому, не касаясь всего комплекса изменений, хотелось бы отметить, например, и то обстоятельство, что наряду с указанными выше некоторыми весьма своевременными изменениями, связанными с опти-

¹ См.: ФКЗ от 3 ноября 2010 г. №7-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» // СЗ РФ. 2010. №45. Ст. 5742.

² См.: ФКЗ от 4 июня 2014 г. №9-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» // СЗ РФ. 2014. №23. Ст. 2922.

³ См.: ФКЗ от 2 июня 2009 г. №2-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» // СЗ РФ. 2009. №23. Ст. 2754.

мизацией конституционного судопроизводства, в том числе с ориентацией на повышение его «пропускной» способности, в то же время не могут не возникать и некоторые вопросы, как то: насколько повышению эффективности работы КС РФ корреспондирует принятое в этот же период решение об упразднении палат КС РФ¹? Главное обоснование этого решения связано прежде всего с переходом к универсальной коллегиальности, предполагающей рассмотрение и разрешение всех дел в пленарном, то есть полном, составе КС РФ. Нельзя не отметить, что зарубежная практика конституционного судопроизводства подтверждает целесообразность использования в том числе и «малых» организационно-правовых форм осуществления конституционного судопроизводства, имея в виду, кстати, не только повышение его эффективности, но и рассматривая как важный способ индивидуализации конституционного правосудия, усиления персональных начал. Так, возможность проведения как пленарных заседаний, так и заседаний палат (секций) предусматривается в Германии, Испании, Португалии, Словении, Швейцарии и т. д. Отдельно стоит отметить опыт Италии, где допустимо проведения заседаний рабочих групп судей, которые рассматривают отдельные частные вопросы². Схожий подход к внутренней организации судопроизводства реализован в КС Украины, в структуре которого имеется, кроме двух сенатов (по девять судей), шесть коллегий (по три судьи).

Заметное место в соответствующих изменениях ФКЗ о КС РФ занял также вопрос о предельном возрасте пребывания в должности судьи КС РФ. Начиная с 2001 года, эти сроки неоднократно менялись с просматриваемой (по крайней мере, специалистами) закономерностью; в общей сложности этому вопросу были посвя-

¹ См.: ФКЗ от 3 ноября 2010 г. №7-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» // СЗ РФ. 2010. №45. Ст. 5742.

² См. подробнее: Миряшева Е. В., Павликов С. Г., Сафонов В. Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность: монография. М.: Российский государственный университет правосудия, 2015 (СПС «КонсультантПлюс»).

щены после 2001 г. шесть (!) поправок в указанный конституционный закон. Не вдаваясь в детальный анализ этого вопроса¹, следует отметить, что основной смысл соответствующих изменений заключался, по официальной версии, в унификации статуса судьи, включая его предельный возраст пребывания в должности. В результате возрастной предел (70 лет) был распространен на всех действующих судей, начиная с мировых и заканчивая федеральными, включая судей КС РФ. Даже сама по себе идея такой унификации уже не может не вызывать вопросов, которые оставим, однако, за скобками.

Что же касается принципа пожизненности статуса судьи («пожизненность», естественно, условная), то применительно к судьям общей и арбитражной юрисдикции, он является абсолютно оправданным. Это, безусловно, повышает гарантии независимости и несменяемости судей и одновременно обеспечивает максимально бережное отношение к квалифицированным судебским кадрам, обладающим необходимой полнотой профессионального опыта и достаточной жизненной энергией для эффективного исполнения полномочий. При этом учитывается также, что фактически пожизненная профессиональная деятельность данной категории судей сопряжена с реальной возможностью социальной мобильности, изменения должностного статуса судьи как в суде, где он исполняет свои полномочия, так и внутри судебной системы. Одним словом, для общих и арбитражных судов несменяемость не может восприниматься как неизменность конкретного должностного положения судьи.

Пожизненность же судей в системе конституционного правосудия имеет иное значение. Конституционное правосудие являет собой специфичную форму судебной деятельности, отлич-

¹ Ранее уже приходилось касаться этого вопроса. В этом плане представленная доктринальная авторская позиция (как профессора) не является новой. См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., Норма, 2016. С. 511–514.

чие которой проявляется в том, что судьями конституционных судов чаще всего становятся лица, которые ранее не были вовлечены в процесс осуществления правосудия. Должность конституционного судьи для них, как правило, *первая и последняя в судебной профессиональной карьере*. В этом случае пожизненность статуса конституционного судьи фактически — и чаще всего — превращается в *пожизненность конкретной должности*, если не иметь в виду исключения, связанные с возможностью для судьи быть избранным (назначенным) одним из руководителей КС. Итогом этого может стать определенная консервация основной части состава Суда как одного из высших органов государственной власти.

Именно поэтому в абсолютном большинстве государств — а если иметь в виду зарубежные страны Европы, практически во всех¹, где созданы специальные органы конституционного контроля (конституционные суды) — судьи конституционных судов в отличие, как правило, от пожизненных судей других юрисдикций назначаются на определенный срок (в Германии, Венгрии — на 12 лет, в Беларуси — на 11, в Испании, Болгарии, Италии, Португалии, Румынии, Словении, Литве, Украине — на 9 лет и т. д.). Эта проблема особенно очевидна применительно к государствам переходного периода; неизбежные для таких стран глубокие, динамично развивающиеся конституционные преоб-

¹ В качестве исключения следует отметить Австрийскую Республику. При этом нельзя не учитывать, что пожизненность осуществления полномочий судьи Конституционного суда Австрийской Республики сопряжена с принципом совместительства данной должности с занятием других должностей: это могут быть практикующие адвокаты; профессора, преподающие правовые дисциплины в университетах, и даже действующие судьи судов других юрисдикций. Правда, «чиновники управления, назначаемые членами Конституционного суда или запасными членами Конституционного суда, должны быть освобождены от службы» (ч. 2 ст. 147 Конституции Австрийской Республики). Такое совместительство, думается, вполне может выступать в качестве некоего механизма, исключающего (или, по крайней мере, замедляющего) консервацию состава Суда.

разования не могут не учитываться в деятельности конституционных судов.

Одним словом, допуская возможность различных законодательных решений этого, как и других вопросов конституционного судопроизводства, нельзя не учитывать особенности природы, сущностных характеристик конституционных судов, конституционного правосудия и статуса конституционных судей. Остается лишь надеяться, что процесс модернизации конституционного судопроизводства будет продолжен, в том числе на основе последовательной реализации конституционных принципов равенства статуса конституционных судей¹, обеспечения эффективных механизмов реализации конституционного правосудия, Важное позитивное значение, хотелось бы надеяться, будет иметь в этом плане реализация намеченных конституционной реформой 2020 года изменений в статусе КС РФ, что неизбежно будет сопряжено с новыми изменениями текста ФКЗ о КС РФ.

Содержание же данного параграфа хотелось бы завершить справочной информацией, касающейся перечня тех дел, при рассмотрении которых мне довелось председательствовать. Практически каждое из них могло бы стать предметом отдельного очерка. Например, так называемое «Чернобыльское дело» (где, кстати, судьей-докладчиком был один из наиболее опытных и бескомпромиссных с точки зрения защиты социальных прав граждан конституционный судья, которого по праву можно отнести к «отцам»

¹ Не могут не вызывать вопросы в свете этого принципа, например, новые «возрастные» поправки в ФКЗ о КС РФ (речь идет о ФКЗ от 3 ноября 2010 г. №7-ФКЗ и ФКЗ от 29 июля 2018 г. №1-ФКЗ), вводящие некую возрастную дифференциацию, различную «продолжительность пожизненности» применительно к статусу конституционных судей в зависимости от их должностного положения. Не означает ли это, что руководящая должность в высшем суде (в данном случае имеется в виду, в том числе, и ВС РФ) не зависит от статуса судьи или, по крайней мере, является приоритетной по отношению к судейскому статусу?

российского конституционного правосудия, — Ю. Д. Рудкин¹), по продолжительности публичного заседания (три дня) с участием высоких представителей федеральных органов государственной власти (которые в нынешний, «питерский» период не всегда «добираются» до зала публичных заседаний КС РФ) оказалось на втором месте после исторического процесса по «делу КПСС». Постановление по этому делу было оглашено 19 июня 2002 г., но при этом осталось «за кадром» то обстоятельство, что фактически этим дело не завершилось. На меня как на председательствующего была подана жалоба (в ЕСПЧ!) в связи с тем, что при публичном оглашении весьма пространный текст я позволил себе некоторые

¹ Когда пишу о своем коллеге Ю. Д. Рудкине как об одном из «отцов» российского конституционного правосудия, имею в виду, по крайней мере, два момента: во-первых, в КС РФ он пришел в числе первых судей, избранных в первый состав КС РФ (1991 г.), причем из Верховного Совета РФ, где в качестве депутата принимал активное участие в разработке и принятии актов, связанных с учреждением КС РФ; во-вторых, с первого дня работы КС РФ (28 октября 1991 г.) он был избран на одну из руководящих должностей (судьи-секретаря КС РФ) и в этом качестве, по воспоминаниям многих коллег, внес весомый вклад в создание достойных условий работы нового высшего судебного органа. Это, конечно, не умаляет роль других судей первого состава КС РФ, в числе которых, конечно, особую, без всяких преувеличений, историческую роль сыграл первый (и нынешний) Председатель КС РФ В. Д. Зорькин. Не могу не отметить и то обстоятельство, что в нынешнем составе КС РФ есть еще один судья первого призыва (1991 г.) — это мой давний товарищ Г. А. Гаджиев, с которым сложились добрые отношения еще до моего прихода в КС РФ. Это один из тех, не во всем характерных для КС, случаев, когда отношения носят не только служебный характер: я был в Махачкале, он — в Ростове-на-Дону и т. д. Очевидно, что все мои коллеги заслуживают не просто упоминания в формате подстрочной сноски к основному тексту, но вполне самостоятельного повествования — о них, их заслугах перед конституционным правосудием, перед юридической наукой и практической юриспруденцией. Наверняка, это еще будет сделано, в данном же случае для меня оправданием будет, кроме прочего, еще и то обстоятельство, что в разных местах издания, в той или иной мере говорится обо всех и о каждом из них, включая ушедших в отставку, а также тех, кого, к сожалению, уже нет с нами не только в зале судебных заседаний...

сокращения. На основе изучения аудиозаписи был сделан вывод, что сокращения носили технический характер и никак не могли исказить содержание постановления.

«Повезло» мне как председательствующему и в другом плане: уже на первом заседании, где пришлось председательствовать (дело Шевякова, 2001 г.), в качестве судьи-докладчика выступал А. Л. Кононов, с которым у меня нередко, мягко говоря, возникали разногласия, не совпадали конституционные оценки. В конечном счете это стало настоящим «боевым крещением», а его особое мнение по этому делу (написанное в свойственном ему стиле) свидетельствует о том, что по результатам «прений» судья-докладчик остался в меньшинстве. Одним словом, есть что вспомнить, в том числе и в плане относительно недолгого периода палатных заседаний КС РФ, имея в виду, что наряду с названными выше фамилиями в состав нашей (первой) палаты входили (привожу фамилии в алфавитном порядке): Н. В. Витрук, Г. А. Гаджиев, Т. Г. Морщакова, В. Г. Стрекозов, А. Я. Слива, О. И. Тиунов, Б. С. Эбзеев, а также В. Г. Ярославцев. В дальнейшем, в связи с уходом отдельных судей в отставку, состав палаты пополняли на разных этапах не менее яркие личности — в хронологическом порядке, как они приходили в Суд: Л. О. Красавчикова, С. П. Маврин, С. Д. Князев, К. В. Арановский, а на последнем этапе функционирования палаты ее пополнил А. И. Бойцов. Как будто все это было вчера...

Дела, по которым довелось председательствовать:

1. Постановление КС РФ от 25.04.2001 №6-П по делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова // СЗ РФ. 2001. №23. Ст. 2408.

2. Постановление КС РФ от 19.06.2002 №11-П по делу о проверке конституционности ряда положений Закона РФ от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»

(в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в РФ»» в связи с запросами Верховного Суда РФ и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций черныбыльцев // СЗ РФ. 2002. №27. Ст. 2779.

3. Постановление КС РФ от 15.12.2003 №19-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Ивановской области «О муниципальной службе Ивановской области» в связи с запросом Законодательного Собрания Ивановской области // СЗ РФ. 2003. №52 (ч. 2). Ст. 5101.

4. Постановление КС РФ от 22.03.2005 №4-П по делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 2005. №14. Ст. 1271.

5. Постановление КС РФ от 23.01.2007 №1-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева // СЗ РФ. 2007. №6. Ст. 828.

6. Постановление КС РФ от 24.03.2009 №6-П по делу о проверке конституционности положений пункта 8 статьи 5, пункта 6 статьи 6 Закона РФ «О статусе судей в РФ» и пункта 1 статьи 23 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в РФ» в связи с жалобой гражданина В. Н. Рагозина // СЗ РФ. 2009. №14. Ст. 1771.

7. Постановление КС РФ от 17.03.2010 №6-П по делу о проверке конституционности положений статьи 117, части 4 статьи 292, статей 295, 296, 299 и части 2 статьи 310 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Довод» // СЗ РФ. 2010. №14. Ст. 1733.

8. Постановление КС РФ от 20.12.2010 №21-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года №5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»» в связи с жалобой гражданина И. В. Рузайкина // СЗ РФ. 2010. №52 (ч. 1). Ст. 7214.

3.5. КОНСТИТУЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЕЗДОК

Важной составляющей деятельности КС РФ и его судей являются налаживание и поддержание международных связей, представление российской стороны на профильных конференциях, в работе круглых столов, на симпозиумах, носящих, как правило, научно-практическую направленность.

В соответствии с § 77 Регламента КС РФ Суд поддерживает связи с государственными органами (в том числе с органами конституционного контроля) зарубежных стран, а также с международными организациями, действующими в сфере правосудия.

К формам такого международного взаимодействия Регламент относит заключение соглашений о сотрудничестве, взаимное изучение опыта, обмен решениями и иной информацией, организация совместных научных конференций и др.

Оставляя в стороне некоторые оценочные (не имеющие формально-юридического, конституционного значения) моменты, связанные с серьезными изменениями в последние годы в международных отношениях, что не могло не сказаться и на интенсивности

международных контактов КС РФ с зарубежными органами конституционного правосудия¹, следует в то же время отметить большую взаимную заинтересованность КС РФ и судебных органов абсолютного большинства государств развивать сотрудничество на профессионально-юридической, не политизированной основе.

Международные связи КС РФ — это не только поездки конституционных судей в другие страны, но и организация международных конференций по проблемам конституционного правосудия собственно в России. Участие в них, выступления с докладами и сообщениями я всегда считал делом чести и своего рода почетной обязанностью. Если иметь в виду «питерский» период работы КС РФ, то, пожалуй, одной из наиболее значимых страниц стали международные конференции с широким участием представителей зарубежных органов конституционного правосудия в рамках ежегодно проводящегося с 2010 года Международного Петербургского юридического форума в прекрасное майское время белых ночей (в 2020 году эта традиция, к сожалению, была нарушена по причине охватившей весь мир пандемии).

Кроме двусторонних встреч, и, соответственно, разовых зарубежных поездок делегаций КС РФ в отдельные страны, заслуживают внимания формы постоянно действующих ежегодных форумов, диалогов на международном уровне с участием

¹ Ярким, но, к сожалению, негативным примером является в этом плане инициированный не нами разрыв в марте 2014 года заключенного незадолго до этого Соглашения о сотрудничестве между КС РФ и КС Украины, а также последовавшая за этим крайняя политизация и полное прекращение всякого общения, с последующим возбуждением Генеральной прокуратурой Украины «уголовного дела» в отношении всех судей КС РФ, участвовавших в принятии Постановления от 19 марта 2014 г. №6-П по Крыму. Очевидно, что такие подходы (разделяемые, к сожалению, органами конституционного правосудия еще ряда стран, в частности государств Прибалтики), ничего общего не имеют с принципами международного сотрудничества национальных органов правосудия на основе согласования профессиональных интересов и укрепления незыблемых ценностей современного конституционализма.

судей КС РФ.

Особое место в этом плане занимает *Баден-Баденский Диалог высших судов России и Германии*.

Между конституционными судами России и Германии существуют добрые партнерские отношения с давней историей. В 2001 году в Баден-Бадене состоялся первый Российско-германский диалог с участием руководителей и судей высших судов двух стран, включая конституционные суды, суды общей, арбитражной и иной юрисдикций (в Германии, кроме ФКС, имеется еще пять высших судов). В последующем «диалог» приобрел характер постоянных (как правило, ежегодных) встреч на высшем уровне судебных органов с обсуждением всех актуальных тем правосудия. Причем, независимо от того, что спустя определенное время такие встречи (в рамках «Диалога») стали проводиться в разных городах Германии, а в последующем и в России (например, в Санкт-Петербурге в 2017 году), за ним закрепилось название «Баден-Баденский Диалог». Эти встречи всегда отличались открытостью общения, взаимным интересом, предельно уважительным отношением представителей судебных сообществ России и Германии друг к другу, независимо (это важно подчеркнуть особо) от тех или иных обстоятельств международного политического климата.

Для меня в свое время было большой честью принимать участие как очень (!) молодому судье КС РФ (2002 г.) уже во II Баден-Баденском диалоге, где российскую сторону представляли Председатель КС РФ М. В. Баглай, Председатель ВС РФ В. М. Лебедев, Председатель ВАС В. Ф. Яковлев, Генеральный прокурор РФ В. В. Устинов. Столь же авторитетно была представлена и германская сторона. Участие, выступления в рамках «Диалога» — незаменимая школа жизни и конституционного профессионализма. Сейчас вспоминаю: еще дважды участвовал в таких встречах в Германии (в 2004 году в Баден-Бадене и в 2014 году в Мюнхене) и, конечно, в России.

Из постоянно действующих международных форумов кон-

ституционного правосудия следует упомянуть также созданную в Ереване в 1997 году Конференцию органов конституционного контроля стран молодой демократии (с 2011 г. — Конференция органов конституционного контроля стран новой демократии). Без преувеличения можно отметить, что организатором и незаменимым вдохновителем ее деятельности, а также инициатором проведения ежегодных Ереванских международных конференций был многолетний председатель Конституционного суда Республики Армения (с 1996 по 2018 год!), блестящий ученый-конституционалист Гагик Гарушевич Арутюнян. Ему принадлежит неоспоримая заслуга по объединению, выстраиванию конструктивного диалога после распада Союза ССР в рамках Конференции между органами конституционного правосудия постсоветских республик и бывших социалистических стран Восточной Европы.

С точки зрения участия в ежегодных Ереванских международных конференциях, не исключено, я являюсь рекордсменом, по крайней мере, среди своих российских коллег. Первая поездка в Ереван состоялась в октябре 2006 года, последующие — в 2008-м, 2014-м и 2016-м гг. Это всегда были очень приятные в плане личного общения встречи и насыщенные, чрезвычайно интересные и полезные в научно-практическом отношении дискуссии по самым различным вопросам конституционного правосудия. Так, в 2008 г. состоялась весьма представительная Конференция на тему «Основополагающие конституционные ценности и гарантии их реализации», а в 2014 г. — не менее интересная Конференция по проблемам конституционно-правового обеспечения достоинства личности и т. д.

Вероятно, не в последнюю очередь с учетом сложившихся добрых личных и профессиональных отношений мне было предложено войти в состав редакционного совета издающегося в Ереване международного научно-практического журнала «Конституционное правосудие», который является официальным печатным органом Конференции органов конституцион-

ного контроля стран новой демократии. Я с благодарностью принял предложение и уже более десяти лет участвую в выпуске этого издания.

Наряду с этим я состою в Попечительском совете международного *аналитического центра «Конституционная культура»* со штаб-квартирой в Ереване, также созданного по предложению Г. Г. Арутюняна. Эта организация объединяет конституционалистов 16 стран и четырех международных аналитических центров. Основные свои задачи Центр видит в проведении аналитической работы по вопросам конституционной культуры, а также в организации международных конференций, научно-практических обсуждений, функциональной и институциональной организации деятельности по внедрению эффективных систем диагностики конституционализма и конституционного мониторинга в разных странах.

По вполне понятным причинам особое значение всегда имели для меня научные и профессиональные связи с моей «малой Родиной» и, в том числе, отношения с судьями Конституционного суда Украины (КСУ).

Первый официальный визит в Киев и более близкое знакомство с коллегами-земляками, с некоторыми из которых я был знаком и прежде, состоялось в октябре 2005 г. В последующем всегда, когда представлялась возможность, я с радостью принимал предложение посетить КСУ. Каждый из этих визитов был значимым для меня и запоминающимся.

Украину я посещал также в 2008-м, 2010-м, 2011-м и 2013-м гг. Кстати, в плане моих официальных международных контактов Украина, пожалуй, стоит на первом месте.

Поездка в составе официальной делегации (во главе с Председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным) в 2010 году запомнилась не только самой по себе конференцией, официальными приемами на высшем государственном уровне (включая встречу с президентом Украины), но и теплым, ду-

шевым общением с Митрополитом Киевским и всея Украины, Предстоятелем Украинской православной церкви Владимиром¹, которая состоялась под святой для каждого православного христианина сенью Киево-Печерской лавры.

Поездка 2013 года была знаменательной по другим причинам. Это была Международная научно-практическая конференция, посвященная вопросам защиты прав человека органами конституционного правосудия. Официально ее проведение было приурочено к 17-й годовщине КСУ, но участники конференции знали и о другом поводе: она проводилась накануне завершения установленного законом Украины предельного (трехлетнего) срока пребывания в должности Председателя КСУ Анатолия Сергеевича Головина. Будучи главой КСУ, А. С. Головин, обладая солидным жизненным и богатым профессиональным опытом (как руководителя правоохранительных органов Украины в прежние годы), оставаясь по своим мировоззренческим убеждениям, как когда-то сказали бы, последовательным интернационалистом, сторонником укрепления украинской государственности на основе тесного сотрудничества с органами конституционного правосудия постсоветских государств, включая, естественно, и Россию, он снискал авторитет не только на уровне своей национальной (украинской) судебной системы. Не случайно та Конференция оказалась весьма представительной. К тому же, она проводилась в прекрасное время — в июне, в прекрасном месте — в Крыму, в Ялте, а я, стыдно признаться, прожив немалое время на Украине (именно «на», а не «в»), до этой поездки ни разу в Крыму не бывал! Одним словом, воспоминания от этой поездки остались превосходные — и в профессиональном, и в культурно-

¹ Роль Митрополита Владимира в сбережении и укреплении духовных — и не только православно-религиозных — связей народов Украины и России была огромной. Для меня знаменательным является и тот факт, что до избрания Предстоятелем УПЦ, сразу после возведения в сан митрополита в 1982 г., Владимир возглавлял Ростовскую и Новочеркасскую епархию. Он оставил о себе в Ростове-на-Дону добрую память. Вероятно, по-своему символично и трагично, что именно в 2014 году, спустя несколько месяцев после утверждения в Киеве «майданной» власти, Митрополит Владимир ушел из жизни.

познавательном плане, не говоря уже о располагающей атмосфере личного общения.

Трудно было представить, что практически полгода спустя в отношении едва ли не половины судей того состава КСУ, включая самого А. С. Головина, новая так называемая «майданная» власть Украины возбудит уголовные дела, а затем полностью прервет всякие отношения и с КС РФ.

В «лично-публичном» плане украинские события 2014 года повлияли и на мою жизнь: уже в конце марта 2014 г. я получил официальное письмо из КСУ о том, что Суд не видит возможности для моего дальнейшего пребывания в составе редколлегии «Вестника КС Украины», членом которой я являлся на протяжении нескольких лет. Но это были только «цветочки»...

В июне 2013 г. состоялся мой последний (по крайней мере, по состоянию на сегодняшний день) официальный визит на Украину, как, впрочем, несколькими месяцами спустя в последний раз (опять же — на сегодняшний день) в частном порядке смог побывать на могилах своих родителей в Кременщине... Несмотря ни на что, а, возможно, как раз именно по причине произошедших событий, хотелось бы вспомнить на страницах настоящего издания тех своих многочисленных коллег-земляков, с которыми у меня были по-настоящему дружеские отношения. Среди них значатся несколько экс-председателей КСУ (которых я знал не только в плане официальных отношений) — о них я мог бы написать немало теплых слов. Некоторые из них, даже несмотря на официальную (безусловно, политизированную) позицию официальной Украины последних лет, сохраняли и, по крайней мере, в личных отношениях не скрывали своих симпатий и к России и к КС РФ. Я не упомянул их фамилии (кроме А. С. Головина, с которым давно сложились и сохраняются добрые отношения), руководствуясь известной заповедью «не навреди!», которая относится не только к врачам...

Остается надеяться, что период этого безвременья уйдет в небытие, что будут восстановлены наши дружеские и партнерские связи. Конечно, хотелось бы всемерно способствовать этому в меру

своих сил и возможностей. В этом плане вполне понятное чувство удовлетворения вызывает то обстоятельство, что те или иные предложенные научные подходы не только имели положительные оценки украинских коллег¹, но и получили развитие в некоторых публикациях², не говоря уже о том, что и сам я с удовольствием публиковался в профильных украинских изданиях — например, в ведущем юридическом журнале «Право Украины»³.

¹ См., напр.: Селиванов А. С. Истотний науковий внесок відомого російського конституціоналіста (рецензія, на укр. мові) // Журнал Верховної Ради України. 2011. №12. С. 23, 24; Он же. Суттєвий науковий внесок відомого російського конституціоналіста (рецензія на укр. мові на книгу: Н. С. Бондарь. Судебний конституціоналізм в Росії) // Право України. 2011. №5; Барабаш Ю., Евсеев О. Конституціоналізм в суддівській мантії: спроба комплексного аналізу (рецензія на монографію М. С. Бондаря «Судовий конституціоналізм в Росії в світлі конституційного правосуддя») // Публічне право. Науково-практичний юридичний журнал. 2011. №4. С. 400–404; Батанов А. В. Современный взгляд на предмет муниципального права. Рецензия на учебник: Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под ред. Н. С. Бондаря. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 721 с. Серия: Бакалавр. Углубленный курс // Конституционное муниципальное право. 2014. №9. С. 78–80.

² Наиболее показательным является в этом плане двухтомный труд судьи КСУ (теперь уже в отставке) Бринцева В. Д., который стал последовательным сторонником предложенной мной концепции судебного конституционализма. См.: Бринцев В. Д. Судовий конституціоналізм в Україні: доктрина і практика формування: у 2 кн. Харків, 2013. По-своему «порадовала» в свое время даже история, рассказанная во время официального визита в Киев делегации КС РФ (в мае 2010 г.) одним из руководителей Верховного Суда Украины, о том, как практический работник — соискатель ученой степени (не буду называть даже сферу его деятельности) при обсуждении кандидатской диссертации был уличен в плагиате: диссертация оказалась написана на основе одной из моих монографий, но без надлежащих ссылок (значит, читают, интересуются!).

³ См.: Бондарь Н. С. Конституционный Суд России — генератор «живого» (судебного) конституционализма // Право Украины. Юридический журнал. 2010. №6. С. 75–86; Бондарь Н. С. Територія як конституційна цінність: поєднання публічно-владних та приватно-особистісних засад (на укр. мові) // Право України. Юридичний журнал. 2014. №9. С. 22–32.

Личные воспоминания об Украине, о «малой Родине» этим сюжетом не завершаются. К кровоточащей ране моей жизни, по возможности, воздерживаясь при этом от политических оценок, я буду еще не раз обращаться на страницах данного издания...

Возвращаясь же к обзору своих профессиональных зарубежных связей, в порядке некоего обобщения, могу отметить, что за 20-летний период работы в КС РФ состоялось больше трех десятков «конституционных» путешествий за пределы России. Именно «конституционных», имея в виду, что каждая из этих поездок была сопряжена с профессиональными конституционно значимыми вопросами, с официальными встречами, что было бы просто невозможно в формате туристической поездки. Возможно, поэтому, как хорошо известно моим коллегам, я никогда не стремился выезжать за границу на отдых и т. п., но при этом всегда охотно принимал предложения отправиться в командировку. Так было с самого начала моей судейской карьеры и до сегодняшнего дня. И должен сказать, что порой «рядовые», ничем не примечательные поездки неожиданно с точки зрения впечатлений и полученных эмоций оказывались весьма яркими и запоминающимися событиями.

Вспоминаю, как в ноябре 2002 года без особого желания поехал в Албанию на конференцию под названием «Конституционный суд как гарант и страж конституции», посвященную 10-летию КС Албании. Сегодня могу определенно заключить, что это была одна из самых замечательных поездок. Чего только стоят особая культура и удивительная природа Албании, а также элементы «социалистической экзотики», еще сохранившиеся в начале 2000-х в этой самобытной стране, известной своей непростой историей и авторитарными традициями в государственной идеологии. Да и официальная часть поездки была не без «приключений». Вспоминаю, как после открытия той конференции я должен был первым из зарубежных гостей выступать, в том числе с поздравительным приветствием. Когда я поднялся на трибуну, мне сообщили, что переводчик запаздывает. В этой ситуации Председатель КС Албании г-н Фехми Абдиу не расстерялся — обращаясь ко мне и к залу он на русском языке, сказал:

— Можно выступать на русском языке. Из всех зарубежных языков он самый понятный для абсолютного большинства участников конференции, и не только албанцев...

Так и получилось! (Потом это нашло подтверждение и в рамках «российско-албанских» тостов...). Прошло с тех пор меньше двух десятков лет, но, уверен, сейчас в подобной аудитории русскую речь без переводчика смогли бы воспринимать, к сожалению, уже единицы...

Из других зарубежных поездок, пожалуй, можно выделить рабочие поездки в конституционные суды Республики Корея (2010 г.), Перу (2015 г.), Марокко (2018 г.), Монголии (2019 г.). Каждой из этих поездок можно было бы посвятить несколько страниц, немало интересного рассказав как об официальной программе визитов, представлявшей для меня неподдельный профессиональный интерес, так и об их неофициальной части, которая также отличалась особым колоритом. Вряд ли я можно передать словами зашкаливающий уровень адреналина от скачек по степи или стрельбы из лука! А между тем именно так завершилась Международная научно-практическая конференция «Разделение властей и Конституционный суд», проходившая в Улан-Баторе.

Говоря о международных связях с представителями научной общности и коллегами по профессиональной деятельности в разных странах мира, я незаслуженно обошел вниманием свои поездки в США в 2000-м и 2011-м гг. Особенно памятной была поездка 2011 года совместно с Г. А. Гаджиевым, запомнившаяся интересной встречей с 17-м председателем Верховного Суда США Джоном Робертсом, который является по-своему исторической личностью. Дж. Робертс уже долгое время находится на юридическом олимпе Америки (председателем ВС США он стал в 2005 г. и занимает этот пост до сих пор). Та встреча прошла в непринужденной и дружеской обстановке.

Безусловно, особая страница международных связей КС и, соответственно, наших зарубежных поездок, равно как и встреч в России (Москва, Санкт-Петербург) — это контакты с Европейским судом по правам человека. На связях с этой организацией я остановлюсь подробнее.

Моя первая поездка в Страсбург, а также очное знакомство (попутно) с Судом справедливости Европейского Союза в Гааге, состоялась в далеком 2002 году. При том, что политика двойных стандартов в решениях ЕСПЧ просматривается со всей очевидностью (особенно в последние годы)¹, надо признать, что сами по

¹ Пытливый читатель может найти авторские материалы на эту тему, включая актуальные на сегодняшний день проблемы соотношения национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций. Вот их перечень: Бондарь Н. С. Европейские стандарты по правам человека в конституционном пространстве Российской Федерации // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2004. №3. С. 19–28; Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. №6. С. 113–127; Бондарь Н. С. Национальный конституционный контроль в соотношении с конвенционной юрисдикцией Европейского суда по правам человека // Юстиция. 2006. №2. С. 89–96; Бондарь Н. С. Европейский конституционализм в аспекте национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций // Рабочие материалы к Международному форуму по конституционному правосудию, 18–20 ноября 2010 г. (URL: <http://www.ksrf.ru/ru/news/Documents/Bondar.pdf>); Бондарь Н. С. Национальный конституционный контроль в соотношении с юрисдикцией Европейского суда: российская доктрина и практика реализации // Конституционное право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху: сб. научных статей по материалам Вторых конституционных чтений. М.: РАП, 2010. С. 56–80; Бондарь Н. С. Ценностные начала судебной имплементации конвенционных требований в российскую правовую систему (из практики Конституционного Суда РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2016. №2 (50). С. 4–10; Nikolai S. Bondar. The Constitutional Court of the Russian Federation in the National and Supranational Systems of Jurisdictional Bodies: Cooperation and Competition // Kutafin University Law Review. 2017. Vol. 4. Iss. 1. P. 2–27; Бондарь Н. С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов: О «богоугодных грехах» конституционного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №1. С. 26–32; Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Информ-Право, 2018. С. 217–251; Бондарь Н. С. Вызовы современному конституционализму: глобализация или суверенизация // Сборник материалов XIX Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 22–24 мая 2019 года в СПбГУП по теме: «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». СПб., 2019. С. 49–53.

себе встречи с судьями ЕСПЧ, включая их председателей¹, практически всегда проходили в деловой, откровенной и весьма доброжелательной обстановке.

Были и другие командировки, и их география весьма широка — Канада (2001), Австрия (2008), Италия (2009), Чехия (2005), Венгрия (2007), Словакия (2013), Беларусь (2007, 2017), Азербайджан (2018), Таджикистан (2015, 2019), Молдова (2009, 2020).

Впору, вероятно, умерить свой пыл в плане воспоминаний о представительских полномочиях судьи КС РФ, чтобы не возникло ложного представления об этой стороне работы судьи КС РФ. Однако еще раз оговорюсь: любая и каждая подобная командировка — это, как правило, напряженная работа, в том числе порой в неожиданных ситуациях.

Взять, скажем, последнюю поездку в Молдавию (февраль 2020 г.), когда пришлось вступить в острую полемику с представителем судебного органа одной из прибалтийских стран, позволившим себе в рамках научно-практической конференции по проблемам конституционализма перейти к откровенно политизированному, недостойному научного формата общения русофобским выпадам...

В конечном счете, однако, нельзя не отметить, что международные связи КС РФ, взаимный обмен опытом конституционных судей из разных стран имеют чрезвычайно важное значение, способствуют успешному развитию и укреплению российской демократической государственности, в том числе на основе использования положительного опыта зарубежных стран.

¹ Первым Председателем ЕСПЧ, с которым состоялось личное знакомство (Страсбург, 2002 г.), был известный швейцарский судья, профессор права Луциус Вильдхабер. В дальнейшем запомнились, в частности в связи с визитами в КС РФ, их участием в Международных конференциях, Председатели ЕСПЧ Ж.-П. Коста (Франция, 2007–2011 гг.), Г. Раймонди (Италия, 2015–2019 гг.).



С председателем
Венецианской
комиссии
за демократию
через право
Дж. Букиккио
(слева)



Юбилей Конституции РФ.
Вместе с зарубежными коллегами, 2008 г.



В ЕСПЧ в Страсбурге.
В центре —
встреча с председателем ЕСПЧ
Л. Вильдхабером, 2002 г.



С председателями (в тот период)
высших судов России, 2001 г.



В ЕСПЧ, г. Страсбург, 2004 г.



Фото на память в Лавалле.
Санкт-Петербург

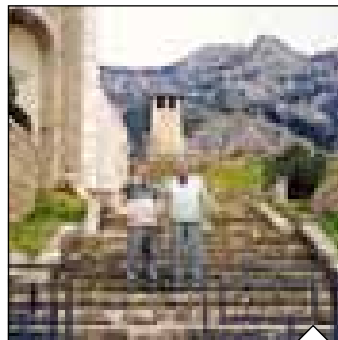
В Санкт-Петербурге тоже проходили
Баден-Баденские диалоги, 2017 г.



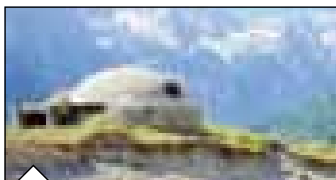
← ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ВИЗИТОВ: АЛБАНИЯ, 2002 г. →



В то время (в 2002 г.) в Албании еще хорошо понимали русский язык



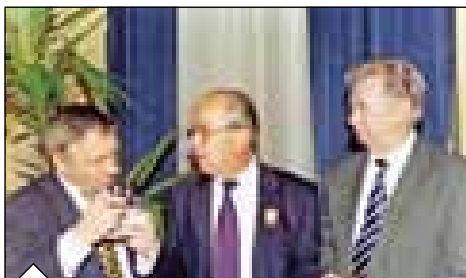
Прикосновение к экзотике страны



Наследие ушедшей эпохи



В Конституционном суде Албании



С председателем КС Албании и послом РФ в Албании



Тирана — столица Албании

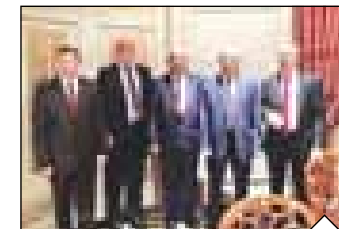
← ВИЗИТЫ В ПОСТСОВЕРСКИЕ СТРАНЫ ВСЕГДА ВАЖНЫ →

Астана, 2019 г.



Лучший подарок для председателя конституционного судебного органа — книга

В КС Таджикистана



Представители разных стран как одна «конституционная семья»



Минск, 2007 г.
Справа — председатель КС Белоруссии (того периода) Г. А. Василевич

Напряжение нарастает.
Научно-практическая конференция, Кишинев, 2020 г.

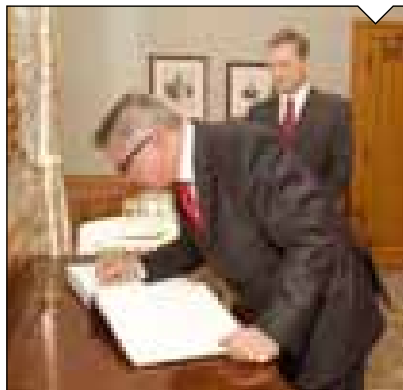




Обмен сувенирами

Российскую делегацию в Верховном суде США принимает его председатель — Дж. Робертс, 2011 г.

Почетно оставить запись в Книге почетных гостей Верховного суда США в присутствии его председателя



С председателем Верховного суда США



Высокое представительство на конференции в Конституционном суде Украине (КСУ), 2011 г.



В кулуарах конференции. Слева: А. С. Головин, справа — В. М. Кампо, 2008 г.



КСУ, 2008 г.

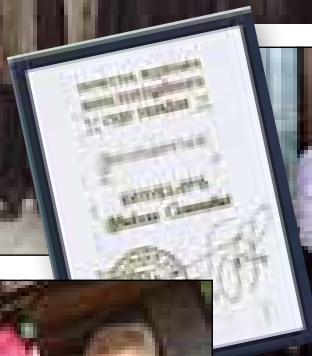


КСУ. После конференции

← ТАКАЯ БЛИЗКАЯ-ДАЛЕКАЯ УКРАИНА →

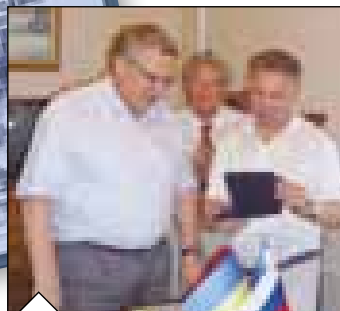


Памятный визит делегации КС РФ в Киево-Печерскую лавру, 2011 г.



Как в старые добрые времена. С главами органов конституционного правосудия (в разные годы) Украины и Казахстана, 2018 г.

Полтава (Украина), 2004 г.



Вручена награда «За заслуги перед Луганщиной», 2011 г.



← В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ АВСТРИИ →

В самом старом конституционном суде Европы — КС Австрии



Красоты Вены...



Официальная встреча в КС Австрии, Вена, 2013 г.



←•• ВИЗИТ В ИТАЛЬЯНСКУЮ РЕСПУБЛИКУ, 2009 г. ••→



Делегация КС РФ
в сопровождении
гостеприимных хозяев, 2009 г.



Взаимная
доброжелательность —
на высшем, конституционном (!)
уровне



Деловая часть визита
интересна и полезна



←•• КАЖДАЯ СТРАНА НЕПОВТОРИМА: МОНГОЛИЯ, 2018 г. ••→



Участники
конференции



Национальные
традиции —
дело тонкое



Не промахнулся!

В КС Монголии,
Улан-Батор,
2019 г.



Во главе конницы —
председатель
КС Монголии
(первый слева)



В монгольских
степях...

3.6. ОБ ОФИЦИАЛЬНО-ПУБЛИЧНОМ — В ЛИЧНОСТНОМ ВОСПРИЯТИИ: ВСТРЕЧИ СУДЕЙ КС РФ С ГАРАНТОМ КОНСТИТУЦИИ

Все, что касается конституционного правосудия, в той или иной мере связано в конечном счете со статусными особенностями этого органа, со спецификой его отношений с другими институтами российской государственности. Но по данной теме относительно самостоятельное и, без преувеличения, особое значение приобретает вопрос о взаимоотношениях КС РФ с Президентом РФ как главой государства. Уникальность этих отношений определяется особыми конституционно-правовыми полномочиями соответствующих субъектов: с одной стороны, это Президент РФ как *гарант Конституции*, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции РФ), с другой — КС РФ как *хранитель Конституции* (ст. 125 Конституции РФ).

Характер, формы соответствующих взаимоотношений, особенности и пределы их нормативно-правовой регламентации имеют достаточно широкое концептуальное освещение в научной литературе¹ и вряд ли в рамках настоящего издания в силу его очевидной специфики необходим специальный анализ этих вопросов.

Впрочем, отметив это обстоятельство, тут же зримо, «в лицах» представил реализуемое на практике «участие» института президентуры в отправлении конституционного правосудия. Речь идет о том, что в рамках рассмотрения конкретных дел и выработки итоговых решений КС РФ такое взаимодействие реа-

¹ См., напр.: Боброва В. К. Институт Полномочного представителя Президента в Конституционном суде: практика деятельности // Журнал конституционного правосудия. 2008. №5; Татаринов С. А. О формах взаимодействия между Конституционным судом и другими органами государственной власти Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. №12. С. 51–56, С. 47–52; Сайбулаева С. А. Президент Российской Федерации и Конституционный Суд России: вопросы теории и практики // Российский судья. 2018. №5. С. 59–63; и др.

лизуется посредством участия Полномочного представителя Президента РФ в заседаниях КС РФ. В этой связи, в том числе в порядке личных впечатлений, нельзя не упомянуть тех видных ученых, талантливых практиков-юристов, которые на протяжении последних 20 лет (опять же, имея в виду период личного пребывания в должности судьи КС РФ) занимали указанную должность, обеспечивая последовательную реализацию положений ст. 80 Конституции РФ в конституционном правосудии. Речь идет, прежде всего, о М. А. Митюкове, который исполнял эти обязанности в далеком 2000 г., а впервые был назначен Полномочным представителем Президента РФ еще в 1996 г. и с небольшим перерывом (с декабря 1996 г. по июнь 1998 г.) занимал эту должность вплоть до 2005 г. В дальнейшем, на протяжении 15 лет (2005–2020 гг.), позицию Президента РФ при отправлении конституционного правосудия отстаивал известный питомец Ленинградской (питерской) цивилистической школы (во главе с ее патриархом — академиком Ю. К. Толстым) М. В. Кротов. Так случилось, что эту эстафету Михаил Валентинович передал в январе 2020 г.¹ не менее именитому представителю той же питерской юридической школы — А. В. Коновалову, имеющему, кроме того, огромный практический опыт многолетнего руководителя Министерства юстиции РФ.

Возможно, было бы небезынтересно поделиться личными впечатлениями об особенностях выступлений, реализации полномочий представителя президента РФ в конституционном правосудии каждого из этих выдающихся юристов. Но это слишком ответственная задача, от которой предпочитаю освободить себя. Ведь эти выступления — не только показатель профессионализма, глубины юридического анализа рассматриваемой на заседании КС РФ проблемы в рамках конкретного дела; это одновременно и вопрос о степени взвешенности, я бы сказал, проявлениях юве-

¹ См.: Указ Президента РФ от 31 января 2020 г. №84 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. №5. Ст. 523.

лирности при поиске тонкого баланса публично-правовых подходов, диктуемых, с одной стороны, самим статусом, особенностями процессуального положения Полномочного представителя Президента РФ, занимающего в заседании КС РФ процессуальное положение стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый и проверяемый на соответствие Конституции закон, и с другой стороны — взглядов, оценок, определяемых гражданской позицией, личными убеждениями представителя президента как ученого и гражданина (от чего, естественно, невозможно полностью абстрагироваться). В какой мере указанное процессуальное положение может повлиять на то, чтобы наряду с доводами в пользу конституционности проверяемого закона «заметить» в проверяемом законе и иные оттенки (которые не обязательно могут «работать» на его конституционность), — это уже вопрос во многом субъективный. Имею в виду, что для нас, судей, эти оттенки (в том числе даже интонационные, чем особенно отличался, в хорошем смысле, М. А. Митюков) всегда были чрезвычайно важны, мы внимательно прислушивались к ним; но слух-то (как и голос) у каждого разный... Поэтому ни в коем случае не хочу навязывать свое мнение. И еще одна ремарка: сами по себе выступления представителя президента в публичных заседаниях КС РФ не только не представляют никакой служебной или иной тайны (есть стенограммы), но, более того, тексты этих выступлений, по крайней мере М. А. Митюкова и М. В. Кротова, опубликованы, вполне доступны для массового читателя, интересующегося этими вопросами¹.

В рамках же настоящего издания, тоже не без сомнений, я тем не менее посчитал возможным прикоснуться к вопросу, который связан с личными воспоминаниями об официальных встречах судей КС РФ с главой государства.

¹ См., напр.: Митюков М. А. Выступления полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации (2004–2005 года). М.: Проспект, 2010; Кротов М. В. Выступления полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации. В 2-х т. Т. 1.: 2015–2016 годы; Т. 2.: 2017–2018 годы. М.: Проспект, 2019.

Практически с первых лет деятельности КС РФ сложилось своего рода конституционное обыкновение — ежегодно встречаться судьям КС РФ (в полном составе) с Президентом РФ в день Конституции, 12 декабря. Очевидно, что сами по себе такие встречи, с одной стороны, — это свидетельство важности данного государственного праздника (который, к сожалению, начиная с 2005 г., перестал быть выходным днем) для судей КС РФ, а с другой — официальное признание на высшем государственном уровне роли КС РФ в деле защиты Конституции, утверждения ее принципов и ценностей в жизни российского общества. Именно в такой атмосфере доброжелательного, заинтересованного обсуждения самых разных актуальных вопросов конституционного развития нашего общества и государства, совершенствования законодательства, судебной защиты прав человека и гражданина, проходили все встречи. За период моего пребывания в должности судьи КС РФ их состоялось двадцать (при этом я не принимаю во внимание другие встречи в ином формате, связанные, например, с юбилейными датами Конституционного суда, переездом КС РФ из Москвы в Санкт-Петербург и т. п.).

Немаловажным будет отметить и то обстоятельство, что все такие контакты носили публичный характер и получали широкое освещение в СМИ (на телевидении, в печатных изданиях, в интернете¹, на официальном сайте Президента РФ²). Такая гласность, доступность информации касательно, в том числе, содержания обсуждаемых вопросов, позволяет считать вполне допустимой возможность поделиться личным восприятием тех официальных встреч. При этом в силу «авторского эгоизма» представляется оправданным остановиться на некоторых наиболее запомнив-

¹ См., напр.: В День Конституции президент говорил с теми, кто наделен исключительным правом толковать ее положения (Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2019-12-12/377306-vden_konstitutsii_prezident_govoril_s_temi_kto_nadelen_isklyuchitelnyim_pravom_tolkovat_ee_polozheniya); В силу закона // Российская газета. 2019. №282 (8040); Надежные хранители порядка: Путин поздравил судей КС с Днем Конституции // ТАСС. 12 декабря 2019 и др.

² См.: Встреча с судьями Конституционного Суда РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62309>.

шихся моментах этих встреч, в том числе благодаря моему личному участию в обсуждении отдельных вопросов. Одним из важных вопросов, который я поднимал в ходе общения с президентом, впервые был инициирован мною еще в 2002 году, а в последующем поднимался мной, по крайней мере, еще дважды. Об этой проблеме мне приходилось напоминать в разные годы и на последующих встречах с президентами РФ (имея в виду и В. В. Путина, и Д. А. Медведева). Вероятно, в этом случае вполне можно было бы говорить об упорстве, достойном лучшего применения. Речь идет о целесообразности и, как я считаю сейчас и тогда считал, необходимости учреждения *Национального исследовательского центра конституционализма*, который можно создать под эгидой Президента РФ или, по крайней мере, администрации президента, при непосредственном и активном участии КС РФ, включая судей КС в отставке. Это предложение не было надуманным, умозрительным. Достаточно отметить многолетний положительный опыт работы Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ. Заслуживает внимания и зарубежный опыт функционирования подобных институтов — в частности в Армении, как уже отмечалось выше, много лет работает Центр конституционного права, целью которого является содействие становлению правового демократического государства в Армении, утверждение верховенства Конституции Республики Армения.

В 2008 году, когда соответствующее предложение в очередной раз было высказано на встрече с Президентом РФ, по итогам данной встречи президент дал протокольное поручение, связанное в том числе с подготовкой учредительных документов Центра публичного права (такое уточнение в название Центра внес сам президент во время данной встречи, имея в виду целесообразность включения, по его мнению, в исследовательскую сферу интересов Центра в том числе проблем административного, уголовного, других отраслей публичного права). К сожалению, однако, по разным причинам (в определенной мере, вероятно, связанным с неоднозначным отношением к данной инициативе не только за пределами КС РФ), идея

реализована не была. Между тем предлагалось даже создать при таком Центре уникальный по своему составу, уровню квалификации и авторитету Диссертационный совет по специальности 12.00.02 (конституционное и муниципальное право; конституционный процесс). Думается, нет необходимости приводить какие-либо дополнительные аргументы, чтобы согласиться с тем, что, в частности, в нынешних условиях конституционной реформы 2020 года и с учетом ее значения для дальнейшего государственно-правового развития российского общества наличие такого Центра имело бы особую значимость — как в доктринальном, научно-исследовательском, так и в прикладном, научно-практическом плане в связи с необходимостью обновления системы законодательства, совершенствованием институтов государственности в соответствии с новыми подходами, выработанными конституционной реформой.

Есть еще один вопрос, который, возможно, тоже с излишней настойчивостью (для встреч с Президентом РФ) не раз затрагивался автором. Речь идет о *состоянии юридического образования*.

Впервые я обратился к этой теме в 2006 г., когда на встрече с Президентом РФ обсуждались различные аспекты судебной реформы. Взяв на себя смелость процитировать «развенчанного классика» по поводу того, что «кадры решают все», я тогда высказал соображение, что успех судебной реформы в конечном счете будет зависеть от кадрового обеспечения судов; качество же кадров для судов напрямую зависит от юридического образования, которое, к сожалению, находится в глубоком кризисе. Одновременно мной был сформулирован тезис о том, что *подготовка юридических кадров — вопрос конституционной безопасности общества, государства, личности*. На этот тезис Президент РФ обратил внимание и попросил уточнить, что я имею в виду. В рамках лаконичного ответа посчитал важным обратить внимание на два момента: во-первых, неоправданное расширение количества вузов (в том числе негосударственных), ориентированных на подготовку юридических кадров при отсутствии у них зачастую надлежащих материальных и, в особенности, кадровых (профессорско-преподавательских) предпосылок; во-вторых,

некритическое восприятие Россией Болонской системы высшего образования, переход, в частности, к двухуровневой системе высшего юридического образования (бакалавриат-магистратура) без учета национально-исторических особенностей и наших реальных достижений в фундаментальной (а не узкоприкладной, как это предусмотрено Болонской системой) подготовке юристов. Высказывая эти соображения, я, разумеется, понимал их дискуссионность. Тем более важно было услышать от президента реальную озабоченность по поводу состояния (в частности, на тот момент) не только юридического, но, как он подчеркнул, всей системы высшего образования. Очевидно, что все эти вопросы, относящиеся к тяжелому наследию 90-х годов прошлого века, не могут (и не могли) получить быстрого решения. Понимание этого обстоятельства заставило меня вернуться к этой проблеме на встрече с Президентом РФ в декабре 2012 года.

В завершение данного сюжета хотелось бы отметить, что авторское отношение к обозначенным вопросам, понимание конституционной ценности юридического образования — вопросы, которые уже затрагивались в предыдущих главах данной книги. При этом остается лишь сожалеть, что основные проблемы юридического образования, накапливавшиеся в период его «реформирования» на протяжении последних двух-трех десятков лет, к сожалению, сохраняются, о чем неоднократно мне приходилось говорить как в научных публикациях¹, так и в СМИ².

¹ Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. Изд-е 2-е. М.: Юрист, 2014; Бондарь Н. С. Реформированию юридического образования — конституционные ориентиры // *Lex russia*. 2013. №11. С. 1248–1250; Бондарь Н. С. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? // *Юридическое образование и наука*. 2013. №1. С. 7–16; Бондарь Н. С. Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования? // *Человек и закон*. 2010. №1. С. 18–27.

² См.: Магистр почти не виден. Интервью Н. Бондаря М. Барщевскому для «Российской газеты» // *Российская газета*. 2013. 7 марта.

Ставились и обсуждались на встречах с Президентом РФ и более конкретные вопросы, носившие в чем-то вроде бы рабочий характер, но имевшие, безусловно, и важное конституционно-правовое значение.

Вспоминается встреча 14 декабря 2015 г. (это был один из немногих случаев, когда она проходила не в день Конституции). В ряду других, был поднят *вопрос о государственно-правовой интеграции новых субъектов РФ (Республика Крым и город Севастополь) в единое конституционно-правовое пространство России*. Своевременность постановки этого вопроса в 2015 г. вскоре после состоявшегося вхождения этих субъектов в состав РФ была очевидной. Тем более, что это подкреплялось и личными впечатлениями, полученными по итогам участия вместе с коллегой — М. И. Клеандровым — по линии Международного союза юристов в работе семинара, посвященного проблемам функционирования арбитражных судов в новых субъектах РФ (г. Севастополь, 19 июня 2015 г.). Пришлось воочию убедиться, что соответствующая интеграция проходит не так быстро и не вполне укладывается в те сроки (до 1 января 2017 г.), которые первоначально были предусмотрены ФКЗ от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя». В связи с этим я посчитал возможным высказать соображение о целесообразности внесения изменений в соответствующий ФКЗ в плане увеличения установленных сроков государственно-правовой интеграции, при этом были даны конкретные примеры, связанные с приведением законодательства новых субъектов РФ в соответствие с федеральным российским законодательством, и т. п. Итогом стало поручение от президента (больше — в форме предложения) подготовить записку с обоснованием высказанных соображений, в том числе по продлению установленных ФКЗ сроков интеграции новых субъектов РФ. Такая записка (объемом в полтора десятка

страниц) была подготовлена к началу января 2016 г. В ней было представлено обоснование необходимости поэтапного процесса государственно-правовой интеграции новых субъектов РФ в единую государственно-правовую систему России, который предлагалось рассматривать как двуединый (нормотворческий и правоприменительный) процесс, осуществляемый как на федеральном, так и на встречном, региональном, уровнях. В качестве основных вопросов такой интеграции были выделены проблемы экономической, в том числе налоговой интеграции; обеспечение социальных прав и социальных гарантий. Не менее важное значение имела, конечно, последовательная интеграция субъектов РФ в систему органов государственной власти РФ, включая судебную и правоохранительную системы, формирование системы местного самоуправления в соответствии с Конституцией РФ. Не скрою, я испытал удовлетворение, когда узнал, что в последующем (в июне 2016 г.) в указанный ФКЗ были внесены изменения в части продления сроков интеграции новых субъектов РФ в федеральное конституционно-правовое пространство (на два года — до 1 января 2019 г.)¹. Это стало приятной новостью еще и потому, что со второй половины января 2016 г. и в течение нескольких последующих месяцев, я не только не имел возможности проявлять интерес к судьбе «Записки», но, более того, исполнение профессионально-служебных обязанностей пришлось временно «сменить» на решение медицинских вопросов...

Наконец, несколько слов о последней встрече с Президентом РФ (последняя для меня, имея в виду перспективу завершения срока полномочий как судьи, но, естественно, не для других судей КС РФ), которая состоялась 12 декабря 2019 г.

В завершающей ее части, когда представилась возможность включиться в дискуссию, я посчитал возможным напомнить,

¹ См.: ФКЗ от 23 июня 2016 г. №5-ФКЗ «О внесении изменения в статью 12.1 ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2016. №26 (часть I). Ст. 3848.

что наступающий 2020 г. будет годом 150-летнего юбилея известной городской реформы Александра II (имея в виду принятое 16 июня 1870 г. Городовое положение). В связи с этим, соотнося историю и современность, посчитал, что было бы целесообразно подвести некоторые итоги муниципальной (в особенности, городской) реформы 2014–2015 гг., которая далеко не во всех регионах оказалась одинаково успешной. В этом плане отметил, что было бы целесообразно инициировать проведение Совета по местному самоуправлению при Президенте РФ, который не собирался, как пришлось обратиться на это внимание, уже около двух лет. Президент РФ, высказав общие подходы по поводу перспектив развития местного самоуправления и необходимости обеспечения единства публичной власти (что затем получило закрепление в конституционных поправках 2020 г.), согласился с тем, что проведение Совета по местному самоуправлению назрело. Вскоре, 30 января 2020 г., такое заседание Совета состоялось...¹

В заключение данного, очень непростого для авторского исполнения, параграфа позволю себе вспомнить курьезную ситуацию далекого 2004 года (12 декабря). Сегодня, наверняка, на этот поступок я не решился бы, да и по другим, не от меня зависящим причинам, вряд ли это было бы возможно... Речь идет о следующем. После завершения встречи, когда президент прощался с каждым из судей, я при прощании, сказал, что есть «рояль в кустах». В ответ на вопрос президента о том, что имеется в виду, достал из кармана (каюсь!) фотоаппарат и предложил сделать коллективную фотографию. В. В. Путин без каких-либо сомнений согласился, став у стола (где я сидел и где находилась табличка с моей фамилией). Другие судьи, естественно, тут же подтянулись к нам. В итоге получилось по-своему «историческое» для меня фото — его можно найти

¹ См.: Заседание Совета по развитию местного самоуправления от 30 января 2020 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62701>.

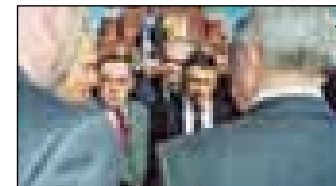
среди иллюстраций к данному параграфу. Думаю, этот снимок можно было бы «скромным» образом подписать, сделав акцент на том, например, кто и у кого «в гостях» в момент фотосъемки находился.

В завершение еще раз подчеркну: все встречи проходили в теплой обстановке делового, профессионального, заинтересованного разговора, обмена мнениями по конституционно значимым вопросам. Но эти вопросы ни в коей мере (даже малейшим образом!) не пересекались с какими-либо конкретными делами, которые рассматривались Конституционным судом. Одновременно каждый раз приходилось убеждаться и с глубоким удовлетворением отмечать (хотя бы про себя), что наш президент, будучи юристом по образованию, не просто проявляет неподдельный интерес, а вникает в конкретные вопросы совершенствования судебной системы, включая конституционное судопроизводство, тонко чувствует правоприменительную судебную практику, имеет свой собственный взгляд на состояние законодательства, осведомлен о его проблемах и возможных путях совершенствования. Обо всем этом можно было бы, в продолжение темы об «официально-публичном — сквозь призму личного восприятия», написать заметно основательнее, затронуть многие другие вопросы, связанные с реализацией одной из основных функций главы государства по гарантированию незыблемости Конституции РФ, что предполагает в том числе и его взаимоотношения с КС РФ. Но с учетом особенностей избранного жанра издания крайне важно все же иметь чувство меры.

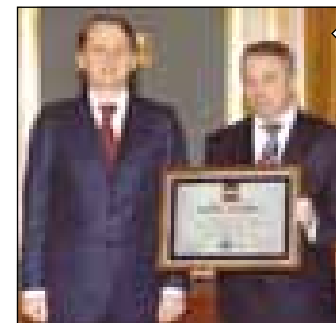
Вполне естественно, что посвященная во многом 20-летнему периоду работы в Конституционном суде эта глава написана, пожалуй, наиболее официальным, деловым, если не сказать, сухим слогом. Но это вовсе не означает, что в мой профессиональной жизни не было ничего интересного, в том числе и для неподготовленного читателя. Просто в данном формате такие отступления от основной темы выглядели бы ни к месту.



От Президента РФ — орден Почета, 2010 г.



Москва, Красная площадь, 9 мая 2001 г.



Председатель ГД РФ С. Е. Нарышкин вручает Почетную грамоту Президента РФ за вклад в разработку Конституции РФ и развитие российской государственности, 2008 г.



В КС РФ — с Президентом РФ, 2012 г.

После встречи — фото на память



←→ ВСТРЕЧИ СУДЕЙ КС С ГАРАНТОМ КОНСТИТУЦИИ →←



Москва, Кремль, 2002 г.



Так проходили встречи — торжественно и по-деловому

Внимательно слушали Президента РФ В. В. Путина...



←→ УЧАСТИЕ СУДЕЙ КС РФ В ИНАУГУРАЦИИ →←



2002 г.



2004 г.

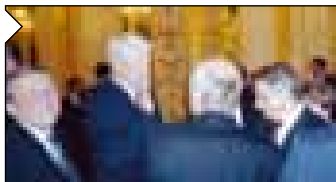


2012 г.



←☞ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ПРИЕМАХ... ☞→

Первый Президент РФ Б. Ельцин — не мой кумир, но...



С первым Президентом РФ Б. Н. Ельциным и его супругой



Находиться в таком «окружении» — большая честь, 9 мая 2012 г.



С легендарным А. Калашниковым



Второй слева — для меня не авторитет. Но для кого-то был кумиром...



Живые легенды — отец С. Михалков и сын Н. Михалков



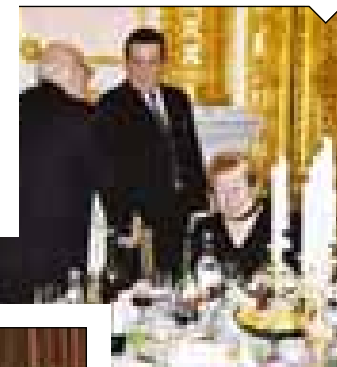
Были и такие руководители, фамилию которых трудно вспомнить...

←☞ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ПРИЕМАХ... ☞→

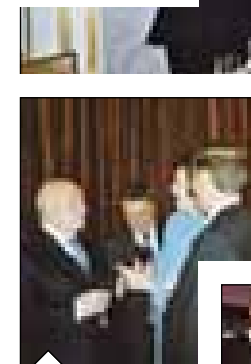
Коллеги, друзья...



Рядом был и И. Д. Кобзон



С А. Я. Розенбаумом



С А. И. Приставкиным, председателем комиссии по помилованию при Президенте РФ



С Ю. Лужковым



С К. Ю. Лавровым



Рядом — Э. А. Быстрицкая
С А. Н. Пахмутовой и Н. Н. Добронравовым

3.7. НАУЧНО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЕ ХОББИ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Без всяких преувеличений отмечу, что не менее значимой, чем судебная деятельность, для автора этих строк всегда была научная, преподавательская работа. Это предопределяется самой природой конституционного правосудия, статусными характеристиками КС, который, согласно одному из моих утверждений, «больше, чем суд»².

В этом плане анализ места и роли Конституционного суда в системе современного конституционализма свидетельствует о его сложной, комплексной природе, что требует учета и применения различных, порой весьма разноплановых и многоуровневых систем координат для оценки потенциала данного института российского конституционализма, его характера и природы.

¹ Параграф подготовлен на основе авторских публикаций: Н. С. Бондарь. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. №10. С. 35–46; Бондарь Н. С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. №1. С. 8–16; Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и конституционно-судебная практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 132–134.

² Сейчас уже не помню, когда я впервые предложил эту формулу. Но, по крайней мере, в монографии «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации» (М.: Юстицинформ, 2005) она уже содержится. Вспоминаю также, что в 2010 году на страницах «Журнала конституционного правосудия» на эту тему состоялась заочная дискуссия с моими коллегами-конституционалистами (См.: Ливеровский А. А., Петров М. В. Органы конституционного нормоконтроля как «квасисуды» // Журнал конституционного правосудия. 2010. №3. В этом же номере журнала помещена статья-ответ: Бондарь Н. С. Конституционный Суд России: не «квасисуд», а больше, чем суд).

С одной стороны, нет сомнений в том, что КС РФ, находясь в системе государственно-властных отношений, является прежде всего правоприменительным, юрисдикционным органом судебной власти, который, как и суды общей и арбитражной юрисдикций, разрешает споры (конституционные), снимает социальные противоречия и конфликты в обществе и государстве, между высшими государственными органами (но не между отдельными гражданами и организациями). В этом смысле КС РФ — это своего рода суд над властью.

Соответствующий статус получил прямое отражение в Конституции РФ, которая определяет конституционное судопроизводство в качестве самостоятельной формы осуществления судебной власти наряду с гражданским, административным и уголовным судопроизводством. Одновременно КС РФ как особый орган государственной власти, осуществляющий функцию конституционно-судебного контроля, активно вторгается в нормативную правовую сферу, влияет на нее своим специфическим государственно-властным инструментарием, чему способствует особая природа его решений. Об этом «конституционном парадоксе конституционного судопроизводства» будет подробнее сказано далее, в специальной главе, посвященной судебному конституционализму.

Одновременно КС РФ может рассматриваться как весьма специфическая (организованная на государственно-властных началах) научно-исследовательская лаборатория, которая тесно соотносится с научным сообществом через доктринальные идеи по актуальным проблемам современной конституционной юриспруденции. Достаточно отметить, что абсолютное большинство судей действующего состава КС РФ (13 из 15) имеют научную степень по юридическим наукам (11 докторов и 2 кандидата наук)¹ — это кадровая характеристика, сопоставимая с уровнем научно-исследовательской организации. Присущи эти черты и аппарату

¹ В период, когда в составе КС РФ было 19 судей (как это было предусмотрено Конституцией 1993 г.), удельный вес «степененных» судей был еще выше: 15 докторов и 2 кандидата наук (из 19 судей).

КС РФ, в особенности его профильным (отраслевым) управлениям, сотрудники которых также зачастую вовлечены в научную работу. По состоянию на 01.06.2020 г., 21% сотрудников профильных управлений и аппарата судей КС имеют ученую степень (8 докторов юридических наук и 24 — кандидаты наук). Вряд ли можно найти какой-либо иной орган государственной власти с такими качественными показателями «учености» сотрудников!

Все это позволяет говорить о КС РФ как о весьма специфичном судебном-контрольном органе, деятельность которого тесно связана с экспертно-аналитической оценкой как проверяемых норм права, так и состояния и динамики развития государственно-правовой системы в целом. Этим определяются особенности взаимосвязей между конституционным правосудием и доктринальной юриспруденцией в единстве нормативных, научно-теоретических и практических компонентов.

Важно также отметить, что исторически российская конституционная юриспруденция формировалась отнюдь не на чисто академической основе. Вряд ли стоит замалчивать, что национально-специфические истоки конституционной юриспруденции имеют у нас во многом государственно- бюрократическое происхождение. М. М. Сперанский, Б. Н. Чичерин, С. А. Муромцев, Ф. А. Головин, Н. А. Хомяков и др. были весьма заметными деятелями российского конституционализма — как в научной, так и в практической деятельности.

Современная конституционная юриспруденция также имеет не только университетскую прописку. Попытки же «отлучения» от конституционно-правового сообщества довольно большого отряда практиков-ученых в области конституционного права вряд ли обоснованны. Но при этом важна оговорка: речь идет об ученых, а не просто о носителях научных степеней и званий; не секрет, что сегодня это несовпадающие понятия, что, впрочем, относится не только к государственно-чиновничьей сфере: укоренившееся с некоторых пор явление заказных диссертаций (а наряду с ними, естественно, и монографий) имеет, к сожалению, вневедомствен-

ное значение, оно в неменьшей мере поразило и систему высшего образования.

Говоря же в этом плане о конституционном правосудии, следует подчеркнуть, что оно находится в прямой и обратной зависимости от конституционной юриспруденции. Так, юридическая наука, включая науку конституционного права, как и государственно-правовая практика, являются питательной средой для КС РФ, а осуществление конституционного правосудия, как деятельности, содержащей высокий удельный вес доктринальных начал, невозможно без активного использования достижений конституционно-правовой мысли.

Одновременно КС РФ — не только «вампир-потребитель», но и генератор научных идей; он самым непосредственным образом участвует в их формировании, выступает действенным фактором развития российской конституционно-правовой науки, а практика конституционного правосудия представляет собой онтологический компонент конституционной юриспруденции. Этим во многом как раз и предопределяются как место КС РФ в системе конституционной юриспруденции, так и особая нормативно-доктринальная природа его решений и, соответственно, возможности влияния на развитие всей системы современной юриспруденции. Речь идет не только о том, что КС РФ воздействует на юридическую науку посредством своих решений как носителей конституционно-правовой и иной информации по различным вопросам государственно-правового развития, но он еще и ставит перед конституционной юриспруденцией существенные, практически значимые теоретические задачи, а посредством своей практики обогащает и развивает ее содержание.

Это означает, что по самой своей природе и кругу задач КС не может быть невосприимчив, индифферентен к новым, нетрадиционным подходам конституционно-правовой теории, поскольку нередко только с их помощью и оказывается возможным решить актуальные и все более усложняющиеся проблемы конституционного правосудия, связанные с коллизиями между различными

конституционными ценностями, с пробелами и неопределенностью в правовом регулировании, противоречиями и дефектами норм права, которые влекут нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина и конституционно защищаемых интересов.

Вместе с тем, оценивая под углом зрения Конституции те или иные правовые институты, которые в классическом понимании имеют сугубо отраслевой характер (например, амнистия, помилование, реабилитация, возмещение морального и материального вреда), КС раскрывает их конституционные основы (начала) и обеспечивает конституционализацию, что естественным образом вводит соответствующие институты в сферу внимания науки конституционного права, превращает их в объект научных исследований конституционной юриспруденции. В связи с этим не менее важным является восприимчивость науки конституционного права к новым доктринам, идеям, которые выдвигаются КС в его решениях.

В этом плане вполне логично, как отмечалось ранее, что практически все мои публикации, включая статьи и книги, появившиеся после назначения судьей КС РФ, в той или иной мере касались проблем конституционного правосудия, анализа и обобщения практики различных направлений деятельности КС РФ. Это означает, что с назначением конституционным судьей научно-исследовательские интересы претерпели существенную трансформацию, несмотря на то, что одновременно я продолжал заниматься преподавательской работой в двух университетах Ростовском (Южном федеральном) и Санкт-Петербургском. *Alma mater*, конечно, всегда стояла на первом месте, что со всей очевидностью вытекает и из настоящего повествования. Но ни в коей мере не могу недооценивать и мои тесные, теплые отношения (не только в профессиональном, но и личном плане) с юридическим факультетом СПбГУ. Благодарен Н. М. Кропачеву, который в далеком 2007 году, будучи тогда еще деканом юрфака, убедил меня уже до переезда КС в Санкт-Петербург стать совместителем по кафедре

государственного и административного права (тогда она так называлась). Благодарен еще и потому, что всегда считал (и считаю) эту кафедру своей, «родной»: во-первых, именно на этой кафедре сформировался как конституционалист мой учитель профессор Ржевский В. А.; во-вторых, как уже отмечал, именно по этой кафедре проходил обсуждение и защиту в далеком 1979 г. кандидатской диссертации (тогда заведующим кафедрой был, светлая ему память, Борис Иванович Кожохин). Позже, когда ближе познакомился с новым составом кафедры во главе с Натальей Александровной Шевелевой (человеком удивительно отзывчивым, создающим невероятно теплую кафедрально-семейную атмосферу, не говоря уже о ее профессионализме), понял, что для меня работа на этой кафедре — не обременение, а награда. Не случайно коллектив юридического факультета СПбГУ избирал Н. А. Шевелеву своим деканом, а в последующем она передала деканскую эстафету другому питомцу кафедры, Сергею Александровичу Белову. С ним, без преувеличения будет сказано, связаны большие (и вполне обоснованные!) научные надежды на возрождение и умножение славы Ленинградской (Санкт-Петербургской) школы конституционализма. Одним словом, не скрываю, что с сожалением и, конечно, с теплыми чувствами благодарности буду расставаться с прекрасным коллективом Питерской кафедры (для меня она — Ленинградско-Питерская).

В продолжение сюжетной линии, связанной с моим «научно-образовательным хобби», можно было бы посвятить немало страниц воспоминаний об участии в научно-практических конференциях и регулярных выступлениях — на протяжении всего периода работы в КС РФ — в МГУ, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Институте законодательства и сравнительного правоведения, Институте государства и права РАН, Институте философии РАН, равно как и в других городах России, известных своими юридическими школами и научно-образовательными юридическими учреждениями (Саратов, Екатеринбург, Воронеж, Тюмень, Челябинск, Барнаул, Казань, Самара, Нижний Новгород, Краснодар, Махачкала, Сочи,

Архангельск, Симферополь и т. д.). Очевидно, что в данном случае речь пошла бы не просто о городах и юридических учреждениях, а о конкретных лицах, моих коллегах-конституционалистах. Кто-то из них и сегодня воспринимается как мой учитель, имея в виду не только возраст (как-то Ю. К. Толстой, С. А. Авакьян, В. Т. Кабышев или ушедшие из жизни Г. В. Барабашев, О. Е. Кутафин и др.). Иные коллеги — это те, с кем многие годы приходилось сотрудничать в научно-образовательной сфере, имея в виду, что наши профессиональные интересы нередко дополнялись при этом добрыми личными, а порой и товарищескими, отношениями. В числе таких коллег, пожалуй, мог бы назвать представителей практически всех известных юридических учреждений России; но прекрасно понимаю, что не смогу этого сделать, обязательно кого-то не назову, упусти; уже по этой причине не буду пытаться это сделать, пусть это останется моим долгом перед ними, имея в виду сюжеты других, будущих воспоминаний... Сегодня же, в рамках настоящего повествования, возможно, хотя бы в какой-то мере можно будет восполнить данный пробел за счет фотографий...

Возможно, кому-то это покажется несколько парадоксальным, не вполне обоснованным, но уверен, для преподавательской работы в вузе, где студенты всегда тянутся к практике, испытывают дефицит практических знаний, это тоже весьма актуально. Другое дело, что в реальной действительности переориентировать научную работу на интересы судебной практики оказалось делом не простым. Своеобразным документальным подтверждением этого может послужить библиография моих публикаций: наименьшее их количество за весь период — начиная с 1977 г., когда появились мои первые аспирантские публикации — приходится на 2001 год: всего две и, мягко говоря, не самые солидные и интересные статьи. Почему? Ответ простой: не менее года после назначения судьей КС РФ я не мог преодолеть своеобразный психологический барьер, чтобы приступить к реализации собственной внутренней установки — писать прежде всего то, что касается практики конституционного правосудия.

При этом убежден, что такой подход ни в коей мере не ведет (и, надеюсь, не привел) к ограничению, обеднению моих научных интересов; хотя бы потому, что конституционно-судебная проблематика носит универсальный, всеобъемлющий характер, а в конституционализации нуждаются все отрасли права, все направления правоприменительной практики¹. Не случайно на каком-то этапе профессионально-судебной деятельности я все же погрузился в налоговую, финансово-правовую, административно-правовую, а отчасти и в гражданско-правовую проблематику (не говоря уже о многоотраслевой тематике особых мнений и мнений, о чем выше уже говорилось). Все это реализуется (что является для меня «смягчающим» обстоятельством) сквозь призму решений КС РФ, постановки проблем конституционализации данных сфер общественных отношений и соответствующих им отраслей, институтов права и правоприменительной практики.

¹ В этом отношении ярким примером движения своего рода в «обратном направлении» (по сравнению с моими нынешними ориентирами) — от теории, профессорско-преподавательской деятельности как основной профессиональной работы к глубокому анализу, доктринально-философским обобщениям конституционно-судебной практики — являются труды по проблемам конституционализации талантливого ученого, моего давнего доброго товарища В. И. Крусса. См., напр.: Красс В. И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 239 с.; Он же. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 304 с. Он же. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. №4. С. 2–12; Он же. Проблемы конституционализации российского семейного законодательства и правовой идентичности субъектов профильных отношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». Выпуск 35. 2014. №2. С. 146–153; Он же. Судебная практика и конституционализация административной ответственности в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2014. №5. С. 229–239; Он же. «Синтетическое напряжение» публичного и частного права в контексте конституционализации: уголовно-процессуальный аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. №4. С. 86–97 и др.

Более того, есть еще один важный внутренний, своего рода *интровертный аспект влияния конституционного правосудия на саму по себе конституционную юриспруденцию*. В этом плане, думаю, есть все основания считать, что именно КС РФ принадлежит решающая роль в конституционализации не только других отраслей, но и самого по себе государственного права, в придании и отрасли, и науке, и учебной дисциплине государственного права истинно конституционных ценностных начал и на этой основе — их превращение в отрасль, науку и учебную дисциплину конституционного права России¹. Это происходит на основе переориентации на универсальные демократические ценности современного конституционализма — права человека, разделение властей, правовую социальную государственность, плюралистическую политическую демократию, рыночную экономику и т. п. В научном плане все это в конечном счете сопряжено с исследованием тех метаюридических, межотраслевых, стыковых с другими науками проблем, которые могут (и должны!) вызывать повышенный профессиональный интерес, в том числе в прикладном аспекте отправления конституционного правосудия.

При этом, уверен, судьи КС РФ, как и сотрудники аппарата Суда (среди которых, как уже отмечал, немало ученых, в том числе крупных) находятся в большом долгу перед теорией и практикой юриспруденции, имея в виду как необходимость научного обобщения решений КС РФ, так и потребность выработки в обществе и государстве нового уровня конституционной культуры, а порой — потребность в элементарной (но тоже столь важной!) популяризации отдельных направлений деятельности Конституционного суда, содержания его конкретных решений, их исполнения. Это тем более актуально, учитывая, что в последнее время все чаще стали появляться публикации (и популярно-публицистические, и претендующие на наукообразность), не во всем объективно и кор-

¹ См.: Бондарь Н. С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. №11. С. 4–13.

ректно освещающие как отдельные решения КС, так и более общие проблемы конституционного правосудия, — например, пределы полномочий КС РФ, в особенности в связи с юрисдикцией других судебных органов, не говоря уже о понимании юридической силы решений КС РФ, необходимости их последовательной реализации не только как юрисдикционных актов, но и как особого рода источников права. Не по этой ли причине (по крайней мере, в какой-то степени это просматривается) периодически возникают неуместные дискуссии о целесообразности объединения КС РФ с ВС РФ и т. п.?

Возвращаясь же к вопросу об имманентном сочетании, единстве государственно-властных и доктринально-исследовательских начал как в деятельности КС РФ, так и в работе отдельных судей КС, отмечу, что предметом особой гордости стала для меня (как судьи КС РФ и «по совместительству» профессора конституционного права) разработка концепции судебного конституционализма, ее признание научной общественностью. Во многом именно поэтому я посчитал возможным выделить вопросы, связанные с этой темой, в самостоятельную главу. Но ей будет предшествовать еще один сюжет, основное содержание которого — в самом его названии.

3.8. ГЛАВНЫЙ СМЫСЛ СЛУЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ — ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИИ

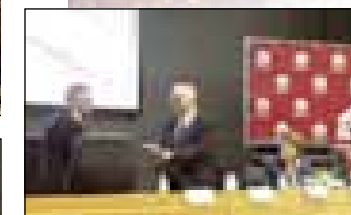
*Ante
Factum
2020*

Представляется вполне логичным завершить главу, посвященную 20-летнему периоду служения конституционного правосудия, по возможности, концентрированным ответом на вопрос о том, что же составляет главный смысл соответствующей деятельности? Предельно лаконичный ответ на этот вопрос — защита Конституции. Что это означает? Очевидно, что речь идет о защите, гарантированности средствами судебной власти в том числе

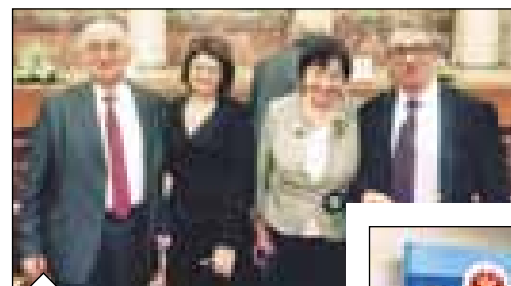
— стабильности данного акта, незыблемости его основополагающих начал, фундаментальных конституционных идеалов, проявляющихся как в конституционной системе организации публичной власти, так и положении человека и гражданина в обществе и государстве. В нормативном содержании этих институтов органически сочетаются правовые и нравственно-этические, национальные (социокультурные) и универсальные требования.

Одновременно вполне естественная, закономерная эволюция Конституции РФ на основе приверженности фундаментальным идеалам, обеспечиваемая как законодателем, так и средствами конституционного правосудия и получившая реализацию по итогам конституционной реформы 2020 г., нуждается в доктринальных оценках и законодательных решениях, призвана стать фактором преодоления новых угроз праву и конституционному правопорядку, гарантией юридической стабильности, с одной стороны, и предпосылкой социокультурного динамизма «вечных» конституционных идеалов, с другой.

Особенную актуальность приобретают эти вопросы в условиях конституционных реформ, что в России имеет место в настоящее время. Учитывая особенности настоящего издания, посчитал возможным ограничиться, возможно, недостаточно конкретными ответами на эти вопросы и, более того, не сегодняшними размышлениями по поводу реализуемой конституционной реформы, но в том числе авторскими материалами, которые были опубликованы несколько ранее, хотя, как представляется, в чем-то проливают свет и на сегодняшние процессы конституционного развития России. Думаю, в чем-то критически размышляющий читатель, надеюсь, будет искать в этих материалах (интервью конца 2016 года и статья, написанная в начале 2020 года) не прямые ответы на поставленные в том числе в настоящем предисловии вопросы, а пищу для дальнейших размышлений, для поиска оптимальных решений законодательного и правоприменительного характера в непростых условиях современного конституционно-правового развития.



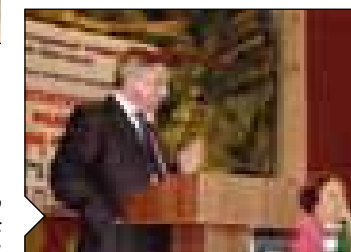
С кафедрой конституционного права МГУ во главе с С. А. Авакьяном — особые отношения



День студента (Татьянин день) в МГУ



С ректором МГУ В. А. Садовничим, 2018 г.



Столько было московских конференций

—❧— ВЫСТУПЛЕНИЯ В ALMA MATER — ОСОБЕННО ПРИЯТНЫ —❧—



Гостеприимство ростовчан
общеизвестно, Старочеркасск,
2018 г.

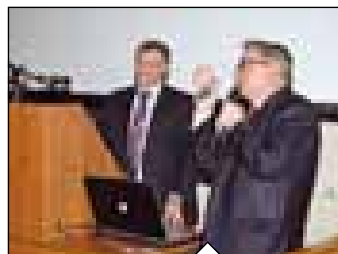


С деканом юридического
факультета ЮФУ
И. П. Зиновьевым —
как всегда — полное
взаимопонимание

Конференция,
посвященная
25-летию
Конституции РФ
и трехлетию
кафедры, 2018 г.



Конференция, посвященная
20-летию Конституции РФ
с участием руководства
области и университета, 2013 г.



С деканом
И. П. Зиновьевым —
полное взаимопони-
мание не только
на конференциях

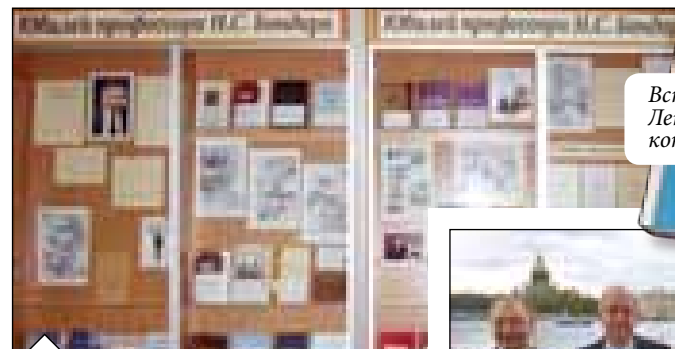
Конференция
памяти
профессора
В. А. Ржевского
2006 г.

—❧— ЛГУ (СПбГУ) — ОСОБАЯ ЯАСТЬ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ —❧—

Круглый стол в СПбГУ.
Слева — Н. А. Шевелева,
справа — Н. В. Витрук, 2015 г.



Кафедра государственного
и административного права
СПбГУ стала близкой, 2018 г.



Вспоминая истоки
Ленинградской школы
конституционного права

Такое адресное поздравление (в СПбГУ)
дорогого стоит...

Ректор СПбГУ Н. М. Кропачев (слева),
директор ИГиП АН А. Н. Савенков (справа),
Санкт-Петербург, Университетская
набережная, 2017 г.



←☞ ПЕТЕРБУРГСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФОРУМЫ ☞→



Международный юридический форум. Панельная дискуссия, Санкт-Петербург, 2019 г.

В кулуарах...



С коллегами...

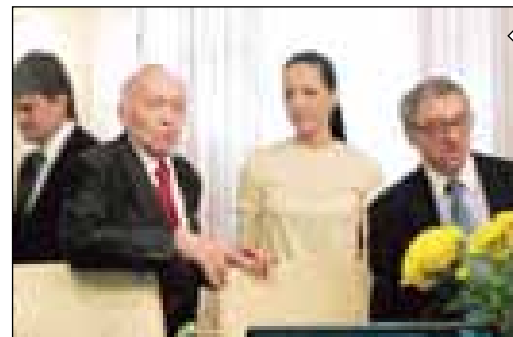


В ходе панельной дискуссии



Директор ИЗиСП при Правительстве РФ Т. Я. Хабриева (справа) на научной конференции в КС РФ

←☞ САРАТОВ И РОСТОВ: КОНСТИТУЦИОННОЕ ЕДИНСТВО ☞→



С В. Т. Кабышевым



Заседание диссертационного совета



Рядом с профессором В. Т. Кабышевым — руководителем Саратовской конституционной школы



С деканом юридического факультета Дагестанского государственного университета Ш.Б. Магомедовым, Махачкала, 2010 г.



Конференция в Дагестанском государственном университете



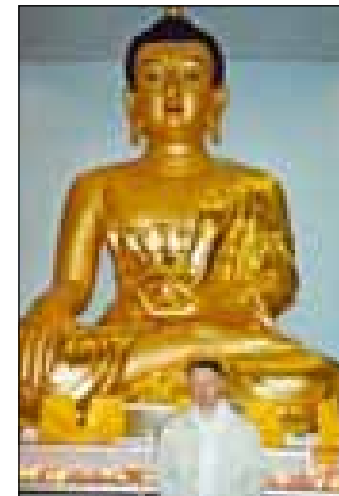
Приятные встречи...



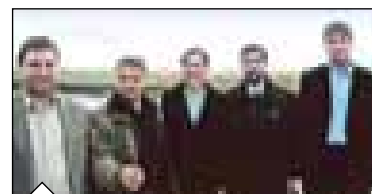
Челябинск. Не только научные дискуссии, 2005 г.



Трудноузнаваемые председатели трех высших судов РФ на Байкале и в Бурятии, 2006 г.



На родине В. Распутина, с. Покровское



После конференции, Тюмень, 2003 г.



КОНСТИТУЦИЯ РФ — ДОКУМЕНТ XXI ВЕКА¹. ИНТЕРВЬЮ

В преддверии очередной годовщины принятия Конституции корреспондент Legal.Report встретился с судьей Конституционного суда РФ Николаем Бондарем. Он подробно рассказал о самых важных вопросах конституционного развития страны, а также о некоторых технологиях принятия решений. Также была открыта «тайна совещательной комнаты».

Справка: Николай Бондарь, судья Конституционного суда с 2000 года, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заслуженный деятель науки РФ, автор более 300 научных публикаций.

— Насколько современной, отвечающей требованиям сегодняшнего дня, является наша Конституция? Не сталкивается ли КС в своей деятельности с ее пробельностью?

— Из самого текста Конституции вытекает, что ее гарантом является Президент РФ, а хранителем, защитником — КС РФ. В этом качестве КС обладает очень важными полномочиями, прежде всего, по осуществлению конституционного нормоконтроля, т. е. обеспечению соответствия текущего законодательства требованиям Конституции.

К сожалению, порой этой охранительной функцией и ограничивается характеристика роли КС применительно к Конституции. Но этого явно недостаточно. Не менее важное значение имеет также преобразовательная функция КС РФ по отношению к Конституции. Ее уяснение как раз может позволить дать ответы и на вторую часть поставленных вопросов: имеет ли место в Конституции пробельность, не устарела ли она за время своего действия?

КС обладает особыми, уникальными возможностями не только сказать, соответствует ли норма текущего закона Конститу-

¹ Интервью судьи КС РФ Николая Бондаря. Legal report. 11:59, 12 декабря 2016. // URL: <https://echo.msk.ru/files/2261876.jpg>.

ции (по принципу «да-нет»), но и дать отвечающее новым, сегодняшним условиям геополитического, социокультурного развития общества и государства толкование норм самой Конституции.

Речь идет не просто о понимании текста Конституции, а о выявлении ее духа. Тем самым Конституция как бы испытывает с помощью решений КС некое «правопреобразующее» воздействие, т. е. без изменения буквы Конституции Конституционным судом выявляются (но не добавляются!) ее новые, скрытые потенциальные возможности, заложенные в духе Конституции.

Поэтому роль КС незаменима, кроме прочего, в «оживлении» Конституции. И это не является нашим, отечественным изобретением, в этом проявляется особая, уникальная природа, назначение института конституционного контроля.

Попутно уместно напомнить, что в общественном правосознании США давно утвердилось мнение, что «Конституция США — это то, что о ней говорят судьи Верховного суда»; сама по себе Конституция США 1787 года не могла бы быть сегодня реально действующим актом, если бы ее не «обволакивало» огромное количество решений Верховного суда США по вопросам конституционного контроля. Наш подход в этом плане иной, имея в виду в том числе и то, что сама природа романо-германской, континентальной системы права иная (это самостоятельный вопрос). Но принципиальные характеристики института конституционного правосудия едины для современных демократических правовых государств.

О пробельности Конституции можно говорить максимум применительно к анализу текста, буквы ее конкретных положений. Но эта пробельность мнимая, она успешно может преодолеваться с помощью духа Конституции, ее ценностей, принципов и т. д. Одновременно это позволяет утверждать, что, несмотря на то, что действующая Конституция была принята в прошлом веке, в 1993 году, по своему духу, внутренним, в том числе потенциальным возможностям, это документ нынешнего, XXI века. В этом плане один из своего рода «конституционных парадоксов конститу-

ционного развития» состоит в том, что залогом стабильности текста Конституции является «преобразовательный» динамизм ее духа. Не последняя, а точнее, особая роль в этом принадлежит Конституционному суду.

— Следующий вопрос касается недавней законодательной инициативы президента. Насколько соответствует внесенный в ГД проект закона о внесении изменений в ФКЗ «О КС РФ» принципу разделения властей? Можно ли признание общеобязательного значения за постановлениями суда, в которых он дает истолкование норме, не признавая ее неконституционной, трактовать как узаконивание прецедента? И если да, то тогда, в случае принятия закона, не окажутся ли у КС РФ и судебная, и законодательная функции?

— Поставленный вопрос необходимо оценивать сквозь призму проблемы более общего характера — самой природы, назначения конституционно-судебного контроля в демократическом правовом государстве и, соответственно, юридической силы, степени обязательности решений КС. Справедливости ради следует признать, что эти вопросы являются предметом острых дискуссий не только у нас, где сам по себе конституционный контроль в лице КС РФ является достаточно молодым институтом государственности. Так, еще на заре возникновения конституционного правосудия одним из его «отцов-основателей» — Гансом Кельзеном отстаивался тезис о том, что единственным источником права является нормативно-правовой акт, а правосудие, в том числе конституционное, не предназначено для создания норм права. В современной правовой доктрине также можно встретить сходные рассуждения о том, что правотворческий потенциал конституционного правосудия, связанный с общеобязательным характером его интерпретационных актов, якобы создает угрозу для разделения властей.

Чтобы оценить обоснованность такой позиции, нелишне задаться «наивным» вопросом: а в чем, собственно, заключается

смысл самого по себе принципа разделения властей? Каково его предназначение? Рискуя окунуться, как это может кому-то показаться, в отвлеченное «теоретизирование», тем не менее хочу напомнить, что разделение властей — не некое механическое отделение одной власти от другой. Разве, например, исполнительная власть не обладает нормотворческими функциями? Для этого достаточно вспомнить массу постановлений Правительства РФ как важных нормативных правовых актов. Данный же основополагающий конституционный принцип (разделения властей) призван исключить чрезмерную концентрацию властных полномочий в одном лице или органе и тем самым избежать властного произвола. Но это лишь своего рода негативная задача данного принципа. А его позитивный аспект — в утверждении верховенства права и Конституции, в создании надлежащих условий гарантирования прав и свобод.

И если взглянуть на интерпретационные возможности конституционного правосудия с этой точки зрения, то станет ясно, что КС РФ при толковании проверяемых норм ориентирован не на создание новых правил поведения, а на обеспечение верховенства и прямого действия Конституции. Это достигается не посредством вторжения в содержание уже существующей нормы (в частности той, которая входит в предмет проверки КС), а путем определенной «рихтовки» правоприменительной практики с точки зрения понимания смысла, нормативного значения данного законодательного правоположения и установления некоего режима его применения, в рамках которого исключались бы противоречивость, неоднозначность его толкования и последующего применения.

Можно ли считать, что КС РФ, давая такое действительно общеобязательное истолкование нормы, вторгается в прерогативы законодателя? Для такого предположения нет никаких оснований. Более того, подобный метод конституционно-судебного реагирования, напротив, отражает уважительное отношение Конституционного суда к самостоятельности законодательной власти. Ведь проверяемая норма сохраняет в этом случае свою силу, а определенная корректировка в понимании смысла нормы, которую вносит

своим толкованием Конституционный суд, нередко обусловлена не издержками самой по себе конструкции нормы, а практикой ее применения, которая может исказить волю законодателя.

Очевидно и то, что конкретные возможности КС РФ необходимо оценивать с точки зрения не абстрактного понимания разделения властей, а с учетом такого понимания этого принципа, которое отражено в Конституции РФ: Конституция исходит из того, что КС РФ — это больше, чем суд; это суд над законом и над властью. Об этом нельзя забывать.

Важно также иметь в виду, что законопроект, о котором идет речь, появился не вдруг — это, по сути, оформление уже сложившейся многолетней практики конституционного правосудия и сформулированных Конституционным судом правовых позиций об обязательном характере конституционного истолкования норм текущего законодательства без признания их неконституционными. Данное обстоятельство, кстати, прямо отражено и в пояснительной записке к законопроекту.

— По данным Министерства юстиции, на данный момент заморожено около 29 внесенных по требованию КС законопроектов. Есть ли у суда на данный момент механизмы, которые позволяют осуществлять эффективный контроль за исполнением своих решений?

— Как и ЕСПЧ, КС РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал, что исполнение вступившего в законную силу решения любого суда является необходимым элементом права на судебную защиту. Последняя оказалась бы иллюзорной, если бы судебное решение не выполнялось. Но это вовсе не означает, что именно на судах лежит ответственность за обеспечение исполнения принимаемых ими решений, в том числе посредством контроля такого исполнения. Принцип разделения властей, о котором уже упоминалось, предполагает, что собственно обеспечение исполнения судебных решений — обязанность иных государственных органов, наделенных соответствующими полномочиями.

Особенность решений КС РФ в том, что они имеют высокий удельный вес нормативных начал, связывают одновременно и правоприменителя, и законодателя, при этом действуют непосредственно с момента вступления в силу и не нуждаются в каком-либо дополнительном подтверждении.

Соблюдение этого императива обеспечивается всей системой правоприменительных органов и прежде всего — через судебный контроль, поскольку любые правоприменительные решения, принимаемые вразрез с позицией КС РФ, должны рассматриваться как отступающие от требований законности. В этом плане обязательность исполнения решений КС РФ аналогична, по своей сути, обязательности исполнения законов. Неисполнение же решения КС РФ влечет наступление ответственности, хотя, справедливости ради, следует признать, что конкретные механизмы возможного приведения в действие такой ответственности нуждаются в совершенствовании.

Например, что касается исполнения решений КС РФ путем внесения вытекающих из них необходимых изменений в федеральное законодательство, то оно обеспечивается, прежде всего, политической ответственностью законодателя, который может дискредитировать себя проявлением неуважения к судебной власти, что должно отражаться (не может не отражаться!) на оценке избирателями своих депутатов.

— В последние годы, согласно статистике, сокращается активность обращения граждан в КС. С чем это связано, на ваш взгляд?

— Вряд ли это можно квалифицировать как некую тенденцию и тем более — как закономерность нынешнего этапа деятельности КС РФ. Анализ статистики обращений граждан в КС РФ свидетельствует о следующем. Жалобы граждан являются абсолютно преобладающими среди всех обращений в КС РФ, их доля неизменно составляет более 95%. Более того, в процентном отношении можно говорить о некотором снижении удель-

ного веса не конституционных жалоб, а обращений в порядке абстрактного нормоконтроля. И эта тенденция в ближайшие годы, как это можно предположить, скорее всего сохранится. Например, потому, что теперь оппозиционным партиям (в лице их депутатских групп в ГД) сложнее будет собрать необходимое количество депутатов (не менее 1/5 состава ГД, т. е. 90 человек) для обращения в КС.

Что же касается абсолютных показателей количества конституционных жалоб, то их число действительно колеблется от года к году. И здесь можно наблюдать как периоды роста, так и периоды снижения. Основные причины таких колебаний следует искать, прежде всего, в происходящих изменениях законодательства, затрагивающих конституционные права и свободы граждан. Например, рост числа конституционных жалоб можно наблюдать в периоды проведения масштабных социальных реформ. Так было, в частности, в период проведения так называемой монетизации льгот. Напротив, относительная стабилизация законодательства объективно снижает приток конституционных жалоб.

При оценке института конституционных жалоб граждан важно также учитывать, что КС РФ — один из элементов судебной системы, которая ориентирована — в качестве своей основной задачи — на обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Соответственно количество обращений, поступающих от граждан в КС РФ, во многом зависит от того, насколько иные суды справляются с возложенными на них задачами. В рамках действующего законодательства (с учетом изменений, внесенных в 2009 году) обращение с жалобой в КС РФ требует обязательного предварительного рассмотрения и завершения конкретного дела гражданина в суде общей юрисдикции или арбитражном суде. В этом плане некоторое снижение количества конституционных жалоб следует оценивать, возможно, и в свете адаптации граждан к новым требованиям ФКЗ «О КС РФ», а также оценки гражданами тех решений, которые принимаются иными судебными органами по их делам.

— Последняя новость об отношениях России и Европейского суда — это сокращение срока подачи жалобы в ЕСПЧ с 6 до 4 месяцев. На этот счет высказывались разные мнения, как положительные, так и отрицательные. На ваш взгляд, осложнит ли сокращение срока жизнь тем гражданам, для которых ЕСПЧ — это последняя надежда на справедливость?

— Изменение требований к сроку на подачу обращения в ЕСПЧ, наряду с иными изменениями порядка и условий деятельности этого конвенционного органа, предусмотрено Протоколом №15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Как известно, разработка этого документа началась не по инициативе России, он готовился Комитетом министров Совета Европы по итогам конференций высокого уровня «О будущем Европейского суда по правам человека». Положительное заключение на Протокол №15 в 2013 году было дано парламентской ассамблеей Совета Европы.

Смысл Протокола №15 к Конвенции — обеспечить в рамках достигнутого европейского консенсуса оптимальный в конкретных условиях баланс между доступностью европейского конвенционного судебного контроля и его эффективностью. На момент подписания документа Российской Федерацией он, как известно, прошел ратификацию в 32 странах. Таким образом, факт присоединения России к Протоколу №15 свидетельствует о стремлении нашей страны участвовать в общеевропейском диалоге, в поиске оптимального компромисса.

Само же по себе сокращение срока на обращение в Европейский Суд по правам человека следует оценить в свете того, что ЕСПЧ, как он и сам это неоднократно указывал в своих решениях, является subsidiарным институтом защиты прав. Основные же средства правовой защиты должны обеспечиваться на национальном уровне. С этой точки зрения вряд ли есть основания полагать, что упомянутое изменение может быть воспринято как снижение уровня гарантий права на судебную защиту.

— **Принцип пропорциональности (соразмерности) напрямую закреплен в национальном праве большинства европейских стран. В этих странах он активно используется судами, в том числе конституционными, при вынесении решений. Исследователи считают, что этот принцип показывает свою работоспособность, однако напрямую в нашем законодательстве он не закреплен. Что вы можете сказать об использовании этого принципа в практике КС?**

— В действительности пропорциональность (соразмерность) — общеправовой принцип, свойственный всем правовым системам. В Конституции РФ пропорциональность имеет комплексное закрепление, но наиболее отчетливо этот принцип имеет нормативное отражение в ч. 3 ст. 17 и в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Так, в статье 55 (часть 3) Конституции РФ прямо используется категория «мера» как критерий ограничения конституционных прав, т. е. такое ограничение должно быть соразмерным. В практике КС РФ принцип пропорциональности (соразмерности) задействован самым активным образом, не менее чем в 250 постановлениях, что составляет практически 50% (по состоянию на 01.12.2016 принято 498 постановлений КС РФ). Что же касается определений КС, прибегающих к принципу пропорциональности, то их более 1000.

— **Можете ли вы рассказать о процедуре проведения закрытых заседаний Конституционного суда? И какое из них было самым длительным?**

— Это совещания, в рамках которых происходит выработка решений. Они проходят в режиме тайны совещательной комнаты. Есть регламент, но большой специфичной процедуры нет.

Самое длительное заседание было не при мне. Это было рассмотрение «по делу КПСС», оно длилось несколько месяцев. На втором месте по длительности было заседание по Чернобылю, это когда я уже являлся судьей Конституционного суда. Три дня у нас длилось публичное заседание, а само совещание — более двух месяцев. Но такая длительность не означает, что мы ежедневно заседаем

по одному и тому же делу. Сегодня обсудили проект, сделали замечания, предложения — на их основе подготовили новый проект, который может готовиться, условно говоря, неделю. После этого следующее заседание, потом опять переработка, доработка проекта. И вот так бывает несколько, до 4–5 проектов.

— **Каждый судья направляет свое мнение письменно?**

— Не обязательно в письменной, возможно в устной форме в рамках совещания по проекту, на этой основе пытаемся найти компромисс между несовпадающими мнениями. Бывает, что удается кого-то переубедить тем, что есть более весомые аргументы в пользу другого подхода. «Умнеть никогда не поздно» — это слова бывшего председателя КС Марата Викторовича Баглая. То есть нельзя считать, что твое достоинство будет сохранено только в том случае, если ты не откажешься от своей позиции, наоборот. Ну а если все же остаются противоречия, то тогда судья может написать свое особое мнение или мнение по этому делу.

— **Об особых мнениях судей. Простой вопрос: что делать с «особым мнением» судьи человеку, который увидел его в решении по своему делу? Если это мнение появилось в постановлении, можно ли апеллировать к нему в суде, оспаривая решение по своему делу? И что делать, если особое мнение появилось в отказе КС РФ о принятии жалобы. Чем оно может помочь?**

— Поставленные вопросы, касающиеся процессуального значения особых мнений (мнений) судей КС РФ, являются во многом риторическими, поскольку ответы на них вполне определенно и недвусмысленно даны непосредственно в ФКЗ «О Конституционном суде РФ» и в отраслевом процессуальном законодательстве. Особое мнение судьи КС РФ, разумеется, не ставит под сомнение юридическую силу решения КС РФ, в том числе применительно к пересмотру конкретного дела заявителя в суде. Вместе с тем, в зависимости от характера выраженного судьей КС РФ мнения, оно может позволить как правоприменительным, так и законода-

тельными органам лучше понять логику принятого КС РФ решения, найти наиболее взвешенный подход к его реализации.

В целом мнение или особое мнение судьи КС РФ является одним из важных проявлений самостоятельности, независимости судьи, равенства судей в отстаивании своей позиции, служит целям демократической дискуссии по сложнейшим вопросам конституционно-правовой жизни. Особое мнение судьи КС РФ может позволить в будущем, на следующем этапе развития, более глубоко и всесторонне посмотреть на ранее выработанную КС РФ правовую позицию. В этом плане мнение по итогам отказного определения может иметь вполне позитивное значение, в особенности для законодателя (если в мнении затрагивается, в частности, проблема совершенствования законодательства по соответствующему вопросу).

Ну а что касается ссылок на особое мнение судьи во время судебного заседания... что ж, если, например, адвокат умный, грамотный — может и попытаться, почему нет. Это не запрещено. Другое дело, что такое «использование» особого мнения для суда, рассматривающего дело, например, в порядке его пересмотра, не имеет юридического значения.

— Хотелось бы услышать ваше мнение относительно, может быть, самого важного вопроса — сокращения общего состава судей КС. Как этот факт соотносится с ч. 1 ст. 125 Конституции?

— Поставленный вопрос требует оценки нормы ФКЗ о КС РФ (в новой редакции) на соответствие Конституции. Между тем данный вопрос, не исключено, может стать предметом рассмотрения в КС РФ, и я, как судья КС, РФ, не вправе высказывать свою позицию по такого рода вопросам.

— Как вы считаете, какое место в жизни нашей страны сейчас занимает День Конституции?

— Убежден, что День Конституции должен быть одним из важнейших праздников национально-государственного харак-

тера и масштаба. Почему я использовал повелительную форму «должен быть»? Прежде всего потому, что мы не используем все потенциальные возможности своего, отечественного конституционализма, чтобы день принятия действующей Конституции — 12 декабря — действительно стал и воспринимался бы не только на профессионально-юридическом уровне, но и в массовом общественном сознании в качестве именно такой даты. В частности, так и не смог привыкнуть и смириться с тем, что этот празднично-выходной день в свое время (в 2005 году) был использован для увеличения новогодних (рождественских) каникул.

Очевидно, что День Конституции — это особый праздник, символ отечественной государственности, хороший повод для граждан страны обратиться к этому документу как к своего рода паспорту своего государства, к зеркалу социокультурных и иных основополагающих характеристик общества, к своду прав и свобод человека и гражданина! Именно таким образом празднично-торжественный статус и придается Дню Конституции, кстати, в абсолютном большинстве зарубежных стран, относящих себя к государствам конституционных демократий.

У нас же эта дата исключена из установленного Трудовым кодексом РФ перечня нерабочих праздничных дней и отнесена Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» к памятным датам России (наряду, например, с Днем российского студенчества — 25 января, Днем памяти и скорби — 22 июня, Днем солидарности в борьбе с терроризмом — 3 сентября и т. п.). Думается, комментарии излишни...

Очевидно, что этот день должен быть нерабочим, выходным не для того, чтобы использовать его как дополнительный (январский) момент, например, для поездки в теплые заморские страны (да и многие ли сегодня имеют такие возможности?), а для того, чтобы всей атмосферой (по-настоящему праздничной) в обществе и государстве, в городе и деревне дать каждому из нас, неза-

висимо от национальной, религиозной, профессиональной и иной принадлежности, возможность ощутить себя гражданином новой России, испытать гордость за становящуюся сильной, уважаемой во всем мире демократическую Россию.

Ведь Конституция — не только основной закон государства в формально-юридическом смысле, это реальная правовая база, основа формирования демократической правовой культуры общества, нового конституционного мировоззрения людей и, в конечном счете, так необходимой нам конституционной идеологии. В связи с этим, кстати, можно вспоминать не только зарубежный, но и давно забытый собственный опыт: например, после принятия Конституции РСФСР 1918 года во всех школах был введен, как самостоятельная учебная дисциплина, специальный предмет — «Конституция РСФСР». Вряд ли стоит сомневаться в том, что этот опыт пригодился бы нам и сейчас.

Уверен, рано или поздно День Конституции займет достойное место в качестве красной даты политико-правового календаря нашего общества, государства и каждого гражданина России. Очень хотелось бы, чтобы это случилось как можно раньше...



«Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире?¹

Постановка вопроса о «вечности», неизменности конституционных идеалов и соответствующих им положений Основного Закона — при всей кажущейся абстрактности, отвлеченности проблемы от реалий правовой жизни — предполагает анализ не только доктринально-познавательных начал, но и вполне конкретное практико-прикладное значение, имея в виду интерес как законодателя, так и, в особенности, конституционного правосудия к вопросам, касающимся степени, пределов неизменности, «вечности» тех или иных конституционных идеалов, а стало быть, и каких-то

¹ Авторская статья с одноименным названием опубликована в журнале: Государство и право. 2020. №6. С. 20–34.

конкретных положений действующей конституции как основного закона современного государства¹.

Применительно к России актуальность соответствующей проблематики очевидна еще и в связи с особенностями нынешнего этапа конституционно-правового развития страны; очевидно, что конституционные преобразования 2020 года предполагают необходимость качественно нового уровня осмысления проблем развития Конституции, ее стабильности и динамизма, в том числе в соотношении с неизменностью «вечных», фундаментальных конституционных идеалов. Этот тренд усиливается еще и тем обстоятельством, что при всей количественной множественности и содержательном разнообразии конституционных изменений 2020 года, изначально, на старте конституционной реформы (имея в виду прежде всего Послание Президента РФ от 15 января 2020 года), было подтверждено, что «потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, права и свободы человека... ещё многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества»². Одновременно это является методологическим ключом для понимания нынешних конституционных преобразований как перехода от политических иллюзий 90-х годов XX века к юридическому реализму при сохранении тех фундаментальных («вечных») конституционных идеалов, которые изначально были заложены в действующей Конституции РФ.

¹ В этом плане, имея в виду практико-прикладные аспекты, уместно вспомнить, что в свое время в рамках традиционного Диалога судей высших судов России и Германии, на состоявшемся в Санкт-Петербурге (18–21 апреля 2018 г.) Форуме, одной из основных дискуссионных тем была проблема неизменных, вечных конституционных идеалов и принципов, в частности, в свете практики органов конституционного правосудия. Некоторые авторские идеи, высказанные на этом Форуме, представлены в настоящей статье.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ (Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>, дата обращения 30.01.2020 г.).

Но являются ли они в буквальном смысле неизменными и тем более — «вечными», в том числе с учетом нормативно-правовой динамики не пользующихся повышенной защитой других структурных частей Конституции, в том числе имея в виду их глубокие системные взаимосвязи в рамках Основного Закона как единого политико-правового документа? Если «да», то каковы правовые гарантии такой неизменности? Достаточны ли они?

1. Не все «вечное» — неизменно

Не вызывает сомнений, что сама постановка вопроса о «вечных», неизменных конституционных идеалах, ценностях подразумевает, прежде всего, уяснение глубинных философско-правовых, мировоззренческих начал современного конституционализма, которые имеют многовековую историю своего становления и развития, но на формально-юридическом уровне получили признание в качестве таковых только в правовых документах новой, конституционной, эпохи. В современном же восприятии соответствующих идей и конституционных идеалов, в той или иной мере получающих фиксацию и реализацию в практике государственного строительства, это уже более прагматичные сопоставительные оценки закрепленных в конкретных конституционных нормах и институтах идеалов государственно-правового развития, принципов и высших ценностей, анализ внутренних закономерностей развития соответствующих явлений в их временном и пространственном измерении, имея в виду не только формально-юридическую текстовую стабильность (хотя бы относительную), но и нормативно-правовую способность реагировать на изменение социальной действительности, динамизм, неизбежную эластичность «вечных» конституционных начал, их определенную отзывчивость на запросы не только правового характера.

В то же время динамизм «вечных» конституционных норм не может приводить к выхолащиванию их нормативного ядра, отрицанию самого существа обозначенных идеалов. В этом плане «веч-

ность» в сфере конституционно-правовой жизни отнюдь не тождественна понятию «неизменность», что подтверждается в том числе и практикой современного конституционализма. Не случайно во многом именно в данном контексте получила обоснование концепция «неизменных положений» конституции в соотношении с проблемой недопустимости «неконституционных» изменений конституции¹.

Очевидно, что под «вечностью» в данном случае понимается не абсолютная пространственно-временная неизменная бесконечность в координатах многовековой конституционной истории человеческой цивилизации; это лишь, своего рода, «дискреционная вечность» существования того или иного правового явления (идеала, принципа, ценности) в текущем, ограниченном во времени их восприятии поколением современников, для которых в качестве (и в измерении) «вечности» воспринимается, прежде всего, «своя жизнь», жизнь современников твоего поколения, стремящаяся к бесконечности, но имеющая безусловные временные пределы. Это тем более важно учитывать, если иметь в виду, что конституционные идеалы и ценности обладают, наряду с нормативно-правовым содержанием, высоким уровнем концентрации — всегда так было, есть и будет — политико-идеологических, нравственно-этических, социокультурных начал конкретно-исторического характера². В этом смысле оценка «вечных» конституционных идеалов имеет не только правовое, но и социально-политическое, историческое

¹ См.: Preuss U. K. The Implications of «Eternity Clauses»: The German Experience // Israel Law Review. 2011. Vol. 44. №3. P. 429–448; Jaclyn L. Neo. Should constitutional principles be eternal? (Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/opinion/should-constitutional-principles-be-eternal>; дата последнего обращения — 13.03.2020 г.); Roznai Y. Unconstitutional Constitutional Amendments — The Limits of Amendment Powers // Oxford University Press. 2017 (Part II, Ch. 4, 5); Якобсон Г. Дж. Неконституционная конституция? Сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. №4 (57). С. 145–161.

² Не случайно доктринальные классификации «вечных» конституционных идеалов и ценностей предусматривают, в том числе, ценности социокультурной и политико-идеологической направленности, универсальные и национально-специфичные и т. п.

измерение, которое является весьма подвижным, ситуационным. Поэтому нельзя не согласиться с древней мудростью, что «все настоящее — мгновение вечности» (Марк Аврелий); соответственно, и сама по себе «вечность» конституционных идеалов, в частности с точки зрения нормативно-правовых и иных координат времени (включая время «жизни» конституционных идей), не бесконечна, по крайней мере, с точки зрения дискретности самой жизни, в том числе в правовых формах ее осуществления.

В этом отношении представляется важным хотя бы на уровне самого общего, во многом иррационального мировосприятия обратить внимание на те конституционно значимые аспекты метафизических категорий «неизменность», «вечность», «бесконечность», которые могут соотноситься с пространственно-временными характеристиками явлений социальной действительности как объектов конституционного воздействия и, более того, как бы определять (а в чем-то, возможно, и предопределять) непрерывность, бесконечность конституционно значимой действительности.

Следует, прежде всего, учитывать, что конституционные идеалы могут соотноситься с характеристиками «вечных» и, стало быть, неизменных явлений лишь постольку, поскольку они в данную историческую эпоху сохраняют свою актуальность в сущностном социально-политическом контексте, а также в формально-юридическом, нравственно-этическом воздействии на реальные отношения и не превращаются в некие пережитки прошлого, остаются значимыми для нового поколения современников. Но это не означает, что соответствующие явления, определяемые с помощью данных понятий, остаются неподвижными, неизменными, не претерпевают то ли внутреннее, то ли подталкиваемое извне (прежде всего, политическими факторами) развитие.

Уже поэтому рассмотрение вопросов, связанных с фундаментальными конституционными началами, объективно связано с необходимостью уяснения факторов их динамизма, поскольку все, что существует в социальной действительности, находится в раз-

витии и уже в этом смысле имеет переходящий характер, временное измерение.

В этом плане специфическое, не только формально-юридическое, но и социально-политическое, социокультурное значение приобретает учет контекста реализации, охраны и, в особенности, развития неизменных (фундаментальных) конституционных идеалов, причем как на законодательном уровне, так и в практике конституционного правосудия. В частности, в конституционном правосудии находят отражение нормативно-доктринальные начала преобразовательного воздействия на современное общество и государство с позиций гарантирования верховенства Конституции и реализации на этой основе конституционных идеалов, имея в виду, что они (при всей их, казалось бы, метафизичности) имеют вполне осязаемые юридические формы бытия.

Речь идет о том, что конституционные идеалы — не только доктринально-гносеологическая категория, но, получая признание в Конституции, они приобретают также свойства категории действующего права. Своего рода, метаюридическим эквивалентом конституционных идеалов являются получающие закрепление в Основном Законе основы (начала), программные положения, аксиомы, презумпции, наконец, это — что особенно важно — конституционные принципы и ценности. При всех очевидных различиях и специфике каждой из этих категорий их причастность к конституционным идеалам придает им и некие общие характеристики: во-первых, все они являются нормативными величинами наиболее высокого, абстрактно-обобщенного уровня; во-вторых, соответствующие категории, в которых воплощаются конституционные идеалы, имеют не только юридическое, высшее нормативно-правовое значение, но они содержат также политические начала, являются политико-правовыми величинами; в-третьих, высокий удельный вес политических начал характерен и для процесса, механизмов реализации конституционных идеалов, что подтвердилось в том числе в ходе конституционной реформы 2020 года;

в-четвертых, конституционные идеалы и соответствующие им категориальные формы юридического закрепления в Основном Законе воплощают в себе единство нормативных и доктринальных начал. Все эти и другие уникальные, метаюридические характеристики придают динамизм реализуемым на практике «вечным» конституционным идеалам как категории действующего права. В Конституции РФ в концентрированном виде они закрепляются в Преамбуле, а также в 1 и 2 главах и в этом качестве выполняют особые, прежде всего гарантийно-охранительные, а также — что особенно важно применительно к конституционному законотворчеству и к деятельности Конституционного Суда РФ (в дальнейшем — КС РФ) — аксиологические функции; это получило свое подтверждение и, своего рода, легальное, конституционно-судебное обоснование в Заключении КС РФ от 16 марта 2020 г. №1-3 о соответствии Закона РФ о поправке к Конституции РФ положениям глав 1,2 и 9 Конституции РФ¹.

Важно при этом учитывать, что восприятие конституционных идеалов в качестве «вечных», неизменных — безотносительно к анализу всего многообразия их конкретных содержательных характеристик — во многом связано с исторической преемственностью философско-правового понимания сущностных характеристик не только отдельных институтов конституционно-правовой действительности, но и самой по себе конституции как уникального явления современной цивилизации, которая является политико-правовым актом со своими особыми свойствами, позволяющими переводить на язык действующего права, правовой идеологии и реальной политики многовековые идеалы личности, общества, государства.

¹ Попутно отметим, что судебная практика проверки конституционных поправок, в частности в контексте их соответствия неизменным положениям основного закона, различна, оценивается также по-разному. См., напр.: Троицкая А. А. Конституционный Суд и проверка поправок к Конституции: как распахнуть приоткрытую дверь // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №2 (111). С. 98–106.

2. Конституция как формально-юридический идеал «правовой вечности»

При всем многообразии возможных подходов к обоснованию категории фундаментальных («вечных») конституционных идеалов следует признать, что концентрированным выражением и одновременно — исходной правовой моделью таких идеалов является... сама конституция; именно она служит политико-правовым эталоном, ориентиром и одновременно — мерой власти и свободы, демократического обустройства общества и государства. В этом плане качества «вечности» присущи в первую очередь самой по себе конституции как уникальному явлению, имея в виду прежде всего ее политико-юридические свойства, а не букву, текстовые характеристики (пусть даже самые демократичные, если такие есть в современном мире).

«Вечность» формально-юридических свойств конституции зависит вместе с тем от предметных (содержательных) характеристик национальных конституционных идеалов (моделей) демократии, с одной стороны, и их исторической преемственности, предопределенности, степени нормативной стабильности и неизменности, с другой. Те или иные проявления эрозии, политико-правового размывания основополагающих свойств конституции — даже без изменения текста самих по себе «неприкосновенных» положений, пользующихся повышенной формально-юридической защитой, — неизбежно сказываются на устойчивости, стабильности, непротиворечивости содержательных характеристик основного закона как акта высшей юридической силы. Практика современного конституционализма свидетельствует, что увеличение удельного веса, усиление политико-идеологических, иных конъюнктурных начал в тексте конституции (независимо от их места в системе конституционных норм и институтов) неизбежно сказывается, в той или иной мере, и на «неприкосновенных» структурных частях основного закона, на его метаюридических характеристиках как акта, обладающего высшей юридической силой. Поэтому установление

четких процедур, допустимых пределов пересмотра текста конституции имеет принципиальное значение для защиты, гарантирования получивших юридическое признание в качестве неприкосновенных основ, принципов конституционного обустройства общества и государства.

Применительно к Конституции РФ 1993 г. из самого ее текста, грамматического толкования конституционно значимых понятий «поправки», «изменения» вытекает, что поправки к Конституции должны касаться конкретных вопросов, относиться к отдельным нормам и институтам конституционного права, нуждающимся в «улучшении», «исправлении»¹. Они могут приниматься, в частности, когда необходимость «исправления» текста Конституции продиктована убедительными причинами и предпосылками — как правовыми, формально-юридическими, так и политико-идеологическими (последнее тоже вполне соответствует природе и закономерностям развития Конституции как политико-правового явления). Но как быть в этом случае с фундаментальными конституционными идеями и ценностями Основного Закона? Содержат ли сами конституции, в том числе российская, внутренние механизмы обеспечения правовой и политической стабильности и неприкосновенности?

В формально-юридическом плане возможны, по крайней мере, два основных подхода к законодательному решению соответствующих вопросов, имея в виду, что само по себе выделение подобных положений в конституции предопределяет их особую значимость не только в конкретный период исторического развития (принятия) конституции, но и на неопределенное будущее с учетом правового потенциала конституции. Один из них — *предметный (материальный)*, предполагающий указание в самом тексте конституции на сферы (институты), которые составляют

¹ Понятие «править» в русском языке имеет достаточно определенный, более конкретный (по сравнению с понятиями «изменение», «развитие») смысл, означающий — «исправить», «улучшить», «выпрямить» (см.: Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо-пресс, 2000. С. 506).

суть, незыблемую основу конституционного правопорядка страны и которые не могут быть изменены путем внесения поправок в конституцию; такой подход, определяющий материальные пределы пересмотра конституции и, соответственно, защиты ее фундаментальных начал реализован, например, в Основном Законе ФРГ, конституциях Мексики, Португалии, Италии и др. Иной подход, избранный в том числе Конституцией РФ, — *структурный* — сводится к указанию на конкретные структурные части Конституции (главы, статьи), исключающие возможность внесения в них изменений. Логика такого подхода очевидна: именно в этих структурных частях Конституции (наряду с ее Преамбулой) в концентрированном виде закрепляются ее фундаментальные начала, которым «не могут противоречить» «никакие другие положения» Конституции (ее ст. 16, часть 2), хотя не исключены и другие варианты, в частности, когда текст конституции формально не содержит указания на неприкосновенные, «вечные» положения.

Вместе с тем сам по себе структурно-текстовый подход вряд ли может в полной мере гарантировать неизменность содержащихся в соответствующих главах фундаментальных конституционных положений; ведь конституция — целостный, единый акт, нормы которого находятся в системных, не только прямых, но и обратных связях. Поэтому, несмотря на то, что Конституция РФ формально устанавливает запрет на пересмотр конкретных глав (ч. 1 ст. 135), очевидно, что такой запрет необходимо оценивать и в аспекте предметного содержания этих глав, в частности с учетом нормативных характеристик институтов конституционного строя, прав человека и гражданина, равно как и принимая во внимание не упомянутую в ч. 1 ст. 135 Конституции ее Преамбулу¹. По той же причине вряд ли можно признать убедительными высказывавшиеся — как ранее, так и во время обсуждения конституционных

¹ Заслуживает поддержки подход, выработанный в ходе обсуждения поправок к Конституции 2020 г., что Преамбула Конституции РФ не только по своему политико-идеологическому, но и нормативному значению не должна подвергаться изменениям в обычном порядке, наряду с главами 3–8 Конституции РФ.

поправок 2020 года — предложения преодолеть установленный ч. 1 ст. 135 Конституции запрет на внесение поправок весьма специфичным способом, а именно: включить в Конституцию дополнительные главы-«прим» как, своего рода, «продолжение» неприкосновенных первых двух глав¹. Однако, даже само название таких «дополнительных» глав (например, о гражданском обществе) свидетельствует, что вторжение в институты конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина было бы в этом случае неизбежным; ведь гражданское общество и есть материальное выражение основополагающих институтов конституционного строя.

При этом в связи с анализом признаваемых Конституцией фундаментальных начал важно учитывать, что эти характеристики проявляются сквозь призму не самих по себе конкретных норм и институтов, а прежде всего посредством юридических характеристик Конституции как целостного в своих системных характеристиках, уникального политико-правового явления. Благодаря им, в особенности учредительной природе Конституции, обеспечивается статусная (конституционная) идентификация личности, общества и государства, легитимация национальных представлений (идеалов) о власти и свободе и на этой основе реализуется потенциал непрерывного (во времени и пространстве) влияния Конституции на основные сферы социально-правовой действительности.

Принципиальная важность соответствующих свойств — с точки зрения «вечности», «неизменности» самой Конституции — находит подтверждение в ее конкретных юридических характеристиках, как-то: верховенство Конституции, что предполагает неизменность, незыблемость ее особого места и значения как исходного и главенствующего источника национального законодательства; непрерывные, своего рода, трансцендентные начала высшей юридической силы и прямого действия Конституции, что предпо-

¹ См.: Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: Грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. №1. С. 31–44; Румянцев О. Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Журнал конституционного правосудия. 2014. №2. С. 10–21.

лагает ее уникальную системообразующую роль, обеспечение на основе Конституции правовой иерархии и одновременно — признание ее юридической самоценности, действительности независимо от степени конкретизации в текущем законодательстве; наконец, очевидной является фундаментальность учредительных свойств Конституции, значение которых как «вечных», неизменных связана, в конечном счете, с самим назначением данного правового акта, утверждением и формированием на основе Конституции суверенной системы национальной государственности.

Благодаря стабильности, неизменности указанных свойств Конституции и их наличию независимо от содержательных достоинств и недостатков конкретных конституционных положений обеспечивается устойчивость, стабильность государственно-правовой системы в целом, т. е. сами юридические качества Конституции выполняют, своего рода, гарантирующие, охранительные функции. Соответствующие уникальные юридические свойства во многом должны влиять и на процедуры, равно как и пределы возможных поправок; в частности, концептуальное обоснование конституционных поправок должно ориентироваться на их социально-политическую и юридическую обоснованность, неизбежность, а не на то, что, по мнению тех или иных специалистов или представителей гражданского общества, неожиданно окажется, что «в ней есть много такого, что можно было бы подправить»¹. При таком подходе это было бы уже не внесение концептуально обоснованных поправок, а некое литературно-вкусовое «улучшение» текста Конституции, его «редактирование», «дополнение» теми или иными положениями, отражающими интересы и ожидания отдельных социальных, профессиональных, конфессиональных, иных групп населения, что, кроме прочего, могло бы привести к размыванию нормативного содержания конституционных норм и институтов, находящихся под повышенной правовой защитой.

¹ Именно такое мнение высказал один из сопредседателей Рабочей группы по подготовке поправок к Конституции РФ (см.: Коммерсант. 2020. 10 февраля. №23/П).

К тому же важно учитывать, что стабильность Конституции, в том числе ее фундаментальных положений и юридических свойств, сочетается с потенциалом ее динамизма, развития; социокультурный динамизм относится в этом плане к ключевым факторам устойчивости конституционных норм с точки зрения неизменности прежде всего их так называемого ядрового текстового содержания. Более того, незыблемые положения основ конституционного строя, прав человека и гражданина оказывают существенное влияние в том числе на сферу, пределы дискреции законодателя в части конституционных поправок¹. Соблюдение своего рода «иерархичности» в процессе изменений текста Конституции можно рассматривать, как свидетельствуют в частности и зарубежные исследования², в качестве некоего критерия конституционности таких изменений: ведь они (эти поправки) не должны не только формально, структурно вторгаться в содержание соответствующих глав, но недопустимо их предметно-материальное противоречие с теми базовыми, неизменными ценностными ориентирами и принципами, которые конституционный законодатель поместил в «неприкосновенные» главы. В соответствии с этими подходами должно анализироваться нормативное значение соответствующих положений, воплощающих фундаментальные конституционные идеалы и ценности государств, их правовых систем.

¹ Эта идея перекликается с так называемой доктриной Basic Structure Doctrine, основным тезисом которой является ограниченность компетенции парламента страны по изменению определенных конституционных норм и правил. См. об этом: Calvin Liang and Sarah Shi. The Constitution of Our Constitution: A Vindication of the Basic Structure Doctrine // Singapore Law Gazette (August 2014).

² См.: Dainius Žalimas. Hierarchy of Constitutional Principles as Criteria of Constitutionality of Constitutional Amendments // Presentation to the XVII-th Congress of the Conference of the European Constitutional Courts «Role of the Constitutional Courts in Upholding and Applying the Constitutional Principles». Режим доступа (https://www.lrkt.lt/data/public/uploads/2017/09/hierarchy-of-constitutional-principles-as-criteria-of-amendments_batumi2017.pdf). Дата последнего обращения — 30.01.2020 г.

Особую актуальность приобретают проблемы правового обеспечения незыблемости фундаментальных аксиологических характеристик конституции в условиях новых вызовов праву, кризиса современного конституционализма. Возможно, не в последнюю очередь по этой причине и российская конституционная реформа 2020 года была задумана с ориентацией на решительное социокультурное развитие Конституции — в своей основе, в русле выработанных по этим вопросам правовых позиций КС РФ — при бережном отношении к незыблемым основам конституционного строя, правам человека и гражданина, хотя нельзя не признать, что конституционные ответы на такого рода вызовы не могут не соприкасаться с «вечными» идеалами государственного устройства.

3. Современные вызовы праву — угроза фундаментальным началам конституционализма: глобализация или суверенизация?

Право как уникальное явление цивилизации воплощает в себе, говоря языком И. Канта, «самое святое, что есть у Бога на земле». Сегодня, однако, его «святость» проходит серьезные испытания в виде новых, невиданных ранее вызовов. Одновременно это и угрозы фундаментальным началам современного конституционализма и, в конечном счете, всей современной цивилизации права¹. Динамика социально-правовой жизни такова, что происходящие в ней перемены остро актуализируют проблемы бытия права сквозь призму «присутствия» в нем неюридических (социокультурных, нравственно-этических, конфессиональных и т. п.) факторов и явлений. В итоге на первый план выходит вопрос о «над-юридических» началах права, глубинных предпосылках перемен в современной правовой жизни, их влиянии на базисные основы современного конституционализма.

¹ См. об этом: Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015; Зорькин В. Д. Право против хаоса. Изд-е 2-е. М.: Норма, 2018.

Для уяснения этих проблем важное значение имеет осознание того, факта, что в основе сегодняшних вызовов лежит не политико-идеологическая борьба в классических формах ее проявления, характерных для XX века, а социокультурное противостояние цивилизаций и их конституционно-правовых систем. Фактически речь идет о новой транснациональной идеологии, которая трансформируется в борьбу цивилизаций, включая противостояние национально-этнических, религиозно-конфессиональных идей и конкуренцию конституционных ценностей, национальных и наднациональных юрисдикций, а в конечном счете — противостояние конституционных моделей мироустройства в условиях глобализации. Одним словом, социокультурное противостояние в современном мире неизбежно проявляется (и не может не проявляться!) в том числе на конституционном уровне; это тем более актуально в условиях глубокого кризиса современного международного права, его неспособности быть эффективным инструментом формирования нового миропорядка в эпоху глобальных перемен. В этих условиях опережающее развитие национальных конституционных институтов в соотношении с нормами и принципами международного права приобретает во многом закономерный характер; это в полной мере проявилось и в поправках 2020 года к Конституции РФ, где содержится немало принципиально важных положений международно-правовой, социокультурной ориентации.

Вместе с тем отнюдь не надуманным является в нынешних условиях вопрос о том, действительно ли глобализация, социокультурное противостояние цивилизаций способны оказать столь серьезное влияние на современную правовую жизнь, чтобы это могло предопределить необходимость (и, возможно, неизбежность) пересмотра фундаментальных основ современного конституционализма, изменить значение национальных конституций и признаваемых ими конституционных ценностей?

При поиске ответов на эти вопросы важно уяснить, какой смысл вкладывается в социокультурное цивилизационное противостояние и в само понятие правовой глобализации? Каково се-

годня реальное, а не декларативное отношение к этим явлениям на Западе? Показательной является в этом отношении позиция США, выраженная в словах ее нынешнего Президента: «Мы отвергаем теорию глобализма и верим в доктрину патриотизма... По всему миру ответственные страны должны противостоять угрозам суверенитету не только со стороны глобальных правительств, но также и иным новым формам соправительства и доминирования»¹. Глобализму, таким образом, жестко противопоставлены идеи государственного суверенитета и патриотизма.

В конституционно-правовом измерении это предполагает, что в условиях необъявленной войны социокультурных цивилизаций значение конституций, получающих в них закрепление национальных ценностей, высших государственных интересов не только не ослабевает, а, напротив, возрастает; более того, сами глобализационные процессы могут и должны рассматриваться, как нам на этот раз не без оснований напомнили из-за океана, сквозь призму не приоритета норм международного права над конституцией (а для США — и над национальным законодательством), а в соответствии с конституционным требованием государственного суверенитета. В этих подходах, провозглашающих антиглобализм, национальный патриотизм в качестве государственной политики (что особенно остро проявилось в последнее время, в том числе в связи с глобальными проблемами пандемии, энергетического, финансово-экономического кризиса и т. п.) — проявление нового взгляда не только на расстановку приоритетов в соотношении универсальных (всеобщих) и национально-специфических начал в конституционном регулировании, но и на степень императивности норм международного права в их соотношении с национальными конституциями в современном миропорядке.

При этом важно учитывать, что признание безусловной ценности суверенитета как основы современного миропорядка актуализирует проблему конкуренции конституционных ценностей,

¹ URL: <https://ria.ru/world/20180925/1529327692.html> (выступление Д. Трампа на Генеральной ассамблее ООН 25.09. 2018 г.).

лежащих в основе современных процессов глобализации. В частности, игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести (и приводит) в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии, в основе которой — «юрисдикция силы», а не сила права, не конвергенция, сближение правовых систем, как нам еще недавно казалось. Правоглобализация, сопровождающаяся взаимным переплетением, диффузией внутригосударственных и международных кризисов, конфликтов, противоречий, равно как и взаимопроникновением современных технологических, экологических, эпидемических процессов, вплоть до пандемий, напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные ориентиры их развития и защиты.

Одновременно важно учитывать, что получающие все более противоречивые формы своего проявления процессы социальной, правовой глобализации ведут не к усилению взаимопонимания, преодолению различий, усилению режима равноправия, а к расслоению, углублению пропасти неравенства как во внутригосударственном плане, так и на международном уровне, в юрисдикционной сфере, где противопоставление наднациональных юрисдикционных механизмов с их политизированными двойными стандартами национальным конституционным требованиям по защите прав человека и гражданина приобрело особую остроту.

С этой проблемой, которую можно сформулировать как *глобальный дефицит конституционного равенства*, связаны сегодня, пожалуй, наиболее острые противоречия, представляющие наибольшую угрозу для права и напрямую затрагивающие сущностные начала современного конституционализма. Для осознания этого обстоятельства важно уяснение самой природы конституционного равенства, его глубинных характеристик не только как принципа, исходного основания всей системы правового регулирования, особого правового режима, основанного на требованиях справедливости, достоинства личности, но и как такой всеобъем-

лющей категории, в которой воплощаются сущностные характеристики права как равной для всех меры свободы. Соответственно, дефицит конституционного равенства как глобальный вызов современной правовой жизни способен деформировать не только любую национальную систему законодательства и сферу правоприменения, но и саму природу права, поставить под вопрос его регулятивные возможности.

Что же касается самого по себе кризиса конституционного равенства, то он имеет, в своей основе, внеправовые, метаюридические корни. Речь идет, прежде всего, о приобретающем все более угрожающие масштабы социальном расслоении, нарастающем разрыве между богатыми и бедными странами, регионами, национально-этническими, социально-демографическими, профессиональными, иными группами населения. Острота проблем бедности, социального расслоения, усиливающегося социального неравенства и углубления политической дифференциации современного плюралистического общества, что угрожает самим основам социальной и политической стабильности демократического развития современных государств, — один из важнейших показателей системного кризиса современного конституционализма. Углубление социального расслоения и конституционного неравенства — прямой путь к социальным потрясениям и революциям. При этом очевидна эрозия традиционных, классических представлений о ценностях современного конституционализма, которая затронула все пласты содержательных характеристик института конституционного равенства: нормативно-правовые, нравственно-этические, социально-экономические, национально-этнические, демографические, пространственно-территориальные, религиозно-конфессиональные.

Преодолению этих тенденций в какой-то мере должны способствовать социально-ориентированные поправки к Конституции, которые имеют целью, надо это учитывать, не закрепление новых социальных прав, а они конкретизируют механизмы решения определенных статьей 7 Конституции задач по созданию условий,

обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. На это направлены, в частности, новые положения о создании условий для повышения благосостояния граждан, обеспечении взаимного доверия государства и общества, сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1), о системе пенсионного обеспечения граждан, функционирующей на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (ч. 6 ст. 75), адресной социальной поддержке граждан и индексации социальных пособий и иных социальных выплат (ч. 7 ст. 75) и т. п.

С проблемой дефицита конституционного равенства напрямую связан и другой вызов фундаментальным началам современного конституционализма; речь идет о *деформации социокультурных начал в праве, отрыве системы нормативно-правового регулирования от нравственно-этических основ*.

Сегодня очевидны попытки придать праву значение одного из основных орудий не взаимодействия и сотрудничества, а санкционно-конфронтационного противоборства, социокультурного противостояния. В этих условиях, по существу, наблюдается новая волна политизации права, ее, своего рода, «культурно-идеологическая» политизация, когда в качестве неких общих, универсальных правовых стандартов и принципов выдвигаются представления о праве, конституционализме, свойственные одной конкретной культурно-правовой традиции. Как одна из реакций на эти процессы — непропорциональное усиление в отдельных странах, регионах современного мира религиозных, этнонациональных, иных геополитических факторов правового регулирования. На этой основе — противоречивые процессы активной секуляризации законодательства в западных демократиях, с одной стороны, и столь же активная клерикализация права и конституций в других регионах мира, с другой. Очевидно, одна из этих крайностей превращает право и закон в оторванную от реальных условий жизни, от важных для нее неправовых нормативов формальность,

а вторая способна опрокинуть верховенство права и конституции в соотношении с иными социальными регуляторами.

Между тем объекты конституционного воздействия по самой природе представляют собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которых человеческие поступки и действия публичной власти должны оцениваться прежде всего с позиций добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и долга, человеческого достоинства, совести и греховности, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности в сочетании с правовой императивностью. Глубинные основы духа любой конституции, претендующей на реальность, сосредоточены в ее сущностных характеристиках. Их выявление связано с погружением в противоречивую природу таких основополагающих явлений конституционной действительности как *свобода — власть — собственность* в их коллизионном триединстве. Одновременно, чем глубже культурологические, национально-исторические, нравственно-этические начала проникают в текст конституции, тем более действенным оказывается регулятивное влияние, в том числе в юридическом, нормативно-правовом отношении, соответствующих конституционных положений, имея, однако, в виду одну важную оговорку: если при этом социокультурное наполнение текста конституции не ведет к неоправданной идеологизации основного закона.

Соотношение правовых начал с системой социокультурной нормативности напрямую сказывается на представлениях о фундаментальных началах Конституции, их юридическом значении. Дефицит социокультурной нормативности неизбежно ведет к восприятию Конституции как формально-юридического, технологично-инструментального акта, а не социально-правовой, социокультурной институции упорядочения современной жизни; в основе этого лежит иллюзорное представление об Основном Законе государства как некоем самодостаточном юридическом

инструменте социальных преобразований, не обусловленном вытекающими из жизни общества его нравственными характеристиками, духовными началами. В то же время избыточность, своего рода, профицит социально-политических, социокультурных начал нормативности в системе конституционного регулирования неизбежно сказывается на характеристиках соответствующих положений Основного Закона как норм прямого действия, обладающих высшей юридической силой и пользующихся повышенной защитой. Это в полной мере касается и «вечных» конституционных идеалов, если даже соответствующая избыточность не напрямую соотносится с нормативным содержанием самих по себе институтов конституционного строя, прав человека и гражданина. Важно при этом учитывать, что обеспечение баланса формально-юридических и социокультурных начал нормативности Конституции — задача не только, а, возможно, и не столько законодателя (имея в виду сам по себе текст Основного Закона, необходимость обеспечения его стабильности), сколько интерпретационная, относящаяся к полномочиям органа конституционного правосудия. Очевидно, что содержащийся в Заключении КС РФ вывод о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» не исключает необходимости последующего интерпретационного, правотолковательного анализа соответствующих новых положений, включенных в главы 3–8 Конституции и содержащих достаточно определенные социокультурные начала, с «вечными», неизменными началами основ конституционного строя, прав человека и гражданина. Тем более это важно, учитывая, во-первых, имеющую место дискуссию, развернувшуюся по этим вопросам не только в политическом¹, но и

¹ См.: Поправки обжалованию не подлежат // Коммерсантъ. 2020. №47. 17 марта; Тогда спасали демократию, теперь — стабильность // Коммерсантъ FM. 2020. 17 марта; Чем Конституционный суд объяснил законность поправок к Основному закону // Ведомости. 2020. 16 марта; Конституция пойдет на поправку // Комсомольская правда. 2020. 20 марта и др.

научно-концептуальном плане¹; во-вторых, особую актуальность конституционно-судебное истолкование соответствующих положений будет иметь по мере появления практики реализации поправок к Конституции в их нормативном соотношении с корреспондирующими положениями глав 1 и 2 Конституции.

В связи с проблемой нравственно-этических начал права и одновременно — в контексте новых вызовов, глобальных угроз конституционализму важно обратить внимание и на такую принципиальную особенность современного развития как *цифровизация*, причем не только экономики (о чем сегодня чаще всего говорится), но практически всех сфер социально-правовой жизни. Современный век новых информационно-цифровых технологий принципиальным образом меняет правовую жизнь личности, общества и государства, порождает не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагивает сами основы человеческого бытия в современном обществе. Формирующееся информационно-цифровое пространство объективно становится качественно новой сферой правового, в том числе конституционного, влияния. Это нашло свое отражение и в поправках 2020 г. к Конституции РФ, где в пункте «м» статьи 71 теперь говорится, в том числе, об обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

Сама по себе постановка вопроса об оценке информационно-цифрового пространства сквозь призму ценностей конститу-

¹ См.: Морщакова Т. Г. Комментарий к заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года // Режим доступа: <https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zaklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.04.2020 г.); Тамаев П. Пределы дискреции конституционного законодателя, или 10 вопросов к заключению Конституционного суда // Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2020/03/17/predely_diskreicii_konstitucionnogo_zakonodatelya_ili_10_voprosov_k_zaklyucheniyu_konstitucionnogo_su (дата обращения: 01.04.2020 г.); Конституционная реформа 2020: первые вопросы к эскизу // Режим доступа: https://ilpp.ru/comment/adj_poslaniye (дата обращения: 01.04.2020 г.).

ционализма — это, с одной стороны, конституционализация информационно-цифрового пространства и, с другой, цифровизация самого по себе конституционного пространства. Сама сущность цифрового общества предопределяется не только его технологическими характеристиками, но, оставаясь под влиянием социальных регуляторов, она порождает новые, конституционно значимые проблемы, равно как и актуализирует традиционные. С этим неизбежно связано появление новых социальных коллизий, противоречий, технологических неравенств, усиливаются риски злоупотребления правами, появление которых связано с информационной цифровизацией статуса личности, и т. д. Все это требует нормативно-доктринального, в том числе конституционного, осмысления и последующего правового воздействия — как правоохранительного, запретительного, так и регулятивного, предоставительно-обязывающего плана¹. Важность конституционной оценки современных технологий в правовой жизни предопределена объективно присущей их социальной противоречивостью; пути решения этих проблем следует искать на основе последовательной приверженности ценностям конституционализма, его фундаментальным идеалам свободы и справедливости, всемерной охраны достоинства личности.

Исследование духовных начал Конституции в меняющемся, в том числе цифровом, мире предполагает использование весьма тонкого методологического инструментария как средства достижения не только научно аргументированных знаний о глубинных социально-правовых характеристиках этого явления, но и особого психологического восприятия данного документа, его сакральных характеристик на основе веры в истинность, социальную и правовую ценность закрепленных в конституции положений.

¹ См.: Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. №11. С. 25–42.

Это, однако, может по-разному проявляться — в том числе на уровне веры и основанного на ней доверия к конституционным идеям и идеалам — в различных, исторически сформировавшихся правовых системах.

4. Конституционные идеалы на развилке современных правовых систем: экономический прагматизм или социальная справедливость?

Высокий удельный вес социокультурного, мировоззренческого наполнения фундаментальных идеалов конституционализма подтверждает тот очевидный факт, что при наличии общих представлений о конституционных идеалах, в том числе футуристического плана, имеют место серьезные различия как в их доктринальном, философско-правовом понимании, так и в практических подходах к реализации. Речь идет прежде всего о различиях по этим вопросам в англосаксонской и романо-германской (континентальной) правовых системах.

Не касаясь исторического правогенеза, включая историю выбора Россией континентально-европейского пути правового развития,¹ важно учитывать в данном случае воспринятый от римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, концентрации в ней нравственно-этических начал. Это не случайно: нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходном, генетическом плане «переведены», трансформированы с языка греческой философии в координаты точных юридических формулировок римского права; в дальнейшем эти процессы получили мощные

¹ На этот счет существуют, как известно, различные мнения и оценки. См., напр.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988; Раймон Л. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 2-е изд. М., 2009; Синюков В. Н. Российская правовая система. 2-е изд. М.: Норма, 2012; Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. 2-е изд. М., 2009.

философско-мировоззренческого, методологического обоснования посредством активного влияния на континентальное право (в особенности — конституционного) классической немецкой философии.

В этом плане естественным выглядит то обстоятельство, что историческими особенностями формирования правовых систем во многом предопределяются их глубинные мировоззренческие особенности, имея в виду в том числе ценностные характеристики, получающие юридическое оформление в виде фундаментальных конституционных начал соответствующих правовых систем. Это получило свое подтверждение — в том числе в плане неизменности, «вечности» конституционных идей — на уровне как институтов публичной власти, так и субъективно-личностных начал современной правовой жизни, защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом, как это не покажется неожиданным, *публично-правовые идеалы, ценности власти* более подвижны, в большей степени подвержены изменениям, развитию, трансформации (в особенности под влиянием политико-идеологических факторов), чем *конституционные идеалы свободы*, основополагающими, системообразующими среди которых являются во многом ориентирующиеся не только на юридические нормативы идеи достоинства личности, справедливости, равенства, и чем во многом предопределяется специфика механизмов гармонизации публичных и личных интересов, разрешения противоречий между публичной властью и индивидуальной свободой в условиях различных правовых систем.

Подвижность, динамизм конституционных идеалов власти, в том числе в их подчиненном соотношении с ценностями свободы личности, прав человека, получает свое подтверждение и в ходе российской конституционной реформы, когда проблемы организации и функционирования публичной власти в наибольшей степени были подвергнуты реформированию, определив основное содержание конституционных поправок. Не случайным является в этом плане и само наименование Закона РФ о поправке к Кон-

ституции РФ как Закона «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; этим подчеркивается тот факт, что все содержащиеся в данном Законе поправки к Конституции, включая социальную тематику, напрямую связаны с теми или иными вопросами совершенствования организации и деятельности институтов публичной власти на различных уровнях их функционирования (федеральном, региональном, муниципальном). Но при всей важности проблем власти, включая перераспределение полномочий между высшими органами государственной власти, поиск баланса в процессе их функционирования, очевидно, что решение этих вопросов не является самоцелью.

Одновременно важно учитывать, что при наличии глубоких национальных, исторических, философско-мировоззренческих различий между современными правовыми системами они не могут не иметь неких общих ориентиров функционирования. В конечном счете, эти ориентиры и идеалы связаны с взаимоотношениями власти и свободы, государства и личности, а своего рода общим знаменателем и одновременно — ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений является универсальная *категория общего блага*. В основе понимания общего блага лежат подходы, связанные с поиском баланса ценностей власти и свободы, публичных и частных интересов, имея в виду, что в конституционно-правовом плане категория общего блага, с одной стороны, воплощает аксиологические ориентиры поиска фундаментальных начал современного конституционализма, а, с другой стороны, именно в этой категории проявляются принципиальные философско-мировоззренческие различия в подходах континентально-европейской и англо-саксонской правовых систем к фундаментальным началам конституционализма.

В обозначенном аспекте допустимо говорить о двух основных подходах, которые по-разному определяют ценностные ориентиры взаимоотношений власти и свободы, в том числе — при поиске баланса публичных и частных интересов и ориентации на этой

основе к достижению общего блага. Это — утилитаризм (экономическая полезность) и социальная справедливость¹.

Для англосаксонской правовой системы характерен в этом плане последовательный утилитаризм. Генетически он связан с экономическими факторами, ориентацией на материальные выгоды, финансово-экономический успех, а в основе его доктринально-юридического обоснования лежат постулаты экономической школы права, включая идеи «конституционной экономики», получившие, кстати, недостаточно критическое восприятие в нашей правовой науке². Безусловным критерием поиска баланса интересов и одновременно — ценностным ориентиром достижения общего блага выступает в этом случае экономическая полезность принимаемых решений, в том числе на законодательном уровне. Поэтому и в нормоконтрольном, практико-прикладном аспекте предлагается исходить из того, что соотносимое с конституционными требованиями «право должно искать не то, что справедливо, а то, каким образом могут быть удовлетворены все известные интересы в конкретном правоотношении»³.

Очевидно, что культивируемый в том числе на конституционно-правовом уровне экономический прагматизм во многом предопределяет западную модель общества потребления. Критерием юрисдикционного поиска баланса интересов выступает в этом случае степень (уровень) удовлетворения потребностей участников отношений; очевидно, однако, что поиск баланса интересов, основанный на экономической полезности, материальной целесообразности, неизбежно связан (по крайней мере, в конечном

¹ См. подробнее: Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003; Момотов В. В. Принцип справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков // Российское правосудие. 2017. №12. С. 16–24 (Часть 1); 2018. №1. С. 35–48 (Часть 2).

² См. об этом: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России; очерки теории и практики. М.; Норма, 2017. С. 14–24.

³ См.: Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003. С. 126–127.

счете) с уровнем удовлетворенности, (не)достаточности благ. Для оценки этой ситуации вполне уместна формула, напоминающая крылатые слова одного из политических деятелей России: «Мало много иметь; нужно еще, чтоб хватало».

Поэтому в основе правовых, в том числе конституционно-судебных, подходов поиска баланса интересов, должны лежать показатели, связанные не с координатами потребительской формулы «много-мало», а с понятием «достаточно». И, своего рода, мерой достаточности, баланса публичных и частных интересов является категория справедливости, которая выступает в этом случае одновременно конституционным критерием оценки общего блага, равно как и поиска баланса власти и свободы.

Исторически эти подходы связаны с особенностями романо-германской правовой системы, нормативное и доктринальное обоснование которой происходило на основе рецепции римского права. Нет преувеличения в том, что юридическое обоснование справедливости (как категории *aequitas*) явилось одним из главных исторических достижений античной и средневековой юриспруденции; не случайно специалистами давно отмечалось, что «ни одно из самых блестящих положений римского права не обеспечивало за ним в такой мере право на бессмертие, как его отношение к *aequitas*... Представляя собой с субъективной стороны лишь известную добродетель, *aequitas* в то же время определяло содержание норм. Право признавалось естественным, когда в нем видели нечто всеобщее, неизменно правильное и справедливое...»¹.

Нормативно-доктринальное обоснование категории социальной справедливости как критерия гармонизации отношений власти и свободы, достижения на этой основе общего блага, предполагающего пользу (включая экономическую) для всех и каждого, имеет повышенную актуальность для конституционно-судебной нормоконтрольной деятельности и интерпретационного обеспечения верховенства Конституции. Ведь Конституция сама по себе выступает концентрированным выражением метаюридических

¹ См.: Кипп Т. История источников римского права. СПб., 1908. С. 8.

начал справедливости; общее же благо необходимо рассматривать в этом случае за пределами арифметического суммирования (тем более — деления) благ для отдельных граждан, организаций, иных субъектов права. В этом находит свое отражение тот факт, что, своего рода, философско-правовой основой ориентации конституционного правосудия на общее благо как критерий гармонизации отношений между властью и свободой является концепция приоритета целого над частью. Ее истоки — в аристотелевской «Метафизике» с постулатом о том, что «целое не важнее, а больше, чем сумма частей». В последующем эта, казалось бы, внутренне противоречивая формула получила обоснование в рамках философской школы холизма, которая сегодня, как представляется, переживает ренессанс: на смену механицизму, редукционализму приходит холизм, т. е. философия целого, единого.

Национально-специфический подход России к организации и осуществлению публичной власти, ее взаимоотношениям с личностью и обществом должен, вероятно, осмысливаться во многом с позиций холистического правосознания, стремления к государственной целостности, единству общества на основе социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ), что, однако, проявляется не только посредством централизации, универсализации, но и оптимальной дифференциации в тех сферах, где это оправданно и необходимо.¹ Содержание и пределы такой централизации, универсализации и дифференциации неминуемо предполагают необходимость поиска баланса публичных и частных интересов, власти и свободы на различных уровнях их проявления, что ярко проявилось в том числе в свете поправок 2020 года: теперь наш Основной Закон ориентирован на понимание справедливости как юридической меры свободы и равенства и одновременно — социально значимого фактора кон-

¹ См.: Гусейнов А. А., Степин В. С., Смирнов А. В., Графский В. Г., Лапаева В. В., Гаджиев Г. А., Бондарь Н. С. Междисциплинарный центр философии права. Круглый стол «Пути развития философии права в России» // Российский журнал правовых исследований. 2017. №1 (10). С. 23–25.

ституционно оправданной дифференциации, адресной социальной поддержки граждан в нормативном единстве с конституционными требованиями взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан (ст. 75, ч. 6, 7; ст. 75.1).

В этих новых конституционных положениях получили реализацию в том числе правовые позиции КС РФ, предполагающие, что конституционный принцип справедливости носит комплексный, по сути всеобъемлющий характер, включает начала как дистрибутивной (распределительной), так и ретрибутивной (уравнительной) справедливости, предполагающей пропорциональность, соразмерность. В этом плане практика КС РФ демонстрирует ориентацию на выявление в соотношении с требованиями справедливости не только негативных (антидискриминационных), но и позитивных аспектов равенства, что получило обоснование в требованиях: а) равенства стартовых позиций (Постановления КС РФ от 15 мая 2006 г. №5-П, от 5 июля 2017 г. №18-П); б) справедливого равенства возможностей, имея в виду равенство прав и свобод (Постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. №8-П; от 13 мая 2014 г. №14-П); в) справедливого неравенства результатов на основе, в частности: преодоления несправедливого равенства (Постановления КС РФ от 11 июля 2017 г. №20-П, от 13 декабря 2016 г. №28-П); преодоления несправедливого неравенства (Постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. №32-П); признания и уважения заслуг перед обществом и государством (Постановление КС РФ от 15 ноября 2011 г. №24-П) и т. п. В обобщающе-статистическом плане уместно отметить, что практически в 2/3 постановлений (по состоянию на 1 января 2020 г. это — 415 постановлений из 594, принятых за соответствующий период) КС РФ использовал категорию справедливости в качестве критерия конституционности проверяемых нормативных правовых актов.

Предложенными подходами, естественно, не исчерпываются представления о неизменных конституционных идеалах и, тем более, многогранная практика их реализации, гарантирования «вечности» в сочетании с их социокультурным и нормативным динамизмом в меняющемся мире.



ГЛАВА IV

Судебный конституционализм: единство властно-юрисдикционных и доктринальных начал

*Ante
Factum
2020*

Настоящая глава, которая, как представляется, естественным образом продолжает сюжетную линию предшествующего ей повествования, вряд ли нуждается в пространном предисловии.

Выделение темы судебного конституционализма в качестве относительно самостоятельной из всей массы моих работ, опубликованных в течение двадцатилетнего периода служения Конституции и конституционному правосудию, безусловно, является свидетельством особого значения, которое я придаю доктрине судебного конституционализма. Но это не просто основной предмет моих научных исследований. Особенно важным и ценным с точки зрения авторской самооценки (но, надеюсь, не самомнения) является то обстоятельство, что судебный конституционализм представляет собой своего рода обобщающую концептуальную основу, квинтэссенцию большей части тех исследовательских подходов, которые составляют сферу моих научных интересов как судьи КС РФ.

Однако среди массы моих публикаций разных лет, посвященных обозначенной проблематике, на первом месте стоит, безусловно, монография «Судебный конституционализм: доктрина и практика», претерпевшая на сегодняшний день уже два полно-

ценных издания. В ней описано авторское видение природы судебного конституционализма как особого политико-правового режима обеспечения верховенства Конституции на основе судебных механизмов ее защиты. Во многом подготовка этой монографии стала материализацией того «научного обета», который я дал самому себе, вступая в должность судьи КС РФ, и о котором упоминал ранее — писать по вопросам, которые в той или иной мере были бы связаны с конституционным правосудием.

Учитывая нецелесообразность воспроизведения в данном издании объемного материала, подробно раскрывающего доктрину судебного конституционализма, я решил ограничиться фрагментарным его изложением, в том числе сквозь призму некоторых обзорно-рецензионных материалов, количество и содержание которых подтверждают объективный факт достаточно широкого признания данной доктрины в научном мире.

Особым, оказавшимся для меня столь же приятным, сколь и неожиданным проявлением признания доктрины судебного конституционализма, стало присуждение монографии «Судебный конституционализм: доктрина и практика» (2-е изд., перераб. М., Норма, 2016) Национальной премии по литературе в области права за 2017 год. Этому не рядовому событию также посвящен определенный «официально-информационный» материал. Кстати, третья премия по литературе в области права за тот же год была присуждена монографии «Судебная практика в современной правовой системе России» под ред. Т. Я. Хабриевой и В. В. Лазарева (М., Норма, 2017), в связи с чем есть все основания разделить радость с ее ответственными редакторами и авторским коллективом, так как я тоже являюсь соавтором этого труда (в частности главы 7 «Конституционное правосудие как институт обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации»). Как в шутку заметил мой старший и уважаемый коллега, выдающийся теоретик права Валерий Васильевич Лазарев, по олимпийской системе подведения итогов конкурса «Национальная премия по литературе в области права» я стал обладателем двух медалей —

золотой и бронзовой. Это замечание для меня особенно лестно, если учитывать вес и авторитет В. В. Лазарева в отечественном правоведении, а также те теплые воспоминания, которые остались у всего судейского корпуса КС РФ от совместной работы с Валерием Васильевичем в бытность его постоянным представителем Государственной Думы РФ в КС РФ в 1988–2003 гг.

В этой же главе, как подтверждение признания доктрины судебного конституционализма, содержится информация еще об одном знаковом для меня событии — присуждении в 2015 году весьма престижной премии «Юстиция», учрежденной Межрегиональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в номинации «За успехи в юридической науке». Особенно важным для меня явилось то обстоятельство, что награду я получал из рук моего Учителя (по науке и по жизни) — академика Ю. К. Толстого. В момент вручения Юрий Кириллович высказал существенное для меня пожелание: наряду с другими научными проблемами, не забывать и о прежних моих исследовательских интересах, — например, о тех, что были отражены в кандидатской диссертации (основным рецензентом которой, напомним, он в свое время был). Ю. К. Толстой тогда заметил, что экономическая и социальная проблематика до сих пор недостаточно разработаны в науке конституционного права. И вот в порядке реализации пожелания академика Толстого, спустя два года, я подготовил монографию «Экономический конституционализм России: очерки теории и практики (М.: Норма, 2017). Эту проблему я рассматриваю как одно из направлений комплексной темы судебного конституционализма, хотя в данной книге я решил не обращаться к ней, поскольку это неизбежно привело бы к заметному увеличению объема издания...

Интересно, что несколькими годами ранее описанных выше событий, в 2007 году, Ростовским-на-Дону межрегиональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» мне также была присуждена первая

премия в номинации «За достижения в развитии юридической науки». И это признание земляков для меня особенно дорого.

Таким образом, очевидно, что все основные события моей научной биографии по существу являются переплетением личного (творческого) и публичного (связанного с профессиональной властно-юрисдикционной деятельностью как судьи КС РФ) начал, равно как и моей педагогической работы, которую я за прошедшие двадцать лет не прерывал ни на один день.

Предваряя основную содержательную часть данной главы, замечу, что в качестве прелюдии для понимания концептуальной сути категории судебного конституционализма я обозначил статусные характеристики КС РФ, которые могут быть, по моему мнению, представлены как определенные конституционные парадоксы (или «богоугодные грехи») конституционного правосудия. Их характеристики, на мой взгляд, как раз и позволяют осознать специфику конституционного правосудия как генератора судебного («живого») конституционализма.

4.1. СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ДОКТРИНАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ «БОГОУГОДНЫХ ГРЕХОВ» КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ: КС — БОЛЬШЕ, ЧЕМ СУД¹

Само понятие «богоугодные грехи» конституционного правосудия, понимаю, может вызвать у читателя недоумение, в связи с чем необходимы определенные пояснения. Это, конечно, не есть намек на некую божественную природу судебной

¹ В основе материала: Бондарь Н. С. Конституционный Суд России: не «квасисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. №3. С. 28–33; Бондарь Н. С. Конституционный суд в системе юрисдикционных органов (о «богоугодных грехах» конституционного правосудия) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №1. С. 26–32; Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 82–95, С. 132–134.

власти¹; напротив, в данном случае речь идет не столько о теологическом, сколько о сакрально-мифологическом, а, стало быть, вполне светском содержании. В этом плане использование данного понятия возможно, по крайней мере, как фигуры речи, где «богоугодные грехи» конституционного правосудия фактически предстают как некие скрытые, в чем-то кажущиеся внутренне противоречивыми, политико-правовые характеристики этого института современного конституционализма.

Поэтому соответствующее утверждение соотносится не столько с генезисом, историческими предпосылками конституционного правосудия, сколько с оценкой самой природы данной функции, освященной не только государственно-властными, но и моральными, нравственно-этическими, национальными социокультурными началами; в их ряду, естественно, можно обнаружить и религиозные корни социальных императивов, имеющие нормативное значение при разрешении споров о праве. Более того, представляется обоснованным утверждение, что в обозначенном своего рода светско-клерикальном аспекте именно КС призван обеспечивать — в силу своих статусно-компетенционных, функциональных характеристик, равно как и особенностей юридической природы своих решений — определенный минимум «правовой святости»² в современной законодательной системе.

¹ Об этом см., напр.: Баренбойм П. Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. 2-е изд. М., 2003.

² Понятие «правовой святости» имеет кантовское происхождение. Именно И. Канту принадлежит характеристика права как «самого святого, что есть у Бога на земле». В этом — понимание ценности права с точки зрения характеристик, находящихся «по ту сторону» представлений о его природе, выраженных в духовном мире человека, в его чистом разуме: идей свободы, равенства, справедливости, т. е. того внутреннего духовного мира человека, в котором господствуют идеалы и высшие начала морали, добра и совести, светлые начала разума, формируется нравственная правовая личность // URL: <http://informsky.ru/filosofia-prava-kanta-1.html>. См. также: Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд. М., 2015.

Вполне естественно, что для конституционного правосудия, как и для любого другого явления социальной действительности, характерны не только «свет и благодать», но и качества, которые, отражая внутреннюю природу данного института, могут быть представлены как некие *богоугодные грехи*, а в переводе на язык светских ценностей — вполне допустимые внутренние противоречия, о чем приходилось писать, квалифицируя эти явления как «*конституционные парадоксы конституционного правосудия*»¹. Каковы истоки, начала таких «греховных парадоксов»? Ответ коренится в самой природе относительно молодого — особенно если оценивать по историческим меркам современных демократий — института конституционализма.

Конституционное правосудие занимает в системе современного конституционализма уникальное и, думается, не во всем окончательно утвердившееся (не только в России) реальной практикой конституционного развития место. Подтверждением этого являются трудные поиски оптимальных вариантов решения отнюдь не второстепенных для конституционного правосудия вопросов, о которых частично уже приходилось говорить.

При этом речь идет не только и, пожалуй, не столько о недостаточно выверенных решениях законодателя, но прежде всего о самой природе данного института, объективных сложностях оценки его юридических характеристик. Отметим некоторые из них, имеющие прямое отношение к характеристикам судебного конституционализма как особого политико-правового режима судебной защиты Конституции, утверждения ее верховенства.

Во-первых, КС, решая исключительно вопросы права, тем не менее постоянно находится между правом и политикой. Но является ли это «грехом»? Есть ли основания для предположений, что Конституционному суду действительно отказывает «чувство меры», и он может принимать на себя решение вопросов не только права, но и политики?

¹ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М., 2015. С. 8–91, 101–112, 127–138 и др.

Политическое значение деятельности КС РФ, влияние его решений на политико-правовую сферу государственной жизни очевидны. Но при поиске непредвзятого ответа на поставленный вопрос нельзя не учитывать прежде всего объективные, конкретно-исторические условия и факторы, влияющие (и порой весьма существенно) на степень политизации конституционного правосудия. С учетом особенностей зрелости демократических начал национальных конституционно-правовых систем, уровня конституционно-правовой культуры в обществе и государстве, эти обстоятельства, включая субъективные факторы, могут проявляться по-разному, с неодинаковой степенью очевидности. Но в конечном счете они всегда выступают показателем реальной самостоятельности органа конституционного правосудия, его независимости в национальной системе разделения властей.

В этом плане конституционный анализ соотношения конституционного правосудия и политики не исчерпывается формально-юридическими аспектами. Выход на социально-политические, социокультурные, конкретно-исторические, национально-специфические и иные аспекты действия Конституции в ее соотношении с законами, в рамках функционирования органов конституционного правосудия неизбежен и абсолютно необходим, что, как правило, недоступно для судов других юрисдикций. Это ориентирует на необходимость сформулировать своего рода *конституционно-правовую максиму*, которая имеет принципиальное значение для формирования системы судебного конституционализма и в конечном счете раскрывает содержание сформулированного «конституционно-греховного» парадокса: *в основе соотношения конституционного правосудия и политики должны лежать не подчинение конституционного правосудия политике и политизация конституционно-правовой сферы, а конституционализация политики.*

При этом необходимо видеть объективные предпосылки проникновения конституционного правосудия в сферу политики, которые коренятся в самой системе общественных отношений,

составляющих как предмет конституционно-правового регулирования, так и предметную сферу осуществления конституционного правосудия. Не вызывает сомнений, что политическое содержание присутствует во всей системе отношений, составляющих предмет конституционного права. В то же время очевидно, что конституционное правосудие нуждается в специальных гарантиях, направленных на его защиту от политического воздействия, равно как и от неоправданного погружения конституционного правосудия в политическую сферу. Более того, определенные механизмы, средства гарантирования недопустимости политизации конституционного правосудия могут вырабатываться и самими органами конституционного правосудия (например, в практике КС РФ — это доктрина разумной сдержанности¹; недопустимость толкования Конституции РФ по вопросу, в отношении которого ведется законодательный процесс²; недопустимость оценки норм избирательного законодательства в ходе избирательной кампании³; самоограничение КС РФ в отношении оценки на конституционность пробелов в законодательстве⁴ и др.). Из этих статусных особенностей конституционного правосудия вытекают и другие «греховно-конституционные» особенности КС РФ, напрямую влияющие на формирование и предопределяющие природу режима судебного конституционализма.

В этом плане, *во-вторых*, «Конституционный суд — больше, чем суд».

Эта характеристика восходит в конечном счете к вопросу о том, является ли орган конституционного нормоконтроля ординарным судебным органом в его классическом проявлении? Каковы его место и роль в национальной системе разделения вла-

¹ См.: постановления КС РФ от 5 февраля 2007 г. №2-П, от 20 декабря 2011 г. №29-П, от 14 мая 2012 г. №11-П.

² См., напр., определения КС РФ от 11 июня 1999 г. №104-О, от 8 апреля 2004 г. №128-О, от 4 октября 2005 г. №396-О.

³ См., напр., определение КС РФ от 20 ноября 1995 г. №77-О.

⁴ См., напр.: постановления КС РФ от 14 ноября 2005 г. №10-П, от 2 марта 2010 г. №5-П.

стей? С этим так или иначе связаны все последующие особенности конституционного правосудия, включая объем полномочий, юридическую природу его актов как итоговой правовой формы конституционно-контрольной деятельности, степень их обязательности для иных органов, соотношение актов национального конституционного нормоконтроля с актами межнациональной юрисдикции и т. д.

Основные сомнения относительно КС РФ как полноценного судебного органа, попытки представить его неким «квазисудом» связываются с особенностями конституционного нормоконтроля как главной функции Суда. При этом в ряду отличительных характеристик конституционно-судебной нормоконтрольной деятельности как «квазисудебной» — в сопоставлении с ординарным судопроизводством — называются, например, отсутствие спора о праве, «утрата содержательного наполнения» принципа состязательности и равноправия сторон, невозможность установления юридических фактов и некоторые другие.

Действительно, конституционное правосудие обладает спецификой, порой существенной, что, однако, не «отменяет» статус этого органа как судебного. Что же касается, например, утверждений о том, что в рамках конституционного нормоконтроля «отсутствует спор о праве», то они не согласуются с предназначением и самой логикой конституционно-судебного разбирательства, связанного с разрешением конституционно-правовых споров. Конституционно-судебный процесс, по общему правилу, не возникает иначе, чем на основе столкновения интересов и мнений (правовых позиций) и обеспечивает разрешение соответствующего противоречия (коллизии, конфликта) в процедуре, где его субъекты стремятся убедить КС РФ в обоснованности именно их точки зрения по рассматриваемому вопросу. Именно поэтому конституционно-судебный нормоконтроль традиционно рассматривается как механизм, форма или способ разрешения публично-правовых споров, формой проявления которых являются споры о конституционности нормативных правовых актов, в том числе в связи с нарушением

этими актами конституционных прав и свобод граждан. Наиболее ярко «греховный» характер конституционного нормоконтроля проявляется в рамках конкретного конституционного контроля, когда гражданин (объединение граждан) спорит с государством в лице законодателя.

В свою очередь, при всей специфике реализации принципа состязательности и равноправия сторон в конституционном судопроизводстве, нет никаких оснований отрицать его универсальность (ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) и значение, в том числе как принципа конституционного нормоконтроля (ст. 5, 35, 53 ФКЗ о КС РФ). Речь идет как об устном, так и письменном производстве в порядке, определяемом ст. 47¹ названного Закона, где закрепляются специальные требования, направленные на гарантирование принципа состязательности и равноправия сторон участников конституционного судопроизводства без проведения слушания.

При этом, правда, нельзя не учитывать, что признание КС в качестве органа, который «больше, чем суд», не только не упрощает положение этого судебного органа в системе разделения властей, но, напротив, существенным образом актуализирует проблемы, связанные с обеспечением эффективного взаимодействия с иными органами публичной власти. Это и понятно: ведь КС РФ является, по сути, судом над законом и, стало быть, над властью. Речь идет о конституционной оценке результатов государственной деятельности, выражающейся в нормотворчестве, в том числе в свете складывающегося его правоприменения.

В контексте общемировой конституционной практики должен оцениваться и характер воздействия конституционного правосудия на правотворческий процесс. КС РФ играет значительную роль в становлении и развитии современного российского конституционализма, основного закона страны и конституционного законодательства. КС выступает своего рода генератором конституционно-правовой энергии, которая обеспечивает конституционно-правовое истолкование проверяемых норм, их толкование и при-

менение в соответствии с духом и буквой Конституции и тем самым — конституционно-судебную «рихтовку»¹ норм отраслевого законодательства, равно как и сложившейся правоприменительной практики. Тем самым обеспечивается судебное-контрольное воздействие на проверяемое законодательство с целью доведения его до уровня требований конституционных принципов и ценностей без вторжения в букву нормативного правового акта. Одновременно конституционно-правообразующее, нормативное значение деятельности КС проявляется в том, что, выявляя конституционные модели организации тех или иных сфер общественных отношений, пробелы и дефекты в правовом регулировании, тенденции развития конституционных отношений, КС определяет конституционную стратегию (концепцию) совершенствования законодательства. Тем самым, получая институциональное оформление как правоприменительный юрисдикционный орган, КС РФ объективно, по самой природе своей деятельности и особенностям юридической силы принимаемых решений, все в большей степени приближается к нормативно-установительной юридической практике, к правотворчеству. С этим связан следующий «богоугодный» парадокс конституционного правосудия, благодаря которому становится возможным формирование уникальной системы судебного конституционализма.

В-третьих, решения КС РФ, не будучи законом, по юридической силе и доктринальному значению стоят выше, чем закон. Является ли это «греховностью» конституционного правосудия?

Как в нашей стране, так и в других государствах континентального права в последние годы наметилась линия на признание судебной практики в качестве источника права. Таким источником права рассматриваются в первую очередь решения конституционных судов. Не отрицая наличия некоторых сопоставимых характеристик в юридической природе решений всех высших судебных органов, следует признать очевидным тот факт, что акты конституционного правосудия обладают особыми, весьма специфическими

¹ «Рихтовка» — от нем. *richter* (судья).

признаками источников права в силу имманентно присущих этим актам юридических свойств конституционно-правового характера. Речь идет в конечном счете о том, что решения КС РФ не есть обычные акты судебной практики; они как бы примыкают к Конституции, составляя вместе с ней *особый вид конституционных источников права*, существующих наряду с законами, подзаконными актами, судебной практикой, иными видами источников права.

Специфика нормативной энергии решений КС РФ такова, что она имеет предметом (сферой) своего влияния прежде всего нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня — общие принципы права, конституционные ценности и принципы, получающие реализацию во всех отраслях системы действующего права. С помощью конституционно-контрольной деятельности происходит своего рода приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих принципов, а также установление их сбалансированного взаимодействия. В результате формируется особый вид нормативных начал — *конституционно-судебные нормоустановления*, которые значительно отличаются от обычных юридических норм как в сущностно-содержательном, так и формально-юридическом плане. Пожалуй, главная специфика конституционно-судебных нормоустановлений заключается в том, что они сочетают в себе нормативность с доктринальными началами: на этой основе возникает некое новое, интегральное качество актов КС РФ — их нормативно-доктринальная природа. Этим же предопределяется также их *двойственное назначение в системе источников права*. Решения КС РФ являются *источником конституционного права*, и в этом качестве они всегда содержат нормативную энергию (негативного либо позитивного характера), направленную на сферу конституционного регулирования. Решения КС РФ обладают конституционной природой в силу собственных характеристик, независимо от предмета конституционного контроля, и всегда являются — в единстве с основным законом — конституционными источниками права. В то же время, с учетом пред-

мета конкретных дел, *решения КС РФ выступают источниками и других отраслей права*, обеспечивая «сцепку» собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи, обнаруженном переплетении конституционных и иных отраслевых правоотношений. На этой основе становится возможной «греховная всеядность» решений КС РФ и в конечном счете системы судебного конституционализма — их влияние на все сферы юрисдикционной деятельности, включая административную, гражданско-правовую, уголовно-правовую и т. д.

Одновременно конституционно значимый нормативно-доктринальный характер решений КС РФ проявляется в том, что этим решениям придается юридическая сила, превышающая юридическую силу нормативных правовых актов, являвшихся предметом проверки, а осуществляемая в процессе конституционного судопроизводства казуальная интерпретация положений Конституции, на которых оно основано, по своей силе превышает любую ее интерпретацию любым другим органом¹.

В-четвертых, условием стабильности Конституции является ее социоисторический динамизм, обеспечиваемый нормоконтрольно-преобразовательной деятельностью КС РФ, формированием «живого» (судебного) конституционализма.

В этом находит подтверждение еще один конституционный («богоугодный») парадокс конституционного правосудия. Чаще всего, как известно, обращается внимание на то, что КС РФ — хранитель, защитник Конституции. В этом качестве Суд действительно обладает важными полномочиями, прежде всего по обеспечению соответствия текущего законодательства требованиям Конституции. К сожалению, порой этой охранительной функцией и ограничивается характеристика роли КС РФ применительно к

¹ Такие подходы получили признание и в решениях КС РФ. См., например, постановление от 8 ноября 2012 г. №25-П, определение от 8 июля 2014 г. №1562-О.

Конституции. Но этого явно недостаточно. Не менее важное значение имеет преобразовательная функция КС РФ.

КС РФ обладает особыми, уникальными полномочиями, связанными не только с возможностью сказать, соответствует ли норма текущего закона Конституции (по принципу «да/нет»), но и дать отвечающее новым, сегодняшним условиям геополитического, социокультурного развития общества и государства толкование норм самой Конституции. Речь идет не просто о понимании текста Конституции, а о выявлении ее Духа. Тем самым Конституция как бы испытывает с помощью решений КС РФ некое «правопреобразующее» воздействие, т. е. без изменения буквы Конституции Конституционным судом выявляются (но не добавляются!) ее новые, скрытые потенциальные возможности, заложенные в Духе Конституции, который наиболее полно, концентрированно проявляется в ее принципах, ценностях, презумпциях, аксиомах, дефинициях и т. п. и в других нормативных положениях общего, наиболее важного и абстрактного характера. Поэтому роль КС РФ незаменима, кроме прочего, в социоисторическом «оживлении» Конституции и всей системы конституционализма. В этом плане, представляется, есть все основания для признания кельзеновской (европейской) системы конституционного контроля в качестве важного средства утверждения «живого» конституционализма, что, попутно будет сказано, не тождественно англосаксонской концепции «живой» конституции.

Нужно, однако, отметить, что использование в условиях континентальной правовой системы инструментария конституционно-судебного оживления конституционализма должно быть тщательно выверенным, уважительным по отношению к букве основного закона. Возможности конституционного правосудия в этом плане не безграничны. Одним из безусловных ограничителей является сохранение основного существа конституционных норм. Одновременно это не исключает, что при созревании условий становится необходимым вторжение и в сам текст Конституции, что может быть связано как с точечными текстуальными ее изменениями, так

и с возможностью осуществления — при коренных преобразованиях в обществе и государстве — конституционной реформы¹. Но и в этих случаях практика конституционных преобразований современных демократий не должна отступать от принципиальных нормативно-доктринальных требований конституционализма, в том числе в том виде, как они вырабатываются органами конституционного правосудия.

Место и роль конституционного правосудия в механизме современного государства, юридическая природа его актов определяют особенности взаимодействия конституционных судов с иными юрисдикционными органами не только национального, но и наднационального уровня.

В-пятых, в основе обязательности норм международного права как составной части правовой системы РФ и наднациональной юрисдикции — верховенство Конституции России.

В конституционных предпосылках, условиях разрешения национальных и наднациональных юрисдикционных отношений проявляется еще один конституционно значимый («богоугодный») парадокс, получивший последовательное разрешение в практике конституционного правосудия: признавая безусловное значение сотрудничества и взаимодействия национальных правовых систем, КС РФ не может не учитывать, что эти процессы проявляются в единстве с противоречивыми тенденциями правовой глобализации; это предполагает не только усиление взаимопроникновения национальных правовых систем и юрисдикций, но и их конкуренцию, соперничество, что естественным образом порождает проблемы защиты суверенных прав, учета, сохранения социокультурных особенностей национально-государственной конституционной системы.

В этом плане, главное, пожалуй, заключается в том, что на КС РФ как органе конституционного контроля лежат задачи по обеспечению принципиального *единства и нерушимости*

¹ См.: Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016

ценностных основ национального конституционного правопорядка, что достигается, в том числе, посредством обеспечения единства толкования и применения Конституции, единообразия конституционно-правовой интерпретации законодательства и всей судебной правоприменительной практики. Что же касается, например, европейской конвенционной юрисдикции (в лице ЕСПЧ), то уже в силу ее субсидиарной природы предполагается достаточно высокий уровень сдержанности в отношении требований единообразия ценностных подходов к различным национальным правопорядкам.

В этом проявляется своеобразная *полифония современного европейского конституционного правопорядка*, «многоуровневый конституционализм»¹ на европейском континенте. Это и понятно: в нынешних условиях достигнутой правовой интеграции, в частности между государствами — членами Совета Европы (к которым принадлежит и Россия), нет никаких оснований говорить о наличии единого для всех конституционно-правового пространства. Принципиально важным является признание со стороны ЕСПЧ *плюрализма конституционных ценностей*, имея в виду как нормативно-правовое пространство, так и правоприменительную сферу. В этом находит свое отражение тот факт, что наднациональная конвенционная юрисдикция в лице ЕСПЧ должна быть *не только субсидиарным институтом защиты прав и свобод* (имея в виду, что основные средства их правовой защиты должны обеспечиваться на национальном уровне), но и *консенсусным институтом наднационального конвенционного правопорядка*.

В этом плане представляется обоснованным (и важным!) исходить из того, что между национальными конституционными и европейскими (конвенционными) ценностями, принципами существуют не иерархически-субординационные, а координационные связи. В конечном счете это и есть вопрос о соотношении европейского кон-

¹ См.: Танчев Е. Возникающий наднациональный конституционализм и современные системы конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. №4. С. 61.

сенсуса и национальной конституционной идентичности¹, имея в виду, что концепция «европейского консенсуса» используется порой в ущерб конституционному плюрализму и «конституционной полифонии» в рамках европейского конституционного пространства.

При выработке же механизмов разрешения конфликтов между национальными юрисдикционными органами и ЕСПЧ важно учитывать, что коллизии как таковые, в том числе возникающие из соотношения и столкновения национального и наднационального права, имеют конституционное значение. А все споры, которые по своей юридической природе, характеру и последствиям являются конституционными, подлежат разрешению, как известно, в порядке конституционного судопроизводства. Именно в этом ключе необходимо рассматривать и постановления КС РФ от 14 июля 2015 г. №21-П и от 19 апреля 2016 г. №12-П, которыми был предложен механизм разрешения соответствующих коллизий. Логика выработанной Судом правовой позиции² состоит в том, что в силу верховенства Конституции международные правоустановления должны интерпретироваться как конкретизация положений Конституции, но они не могут быть применены, если выходят за пределы заложенного в Конституцию правового смысла.

Ярким примером тому может служить отношение различных правопорядков к институту однополых браков и к пропаганде гомосексуальных связей в соотношении с европейским конвенционным подходом. Очевидно, что сексуальная свобода является тем аспектом самовыражения личности, который не может интерпретироваться в отрыве от общей сложившейся в конкретной культуре системы социальной регуляции, включая моральные, религиозные нормы, национальные традиции и т. п. Наш подход к

¹ См.: Зорькин В. Д. Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации // Журнал конституционного правосудия. 2016. №1. С. 2–4.

² В последующем она получила закрепление не только в ФКЗ о КС РФ (см.: ФКЗ от 14 декабря 2015 г. №7-ФКЗ, которым была введена новая глава XIII.1), но и в тексте самой Конституции в рамках поправок 2020 г. (ст. 79 новой редакции Конституции РФ).

этим вопросам получил отражение в постановлении КС РФ от 23 сентября 2014 г. №24-П. В своем решении КС РФ дал конституционное истолкование обжалуемых норм, указав на недопустимость вмешательства в сферу сексуального самоопределения личности. Но он не нашел оснований идти по пути тех «стандартов», которые фактически ориентированы на пересмотр классических идей равенства и свободы, когда борьба с дискриминацией и неравноправием по сути подменяется требованием особых прав для сексуальных меньшинств.

Таким образом, статусные характеристики национальных органов конституционного правосудия, проявляющиеся в современном миропорядке и во взаимоотношениях с органами международной юрисдикции, безусловно, конституционно обоснованы, если даже внешне порой воспринимаются как имеющие парадоксальный характер; они являются подтверждением особой роли этих органов в юрисдикционной системе современных конституционных демократий, в обеспечении взаимодействия национальной и международной юрисдикций на основе последовательного гарантирования верховенства Конституции (ч. 1 ст. 15) в режиме безусловного признания общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Их кумулятивный эффект концентрированно проявляется, в том числе, в системе судебного конституционализма.

4.2. СУД НАД СУДЕБНЫМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМОМ: МНЕНИЯ И ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ, ОППОНЕНТОВ, КОЛЛЕГ

*Ante
Factum
2020*

Своеобразие настоящего параграфа, и в связи с этим необходимость вводных замечаний к нему, состоит в том, что о концепции конституционного правосудия, в том числе о некоторых

ее содержательных характеристиках, придется говорить не автору, а его оппонентам и рецензентам. Это не будут чисто комплементарные отзывы; зачастую они имеют — что представляется важным — весьма глубокое содержательное значение, и в этом плане, надеюсь, будут важным, хотя и весьма своеобразным дополнением к анализу концепции судебного конституционализма.

С момента выхода книги по судебному конституционализму — в ее первом (2011 г.) и втором, переработанном издании (2016 г.) — прошло относительно непродолжительное время. Но его оказалось вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что данная концепция привлекла внимание, выход в свет монографии получил заметный резонанс в научной среде. Речь идет как о многочисленных рецензиях на монографию¹, так и о состоявшихся научных обсуждениях проблем судебного консти-

¹ См., напр.: Витрук Н. В. Юбилейные итоги конституционного правосудия в России (по страницам монографии Н. С. Бондаря «Судебный конституционализм в свете конституционного правосудия») // Российское правосудие. 2011. №5. С. 15–23; Зинченко С. А. Судебный конституционализм в России // Журнал российского права. 2012. №7. С. 141–147; Кокотов А. Н. Судебный конституционализм и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2011. №6. С. 71–77; Крусс В. И. Судебный конституционализм в России: Н. С. Бондарь. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011 [рецензия] // Государство и право. 2012. №4. С. 117–121; Арановский К. В., Князев С. Д. Российский конституционализм: Судебный, судебский, судный... [Рецензия на монографию Н. С. Бондаря «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия»] // Журнал конституционного правосудия. 2011. №3. С. 30–37; Селиванов А. С. Істотний науковий внесок відомого російського конституціоналіста (Рецензия, на укр. языке) // Журнал Верховної Ради України. 2011. №12. С. 23–24; Селиванов А. С. Суттєвий науковий внесок відомого російського конституціоналіста (Рецензия на укр. языке на книгу: Н. С. Бондарь. Судебный конституционализм в России) // Право України. 2011. №5; Барабаш Ю., Евсеев О. Конституціоналізм в суддівській мантії: спроба комплексного аналізу (рецензія на монографію Н. С. Бондаря «Судовий конституціоналізм в Росії в світлі конституційного правосуддя») // Публічне право. Науково-практичний юридичний журнал. 2011. №4. С. 400–404.

туционализма в рамках круглых столов и научно-практических конференций¹.

Привлечение внимания к исследованию новых, в том числе региональных и муниципальных проблем судебного конституционализма, стало одной из целей учреждения авторской тематической серии изданий «Библиотека судебного конституционализма». На сегодняшний день вышли в свет десять выпусков данной серии².

¹ См.: Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: стенограмма круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. №3. С. 1–29; Волкова С. В., Малышева Н. И. Обзор круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета на тему: Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Вестник СПбГУ. Серия 14. Вып. 4. 2011, декабрь; Современный российский конституционализм: доктрина и практика: матер. межвуз. науч.-практ. конф. (Южный федеральный университет, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский государственный университет, 5 марта 2011 г.)/отв. ред. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д; СПб., 2011; Конституционное правосудие и практическая юриспруденция: круглый стол кафедры муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. Теоретический и научно-практический журнал. 2014. №1. С. 8–28.

² Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М.: Формула права, 2012; Он же. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике российского конституционализма. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М.: Юрист, 2013; Он же. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. М.: Юрист, 2013; Он же. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня завтра. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 4. Ростов н/Д.: Профпресс, 2014; Он же. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 5. М.: Юнити-Дана, 2014; >>

Относительно небольшие по объему публикации, посвященные отдельным сторонам категории судебного конституционализма, как представляется, оптимально отвечают сегодняшним потребностям прагматически ориентированных представителей теории и практики конституционной юриспруденции, включая студентов и аспирантов, ученых и государственных (муниципальных) служащих, всех тех, кто интересуется проблемами конституционализма. При этом есть основания для констатации того факта, что опыт издания «Библиотеки судебного конституционализма», по крайней мере отдельных ее выпусков, получил положительную оценку¹.

>> Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 6. Ростов н/Д.: Профпресс, 2016; Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: Очерки теории и практики Сер. «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 7. М.: Норма; Инфра-М., 2017; Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 8. М.: Норма; Инфра-М, 2018; Бондарь Н. С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Сер. «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 9. Москва: Юрист, 2018; Он же. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области, 2-е издание, переработанное). Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 10. Ростов н/Д.: Профпресс, 2019.

¹ См., напр.: Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии (рец. на книгу: Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике российского конституционализма/Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М., 2013) // Юридический мир. 2014. №2. С. 26–34; Сивицкий В. А. Начало комплексному осмыслению состояния российского юридического образования положено, что дальше? (рец. на книгу: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. М., 2013) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. №4. С. 191–195; Берлявский Л. Г. Рец. на книгу: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии // Вестник Московского ун-та МВД России. 2014. №9. С. 236–240.

В ряду многочисленных проблем, касающихся роли судебной власти в системе современного конституционализма, пожалуй, наибольшую актуальность приобретают вопросы о самой природе судебно-властной деятельности, ее соотношении с правотворчеством и, соответственно, о юридической природе принимаемых судами решений, об их месте и роли в правоприменительной сфере и в нормативно-правовой системе государства. В конечном счете эта получившая актуализацию известная еще со времен римского преторского права проблема судебно-правотворчества и судейского права, а для России, как и для других стран романо-германской (континентальной) правовой системы, это еще и проблема возможных перспектив, форм, способов, пределов проникновения прецедентных начал в систему права¹. Ярким подтверждением актуальности и остроты этих проблем явилось принятое КС РФ постановление от 21 января 2010 г. №1-П и усилившаяся в связи с этим дискуссия — не только в научных кругах, но и в судебном сообществе — по соответствующим вопросам. Они напрямую касаются всей системы судебной власти, очевидно, однако, что особое значение они приобретают применительно к конституционному правосудию и деятельности КС РФ.

Институт конституционного правосудия, как известно, сам по себе является порождением относительно недавнего, нового этапа развития конституционализма. Первый специализированный судебный орган конституционного контроля был учрежден

¹ См., напр.: Арановский К. В., Князев С. Д. Ограничения судебного прецедента в романо-германском праве // Правоведение. 2012. №4 С. 51–66; Гаджиев Г. А. Методологические проблемы «прецедентной революции» в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. №4 (34). С. 5–8; Верещагин А. Н. Несколько мифов о прецедентном праве в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. №4 (34). С. 14–17; Антонов М. В. О некоторых теоретических вопросах прецедентной революции в России // Журнал конституционного правосудия. 2013. №4 (34). С. 8–13; Малюшин А. А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М., 2013.

в 1919 году в Австрии по проекту, предложенному Г. Кельзенем¹ (что было закреплено в Конституции Австрии 1920 г.), а широкое признание в качестве важного института современного конституционализма в западноевропейских странах органы конституционного контроля получили после Второй мировой войны. Еще более непродолжительной является история российского судебного конституционного контроля. Но важно уже то, что институт российского конституционализма — ровесник новой российской государственности. Конституционная действительность, в которой сегодня живет Россия, в большой степени сформирована — в порядке реализации принципов и ценностей Конституции 1993 г. — под влиянием КС РФ.

В силу своей особой, нормативно-доктринальной природы решения Суда имеют возможность оказывать влияние на все компоненты системы конституционализма; они не только обеспечивают защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, но и способствуют развитию, обогащению ценностей современного российского конституционализма в новых, усложняющихся условиях экономической, политической, правовой глобализации.

На этой основе происходят процессы модернизации системы конституционализма, нередко связанные с появлением у нее новых качественных характеристик. Функционирование конституционного правосудия преобразует конституционализм в его доктринальной, нормативно-правовой, мировоззренческой составляющих, переводит его на качественно новый уровень практической реализации Конституции РФ². В этих условиях система конституционализма, подпитываясь нормативной, доктринальной, юрисдикционной энергией конституционно-судебного

¹ См.: Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. №8, 9.

² См.: Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. №3 (112). С. 52–76.

нормоконтроля, неизбежно обретает относительно новые социально-политические, нормативно-правовые характеристики, что условно можно определить — с точки зрения качественных, а не видовых признаков и свойств конституционализма — как судебный конституционализм.

Но проблемы судебного конституционализма не сводятся к вопросам правотворческой деятельности судов, анализу взаимоотношений судебной и законодательной власти, судебному правотворчеству. Категория судебного конституционализма имеет более широкую, многоплановую проблематику, в основе которой — обеспечение единства теории и практики реализации Конституции во всех сферах социально-экономической, государственной и общественной жизни, ее правовая охрана с помощью средств судебного нормоконтроля, безусловное гарантирование конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

Широта соответствующих проблем заставили автора ограничиться вопросами, которые, с одной стороны, относятся к общетеоретическим и методологическим аспектам современного российского конституционализма, а с другой — наиболее полно характеризуют влияние решений КС РФ на современные процессы модернизации экономики, социального и политического развития общества и государства, правозащитных отношений, определяющих положение человека и гражданина, достигнутый уровень равенства всех перед законом и судом. Это предопределило необходимость исследовать те аспекты теории и практики конституционного правосудия, которые в наибольшей мере характеризуют данный институт как важнейший инструмент конституционализации социальной и правовой действительности, защиты и развития ценностей современного российского конституционализма.

В полной мере осознаю, что не все высказанные идеи получают поддержку. Это, однако, должно стать лишь дополнительным стимулом для дальнейших исследований актуальных проблем современного российского конституционализма. Слова же признательности в одинаковой мере могут быть высказаны как за поддержку и взаимопонимание, так и за конструктивную критику.

Хотелось бы также отметить, что само содержание проблем судебного конституционализма, рассматриваемых в свете конституционного правосудия, предполагает, что своего рода коллективным соавтором данной концепции были мои коллеги — судьи КС РФ (как действующие, так и уже вышедшие в отставку), а также сотрудники аппарата Суда. Главная апробация отдельных положений и идей происходила в дискуссиях именно с ними, в том числе при выработке конкретных решений Суда. Одновременно можно было бы назвать многих коллег, работающих в научно-образовательной сфере, прежде всего конституционалистов, которые либо были моими учителями, старшими товарищами, либо являются учениками и теперь уже признанными учеными. Всем им — искренняя признательность за проявленный интерес, причастность к проблемам теории и практики судебного конституционализма. Благодарен я и тем авторам, которые посчитали возможным высказать свои соображения по соответствующим проблемам в научных публикациях. С некоторыми из этих работ читатель сможет познакомиться и в рамках настоящего издания. При этом имеет смысл в первую очередь обратить внимание на аналитические материалы, касающиеся второго, переработанного издания монографии «Судебный конституционализм», которое и получило высокую оценку в виде Национальной премии по литературе в области права. Важным стало также проведение круглого стола в Санкт-Петербургском государственном университете, посвященном обсуждению этой монографии, стенограмма которого открывает ретроспективу материалов, объединенных обозначенной выше темой.

**Стенограмма круглого стола
«Судебный («живой») конституционализм:
доктрина и практика» (СПбГУ, 5 марта 2011 года)
(извлечения)¹**

Шевелева Н. А., декан юридического факультета СПбГУ, зав. кафедрой государственного и административного права СПбГУ, д.ю.н., профессор²:

— Уважаемые коллеги... Я открываю наш круглый стол. Мы с Николаем Семеновичем настроились не на конференцию, а именно на круглый стол, менее формализованный и более демократичный. Эта форма позволит нам сегодня обсудить живейшие вопросы современного российского конституционализма.

Для этого есть несколько поводов. Первый и главный — что у нас, в Российской Федерации, есть конституционализм. Это уже достаточный повод для того, чтобы собраться и обсудить. Во-вторых, потому что у конституционализма есть такой тонкий исследователь, как Николай Семенович Бондарь, и есть его труды, которые позволяют нам изучать эту проблему и обмениваться мнениями.

Кроме того — и это важно — сегодняшняя действительность ставит перед нами новые проблемы, которые не могут оставить равнодушными ни одного юриста: как тех, кто занимается собственно конституционным правом, так и отраслевиков. И одна из возможных точек зрения, с которой можно исследовать конституционализм с позиций различных отраслей права в единстве

¹ См.: Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: стенограмма круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. №3. С. 1–29. Стенограмму к публикации подготовили зам. гл. редактора издания «Журнал конституционного правосудия» С. Н. Станских и аспирантка кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова М. Ш. Хачатурян.

² Сейчас проф. Н. А. Шевелева — зав. кафедрой административного и финансового права СПбГУ.

теории и практики, — это предложенное Николаем Семеновичем Бондарем видение этого явления сквозь призму категории судебного конституционализма.

А теперь предоставляю слово самому Николаю Семеновичу. У него сегодня, наверное, самая сложная задача.

Бондарь Н. С., судья КС РФ, профессор кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета, д.ю.н., профессор:

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги! Коллеги — как по научно-образовательной, так и по практической, в особенности судебной, деятельности. Имею в виду, что наряду с представителями вузовской науки (Санкт-Петербурга и других городов России) здесь присутствуют также мои коллеги по профессионально-судейской деятельности — судьи КС, уставного суда Санкт-Петербурга. К сожалению, по различным причинам не смогли приехать представители Верховного и Высшего арбитражного судов.

У меня есть разные причины для волнения. И первая среди них, может, для кого-то покажется достаточно неожиданной... Ни в коей мере не ставя под сомнение свое «ростовское происхождение» (как выпускника Ростовского государственного университета), хочу сказать, что в научном плане для меня Ленинградский государственный университет и ленинградская школа конституционного права — как минимум, вторая *alma mater*. Являясь учеником профессора Владимира Алексеевича Ржевского — питомца ленинградской школы конституционного права, я и сам всегда ощущал сопричастность к ленинградской конституционно-правовой школе. К тому же, в 1979 году здесь, в Ленинградском (по тем временам) государственном университете я защищал кандидатскую диссертацию. Надеюсь, небезынтересным является факт (особенно для молодых ученых и нынешних студентов), что в тот период профессором кафедры государственного и административного права ЛГУ и — без преувеличения могу сказать — ведущим конституциона-

листом кафедры был Юрий Кириллович Толстой, присутствующий здесь, ныне — академик РАН, классик гражданско-правовой науки. Горжусь, что именно он был главным рецензентом моей диссертации, посвященной конституционным проблемам собственности и социально-экономических прав граждан. Уже поэтому выступление в Ленинградском — Санкт-Петербургском государственном университете — для меня особое событие, связанное, в том числе, с личными воспоминаниями и являющееся своеобразным экзаменом не только перед коллегами, но и перед моими учителями.

А второй момент — о нем уже было сказано — связан с обсуждением проблем судебного конституционализма. Хотелось бы, однако, сразу оговориться — и, надеюсь, вы поймете меня правильно — круглый стол должен быть посвящен не столько обсуждению книги, сколько самим по себе проблемам конституционализма, в том числе в преломлении «живого» (судебного) конституционализма. Но это не значит, что я боюсь критики. Она, как Николай Васильевич Витрук меня уже предупредил, неизбежна, но будет в интересах дела. Кстати, предполагая, что критики не избежать, я свои сегодняшние «ночные записки» (в порядке подготовки к выступлению) обозначил буквально таким образом — *«Суд над судебным конституционализмом»*.

Может быть, в какой-то степени так и случится.

Переходя к самим по себе вопросам заявленной темы, хотелось бы отметить, что проблема конституционализма — это весьма комфортная площадка для плодотворного обмена мнением с участием представителей всех направлений юридической науки и практической юриспруденции. Не приемлю понимание конституционализма, «приватизированного» не только протестантским Западом (и, стало быть, нам, России, как и многим другим странам, остается в этом случае лишь заниматься рецепцией, заимствованием идей конституционализма у наших «западных учителей»), но и представителями «чистой» (отраслевой) конституционно-правовой науки.

Конституционализм — слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним лишь конституционалистам. В теории и практике современного российского конституционализма много тех проблем, которые напрямую связаны, например, с частно-правовыми началами, имея в виду не только и, может быть, не столько в чистом виде институты частного права, сколько их соотношение с публичными началами права. Речь идет в этом случае о поиске баланса частных и публичных интересов, интересов государства и общества, с одной стороны, личности, человека, гражданина — с другой. Без знания и учета гражданско-правовых подходов и, стало быть, без цивилистов эту проблематику (конституционно-правовую в своей основе!) невозможно поднять. Это тем более важно учитывать, имея в виду сегодняшнюю тенденцию к существенному расширению предмета конституционного права, тот очевидный факт, что в сферу конституционно-правового воздействия и, соответственно, в систему реального российского конституционализма все активнее — шире и глубже! — включаются экономические отношения, включая финансовые, налоговые, земельные, экологические и т. п., не говоря уже об экономико-управленческих, муниципально-имущественных отношениях и т. д.

Нельзя недооценивать и правоохранительные начала, правоохранительные функции в системе конституционализма, что предполагает необходимость выхода уже на те дисциплины, которые мы привыкли связывать с уголовно-правовым профилем. Поэтому речь как раз идет о том, что проблематика современного конституционализма создает возможности для участия в дискуссии представителей различных направлений — и теории, и практики российской юриспруденции.

При этом представляется важным обозначить единые для всех нас, участников круглого стола, методологические координаты дискуссии по проблемам «живого» (судебного) конституционализма. Для этого, вероятно, целесообразно определить хотя бы в обобщенном плане сами основы, *структурные характеристики категории конституционализма*.

Во-первых, конституционализм есть конституционная доктрина, философско-правовая концепция развития общества и государства.

Во-вторых, это нормативно-правовой конституционализм как система конституционного позитивизма в его сочетании с естественно-правовыми началами нормативных характеристик российского конституционализма.

В-третьих, это онтологический конституционализм, который предстает как конституционно-правовая практика.

В-четвертых, это конституционализм как одна из форм общественного сознания, характеризующаяся единством конституционной психологии и конституционной идеологии, на основе которых происходит формирование (хочется надеяться) качественно новой конституционной культуры.

Говоря же о каких-то, скажем так, сердцевинных, сущностных характеристиках конституционализма как правовой категории, которые, кстати, имманентно, а может быть и генетически связаны с концептуальными подходами и к судебному конституционализму, то они определяются тремя основополагающими ценностными началами конституционализма: это — *собственность, власть, свобода*, составляющими в своей основе предмет конституционного права и, соответственно, материальную основу всей системы конституционализма.

Признаюсь, я поставил на первое место *собственность*, потому что в это время посмотрел на Юрия Кирилловича. А вообще, если учитывать логику разворачивания самих по себе конституционных отношений, то эта троичность выглядит все-таки следующим образом: *власть — собственность — свобода*. При этом, конечно, нельзя забывать классические формулы, что «*собственность во всяком случае тоже власть*» (К. Маркс), она (*собственность*) «не только основа, но и особая форма свободы» (Ф. Хайек, М. Хриджман). Но в то же время современное понимание конституционной диалектики соответствующих явлений невозможно без учета и тех подходов, которые еще три сотни лет назад были связаны с

осознанием того, что именно «свобода является основанием всего остального» и именно она, свобода, составляет «великую основу собственности» (Дж. Локк).

На этой основе (*власть — собственность — свобода*) можно вести, мне кажется, речь о некой философии конституционной троичности.

В этом же ряду проблем современного конституционализма находится вопрос о *соотношении частного и публичного*. Причем эта проблема одинаково важна как для отраслей частного, так и публичного права. Что касается присутствия публичных начал, например, в гражданском праве, то здесь можно было бы представить, в первую очередь, последовательную позицию академика Ю. К. Толстого, который определенно указывает на недопустимость недооценки публичных начал в гражданско-правовом регулировании.

Для меня принципиально важно, что проблема соотношения частного и публичного не менее актуальна для публичных отраслей права. В рамках предлагаемого понимания судебного конституционализма проблема соотношения и взаимовлияния публичного и частного в праве и в социально-правовой действительности имеет методологическое значение. В связи с этим считаю возможным высказать весьма дискуссионный тезис о том, что само *конституционное право по своей природе является публично-частной, а не чисто публичной отраслью права*. Такой подход позволит выявить ценность публично-правовых начал, в том числе для отдельных отраслей частного права, где не только Конституция, но и решения Конституционного суда в одинаковой мере являются, в моем представлении, источником как конституционного, так и других отраслей права.

Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного суда предполагает, что если предметом конституционного контроля является закон, например, из области уголовного права, то решение Конституционного суда по этому вопросу — это источник как конституционного права, так и (в зависимости от

особенностей предмета конституционного нормоконтроля) одновременно — источник другой отрасли права, в данном случае — уголовного. Речь идет о том, что в этом случае нормативно-доктринальными началами решения Конституционного суда обеспечивается как бы сцепка конституционной и отраслевой правовой материи, тем самым происходит конституциализация как отраслевого законодательства, так и соответствующей сферы общественных отношений, конституциализация правопорядка в том сегменте, который затрагивается в данном решении. И это тоже есть не что иное, как элемент формирования судебного конституционализма.

И, переходя непосредственно к судебному конституционализму, хочу сказать, что в данном случае я представляю для себя этот подход не как оправдание того, что надо перейти к некоей живой, конъюнктурной, а стало быть нестабильной Конституции, учитывающей текущие конкретно-исторические условия в угоду политической ситуации. Говорю об этом, потому что такая критика в литературе есть, не обязательно касающаяся непосредственно концепции судебного конституционализма, но в принципе (один из таких активных критиков — Николай Васильевич Витрук). В действительности же речь идет как раз о другом: о том, чтобы создать режим конституционной стабильности в обществе и государстве, в том числе с помощью активного использования институтов конституционного контроля, конституционно-судебных и иных судебно-правовых механизмов, которые позволили бы перейти от политических и правовых иллюзий к конституционному реализму, то есть, чтобы способствовать реализации Конституции на основе единства ее буквы и духа. Да, Конституция имеет не только букву, не только текст, но и дух, который овеществляется, реализуется через конституционные ценности, через конституционные принципы, через основополагающие конституционные начала. Это не просто текст Конституции; на его основе Конституционный суд вывел ряд принципов применительно к экономической системе, нало-

гам, социальной защите граждан, которые не имеют прямого текстового, буквального закрепления в Конституции. Но разве это отход от буквы Конституции, если данные принципы (основные требования) полностью соответствуют, вытекают из ценностей российского конституционализма, в основе которых — действующая Конституция РФ? Вряд ли...

И это все позволяет говорить о сложном процессе формирования судебного конституционализма, в основе чего — переход от мнимого к реальному (живому) конституционализму. Кстати, возможно, не случайно я не пытался дать понятие конституционализма в его дефинитивном варианте, потому что это мне напоминает позицию святого Августина, который говорил, что «не могу дать определение образу Божию, но точно знаю, что такое безбожие». Правда, в книге я уже во введении попытался дать определение понятия судебного конституционализма. В этом случае я преследовал две цели, даже, может, три: во-первых, исходил из того, что категориальная характеристика судебного конституционализма отсутствует, и поэтому читателю сразу, в самом начале надо дать какие-то методологические ориентиры. Во-вторых — не хочу скрывать — это своего рода попытка вызвать огонь (критики) на себя, привлечь внимание к основным содержательным и, хочется надеяться, сущностным характеристикам судебного конституционализма как новой категории современной юриспруденции. В-третьих, исхожу из того, что категория судебного конституционализма должна иметь важное прикладное, инструментальное значение, в частности в стыковке нормативно-доктринального материала с практикой правосудия. И не случайно в тех вопросах, которые обозначены как ориентир для круглого стола, указаны, в общем-то, и те конкретные проблемы практического характера, которые связаны, например, с судебным толкованием, преодолением правовых пробелов и противоречий, коллизий, со способами их устранения как в процессе осуществления конституционного контроля, так и в рамках других форм осуществления правосудия, и т. д., и т. п.

И если говорить опять же в абсолютно тезисном варианте о каких-то подходах к судебному конституционализму, я хочу отметить, что судебный конституционализм не сводится к сумме решений Конституционного суда, его формирование не ограничивается только конституционно-судебным нормоконтролем. Для меня принципиально важно понимание того, что вся судебная власть (в лице высших судебных органов) участвует в формировании судебного конституционализма, хотя, конечно, преобразовательная роль Конституционного суда наиболее важна, активна в этом отношении.

Вероятно, несколько упреждая критику, могу сказать, что она возможна с различных позиций. Например, профессор Сурен Адибекович Авакьян не согласен с этим подходом по достаточно простой причине — простой в плане ее восприятия. Он считает, что без изменения самого текста Конституции, без принятия новой Конституции никакого развития, преобразования Конституции, ее «оживления» через преобразовательную деятельность Конституционного суда быть не может.

С другой стороны, мой уважаемый коллега не только по науке, но и по Конституционному суду, — профессор Николай Васильевич Витрук, как раз напротив, исходит из того, что Конституцию надо исполнять, а не менять или заниматься ее реформированием. Но надо уточнить, какой смысл вкладывается в это. Николай Васильевич считает, что ее надо исполнять таким образом, чтобы строго следовать букве Конституции, а признание за Конституционным судом преобразовательной функции чревато отходом от конституционных установок.

При этом *нельзя отождествлять понятия «живой Конституции» и «живого» (судебного) конституционализма.* «Живой» (судебный) конституционализм — не только (а, возможно, и не столько) «оживление» с помощью судебного-правового инструментария собственно Конституции, сколько «рихтовка» всех составляющих компонентов и институтов системы конституционализма, включая, естественно, и конституционную практику, конституционную культуру в обществе и государстве.

Попутно могу отметить, что и национальная практика конституционного правосудия, и практика Европейского суда по правам человека свидетельствуют, что без учета социокультурных факторов, анализа конкретно-исторических условий конституционный контроль невозможен. И, соответственно, только на такой основе становится возможным принятие таких судебных решений, которые, в том числе, могут наращивать в определенной степени и нормативный массив, и доктринальные начала современного конституционализма.

В этом плане рискну высказать если не крамольную, то в чем-то парадоксальную мысль. Мне кажется, что первой страной, где появился и начал произрастать судебный конституционализм, были Соединенные Штаты Америки. Речь не только идет о знаменитой формуле, что Конституция США — это то, что о ней говорят судьи Верховного суда. Важнее роль судебной власти США в развитии правовой и даже (в определенной степени) политической системы, прав и свобод граждан. Например, не имеющие конституционно-закрепления социально-экономические права получили признание в США через судебные решения. То есть, фактором жизни Конституции является не ее буква, ее текст, а соответствующий реальным социальным условиям ее дух, находящийся в единстве с «телом» судебных решений. Не случайно относительно недавно встретил такой подход, в соответствии с которым в качестве фактической (подчеркиваю — «фактической», то есть существующей наряду с юридической) конституции Соединенных Штатов рассматривается вся совокупность решений судебных органов, которые вторгаются в конституционно-нормативный массив. И это не просто прецедентное, общее право; это уже выход на уровень живого, судебного конституционализма в единстве его нормативных начал и самой практики их реализации и т. д.

Оживление Конституции и системы конституционализма через конституционный контроль — это, в том числе, *поиск баланса в соотношении естественно-правовых и позитивистских начал* в Конституции и в современном конституционализме. То,

что для философии имеет значение двух линий (философских направлений) — «линии Платона» (идеализм) и «линии Аристотеля» (материализм), для юриспруденции и конституционализма означают *естественно-правовой* и *позитивистский* подходы. В этом плане наша Конституция и система конституционализма, думается, основываются не на мировоззренческом монизме, а на мировоззренческо-правовом плюрализме. Немало абсолютно конкретных положений Конституции в чистом виде содержат естественно-правовые подходы XVIII–XIX веков (например, ст. 2, 17, 18 и др. — если кто-то посчитает необходимым уточнить, готов конкретизировать соответствующие положения) и, с другой стороны, имеются положения абсолютно позитивистские. Поиск баланса между этими векторами — не только правопонимания, но и правоприменения — важная задача конституционного правосудия, которую оно решает через вторжение и в нормативную, и в доктринальную, и в практическую, онтологическую сферы конституционализма.

Конечно, есть и другие направления оживления конституционализма, формирования судебного конституционализма. Но в связи с этим уместно отметить, что Конституционный суд, наряду с другими принципами, выработал и *принцип конституционной сдержанности*. Понимаю, что сейчас, в рамках круглого стола я далек от последовательного следования этому принципу. Но хотя бы сейчас я о нем вспомнил и заканчиваю свое выступление. Спасибо за терпение.

Шевелева Н. А.:

— Уважаемые коллеги, я предлагаю работать в следующем режиме: у нас есть несколько докладчиков, которые выступят со своим видением отдельных проблем. Но сейчас я предоставляю слово академику Юрию Кирилловичу Толстому, во-первых, как непосредственно связанному со становлением Николая Семеновича. Во-вторых, Вы, Юрий Кириллович, стояли у истоков отечественного конституционализма.

Толстой Ю. К., академик РАН, д.ю.н., профессор юридического факультета СПбГУ:

— Я не ожидал, что мне первому предоставят слово. Несколько слов отвлеченных, но имеющих хотя бы косвенное отношение к нашей истории, истории нашего конституционализма. Меня, конечно, интересуют все эти проблемы, и интересуют главным образом в плане соотношения публичного и частного права.

Вы знаете, что у нас сейчас идут широким фронтом работы по совершенствованию гражданского законодательства. Причем в ходе этих работ наметилась тенденция, я бы сказал, чрезвычайно опасная, направленная на то, чтобы все нормы частного права сосредоточить в Гражданском кодексе, не останавливаясь перед тем, чтобы многие из норм частного права, содержащихся в других кодексах, перетащить в ГК. Эта тенденция сводит на нет те кодексы, которые примыкают к ГК: природоохранный кодекс, семейный кодекс, жилищный кодекс. А ведь основная задача — о чем и Николай Семенович говорил — состоит в том, чтобы состыковать нормы публичного и частного права. Если мы на долю этих кодексов оставим только нормы публичного права, а все частное право перенесем в Гражданский кодекс, то это вызовет еще большую путаницу в применении этих норм и еще более широко откроет двери для всякого рода махинаций и злоупотреблений.

Мне довелось буквально парой слов перекинуться по этому поводу с Дмитрием Анатольевичем Медведевым, и я, так сказать, постарался донести до него, что считаю эту тенденцию крайне опасной и постараюсь в самое ближайшее время выступить с обоснованием этой идеи. Причем, поймите меня правильно, я вовсе не ратую за возрождение концепции хозяйственного права в том первоначальном виде. Я сторонник идеи, высказанной одним из моих учителей, Владимиром Константиновичем Райхером в его монографии «Общественно-исторические типы страхования»; в этой монографии им была высказана идея о многомерности системы права, о том, что отрасли права могут существовать не в каком-то одном измерении, а в самых различных измерениях, и,

соответственно, можно различать и первичные, и вторичные, и третичные отрасли права. Поэтому мне представляется это положение чрезвычайно важным.

Не скрою также — меня настораживает термин, к которому часто прибегает Сергей Степашин, а именно — понятие «конституционная экономика». Честно говоря, я не понимаю, какое содержание вкладывается в это понятие, потому что, с моей точки зрения, вся экономика, если она находится в рамках правового поля, является конституционной, независимо от того, идет ли речь о крупном, среднем или малом бизнесе. А если экономика находится вне правового поля, она является антиконституционной, и с ней нужно вести борьбу всеми имеющимися в распоряжении государства средствами.

Что касается прозвучавших здесь идей, то я, честно говоря, очень с большой опаской отношусь к идее противопоставления права и закона, потому что ведь в крайнем своем выражении мы помним, к чему это привело, — к роковым событиям 1993 года, когда жонглировали понятиями «легитимность» и «легальность», и говорили о том, что разгон парламента, конечно, не легален, потому что президент не наделялся правом роспуска парламента, это был насильственный разгон парламента. Но с точки зрения высших принципов права это якобы легитимно. Я считаю такую постановку вопроса абсолютно неприемлемой, и, с моей точки зрения, такое противопоставление в таком гносеологическом аспекте по существу смешивает право с правосознанием. Мне кажется, что да, мы можем все, что угодно говорить о том, каким мы хотим видеть право, но это ведь еще не означает, что это право, которое нужно соблюдать и которому мы должны следовать. Поэтому я сторонник нормативного понимания права; как говорится — не до жиру, быть бы живу. Мы еще не научились-то и нормы права применять и грамотно толковать, а когда нам (это не относится к Николаю Семеновичу) подбрасывают идею — та же Тамара Георгиевна Морщакова придерживается этого мнения — о том, что, дескать, вы забудьте о законе, и если вы считаете, что закон не соответствует принципам права, которые сложились в вашей голове,

вы можете руководствоваться этими принципами. С моей точки зрения, такая позиция очень и очень опасна.

Вообще, должен сказать, что меня очень настораживают те процессы, которые происходят. Настоящая демократия, настоящий конституционализм у нас может воцариться или водрузиться только тогда, когда мы научимся цивилизованным образом (именно цивилизованным!) не только брать власть, но и достойно уходить с политической арены. Вот это будет действительно торжество конституционализма. А пока нам до этого очень и очень далеко.

Прошу меня извинить за такое, я бы сказал, очень несобранное выступление. Это тем более, так сказать, свидетельствует об исключительной актуальности тех проблем, которыми занимается Николай Семенович Бондарь. И я, конечно, счастлив тем, что находился в известной мере у истоков его такого блистательного восхождения по тернистому пути ученого, и прекрасно понимаю, что он во многом меня опередил. Но вы должны учесть, прежде чем бросать камни в представителей нашего поколения, в каких условиях мы формировались и как трудно давался нам каждый шаг, и какие последствия в то время за этим могли последовать.

Вот я, например, одну из своих работ начинал с очень замаскированной критики Сталина, который ограничивал круг общественных отношений, составляющих базис общества. Я же считал, например, что в этот круг должны входить отношения в сфере потребления, и так далее. Слава Богу, этого никто не разглядел, а если бы разглядел, то может быть, я не имел бы удовольствия быть сегодня вместе с вами. Поэтому представители молодого поколения, которые раскрепощены, относитесь к нам снисходительно и не старайтесь всякий раз бросать в нас камни. Помните, что вы все-таки формировались как ученые и можете сполна реализовать себя в условиях, которые неизмеримо благоприятнее для самостоятельной творческой деятельности, чем это было у нас. А то, что мы передали эстафету в надежные руки, я думаю, одно это свидетельствует о том, что мы в свое время все-таки не зря трудились и не зря делали свои очень робкие шажки в науке.

Я с глубочайшим уважением отношусь к Николаю Семеновичу и очень рад тому, что имею возможность присутствовать на этом заседании, ну и я думаю, что коллеги, которые куда более подготовлены к этим вопросам, чем я, думаю, они достойно продолжают то, что говорил Николай Семенович, так что благодарю вас за внимание.

Шевелева Н. А.:

— Благодарю, Юрий Кириллович. Ваши слова — лучшее подтверждение тому, что теория конституционализма — это живая теория и делается живыми людьми.

Крусс В. И., *заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, д.ю.н., профессор:*

— Тема моего доклада была заявлена следующим образом: «Философия, теория и практика реального конституционализма в России: достоверность и перспективы утверждения». Могу сразу сказать, что этот доклад существует пока еще в рамках спекулятивного проекта в сфере моего сознания. Сейчас же я буду говорить на тему соответствующего доклада и преимущественно о книге Николая Семеновича Бондаря, благодаря которой мы все здесь сегодня собрались, за что я ему в очередной раз крайне благодарен.

Начну с фразы, которая мне очень нравится, которую я никогда не использовал в отношении самого себя. Но она любопытная, звучит следующим образом: хвалите себя чаще — источник забудется, а мнение останется.

Я хочу себя похвалить за то, что так ли это, или мне кажется, но я определенным образом все-таки способствовал тому, что состоялся этот круглый стол и что здесь собрались люди, которые, безусловно, должны собираться и высказывать очень важные и, я надеюсь, очень интересные мысли об актуальном и насущном в российском правоведении, в российском конституционализме.

Я был здесь, в этом же зале, около двух месяцев назад, и многие из присутствующих тоже здесь были. Мы были на конференции, которую проводила кафедра теории права Санкт-Петербургского государственного университета, где речь шла о проблематике правовой системы Российской Федерации, и там я пытался говорить о том, что главной проблемой правовой системы Российской Федерации является дефицит конституционного правопонимания, потому что, на мой взгляд, современная отечественная наука — а она позиционируется прежде всего как теория права — пребывает, в общем, в очень унылом состоянии, в некоей рецессии идеологической; в представлениях о праве бытуют в основном сумерки либо присутствует вялая ретроспектива в контексте вульгарного позитивизма, который, к сожалению, по прежнему преподносится студентам XXI века как некая научная истина о праве; но есть и такие модернистские проекты, как, допустим, коммуникативный подход, который, как я знаю, укоренен на почве Санкт-Петербургского государственного университета, где совершенно справедливо сделан акцент на новые постклассические методологии познания права. Однако, на мой взгляд, очень мало онтологии и подлинного соотношения с неким подлинным правом.

Я спросил тогда на конференции, почему здесь нет Николая Семеновича, тем более, что стенд, посвященный выходу его книги, висит в коридоре; ведь это человек, который наряду с другими, выдвигает идеи, обосновывает их в течение всего своего творческого пути, которые совершенно очевидно ведут к необходимости и к обоснованию существенных и содержательных параметров этого нового правопонимания, актуального правопонимания, необходимого для России XXI века, которое должно определяться, на мой взгляд, как конституционное...

Что касается Н. С. Бондаря... То, что он написал; то, как он говорит об этом — ведь это, с одной стороны, высказывания судьи Конституционного суда, а, с другой стороны, — это высказывания ученого, который занимался и по своей официальной номенклатурной профессии является представителем науки конституцион-

ного права; это высказывания очень оригинального, очень последовательного концептуалиста в области права, в области философии, на мой взгляд, и теории права.

Другое дело, что это все напрямую связано с конституционализмом, с философией и теорией конституционализма. Но разве можно на сегодняшний день вообще разделить хоть каким-то образом конституционализм и право как явления не только взаимосвязанные, но и взаимоподчиненные неким особым образом? Безусловно, нельзя, и поэтому мне очень жаль, я не знаю, есть ли здесь те, кто достоверно специализируется именно в области теории права, а может быть таковых сейчас нету вообще, потому что и теоретики понимают, что им все-таки нужно приобщаться и к отраслевой науке, и, прежде всего, к науке конституционного права. Но было бы, на мой взгляд, не лишним им здесь побывать, и совершенно не лишним было бы, конечно, взять вот эту книгу Николая Семеновича Бондаря.

Это не первая его книга, в которой такие идеи высказываются. В его работах есть отчетливая научная преемственность. Здесь, в этой книге мы находим эксплицитное такое обобщение предшествующих его идей, но и как всякая система она генерирует нечто совершенно новое, что было для меня чрезвычайно любопытным. Это заявка на полноценную философию российского конституционализма, на мой взгляд, которая как раз может и должна быть положена в основание преподавания в том числе и теории права в российских юридических вузах.

Моя задача, наверное, не сводится к тому, чтобы говорить о том, насколько хороша эта книга. Здесь надо говорить о чем-то и своем, в том числе, но мне в этом отношении с Николаем Семеновичем очень тяжело приходится, потому что, сколько я себя помню в науке (а мы познакомились с Николаем Семеновичем — так получилось — когда я еще только стучался в двери научных аудиторий российской науки), столько мы с Бондарем говорим об очень схожих вещах и сходным образом воспринимаем проблему права. Иногда случается, что мои высказывания, когда я перечи-

тываю труды Бондаря, оказываются высказываниями Николая Семеновича.

Но единственное, что меня утешает, — все-таки будучи единомышленником Николая Семеновича в отношении проблем философии права и конституционализма, я, наверное, от него отличаюсь. И эти отличия будут проявляться в том, что мне удастся сегодня сказать, в том числе и о его книге.

Он неоднократно говорил, что ждет сегодня критики своего труда, в том числе и от меня, но я не знаю, насколько это будет критика, это, наверное, все-таки будет некая артикуляция немножко иной позиции, которая может показаться тоже кому-то уж чересчур даже эпатажной, потому что если додумать до конца суть моей позиции, то получится, что я хочу быть конституционнее Николая Семеновича Бондаря, что само по себе звучит не то что амбициозно, но патологично амбициозно. Единственное, что меня утешает в этом отношении, что это не корысти ради.

Николай Семенович — очень корректный человек, он очень культурный в обыденном и хорошем русском интеллигентском смысле слова. Сегодня он упомянул о принципе конституционной сдержанности. Я не знаю, в каком аспекте этот принцип распространяется все-таки на научную полемику, на сферу научной дискуссии, но я, наверное, менее сдержанный человек в этом отношении, и вот эта моя несдержанность, может быть, проявится и по отношению к тому, что я хотел бы сказать о его работе и о его мыслях.

Я еще раз подчеркну — книга замечательная... Здесь сидят студенты, и они, когда будут эту книгу читать, то, если захотят составить емкое и, на мой взгляд, очень точное представление об этой книге, им достаточно будет несколько раз внимательно перечитать ее оглавление. У Николая Семеновича очень интересная манера — он дробными фрагментами представляет свои научные работы, книги, и каждый этот фрагмент очень емко, квинтэссенционным образом обозначен. Все оглавление книги, каждое название параграфа — это на самом деле идея, идея современного консти-

туционализма. Получается, что в формате оглавления представлен сводный конспект всей работы, который пригоден для любых возможных суждений по проблематике российского конституционализма. Но здесь все-таки нужно договариваться о понятиях.

Итак, судебный («живой») конституционализм Российской Федерации в свете решений Конституционного суда...

И вот сразу первое, о чем я подумал. Это очень интересно было, что именно судебный конституционализм. Но в какой мере судебный конституционализм объемлет, подумал я изначально, поглощает в себя или каким-то образом он соотношен с тем, что я, и, насколько я знаю, Николай Семенович тоже, неоднократно определял, как реальный конституционализм в России? И — «живой» — ведь использование этого понятия, безусловно, отсылает и к Эрлиху, а судебный конституционализм отсылает и к Холмсу, и к Харту, и к Дворкину. И сразу окажется, что нас направляют в парадигмальном, концептуально своеобразном измерении правовой мысли в сторону англо-саксонской правовой традиции.

Николай Семенович нам поясняет, что ничего подобного не имеет места, что перспектива перехода к судебному, а все-таки, наверное, к реальному конституционализму, она возможна с совершенно различных подходов, связанных с теми или иными правовыми системами, укоренившимися в различных правовых культурах. Это, безусловно, так, но все-таки — «судебный», или «реальный», или «живой» конституционализм? И до какой степени взаимозаменяемы эти понятия?

Я свой радикализм, отчасти, связываю не с несогласием с Николаем Семеновичем, а как раз с тем, что нужно говорить, думаю, именно о *реальном* конституционализме, о котором пишет Николай Семенович. И первый его тезис — о том, что реальный конституционализм невозможен без юридической конституции. Я всегда говорил и убежден в этом — вопрос о соотношении права и конституции необходимо рассматривать с точки зрения соответствия права конституции. Конституция в этом смысле выше права, она является источником всего права, в том числе и права, ко-

торое номинально называют конституционным; которое изучают в контексте традиционного отраслевого позиционирования науки «Конституционное право»; которое, на самом деле, является узким конституционным правом; является конституционным правом, завязанным преимущественно на проблематику институтов практического конституционализма и чисто декларативное, осведомительное приобщение к теории прав человека. Конечно, таким образом, наука конституционного права свой современный предмет определять не должна. И не нужно, наверное, и Конституцию нам определять какими-то дополнительными характеристиками, достаточно остановиться на том, что она есть Конституция XXI века, Конституция российского демократического выбора XXI века, и это говорит очень о многом, если не обо всем.

Далее, в той же связи Николай Семенович развивает тезис о том, что в реальном конституционализме нас ожидает или уже присутствует некое единство социокультурных и нормативно-правовых характеристик. Я в связи с этим рискую, может, на этот счет быть непонятым, но скажу вот что: на мой взгляд, утверждение такого единства переводит реальный конституционализм в область внутренне противоречивых понятий. Мы знаем, на самом деле, что в российской действительности такого социального единства, безусловно, нет. Более того, можно говорить скорее о приметах, признаках и даже, может быть, о тенденциях разобщенности и противоречивости применительно к социокультурным нормативно-правовым параметрам, которые прежде всего выводятся из российской Конституции.

Что из этого следует? Из этого следует, что реальный конституционализм есть некая первоначальная, во многом становящаяся, утверждающаяся социальной российской конституционной действительностью величина (измерение). Реальный конституционализм раскрывается и утверждает свою природу, но в этой связи, прежде всего, необходимо определиться с тем, на какой основе это происходит, на какой конституционной (или конституционно-достоверной, мировоззренческой, философ-

ской, научно-методологической) основе возможно утверждение реального конституционализма. И когда мы додумываем до конца возможные варианты ответов на этот вопрос — и об этом написано в конечном счете у Николая Семеновича Бондаря — то мы находим, что никакой достоверной конституционной основы для утверждения реального конституционализма в России, кроме конституционной юстиции, и, прежде всего, кроме правоинтерпретационной, правоустановительной, правокорректирующей практики актов и решений, правовых позиций Конституционного суда не существует.

Это совершенно точно, это бесспорное положение, насколько бы оно ни казалось неприемлемым с учетом каких-то традиционных представлений о праве или о роли судов, судебной власти в системе разделения властей и т. д. А это означает, в свою очередь, что имманентные, в том числе социокультурные начала российского реального конституционализма, если мы исходим из необходимости реального конституционализма и из признания этой интенционально-заданной сверхценности реального конституционализма, то имманентные начала, в том числе социокультурные, укоренятся в сфере коллективного разума Конституционного Суда Российской Федерации, который, хочется надеется (во всяком случае так должно быть), развивается под влиянием общероссийской конституционно-правовой доктрины. Может, можно сказать всемирной, хотя тенденции и процессы глобализации настолько одиозны зачастую, что хочется иногда и дистанцироваться от глобального формата конституционно-правовой доктрины.

Далее. Единственным вариантом утверждения реального конституционализма в социальной действительности оказывается процесс переноса или ретрансляции соответствующих доктринально-нормативных идей в сознание субъектов и участников конституционно-правовых отношений, и здесь я сразу оговорюсь, что, на мой взгляд, никаких — я понимаю, насколько это, может быть, позабавит Юрия Кирилловича, — никаких отношений юридически значимых, кроме конституционно-правовых

отношений, по сути, и не существует в современной действительности, и существовать не может. И, следовательно, участники, которые включаются в юридически значимые, так или иначе всегда конституционно-правовые, отношения, должны быть каким-то образом просвещены, может быть, посредством решений Конституционного суда, в части философии идей и основных констант реального конституционализма.

И в этой же связи мне глубоко близка (я знаю, что не в первый раз Николай Семенович высказывается на эту тему) его позиция о порочности разделения национальной и конституционной культур. Применительно к российскому конституционализму это означает, так или иначе, формирование российской правовой конституционной культуры, не сводя ее к западному мировоззренческому выбору, который, как мы знаем, опирается на низведение христианской культурной традиции Запада до протестантской этики и прогрессивного меркантилизма. Все это ставит и глобальный мир в экономическом и социокультурном, и политическом измерении в ситуацию перманентных псевдореволюций, а на самом деле — перманентного приближения к чрезвычайно нестабильной, на мой взгляд, социально-политической глобальной конфигурации. И в России в этом отношении есть все предпосылки к тому, чтобы все-таки утверждать самобытность и подлинность национального российского реального конституционализма и, безусловно, в контексте именно православной культурной традиции, потому что именно здесь коренятся основы российской национальной идентичности, они содержат основополагающие, опорные мысли, в том числе применительно к философии прав и свобод человека, которые являются важной составляющей, а может быть, лейтмотивом философии реального конституционализма.

Далее. Методологическая составляющая обсуждаемой проблемы... Я тоже пытаюсь в последнее время заниматься проблемой методологии права в контексте философии права и прав человека, конституционализма, и нахожу очень мало того, что давало бы мне в этом отношении поддержку, какие-то ориентиры. А вы-

сказывать свои собственные идеи в этом отношении, в этой сфере чрезвычайно опасно и ответственно. Я поэтому сразу обратился к тому разделу работы Николая Семеновича, где заявлена методология реального конституционализма, но я не скажу, что там нашел какие-то сверхоткрытия, но опять-таки подтверждение правильных направлений собственных изысканий. Такое дистанционное одобрение Николая Семеновича мне было приятно ощутить.

О чем идет речь? Действительно, методология познания современного права, которая является одновременно методологией его конструирования и методологией обоснования его надлежащего и достоверного объективирования, зависит в конечном счете от того, как и где мы определяем пространство и место этого реального конституционализма. И здесь мы, безусловно, не можем обойти вниманием проблему соотношения права и закона. Разумеется, ни в коем случае нельзя противопоставлять право закону; разумеется, это будет чревато очень серьезными негативными издержками и катаклизмами на всех уровнях юридически значимых отношений, но и нельзя, безусловно, и так же опасно не понимать или делать вид, что мы не понимаем, глубокой необходимости, научно обоснованной, исторически обоснованной необходимости различения понятий права и закона. И с точки зрения философии реального конституционализма решать проблему соотношения права и закона методологически выверенным и корректным образом можно только на основе философской пропозиции относительно нормативно-доктринальной роли судебной власти.

Я подчеркну — это в книге у Николая Семеновича не подчеркнуто, но в своем выступлении он это подчеркнул — в лице прежде всего Конституционного суда (но не только в его лице) и в целом судебной власти мы действительно имеем генератор права. Я убежден, что все споры о том, в какой мере судебная власть является источником права, — глубокий атавизм. Но здесь речь идет не только о том, что судебная власть в лице Конституционного суда и судебная практика являются специфическим источником права, но и о том, что она является движущей силой в развитии и

обогащении теории и практики современного конституционализма. И это очень важно!

Конечно, дистанция огромного размера лежит между Конституционным судом и каким-нибудь судом, имя которого стало уже именем собственным и нарицательным, например, Басманным. Но речь идет о том, как в принципе может развиваться теория современного права, теория и практика современного конституционализма. На мой взгляд, исключительно через судебный и в этом смысле живой контекст бытия права, потому что все-таки нормологическое, архаическое восприятие права несет не меньшие угрозы, чем те угрозы, которые сопряжены с неоправданным расширением, допустим, судебной дискреции, судейского усмотрения. Здесь нет неоправданного и оправданного, здесь есть необходимая пересылка; необходимая, объективно обусловленная ситуация перехода к признанию не судебных прецедентов; конечно, потому что судебный прецедент — это тоже очень узкое понятие, и в этом отношении оно соотнесено с другой культурой, с другим текстом, с другим тезаурусом. Здесь нужно говорить о том, что именно судебная практика в целом и особая, конечно, судебно-властная практика Конституционного суда являются генераторами и правовой материи, и правовой идеи.

И в этой связи последнее, что я обозначу, — это проблематика одного из явлений, которое сегодня уже было озвучено и которое кажется мне весьма спорным. Это понятие и явление определяется как конституционное мировоззрение. Николай Семенович неоднократно высказывался в пользу достоверности существования такого мировоззрения и возможности утверждения его в статусе именно конституционного. Более того, об этом же говорил еще один уважаемый и в определенном смысле тоже мой наставник — старший юрист, педагог, конституционалист Николай Васильевич Витрук. Они сторонники обоснования того, что в конституционном мировоззрении есть нечто достоверное, подлинное и вполне актуализируемое в этом отношении. Я хотел бы немножко в этом отношении поспорить. Николай Семенович избегает, как

он сказал, дефиниций дидактического толка, но такая дефиниция — «конституционное мировоззрение» — у него есть. И смотрите, что получается: конституционное мировоззрение — это «система принципов, взглядов, ценностей, идеалов, убеждений, определяющих отношение личности, социальных групп, общества в целом к государственно-правовой действительности, их понимание конституционных начал, демократическая организация общества и государства, правовых механизмов обеспечения свободы личности». Вот так, коротко. Но разве мировоззрение в первоначальном, собственно, философском значении этого термина, к которому нас побуждает научная достоверность, ограничивается горизонтом, пусть даже таких широких, представлений и отношений?

Все-таки мировоззрение предполагает то базовое, исходное, всеопределяющее позиционирование, тот личностный выбор, который касается самых главных и, собственно, философских вопросов человеческого рефлексивно настроенного разума. Это вопросы о смысле назначения человека и человеческого, о достоверности и направленности исторического времени. И понятно, что та версия, та интерпретация конституционного мировоззрения — она далека до такого уровня мировоззренческой проблематики, она все-таки не поднимается до него, хотя уровень конституционного мировоззрения в трактовке Бондаря — это очень широко. Но философии реального конституционализма, в отличие от такой версии, есть что сказать и именно по мировоззренческим вопросам. Сказать не просто так, а дабы утвердить конституционную идентичность мировоззренческих суждений.

В этом отношении есть одно конституционное положение, которое меня всегда немного смущало и которое я пытался, в том числе, обсуждать со студентами — вопрос, который я несколько раз хотел задать Николаю Семеновичу, но никак не представлялось подходящего момента. Он и сам предупреждает этот не только мой, наверное, вопрос, утверждая в своей работе, что есть конституционные положения, которые действительно, с одной стороны, определяют требования политического и идеологического плюра-

лизма, устанавливают запрет на государственную общеобязательную идеологию в Российской Федерации, а, с другой стороны, есть конституционная доктрина и доктринально-нормативный посыл — конституционная юстиция российского Конституционного суда — которая побуждает к выработке некоего конституционного мировоззрения.

Здесь имеет место внутриконституционная коллизия. По мысли Бондаря, она раскрывается в контексте объективного процесса юридизации соответствующих принципов, идей, представлений и ценностных нормативов. Мне думается, что это не ответ. Мне думается, что это либо попытка ответа, либо все-таки уклонение от действительно серьезного, существующего здесь проблемного вопроса, на который рано или поздно придется ответить. Но прежде придется определиться с соотношением понятий «идеология» и «мировоззрение».

Ну и самое главное для меня — может кто-то сочтет это несколько излишним — такое нагнетание этого контрапункта, его артикуляция, но все-таки — в систему конституционного мировоззрения, получается, должны войти одновременно мировоззрение религиозное и мировоззрение атеистическое или контррелигиозное. Я не очень себе представляю, в какой степени и как это может быть включено, если это будет именно мировоззрение. Поэтому мне представляется, что, возможно, имеет смысл отказаться от использования этого понятия? Может, нам нужно сосредоточиться на проблеме именно конституционного правопонимания, потому что, безусловно, конституционное правопонимание будет включать в себя и политико-идеологические, и эмоционально-волевые, и психологические, и национально-культурные аннотации аспекта, но все-таки, каким-то образом здесь будет снята без отрицания и без попытки забыть о том, что эта проблема — фундаментальной мировоззренческой идентичности российского конституционализма — существует? Кроме того, мы не знаем, как будет развиваться исторический сценарий сохраняющегося противостояния российской и западной мировых конституционных систем.

Ну и, поскольку мое время совершенно точно закончилось, я просто хочу сказать спасибо, Николай Семенович, за книгу. Будем читать, будем думать, будем пытаться говорить что-то новое в этом отношении.

Я ничего не сказал о достоверности и перспективах утверждения в российской правовой системе того, о чем Вы пишете. Мне кажется, что эти перспективы не очень хороши, и главным образом это связано с тем, что мы имеем чрезвычайно удаленную в целом от философии и теории реального конституционализма юридическую практику в Российской Федерации.

И я еще сведу это к аспекту юридино-образовательному. Мы в последний раз, в том числе со многими коллегами, здесь присутствующими, встречались на семинаре в Российской юридической академии, Кутафьевской юридической академии, где обсуждали проблематику преподавания и рабочих планов учебных дисциплин по конституционному праву для бакалавриата и магистратур. Я тогда об этом не говорил, но сейчас очень коротко скажу: ситуация удручающая. Конечно, с одной стороны, мы будем в системе бакалавриата готовить юридических клерков, с другой стороны, нам необходимо готовить юридических профессионалов. Делать это придется, видимо, в магистратуре, и вот здесь как раз решающим должен стать блок этих теоретико-конституционно-правовых дисциплин, разработок, в том числе и авторских, включающих, например, проблематику конституционного регулирования экономических отношений; конституционного регулирования культурно-коммуникационных процессов, связей и отношений; конституционного регулирования отношений в сети Интернет и т. д.

Двигаясь в этом направлении, мы все-таки придем к укоренению достоверных начал конституционного правопонимания в сознании новых поколений юристов, а, может быть, затем они станут и судьями, и тогда уже судебная власть в целом, по моему мнению, сможет включиться в сложное, очень длительное и неоднозначное по своей перспективности дело по утверждению реального конституционализма в России.

У меня есть толковый аспирант. Он собирается писать диссертацию по проблематике конституционализации гражданского судопроизводства. Я его обрадовал, сказал — вышла книжка Бондаря — возьми почитай, она тебе очень поможет. Он прочитал вашу книжку, пришел ко мне очень грустный и сказал: «А что же мне теперь писать? Здесь все уже написано...» Так что спасибо, Николай Семенович, еще раз за все!

Шевелева Н. А.:

— Спасибо, Владимир Иванович. Я должна только сказать, что будущее нашего конституционализма присутствует у нас в этом зале, в том числе и студенты. Они сегодня нас как раз слушают, поэтому я очень рассчитываю, что они получают заряд уверенности в том, что будущее все-таки за конституционализмом.

Гаджиев Г. А., судья КС РФ, зав. кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского филиала ГУ — ВШЭ при Правительстве РФ, д.ю.н., профессор:

— В этом году исполняется двадцать лет со дня начала деятельности КС РФ. Я так подозреваю, что Николай Семенович Бондарь, когда задумывал написать эту свою очередную книгу, он преследовал цель показать, что за это время изменилось, и какой вклад внесло в развитие российского права это скромное государственное учреждение. Мне кажется, замысел такой присутствовал, и цель достигнута.

Я внимательно почитал твою книгу, Николай Семенович, и убежден в том, что это своего рода свод всего того, о чем писали в области и конституционной юстиции, и судебного конституционализма, хотя, собственно говоря, сама эта категория появилась от тебя. Насколько мне известно, до тебя никто это понятие в его конкретных содержательных характеристиках не использовал. У нас есть много книг, фактически касающихся проблем российского конституционализма. Тема конституционализма, действительно, весьма востребованная. И академик Кутафин написал большую

книгу — «Российский конституционализм», и твоя первая книга о судебном конституционализме...

Мне показалось, что это не только как бы свод, а такая научная кодификация того, что было написано. Это своего рода и история нашего судебного конституционализма, потому что я, читая эту книгу, увидел много того, что читал в работах Николая Васильевича. Мне вообще кажется, что начал он, хотя термин «судебный конституционализм» он не использовал. Но когда еще в середине 1990-х годов он начал писать о правовых позициях Конституционного суда, — это был первый этап и первый, так сказать, уровень обобщений. Вот тогда начались изменения наших взглядов о том, что такое источники права, тогда мы начали говорить о прецедентно-подобных решениях российских судов. Все началось с этих первых работ по теории права. Я думаю, что здесь, Николай Васильевич, Вам принадлежит пальма первенства. А потом появились работы о конституционно-правовой аксиологии, о балансе конституционно-правовых ценностей.

Николай Семенович призвал нас не просто обсуждать работу, но и каким-то образом высказать идеи, которые можно было бы использовать для дальнейшего развития и разработки темы судебного конституционализма. И я последую его совету.

Я хочу поговорить о судебном признании прав и свобод человека. У нас ведь в Конституции есть своего рода свой собственный компендиум, то есть сжатое суммарное изложение основных положений всего конституционного права. Конечно, это первая глава, которая называется «Основы конституционного строя». Само название этой главы и завершающая ее статья 16 говорят о более высоком положении норм этой главы среди всех положений Конституции. Но если посмотреть на эту главу, то и в ней есть свой компендиум, то есть свернутое содержание всей этой главы. И с моей точки зрения это, конечно же, статья 2. Она состоит из двух важнейших положений. Эти несколько строк в Конституции, в статье 2, — итог, венец многовековых философско-правовых рассуждений, наверное, от Аристотеля и ближе к Канту. Кант — это,

по-моему, вообще самый великий философ права. И вот в статье 2 мы читаем, что человек и его явления в сфере правовой действительности в виде его прав и свобод — это высшая ценность, то есть это превыше всего. Вторая идея, которая присутствует в статье 2, следующая из первой идеи, — обязанность публичной власти, обязанность государства. Государство должно признавать права и свободы, оно должно эти права и свободы соблюдать и защищать.

Понятное дело, что, когда говорят о задачах той части государственного аппарата, которая представлена судами, то подразумевают необходимость признания роли судов в защите прав и свобод. Но можно ли поставить вопрос следующим образом: а суды могут участвовать в признании прав и свобод? И вообще, кто занимается со стороны публичной власти признанием прав и как осуществляется признание прав вообще? И можно ли связать это обстоятельство (признание прав) с судебным конституционализмом? Судя по тексту Конституции, признает права только публичная власть в виде государства, потому что, если мы посмотрим преамбулу — что там говорится о правах и свободах — то мы там обнаружим, что источником всякой власти, в том числе конституционно-учредительной, является многонациональный народ Российской Федерации, который эти права и свободы утверждает. Не признает, а именно утверждает! Что же касается признания, я повторяю, это все-таки некая прерогатива публичной власти. И признание прав и свобод государством осуществляется самыми разными способами. Ну, допустим, права жителей муниципальных образований государство признает, признавая и гарантируя местное самоуправление (статья 12 Конституции РФ).

Признавая экономическую свободу как очень высокую ценность, а также признавая равным образом частную и публичную формы собственности, государство тем самым признает за каждым человеком право на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Вот, кстати, по поводу этой части 2 статьи 8 — такая нехарактерная для других конституций

формулировка и принцип, которого, в общем-то, в других конституциях нет, — о равенстве защиты и форм собственности. Много всякого рода есть комментарии по поводу этого принципа. При этом частная собственность ближе, я бы так даже сказал, милее нашему законодателю; милее, потому что она названа первой. Если сравнивать со статьей 10 Конституции СССР, в которой первой значилась социалистическая собственность, а личная собственность была только в статье 13, то, очевидно, эти приоритеты, вырисовываются. И поскольку есть эти две формы собственности — частная и публичная — наверное, можно говорить о разновидностях и частной и публичной собственности. Я думаю, что мы мало говорим о разновидностях публичной собственности. С частной все понятно — Гражданский кодекс как экономическая конституция — всем нам в этом смысле понятно, хотя и там тоже есть проблемы. Я никак не могу согласиться с тем, что, скажем, собственность Русской православной церкви — это частная собственность. Ну, не понимаю, извините, не понимаю. Это по объему и по своей структуре собственность, которая, конечно же, является публичной. В моем понимании это подпадает под категорию Конституции «иная форма собственности», но это публичная собственность, а не частная, как у нас в Гражданском кодексе. Тут, конечно, еще возникают проблемы с нашими корпорациями — что это такое и какая у них собственность? С точки зрения действующего порядка — это какая-то, получается, частная собственность. Но, конечно же, это не так, никакая это не частная собственность. Это, очевидно, публичная собственность.

Признавая идеологическое многообразие и многопартийность (статья 13 Конституции РФ), наше государство признает ряд духовных конституционных прав. Это и право на свободу творчества, это и академические свободы, ну и т. д. Есть еще один интересный эпизод Конституции. Признавая права и свободы, наше государство открыто считает необходимым и допустимым прибегать к рецепции. Если избавиться этот термин от исторического контекста, от исторических наслоений, то под рецепцией понимается всякое

заимствование и приспособление нашим обществом социологических и культурных правил и норм, возникших в других странах и даже в другую эпоху. Сейчас я имею в виду признание прав и свобод нашим государством согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Это статья 17 Конституции РФ, и эта же идея повторяется в статье 55 Конституции, в части 1. Это очень интересный вопрос — рецепция общепризнанных прав и свобод. Рецептруя эти принципы и нормы о правах, наш народ — я сейчас говорю словами и терминами преамбулы Конституции — чья память предков, то есть, не забывая, кто мы и какие мы, какие у нас сложились представления, исторические представления о справедливости и о добре, вместе с тем сознает себя частью мирового сообщества. И это сложное диалектическое единство, о котором говорится в Конституции.

И вот тут появляется развилка: а могут ли суды, национальные суды (и какого уровня) признавать права и свободы человека? Я думаю, что на этот вопрос наша Конституция дает ответ положительный, и она тем самым доверяет и даже уполномочивает, я думаю, все высшие суды (не думаю, что можно говорить о монополии одного суда — Конституционного) — извините меня, сейчас произнесу слова, которые могут несколько покоробить, — выступать в качестве современных пророков, несущих народу некие сакральные юридические знания.

Я понимаю, что слово пророк — это провокационное слово и вызывает некое отторжение, но я сейчас не случайно использовал его. Может быть, оно слишком крепкое, согласен, но я думаю, что судебный современный конституционализм в качестве своей духовной предтечи имеет институт пророчества.

Я попытаюсь прояснить свою мысль. На самом деле, в конституционном праве есть еще целые пласты совершенно непознанных нами знаний. В частности, никто не писал и не занимался такой темой, как сакральные элементы в конституционном праве. А они есть... В жизни человечества был такой культурный феномен пророчества. Это было очень интересное явление. Наиболее извест-

ные пророки — они же и глубочайшие мыслители, этики Божьей милостью, юристы-конституционалисты. И Иисус Христос, и Моисей, и Мухаммед — в какой-то степени конституционалисты.

Я в литературе по конституционному праву нашел одну, только одну книгу — автор которой, кстати, наш коллега, судья Конституционного суда Армении Рафаэль Папаян — «Христианские корни современного права», и вот в этой книге я обнаружил небольшой фрагмент о пророках. Вот что пишет Папаян о пророках: «В Библии выделены лица, которые по особому Божьему благоволению являются глашатаями слова Господня. Это пророки, являющиеся наиболее вдохновленными и боговдохновенными деятелями. Они несут людям божественную истину, передавая им Господние установления, назидания, предупреждения о грозящих опасностях и катастрофах. Как правило, их слова самые нелюбимые как для общества, так и для властителей. И тем не менее они высказывают их с бесстрашием и без оглядки на лица и на возможные неприятные последствия для них самих...».

Я прерву это цитирование, чтобы провести вам уже понятную параллель с судами. И здесь даже можно провести параллель с какими-то процедурами, которые применяются в конституционном судопроизводстве — абстрактный нормоконтроль, конкретный нормоконтроль. Но я хочу и очень надеюсь быть правильно понятым — у судей нет мании величия, поэтому, когда я говорю об институте пророчества, не надо подозревать, что у нас такая мания величия появилась.

Если говорить о современном обществе, я думаю, что институт пророчества в современном обществе частично, конечно, весьма фрагментарно реализуется такими общественными институтами, как творческая интеллигенция, в какой-то части средствами массовой информации, судами в какой-то части. В этом смысле пророки — это библейская интеллигенция.

А у Владимира Соловьева, одного из наших лучших философов права, я в «Истории и будущности теократии» обнаружил следующее высказывание: «Власть пророческая представляется в Библии

как источник всех прочих властей». Известные слова Иисуса Христа о том, что никакой пророк не принимается в своем отечестве, получило подтверждение в биографии Мухаммеда. Есть очень известная притча, она была популярна у средневековых суфиев. Это притча о Соломоне. Соломон, царь Израиля, жил в X в. до н. э. Согласно представлениям суфиев, это был самый мудрый из всех живущих на свете людей, и по высказываниям суфиев никого более мудрого, чем Соломон, не будет. В Коране, в 27-й суре Корана, в уста Соломона вложены следующие слова: «Мы были обучены языку птиц, и нам были дарованы все блага». Что означает эта загадочная фраза? Согласно притче считается, что он мог воспарить и как птица летать над землей, то есть он мог увидеть картину мироздания стереоскопически, всесторонне, то есть то, что в народной мудрости выражается в поговорке «увидеть за деревьями лес». И эта способность, его удивительная способность возводит его в ранг самых великих, самых мудрых людей.

Но я возвращаюсь к теме о судебном конституционализме и продолжаю ответ на вопрос — а могут ли суды заниматься признанием прав? Если исходить из идеи неоктроированности прав, права не дарованы и не даруются государством, а представляют собой часть правовой действительности. Я думаю, что процесс объективирования этой части правовой реальности в виде прав и свобод вполне может осуществляться и с участием судов. Можно использовать такую метафору: как медленно проявляются изображения на фотобумаге — сначала легкие контуры, потом картинка становится все четче и четче, так и суды могут объективировать права и свободы.

Откуда же они, в конце концов, берутся? Это самый загадочный вопрос. Скажем, разбирает Европейский суд конкретное дело: поступила жалоба из Англии, англичане, которые живут рядом с аэропортом Хитроу, жалуются, что взлетающие над их домами самолеты не дают им спокойно жить. Статья 8 Европейской конвенции — это право на неприкосновенность частной жизни. Мы очень формально понимаем, что такое частная жизнь, и очень

узко порой. А Европейский суд говорит: знаете, это право означает, в том числе, и признание права на благоприятную окружающую среду. И вот, из частного права рождается совершенно иное право — право третьего поколения, как их потом назвали — право на благоприятную окружающую среду. Весьма дорогое, надо сказать, право; очень дорогое, если говорить об экономическом анализе этого права. Право, которое налагает на публичную власть очень серьезные обязательства. Это право, по сути дела, признано Европейским судом. Мне кажется, это такой маленький пример, который свидетельствует, что судебная власть сопричастна к процессу признания прав. Спасибо...

Витрук Н. В., судья КС РФ в отставке, заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия, д.ю.н., профессор:

— Уважаемые коллеги! Мне кажется, что Николай Семенович Бондарь сделал себе очень хороший подарок к 60-летию и 40-летию творческой деятельности, а также к 20-летию учреждения Конституционного Суда России.

Работа Николая Семеновича фундаментальна. Она углубляет теорию конституционного правосудия, подводит итоги собственных исследований, содержит попытку постановки и разработки новых вопросов теории и практики конституционного правосудия и оценку позитивных достижений Конституционного суда. Отличается монография обширной проблематикой, но это достоинство переходит в недостаток. Монография страдает словесным профицитом, благодаря повторам. Можно согласиться с общим пониманием конституционализма как единства ряда элементов конституционной теории, Конституции, конституционной практики, конституционного мировоззрения и т. д. И правильно подчеркивается взаимосвязь, взаимодействие, взаимовлияние этих элементов.

Хотелось бы остановиться на понимании судебного конституционализма. К этому пониманию Николай Семенович трижды обращается в монографии. Как он понимает судебный конститу-

ционализм? А именно — как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права, прямого действия непонятно какой конституции (в одном случае — «живой», в другом — не обозначено), и безусловного конституционно-правового гарантирования судебных ценностей. Мне кажется, что это и есть понятие конституционности. Думаю, судебный конституционализм отождествляется с конституционностью. К сожалению, нигде в монографии нет этой категории. Не раскрыта категория, отражающая такое специфическое явление, как конституционность. Только в одном случае я обнаружил понятие конституционной законности. Я категорически против этого термина, ибо он имеет характер повтора, а главное, что все-таки конституционность — это самостоятельное явление, и нельзя выводить конституционность из родового понятия законности.

Николай Семенович в своей работе дает характеристику конституционного правосудия как определяющего в судебном конституционализме и говорит о конституционном правосудии, о самом Конституционном суде как главном факторе, генераторе живого судебного конституционализма и т. д. Таких формулировок очень много. Мне кажется, что в данном случае здесь есть увлечение темой, явное преувеличение роли Конституционного суда и конституционного правосудия. Конечно, влияние есть на все элементы конституционализма, но оно не является решающим и определяющим. Конечно, Конституционный суд разрабатывает какие-то научные категории, но все-таки решающую роль здесь играет сама наука конституционного права. Или возьмите конституционную практику... Не от Конституционного суда зависит эта практика, а зависит от того, как поступают органы публичной власти. Именно они в первую очередь реализуют Конституцию. Метафора, что Конституционный суд — это суд над властями и т. д., не отражает сути, потому что Конституционный суд исправляет ошибки. И нельзя преувеличивать эту сторону деятельности Конституционного суда.

Или как влияет Конституционный суд на конституционную политику? Может быть, и влияет, если ваше решение читает прези-

дент, но именно президент определяет конституционно-правовую политику, а не Конституционный суд. И так далее можно эту идею развивать. Должна быть взвешенная оценка деятельности КС и роли конституционного правосудия.

А какова здесь реальная действительность, реальный судебный конституционализм? Так, иногда Николай Семенович обращается к этому вопросу. Правильно Вы говорите, с 2000 года нет обращений по вопросу официального толкования Конституции, и нет таких дел. Нет обращений в порядке абстрактного нормоконтроля и в последние годы нет практически дел по этому виду нормоконтроля. Нет вообще ни одного дела по проверке конституционности вступивших в силу международных договоров. Прекратились дела по спорам о компетенции, потому что они подменяются проверкой конституционности нормативных актов, ставших поводом по спорам о компетенции. Не было и нет дел о проверке конституционности процедуры отрешения президента от должности, по вопросам референдума в Российской Федерации. Одно Послание было в старом составе. Посланий больше нет, Суд боится формулировать эти Послания. Право законодательной инициативы... Суд много работал над тем, чтобы легализовать практику распространения правовых позиций Конституционного суда на аналогичные дела, то есть практику усеченного письменного судопроизводства. Пытались даже законопроект, подготовленный Конституционным судом, в Комиссию Совета Европы за демократию через право и получили позитивный отзыв, но не Конституционный суд оказался инициатором легализации этого вида производства, а президент.

Что остается? Остается только конкретный конституционный нормоконтроль по конституционным жалобам граждан и по запросам судов. Я бы сказал, не очень радостная картина относительно деятельности Конституционного суда в современный период. Отсюда возникает проблема актуализации, активизации деятельности Конституционного суда.

Теперь интересно проследить, каково отношение законодателя к конституционному правосудию и в целом к Конституционному суду.

Николай Семенович пишет об этом так: «Законодательные изменения и дополнения касались важных, но не основных вопросов деятельности Конституционного суда». Я должен сказать, что в 1994 году произошла подлинная реформа конституционного правосудия, конституционного судопроизводства. Был принят новый закон. К изменениям последнего времени можно отнести модернизацию конституционного правосудия и судопроизводства — это легализация письменного, устного производства на основе Федерального конституционного закона от 3 ноября 2010 года. Это единственный пример модернизации.

А теперь давайте посмотрим, что было на самом деле со стороны законодателя. Вы правильно пишете о тех манипуляциях вокруг сроков полномочий конституционных судей. И должен Вам ответить, что Вы совершили подвиг, сказав, что все эти положения о сроках полномочий чреватые кадровым застоём в Конституционном суде.

Бондарь Н. С. (улыбаясь):

— Я надеялся, что этого не заметят, не будут читать.

Витрук Н. В.:

— Я считаю, что тут Вы допустили геройский поступок. Второе — введение дисциплинарной ответственности судей Конституционного суда. Вообще немыслимо: какая-то дисциплинарная ответственность для таких высших должностных лиц! Несет дисциплинарную ответственность президент или премьер-министр? Вы же на этом же уровне находитесь! Поэтому неправильно ввели дисциплинарную ответственность для депутатов, для федеральных судей. Может быть ответственность, а за что отвечать? За то, что вы опоздали на работу? У вас что, какой-то трудовой распорядок существует? Может быть, ответственность судьи только как конституционно-правовая ответственность за определенные действия, которые умаляют судебную власть.

Далее. Стали малодоступны особые мнения конституционных судей. Публикуются они только в «Вестнике Конституционного суда». Ну и последние два закона — назначение председателя КС РФ Советом Федерации по предложению президента, при том на срок не три года, а на шесть лет, с повторным возможным переизбранием и возможно последующим, до потери утраты доверия со стороны президента, это ясно.

Ликвидация двух палат — это вообще я не понимаю, почему? Палаты были введены в 1994 году для того, чтобы ускорить судопроизводство. Притом решения палат — это решения самого Конституционного суда — такова мировая практика! Вроде бы хорошо справлялись палаты, и вот их ликвидировали... И теперь, что получается? А получается то, что председатель Конституционного суда решает все вопросы и конституционного судопроизводства, и внутренней жизни Конституционного суда. Все — только через председателя, начиная с назначения судьи-докладчика. О чем это говорит? Это говорит о том, что созданы условия для встраивания Конституционного суда в вертикаль власти. На мой взгляд, вот эти меры, вот эта цепочка мер, законодательных мер в отношении конституционного правосудия означают контрреформу.

Каковы пути активизации деятельности Конституционного суда? В литературе этот вопрос обсуждается, но в основном с точки зрения его полномочий — нужно ему то или иное новое полномочие или нет. Я считаю, что это нерациональный путь. Не надо новых полномочий для Конституционного суда, но нужны какие-то реальные меры. Прежде всего, я полагаю, что необходима конкретизация предмета конституционной проверки. Конституционный суд сделал интересный шаг вперед в том смысле, что теперь он проверяет в порядке конкретного нормоконтроля не только закон, но и постановление правительства, если закон и это постановление Правительства составляют нормативное единство. Это, конечно, хороший шаг, это расширяет возможности Конституционного суда. Вот над чем надо думать — над расширением предмета проверки.

Второе. Необходимо расширить круг заявителей по вопросам толкования Конституции, абстрактного нормоконтроля, проверки инициативы проведения российского референдума. Мне кажется, что субъекты гражданского общества отстранены от конституционного правосудия, от участия в конституционном правосудии. Конечно, надо, чтобы и Общественная палата, и руководящие органы политических партий могли обращаться, особенно по абстрактному нормоконтролю в Конституционный суд, ведь раньше так и было.

Далее. Надо расширить круг обязательных обращений в Конституционный суд. Пример такого рода есть. Это касается закона о приеме в Российскую Федерацию нового субъекта Российской Федерации. Там такая процедура: в начале заключается международный договор, и президент обязан представить этот международный договор в Конституционный суд. Я считаю, что нужно установить правила обязательной проверки не вступивших в силу международных договоров, затрагивающих фундаментальные права и свободы человека, затрагивающие государственную безопасность и территориальную целостность.

Последнее решение Европейского суда по существу зафиксировало нарушение Конвенции Россией через негативную оценку конкретного дела Конституционного суда. И вот теперь заговорили об этом, заволновались. Надо было раньше думать, когда подписывали Конвенцию. Никаких оговорок не сделали, хотя там были вопросы о той же смертной казни. Конституция у нас обладает приоритетом перед общепризнанными нормами и принципами международного права, поэтому есть возможности проверять международный договор, не вступивший в силу, на соответствие Конституции. Надо реанимировать споры о компетенции. Каким образом? Закон говорит, что нормативные акты проверяются по шести критериям: три — по содержанию, форме и т. д., но дальше идут три других критерия: с учетом принципа разделения властей и разграничения предметов ведения и компетенции. Надо исключить эти три элемента из этого вида

производства, тогда будут обращаться по спорам о компетенции. По-моему, три дела было по спору о компетенции и все, на этом все заглохло. Надо также обратить внимание на исполнение решений и на юридическую ответственность за неисполнение решений Конституционного суда.

И последнее. Необходимо повысить позитивную ответственность Конституционного суда и судей Конституционного суда. Речь идет о повышении качества решений Конституционного суда. Гадис Абдуллаевич дал мне повод сказать — нет пророческих решений. Я должен поделиться с вами воспоминаниями, когда Суд начинал работу, ситуация была такова: выступает одна сторона — настаивает на одном решении, выступает другая — настаивает на другом решении, но Суд выносил такие решения, что стороны подходили к судьям и говорили «Ну, не ожидали! Какие же вы молодцы!». Потому что какие-то из аргументов мы брали у одной стороны, какие-то — у другой. То есть, имели место неожиданные решения. А сейчас говорят: «Да мы знаем, какое будет решение!». По резонансным делам, в особенности, нужны неожиданные решения, смелые решения.

Какая тенденция? Николай Семенович, ты мало говоришь о закономерностях, о тенденциях. Между Сциллой и Харибдой ты находился. С одной стороны, ты ученый, с другой — действующий судья. Тяжело тебе было! Но мне уже легче.

Конечно, есть проблемные вопросы. Хотелось поспорить с Николаем Семеновичем. Прежде всего, я только обозначу направления. Нет времени, я понимаю.

Первый тезис — верховенство права, соотношение естественного права, закона, Конституции. Я ни у кого не могу найти ответа, что такое естественное право? Спекулятивная теория, ты так ее, по-моему, назвал. Нужно раскрыть, что такое естественное право. Это что — уровень общественного прогресса, то есть Конституция должна соответствовать уровню общественного прогресса, объективным потребностям, интересам общества и т. д.? Или это общеправовые принципы? Они составляют содержание естественного

права, или же они вытекают из естественного права, или они параллельно идут с естественным правом? Мое мнение — необходимо естественному праву или идее права дать материалистическое истолкование. Кстати, об этом говорили в свое время профессор Туманов, профессор Недбайло. И я считаю, что это правильно. Это первая проблема...

Вторая проблема. Николай Семенович отстаивает проблему преобразования Конституции и многократно возвращается к преобразовательной функции Конституционного суда. Он различает — не знаю, как назвать Конституцию, которая сейчас действует: «бумажная», «книжная» или какая-нибудь еще, — и фактическую конституцию, и полагает, что можно менять действующую Конституцию, не меняя ее текста. И в первую очередь этим занимается Конституционный суд путем толкования и т. д., тем самым создавая фактическую конституцию. Получается, что Конституционный суд — это создатель новой, современной, фактической Конституции. Считаю, что это опасный путь, ведь преобразовывать можно в разных направлениях. Ну, хорошо — направление демократии, свободы личности, о чем Вы много пишете. А если в обратном направлении будете преобразовывать Конституцию? Классический пример — дело о проверке конституционности наделения полномочиями глав республик. Никуда не денешься... В свое время вы объявили, что избирать губернатора должно население. Я писал особое мнение по этому вопросу и считал, что это полномочие субъекта Российской Федерации. Нельзя вторгаться в эту сферу. Как решит субъект — так и надо поступать. Нет, решили — давайте нам демократию. Ну, вот и попали в ловушку.

Дальше. Вопрос о соотношении конституционности и целесообразности. Очень сложный вопрос, очень сложный. В последнее время Конституционный суд прибегает к такой формулировке — проверяется конституционность законов в национально-историческом контексте с учетом социокультурных особенностей. Это и есть целесообразность.

Или теперь добавилась глобализация, о чем Вы тут много говорите, — с точки зрения глобализации, с точки зрения национально-культурного контекста. Можно привести примеры решений Конституционного суда, где все-таки очень существенную роль сыграл принцип целесообразности. Конституционный суд запретил региональные политические партии, создание таких партий. На основании чего? Они могут привести к распаду России. Ну, это же не правовые аргументы, это аргументы целесообразности. Или учет финансовых ресурсов, отсрочка исполнения решений Конституционного суда и т. д.

И последнее, чтобы придерживаться принципа самоограничения, я бы хотел сказать о прецедентном праве. Вообще-то, прецедентного права нет, есть прецедентная практика. Должно быть нормальное понимание прецедента, а его нет у нас. Кто только что ни понимает под прецедентом. Гадис Абдуллаевич в свое время — я взял на вооружение его теорию, что прецедент, там, где он существует (даже в Англии и Соединенных Штатах), не является обязательным для каждого суда. Суд выбирает для себя этот прецедент, исходя из каких-то соображений. Там же есть еще и закон, есть Конституция. Суд может обратиться к закону, а не к прецеденту. Нельзя лишить суд независимости в решении вопроса, в выборе того или иного прецедента. У Николая Семеновича прецедент связан с характеристикой обязательности. Мне кажется, это не совсем точно. И он говорит, что идет конвергенция, сближение англо-американской и европейской правовых систем. Это явное преувеличение. Я не знаю, с восхищением или с каким-то иным чувством Вы пишете о решении по прецедентам в арбитражной системе. Вы говорите, что Суд положил начало внедрению прецедентных начал в судебную практику. Этим вы подрываете, уважаемые мои коллеги, даже конкретный нормоконтроль по запросу судов. Не будут суды обращаться в Конституционный суд после утверждения прецедентной практики. Постановления Пленумов для всех судов будут конституционным требованием, и не допустит ВАС, чтобы подчиненные ему суды обращались в КС. Мне кажется, это чревато.

Это основные проблемные вопросы, носящие дискуссионный характер. Я полагаю, что Николай Семенович правильно воспримет все мои замечания, ибо это, как я считаю, должно служить общей пользе. Спасибо.

Сивицкий В. А., *руководитель Секретариата КС РФ, зав. кафедрой конституционного и административного права юридического факультета НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, к.ю.н.:*

— Во-первых, уважаемые коллеги, я бы хотел по свежим следам ответить на тезис Николая Васильевича Витрука по поводу целесообразности решений Конституционного суда со ссылкой на конкретно-исторический аспект и т. д. Дело в том, что Конституционный суд выступает в данном случае не в роли первичного, подчеркиваю, нормотворца, а в роли оценщика той нормы, которую уже кто-то сотворил. А сотворил ее законодатель с учетом части 3 статьи 55 Конституции РФ, которая ему как раз и дает право ограничивать в правах, в таких-то целях и в такой-то мере. И эта мера и эти цели — это и есть конституционное выражение целесообразности. То есть целесообразность, понятие целесообразности тем самым уже самой Конституцией введено в конституционно-правовую ткань и, оценивая норму с точки зрения соответствия этой конституционно-правовой ткани, то есть Конституции, Конституционный суд объективно вынужден, когда действительно есть ограничение, нарушение права, смотреть, насколько это нарушение права как раз соответствует тем самым критериям, которые в части 3 статьи 55 заложены. То есть это не та целесообразность, которую вводит Конституционный суд в рассуждение, это та целесообразность, которую преследовал законодатель и которую Конституционный суд через определенные критерии оценивает. И это само по себе вполне, на мой взгляд, нормально.

Но все-таки перейдем к некоторым тезисам Николая Семеновича. Я хотел бы, в первую очередь, рассмотреть один из тезисов о том, что «Конституционный суд — это больше, чем суд». Здесь, естественно, в нашей аудитории, я думаю, не стоит возвращаться

к старой дискуссии о том, занимается ли Конституционный суд нормотворчеством или нет, можно ли решения Конституционного суда рассматривать как нормативные правовые акты. Скажу только свою точку зрения, даже не аргументируя ее. Я считаю, что даже с точки зрения банального теоретико-правового подхода решения Конституционного суда — это, безусловно, нормативные правовые акты, так как на их основании что-то может признаваться неконституционным. Потому что, исходя из правильного, на мой взгляд, понимания нормативного правового акта, который отражен в юридической литературе, нормативно-правовой акт — это не тот акт, который устанавливает нормы, а это тот акт, который меняет систему правовых норм. А менять он ее может по-разному: может установить нормы, может изменить сферу их действия, может, в конце концов, отменить все такие манипуляции с нормами. Это в любом случае проявление свойства нормативного правового акта. И в этом смысле Конституционный суд, в общем-то, ничем другим, принимая свои решения как нормативные правовые акты, ничем не отличается от любого, самого что ни на есть банального суда общей юрисдикции. Потому что какой-нибудь районный суд, проверяя устав муниципального образования, решения представительного органа местного самоуправления, он такие же нормативно-правовые акты, по сути, принимает, признавая соответствующие нормы недействующими, тем самым меняя систему норм, принимая нормативные правовые акты.

Но все-таки Николай Семенович в книге не об этом говорит. Он говорит о неких таких действиях Конституционного суда с правовой материей, которые не являются просто устранением норм из системы правовых норм, а именно — когда Конституционный суд делает нечто филигранное и небанальное в правовой системе, то есть действительно начинает созидать право. И в этой связи хотелось бы обратить внимание на то, в чем состоит, действительно, природа деятельности Конституционного суда. А в чем на самом деле состоит природа деятельности любого суда — когда суд что-либо делает, оценивает по поводу нормы? Здесь нужно руковод-

ствоваться медицинским принципом «не навреди». Это уж, извините, за такое несколько анатомическое сравнение, когда хирург делает операцию, когда он удаляет что-то лишнее из какого-то органа, он же мог бы весь орган отрезать, но тогда неизвестно, что с пациентом будет. Поэтому надо удалить что-то нехорошее так, чтобы потом не было нежелательных последствий. То есть найти эту тонкую грань между тем, что делать и чего не делать в рамках своих медицинских манипуляций. Когда Суд проверяет норму, по сути дела, его действия сродни действиям описанного выше хирурга. То есть вместо того, чтобы удалять всю норму из правовой системы, очень часто объективно, с точки зрения сдержанности, с точки зрения принципа «не навреди», достаточно отказаться от ее части, или, может быть, еще чуть-чуть нарастить эту норму в рамках текста Конституционного суда.

Фактически текст решения Конституционного суда, который, выполняя свою судебную функцию, следует принципу «не навреди» занимается нормотворчеством, то есть выступает в качестве большего, чем просто суд. Видимо, здесь основу решительного и тонкого поведения Конституционного суда составляет то, что позволяет назвать его больше, чем суд. Это можно видеть даже в социальной психологии, потому что, когда Конституционный суд формировался, даже по внешним атрибутам ему был придан такой статус. И поэтому даже Николай Васильевич Витрук так удивлен и возмущен — как можно судей Конституционного суда привлекать к конституционной ответственности?! Именно потому, что существовало абсолютно правильное, по крайней мере на этапе формирования системы судов, ощущение некоего волшебного, недоступного и сакрального уровня юридической деятельности, Конституционный суд — «больше, чем суд».

Тарибо Е. В., начальник Управления конституционных основ публичного права КС РФ, к.ю.н. (с 2019 года — д.ю.н.):

— Я благодарен за приглашение и возможность выступить по поводу книги Николая Семеновича, которая сегодня являет-

ся предметом обсуждения. При прочтении этой книги я обратил внимание на ряд моментов — их много, в формате сегодняшнего выступления хотел бы не на все откликнуться, а сосредоточиться на трех позициях, имеющих отношение к деятельности Конституционного суда, к результатам его деятельности, к понятию судебного конституционализма.

Первое: я буду говорить, может быть, по-бухгалтерски, — на странице 127 этой книги Николай Семенович указывает: «Решения Конституционного суда выступают источниками других отраслей права, обеспечивая сцепку собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи, переплетении конституционных и иных отраслевых правоотношений». И далее продолжается эта мысль, на 129-й странице, в частности, где указано, что «правовые позиции являются носителями нормативно-доктринальных начал решений Суда».

Правовая позиция Конституционного суда, выраженная в решении, решение и правовая позиция, соотношение этих двух понятий. Правовая позиция как результат интерпретации Конституции, Конституции и отраслевого законодательства. И здесь возникает ряд вопросов, связанных с тем, какова дальнейшая судьба правовой позиции Конституционного суда, насколько она неизменна, насколько она сохраняет свою силу, и насколько она может быть неизменной в связи с существенным изменением законодательного контекста, системы действующего законодательства.

Николай Семенович часто в своих выступлениях на конференциях, в своих публикациях, в своих особых мнениях и при обсуждении решений Конституционного суда придерживается последовательно и четко — и мне близка эта позиция — идеи о том, что правовая позиция формулируется в контексте, в системе действующего законодательства. Именно так ее подчас нужно воспринимать, именно с точки зрения системы действующего законодательства, не всегда, конечно, и не все правовые позиции, но

зачастую. То есть из этого следует, что правовую позицию нельзя отрывать от законодательного контекста, применительно к которому она была сформулирована. Но вот вопрос: а если этот контекст коренным образом меняется?

Я приведу небольшой пример из практики Конституционного суда по налогообложению. В 1996 году Конституционный суд в постановлении однозначно признал невозможность взыскания в бесспорном порядке налогов с физических лиц. Но здесь мы должны учитывать, в каком контексте такая правовая позиция была сформулирована. То был период неcodифицированности налогового законодательства, крайне низких гарантий, предоставленных налогоплательщикам, неразвитости доктрины налогового права. Но ситуация меняется, и в 2008 году, спустя двенадцать лет, Конституционный суд в одном из своих решений, рассматривая вопрос о конституционности нормы Налогового кодекса, которая допускает в ряде случаев бесспорное, во внесудебном порядке взыскание налогов с физических лиц и индивидуальных предпринимателей, и тех, кто не занят такой деятельностью, указал, что та позиция, сформулированная в 1996 году, не может теперь применяться механически, без учета тех изменений, той трансформации, которую претерпело налоговое законодательство, налоговая система. И это один из примеров, когда тезис Николая Семеновича о том, что правовая позиция должна восприниматься в контексте, в системе действующего законодательства, наглядно и ярко подтверждается.

Но бывают еще и такие случаи, когда правовая позиция может и утратить силу, и, соответственно, как-то это должно отразиться, видимо, и на силе самого решения, в котором такая правовая позиция была сформулирована. Я не готов сейчас продолжать размышления на эту тему, потому что это очень серьезная тема, но я хотел бы поделиться с вами теми размышлениями, которые возникли при чтении той работы, которую мы обсуждаем.

Второй момент — это природа Конституционного суда.

Николай Семенович — и об этом уже говорили — в своей работе отвечает однозначно и аргументировано на те вызовы, на те вопросы — на оспаривание статуса Конституционного суда как квазисуда. И его точка зрения состоит в том, что Конституционный суд — не только суд, не квазисуд, но, более того, — это квазиправотворец.

Один из аргументов среди прочих, которые приведены в работе, о том, что деятельность Суда — это судебно-процессуальная деятельность, во многом схожая с той, которую осуществляют другие суды — это аргумент о возможности учета, исследования и установления фактических обстоятельств в конституционном судопроизводстве. Это право предоставлено Конституционному суду не в исключительных случаях, а в тех случаях, когда такие фактические обстоятельства не могут быть исследованы и установлены для целей защиты конституционного права с помощью конституционного нормоконтроля и для целей защиты другими правоприменительными органами и судами.

Здесь возникает вопрос — а что такое «фактическое обстоятельство», что такое факт, является ли понятие «фактическое обстоятельство» идентичным понятиям «факт», «юридический факт», или же нужно (эта позиция, представленная в книге, ближе мне) понимать понятие фактического обстоятельства в более широком смысле — например, как объективное явление, как социально-политическую обстановку, как объективные закономерности экономического развития. Вот эти вопросы также представляются чрезвычайно интересными в контексте тех проблем, которые задеваются, ставятся в обсуждаемой работе.

Здесь появляется проблема соотношения судебского активизма и принципа конституционной сдержанности. Как определить этот баланс и это соотношение? Я должен сказать, завершая блок о фактических обстоятельствах, что, скажем так, если смотреть обзорно на решения Конституционного суда и особые мнения судей, то в принципе сейчас доминирует пока осторожный, ограничительный подход к исследованию фактических обстоятельств. Скорее, это исключение, чем правило. Хотя и в ряде особых мнений

судей указывается на необходимость исследования фактических обстоятельств. И, кстати, это не есть что-то необычное для жанра решений конституционных судов. Во многих решениях Конституционного суда Германии (а они очень пространны — иногда занимают по 50 с лишним страниц) более двух десятков страниц — это выкладки, таблицы и цифры. Это нормальное явление, это доказательственная база. Необходимо доказать, а доказать невозможно, не оперируя какими-то фактическими данными.

Все-таки это суд, а квазиправотворец ли Конституционный суд? И здесь возникает вопрос (я затрону лишь одну сторону этого утверждения — о квазиправотворческой стороне): то право, то толкование, которое дает Конституционный суд, как оно меняет правоотношение, как оно меняет правовую реальность? Европейский суд по правам человека в ряде случаев, в ряде решений своих осуждал высшие европейские суды (в частности, греческий суд — один из таких судов) за такие решения, которые квалифицировались им как законодательное вмешательство, когда толкование права было стабильным, однозначным и неизменным. Но, когда высший суд давал такое истолкование, которое в корне меняло ситуацию, было новым, то такое толкование Европейский суд по правам человека квалифицировал как законодательное вмешательство, но не просто как вмешательство как таковое, а такое, которое создает негативные последствия для граждан, для организаций, для неопределенного круга лиц. И здесь мысль Николая Семеновича, которая также им неоднократно высказывалась, о том, что Конституционный суд защищает права, это главная его функция. Применительно к жалобам граждан (а они составляют сегодня, наверное, 90% всех обращений, может быть чуть меньше, чуть больше) Конституционный суд защищает права — это его главная задача, и поэтому, если он меняет сложившееся понимание права, то это не должно ухудшать или создавать в какой-то степени негативные последствия для граждан, даже если это толкование, которое запрашивается, юридически верное. Может быть, я не вполне точно и не вполне корректно интерпретирую те

соображения, которые Николай Семенович высказывал, но мне представляется, что эта мысль чрезвычайно важна. Здесь как раз то поле, где можно применять принцип самоограничения, принцип конституционной сдержанности.

И последнее — каковы пределы возможностей Конституционного суда в формулировании, когда Конституционный суд, будучи квазиправотворцем и дисквалифицируя норму права, оставляет пробел; когда решение Конституционного суда, изымая норму из системы законодательства, создает пробел определенным образом? И должен ли он оставить это в таком пробельном виде, не дать никаких ориентиров законодателю, что нужно делать? Какая норма и в каких параметрах должна появиться вместо нормы, которая признана неконституционной? Может ли Конституционный суд в общих чертах задавать такие параметры, давать такие ориентиры для будущего регулирования, которое надлежит принять Федеральному Собранию?

В ряде случаев Конституционный суд это делает, но в ряде случаев он этого не делает. Я думаю, что это очень сложный вопрос, и, конечно, это усмотрение Конституционного суда, его дискреция. Но нельзя исключать такую ситуацию, даже когда Конституционный суд приходит к выводу о необходимости дать параметры будущего регулирования

И сейчас я говорю об этом к тому, что разрешение проблем, которые Конституционный суд рассматривает, — это очень сложный вопрос. И в ряде случаев есть вероятность и необходимость того, что законодатель может найти другой формат регулирования, не тот, который предлагает Конституционный суд, но который будет не менее эффективным.

Вот на этом я хотел бы закончить. Спасибо.

Шевелева Н. А.:

— Спасибо, Евгений Васильевич. Я предоставляю слово для выступления представителю кафедры нашего факультета Сергею Александровичу Белову.

Белов С. А., доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета СПбГУ, к.ю.н.¹:

— Хотел бы очень кратко остановиться на одном вопросе, который давно входит в предмет исследования Николая Семеновича и который был отражен в книге «Судебный конституционализм в России». Это вопрос о конституционных ценностях, о проблемах их толкования и применения.

Для начала я себе позволю короткую цитату: «Конституционные ценности имеют предметом сферы своего влияния и одновременно формы политико-правового бытия, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений, и т. п.». Такое утверждение Николай Семенович делает на 169-й странице книги «Судебный конституционализм в России».

Возможно, я в чем-то додумываю за Николая Семеновича его позицию относительно содержания и смысла конституционных ценностей, но, мне кажется, что за этими словами стоит возможность использования и применения, в частности, Конституционным судом конституционных ценностей только в том виде и в тех пределах, в которых эти ценности нашли отражение, получили закрепление и развитие в конкретных нормах Конституции. Мне кажется, что такой подход к конституционным ценностям, разумеется, имеет право на существование, но мне бы хотелось, пользуясь случаем, поспорить с Николаем Семеновичем и попытаться аргументировать другой возможный взгляд на конституционные ценности.

Мне кажется, что если ценности сводить исключительно к нормативному содержанию конституционных положений и не отличать их от норм, которые уже записаны, закреплены в Конституции, в частности от конституционных принципов, то тем самым ставится под сомнение вообще необходимость существования та-

¹ В настоящее время — декан юридического факультета СПбГУ, заведующий кафедрой конституционного права СПбГУ.

кого понятия, как конституционные ценности. Мне кажется, что с этим явлением, с этим понятием связана необходимость использования чего-то вне строго текста, буквы Конституции — в каком-то смысле духа Конституции, в каком-то смысле тех конкретных социально-исторических и социально-культурных явлений, про которые сегодня уже некоторые выступавшие говорили. И ценности как явления конституционного порядка, они, собственно, и вовлекаются в предмет конституционного регулирования и начинают использоваться Конституционным судом именно в тех случаях, когда действие той или иной ценности не может быть заменено определенным конституционным принципом или конституционной презумпцией.

Конституционные ценности — явление следующего уровня. Это категория менее формализованная, более содержательная, и в этом отношении мне кажется, что подход, который мне довелось услышать от некоторых зарубежных теоретиков конституционного права, в частности от профессора Розенфельда, о том, что конституционные принципы фактически устанавливают соотношение ценностей, показывают пределы действия и возможный баланс между разными ценностями, как раз и может послужить основанием для разграничения ценностей и принципов, что в нашей литературе, в общем-то, пока достаточно ясно, достаточно четко не сформулировано. Фактически можно говорить о том, что именно принципы устанавливают иерархию ценностей, устанавливают последовательность защиты, устанавливают правила поиска баланса и согласования конституционных ценностей. В этом случае мы сможем говорить о том, что ценности тоже вовлекаются в орбиту конституционного регулирования, используются Конституционным судом, но наряду с принципами, а, не растворяясь в принципах и презумпциях, используемых при аргументации решений Конституционного суда.

В качестве примера мне бы хотелось взять принцип равенства — равенства перед законом и судом, нормативно закрепленный в статье 19 Конституции РФ. В определенных случаях этот принцип

предлагается считать конституционной ценностью. Однако, на мой взгляд, это неправильно, и именно равенство может представлять собой как раз пример принципа, устанавливающего вполне определенные, буквальные и нормативные требования к законодателю и, соответственно, к Конституционному суду в процессе аргументации его решений, но за этим принципом стоят совершенно другие, совершенно независимые и следующего уровня явления, которые и могут считаться ценностями. В частности, я бы сказал, что, когда мы характеризуем равенство, то само по себе равенство, принцип равенства (и в особенности здесь показательна практика Европейского суда по правам человека) Конституционным судом почти никогда не используется как единственное основание для признания акта неконституционным или для признания нарушенным того или иного права, закрепленного в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Фактически ценность представляет само право. И если ввиду дискриминационного отношения человек лишается этого права, его лишают определенной ценности. Соответственно, в этом случае его непосредственное желание, непосредственная ценность для него как раз и состоит в обладании определенным правом. Кроме того, когда мы говорим о равенстве, то мы вряд ли можем говорить о том, что равенство может балансироваться с другими ценностями, что можно пропорционально ограничивать равенство в пользу защиты других ценностей. Как раз дискриминация, если речь идет о дискриминации, не может быть оправдана конституционно ни при каких обстоятельствах. Следовательно, вмешательство в равенство недопустимо, а это еще один аргумент в пользу того, что равенство следует рассматривать именно как принцип, но не как ценность.

Ну и наконец, именно в равенстве можно обнаружить скрытые ценности, которые, в частности, выявлял в своих решениях Конституционный суд. Я хотел бы отнести к числу таких ценностей правовую определенность, которая, безусловно, представляет значимость для участников правоотношений, которая, безусловно, оказывает влияние на конституционное регулирование,

но которая при этом является именно отражением или, если хотите, предпосылкой для закрепления общего принципа равенства и запрета дискриминации, но не отождествляется с этим общим принципом правового равенства.

Вот, наверное, основные тезисы, на которых мне хотелось остановиться, чтобы не злоупотреблять более вашим вниманием. Спасибо.

Лях С. М. *декан юридического факультета ЮФУ, к.ю.н., доцент:*

— Мы, представители Ростовского государственного университета (ныне это Южный федеральный университет), с огромной радостью приняли приглашение поучаствовать в этом мероприятии. Нельзя не сказать о том, что для Николая Семеновича Ростовский государственный университет — это его *alma mater*. С ним связано все: и студенческая жизнь, и учеба в качестве аспиранта, и работа в качестве преподавателя. Сейчас Николай Семенович — судья Конституционного Суда России, работает в Санкт-Петербурге, плюс в качестве профессора работает в Санкт-Петербургском университете. Но он по-прежнему плодотворно трудится и в Ростове-на-Дону.

Сегодняшний повод для встречи очень знаменателен, потому что Николай Семенович выпустил в свет свою новую монографию, которая носит междисциплинарный характер и полезна как для теоретиков, так и для практиков. Практико-прикладной характер книги очень важен, в том числе с точки зрения учебного процесса. Дело в том, что сегодня студенты обладают правом выбора элективных курсов, и, как правило, они выбирают те элективные курсы, которые имеют практическую направленность. На нашем факультете разработано три спецкурса в плане данной проблематики. Это — «Конституционная юстиция», «Конституционный суд как гарант прав местного самоуправления» и «Конституционные основы гражданского судопроизводства».

В октябре месяце прошлого года мы на факультете проводили научно-практическую конференцию, которая была посвящена

вопросам российского конституционализма. Мы обсудили очень много научно-политических проблем с участием практиков — работников прокуратуры, судов общей и арбитражной юрисдикций. В своих выступлениях практические работники говорили о том, что труды Николая Семеновича помогают им в работе, помогают находить пробелы и противоречия, которые имеют место в законодательстве, помогают ориентироваться в нем.

Мне хотелось бы выступить с таким предложением: может, есть смысл данную проблему — а сегодняшняя дискуссия показала то, что поднятые вопросы действительно интересны, — обсудить на конференции, которая ежегодно проводится в Москве, как правило, в декабре или в апреле?

Магомедов Ш. Б., *декан юридического факультета Дагестанского госуниверситета, д.ю.н., профессор:*

— Уважаемые коллеги! Я представляю Дагестанский государственный университет, которому в этом году исполняется 80 лет. Мы очень признательны руководству юридического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета, и в частности кафедре государственного и административного права, которая инициировала проведение настоящего круглого стола на актуальную научную проблему по обсуждению известной книги профессора Николая Семеновича Бондаря «Судебный конституционализм в России».

Это на самом деле важная и интересная научная проблема как предмет исследования науки конституционного права, науки муниципального права, да и не только этих отраслевых юридических наук.

Нас связывают хорошие научные связи с Николаем Семеновичем. Он — известный ученый, известный конституционалист, и вот — очередная книга, посвященная вопросам построения в России конституционного правового государства.

Хотелось бы отметить, что мы очень признательны за предоставленную возможность участия в обсуждении Вашей, Николай

Семенович, прекрасной работы. В Дагестанском госуниверситете два года назад Вы вместе с другими коллегами принимали участие во Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 15-летию федеральной Конституции. Полагаю, что такие научные связи и дальше будут развиваться.

Пирбудагова Д. Ш., зав. кафедрой конституционного и международного права Дагестанского госуниверситета, руководитель Центра регионального законодательства, к.ю.н., доцент:

— Спасибо большое за предоставленную возможность выступить на столь представительном обсуждении работы Николая Семеновича. Мне было очень интересно послушать коллег, наших учителей; наблюдать общую позицию, которую разделяют коллеги относительно вопросов и конституционализма в целом, и роли Конституции в жизни общества, и роли Конституционного суда.

Мне бы хотелось затронуть вопросы конституционализации отношений, которые касаются и экономической, и политической, и социальной сфер, а также конституционализации отраслевого законодательства. Те вопросы, которые затрагивает Николай Семенович в своей монографии, весьма актуальны. Потому что, к сожалению, мы сейчас нередко наблюдаем некое неприятие и непонимание того, что такое конституционализм, насколько важны процессы конституционализации отраслевого законодательства.

И особенно все это важно в условиях нашего федеративного государства. Это подтверждается мониторингом законодательства субъектов РФ в СКФО и ЮФО, которым мы занимаемся. Сегодня имеют место проявления противоречивости нашей правовой систему, а от этого страдают права и свободы человека и гражданина. Важная роль здесь принадлежит Конституционному суду, ценна его практика по проблемам федерализма.

Уважаемые коллеги, я представлю материал по итогам мониторинга. Кому интересно — можно будет ознакомиться. Большое спасибо.

Гриценко Е. В., профессор кафедры государственного и административного права юридического факультета СПбГУ, д.ю.н. профессор:

— Уважаемые коллеги! В конечном итоге именно книга Николая Семеновича послужила поводом для нашего круглого стола. Это такая замечательная возможность еще раз вернуться к вопросу о том, каким образом происходит эволюция Конституционного суда, как и, в общем-то, других судов в системе конституционализма.

Если посмотреть с этой точки зрения, то, наверное, можно увидеть такое изменение роли Конституционного суда — от хранителя Конституции к ее преобразователю. И сегодня именно в качестве преобразователя мы рассматривали и много говорили о том, как же должен и может развиваться Конституционный суд. Является ли его роль преобразователя основной, доминирующей и абсолютной или все-таки должны быть поставлены какие-то границы? Наверное, в том все сходятся, что эти границы, без сомнения, существуют. Сама Конституция является такой границей, и баланс между охранительной функцией и преобразовательной функцией, наверное, должен быть найден. Безусловно, Конституционный суд преобразует Конституцию и делает ее «живой» — в этом никто не сомневается — и через толкование самой Конституции, и через уяснение конституционно-правового смысла законов, и через конституционализацию отраслевого законодательства, о чем в последнее время очень много говорится. Но, реализуя все эти задачи, невольно осознаешь — и я как раз думаю, здесь очень интересно прозвучали наблюдения о том, что путь этот все-таки тернист — что на этом пути возникает немало проблем.

Те болевые точки, которые Николай Васильевич, в частности отметил, тоже заслуживают очень серьезного внимания. И, наверное, перечень этих проблем может быть продолжен. Главный вывод, который напрашивается, — это необходимость дальнейшего углубленного изучения самого конституционного процесса, процесса конституционного судопроизводства, потому что здесь еще остается немало белых пятен. В частности, здесь говорилось уже о

том, что происходит, если Конституционный суд изымает нормы из правовой системы, признавая ее неконституционной, и образуется тем самым пробел в законодательстве. Это создает проблемы в правоприменении и развитии правовой системы.

Но не менее проблемной является, мне кажется, и другая сторона этого процесса, а именно — развивающаяся практика признания конституционности норм законов при истолковании (оценке) в качестве неконституционной правоприменительной практики. Получается ситуация, когда норма закона остается неприкасаемой в самой правовой системе, но уже в конституционно-правовом истолковании Конституционного суда, и зачастую это конституционно-правовое истолкование настолько видоизменяет норму закона, что это вряд ли может считаться простым уяснением конституционно-правового смысла. Здесь уже происходит, по сути, изменение законодательной нормы, и в этом смысле Конституционный суд берет на себя, очевидно, роль законодателя. И возникает проблема реализации и развития правовой системы в том ключе, с точки зрения тех конституционно-правовых принципов, которые заложены в Конституции, в том числе и с точки зрения разделения властей.

Не менее интересен вопрос еще одного свойства, который я для себя заметила, анализируя, в том числе, практику конституционных судов других государств, в частности, Федерального конституционного суда Германии. Я заметила, что это общая проблема — проблема условий допустимости и соблюдения условий допустимости при обращении с конституционными жалобами. Оценивая условия допустимости, Конституционный суд, например, указывает на то, что права не затронуты, поскольку нарушение является мнимым, и фактически Конституционный суд переходит на оценку не факта затронутости или незатронутости, а факта нарушения или ненарушения права, тем самым оценивая уже не саму «затронутость», а факт наличия нарушения, то есть подменяет условие «затронутости» и условие допустимости условием обоснованности или необоснованности нарушения. Это рас-

ширительное понимание условия допустимости мне кажется тоже достаточно проблемным и опасным с точки зрения выполнения функции защиты прав и свобод.

Вот те несколько соображений, которые, мне показалось интересным также поднять и обсудить в рамках нашей дискуссии. Спасибо большое за внимание.

Кокотов А. Н., судья КС РФ, д.ю.н., профессор:

— Уважаемые коллеги! Мы сегодня обсуждаем действительно фундаментальную работу большого ученого-конституционалиста Николая Семеновича Бондаря, нашего коллеги. Насущность этой темы проявляется и в том, что Конституция, как и любой иной правовой материал, оживает только в нашем поведении, наших интерпретациях этого правового материала, нашей готовности или неготовности следовать конституционным предписаниям.

И вот в этой области освоения, в том числе доктринального освоения Конституции и ее осуществления в самых разных формах — использования, применения, исполнения и т. д., рождаются, укрепляются, меняются поведенческие обыкновения — индивидуальное, нормативное — складываются и функционируют формальные и неформальные институты. Вот это и есть живое конституционное право.

Те обыкновения, о которых я сказал (я имею в виду нормативные обыкновения), — можно ли их именовать прецедентами? Сегодня разные точки зрения были высказаны. Полагают, что если они прошли определенную легализацию, судебную легализацию, то, конечно, это судебные прецеденты. Анализ именно этой сферы, сферы нормированного поведения, нормированного на основе существующей Конституции и развивающегося законодательства, анализ этой сферы позволяет нам увидеть — воплощаются в жизнь конституционные ценности или они не воплощаются, а если они воплощаются, то, в какой мере. Конечно, в любом случае важен разговор о писаной конституции, но важен и разговор о конституции фактической, а еще важнее увидеть стык того и другого. Так

вот, работа Николая Семеновича как раз и посвящена стыку юридической и фактической конституции, той роли, которую играет на этом стыке, взаимодополняя юридическую конституцию фактической и наоборот.

Базовая конструкция работы Николая Семеновича — судебный конституционализм. Я, откровенно скажу, не сразу принял эту конструкцию, что называется, «с колес», но, тем не менее, полагаю, что она имеет право на существование. Она продуктивна как определенный срез, определенное проявление режима конституционализма в целом. И меня привлекает понимание Николаем Семеновичем этой категории как политико-правового режима — по сути, метаправового режима, который является спусковым крючком для всех остальных политико-правовых режимов. Причем не только спусковым крючком, но и определенным проверочным инструментарием, который помогает оценить, увидеть законодательное соответствие или несоответствие конституционным положениям, и соответствие или несоответствие конституционным положениям правоприменительной практики, его обыкновений.

Я выскажусь о некоторых положениях работы Николая Семеновича, которые меня привлекают, по которым я хотел бы высказаться и, в известной мере, критично.

Тезис о важности писаной конституции, «юридического канона, выраженного текстуально».

Николай Семенович так полемически и правильно, как сказал Владимир Иванович, в оглавлении прямо вынес этот полемический тезис. У него следующая формулировка используется: «Без юридической конституции невозможен реальный конституционализм». Если рассуждать в естественно-правовых доктринах, позитивистских доктринах, об их соотношении, то право на существование имеют и те, и другие, взаимодополняя друг друга. Но естественно-правовой полет требует позитивистских крыльев, и Николай Семенович в этом ключе, на мой взгляд, и размышляет, говоря о здоровом синтезе того и другого, но при этом важна опора на текст Конституции, текст конституционных норм, которые

имеют объективирование в других актах, в других формах. Но такая опора должна быть.

Во-вторых, Суд, с точки зрения Николая Семеновича, это не просто хранитель Конституции. У меня даже такой образ родился — это не только царь Кощей, который чахнет над золотником Конституцией, который мал, да дорог; но это генератор «живого» — я его цитирую — конституционализма, его преобразователь. Имея в виду то, что здесь сказал, в частности, Николай Васильевич Витрук, — преобразователь в рамках интерпретационных технологий, и не более того. И Евгений Васильевич Тарибо тоже об этом говорил: что есть какие-то буйки, за которые Конституционный суд в этой своей функции заплывать не должен. Собственно говоря, Николай Семенович об этом и размышляет.

Мне импонирует то, что Николай Семенович не обходит сложные вопросы нашей практики, в частности связанной с появлением Конституции 1993 года и сломом прежней Конституции Указом №1400. Я здесь даже его процитирую: «На силовом отрицании формально-юридических начал государственной и общественной жизни невозможно выстроить на новом правовом фундаменте эффективную систему конституционализма, основанную на уважении каждого гражданина и общества в целом». Я подписываюсь под этими словами! Это и мои слова после того, как я их прочитал у Николая Семеновича.

Размышления о Конституционном суде как «больше, чем о суде»; как о «суде над властью»; как органе, который воплощает не только правореализационное, но и правотворческое начало. Я уже здесь говорил, и не только я, что есть определенные пределы, буйки, за которые Конституционный суд не должен заплывать, не должен действовать по произволу. Он может извлечь из текста только то, что в тексте есть. Другое дело, что речь идет о подтексте, и это великое искусство — извлекать подтекст из Конституции, весьма лаконичной и краткой, но, тем не менее, в известном смысле равной всему действующему законодательству. Если мы презюмируем корректность действующего законодательства, то

все законодательство можно рассматривать как известную интерпретацию Конституции, расширение внутреннего содержания Конституции. Этот маленький текст может перевешивать многообразие этих актов, и вместе с тем они развивают внутреннее содержание Конституции.

Мне представляется очень интересным материал, посвященный способам реализации преобразовательной функции Конституции. Очень технологично выстроенный материал. Здесь Николай Семенович выступает как систематизатор (но на сильной методологической основе!) вещей, может быть для обыденного, в том числе для профессионального сознания не очень-то очевидных. Я бы здесь лишь вслед за Николаем Семеновичем отметил, выделил те направления, которые важны, которые должны развиваться и дальше, и, может быть, даже в рамках отдельных монографий.

Николай Семенович говорит о толковании, широком социально-культурном контексте Конституции, говорит о конституционном истолковании действующего законодательства, о разрешении конституционно-правовых споров. Правда, Николай Васильевич сегодня сказал, что очень многого нет, в том числе и рассмотрения споров о компетенции, — вот, чего нет, а должно быть.

Рихтовка правоприменительной практики (термин Николая Семеновича), рекомендации законодателю — здесь я бы с ним мог поспорить, но в принципе понимаю его постановку вопроса о том, что это рекомендации условные; это рекомендации, которые юридически не обязывают тебя внедрять их; не обязывают в том смысле, что не влекут возможную ответственность за нереализацию, но, тем не менее, они являются довольно жесткими предписаниями, чего не должен делать законодатель. Не потому, что Конституционный суд заходит на поле законодателя, а потому что конституционные положения требуют своей адекватной интерпретации, истолкования в законодательстве. Вот почему рекомендации Конституционного суда здесь очень важны, значимы как корректный способ реализации права законодательной инициативы.

Выявление конституционно-правовой составляющей отраслевых отношений. Я не видел раньше и не читал, чтобы этот материал кто-то так основательно препарировал.

Много размышляет Николай Семенович о конституционных пробелах, деформациях и коллизиях. Я еще на этом чуть позже в своей критической части остановлюсь. О правовом дефиците и профиците — очень интересный образ, который сегодня вызвал даже отклик. Владимир Иванович Крусс говорил о дефиците конституционного правосознания, Николай Васильевич Витрук — о профиците повторов в работе виновника нашего сегодняшнего обсуждения. Спорны положения о противоречиях в Конституции. Когда Николай Семенович пишет о конституционных пробелах, деформациях, коллизиях, я сначала подумал, что речь идет о неконституционных пробелах законодательства, практики. В конечном итоге я понял, что, видимо, Николай Семенович размышляет о противоречиях в тексте самой Конституции. Наверное, и такая постановка правомерна, имеет право на существование, но я бы переходил к размышлениям на эту тему после того, как отработал другую версию, — я бы исходил из той презумпции, что «противоречия Конституции мнимы до тех пор, пока это не опровергнуто». Противоречия Конституции — это противоречия нашего понимания Конституции, а вот, когда мы не справляемся с этой презумпцией, тогда можно идти дальше — говорить о противоречиях текста Конституции.

Третье. Конституционное право — это отрасль публично-частного права. Та позиция, которую выразил Николай Семенович, я ее понимаю, но на сегодняшний день не готов принять. Для меня конституционное право — это отрасль все-таки публичного права, но не обычного права, потому что есть конституционное право, есть права Конституции, а в части права Конституции... Или нет, как сегодня говорил Владимир Александрович Сивицкий, есть право Конституции и государственное право, — вот так можно интерпретировать. Так вот, в части права Конституции конституционные нормы посвящены и устройству, и организации гражданского общества, и правам человека, в том числе вне публично-властной сферы. Но

для меня это прежде всего нормы, которые выступают ограничителем по отношению к власти и гарантией по отношению к частной жизни граждан, и в этом контексте я бы все-таки исходил из того, что конституционное право — это отрасль принципиально, исходно публичного права. Но, конечно, я понимаю, — и та позиция, которая выражена Николаем Семеновичем, имеет право на существование.

Наверное, такие размышления можно продолжать и дальше, но я бы на этом остановился. Я бы поздравил Николая Семеновича и нас, что у нас появилась такая мощная фундаментальная работа, как правильно сегодня было сказано, которая где-то вбирает в себя то, что Николаем Семеновичем сделано уже и раньше. И это тот фундамент, с которого будет и Николай Семенович двигаться дальше, и мы тоже. Спасибо.

Шевелева Н. А.:

— Ну что же, после такой дискуссии даже как-то жаль произносить слова о том, что обсуждение теперь неминуемо близится к своему завершению. И постольку поскольку главным виновником сегодняшней дискуссии, которая получилась очень живой, очень заинтересованной, творческой, воодушевленной (перечень эпитетов может быть долгим и длинным), явился Николай Семенович, думаю, справедливо будет, что ему должно принадлежать сегодня последнее и завершающее слово.

Бондарь Н. С.:

— Большое спасибо, дорогие друзья, коллеги. Я думаю, что один из абсолютно надежных способов испортить весь ход дискуссии и ее положительные результаты, — это если я займусь ответами на все те вопросы, замечания, которые были высказаны (в том числе и Николаем Васильевичем, который сейчас не слушает). Это будет тогда высшая форма, высшее проявление занудства. Помните, кто такой зануда? Этот тот, кто на вопрос «Как дела?», начинает отвечать как у него обстоят дела «по всей программе», подробно. С вашего разрешения я попытаюсь не быть таким занудой.

Витрук Н. В.:

— Надо поблагодарить!

Бондарь Н. С.:

— Нет, Николай Васильевич, благодарить я буду отдельной строкой. Во-первых, хочу сказать, что я записал девять страниц выступлений всех без исключения, чей голос сегодня прозвучал. Поверьте, все эти выступления, соображения, замечания для меня очень интересны, очень важны.

И, во-вторых, если переходить к благодарностям, то я прежде всего хочу поблагодарить, конечно, организаторов, устроителей этого мероприятия. Это кафедра государственного и административного права во главе с Натальей Александровной. Я искренне благодарен кафедре еще и потому, что она преодолела мое сопротивление, развеяла сомнения, проводить или не проводить обсуждение. Я благодарен также деканату юридического факультета, тем более, что Наталья Александровна выступает в двух лицах — и как зав. кафедрой, и как декан. Это мероприятие проходило также при активной поддержке ректора университета. И я очень благодарен всем присутствующим: и тем, кто приехал, в том числе издалека, из других регионов, городов, и тем, кто пришел, работая и проживая в Санкт-Петербурге. Имею в виду, конечно, и своих коллег по Конституционному суду, которым особая благодарность за поддержку.

Наконец, если не будете активно возражать, я хотя бы в нескольких словах обозначу отдельные моменты.

Немало весьма дискуссионных вопросов было поставлено, в том числе Николаем Васильевичем. Я признателен Александру Николаевичу Кокотову, который во многом освободил меня от необходимости что-то дополнительно пояснять. И когда сейчас было продолжение дискуссии в виде реплик, я еще раз убедился в том, что не настолько большие различия, разногласия существуют между нами. Да, есть нюансы, есть акценты, но вряд ли можно говорить о принципиальных разногласиях. Главное — все мы бо-

леем душой, очень остро воспринимаем необходимость развития нашего отечественного конституционализма.

Что касается конституционного правосудия, работы Конституционного суда, — я тоже не буду подробно отвечать на поднятые вопросы. Да и не считаю, что вправе это делать. Конечно, раньше и деревья были выше, как мы это прекрасно знаем. Но это не повод жить прошлым. Уверен, и сегодня, несмотря на те или иные проблемы, надо с оптимизмом смотреть в будущее конституционного правосудия, именно так оценивать его перспективы и перспективы укрепления судебной власти. Вообще-то, я бы осмелился сформулировать своего рода конституционную максиму, которая заключается в том, что место и роль судебной власти в обществе и государстве — это один из основополагающих, если не основной, показатель уровня не просто демократизма, а цивилизационного развития общества и государства. Из положения судебной власти в обществе проистекает очень многое: это и защищенность человека и гражданина, и правопорядок, и инвестиционный, экономический климат, и социальная защищенность, и т. д. Но я обещал, что не буду касаться конкретных вопросов. Заверяю, что внимательно отнесусь ко всем вашим высказываниям, если придется вернуться к этой проблематике или к каким-то отдельным аспектам, отдельным вопросам этой чрезвычайно широкой и сложной темы.

Кстати, несколько перефразировав слова профессора Ленинградского государственного университета Семена Марковича Равина (он был учителем моего учителя — Владимира Алексеевича Ржевского), можно сказать, что конституционализм — это «золотое дно», до которого пытаются донырнуть все представители конституционно-правовой науки и не только они, но никто еще даже не приблизился к этому дну. Мне кажется, наша заслуга заключается в том, что мы, не донырнув до «золотого дна» конституционализма, тем не менее, не утонули в схоластике; мы не просто остались на плаву, но, наверное, какую-то часть очень сложных пластов конституционализма прошли. Прошли при всех тех несопадающих подходах, которые были. И, соответственно, обмен

мнениями был очень заинтересованным, очень полезным, открытым, как мне кажется, за что я очень признателен.

В заключение хочу напомнить один из первых конституционных документов, который вы хорошо знаете, он начинается со слов: «Каждый наделен Всевышним некими неотъемлемыми правами, как-то: право на жизнь, право на свободу, право на стремление к счастью». Отцы американского конституционализма при этом не сформулировали право на счастье. А я всем присутствующим, в особенности женщинам накануне их праздника, желаю рассматривать эти слова как конституционный императив в вашей личной жизни: будьте счастливы и получайте удовлетворение в том числе и от исследования проблем конституционализма. Спасибо. (*Аплодисменты*).



Добрынин Николай Михайлович,
д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

**Философско-мировоззренческая картина
современного российского конституционализма.
Очерк о возможном и необходимом в правовой модернизации
России — в поддержку монографии Н. С. Бондаря¹**

Аннотация: Статья подготовлена в качестве отклика по прочтении вышедшего в свет в 2016 году второго (переработанного) издания монографии судьи КС РФ, профессора Н. С. Бондаря «Судебный конституционализм: доктрина и практика». Разделяя взгляды авторитетного коллеги, автор акцентирует внимание на ключевых вопросах политико-правовой модернизации Российского государства и том, как такой модернизации способствует деятельность КС страны. Отмечается значимость формирования адекватной философско-мировоззренческой парадигмы российского конституционализма, развития конституционного правосознания и конституционного мировоззрения, обеспечения правовой стабилизации российского общества. Делается общий вывод о том, что представленная аудитории монография вносит выдающийся вклад в развитие научно-теоретических и прикладных основ российского конституционализма и представляет несомненную пользу для широкого круга заинтересованных читателей.

◆◆◆

**Пролог: К вопросу о сущности российского
конституционализма и высокой полезности научной дискуссии**

Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, в общемировых масштабах конституционного

¹ Статья-рецензия впервые опубликована в журнале «Государство и право» в 2018 г. (№9 С. 38–51).

строительства относится к числу сравнительно «молодых» конституций. В то же время не будет преувеличением сказать, что за прошедший без малого четвертьвековой период своего существования российская Конституция «пережила» колоссально сложный период первичной апробации.

Конституция России на современном этапе, достойно выполняя свою миссию и, что немаловажно, оставаясь в своем практически первозданном виде, является надежным правовым, идеологическим, политическим фундаментом Российского государства, и тем самым создает благоприятные условия для органичного формирования, творческого созидания и эволюционного, поступательного развития в российском обществе процессов и явлений, которые в юридической науке охватываются категорией «конституционализм».

Вместе с тем, почти двадцать пять лет «жизни», преодоленные Конституцией страны, безусловно, стали периодом накопления также и критической массы признаков, условий и факторов, которые неизбежно сопровождают действие Конституции, ее реализацию, будучи порождены как самой Конституцией, так и возникнув вопреки ей. Получая свое воплощение в жизни российского общества и государства, соответствующие условия и факторы в их совокупности диалектически подводят основной закон страны, а за ним и, собственно, страну, весь многонациональный российский народ к рубежу, барьеру, преодоление которого связано либо с коренным преобразованием, либо же если не с сущностным изменением, то с отысканием и раскрытием принципиально новых качеств правовой реальности, которые соответствуют предлагаемым эпохой вызовам. В этой связи вопрос оптимального выбора Россией дальнейшего курса конституционного развития не только (а, может быть, и не столько) набирает актуальность в научных и политических кругах: он, отнюдь небезосновательно, становится значимым уже и с экзистенциальной точки зрения. Данная тенденция вкупе с некоторыми иными факторами как нельзя лучше характеризует сущность и «остроту момента» в состоянии российского конституционализма на современном этапе.

Раскрытию сущности российского конституционализма как с точки зрения общих представлений о данной философско-правовой категории, так и с позиции соответствующих тенденций — в контексте роли и значения института конституционного правосудия, — посвящена крайне глубокая и насыщенная по содержанию книга профессора Н. С. Бондаря «Судебный конституционализм: доктрина и практика»¹, вышедшая в свет в 2016 году в качестве уже второго, переработанного издания и ставшая органичным дополнением серии фундаментальных работ, образующих учрежденную нашим глубокоуважаемым коллегой «Библиотеку судебного конституционализма».

По нашему искреннему убеждению, то обстоятельство, что опубликованная профессором Н. С. Бондарем книга закономерно получилась глубокой и весьма насыщенной, разноплановой и в то же время целостной по содержанию, вполне объяснимо. Не только потому, что наш глубокоуважаемый коллега является очень талантливым ученым и, без преувеличения, одним из патриархов современной российской конституционно-правовой науки. И не только потому, что профессор Н. С. Бондарь уже на протяжении многих лет успешно сочетает свою научную деятельность с работой в качестве судьи КС России, а, значит, представленный взыскательной аудитории труд в этом смысле эксклюзивен, поскольку в нем «из первых уст» излагаются насущнейшие вопросы, касающиеся как ключевых доктринальных подходов, так и важнейших практических аспектов, определяющих роль конституционного правосудия в правовой модернизации современной России. Все вышесказанное, безусловно, имеет место быть и в значительной мере *a priori* предопределяет высочайшее качество не только обсуждаемой здесь книги, но и других работ нашего глубокоуважаемого коллеги. Но все же главным мерилом (и в то же время объяснением, почему названная выше работа профессора Н. С. Бондаря обладает, по нашему убеждению, столь исключительными качествами) выступает

¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма — ИНФРА-М, 2016. 528 с.

здесь тот факт, что каждая глава, каждый параграф и каждая строка в этой книге проникнуты столь глубоким сопереживанием автора судьбам родной страны, насыщены столь искренним патриотизмом и стремлением сделать юридический уклад современной России лучше, не уловить которые, не воспринять и не разделить мог бы, пожалуй, лишь совершенно безразличный к окружающей жизни и чрезвычайно черствый читатель.

Вот почему нам представляется, что *обсуждаемая здесь работа профессора Н. С. Бондаря в самом начале 2018 года совершенно заслуженно удостоилась главной награды в рамках второй церемонии присуждения Национальной премии по литературе в области права*¹.

И именно потому мы убеждены, что в монографии профессора Н. С. Бондаря, побуждающей каждого задуматься о судьбах страны, заинтересованный читатель обязательно найдет для себя много нового и полезного, включая и ответы на самые непростые вопросы онтологии права.

Мы же, представляя взыскательной аудитории настоящий отклик по прочтении вышеназванной книги профессора Н. С. Бондаря, считаем необходимым сделать акцент на нескольких ключевых аспектах модернизации современного российского конституционализма в динамике его непрерывного развития, которые излагаются ниже, в том числе с опорой на взгляды и суждения, сформулированные глубокоуважаемым нами коллегой.

Философская парадигма современного российского конституционализма: некоторые размышления о понятиях и ценностях

Общеизвестно, что в современной науке понятие «конституционализм» принято воспринимать в трех основных значениях. Так, в сугубо теоретическом ключе конституционализм представ-

¹ Подробнее об этом см. URL: <https://www.litpravo.net/kopiya-laureaty> (доступ по сост. на 01.06.2018).

ляет собой систему политико-правовых знаний; доктрину, которая, основываясь на идеях и ценностях демократии, предполагает ограничение государственной публичной власти правом, притом что основная роль в регулировании общественно-государственных отношений в рассматриваемом аспекте отведена Конституции — нормативному правовому акту высшей юридической силы, в котором сбалансированы и в абстрактной, концентрированной форме закреплены права, интересы и взаимные обязанности общества, составляющих его индивидов и государства.

В своем практическом преломлении конституционализм представляется как сложившийся в определенном государстве политико-правовой режим ограничения публичной власти конституцией на основе соответствующих идей и ценностей, а также институтов и отношений, в целом характеризующихся как конституционное правление.

Третье значение рассматриваемого понятия, можно сказать объединяющее первые два, сводится к тому, что конституционализм представляет собой сложную общественно-политическую и государственно-правовую категорию, в основе которой лежат исторически сложившиеся идеалы конституционной демократии (то есть демократии, базирующейся на конституции как особом документе государства и общества), институты властвования и политический режим, соответствующие конституции, а также не только действующая, но и действенная система защиты конституции и конституционного строя, закрепленная в конституции демократических ценностей, прав и свобод человека и гражданина.

Профессор Н. С. Бондарь, обращаясь к вопросу о сложившихся в современной российской науке подходах к пониманию феномена конституционализма, очень точно характеризует имеющуюся научно-теоретическую картину данного явления: «При всем многообразии подходов к определению понятия “конституционализм” очевидно, что его основополагающие характеристики — как с точки зрения генезиса, происхождения и исторического развития данного явления, так и в гносеологическом плане — связаны

в конечном счете с понятием конституции как основного закона общества и государства» (с. 24).

Однако ценность данного суждения отнюдь не в его констатационном характере и не в том, что оно созвучно с большинством уже сформулированных в отечественной правовой науке подходов к пониманию феномена конституционализма, а в том, что оно служит основой для авторского критического осмысления сложившейся научно-теоретической картины, результаты которого, в свою очередь, открывают и простор для более глубокого познания сущности конституционализма не только и не столько в его абстрактном представлении (как философско-правовой категории), а в реальном выражении — как существующего комплекса разнообразных и обширных общественных практик.

В частности, наш глубокоуважаемый коллега совершенно справедливо отмечает, что «традиционный для научной литературы подход к конституционализму как исключительно юридической, политико-правовой проблеме явно недостаточен. Перефразируя известное выражение, можно отметить, что *конституционализм — слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам*. <...> Категория “конституционализм” настолько многогранна и универсальна, что способна охватывать своим содержанием явления как собственно правовые, так и неюридические (в том числе пред- и постюридические), равно как и метаюридические феномены социального, экономического, политического, культурного характера в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма и одновременно средой его существования и развития, влияют на его конкретно-историческое содержание» (с. 25).

На наш взгляд, с представленным авторским подходом профессора Н. С. Бондаря невозможно не согласиться по целому ряду причин.

Прежде всего, отметим, что взаимосвязь конституционализма как явления с установленным основным законом страны конституционным порядком практически не вызывает со-

мнений: если исходить из того, что конституционный порядок представляет собой совокупность ценностно проникнутых идей и воззрений, лежащих в основе правопорядка в целом, то конституционализм, по сути, эмпирически представляет собой, до определенной степени, тождество с правопорядком конституционного государства.

Академик О. Е. Кутафин в этой связи отмечал: «Для того, чтобы государство в полной мере подчинялось праву, нужны соответствующие гарантии. В своей совокупности они обеспечивают такую форму, такой способ организации государства, который может быть назван конституционным строем. <...> Следовательно, конституционный строй — это форма (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство»¹.

Именно конституцией устанавливается система конституционно-правовых институтов, наличие и степень действенности которых в реальной жизни общества свидетельствуют о существовании правового, социального, демократического и в конечном счете конституционного государства, а значит, и конституционализма.

Соответственно, необходимо согласиться с профессором Н. С. Бондарем также в том, что «господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее «возрастом» — есть значительно более важные, глубинные — социокультурные — истоки конституционализма» (с. 44).

Схожие взгляды выражены и многими другими известными учеными-современниками. Например, как полагал академик Б. Н. Топорнин, «правовая система может существовать без кон-

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 95.

ституции, а конституция без правовой системы — немыслимое явление»¹.

По мнению профессора И. А. Кравца, наличие самой конституции предопределяет реальное существование конституционализма во многом, но не во всем: «Хотя конституционализм основывается на конституции, самой конституции как правового акта, по всей вероятности, еще недостаточно, чтобы конституционализм стал фактом действительности»².

Профессор С. А. Егоров, к примеру, указывает, что «в стране может наличествовать конституция, но может и не быть конституционализма, поскольку последний — это “совокупность таких социально-экономических, политических, правовых, психологических, этических, культурно-исторических и иных условий, при которых конституция функционирует как достаточно эффективный ограничитель государственной власти”. Там, где конституционализм является определяющей чертой политического режима, конституция первична — она как бы “предшествует” государственной власти, а лица, которые находятся у власти, связаны ее положениями как нормами верховного права»³.

Следовательно, конституционализм (особенно, если принять во внимание опыт Великобритании и ряда других развитых государств, где отсутствует писаная конституция в виде единого документа с соответствующим названием) может существовать без конституции, но конституция без конституционализма лишена всякого смысла.

Нам представляется очевидным, что действительное наличие конституции не определяет само по себе суть конституционализма и его качественный уровень; если в нашей стране по-прежнему — спустя четверть века после принятия действующей Конституции,

¹ Топорнин Б. Н. Конституционная реформа — путь к правовому государству // Советское государство и право. 1990. №4. С. 4.

² Кравец И. А. Конституционализм: устойчивость власти и общественного развития. Новосибирск: Изд. ИФиПр СО РАН, 1994. С. 9–10.

³ Егоров С. А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М.: Наука, 1993. С. 9–10.

— определенные ее положения так и остаются нереализованными, то главные причины подобного положения дел следует искать во все не в тексте основного закона государства.

Сегодня главная задача, вне сомнения, состоит в том, чтобы глубоко и продуманно, с учетом исторической судьбы и культурно-цивилизационных особенностей российского общества всесторонне развить базовые ценности Конституции, которые являются фундаментом общественного согласия и солидарности (принцип приоритета прав человека, принцип разделения властей, равенства всех перед законом и судом и т. д.).

Посему тем, кто активно отстаивает позицию о необходимости переписать Конституцию и применить так называемый принцип *tabula rasa*, следует вначале тщательно подумать о полноценной реализации ее правового потенциала, который, как справедливо отмечает профессор В. Д. Зорькин, «во многом зависит от того, насколько верно будет определен баланс между стабилизирующей и обновленческой функциями Конституции». В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах, формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни»¹.

Важно обратить внимание на то, что статья 2 Конституции Российской Федерации содержит ключевое суждение о правовых ценностях современной России: имеющими высшую категорию ценностями признаны человек, его права и свободы. В этой норме, таким образом, закрепляется главнейший аксиологический «*стержень*» действующего основного закона страны; но в указанной норме содержится и интуитивно ощущаемый призыв к каждому — призыв об интерпретации с подобных позиций всех без исключения правовых явлений общественной жизни, что, безусловно,

¹ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации)/Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.)/отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 6–8.

придает и соответствующий аксиологически насыщенный фон российскому праву в целом.

Основная характеристика конституционализма, с учетом современного этапа развития человеческой цивилизации, таким образом, заключается в том, чтобы высший закон страны наиболее полно отражал систему фундаментальных ценностей гражданского общества и на практике гарантировал их устойчивость, надежную правовую защиту и воспроизводство. В то же время очевидно, что конституция любого современного государства должна воплощать эту ценностную систему с учетом объективных особенностей конкретного исторического этапа в развитии общества, являться результатом общественного согласия вокруг основополагающих аксиологических ориентиров социального поведения как государства, так и личности.

По нашему глубокому убеждению, конституционализм — это не утопическое восприятие некоторых идей, обуславливающих необходимость конституционного регулирования общественных отношений; конституционализм логичнее трактовать и как проявление определенной конституционной культуры, адекватной осмыслению бытия данного социума, и как системное и осознанное наличие в реальной общественной жизни конституционных ценностей, на которых базируется вся правовая система государства.

Однако главное, что следует здесь учитывать, состоит в том, что конституционные ценности провозглашаются как имеющие высшую степень общественной важности, но, согласимся, за этой важной стадией провозглашения и закрепления конституционных ценностей наступает не менее значимая: конституционные идеи должны быть воплощены в жизнь, в практику общественно-государственного строительства. При этом необходимо иметь в виду, что обычно конституция закрепляет минимум, а остальное — удел практики, в том числе и практики нормативно-правового регулирования, и опыта конституционной герменевтики. Иными словами, далее наступает стадия, когда происходит своего рода «*состязание*» конституционных идей, конкуренция подходов в

интерпретации и в конкретных социо-нормативных способах их воплощения на подконституционном уровне нормотворчества¹.

Но, безусловно, справедливо здесь и то, что, как пишет наш глубокоуважаемый коллега, профессор Н. С. Бондарь, «вне зависимости от тех или иных подходов все мы знаем, что означают отсутствие в обществе и государстве конституционализма и, соответственно, конституционной законности, конституционного правопорядка, неисполнение конституции. И это не случайно: слишком высок в понятии конституционализма удельный вес того, что проявляется не столько на уровне юридических знаний, сколько на уровне веры, убеждений, обычаев, традиций, нравственных и этических представлений о справедливости и правде» (с. 25).

Полагаем, что в таком отношении совершенно оправданным выглядит то обстоятельство, что комплексная сущностная оценка феноменологических характеристик конституционализма — в любой стране и в любой исторический промежуток времени — не может состояться в отрыве от вопроса о нравственных основаниях права, о правовой культуре общества и бытующем в нем массовом правосознании.

Посему считаем крайне важным раскрыть соответствующие аспекты в рамках настоящего очерка.

Нравственные основания права: фундаментальный посыл преодоления правового нигилизма и правового идеализма в современной России

Совершенно не лишним, обращаясь к вопросу о нравственных основаниях права — если рассматривать именно их в качестве исходного и главного посыла укрепления и модернизации современного российского конституционализма, — будет упомянуть, что вывод именно о такой роли нравственно-этических регуляторов в правовом развитии народов и государств, в том или ином

¹ Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2014. №1. С. 62.

виде, уже обосновывался многими известными представителями философско-правовой мысли.

Однако нам следует признать: сегодня ни для кого не секрет, что человечество в целом сталкивается с серьезнейшей проблемой ослабления роли социальных регуляторов; мораль, отражением которой выступает общественная нравственность, подпадает под еще большее негативное влияние, чем право; когда основания социальной солидарности оказываются под сомнением в силу признания личности, ее индивидуальности и уникальности высшей ценностью. Человеческое эго, к сожалению, шаг за шагом, подавляет тысячелетиями формировавшиеся этические императивы.

Давайте согласимся: не замечать указанной проблемы означает ни больше, ни меньше — движение по пути социальной дезинтеграции, с которой даже право со временем будет уже не в состоянии справиться; нравственный, морально-этический регресс общества, конечно же, является прямой угрозой любому правопорядку.

Профессор Г. В. Мальцев в одной из своих последних работ с полным основанием отмечал, что «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, также как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом...»¹, однако истинные «цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов... Без морально-ценностной поддержки либо

¹ Мальцев Г. В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. М., 2009. С. 88–89.

объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе»¹.

Обнаруживаем, обращаясь к более ранним философским источникам, что, например, А. Н. Радищев еще в XVIII в. писал: «Чем народ имеет нравы непорочнее, простее, совершеннее, тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются простоты, тем бóльшую нужду имеет он в законах для восстановления рушившегося порядка»².

Или, например, видный русский философ-правовед И. А. Ильин в середине прошлого века совершенно справедливо писал: «Право³ только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности... именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает — и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого»⁴.

Нам представляется необходимым в свете изложенного решительно поддержать подходы к обозначенной выше проблеме, сформулированные в обсуждаемой здесь книге уважаемого профессора Н. С. Бондаря.

В частности, совершенно оправданно наш глубокоуважаемый коллега отмечает: «нельзя не учитывать, что конституционные ценности (как и смежные категории, включая принципы, аксиомы и презумпции) выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, сколько *категориями морали, нравственности, цивилизационных, общедемократических требований*. <...> Как метаюридическая форма выражения

¹ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 89.

² Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 548.

³ В контексте рассуждений И. А. Ильина термином «право» естественно охватываются и конституционные нормы, в том числе в их идейно-ценностном восприятии.

⁴ Ильин И. А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. С. 211.

нравственных, социокультурных начал соответствующие категории, имея наиболее абстрактное содержание, наполнены вместе с тем повышенным уровнем концентрации нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной на законодателя и правоприменителя, включая все отрасли законодательства и все сферы правоприменения (курсив мой — Н. Д.)» (с. 179).

Полагаем чрезвычайно важным в контексте приведенного выше суждения подчеркнуть также то обстоятельство, что семантическое наполнение объективированных в основном законе страны морально-нравственных категорий во многом зависит от степени сформированности в обществе соответствующей картины мира, обретения ею качества целостного, внутренне непротиворечивого конституционного мировоззрения.

Подобное утверждение, в свою очередь, неизбежно выводит нас на более широкую проблематику: *различные аспекты формирования и развития массового правосознания, роста правовой культуры в стране, преодоления прочно укоренившихся традиций правового нигилизма и правового идеализма*.

Мы убеждены в том, что рассматриваемая нами работа профессора Н. С. Бондаря, вне сомнения, служит источником глубоких идей, весьма рациональных предложений и дает «богатую» пищу для дальнейших размышлений и научных изысканий. В книге, в частности, оценке роли и качеств конституционного мировоззрения как неотъемлемого элемента системы конституционализма, посвящен самостоятельный подпараграф (с. 60–69), не говоря уже о том, что логика, соответствующая выводам, сделанным в этой части монографии, рефреном воспроизводится в ходе всего последующего исследования.

Считаем, в числе наиболее ценных авторских суждений, бесспорно, следует отметить *понятие конституционного мировоззрения*, которое предлагается профессором Н. С. Бондарем: «*конституционное мировоззрение* представляет собой систему принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих отношение личности, социальных групп, общества в целом к

государственно-правовой действительности, их понимание конституционных начал демократической организации общества и государства, правовых механизмов обеспечения свободы личности, равно как и формирование у соответствующих субъектов конституционных установок и представлений по поводу перспектив социально-правового развития в соответствии с ценностями современного конституционализма» (с. 61).

На наш взгляд, совершенно точным образом характеризуется нашим глубокоуважаемым коллегой и *нерасторжимая связь конституционного мировоззрения и конституционного правосознания*: «при всем многообразии критериев и факторов оценки достигнутого уровня зрелости системы конституционализма, пожалуй, одним из универсальных является показатель достигнутого в обществе и государстве уровня конституционного правосознания и конституционного мировоззрения. <...> Конституционное правосознание ориентирует личность, социальные группы и общество в целом на поведение на основе оценки реальной конституционно-правовой действительности, включая систему конституционно-правовых норм, нравственно-этических и правовых ценностей, составляющих нормативную базу современного конституционализма» (с. 63).

Обращаем внимание взыскательного читателя на резюмирующий вывод уважаемого профессора. Н. С. Бондарь подытоживает: *«конституционное сознание и конституционное мировоззрение, являясь самостоятельными составляющими конституционализма, пронизывают все его компоненты. Это касается и отражения правовой действительности, базовых ценностей, и формирования нормативной правовой основы общества и государства, и процесса претворения в жизнь конституционных и иных правовых предписаний. Более того, сама по себе эффективность Основного закона, действенность системы конституционализма во многом определяются состоянием конституционной культуры в обществе и государстве, уровнем развития конституционного мировоззрения (курсив мой — Н. Д.)»* (с. 64).

Давайте признаем, с такими суждениями сложно не согласиться (да и найдутся ли обоснованные аргументы полемизировать?), ведь в современной России, по весьма верному наблюдению уважаемого профессора Н. И. Матузова, и правовой нигилизм, и правовой идеализм «казалось бы, разновекторные и несовместимые [явления], мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину юридического бескультурья»¹.

Не приходится сомневаться, к сожалению, что во многом негативное отношение россиян к правовым установкам власти является исторически обусловленным; правовой нигилизм формировался параллельно с политико-правовой системой в России на протяжении веков — как реакция на несправедливость социально-политического устройства; потому он, видимо, вполне может считаться одной из национальных особенностей. В то же время, несмотря на указанное обстоятельство, следует учитывать и то, что правовой нигилизм стал свойством национального характера, преимущественно как следствие нашего перманентного *«искания правды»*, которое является преобладающим в российском народном сознании.

Однако, ретроспективный взгляд показывает, что, помимо различных форм правового нигилизма, Россия всегда демонстрировала удивительные примеры правового идеализма, притом реализованные на практике.

В России правовой нигилизм процветает, прежде всего, на уровне правореализации, «а в этом случае самые мудрые и совершенные законы лишаются смысла»². Еще больший правовой нигилизм порождает законы, которые невозможно исполнить. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их претворения в жизнь, в других — из-за того, что вокруг простирается абнормальная среда их функционирования.

¹ Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права: Теория права. Академический курс в 2 т./Борисов В. В., Витрук Н. В., Гранат Н. Л., Гревцов Ю. И., и др. Т. 2. М.: Зерцало, 1998. С. 400 и след.

² Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. №12. С. 2086.

Профессор Н. С. Бондарь в контексте анализа проблем современного российского конституционализма, подчеркнем, совершенно справедливо в связи с изложенным выше отмечает: «в настоящее время наблюдается существенная неравномерность (асинхронность) между философским, концептуальным осмыслением конституции и системы конституционализма в целом, с одной стороны, и государственно-властной правореализационной деятельностью — с другой. Наука здесь зачастую оказывается не востребованной практикой, что в конечном счете приводит к философско-мировоззренческой эклектике, но не на уровне конституционных форм закрепления ценностных начал нашего развития, а при осуществлении законодательной, исполнительной, судебной власти.

Уже поэтому необходимо понимание того, что философия современного российского конституционализма — это не некая спекулятивная метафизическая юриспруденция, а мировоззренческая основа соединения теории и практики развития общества и государства на основе верховенства права и в соответствии с ценностями конституционализма...» (с. 359–360).

Следует откровенно признать, что в России по-прежнему явно процветает нравственный, политический и правовой нигилизм; общественные отношения находятся в состоянии крайней неустойчивости, и законы, принятые за четверть века в огромном количестве, бессильны их упорядочить, стабилизировать, направить в требуемое русло; реалии повседневной жизни граждан и общества подтверждают, что право, чтобы официально не заявлялось, не справляется со своими регулятивными и охранительными функциями.

Известный философ-правовед И. А. Ильин писал: «честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке»¹. Именно поэтому следует различать законопослушание и законоу-

¹ Ильин И. А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.

важение. Законопослушание основано в основном на страхе, принуждении, в то время как законоуважение — на глубоком осознании необходимости следовать закону и праву. Это является добровольной позицией индивида, соблюдением им закона «не на страх, а на совесть»¹.

Мы, применительно к современной ситуации в России, со всей очевидностью утверждаем, что главная причина неуважительного отношения к закону — *системный кризис общества*.

Полагаем, с нами многие согласятся, что *дефицит политических прав, неверие в реальную значимость закона и бессилие права, скоростное правотворчество, коррупция, слабая правореализация, бюрократия, криминогенная действительность, политическая напряженность, пауперизм, экономические неурядицы, неравенство перед законом и судом, социальная несправедливость, традиционное разгильдяйство, неприученность к порядку и дисциплине, некомпетентность и неэффективность власти, утрата к ней доверия и многое другое — все это не только не способствует преодолению правового нигилизма, но и на постоянной «жизнеспособной» основе воспроизводит, преумножает его*.

Профессор В. Д. Зорькин сложившуюся социальную картину весьма рельефно характеризует, когда отмечает, что «... проблема определения главной линии российского социокультурного раскола еще ждет своих исследователей. <...> Однако уже сейчас очевидно, что предпосылки такого раскола лежат и в сфере законодательства, и в “грехах” правоприменения, в неравенстве перед законом и судом, и вопиющем социальном неравенстве...»². Ученый называет и ряд других причин, которые кроются в культурной, экономической, социальной сферах российского общества.

Считаем, следует обратить особое внимание на то, что среди всех этих причин в качестве одного из важнейших факторов расту-

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.

² Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы... С. 13.

щего социокультурного раскола уважаемый профессор В. Д. Зорькин выделяет «именно нарастающий конфликт между лежащими в основе права моральными нормами, массово укорененными в обществе, и тенденциями пропагандируемых и наблюдаемых изменений российской реальности (курсив мой — Н. Д.)»¹.

Безусловно, описанная выше ситуация раскола крайне губительна для российского конституционализма, поскольку она разрушает сразу и почву, и средства, и условия для «возделывания» всего того, что его составляет, укрепляет и развивает; единство общества — это залог полноценного существования государства.

Таким образом, целенаправленная задача купировать губительное влияние центробежных сил и процессов, разрушающих российское общество, восстановить, установить и всемерно укрепить его целостность со всей очевидностью приобретает конституционное значение. Достижение этой архисложной цели может быть достигнуто лишь на фундаментальном уровне.

Нам представляется, что страна остро нуждается не только в социально-экономической и политической стабильности, но и в стабильности правовой сферы; более того, правовая стабилизация, последовательное соблюдение порядка и законности, может в немалой степени способствовать упрочнению положения дел во всех других областях, ибо *правовая дисциплина лежит в основе общегосударственного порядка*.

На наш взгляд, особую значимость приобретает проблематика стабильности конституционных ценностей, прежде всего в контексте современных процессов глобализации; самостоятельный интерес в плане научно-теоретической и философско-мировоззренческой оценки вызывают и периодически обнаруживаемые конституционно-ревизионистские предложения и концепции.

Подчеркнем, что вышеуказанные аспекты весьма подробно и точно охарактеризованы в исследуемой здесь работе профессора Н. С. Бондаря, посему полагаем важным и обязательным остановиться на их характеристике более обстоятельно.

¹ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 14.

К вопросу о стабильности конституционных ценностей и правопорядка в контексте современных процессов глобализации

Думается, что, обсуждая проблематику столь требуемой для России правовой стабилизации, нельзя не обратиться к вопросу о том, насколько такая стабильность может быть обеспечена на базе основного закона страны, в том числе, и каковы ее объективно заданные пределы и риски в контексте имеющих место внутренних и внешних воздействий всеобщей (глобальной, планетарной) этиологии.

Казалось бы, многое в круге задач политико-правовой модернизации в государстве ясно: есть Конституция страны — она и является отправным моментом и фундаментом всего правового порядка современной России. Но, это — лишь на первый взгляд: Конституция, каким и должно быть основному закону государства, является документом всеобъемлющим, стержневым для всей системы российского права, но потому и не предполагающим детального регулирования каждой из затрагиваемых ею сфер общественной жизни.

В таком неявном «противоречии» конституционных ценностей с наличной правовой реальностью и кроется причина столь частых призывов переписать Конституцию России, начать все с «чистого листа», реализовать идею *tabula rasa*. Те, кто опрометчиво вносит подобные предложения, руководствуются тем, что онтологическая дистанция между «записанным» в Конституции страны и правовой реальностью говорит о том, что именно Конституция России «из рук вон» плоха.

Следует признать, что правовая реальность в ее многочисленных деталях — хорошем и плохом, достоинствах и изъянах — формируется не только Конституцией страны, но и законами, подзаконными нормативными актами.

Давайте зададимся закономерным вопросом: насколько все наши современные законы и подзаконные акты хороши? Насколь-

ко они проникнуты идеями приверженности конституционным ценностям? Сколько из них могут считаться правовыми?

Действительно, сегодня, будучи проникнуты идеей прагматизма права, мы настолько отделились от его истоков, от его философии, что почти позабыли о том, что нет ничего практичнее хорошей теории; гораздо проще сказать, что российская Конституция плоха, совершенно не задумываясь о том, что основной закон страны все дальше и дальше от заложенных в нем идеалов, возможно, именно потому, что у нас, к сожалению, низкое качество законов и подзаконных актов, и потому, что они не подкреплены в достаточной степени стройной, внутренне непротиворечивой и, если уместно так выразиться, изящной юридической теорией; прежде всего конституционно-правовой теорией, теорией современного российского конституционализма.

В то же время совершенно прав глубокоуважаемый коллега — профессор Н. С. Бондарь, когда он, характеризуя параметры ситуации, сложившейся в обозначенном выше срезе важнейших проблем модернизации российского конституционализма, отмечает закономерность существования в условиях демократии не только множества подходов к вопросу о возможной и допустимой корректировке текста основного закона страны, но и, подчас, их полярный характер: «Вполне естественно, что в условиях политического и идеологического плюрализма проблемы конституционного будущего России, имеющие, естественно, не только формально-юридическое значение, могут оцениваться по-разному. Очевидно, что в данном случае речь идет об оценке действующей Конституции РФ на предмет ее соответствия сегодняшним условиям социально-экономического, политического развития общества, задачам модернизации» (с. 346).

Профессор Н. С. Бондарь, формулируя авторское мнение по обозначенной проблеме, пишет: «В том, что с экономическим, политическим развитием, изменением социальной действительности неизбежно меняется соотношение юридической и фактической конституции, нет сомнений. В этом смысле “отставание”

ранее выработанного текста основного закона от реальных условий динамично развивающегося общества и государства вполне естественно. Уже по этой причине сам по себе текст конституции никогда и ни в одном государстве, включая те, где действуют так называемые жесткие конституции, не рассматривался и не может рассматриваться с позиций неприкасаемости, недопустимости внесения изменений. Другое дело, что соответствующие изменения, поправки — и это тоже общая, универсальная характеристика современного конституционализма — должны соотноситься с требованиями стабильности конституции, нерушимости ее основополагающих начал» (с. 347).

Актуальность изложенного выше тезиса видится нам бесспорной так же, как и то, что, вне всякого сомнения, значимость сформулированного нашим коллегой суждения кратно возрастает в свете существующих внутренних и внешних рисков конституционной модернизации страны.

Профессор Н. С. Бондарь не случайно поэтому подчеркивает: «При всей важности научных дискуссий и многообразия мнений по поводу конституционного развития России нельзя не признать, что в плане правовой стратегии, пожалуй, главное, в чем безусловно нуждается наше общество, — это предсказуемость, научная обоснованность, политическая выверенность перспектив конституционного будущего...» (с. 347).

Нам в этом контексте весьма точным представляется наблюдение уважаемого профессора В. Д. Зорькина о том, что «сейчас мы видим со стороны Запада и его российских поклонников невиданные по размаху информационные фальсификации событий на Украине и их контекста. Мы видим, что официальные западные правовые интерпретации этих событий настойчиво и однозначно объявляют “кругом виноватой” Россию. Мы слышим, как крупные западные политики открыто заявляют, что России объявлена новая “холодная война”, цель которой — “майдан” в Москве и смена российской власти. Мы видим и читаем, как российские поклонники таких официальных западных интерпретаций, — кто осто-

рожно “покусывая по мелочам”, кто открыто и развернуто, — со всем этим солидаризуются. <...> Для меня это означает, что сейчас Россия переживает очередное нашествие западных (и внутренних прозападных) “цивилизованных варваров”. Нашествие — пока — происходит в формах и механизмах постмодернистских информационных фальсификаций, неприкрыто наглых интерпретаций права и экономических санкций. Однако это нашествие по масштабу и намерениям вполне соразмерно варварским нашествиям тевтонских рыцарей или армий Наполеона. <...> Нашествие “новых варваров” — объявлено. Наша задача, даже в этих условиях, изо всех сил защищать ПРАВО»¹.

Особо отметим, что схожую тревогу за судьбы России и в то же время сдержанный до глубины патриотический оптимизм мы видим и на страницах книги глубокоуважаемого коллеги профессора Н. С. Бондаря; в частности, характеризуя проблему конкуренции конституционных ценностей, лежащих в основе современных процессов глобализации, ученый пишет: «игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести (и уже нередко приводит) в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего — не сила права, а право силы и, соответственно, отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета» (с. 259).

Профессор Н. С. Бондарь в продолжение своей мысли ответственно резюмирует, что подобное положение дел «в одинаковой мере опасно как для внутригосударственного, так и для международного мироустройства, что с особой остротой проявилось в контексте глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами международного права — самоопределения народов и территориальной целостности государств.

¹ Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М.: Норма, 2017. С. 309.

Политика двойных стандартов, когда на международном уровне (включая ООН, Евросоюз и т. п., не говоря уже об отдельных государствах) за одними народами признается правомерность борьбы за государственное самоопределение (например, Косово), а другие народы такого права лишаются, может привести к разрушению основополагающих принципов современного международного права и заложенных в них ценностей» (с. 259).

Нами всецело разделяется и решительно поддерживается позиция профессора Н. С. Бондаря. Полагаем необходимым в рассматриваемом аспекте — для сравнения с упомянутым в приведенной выше цитате Косово, — высказать несколько соображений по вопросу о международно-правовом признании вхождения Крыма в состав России.

Особо, прежде всего, заметим, что последовательность юридически значимых с точки зрения международного права шагов, предпринятых руководством и населением бывшей украинской Автономной республики Крым по проведению общенародного референдума, по существу означала провозглашение независимости Республики Крым, установление ее самостоятельной государственности. Дальнейшее вхождение Республики Крым и города Севастополя на правах субъектов в состав Российской Федерации осуществлялось уже на основе факта международного признания Россией независимости (то есть, государственного суверенитета) Республики Крым по итогам референдума. Иными словами, речь идет и может идти единственно лишь о вхождении в состав России самостоятельного иностранного государства, суверенитет (независимость) которого хотя и были установлены в результате одностороннего волеизъявления прежде несuverенной территории, но получили международно-правовое признание со стороны, по меньшей мере, того государства, в состав которого это суверенное иностранное государство затем и вошло.

На наш взгляд, какие бы ни предпринимались по-прежнему попытки в западной прессе и на высшем политическом уровне ряда государств преподнести общественности свершившиеся факты как

аннексию Российской Федерацией части иностранного государства — Украины, история межгосударственных отношений имеет целый ряд аналогичных прецедентов, когда государственный суверенитет и независимость части территории определенного государства провозглашались на этой части территории в одностороннем порядке: автономный край Косово и Метохия в составе Сербии, Республики Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье и некоторые другие.

При этом, более подробно обращаясь к ситуации в Косово, особо подчеркнем, что его независимость от Сербии была провозглашена в одностороннем порядке не путем проведения общенародного референдума, а решением парламента Косово (легитимность его формирования, кстати, до сей поры вызывает вопросы), но, несмотря на данные обстоятельства, Международный суд ООН 22 июля 2010 года признал законность действий властей Косово по провозглашению независимости от Сербии и объявил, что свершившийся юридический факт не противоречит нормам международного права¹.

Известно, что принятию Международным судом ООН данного решения предшествовала череда признаний государствами — членами ООН международной правосубъектности Косово как самостоятельного государства, которая продолжилась и в дальнейшем; к настоящему времени независимость Косово в качестве самостоятельного государства признана 114 странами — членами ООН², что составляет большинство участников этой ведущей всемирной международной организации.

У нас возникает закономерный вопрос: почему при всей аналогичности ситуаций с провозглашением независимости ряда территорий (Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, а теперь еще Донецкой и Луганской народных республик на Украине) никто не торопится с признанием их международной правосубъектности в качестве

¹ Подробнее см., напр.: Международный суд ООН признал независимость Косово // Официальный сайт «Коммерсант.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1473715>.

² Данные приводятся по состоянию на 01.06.2018 на основе официального сайта Министерства иностранных дел Республики Косово. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa-ks.net/?page=2,224>.

государств, а случай с Республикой Крым вообще преподносится как аннексия или, ни много, ни мало, российская оккупация¹?

И почему в Косово, сомнительная независимость которого с такой поспешностью была признана очень многими государствами, по-прежнему сохраняется во многом непростая ситуация, готовая вылиться в новые этнические противостояния и партизанскую войну, а в «незаконно аннексированной» (или «оккупированной»?) Россией Республике Крым нет народных протестов, нет партизанской войны или иной вооруженной борьбы с «агрессором», но работают люди, налажена деятельность предприятий, учреждений здравоохранения, образования и культуры, функционируют в штатном режиме все основные институты власти, и совсем недавно введено в эксплуатацию уникальное по мировым масштабам инженерное сооружение — Крымский мост, соединивший полуостров с материковой частью России?

Думается, с нами согласятся, что это как раз тот случай, когда международное право, его сугубо юридическая рациональность и верховенство, оказываются в очередной раз подавляемы внешней политикой ряда государств, чьим интересам не отвечает подобное развитие событий. Однако, как известно, подмена права политической целесообразностью недопустима!

К тому же, если говорить о Республике Крым, то необходимо помнить, что до 26 апреля 1954 года Крым являлся исконной исторической территорией России, а его передача в состав Украинской ССР по решению руководства Советского Союза была осуществлена с грубейшим нарушением норм Договора об образовании Союза ССР от 1922 года, который, помимо прочего, закреплял право республик на свободный выход из состава СССР (чем предполагался договорный характер советской федерации) и потому подразумевал такой же договорный принцип решения территориальных вопросов между советскими республиками, входившими

¹ См., напр.: Закон №1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины», принятый Верховной Радой Украины 15 апреля 2014 г.

в СССР; юридическое оформление передачи Севастополя в состав Украинской ССР вообще не было осуществлено, несмотря на то, что согласно указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года город Севастополь был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со статусом города республиканского подчинения¹ в составе РСФСР.

Посему нам представляется совершенно верным юридический контекст выступления Президента России В. В. Путина на так называемом «Валдайском форуме» в октябре 2014 года²: приверженность России устоявшимся принципам, идеям и ценностям международного права — единственный рациональный путь не только развития национальной правовой системы и, прежде всего, сферы конституционно-правового регулирования как непосредственной юридической основы российской государственности, но и вообще сохранения суверенной российской правовой традиции в современном мире.

Уверены, что данное утверждение не может не учитываться всякий раз, когда речь заходит о формировании правовой устойчивости в стране в сопряжении с необходимостью эволюционной модернизации российского конституционализма.

Вместо эпилога:

Конституционный Суд России — хранитель и преобразователь философско-мировоззренческой парадигмы современного российского конституционализма

По нашему убеждению, спектр проблем политико-правовой модернизации в России по вполне понятным причинам не ис-

¹ То есть, со статусом города федерального значения, если употреблять современную терминологию.

² См.: Стенограмма выступления Президента РФ В. В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>.

черпывается лишь вопросами о формировании прогрессивной философско-мировоззренческой парадигмы российского конституционализма и преодолении деформаций массового правосознания, а равно, о правовой стабилизации, а в последующем — устойчивости российского общества и конституционно обусловленных процессов динамичного обновления национальной правовой системы в контексте происходящих внешних и внутренних, подчеркнем, тектонических сдвигах социокультурного, мироустройственного свойства.

Мы, с учетом характера исследуемого труда профессора Н. С. Бондаря, можем говорить лишь о некоторых из ключевых аспектов такой модернизации, и они представляются нам приоритетными.

Полагаем весьма важным в заключение нашего краткого очерка заявить еще об одном крайне значимом моменте, который определяет и механизм, и суть протекающих модернизационных процессов в стране: *речь идет о роли конституционного правосудия и, прежде всего, Конституционного Суда России в решении соответствующих проблем.*

Нам миссия «главного» Суда государства, без преувеличения, видится совершенно особенной: ведь именно Конституционный Суд России — единственный, непосредственно предусмотренный Конституцией орган конституционного контроля, наделенный исключительным правом толкования ее положений, — разумеется, с учетом конкретно-исторического контекста.

Призываем взыскательного читателя всецело согласиться с мнением профессора В. Д. Зорькина: «Положение России как страны, расположенной в европейском и азиатском регионах, с многонациональным населением, переплетением культур и т. д., безусловно, осложняет трансформацию общественного сознания, у которого еще не сложилась ориентация на единые ценности в связи с различием культур, религий и традиций. В этих условиях процессы формирования идейно-политической общности российского народа, всеобщим источником которого является Конституция, упрочения демократического, правового государства и

верховенства права идут долго и мучительно. Деятельность Конституционного суда при таких обстоятельствах — это труд садовника, возвращающего конституционные принципы на конкретной национальной почве»¹.

Потому, в свете всего изложенного выше считаем необходимым самым решительным образом поддержать ключевой вывод нашего глубокоуважаемого коллеги профессора Н. С. Бондаря о том, что место и «роль КС РФ в системе разделения властей, его основные функции и полномочия как судебного органа конституционного контроля определяются прежде всего тем обстоятельством, что КС — *хранитель Конституции*. <...> Вместе с тем это не означает, что КС является молчаливым «стражем», охранником формально-юридических ценностей своей эпохи, неким консерватором древности. *Концепция судебного конституционализма как раз и призвана отразить живой характер не только Конституции, но и всей системы конституционализма, с одной стороны, и показать преобразовательные-динамические функции конституционного правосудия — с другой* (выделено мной — Н. Д.)» (с. 262).

На наш взгляд, в этом суждении — и вся логика политико-правовой модернизации современного российского конституционализма, и смысловой стержень монографии профессора Н. С. Бондаря «Судебный конституционализм: доктрина и практика», которая в силу изложенных нами выше посильных размышлений, вне всякого сомнения, являет собой выдающийся (!) вклад в развитие отечественной конституционной юриспруденции и подтверждает высочайшую научную состоятельность автора.



¹ Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 63.

*Крусс Владимир Иванович,
зав. кафедрой теории права
Тверского государственного университета, д.ю.н., профессор,
Федан Максим Юрьевич, аспирант*

Судебный конституционализм в России и Н. С. Бондарь¹

Аннотация: В статье представлен научный анализ новой монографии известного российского правоведа, судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря. По мнению авторов, это издание выходит далеко за рамки отраслевой проблематики, вносит существенный вклад в развитие общей теории современного права, имеет важное правоустановительное, правоприменительное и образовательное значение. Феномен судебного конституционализма обеспечивает достоверность (реальность) Конституции РФ как акта прямого действия, а его доктринальное осмысление побуждает к признанию определяющего значения конституционной юстиции для совершенствования (модернизации) правовой системы России в эпоху глобализации.



Выход в свет новой книги проф. Н. С. Бондаря примечателен по ряду обстоятельств. Во-первых, любая публикация известного ученого, работающего на редкость интенсивно и плодотворно, привносит нечто новое и самобытное в развитие науки конституционного права, а его монографический цикл в особенности ярко раскрывает концептуальную связанность и вектор напряженного поиска. Во-вторых, в своих основных трудах судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь выступает и как «соавтор» уникального творческого коллектива этого органа российской конституционной юстиции, предлагая, по сути, аутентичный «дайджест» его актов и правовых позиций, благодаря которым процесс конституционализации системы россий-

¹ Рецензия впервые опубликована в журнале «Государство и право» (2012. №4. С. 117–121).

ского права получает динамику и необходимую достоверность. В-третьих (в данном отношении рецензируемая монография выделяется особо), непредвзятый читатель работ Н. С. Бондаря открывает для себя либо утверждает во мнении, что развитие доктрины современного права в принципе возможно только по линии философии и теории конституционализма, и здесь достижения и перспективы отечественного правоведения весьма обнадеживают.

Подчеркнем также и специфическую актуальность появившегося научного труда. Творческие усилия многих отечественных ученых-юристов сегодня сосредоточены на описании издержек российской демократии, практики формирования и функционирования публично-властных институтов, недостатках механизма правового регулирования. К сожалению (для науки права), проблемы конституционного строительства нередко увязываются при этом со *всегда* дискуссионными представлениями о несовершенстве Конституции РФ, а стремление утвердить за собой титул инициаторов ее «кардинальной реформы» либо замены выдается за развитие конституционной доктрины безотносительно к тому, с какими издержками, если не потрясениями, для правовой системы будут сопряжены такие «инновации». *Конституционное правопонимание*, необходимость концептуальной разработки которого разделяет Н. С. Бондарь (с. 67¹), в любом случае исключает поверхностную критику Конституции РФ как основополагающего текста и источника национального права. С названной концептуальной позиции становление и развитие правовой демократии

¹ См., например: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. О прямом признании данного концепта Н. С. Бондарем говорить трудно. С одной стороны, он полагает возможным ограничиться своего рода синтетическим слиянием формально-юридического и социологического подходов к пониманию сущности конституции; с другой — синонимами по отношению к конституционному правопониманию признаются конституционно-судебное и (с оговоркой о суверенитете) конвенционно-юрисдикционное понимания принципа верховенства права (с. 56, 111, 112).

предполагают бережное и адекватное отношение к Конституции РФ как национальному достоянию, а предпосылками любой конструктивной полемики выступают владение конституционным языком и ответственная устремленность к тем (порою неявным) конституционным смыслам, которые должны определять содержание нормативно-правовых правил для всех сфер жизни, полагаться универсальными критериями состоятельности юридической практики.

Отправляясь от идеи о конституции как аксиологической социально-нормативной энергии, Н. С. Бондарь приходит к выводу о «единстве внутренней и внешней формы» Конституции РФ, социального и юридического дуализма ее сущности (с. 28, 34), что и определяет, в его терминологии, возможности живого, реального, а не иллюзорного конституционализма. Недостаточно, однако, подходить к Конституции РФ как к континуальному воплощению «эксплицитно выраженных и внутренне присущих ей социально-правовых ценностей» (с. 102). Обретение таких ценностей невозможно помимо согласия относительно их сущности, значения и способов юридического гарантирования, а значит (поскольку договориться во многих случаях проблематично), нельзя обойтись без предварительного признания необходимости «высшей инстанции» в вопросах права и правового государства. В цивилизованном мире соответствующий подход фактически общепризнан (с. 107, 111–113) и, следовательно, «общеобязателен», а заявленная в рецензируемой работе концепция *судебного конституционализма*, на наш взгляд, является одним из наиболее продуманных и убедительных его обоснований, *отчасти* уже реализуемых в Российской Федерации решающим образом благодаря практике Конституционного Суда РФ.

Содержание монографии Н. С. Бондаря (шесть глав, разделенных на пункты и подпункты) достаточно точно обозначено названиями ее структурных элементов и логически выверено. От подробной характеристики реального (российского) конституционализма как многоуровневой системы полиструктурного

характера (гл. 1) автор переходит к той сфере и одновременно фактору развития этой системы, которая ему профессионально близка и представляется наиболее значимой: судебному конституционализму (гл. 2). Далее, поскольку формирование судебного конституционализма невозможно помимо теории практической (конституционно-судебной) аксиологии, предлагается обобщенная характеристика конституционных ценностей с выходом на проблематику их актуальной интерпретации (гл. 3). Однако ценностным измерением глубина (содержание) современного конституционализма не исчерпывается, и в гл. 4 внимание читателей переключается на нормативно-доктринальное преобразующее воздействие практики Конституционного Суда РФ на другие элементы систем российского права и законодательства. Глава 5 (возможно, для многих это будет неожиданным) дает представление о тех идеях Н. С. Бондаря, которые позволяют причислить его к научным предвестникам конституционной модернизации российской государственности. И, наконец, возвращаясь в пространство аксиологии, автор акцентирует наше внимание на ценностях равенства и свободы (гл. 6), разнообразное сочетание которых, собственно, и способно, по его мнению, утвердить в России искомый режим конституционного равноправия и справедливости.

Все главы, как и монография в целом, отмечены выраженными достоинствами высокого научно-теоретического, юридико-практического и образовательного (пропедевтического) значения. Далее лишь обозначим некоторые из заслуживающих более подробного освещения и всестороннего осмысления достижений автора.

В теоретическом плане содержание, как и название книги, побуждают задуматься об исчерпанности многих неустанно артикулируемых правоведческих проблем. Так, вопреки догматической инерции юридического позитивизма и некоторых доктринальных трактовок, вопрос об исключительном и решающем значении практики Конституционного Суда РФ («генератора судебного конституционализма») для приведения системы российского права в соответствие с Конституцией РФ, а значит, и для правосудно-

го обеспечения прав и свобод человека в Российской Федерации (ст. 18 Конституции РФ) следует считать безоговорочно решенным. Равным образом *все* суды необходимо рассматривать в качестве полноценных участников процесса конституционной юстиции *в широком смысле слова*. Положение ч. 1 ст. 120 Конституции РФ определяет подчиненность судей именно Конституции РФ, в смысловой и содержательной целостности ее текста, и затем уже (на этой основе) закону. Не может быть независимых судей, пораженных недугом «дефицита конституционного правопонимания», *не понимающих смысла* конституционно-правовых установлений. Лишь при этом условии судебная власть способна оказывать на конституционно-правовые отношения необходимое «организующее и охранительное воздействие» (с. 106). Только восходящая к Конституции РФ судебная практика формирует *прецедентное понимание* (не путать с прецедентом!) смысла конституционно-правового регулирования общественных отношений в рамках подведомственных категорий дел и тем самым осуществляет его конкретизацию (с. 102). И при таком (адекватном) восприятии современного права, какое предполагает и раскрывает в рецензируемой книге теория конституционализма Н. С. Бондаря, споры о том, является ли судебная практика в России источником права, наделен ли Конституционный Суд РФ (как орган судебной власти и «суд над властью») особыми правотворческими полномочиями, содержат ли руководящие разъяснения высших судов положения общерегулятивного характера и т. п., становятся сугубо схоластическими и важными разве для тех, кто поверяет свою (архаическую) правоту догматами о неприемлемости судебного прецедента для стран романо-германской правовой семьи или откровениями очередной «единственно истинной» философии права. Однако будущим юристам (студентам) от необходимости изучения доводов оппонентов соответствующих конституционных истин следует, по возможности, избавиться, иначе они могут просто не «увидеть» качественной новизны современной политико-правовой действительности и ее научного конституционно-правового отображения.

Приверженность конституционной аксиологии позволяет Н. С. Бондарю обосновать специфическую достоверность Конституции РФ. Действительно, даже общечеловеческие ценности «не остаются неизменными ни во временном, ни в социокультурном пространстве». В этом контексте конституция предстает как показатель достигнутого в обществе и государстве баланса между властью и свободой и одновременно как «юридизированная форма отражения социальных противоречий» (с. 40, 44–53). В конечном счете именно на основе закрепления всеобъемлющих общедемократических ценностей (с. 42, 43) в обществе и может достигаться необходимый баланс интересов, а неизбежные противоречия — получать разрешение благодаря широкому спектру убедительно классифицированных институциональных способов и средств (с. 49–53).

Анализ конституционных ценностей носит в рецензируемой монографии не только методологический, но и «институтообразующий» характер. Автор классифицирует конституционные ценности, раскрывает специфику их нормативности и видовое разнообразие, характеризует содержание, обращая внимание на проблему системной гармонизации ценностей фактических и ценностей нормативного порядка посредством практики конституционной юстиции (с. 170, 171, 177). Впрочем, большинство соответствующих положений уже было заявлено в предыдущих трудах и публикациях ученого. Выраженной новизной отмечена, пожалуй, проблематика *конкуренции* конституционных ценностей, лежащая в основе современных процессов глобализации и правового прогресса (с. 184). В этой связи — в контексте верховенства прав и свобод человека и угроз национальной безопасности — исключительно важным представляется вывод Н. С. Бондаря о порочности разделения (фактически — противопоставления) «национальной» и «конституционной» культур в силу сведения последней к западному мировоззренческому выбору, опирающемуся на редуцированное христианское вероучение до «рессор» протестантской этики и «прогрессивного» меркантилизма. Философия прав человека

не менее убедительно и (в перспективе) гораздо более человечным образом раскрывается и в контексте отечественной союзно-конфессиональной культурной традиции как «гаранта» российской идентичности. Сюрреалистический характер реалий «арабской весны» 2011 года — еще одна яркая иллюстрация катастрофического потенциала проекта вестерн-конституционализации. Потому так важно утвердиться во мнении, что «Россия не «реципиент» старых, пусть даже вошедших в классику конституционных образцов, а творец... современного демократического конституционализма, соответствующего потребностям национального развития общества и государства» (с. 38).

В тесной связи с конституционной аксиологией стоит и проблематика взаимоотношений Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека, соотношения внутрисударственной конституционной и конвенционной юрисдикции, возможных коллизий между общеевропейскими и национальными институтами гарантирования прав и свобод человека и гражданина. Здесь наиболее важными представляются два подтверждаемых практикой Конституционного Суда РФ вывода: о приоритетном значении для принимаемых в рамках судебного конституционализма решений тех правовых актов, которые обеспечивают более высокий уровень гарантирования прав человека, во-первых (с. 196, 197), и о невозможности пересмотра национальных судебных актов в системе международной юрисдикции, при том что соответствующими актами не может блокироваться эффективное восстановление прав, нарушение которых констатировано Европейским судом по правам человека, во-вторых (с. 212–218). В этих положениях, на наш взгляд, можно увидеть и начала стоящей на повестке дня теории конституционного суверенитета.

Исключительно принципиальным (в особенности для юристов, обремененных политическими пристрастиями) и ответственным представляется сформулированное и обоснованное в целом положение Н. С. Бондаря о том, что актуальная модернизация российской государственности в любом случае должна вос-

приниматься сквозь призму конституционализма, и при этом сама по себе (как динамический процесс глубинных преобразований) *нуждается в конституционализации* (с. 296–299). С нашей точки зрения, политическая ангажированность конституционной науке права не только не к лицу, но и прямо вредна, поскольку грозит творческим бесплодием, независимо от определенных политических пристрастий. «Конституционализация системы властных отношений рыночной экономики» (с. 312, 313) — задача, предполагающая прежде всего научно выверенный алгоритм решения, коллективное обоснование стратегии планомерного внедрения «конституционных принципов и ценностей в сферу публичной власти, с одной стороны, и в экономическую систему — с другой»; причем важнейшим в данном отношении необходимо утвердить *универсальный конституционный принцип конкуренции* (с. 313–316).

Переходя к критической части рецензии, оговоримся: заявленная автором цель «привлечь внимание к исследованию новых общетеоретических и прикладных проблем современного конституционализма» (с. 20), по нашему мнению, не просто безоговорочно достигнута: им сделано гораздо больше. Феномен судебного конституционализма получает у Н. С. Бондаря концептуально самобытную и убедительную смысловую достоверность, а явление — содержательную полноту. Вместе с тем в известном контексте позиция ученого не выглядит безупречной. Камертоном же условно-критического восприятия выступает неоправданная (на наш «слух») синонимия понятий судебного («живого») и реального конституционализма. Вследствие этого, определяя судебный конституционализм как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции РФ (с. 103, 118), автор одновременно «переводит» его значение на агрегатно-функциональный институциональный уровень. Даже важнейшее уточнение роли и значения каждого человека как субъекта и инициатора процесса конституционализации правовых норм (с. 115) сути дела не меняет. На наш взгляд, реальный конституционализм и судебный конституционализм актуально

соотносятся как цель и средство. Конституционное правосудие (в широком смысле) обеспечивает *возможность* перехода российской общественно-политической системы к состоянию реального конституционализма. Но произойдет это лишь там и постольку, где и поскольку прямое действие «живой» Конституции РФ будет проявляться в непосредственном и опосредованном пользовании основными правами и свободами человека и гражданина (конституционном правопользовании) не только в силу, но *до и помимо* практик правосудного обеспечения таких возможностей.

Отождествляя цели и средства реального конституционализма, легко потерять и неявную грань между конституционно должным и конституционно сущим. В этой связи рискуем «отредактировать» тезис о невозможности реального конституционализма без *юридической конституции* (с. 21–37). Для современной конституции (в философии реального конституционализма) предикат «юридическая» становится излишним. Он побуждает к неоправданному — редуцированному — разделению конституций на «юридические», «писанные (формальные)» и «фактические», вполне уместному и важному во времена Ф. Лассалья и Г. Еллинека, тем более в России, где затянувшаяся дискуссия о типах правовопонимания привела к доктринальной перегруженности термина «юридический» и притязаниям на эксклюзивное его использование приверженцами определенных концептуальных решений¹.

Означает ли наличие Конституции РФ (как конституции современного типа) достоверность реального конституционализма в России? Вопрос, отнюдь, не простой. Справедливо, что «формирование научно-теоретических, доктринальных начал российского конституционализма» началось «задолго до появления конституции как юридического акта государственной власти» (с. 23).

¹ См.: Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997. С. 20 и др. Справедливо ради отметим, что в целом Н. С. Бондарю подход к конституционализму как исключительно юридической и даже политико-правовой проблеме представляется явно недостаточным (с. 63, 64), что верно. Дело, однако, заключается в том, чтобы юридическое всегда вытекало из конституционного, но не наоборот.

Однако понятия «реальность конституции» и «реальность конституционализма» — далеко не синонимы. Реальность Конституции РФ определяет *возможность* и достоверно конституционных взаимодействий (связей и отношений), и диалектических (достоверно истинных), но не аподиктических суждений о праве. С одной стороны, реальность конституции — это реальность жизни народа, ее понимающего. Проникновение в смысл конституционного текста есть акт (момент) конституционного объективирования и, *возможно*, обнаружения (подтверждения) конституционности объективного права. С другой стороны, реальность любой современной конституции означает, что ее «перспективный объем» (внутренняя полнота) фактически не ограничен, а текст всегда лишь *частично востребован*. Конституция РФ «говорит» нам, российскому народу, ровно столько и раскрывается при этом настолько, сколько и насколько внятно мы (каждый) ее «спрашиваем». В ситуациях, когда обнаруживается неготовность грамотно поставить конституционно насущные вопросы и услышать (понять) ответы на них (разрыв конституционной коммуникации), — вопросы эти должны задаваться через исключительно легитимного посредника («переводчика»): Конституционный Суд РФ¹.

«Взгляд с Сенатской площади» позволяет автору рецензируемой книги говорить о наличии *государственной стратегии* утверждения реального конституционализма в России (с. 35–38). Мы не беремся оценивать этот скорее социально-политический вывод, но полагаем, что для конституционной науки реальны и достоверны только *начала конституционализма* как идеи, выражения смыслов конституционного текста и конституционного должного. Стратегия же конкретной политической власти всегда будет только более или менее конституционно взвешенной (разумеемся, при условии ее легитимности). Н. С. Бондарь справедливо

¹ См.: Кресс В. И. Реальность российской Конституции // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы науч.-практ. конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г. / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2009. С. 243, 244.

отмечает, что претворение в действительность «идеала, облаченного в форму конституции», «неминуемо сопровождается известным разочарованием и освобождением от конституционных иллюзий», и даже соглашается с тезисом А. Шайо о функциональной несостоятельности конституции в определенных политических реалиях (с. 32). Однако ни конституция, ни права человека (хотя бы и непосредственно действующие) не действуют сами по себе, «автоматически» и *именно поэтому* не гарантируют защиты гражданского общества от этатистских угроз, которыми «перманентно беременна» любая политическая власть. Если же народ переложит вину за осуществление чуждых ему целей на конституцию, — он лишь распишется тем самым в исчерпанности своих духовных ресурсов.

Многие заинтересованные читатели отметят, считаем, и научную новизну тезиса Н. С. Бондаря о современном конституционном праве как «отрасли публично-частного права» (с. 240–243). Понятно, сколь велика сила традиции, побуждающей учитывать хотя бы и «объединенное» разделение в праве, идущее от римских юристов! Что же, однако, есть еще в *современном праве* помимо конституционно-правовой материи? И разве могут быть границы у определенной отрасли? В контексте философии реального конституционализма Конституция РФ непреложно выступает исходной инстанцией *всякого* права, независимо от его «отраслевой прописки» и внешней формы. Окончательно это признают не скоро. Но разве не конституционалисты должны быть здесь первыми?

Вызывает определенное сомнение и предложенный в монографии подход к тем *принципам* современного конституционализма, которые автор определяет как *новые (специальные)*, отмечая, что Конституционный Суд РФ *вводит* их в конституционно-правовое поле (с. 250–257). Качество «новизны» намеренно или невольно умаляет реальность принципов, которые *изначально* существовали «внутри» конституционного текста (а другие еще ждут своего часа). Они — выражение духа Конституции РФ и только получают благодаря Конституционному Суду РФ истинное (конституцион-

ное) материально-формальное, доктринально-нормативное воплощение.

Такая трактовка снимает упреки (если не обвинения) в присвоении себе Конституционным Судом РФ права («власти») создавать Конституцию РФ, творить ее, расширять ее содержание.

Неосновательное наложение смысловых пластов конституционной действительности и реальности обозначает еще одну гносеологическую проблему рецензируемой работы. Справедливо, что комплексная природа конституционно-правовых явлений предполагает включение в методологию их познания и догматической, и исторической, и социологической, и философско-мировоззренческой компоненты (с. 71). В конституционной науке в этой связи актуализировано понятие *конституционного мировоззрения* (Н. В. Витрук и др.), к которому, однако, следует подходить с учетом его фундаментальной ограниченности. Для Н. С. Бондаря конституционное мировоззрение — это «система принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих отношение личности, социальных групп, общества в целом к *государственно-правовой* действительности, их понимание конституционных начал демократической организации общества и государства, правовых механизмов обеспечения свободы личности, равно как и *формирование* (курсив наш — В. К., М. Ф.) у соответствующих субъектов конституционных установок и представлений по поводу перспектив социально-правового развития в соответствии с ценностями современного конституционализма» (с. 72, 73). Рискнем возразить: мировоззрение таким горизонтом не ограничено. Оно предполагает прежде всего *личностный выбор* (а не пассивную рецепцию) в области *самых главных* (собственно философских) решений рефлексивно настроенного разума о смысле и назначении человека и человеческого, о достоверности и направленности исторического времени, об оппозиции прогрессивного и эсхатологического сценариев будущего, о ценности жизни, смерти и т. д. Российской (национальной) философии конституционализма найдется что предложить и на этом уровне духовных исканий!

Между тем в «рекомендованной» образовательной литературе о подобных вещах практически не говорится, и, как представляется, не случайно. Именно осознанное молчание обеспечивает фактическое доминирование в идеологеме «утилитарного конституционализма» западного космополитизма и рационально-этического детерминизма. Причем отнюдь не сократо-платоновского и даже не аристотелевского толка. Скорее это — социал-дарвинизм и кейнсианский меркантилизм, подспудно грозящие прогрессивной анафемой каждому, кто рискнет заявить о принципиальной несовместимости мировоззрений человека, созданного по образу и подобию Божию, с одной стороны, и индивидуума, убежденно выводящего свою генеалогию от приматов, а веру допускающего только в формате договора («*in god we trust*») — с другой.

Можно, разумеется, посоветовать вывести подобные вопросы и противопоставления за рамки конституционализма. Однако, как соотносить достоверность конституционных ценностей с требованием политического и идеологического плюрализма, а равно и запретом на установление государственной или обязательной идеологии (ч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ)? Н. С. Бондарь одним из первых признает наличие соответствующей внутриконституционной коллизии и одновременно утверждает объективно закономерный характер процесса ее фактического преодоления посредством юридикации (конституционализации) «соответствующих принципов, идей и представлений» (с. 73–75). По сути, конституционное мировоззрение сводится тем самым к мировоззрению профессиональному юридическому. На наш взгляд, это только *попытка* того ответа, который рано или поздно потребует найти, дабы объяснить, например, как в «систему конституционного мировоззрения» могут *одновременно* войти мировоззрение религиозное и атеистическое (контррелигиозное), как и о чем будут договариваться юристы, признающие и исключаящие (с. 257) возможности бессовестного или злонамеренно бесчестного пользования правами и свободами (злоупотребление правом), и т. п.

Наряду с этим Н. С. Бондарь глубоко прав в том, что без принципиальной конституционной корректировки программ и методики юридического образования приблизиться сколь-либо основательно к реальному конституционализму у России вряд ли получится (с. 76–79, 108). Для этого необходимы юристы новой формации, сознательно убежденные в безоговорочном характере требования конституционности для права и правового закона, в универсальном значении конституционных принципов и ценностей, в непреложном для всякого юриста направляющем значении цели обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Подготовить таких профессионалов чрезвычайно трудно: конституционное правописание включает и политико-идеологические, и эмоционально-волевые, и психологические, и национально-культурные аспекты. Однако введение двухуровневой системы юридического образования может сыграть здесь позитивную роль. Есть надежда, что магистраты всерьез отнесутся к предложению углубить познания в области теории и методологии права на базе актов конституционной юстиции и доктринальных источников такого качества, как отмечены монографии проф. Н. С. Бондаря. Во всяком случае, в списки основной литературы магистерских программ, утвержденных на юридическом факультете Тверского государственного университета, его работы уже включены.



4.3. ПРИЗНАНИЕ

А. Национальная премия по литературе в области права 2018 года

Владислав Куликов

БУКВА ЗАКОНА.

ПРОШЛО ВРУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕМИИ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ В ОБЛАСТИ ПРАВА

(Российская газета, федеральный выпуск №7522 (59). 21.03.2018 г.)

В Институте законодательства и сравнительного правоведения при правительстве России прошла вторая церемония награждения лауреатов Национальной премии по литературе в области права. Учредила награду Федеральная палата адвокатов, чтобы отметить лучших авторов-правоведов.

Лучшими научными работами были признаны четыре издания. Первым лауреатом премии стал судья Конституционного Суда РФ Николай Бондарь за работу «Судебный конституционализм: доктрина и практика». Также награда вручена вице-президенту Российской академии наук, директору Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Талии Хабриевой и заместителю председателя Научно-консультативного совета ФПА РФ, профессору Валерию Лазареву, под научной редакцией которых издана монография «Судебная практика в современной правовой системе России».

Председатель Суда по интеллектуальным правам Людмила Новоселова получила премию за учебник «Право интеллектуальной собственности». А директор Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции Наталья Лопашенко стала лауреатом за десяти томник «Уголовное право». Премия призвана мотивировать правоведов искать новые научные подходы в праве.

НАЗВАНЫ ЛУЧШИЕ ПРАВОВЫЕ КНИГИ
(Новая адвокатская газета, 21.03.2018 г.)

Состоялась церемония награждения второй Национальной премии по литературе в области права

В ходе церемонии были награждены лауреаты премии, а также победители проведенного ФПА РФ конкурса студенческих работ «Развитие института адвокатуры в России в 1917–2017 гг. ».

20 марта в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ состоялась церемония награждения лауреатов второй Национальной премии по литературе в области права, учрежденной Федеральной палатой адвокатов РФ в 2015 г. Спонсором Премии в этом году выступил Фонд региональных некоммерческих проектов «ДАР».

Открывая церемонию, ее участников приветствовали директор Института законодательства и сравнительного правоведения Талия Хабриева и советник председателя Государственной Думы России Владимир Плигин.

Напомнив о награждении первых лауреатов Премии, которое также прошло в ИЗиСП в апреле 2016 года, Талия Хабриева сказала, что оно оставило самые теплые воспоминания, так как ученым и юристам очень важно внимание к их работе: «Научные труды пишут люди мотивированные, они пишут независимо от того, получат ли признание, но когда есть сообщество, которое готово оценить их идеи и способствовать продвижению этих идей в практику, то для них это служит большим стимулом».

Владимир Плигин отметил необходимость развития юридической научной мысли, которая дает возможность формулировать философские основания профессии, вырабатывать новые правовые категории и переосмысливать существующие, если это требуется в современных условиях (например, в условиях современной цивилизации нуждаются в дополнительной проработке многие фундаментальные вопросы, относящиеся к категории прав человека). Кроме того, на современном этапе насущной необходи-

мостью является научное осмысление судебной практики, судебного права, судоустройства, поскольку эти сферы нуждаются в совершенствовании.

Далее перед участниками церемонии выступил президент ФПА Юрий Пилипенко, который напомнил, что идея Премии принадлежит Владимиру Плигину, высказавшему ее на заседании Совета ФПА РФ. Адвокатское сообщество поддержало эту инициативу, взяв на себя обязанность администрирования процедуры Премии: «Это честь для нас, и мы рады, что нам удалось быть полезными научному юридическому сообществу. Благодарю Институт законодательства и сравнительного правоведения и Федеральную нотариальную палату, которые подключились к этой работе, а также спонсора Премии — Фонд «ДАР», который поможет нам издать книги ее лауреатов».

Президент ФПА РФ рассказал о том, как проходил выбор победителей: члены оргкомитета выдвинули претендентов — 29 авторов и авторских коллективов, их список был направлен для первого голосования в юридические вузы, из 31 вуза поступили результаты голосования, которые были переданы в комитет по награждению для второго голосования. По словам Юрия Пилипенко, первое голосование выявило лидеров, которые затем и стали победителями, по числу набранных в рейтинге голосования баллов значительно опередив всех других номинантов.

Далее состоялось награждение — авторам и руководителям авторских коллективов, занявшим первые четыре места в рейтинге голосования, вручены дипломы и статуэтки Национальной премии по литературе в области права.

Лауреатами премии стали:

судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор Николай Семенович Бондарь — автор монографии «Судебный конституционализм: доктрина и практика»;

— директор Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, доктор юридических наук, профессор Наталья Лопашенко, под научной редакцией ко-

торой выпущено издание «Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 томах»;

— директор ИЗиСП, вице-президент Российской академии наук, академик РАН Талия Хабриева и заместитель председателя Научно-консультативного совета ФПА РФ, заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор Валерий Лазарев, под научной редакцией которых издана книга «Судебная практика в современной правовой системе России: монография»;

— председатель Суда по интеллектуальным правам, доктор юридических наук, профессор Людмила Новоселова, под научной редакцией которой подготовлен учебник «Право интеллектуальной собственности. Том 1 «Общие положения»».

В завершение церемонии к ее участникам обратился советник Президента РФ Вениамин Яковлев: «Наша задача состоит в том, чтобы люди знали, что право — это искусство добра и справедливости. Право утверждает величайшие нравственные ценности. Это самое главное в нашей профессии. Юристы должны понимать роль нашей профессии — от этого зависит качество реализации права, качество правосудия. Я рад, что сегодня участвовал в церемонии, и рад за лауреатов Премии».

ПАРАДОКСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

(интервью Н. Бондаря для «Адвокатской газеты», 15 мая 2018 г.¹)

Конституционный суд занимается конституционализацией политики, не выходя за рамки свойственных ему функций сугубо правового характера.

Судья КС РФ, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ и Заслуженный деятель науки РФ Николай Бондарь ответил на вопросы «Адвокатской газеты».

¹ Режим доступа: Официальный сайт «Адвокатской газеты» // URL: <https://www.advgazeta.ru/intervyu/paradoksy-konstitutsionnogo-pravosudiya>.

— **Николай Семенович, Ваша книга «Судебный конституционализм: доктрина и практика» удостоена Национальной премии по литературе в области права. Поздравляем Вас с высокой наградой и просим рассказать, как родилась идея написания этой книги?**

— Спасибо за поздравление. Что касается того, как родилась идея написания этой книги, честно говоря, раньше не задумывался над этим вопросом. Думаю, идея написания этой книги рождалась, созревала вместе с моим становлением в качестве судьи КС РФ: ведь в основе книги — проблемы конституционного правосудия, влияние КС РФ не только на защиту, но и на развитие российского конституционализма. Вспоминаю слова покойного Владимира Александровича Туманова, выдающегося ученого и практика юриспруденции (который был в том числе и председателем Конституционного Суда РФ). Когда в 2000 г. я был назначен судьей КС РФ, он, вероятно, чтобы «добавить» молодому судье оптимизма, как-то сказал, что полноценным конституционным судьей можно стать не раньше, чем через три-четыре года после назначения на эту должность.

Соответственно, и идея книги созревала постепенно. Ей предшествовало мое твердое решение — писать после назначения в КС РФ о том, что будет соответствовать моим новым профессиональным интересам как судьи КС. И я практически сдержал слово, а точнее, это происходило (и до сих пор происходит) естественным образом: научная работа для меня — во многом продолжение судебной. А в сумме получился... судебный конституционализм.

И это не есть шутка. С одной стороны, написанию «Судебного конституционализма» предшествовало издание мною нескольких книг по разным вопросам конституционного правосудия (одна из наиболее крупных в этом ряду — «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом РФ»; М., 2005). С другой стороны, сама книга «Судебный конституционализм» (ее первое издание,

2011 года) подвигла меня к идее издания авторской «библиотеки», которая имеет такое же название — «Библиотека судебного конституционализма»; на сегодняшний день вышли в свет восемь ее выпусков. В этом плане проблематика судебного конституционализма, в моем представлении, весьма широка, и вряд ли хватит одной творческой жизни реализовать ее до конца...

— В работе над текстом, кем Вы себя ощущали в большей степени: судьей Конституционного суда или ученым, который может критически относиться даже к тому органу, где сам работает?

— Совершенно очевидно, что судье невозможно писать книгу, не погружаясь в научную сферу, но определить точную «пропорцию» в соотношении ученого и судьи в этом случае вряд ли возможно. Другое дело, ученым, занимающимся в том числе и практической юриспруденцией (в данном случае — судебной), доктринальные, теоретические вопросы не должны восприниматься в отрыве от практики. В этом плане, уверен, вполне возможно определенное критическое отношение к тем или иным вопросам, в том числе к конкретным решениям КС РФ, особенно если ты как судья высказал в свое время особое мнение по поводу этого решения (у меня в книге есть несколько таких сюжетов).

Что же касается соотношения теории и практики, то не могу не отметить, что сам КС РФ — это не только юрисдикционный орган судебной власти, но и своего рода научная лаборатория, состоящая как из практиков-юристов, так и (в своем большинстве, кстати) из ученых различных направлений юриспруденции, что, кстати, крайне важно для деятельности КС, предметом рассмотрения которого являются законодательные акты самых различных (всех!) отраслей права.

Так что пусть читатель сам определяет, где, в какой части повествования я — больше профессор, а в какой — судья.

— Вы действительно считаете, что показателем достигнутого уровня зрелости современного российского конституционализма является единство внутренней и внешней форм Конституции? В чем это единство проявляется?

— Если иметь в виду, что внешняя форма Конституции — это ее буква, а внутренняя форма находит свое проявление в духе Конституции, то есть в ее ценностях, основополагающих принципах, основах правового регулирования, которые отражают не только формально-юридические требования, но и социокультурные характеристики нашего многонационального, многоконфессионального общества и федеративного государства, то станет понятно, что такое соответствие «внешней» и «внутренней» формы Конституции — это в конечном счете вопрос о том, насколько она является реальной, а не фиктивной, актом прямого действия, которым могут и должны руководствоваться все субъекты права, начиная с президента или правительства, и заканчивая гражданином, должностным лицом любого уровня. Одним словом, Конституция — это далеко не только сам по себе текст основного закона, пусть даже складно, гладко написанный... С этим, соответственно, связан и уровень зрелости всей системы конституционализма в стране.

— В то же время Вы утверждаете, что процессы обновления российского конституционализма, поиск оптимальной и наиболее эффективной модели государственной организации носят в своей основе непрерывный и приоритетный характер. Значит, идеала мы пока не достигли?

— Сама по себе Конституция в любом государстве, в том числе и наша, российская, — и есть во многом политико-правовой идеал организации власти, ее взаимоотношений с человеком и гражданином. На то он и идеал, проявляющийся как нормативное представление о должном, чтобы стремиться к нему, стараться перевести конституционное долженствование в социально-правовые реалии политической, экономической, правовой жизни личности,

общества и государства. Но определенный разрыв, «зазор» между конституционным должествованием (как идеалом) и реальным осуществлением провозглашаемых принципов и целей, закрепляемых на конституционном уровне ценностей, всегда будет присутствовать.

В этом, кстати, проблема соотношения юридической и фактической конституции. Важную роль в их «сближении», преодолении разрыва между юридическим содержанием и фактическим исполнением Конституции играет конституционное правосудие. На этой основе как раз и становится возможным формирование особого политико-правового режима верховенства, прямого действия Конституции, который мною определяется как система судебного конституционализма.

— **Чем вызвана конкуренция конституционных ценностей, и может ли КС выбрать, что важнее?**

— При кажущейся простоте это очень важный, я бы сказал, методологически значимый для конституционного правосудия вопрос. Дело в том, что конкуренция конституционных ценностей не есть некая аномалия. Как это не покажется странным, конкуренция конституционных ценностей — вполне естественная характеристика современного конституционализма, основанного на принципах политического и экономического плюрализма, идеологического, национального, конфессионального многообразия и т. д. Причем такая конкуренция возможна на самых различных уровнях: начиная с ценностных характеристик основ конституционного строя (например, конкуренция между принципами рыночной экономики, с одной стороны, и социальной защиты граждан, социальной государственности, с другой) и продолжая конкуренцией между ценностными характеристиками отдельных прав и свобод. Очевидно, например, что ценность права на свободу слова (ст. 29 Конституции) может конкурировать с правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23) и т. д.

Все это имеет подтверждение практически в повседневной деятельности КС РФ. Едва ли не каждое наше решение тому подтверждение. Однако КС в этом случае не просто «выбирает, что важнее», а как бы взвешивает конкурирующие ценности и приводит их своим решением в состояние баланса, уравнивая интересы различных (противостоящих) субъектов правоотношений.

Так, например, в одном из получивших широкий резонанс в адвокатском сообществе постановлении от 17 декабря 2015 г. №33-П КС РФ рассматривал коллизию конституционных ценностей, связанных, с одной стороны, с защитой адвокатской тайны, а с другой — с недопустимостью злоупотребления адвокатским статусом, в том числе в целях совершения противоправных деяний. И решение этой коллизии КС РФ построил на традиционном для себя подходе достижения баланса через согласованную реализацию ценностей, чтобы ни одна не была умалена ради другой. КС РФ констатировал в этом деле, что под режим адвокатской тайны могут подпадать только те предметы и документы, которые получены или созданы адвокатом без нарушений уголовно-противоправного характера в рамках отношений по оказанию квалифицированной юридической помощи. И что адвокатская тайна не распространяется на материалы, которые могут свидетельствовать о наличии в отношениях между адвокатом и его доверителем признаков преступления. То есть были определены конституционные пределы объема, охвата адвокатской тайны, позволяющие обеспечить как конфиденциальность юридической помощи, так и публичный интерес осуществления правосудия.

— **Должен ли судебный конституционный контроль оставаться самостоятельным, как сейчас в России, или он может быть интегрирован в общую систему судебной власти?**

— При ответе на этот вопрос нельзя не учитывать, что должно быть безусловное уважение к тем конституционным институтам, которые существуют, закреплены в нашем основном законе. И судьи КС РФ призваны максимально обеспечивать

реализацию потенциала конституционного правосудия в его конституционно установленных параметрах. Задумываться об изменениях в отношении столь принципиальных вопросов стоило бы, вероятно, если бы имели место какие-то особые причины, например (и не дай Бог!), фундаментальные сбои в работе существующих механизмов. В настоящее же время поводов для этого нет. Точечные же коррективы вносятся в вопросы организации и деятельности КС как через законодательное регулирование, так и в процессе выработки правовых позиций КС по соответствующим вопросам. И, как показывает практика, этого вполне достаточно.

Вместе с тем надо понимать, что в мировой практике существуют различные подходы, различные модели построения конституционно-судебного контроля. В частности, в США он растворен в общеправовых функциях судебной власти. В континентальной же системе права, к которой принадлежит и Россия, традиционным является создание именно специализированных органов конституционного правосудия.

— Вы говорили, что грехи конституционного правосудия носят богоугодный характер, так как они сами по себе конституционно обоснованы. А что это за грехи?

— Нужно, прежде всего, пояснить, что данная терминология — «богоугодность», «греховность» — была использована мною в метафорическом смысле. Речь не идет, конечно, о претензиях конституционного правосудия на божественную святость. Хотя, как не вспомнить слова Канта о том, что «право — самое святое, что есть у Бога на земле». Я же имел в виду, говоря о «грехах» конституционного правосудия, закономерные и, на первый взгляд, внутренне противоречивые его характеристики или, как я их называю, «конституционные парадоксы», объективно сопровождающие деятельность конституционного правосудия и не укладывающиеся в традиционно сложившиеся представления, например, о юридической силе решений КС и т. п.

Можно выделить несколько основных таких парадоксов, каждый из которых может быть предметом самостоятельного анализа. Первый состоит в том, что КС РФ, решая исключительно вопросы права (это требование ФКЗ О КС!), тем не менее постоянно находится между правом и политикой. Это объясняется самой природой конституционных вопросов (о выборах, организации и функционировании власти, о политических и иных правах человека и гражданина). Точкой же балансировки такого положения КС РФ является возложенная на него функция конституционализации политики, то есть обеспечения подчинения государственно-политических решений требованиям верховенства и прямого действия Конституции.

Еще один парадокс в том, что КС РФ — не просто судебный орган, это больше чем суд. Конституционное правосудие обладает столь существенной спецификой, что оно не сводится к традиционному судебному правоприменению, а выходит в определенной степени на уровень нормотворчества. В результате решения КС становятся своеобразными источниками права (что, нельзя не признать, порой вызывает дискуссии). Но это не отменяет статус этого органа как судебного, призванного решать возложенные на него задачи в установленной юрисдикционной форме.

Третий парадокс: решения КС РФ, не будучи законом, по юридической силе стоят... выше, чем закон. В чем это проявляется? Если вкратце: решения КС не только могут нуллифицировать закон, признать его недействительным или дать ему конституционное толкование, но и связывают позицию законодателя на будущее время.

Четвертый парадокс: условием стабильности Конституции является ее социоисторический динамизм, обеспечиваемый преобразовательной деятельностью КС РФ. Суть в том, что Конституция может сохранять свое реальное прямое действие в режиме верховенства только при способности адекватно отвечать на актуальные вызовы каждого конкретного этапа развития. И конституционное правосудие как раз создает условия для развития, углубления Кон-

ституции через раскрытие нормативного содержания конституционных принципов, целей, ценностей, основ, презумпций и т. п.

Наконец, еще один (хотя и не последний) парадокс можно обозначить так: признавая безусловное значение международного сотрудничества и наднациональных юрисдикционных органов (включая ЕСПЧ), закрепляя на конституционном уровне приоритет норм международного права в их соотношении с национальным законодательством (ст. 15, ч. 4 Конституции РФ), в то же время сама Конституция РФ обладает безусловным верховенством, в том числе с точки зрения международной юрисдикции. При этом КС РФ не может не учитывать, что правовая глобализация предполагает не только взаимодействие, но и соперничество юрисдикций. Важным условием сохранения и укрепления государственного суверенитета является последовательное отстаивание национальной конституционной идентичности.

— **Вы говорили, что КС должен заниматься конституционализацией политики и не допускать политизацию конституционного правосудия. А каковы юридические гарантии недопустимости политизации конституционного правосудия?**

— Те или иные юридические гарантии недопустимости политизации конституционного правосудия существуют во всех правовых системах, что лишь подчеркивает актуальность проблемы соотношения конституционного правосудия и политики. Существуют различные гарантии недопустимости политизации конституционного правосудия.

Во-первых, компетенционные гарантии, обусловленные тем, что сама компетенция органов конституционно-судебного контроля не должна провоцировать их на рассмотрение чисто политических вопросов. В этом плане наше законодательство стоит на довольно жестких позициях, в частности запрещает КС РФ инициировать рассмотрение дел, а также запрещает решать целый ряд конституционно значимых вопросов политического характера (например, запрет политических партий).

Во-вторых, это статусно-обеспечительные гарантии, благодаря которым создаются условия самостоятельности судей конституционных судов в принятии решений. Это закрепленные в нашем законодательстве требования независимости судей, их подчинения только Конституции, никому и ничему более, неприкосновенность судей КС РФ, равенство их прав, установленный законом порядок приостановления и прекращения полномочий и т. п.

В-третьих, это статусно-ограничительные гарантии, направленные на недопущение вмешательства конституционных судей в политические процессы. Здесь можно назвать, в частности, обязанность судей при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти; запрет для судей замещать иные публичные должности, запрет принадлежать к политическим партиям и движениям и т. п.

В-четвертых, институционально-организационные гарантии, призванные обеспечить недопустимость политизации органа конституционного правосудия за счет определенного, демократического порядка его формирования и деятельности.

В то же время определенные юридические механизмы, средства гарантирования недопустимости политизации конституционного правосудия могут вырабатываться и самим органом конституционного правосудия. Например, в практике КС РФ — это доктрина разумной сдержанности; недопустимость толкования Конституции РФ по вопросу, в отношении которого ведется законодательный процесс; недопустимость оценки норм избирательного законодательства в ходе избирательной кампании; самоограничение КС РФ в отношении оценки на конституционность пробелов в законодательстве и др.

— **Конституционный Суд РФ — больше чем суд — это, как Вы сказали, суд над властью. Но может ли такой суд долго балансировать между правом и политикой и оставаться при этом независимым?**

— Обеспечение независимости КС РФ, недопустимость его политизации, как уже было сказано, достигаются за счет использования целого ряда гарантий, не позволяющих ни произвольно вовлекать КС РФ в решение политических задач, ни самому КС РФ выходить за рамки свойственных ему функций сугубо правового характера. При этом лучшими гарантиями независимости конституционного правосудия являются долгосрочный опыт функционирования этого института, освоение ценности конституционно-судебного контроля как необходимого фактора развития сильной государственности именно при условии сохранения его самостоятельности. Поскольку именно непредвзятость, объективность конституционного правосудия служат целям усиления конституционной легитимности всей системы публичной власти, повышают доверие к ней со стороны общества.

— Почему необходим переход от традиционной для нас «правоохранительно-карательной» модели юриста к конституционной модели и, соответственно, к конституционному профессиональному мировоззрению?

— Ответ на этот вопрос сродни размышлению на тему о том, а зачем вообще обществу необходимы право, Конституция. Очевидно, что правоохранительно-карательная модель юриста являлась выражением прежнего подхода к праву из тоталитарного прошлого как к формальному инструменту реализации партийно-государственных задач, как к служебной функции государственной бюрократии. Это искажает сами основы понимания права в его соотношении с произволом, поскольку право призвано ставить пределы властному своеволию, а не подкреплять его авторитетом законной формы.

Но опасен и другой подход к пониманию права, который также доминировал на определенных исторических этапах национально-го развития. Имею в виду понимание права как некой нормативной формы самоорганизации общества в противовес государству. Можно вспомнить известные идеологемы о невидимой руке рынка, минимальном государстве и т. п.

Конституция, конституционное мировоззрение связаны с поиском баланса частных и публичных интересов, гармонизацией ценностей индивидуальной автономии и общественной солидарности. Очевидно, что только при успешной реализации этих подходов на началах приверженности верховенству права и Конституции Россия может обеспечивать реальность своего суверенитета, экономическое благополучие, достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

Что же касается юридического образования, то в этой сфере, считаю, накопилось очень много проблем. И это относительно самостоятельная тема, требующая особого внимания. Ведь юридическое образование — проблема конституционной безопасности личности, общества, государства.

— Могут ли органы власти по-своему толковать решение КС, чтобы обойти его предписания?

— Ответ в данном случае очевиден: решение КС РФ, как и решение любого другого суда, является, безусловно, обязательным для исполнения, оно не может игнорироваться или «перетолковываться» так, чтобы выхолащивался его смысл.

Необходимо осознать, что неукоснительное исполнение актов правосудия, обязательных в равной мере для органов всех ветвей государственной власти, приобретает значение императива правового государства, в котором любые споры о праве разрешаются правовыми средствами. Неисполнение же либо ненадлежащее исполнение судебных решений наносит ущерб интересам правосудия, подрывает доверие граждан к судам и в целом — к государству.

При этом, как подчеркнул КС РФ в определении от 31 марта 2016 г. №449-О-Р, исполнение решения КС РФ не может осуществляться на основе сугубо формального подхода — оно требует от компетентных государственных органов принятия всех зависящих от них законных мер, направленных на реальное устранение и недопущение повторения выявленных КС РФ отступлений от конституционного порядка и на обеспечение восстановления

нарушенных конституционных прав лиц, являвшихся участниками конституционного судопроизводства.

— В решениях КС право на судебную защиту интерпретировано как абсолютное, не подлежащее ограничению. Станет ли таким ограничением отсутствие мотивировочной части судебного акта?

— В данном случае речь идет об одном из законопроектных предложений, которые внесены в Государственную Думу РФ и в настоящее время обсуждаются в рамках очередного этапа судебной реформы. Поэтому при оценке этого и других таких предложений я не могу выходить за рамки соблюдения требования ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», согласно которому судья КС должен избегать высказывания своей позиции по вопросу, который может стать предметом конституционно-судебного рассмотрения.

Б. Еще одно почетное признание: премия «Юстиция»

ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ БОНДАРЬ СТАЛ ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ «ЮСТИЦИЯ»¹

В Санкт-Петербурге, в Манеже первого кадетского корпуса, 7 декабря 2015 года состоялась торжественная церемония вручения ежегодной премии «Юстиция», учрежденной Межрегиональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Санкт-Петербургу и Ленинградской области под председательством ректора СПбГУ Николая Кропачева при поддержке губернатора Санкт-Петербурга и правительства Ленинградской области.

¹ Материал подготовлен на основании новостей, размещенных на официальных сайтах СПбГУ и ЮФУ (URL: sfedu.ru/news/51106 (дата обращения: 27.05.2020)).

В мероприятии приняли участие более 500 человек — известные юристы, представители органов публичной власти, юридических компаний и пр.

Почетными гостями церемонии стали губернатор Ленинградской области Александр Дрозденко, вице-губернатор Санкт-Петербурга Александр Говорунов, представители органов публичной власти, а также члены профессиональных юридических сообществ — руководители нотариальных и адвокатских палат, юридических фирм, организаций, осуществляющих подготовку юристов.

Обращаясь с приветственным словом к гостям мероприятия, председатель Межрегионального отделения АЮР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ректор СПбГУ Николай Кропачев поздравил коллег с профессиональным праздником — Днем юриста. Также он подчеркнул, что в 2015 году исполнилось 35 лет с момента создания одной из наиболее авторитетных организаций юридической общественности России — Межрегионального отделения АЮР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. «Это знаменательная дата для всего юридического сообщества, — отметил Николай Кропачев. — Безусловно, 35 лет назад мы жили в другой стране с иной правовой системой. Но и в те годы, и сейчас нас объединяет великая, почетная профессия — профессия юриста».

— На протяжении нескольких десятков лет профессия юриста является одной из самых востребованных. Люди, посвятившие себя служению праву, даже придерживаясь различных, а порой и совершенно противоположных позиций, всегда выступают консолидированным сообществом. Желаю вам в любых ситуациях находить взаимопонимание, проявлять принципиальность и следовать интересам Закона. От этого зависит дальнейший путь развития нашего общества, — отметил в приветственном слове губернатор Ленинградской области Александр Дрозденко.

Лауреатом премии в номинации «За успехи в юридической науке» стал судья Конституционного Суда РФ, профессор Санкт-Петербургского государственного и Южного федерального университетов Николай Бондарь.

*Post
Scriptum
2020*

◆◆◆

Вряд ли данная глава нуждается в дополнительных, тем более пространных, итоговых комментариях в порядке послесловия. Разве что уместно в очередной раз извиниться перед читателем, что содержащиеся в ней материалы, вероятно, не всегда могли восприниматься органично, в системном единстве. Оправданием может служить стремление представить концепцию судебного конституционализма — один из главных результатов научно-доктринальной деятельности автора как судьи КС РФ — не только в авторской интерпретации, но и сквозь призму оценок, отзывов (в том числе критических) рецензентов, коллег-конституционалистов, ученых и практиков.

С этим связана также содержательная специфика отдельных материалов. С одной стороны, нельзя не заметить, что авторским размышлениям, подходам во многом корреспондирует статус судьи КС РФ, предполагающий определенный режим самоограничения; с другой стороны, порой достаточно острые критические оценки других авторов — участников дискуссий по соответствующим проблемам необходимо воспринимать как их личное мнение, с которым не всегда мог бы солидаризироваться автор настоящего издания. Но и в этих случаях, как и в других, связанных с оценкой не только настоящего издания, но и ранее опубликованных автором работ, окончательное мнение остается за читателем.



«Фемида». За успехи в юридической науке, 2015 г.



Приятно получить премию из рук академика Ю. К. Толстого





ГЛАВА V

Региональный и муниципальный конституционализм: донские мотивы, авторские воспоминания...

*Ante
Factum
2020*

В рамках предварительных замечаний, вероятно, необходимы пояснения, касающиеся прежде всего названия главы. На первый взгляд, оно может показаться связанным с представлением о том, что данная глава по своему содержанию будет выступать продолжением предыдущей, имея в виду, что региональный и муниципальный конституционализм являются собой некое продолжение судебного конституционализма.

Не подвергая сомнению правомерность данной логики, формально-юридической в своей основе, представляется важным обратить внимание еще на одно обстоятельство. Региональный и муниципальный конституционализм в данном случае не есть чисто доктринальная, теоретическая концепция. В настоящей публикации эти понятия ассоциируются также с личным участием автора в формировании на Дону институтов регионального и муниципального конституционализма. Речь идет, в частности, о воспоминаниях (основанных отчасти на авторских публикациях) о процессах 25–30-летней давности, связанных со становлением Ростовской области в качестве субъекта Российской Федерации, формированием донской государственности на основе новых на-

чал российского федерализма, возрождением и утверждением местного самоуправления, что было связано в конечном счете с реализацией на региональном и муниципальном (местном) уровнях требований Конституции 1993 года.

В этом плане региональный и муниципальный конституционализм предстают в восприятии автора сквозь призму донских конституционно-правовых мотивов, донской истории формирования соответствующих органов публичной власти. Восприятие автора опирается, в том числе, и на личные воспоминания о соответствующем историческом периоде. Именно эти подходы и стали основным критерием отбора материалов и публикаций разных лет, отражающих авторское видение региональных и муниципальных проблем развития конституционализма на Дону после распада Союза ССР и перехода к формированию новой системы организации власти не только на уровне федерального центра, но и на местах, в субъектах Федерации.

Интерес к этим вопросам определяется не только неким местническим патриотизмом автора, но, прежде всего, яркими особенностями донского социокультурного колорита, которые прослеживаются в особенностях государственного и муниципального строительства в регионе. Это по-разному проявлялось на различных этапах новейшей истории Дона, иной раз и самым неожиданным образом.

Вспоминаю, как в свое время, в далеком 2000-м году, в рамках неформальных, дружеских напутствий в связи с проводами в Москву после назначения судьей КС РФ Губернатор Ростовской области того периода В. Ф. Чуб, пожелав успешной работы в ответственной должности, одновременно напомнил давнюю казачью традицию-заповедь: «С Дона выдачи нет!». Дело, конечно, не в буквальном ее значении, исторически связанном с недопустимостью выдачи с Дона «прибывшихся» к казачеству беглых крестьян. Только потом, спустя годы, я осознал глубину и сакральный смысл данной заповеди; она ориентирует, как представляется, на невозможность заместить чем-либо, предать забвению

духовную связь с Донским краем; связь, которая пронизывает жизнь, быт и личность дончанина, по той или иной причине покидающего свою малую родину. Расставаясь с Доном физически, он все же оставляет здесь частицу себя, внутренне остается верен родному краю, приобретенным здесь социокультурным ценностям, духовно-земляческому родству. Одним словом, Дон «не отпускает» его сердце, «не выдает» его миру. Эти рассуждения вполне подтверждаются и биографией автора: даже двадцати лет оказалось недостаточно, чтобы ослабить, а тем более прервать человеческие, профессиональные и иные связи с университетской, муниципальной, государственно-управленческой, правоохранительной, законотворческой жизнью на Дону. Поэтому пусть не станет для читателя неожиданностью тот факт, что территориальные (региональные и муниципальные) аспекты конституционализма, относящиеся к Донскому краю, к Ростову-на-Дону, имеют для автора глубоко личностное восприятие.

Таким образом, региональный и муниципальный конституционализм в большой степени соотносится в моем представлении как с научно-доктринальными подходами, так и с практическим участием в решении соответствующих вопросов. Особенно зримо это проявляется в системе местного самоуправления (муниципального конституционализма), чему пришлось уделять немало внимания в научном плане — достаточно вспомнить, что моя докторская диссертация 1997 года была посвящена, в том числе, и этим проблемам. Кроме того, примерно в тот же период, в 1996 году, мне посчастливилось принять непосредственное участие в одном из самых интересных для меня и, надеюсь, важных для донского местного самоуправления проектов — в подготовке проекта Устава Ростова-на-Дону. Таким образом, произошло сопряжение моей исследовательской работы с ее практическим приложением.

Не могу не отметить, что местное самоуправление как низовой публично-правовой уровень публичной власти всегда и, естественно, задолго до конституционных поправок 2020 года,

рассматривалось в Ростовской области в качестве неотъемлемой части системы отечественного конституционализма. Именно на этой основе в Ростовской области всегда активно велся поиск баланса между единством системы государственной власти и самостоятельностью органов местного самоуправления в установленных законом пределах. При этом сама концепция муниципального конституционализма стала своего рода методологической основой подготовки Устава Ростова-на-Дону. Чтобы убедиться в этом, достаточно соотнести реализованную в Уставе структуру с традиционными для того периода подходами. Все это и стало подтверждением тесного взаимодействия доктринальных и практико-прикладных начал муниципального конституционализма, что в концентрированном виде выразилось в создании в Ростовском госуниверситете первой в стране кафедры муниципально-правового профиля и в формировании в тот же период Ростовской школы муниципального права.

Этим, казалось бы, относительно разрозненным вопросам, объединенным, тем не менее, единой логикой жизни — жизни в науке и практике регионального и муниципального конституционализма, — и посвящена настоящая глава...

5.1. ДОНСКОЙ КРАЙ — ЛЮБОВЬ МОЯ... ВРЕМЕНИ И РАССТОЯНИЯМ — НЕПОДВЛАСТНО¹

Непростое и весьма ответственное дело — приниматься писать воспоминания. Тем более, если они касаются не только конкретных людей, но прежде всего родного города, края, с которым долгое время была связана твоя жизнь...

Незаметно пролетели годы после того как, став судьей Конституционного Суда России, я оставил город моей студенческой юности, в котором состоялось мое профессиональное становление и формиро-

¹ В основе настоящей вводной части параграфа — материал, опубликованный с тем же названием к 75-летию Ростовской области // Форум. 2011. №3 (8). С. 32–33.

вание как ученого. Приятно сознавать, что ростовский период жизни оставил незабываемый след... И, кстати, не только в воспоминаниях.

Порой ловлю себя на мысли, что по большому счету я и не покидал Ростов-на-Дону вовсе, — просто двадцать лет находился в длительной командировке: сначала в Москве, затем в Санкт-Петербурге. Это не какая-то метафора, а, смею надеяться, реальное состояние не только вчерашней, но, в том числе, и сегодняшней моей сопричастности Донскому краю, его современной жизни. В этом находит свое подтверждение известная донская истина: если ты когда-то стал ростовчанином, то это навсегда (независимо от того, где в последующем будешь жить и работать). Не случайно в известной песне ростовского поэта, композитора Ан. Кононова так и поется: «Не земляки мы с вами, а родня...».

Для меня «линия ростовской жизни» непрерывна. Просто вдали от Ростова она иначе проявляет себя: начиная с того, что я так и не смог оборвать «пуповину», связывающую меня с *alma mater* — Ростовским госуниверситетом (ЮФУ), и завершая тем, что я по-прежнему не забыл дорогу в резиденцию областного руководства и в мэрию донской столицы (хочется надеяться, и меня там помнят, по крайней мере, «старослужащие»).

Что касается университета, то, к удивлению не только сторонних наблюдателей, но и моему собственному, более трех десятков лет я продолжаю руководить кафедрой, которую создавал в далеком 1986 году для подготовки юридических кадров для местных органов власти и управления (сегодня — это кафедра муниципального права и природоохранного законодательства) и которая стала по тем временам первой профильной (муниципально-правовой) кафедрой в тогдашнем СССР. Вспоминаю, как будто это было вчера, как готовил вместе с председателем Ростовского облисполкома Д. Н. Пивоваровым решение облисполкома №17 от 20.01.1987 г. «О подготовке юридических кадров для советских органов». Без преувеличения можно сказать, что этот документ сыграл очень важную роль для развития юридического образования не только в нашей области.

Сама концепция создания и деятельности новой кафедры основывалась на интеграции научно-образовательного процесса с практикой государственного и муниципального строительства. Кому сегодня неизвестны на Дону, например, имена депутата Государственной Думы шести созывов М. В. Емельянова; депутата Ростовской-на-Дону городской Думы пяти созывов, заместителя ее председателя Т. П. Георгиевой; многолетнего (до недавнего времени) Председателя Областной избирательной комиссии С.В Юсова; а также С. Д. Шереметьева, С. Н. Рындина и многих других? Все они — в той или иной форме — питомцы нашей кафедры. Не намного меньше, чем кафедрой, пришлось руководить мне (в том числе удаленно) Диссертационным советом при ЮФУ по юридическим наукам, который дал путевку в научную жизнь многим соискателям ученых степеней не только из сферы образования, но и из органов государственной и муниципальной власти, правоохранительной системы Ростовской области, других регионов Юга России и страны в целом.

Прошли годы, но они не стерли из памяти одно из самых ярких событий и достижений (!) моей профессиональной биографии, связанных с личным участием и реальным вкладом в разработку первого Устава Ростова-на-Дону. Документ был подготовлен на принципиально новых концептуальных основах взаимоотношений представительной и исполнительной власти формирующегося местного самоуправления, управления и распоряжения объектами муниципальной собственности, взаимоотношений городских муниципальных структур с районами в городе, с органами территориального общественного самоуправления и т. п., что в последующем получило широкую поддержку и признание. В острых спорах с депутатами Ростовской-на-Дону городской Думы первого созыва и при поддержке впервые избранного в тот период мэра Ростова-на-Дону М. А. Чернышева удалось в конечном счете принять 9 апреля 1996 года ростовскую «муниципальную конституцию» — Устав города Ростова-на-Дону.

В отличие от других муниципальных образований страны, которые после вступления в силу в 2003-м году нового Федерального

закона №131 о местном самоуправлении приняли новые уставы, Устав Ростова-на-Дону 1996 года сохраняет свою силу, в него лишь вносятся изменения и дополнения, вытекающие из требований нового законодательства. Невольно возникла идея: почему бы депутатам Городской Думы не выступить с инициативой об объявлении 9 апреля Днем Основного закона жителей Ростова-на-Дону (Устава города)? Думается, не только ростовчане, но и жители других муниципальных образований с интересом восприняли бы такое предложение и, возможно, последовали бы этому примеру.

Вполне естественно, что с переходом в КС России формы участия в делах родного края приобрели для меня новые очертания, — рассмотрение КС РФ дел по обращениям как органов государственной власти Дона, так и жителей Ростовской области. Ярким тому подтверждением стали вынесенные Судом по запросам Законодательного Собрания Ростовской области такие постановления как, например, по проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (от 18 июля 2012 г.), по проверке конституционности отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (от 2 июля 2018 г.) и др. Тем самым донское Законодательное Собрание (ЗС РО) не только защищало закрепленные в областном законодательстве гарантии прав жителей Дона, но самой постановкой вопроса о конституционности соответствующих федеральных законов внесло весомый вклад в поиск (с помощью конституционного правосудия) оптимальных начал разграничения законотворческих полномочий между Федерацией, с одной стороны, и субъектами Федерации, с другой. Особое удовлетворение вызывает тот факт, что заметная роль в юридическом обеспечении представительства интересов ЗС РО в КС РФ принадлежала тем, кого пришлось в свое время обучать юридическим премудростям на студенческой скамье, а сегодня их по праву можно считать профессионалами самого высокого уровня.

В ряду многочисленных юбилейных и иных торжественных мероприятий, на которые мне приходилось (и приходится) достаточно

часто откликаться, пожалуй, особое место занимают (с точки зрения моей личной вовлеченности в сегодняшнюю жизнь Ростовской области) *Донские юридические форумы*. В нынешнем 2020-м году состоялся уже седьмой такой форум. Инициатором и вдохновителем форумов неизменно выступает Ростовское отделение Ассоциации юристов России во главе с бессменным председателем Ассоциации — И. В. Рукавишниковой. Замечательно, что, несмотря на все изменения, в том числе и статусно-должностные, прекрасная традиция, связанная с проведением юридических форумов, живет и пользуется активной поддержкой со стороны руководства Ростовской области.

Что же касается выступлений автора этих строк на соответствующих форумах, то их тематика была разнообразной — приходилось затрагивать как вопросы общего, методологического плана, связанные с развитием Ростовской области как субъекта РФ, институционализацией конституционно-правового статуса Донского края, так и абсолютно конкретные, имеющие формально-юридическое значение, — обеспечение и гарантирование прав человека; развитие регионального и муниципального правотворчества; влияние конституционного правосудия на региональное законодательство и т. д.¹

Это, очевидно, лишь небольшая часть своего рода авторской антологии, относящейся к проблемам регионального и муниципального конституционализма. В нее можно было бы включить достаточно большое количество работ, подготовленных как на на-

¹ См., напр.: Бондарь Н. С. Конституционное правосудие — важный фактор реализации региональной правовой политики // Современные тенденции развития действующего законодательства и приоритеты правоприменительной практики: сборник научно-практических материалов III Донского юридического форума. Азов: АзовПечать, 2016. С. 9–15; Бондарь Н. С. Конституционные стандарты прав человека, их значение для регионального и муниципального правотворчества (в свете решений КС РФ) // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в контексте современного правотворчества и правоприменения: сборник научно-практических материалов IV Донского юридического форума. Азов: АзовПечать, 2017. С. 15–22; Бондарь Н. С. Ростовская область: обретение нового конституционного статуса // История парламентаризма на Дону. Из прошлого в современность. Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2019. С. 16–25.

чальном этапе становления донской региональной государственности¹ и возрождения местного самоуправления², так и работы более позднего, в том числе современного, периода³. При этом авторские оценки, касающиеся и вопросов общего плана в части процесса институционализации Ростовской области как субъекта РФ, и анализа конкретных институтов, связанных с развитием парламентаризма на Дону (в том числе таких, как выборы и избирательная система, взаимодействие с иными органами региональной публичной власти, местное самоуправление и др.), не обязательно могут разделяться читателем. В то же время хотелось бы надеяться, что эти публикации имеют значение не только как сами по себе научные статьи, но и являются своего рода документами историко-правовой летописи становления Ростовской области как субъекта РФ. Учитывая «жанровую направленность» настоящего издания, не считаю необходимым в полном объеме приводить опубликованные

¹ См., напр.: Бондарь Н. С. Ростовская область: конституционная модель организации и политическая практика развития // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1997. №2 (19); Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект Федерации на новом этапе конституционного развития (июнь 1997 г. — декабрь 1998 г.) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. №4 (25)/1999. №1 (26); Бондарь Н. С. В поиске путей укрепления конституционного статуса (январь–август 1999 г.) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. №4 (29) и др.

² См.: Бондарь Н. С., Чернышев М. А. Муниципальное право и практика его реализации в городском самоуправлении (на примере г. Ростова-на-Дону). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та. 1996; Бондарь Н. С. Каким должен быть устав муниципального образования. Концепция Устава города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 1996.

³ См.: Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 6. Ростов н/Д.: Профпресс, 2016; Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 4. Ростов н/Д.: Профпресс, 2014; Бондарь Н. С. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области). Серия «Библиотека судебного конституционализма». 2-е изд., перераб. Вып. 10. Ростов н/Д.: Профпресс, 2019.

ранее работы, связанные с теми или иными направлениями становления конституционно-правового статуса Донского края как субъекта РФ. Однако при желании читатель может ознакомиться с ними в издании, посвященном 25-летию Донского парламента¹. Правда, в цитируемые из указанного сборника работы мною были внесены незначительные изменения, которые имеют характер уточнения отдельных фактических данных и обстоятельств.

Последующие страницы настоящей главы посвящены характеристическим чертам и особенностям донского регионального и муниципального конституционализма в их историческом развитии за последние три десятилетия. Эта тема раскрыта через авторские публикации, в том числе и с той целью, чтобы еще раз проиллюстрировать сохранение в моей биографии (пусть и опосредованно) линии на сопричастность судьбе дорогого моему сердцу Донского края, мое внимание к повестке дня как нынешней его жизни, так и, надеюсь, будущей. Чувства связи с землей, взрастившей меня и давшей путевку в светлое завтра, не подвластны ни времени, ни расстояниям!

5.2. РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ: ОБРЕТЕНИЕ НОВОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА²

Само название заявленной темы обязывает к тому, чтобы не только оценить сегодняшний день государственно-правового развития Ростовской области, но и обратить взор на день вчерашний. Известно, что до принятия Конституции

¹ См.: Бондарь Н. С. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области). Серия «Библиотека судебного конституционализма». 2-е изд., перераб. Вып. 10. Ростов н/Д.: Профпресс, 2019.

² Основные источники для 5.2–5.4: Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 4. Ростов н/Д.: Профпресс, 2014; Бондарь Н. С. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области). Серия «Библиотека судебного конституционализма». 2-е изд., перераб. Вып. 10. Ростов н/Д.: Профпресс, 2019.

РФ 1993 года *области и края* в составе России (РСФСР) имели *правовой статус административно-территориальных единиц* без каких-либо признаков государственности. Поэтому и сам процесс конституционно-правовой трансформации Ростовской области на новых принципах правовой федеративной государственности имел, по существу, учредительный характер, был связан с первичной государственно-правовой институционализацией региона.

Вместе с тем, решение проблем, связанных со становлением Ростовской области как территориально-государственного образования, полноправного субъекта конституционно-правовой жизни России, начавшееся более 25 лет назад, не происходило с чистого листа. Соответствующие преобразования необходимо оценивать как в рамках общих процессов демократизации, становления новой российской государственности и обновления федерализма, так и с учетом глубоких исторических традиций и особенностей организации власти на Дону на различных этапах истории этого региона.

Надо сказать, что процесс создания в Ростовской области новых государственно-правовых институтов не избежал трудностей. Порой создавалось впечатление, что имеет место определенное запаздывание в принятии отдельных решений. Например, Устав Ростовской области, который и должен был конституировать область в качестве субъекта Федерации, был принят лишь 29 мая 1996 года и вступил в силу 6 июля того же года, а это, в свою очередь, вызывало определенные сложности при разработке уставов муниципальных образований, решении вопроса о структуре администрации области и т. п. Хорошо это помню на основе личных впечатлений и воспоминаний, связанных с соответствующими направлениями работы. Например, Устав Ростова-на-Дону, над которым пришлось вплотную работать, был принят Ростовской-на-Дону городской Думой раньше областного Устава — 9 апреля 1996 года.

Вместе с тем, в этом проявилась и оборотная позитивная сторона государственно-правовых преобразований на Дону в сложнейший период 1990-х гг. Речь идет, в частности, о традицион-

ном для нашего края разумном консерватизме, неприемлемости «революционно-разрушительных», опрометчивых решений. Нельзя не обратить внимание в связи с этим и на то, что к достижениям на пути обретения Ростовской областью государственно-правовой субъектности следует отнести не только создание и впоследствии достаточно успешное функционирование новых региональных институтов демократической правовой государственности, но и, как это не покажется странным, порой воздержание от учреждения определенных, не являющихся в условиях действующего федерального законодательства обязательными для всех субъектов РФ, государственно-правовых структур. Так, Ростовская область находится в числе тех субъектов РФ, которые в свое время так и не создали свой уставный суд. Более того, в сегодняшней редакции Устав Ростовской области и не содержит возможности создания уставного суда области, так как, обозначая систему судов, функционирующих на территории Ростовской области, к таковым наряду с федеральными судами Устав области относит лишь мировых судей (п. 1 ст. 5 Устава). Интересно, что это в полной мере соответствует новой редакции части 3 ст. 118 Конституции РФ (с учетом поправки 2020 г.), которая теперь и на федеральном уровне не предусматривает уставные (конституционные) суды субъектов РФ в качестве элемента судебной системы РФ.

Основанная на реализации ценностей, принципов, заложенных Конституцией РФ 1993 г., государственно-правовая институционализация *Ростовской области как самостоятельного территориально-государственного образования* связана с обретением областью основополагающих признаков новой конституционной правосубъектности, новых полномочий во всех сферах социально-экономической, политической, правовой жизни. Речь идет о пересмотре прежних, жестких административно-субординационных взаимоотношений региона и Центра, в том числе о формировании региональной правовой системы и на этой основе — выстраивание нового конституционно-правового режима региональной правовой жизни.

Важно учитывать, что каждый субъект Федерации является государственно-правовым выражением интересов всего многонационального его населения (в Ростовской области, например, проживают представители около ста национальностей, в том числе в рамках компактных национальных поселений). В этом плане «Ростовская область неотделима от Российской Федерации, на всю территорию Ростовской области распространяется суверенитет Российской Федерации» (ст. 2 Устава Ростовской области).

При этом в силу принципа федерализма и установленного в его развитие в Конституции разграничения полномочий между Российской Федерацией и входящими в нее субъектами предполагается признание определенной правовой автономии каждого субъекта Российской Федерации в пределах его конституционных полномочий. Соответственно, *наличие собственной региональной правовой системы*, определяемой реализацией конституционных полномочий по участию субъектов Российской Федерации в решении вопросов, имеющих общедоказательное значение (ст. 71), осуществлению законодательных полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72), а также законодательных полномочий в рамках так называемой остаточной компетенции субъектов Российской Федерации (ст. 73), является важной характеристикой конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации.

Следует также учитывать муниципальный уровень правового регулирования, связанный с осуществлением самостоятельного, под свою ответственность, решения населением вопросов местного значения. Соответствующий муниципальный правовой массив, создаваемый во многом в порядке конкретизации действующего регионального законодательства и обусловленный специфическими особенностями конкретных регионов, может рассматриваться как входящий в состав региональной правовой системы в широком смысле. Вместе с тем федеративные отношения могут строиться только на основе принципиального единства правовой системы, в которой в свою очередь должны быть реализованы федеративные

принципы, а также принцип признания и гарантирования местного самоуправления.

Лежащие в основе российского федерализма конституционные принципы определяют базовые характеристики (признаки) обретенного Ростовской областью статуса субъекта конституционно-правовой жизни в России, полноправного субъекта Российской Федерации. Это, прежде всего:

а) право иметь свой учредительный правовой акт в виде самостоятельно принимаемого законодательным (представительным) органом государственной власти Устава Ростовской области (ч. 2 ст. 66 Конституции РФ, ч. 2 ст. 1 Устава Ростовской области). Как это отражено в самом Уставе Ростовской области, этот акт обладает высшей юридической силой по сравнению с другими областными законами и иными нормативными правовыми актами органов государственной власти Ростовской области, должностных лиц Ростовской области, органов и должностных лиц местного самоуправления, и имеет прямое действие (ч. 1 и 2 ст. 28);

б) право осуществлять собственное правовое (законодательное) регулирование в рамках установленного Конституцией РФ разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами (ст. 71, 72, 73, 76 Конституции РФ, ст. 7 и 8 Устава Ростовской области);

в) право иметь свою систему органов государственной власти, образовывать соответствующие органы, участвовать в установлении общих принципов организации законодательных (представительных) и исполнительных органов региональной государственной власти, а также органов местного самоуправления (ч. 2 ст. 11, п. «н» ч. 1 ст. 72, ст. 77 Конституции РФ, ч. 3 ст. 4, ч. 6 ст. 27, ст. 69 Устава Ростовской области);

г) право на государственную (областную) собственность, государственный (областной) бюджет (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, ст. 19, 20, 23 Устава Ростовской области);

д) право в договорном порядке во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти уточнять, кон-

кретизировать установленные в соответствии с Конституцией РФ подходы к разграничению предметов ведения и полномочий (ч. 3 ст. 11, ст. 78 Конституции РФ, ст. 6 Устава Ростовской области);

е) право на использование согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти Ростовской области и органами государственной власти Российской Федерации, а также между органами государственной власти Ростовской области и иных субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ);

ж) право по вопросам своей компетенции самостоятельно заключать договоры, соглашения с другими субъектами Российской Федерации (ч. 2 ст. 9 Устава Ростовской области);

з) право на осуществление международных и внешнеэкономических связей, а также на участие в деятельности международных организаций (ч. 1 ст. 9 Устава Ростовской области);

и) право на сохранение социально-культурной и исторической самобытности (преамбула Устава Ростовской области);

к) право на государственные символы — флаг, герб, гимн Ростовской области (ст. 10 Устава Ростовской области). Значение этого права нельзя недооценивать. Важно добиться того, чтобы члены регионального, областного сообщества осознавали себя одновременно и гражданами Российской Федерации, и жителями Ростовской области. Областные флаг, герб, гимн служат основой региональной идентичности, способствуют формированию региональной общности людей.

В продолжение вопроса о конституционализации Ростовской области как субъекта РФ, нормативном закреплении ее государственных символов нельзя не упомянуть о новом областном законе, принятом 21 февраля 2019 г., «О статусе административного центра Ростовской области». В ст. 1 этого закона закрепляется качественно новый (хотя и исторически укоренившийся и подтвержденный) статус г. Ростова-на-Дону как административного центра Ростовской области. Определяется этот статус во многом

тем, что Ростов-на-Дону является историческим, культурным, научным, образовательным, торговым, промышленным и информационным центром Ростовской области (ч. 2 ст. 1). При этом не стоит забывать и об иной, не менее конституционно значимой характеристике Ростова-на-Дону, — о его статусе как муниципального образования, что со всей определенностью отражено в упомянутом законе (ст. 2). Признание Ростова в качестве административного центра Донского края ни в коем случае не может вести к ущемлению прав органов местного самоуправления и его жителей и не ведет к умалению значимости муниципальных правовых актов, а в особенности — «муниципальной конституции» — Устава г. Ростова-на-Дону.

Участие Ростовской области в конституционно-правовой жизни России осуществляется в двух основных направлениях, связанных, с одной стороны, с влиянием федерального законодательства и его правоприменения на состояние и развитие областной правовой действительности, а, с другой стороны, — с определенными формами, инструментами воздействия Ростовской области на решение юридически значимых вопросов общегосударственного масштаба. В первом случае следует обозначить, прежде всего, установление на уровне федерального законодательства нормативных основ правосубъектности Ростовской области как территориально-государственного образования, общих принципов, относящихся к правовой, территориальной, организационной, финансовой, экономической и иным основам осуществления государственной власти в Ростовской области, реализации прав и свобод человека и гражданина.

При этом Конституция РФ относит к совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов не все вопросы, касающиеся организации системы органов государственной власти субъектов, а установление только общих принципов такой организации. Это означает, что федеральный законодатель не должен исчерпывающим образом регулировать все аспекты региональной государственной власти: объективная потреб-

ность в разумной унификации государственной власти в России не должна вступать в противоречие с необходимостью учета особенностей (природно-климатических, социально-экономических, национально-культурных и т. п.) конкретных субъектов РФ, влияющих на организацию региональной государственной власти. Общие принципы организации региональной государственной власти должны представлять собой, прежде всего, конкретизацию основ конституционного строя. К ним относятся, в частности, принципы: демократии, федерализма (ч. 1 ст. 1); государственной целостности, единства системы государственной власти (ч. 3 ст. 5), разделения властей (ст. 10); осуществления государственной власти в субъектах РФ образуемыми ими органами государственной власти (ч. 2 ст. 11); многопартийности (ч. 3 ст. 13); светского государства (ч. 1 ст. 14) и др.

С учетом правовых позиций КС РФ, выраженных в его постановлениях от 7 июня 2000 г. №10-П, от 15 декабря 2006 г. №10-П, от 24 декабря 2013 г. №30-П, от 5 апреля 2013 г. №7-П, от 28 марта 2017 г. №10-П, изложенное позволяет исходить из того, что установление общих принципов организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации предполагает определение видов органов региональной государственной власти, порядка их формирования, деятельности, взаимоотношений между собой, оснований и порядка прекращения полномочий, финансово-экономических основ их функционирования, а также их ответственности.

При этом субъекты Российской Федерации могут осуществлять конкретизацию норм федерального права, детализировать их в целях наиболее оптимальной адаптации к условиям конкретного региона. Одновременно отсутствие правового регулирования того или иного аспекта общих принципов организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации на уровне федерального законодательства не может служить препятствием для осуществления субъектом Россий-

ской Федерации самостоятельной правовой регламентации соответствующих общественных отношений в порядке так называемого опережающего законодательного регулирования, с тем, однако, условием, что принятый в опережающем порядке акт субъекта Российской Федерации после издания федерального закона должен быть приведен в соответствие с ним. Это подтверждено и решениями КС РФ.

Процесс государственно-правовой институционализации Ростовской области свидетельствует о том, что он всегда осуществлялся в рамках конституционного поля и тех правовых форм, которые предлагались Российской Федерацией. Вместе с тем в ходе этого процесса обозначилась и вполне определенная, насыщенная реальной практической деятельностью обратная связь Ростовской области с общероссийской конституционно-правовой жизнью, сложились формы активного участия региона не только в реализации, но и в формировании и коррекции федеральной правовой политики.

Основой такого участия выступают, главным образом, такие конституционно-правовые институты, как:

- а) представительство населения Ростовской области в Государственной Думе РФ;
- б) представительство законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти Ростовской области в Совете Федерации Федерального Собрания РФ;
- в) право Ростовской области на законодательную инициативу;
- г) право высших органов государственной власти Ростовской области, органов местного самоуправления Ростовской области, непосредственно самих граждан — жителей Ростовской области и их объединений на обращение в КС РФ.

С реализацией этих государственно-властных полномочий и конституционных прав как раз во многом и связано все многообразие форм участия Ростовской области, ее государственных органов, общественных объединений, граждан в конституционно-правовой жизни России.

В порядке продолжения рассмотрения вопроса об обретении Ростовской областью нового конституционно-правового статуса в качестве субъекта РФ, надеюсь, не безынтересным будет упоминание об авторском видении этих процессов (имея в виду лишь отдельные аспекты этого процесса), которое основывается во многом на собственных воспоминаниях. Важным сюжетом личных воспоминаний может служить, например, зарождавшееся в недрах так называемого «перестроечного периода» взаимодействие Законодательного Собрания Ростовской области с юридическим факультетом РГУ (ЮФУ) и в особенности с кафедрой советского строительства и управления. В этой связи без преувеличения знаковым событием можно считать принятие в свое время Постановления Совета Министров СССР от 28 августа 1986 г. №1042 «О подготовке юридических кадров для советский органов» (и одноименного Постановления Совмина РСФСР от 25 ноября 1986 г. №482), определившего новый этап в подготовке юридических кадров — как в Ростовской области, так и в других регионах страны.

В качестве своего рода «опережающего регулирования» еще в мае 1986 года был подписан Договор о творческом сотрудничестве между Ростовским госуниверситетом и Ростовским облисполкомом. Его подписание было продиктовано необходимостью изменения подхода к подготовке юридических кадров — от уголовно-правового (охранительного) профиля к государственной специализации, обеспечивающей кадрами как органы власти, так и хозяйствующие субъекты региона.

Этот «поворот» была призвана обеспечить и формировавшаяся в тот момент новая кафедра (сегодня — кафедра муниципального права и природоохранного законодательства). Так, в рамках стратегии развития юридического факультета в этот период было создано специальное отделение по подготовке юридических кадров для органов государственной власти. Так что история создания кафедры теснейшим образом связана с утверждением государственно-правовых начал в статусе Ростовской области как субъекта РФ.

5.3. ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Формирование правовой системы Ростовской области прошло весьма активно, достаточно квалифицированно и (это тоже очень важно!) в тесной увязке с политическими, социальными, хозяйственно-экономическими задачами, которые решались областью на каждом конкретном этапе ее исторического развития. Так, если Донской парламент первого и отчасти второго созывов основное внимание уделял формированию политико-правовой базы утверждения области как субъекта Российской Федерации, то в дальнейшем *на первое место выходит социальное региональное законодательство*, что вполне соответствует требованиям Конституции РФ, в особенности ее ст. 72 вместе с поправками 2020 года. Думается, не менее активным должен быть региональный законодатель и в сфере регулирования экономических отношений; хотя бы попутно отмечу в связи с этим, что положение Конституции РФ о том, что гражданское законодательство относится к ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71), КС РФ истолковывает таким образом (в нормативном единстве с другими положениями Конституции, включая п. «ж» той же ст. 71, которая относит к ведению РФ установление лишь правовых *основ* (выделено мною — Н. Б.) единого рынка), что субъекты Российской Федерации объективно не могут не включаться в регулирование соответствующих отношений¹. Яркие и весьма поло-

¹ См., напр.: Постановление КС РФ от 4 апреля 1997 г. №4-П по делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе» // СЗ РФ. 1997. №11. Ст. 1372; Постановление КС РФ от 13 июля 2010 г. №16-П по делу о проверке конституционности положений статей 6 и 7 Закона Краснодарского края «Об организации транспортного обслуживания населения таксомоторами индивидуального пользования в Краснодарском крае» в связи с жалобой граждан В. А. Береснева, В. А. Дудко и других // СЗ РФ. 2010. №31. Ст. 4296; Определение КС РФ от 9 ноября 2017 г. №2511-О «По запросу Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности абзаца второго пункта 9 статьи 16 Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции"».

жительные в этом плане примеры — законы Ростовской области о государственно-частном партнерстве¹, о промышленном развитии², о развитии малого и среднего предпринимательства³, инвестиционном развитии⁴ и т. п. Эта линия на развитие регионального рыночного законодательства заслуживает активного продолжения.

Социально-экономическое развитие Ростовской области как субъекта Российской Федерации во многом определяется качественными характеристиками регионального правотворчества, состоянием правоприменения на территории региона федерального и регионального законодательства, актов местного самоуправления. В этом плане данные формы государственно-властной деятельности (правотворчество и правоприменение) являются одновременно и важнейшими сферами конституционно-правовой жизни Ростовской области в единстве федерального и регионального уровней ее проявления.

Что же касается их качественных характеристик, то они связаны, в частности, с постоянной *диагностикой состояния региональной правовой системы и правоприменения на территории области*, с оперативным выявлением проблем, дефектов, касающихся достаточности, полноты, системности, непротиворечивости правового регулирования вопросов, относящихся к ведению

¹ Несмотря на тот факт, что данный закон утратил силу, развитие института государственно-частного партнерства остается одной из важных задач, обозначенных в Стратегии инвестиционного развития Ростовской области. См.: Постановление Правительства РО от 31 июля 2013 г. №474 «Стратегия инвестиционного развития Ростовской области до 2030 года» // Наше время. 2013. №405.

² См.: Областной закон Ростовской области от 20 октября 2015 г. №418-ЗС «О промышленной политике в Ростовской области» // Наше время. 2015. №284.

³ Областной закон Ростовской области от 13 мая 2008 г. №20-ЗС (в ред. от 24.04.2020, с изм. от 28.04.2020) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Ростовской области» // Наше время. 2008. №168–170.

⁴ Областной закон Ростовской области от 1 октября 2004 г. №151-ЗС (в ред. от 16.12.2019) «Об инвестициях в Ростовской области» // Наше время. 2004. №242–243.

региональных органов государственной власти, с действенностью используемых на уровне субъекта Российской Федерации правовых средств удовлетворения интересов и потребностей жителей.

Это предполагает комплексную оценку состояния правотворчества и правоприменения в Ростовской области, включая реализацию не только областного, но и федерального законодательства, а также муниципальных правовых актов на территории Ростовской области, анализ эффективности участия органов государственной власти Ростовской области, органов местного самоуправления в формировании федеральной правовой политики. Речь идет о *системе мониторинга правотворчества и правоприменения*, которая складывается в Ростовской области.

Начиная с 2012 года, в соответствии с распоряжениями правительства Ростовской области организуется ежегодный мониторинг правоприменения федерального и областного законодательства (распоряжения от 10 декабря 2014 г. №601, от 2 декабря 2015 г. №108, от 16 ноября 2016 г. №597, от 30 декабря 2019 г.). Это, безусловно, важная, практически значимая работа, касающаяся оценки положения дел по отдельным отраслям законодательства либо группам нормативных правовых актов (документов). Кроме того, такая работа вполне могла бы быть расширена посредством организации проведения системной оценки общего состояния и динамики правового регулирования и правоприменения в Ростовской области и формирования в соответствии с этим *региональной концепции развития регионального законодательства на среднесрочную и долгосрочную перспективы*. Определенный опыт в этой сфере имеется в ряде субъектов Российской Федерации, включая, например, Республику Саха (Якутия), Москву.

Важно также отметить в качестве общей тенденции последних лет, что мониторинг в субъектах Российской Федерации приобрел высокий правовой статус. По данным Минюста РФ, 70% субъектов РФ приняли законы о мониторинге. Например, в ЮФО — это За-

кон Краснодарского края о мониторинге нормативных правовых актов Краснодарского края от 7 ноября 2011 г., Закон Республики Крым о мониторинге нормативных правовых актов Республики Крым от 29 декабря 2016 г. Такой подход имеет очевидные преимущества, так как позволяет полнее урегулировать соответствующие вопросы, включая определение инициаторов и субъектов проведения мониторинга, взаимоотношения всех ветвей власти в связи с его проведением, включая региональный парламент, его депутатские формирования и т. д.

Оценивая текущее состояние правовой системы Ростовской области, следует отметить достаточно высокий уровень достигнутых показателей. Так, по состоянию на сегодняшний день в Ростовской области приняты и действуют более 3000 законов и около 7000 постановлений правительства Ростовской области. При этом данные, размещенные в справочно-правовой системе «Консультант Плюс», свидетельствуют об устойчивом росте динамики региональной законодательной деятельности. Так, если в период 2000–2001 гг. в Ростовской области был принят 161 закон, в 2002–2003 гг. — 208, то уже в период 2004–2005 гг. их число составило 366, а в 2006–2007 гг. — 403; в период 2016–2017 гг. наметился резкий скачок в законодательной деятельности — было принято 834 закона; за период же с 2018 по 2019 г. — 445 законов. Столь большое количество принимаемых нормативных правовых актов указывает на ведущую роль донского парламента в современном развитии региональной правовой системы.

Говоря о развитии правовой системы Ростовской области, нужно принимать во внимание и то обстоятельство, что в ее формировании принимают участие также органы местного самоуправления — 463 созданных на территории Ростовской области муниципальных образований. Это наиболее массовидный пласт нормативной правовой системы области. Так, по данным официального правового портала Минюста РФ, в регистр муниципальных нормативных правовых актов по Ростовской области включено более 100 тыс. актов; лишь за последнее время (2018–2020

гг.) в регистр включено более 18 тыс. муниципальных актов¹. Не остается неизменной и сфера «муниципальных конституционных актов» — уставы муниципальных образований: с начала 2019 года в реестре нормативных правовых актов Минюста России содержится информации относительно поступления 172 уставов и решений о внесении изменений и дополнений в уставы.

Если же обратиться к *качественным показателям развития региональной правовой системы*, то здесь, очевидно, есть вполне определенные перспективы для дальнейшего совершенствования подходов, преодоления имеющихся проблем.

Прежде всего, сам по себе динамизм регионального законодательства может оцениваться по-разному. Важно учитывать, что абсолютное большинство принимаемых на областном уровне законов касаются внесения изменений и дополнений в уже существующие, ранее принятые законодательные акты. Так, по данным официального правового портала Минюста РФ за период с 2016 г. по июнь 2020 г., из принятых законов 1216 законов имели «поправочный» характер и только 60 были приняты в порядке нового, «первичного» регулирования. Это требует повышенного внимания к проблемам обеспечения *устойчивости, стабильности региональной правовой системы*, концептуальной (научной), юридической и социальной обоснованности принимаемых решений, требующих последующей корректировки, что, конечно, влияет и на уровень государственной гарантированности прав и свобод человека и гражданина.

Решение подобной проблемы могло бы быть связано, в частности, с *усилением системности правового регулирования*. Так, в

¹ В этой связи следует обратить внимание, что, по данным Ростовской областной прокуратуры, за обозначенный период органами местного самоуправления в Ростовской области было принято около 63,5 тыс. муниципальных нормативных правовых актов, что фактически в пять раз превышает количество актов, включенных в соответствующий регистр. Подобное расхождение в цифрах указывает на необходимость дальнейшего совершенствования механизма взаимодействия всей системы органов публичной власти как на региональном, так и на муниципальном уровнях.

ряде субъектов Российской Федерации приняты *специальные законы о правовых актах субъекта Российской Федерации*, которыми устанавливаются общие принципы правотворчества, система правовых актов субъекта Российской Федерации, определяются механизмы планирования правотворчества и разработки правовых актов, основные правила юридической техники, порядок проведения экспертиз правовых актов и осуществления правового мониторинга. Такие законы действуют, в том числе, в *пяти из восьми субъектов Российской Федерации, входящих в состав Южного федерального округа: в Республике Адыгея, Краснодарском крае, Астраханской и Волгоградской областях, городе Севастополь*. Подобный закон, вероятно, был бы полезен и для Ростовской области, он позволил бы рационализировать правотворческий процесс, придать ему необходимую планомерность. Справедливости ради, следует, правда, отметить, что Государственная Дума также не может на протяжении многих лет решиться на принятие такого федерального закона, при этом усиленно работая над его проектом, но это как раз тот случай, когда вряд ли стоит ориентироваться на федерального законодателя, медлительность которого, очевидно, объясняется в данном случае отнюдь не юридическими причинами...

Решение задач по усилению системности правового регулирования в Ростовской области может быть связано также с разработкой *интегрированных по отраслевой принадлежности законодательных актов*. Речь идет, прежде всего, о возможности принятия нормативных правовых актов в форме кодексов. В некоторых субъектах Российской Федерации, в том числе и сопредельных с донским регионом, такая форма законотворческой деятельности применяется достаточно активно. Например, в Краснодарском крае и в Волгоградской области действуют свои Градостроительные кодексы. В Волгоградской области, кроме того, принят Кодекс об административной ответственности. В области правового регулирования социальных отношений заслуживает внимания опыт Санкт-Петербурга, где принят и действует Социальный кодекс, устанавливающий как общие принципы социальной защиты, со-

циальной поддержки на территории Санкт-Петербурга, так и конкретные механизмы, институты социального гарантирования, дифференцированно применяемые в отношении отдельных категорий граждан (это создает дополнительные удобства пользования таким законом для граждан). Подобный опыт регулирования такой конституционно значимой сферы общественных отношений перенимается и иными субъектами РФ, в том числе входящими в Южный федеральный округ, — так, в Волгоградской области в 2015 году был также принят Социальный кодекс. В Москве же в настоящее время ведется активная работа по разработке проекта Избирательного кодекса города Москвы.

Не может не вызывать повышенного внимания также состояние *муниципального сегмента региональной правовой системы*. Мониторинг надзорной деятельности свидетельствует о распространенности нарушений закона со стороны органов местного самоуправления практически во всех сферах социально-экономической жизни общества, включая управление муниципальной собственностью, формирование и исполнение местных бюджетов, установление местных налогов и сборов, осуществление предпринимательской деятельности, организацию предоставления услуг в сферах жилищно-коммунального комплекса, образования, здравоохранения и культуры.

В этой связи перспективным является — тем более в свете поправки к статье 132 Конституции РФ о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят единую систему органов публичной власти (ст. 132, ч. 3) — развитие различных *координационных форм сотрудничества органов государственной власти Ростовской области и органов местного самоуправления*, в том числе связанных с проведением единой правовой политики, подготовкой модельных муниципальных правовых актов, формированием рекомендаций органам местного самоуправления по осуществлению правового регулирования.

Представляет интерес сформированный в Ростовской области *институт государственной координации единой финансовой*

и бюджетной политики. В соответствии с Областным законом Ростовской области от 26 апреля 1999 г. №33-ЗС (в ред. от 5 ноября 2019 г.) «О государственной координации единой финансовой и бюджетной политики в Ростовской области» предусмотрено включение в систему финансовых органов в Ростовской области наряду с министерством финансов Ростовской области органов (должностных лиц) местных администраций муниципальных образований, осуществляющих составление и организацию исполнения местных бюджетов (финансовых органов муниципальных образований) (ст. 2), формы участия органов государственной власти Ростовской области в соответствии со своей компетенцией в развитии местных финансов (ст. 9). Такое участие предполагает не только осуществление регулирования взаимоотношений между органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса, участия в решении вопросов местного значения путем предоставления межбюджетных трансфертов местным бюджетам, распределения бюджетных средств, но и, что очень важно, оказания методической помощи органам местного самоуправления в работе по формированию и исполнению местных бюджетов, а также иные формы содействия развитию местного самоуправления. Подобный механизм заслуживает положительной оценки, укладывается в конституционную логику взаимоотношений региональной государственной власти и местного самоуправления. Как указал КС РФ в одном из своих решений, Конституция РФ исходит из признания ценности различных неимперативных форм сотрудничества между этими уровнями публичной власти¹.

Необходимо отметить, что в настоящее время в связи с реализацией нового, очередного этапа *муниципальной реформы* и расширением компетенции субъектов Российской Федерации в области правового регулирования организации местного самоуправления,

¹ См.: Постановление КС РФ от 24 декабря 2012 г. №32-П // СЗ РФ. 2012. №53 (ч. 2). Ст. 8062.

очевидно, не только возрастает свобода усмотрения региональных органов государственной власти в рамках проводимой муниципальной политики, но и существенным образом *повышается уровень ответственности субъектов Российской Федерации за состояние дел в муниципальной сфере*.

КС РФ ранее указывал на то, что в силу вытекающего из Конституции РФ принципа многообразия организационных моделей построения и реализации муниципальной власти законодательное регулирование в этой сфере общественных отношений должно быть по возможности гибким и гарантировать местным сообществам реальную возможность на основании закона и в установленных им пределах самостоятельно определять конкретные требования, касающиеся организации и осуществления местного самоуправления на соответствующей территории, которые учитывали бы исторические и иные местные традиции и позволяли бы эффективно решать вопросы местного значения в интересах населения (Постановление КС РФ от 18 мая 2011 г. №9-П). Эта правовая позиция сохраняет свою силу, не утратив своего практического значения и сегодня.

Вместе с тем ответственность региональных органов государственной власти за состояние муниципально-правового сектора имеет важные не только правотворческие, но и правоприменительные аспекты; она связана с практическим обеспечением в ходе текущей управленческой деятельности надлежащего гарантирования прав местного самоуправления. Здесь уместно вспомнить о рассмотренном КС РФ несколько лет назад обращении мэра одного из городов Ростовской области, который, в связи с данной представительным органом муниципального образования неудовлетворительной оценкой его деятельности по результатам его годового отчета о своей деятельности, настаивал на признании неконституционными ряда положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Заявитель полагал, что оспариваемые законоположения содержат внутренние про-

тиворечия, пробелы в части установления полномочий представительного органа местного самоуправления, а также критериев и методики оценки деятельности главы муниципального образования, допускают произвольное использование подотчетности главы муниципального образования перед представительным органом, нарушают право граждан на участие в осуществлении власти через органы местного самоуправления, конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, умаляют достоинство личности и тем самым не соответствуют Конституции РФ. КС РФ в Определении от 25 января 2012 г. №114-О-О отказал в принятии обращения к рассмотрению, сославшись на свои ранее выраженные правовые позиции, в силу которых надлежащее исполнение обязательств, взятых органами местного самоуправления непосредственно перед населением, является императивом демократического правового государства в сфере организации муниципальной публичной власти; а удаление главы муниципального образования в отставку выступает мерой его ответственности перед представительным органом муниципального образования, а в конечном итоге — и перед населением, гарантируя восстановление установленного законом порядка осуществления местного самоуправления на территории соответствующего муниципального образования, подконтрольность и подотчетность главы муниципального образования населению и представительному органу муниципального образования, обеспечивая баланс полномочий представительного органа муниципального образования и главы муниципального образования в системе местного самоуправления. Вместе с тем КС РФ отметил, что оценочный характер выносимого представительным органом решения предполагает при его принятии использование демократических процедур и учет различных факторов и мнений, тем самым оценка деятельности органов местного самоуправления при осуществлении контрольных полномочий представительного органа власти может быть различной и связанной с дискрецией этого органа.

Как известно, составной частью процедуры отправления в отставку главы муниципального образования является необходимость учета представительным органом муниципального образования мнения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации). В определении от 2 ноября 2011 г. №1464-О-О КС РФ установил, что законодательное наделение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) правом выражения мнения по вопросу об удалении главы муниципального образования в отставку призвано обеспечить надлежащее взаимодействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления в решении вопросов, затрагивающих права и законные интересы граждан, и определяется необходимостью оказания органами государственной власти субъекта Российской Федерации содействия развитию местного самоуправления.

Таким образом, участие высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в процедуре удаления главы муниципального образования в отставку можно рассматривать в качестве одной из гарантий надлежащего обеспечения права на осуществление местного самоуправления. Приведенный пример может служить хорошим подтверждением того, что Конституция РФ в ее истолковании КС РФ и действующее федеральное законодательство ориентируют региональные органы государственной власти на участие в развитии местного самоуправления, прежде всего, путем создания необходимых условий для его нормального функционирования, исключения различного рода конфликтных ситуаций в этой сфере.

Правотворчество в самых различных формах его проявления является, таким образом, важным индикатором конституционно-правовой жизни региона в едином федеративном государстве с его единой правовой системой.

Такое единство правовой системы России обеспечивается, в том числе, благодаря конституционному нормоконтролю как за региональным законодательством, так и за федеральными законами, в частности в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В этом плане право субъектов РФ на обращение в КС РФ также является важным направлением развития регионального конституционализма.

5.4. ОБРАЩЕНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КС РФ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Право на обращение в КС РФ является, как отмечалось, важным элементом конституционно-правового статуса Ростовской области как субъекта РФ. При этом сам характер обращений органов государственной власти Ростовской области в КС РФ свидетельствует о разноплановости и фундаментальности затрагиваемых в них проблем, заинтересованности области решать не только свои собственные задачи, но и оказывать активное влияние на развитие федерального законодательства, добиваться его последовательного соответствия требованиям Конституции России. Решения КС РФ, принимавшиеся по итогам их рассмотрения, имели важное значение для развития конституционализма как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Нельзя не отметить, что на протяжении многих лет инициатором обращений в КС РФ от имени Ростовской области был Комитет по законодательству, государственному строительству, местному самоуправлению и правопорядку Законодательного Собрания Ростовской области (которым в разные годы руководили, в частности А. В. Ищенко, И. В. Рукавишникова). Это были самые различные, весьма актуальные для регионального конституционализма, проблемы.

В обзорном порядке можно отметить решения, сферой реализации которых были отношения, связанные с развитием бизнеса, с социальной сферой, реализацией прав граждан, административ-

ной ответственностью, равно как и достаточно широкие проблемы федерализма с точки зрения взаимоотношений федерального Центра и региона и т. д. Так, в *Определении от 10 ноября 2002 г. №321-О* КС РФ сделал принципиальный для развития налогового законодательства вывод о том, что *конституционные принципы налогообложения, исключая придание обратной силы нормам налогового права, ухудшающим положение налогоплательщиков, в то же время не препятствуют приданию обратной силы тем нормам, которые улучшают положение налогоплательщиков*. При этом КС указал, что само по себе некоторое изменение налоговых обязанностей тех или иных категорий налогоплательщиков, связанное с изменением, в частности, объекта налогообложения и налоговой базы, еще не означает ухудшение их положения.

В ряде других решений по запросам Законодательного Собрания Ростовской области КС РФ были даны значимые интерпретации ключевых конституционных положений, в которых раскрываются *различные аспекты российского федерализма*.

Одним из наиболее заметных стало в этом плане «выигранное» Ростовским областным парламентом у федерального законодателя дело, по итогам которого было принято *Постановление от 18 июля 2012 г. №19-П*. КС РФ, столкнувшись с ситуацией, когда Ростовская область по существу в порядке опережающего законодательного регулирования расширила в сравнении с федеральным правом круг субъектов права на обращение за счет отнесения к ним юридических лиц, объединений граждан, а также круг адресатов подобных обращений за счет государственных и муниципальных предприятий и учреждений, признал не соответствующими Конституции РФ оспаривавшиеся донским Законодательным Собранием нормы федерального закона и подтвердил свои ранее выработанные подходы, состоящие в том, что *в сфере совместного ведения законодатель субъекта РФ вправе развивать и конкретизировать регулирование, установленное федеральным законом, а также вправе самостоятельно осуществлять правовое регулирование по вопросам, относящимся к предмету совместного ведения, в случаях их неуре-*

гулирования в федеральном законе. Одновременно федеральному законодателю было предписано урегулировать порядок рассмотрения обращений объединений граждан и юридических лиц государственными органами и органами местного самоуправления, а также гарантии рассмотрения обращений граждан государственными учреждениями и иными организациями, осуществляющими публично значимые функции. Инициированное ростовчанами решение КС РФ было реализовано в рамках закона от 7 мая 2013 г. №80-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса РФ об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Это и есть яркий пример активного участия Ростовской области в конституционно-правовой жизни России.

Важным с точки зрения развития конституционализации взаимоотношений Федерации и ее субъектов явилось *Постановление КС РФ от 2 июля 2018 г. №27-П*. В своем запросе Законодательное Собрание Ростовской области полагало, что установление в качестве императивного условия надления должностных лиц органов внутренних дел (полиции) правом составления протоколов о предусмотренных законами субъектов РФ административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, заключение между Министерством внутренних дел Российской Федерации как федеральным органом исполнительной власти и органами исполнительной власти заинтересованных субъектов РФ соглашений о передаче осуществления части соответствующих полномочий, вступает в противоречие с рядом конституционных принципов, а именно:

а) принципом равенства, так как порождает различия в применении должностными лицами органов внутренних дел (полиции) законов субъектов РФ об административной ответственности за нарушение общественного порядка и общественной безопасности в силу отсутствия или наличия заключенных соглашений;

б) принципом неотвратимости ответственности за нарушение закона в силу того, что не позволяет субъектам РФ привлекать

должностных лиц органов внутренних дел (полиции) к возбуждению дел о посягающих на общественный порядок и общественную безопасность административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ, без заключения с Министерством внутренних дел РФ соглашения о передаче им осуществления полномочий по составлению протоколов о таких административных правонарушениях;

в) принципом разделения властей, так как данное регулирование не исключает вмешательства Министерства внутренних дел РФ в компетенцию региональных парламентов, фактически обязывая субъекты РФ к заключению соглашений о передаче осуществления указанных полномочий;

г) принципом определенности правового регулирования.

Признав оспариваемые положения соответствующими Конституции РФ, КС РФ отметил, что по своему нормативному содержанию в системе действующего правового регулирования они предполагают, что:

1) заключение подобных соглашений направлено на обеспечение сбалансированного сочетания интересов образующих единую систему исполнительной власти РФ федеральных и региональных органов исполнительной власти, отвечающего задачам эффективной административно-правовой защиты прав и свобод граждан;

2) инициатива заключения таких соглашений должна исходить от органов исполнительной власти субъектов РФ, которые не могут быть принуждены к их подписанию на неприемлемых для себя условиях, а федеральные органы не вправе произвольно отказывать органам исполнительной власти субъектов РФ в их заключении в случаях, когда проекты соответствующих соглашений отвечают нормативно установленным требованиям;

3) должностные лица органов внутренних дел (полиции) обязаны — в рамках полномочий, возложенных на них Кодексом РФ об административных правонарушениях и Федеральным законом «О полиции», — оказывать содействие в привлечении виновных в совершении предусмотренных законами субъектов РФ админи-

стративных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, и при отсутствии соответствующих заключенных соглашений.

Как результат, по факту запроса Законодательного Собрания Ростовской области была нормативно-доктринально обоснована необходимость взаимодействия органов исполнительной власти РФ и ее субъектов в сфере защиты прав и свобод граждан, что в полной мере основывается на положениях Конституции РФ, в частности определяющей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита является обязанностью государства и распространяется на все уровни публичной власти (ст. 2 Конституции РФ).

Важно при этом отметить, что соответствующее обращение областного Законодательного Собрания в КС РФ и принятое по итогам его рассмотрения постановление Суда получили широкую поддержку других субъектов РФ, а также высокую оценку как у специалистов, так и в средствах массовой информации. В целом можно сделать вывод, что данное решение КС РФ — заметный шаг в конституционализации одного из важных институтов административного права и в формировании в конечном счете административного конституционализма не только на федеральном, но и на региональном уровне законотворчества субъектов РФ.

Что касается других обращений в КС, то по их итогам, например, в *Определении от 8 апреля 2004 г. №137-О* КС РФ конкретизировал *смысл конституционно-правовых подходов к полномочиям субъектов РФ по установлению мер административной ответственности за нарушения в сфере бюджетного законодательства* (опять же, к чести моих земляков, это было одно из первых обращений в КС по данной проблематике). КС РФ пришел к выводу, что соответствующие нарушения являются, по сути, нарушениями в сфере финансового и кредитного регулирования, относящегося к предметам ведения Российской Федерации, что в основном и предопределило установление на федеральном уровне ответственности за административные правонарушения в отношении бюд-

жетов всех уровней, включая бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты. Однако и в рассматриваемых сферах субъекты РФ обладают в силу ст. 73 Конституции РФ собственными нормотворческими полномочиями. Закрепленный Конституцией РФ принцип единства экономического пространства предопределяет проведение единой финансовой политики и, соответственно, наличие единой финансовой системы, включая бюджетную и налоговую. При этом органы государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в финансовых, валютных и кредитных отношениях, имеющих общедоинтересное значение, в той мере и постольку, в какой и постольку это предусмотрено и допускается федеральными законами, иными правовыми актами федеральных органов государственной власти. Таким образом, субъекты РФ не лишены полномочий по установлению административной ответственности, в том числе в определенных сферах финансового регулирования. Одновременно Суд сделал принципиальный вывод о том, что КоАП РФ исходит из общего правила, в соответствии с которым наделение юрисдикционными полномочиями органов исполнительной власти находится в прямой зависимости от того, законом какого уровня определены материальные нормы об ответственности за административные правонарушения, и потому субъект Федерации может установить, какой из его органов исполнительной власти также вправе осуществлять юрисдикционные полномочия при наличии совершенных в отношении средств регионального и местного бюджетов административных правонарушений, предусмотренных нормами федерального права, при условии соответствующего воспроизведения диспозиций указанных норм об административной ответственности в законе субъекта Российской Федерации. Эта позиция сохраняет актуальность и сегодня.

В *определениях КС РФ от 9 июня 2004 г. №218-О и от 8 июля 2004 г. №240-О* сформулированы принципы взаимоотношений федеральных и региональных органов государственной власти при решении кадровых вопросов, касающиеся участия субъектов РФ в назначении судей федеральных судов, должностных лиц в струк-

туре Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Казалось бы, что в данном случае на соответствующие обращения ЗС Ростовской области КС был дан отрицательный ответ. Это, однако, совершенно не так. Во-первых, благодаря данному запросу у КС появилась возможность устранить различия в практике отдельных регионов по решению соответствующих вопросов (не секрет, что особенно отдельные республики как субъекты РФ проявляли в этот период желание «перетянуть одеяло на себя» при решении вопросов фактически федерального значения). А, во-вторых, — и это очень знаменательно (!) — КС подчеркнул, что Законодательное Собрание Ростовской области вправе внести в Государственную Думу РФ проект федерального закона, предусматривающего порядок и формы участия законодательного органа субъекта РФ в формировании кадров судебных органов, а также имеет возможность участвовать в данном процессе в других основанных на федеральном законе формах. Таким образом, здесь мера участия заявителя в конституционно-правовой жизни России как бы удваивается — решением КС, по существу «благословляется» возможное в будущем обращение ЗС области в федеральный парламент с законодательной инициативой, которая в своей основе оценивается Судом как непротиворечащая Конституции РФ. Разве это не есть весьма положительный результат обращения, в том числе с точки зрения развития регионального конституционализма?!

Есть основания упомянуть и о других принятых по запросам Законодательного Собрания Ростовской области решениях КС РФ, которые имеют, на первый взгляд, формально отказной характер. Однако в этих случаях сама постановка соответствующих вопросов имела большое значение с точки зрения определения болевых точек развития российской конституционно-правовой системы, что в полной мере подтвердилось впоследствии, когда КС РФ в связи с обращениями уже иных субъектов вновь вернулся к соответствующим вопросам и, не имея формально-процессуальных преград для их рассмотрения, дал на них содержательные ответы.

На первое место я поставил бы в этом плане *Определение КС РФ от 14 января 2003 г. №11-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о толковании статей 2, 15 (часть 3) и 18 Конституции РФ*. Не будет секретом, если скажу, что стенограммы заседания по данному делу сохранили запись моих выступлений, где была попытка доказать необходимость принятия запроса к публичному слушанию. Заявитель просил дать толкование содержащегося в части 3 статьи 15 Конституции РФ понятия «нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина» в контексте статей 2 и 18 Конституции РФ. Выявление смысла данного понятия, как указывалось в запросе, необходимо для решения вопроса об опубликовании нормативных правовых актов. При этом сам заявитель считал, что все нормативные правовые акты затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина и потому подлежат официальному опубликованию для всеобщего сведения. В ответ на это обращение КС указал, что заявитель, обосновывая свою позицию, не приводит какие-либо доводы, указывающие на наличие неопределенности в понимании положения части 3 статьи 15 Конституции РФ, которая препятствует ему в реализации функций и полномочий, связанных с решением вопроса об официальном опубликовании для всеобщего сведения нормативных правовых актов Ростовской области. При этом, правда (что также очень важно!), Суд не исключил возможность последующего обращения с запросом о проверке конституционности законоположений, конкретизирующих нормативное содержание части 3 статьи 15 Конституции РФ, в КС РФ или в соответствующий суд в случае применения неопубликованного официально для всеобщего сведения нормативного правового акта, затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Еще одно обращение в КС РФ, итогом которого стало принятие *Определения КС РФ от 15 июня 2004 г. №140* о проверке конституционности пункта 16 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с отзывом запроса Законодательного Собрания

Ростовской области. Первоначально заявитель настаивал на неконституционности соответствующего положения, которым предусматривались *преференции для парламентских партий*, связанные с регистрацией выдвинутых ими кандидатов без сбора подписей и внесения избирательного залога. Не будем вдаваться в причины, по которым донской парламент отозвал свой запрос. Но соответствующая проблема вновь встала перед КС РФ спустя... восемь лет, и она была разрешена в Определении КС РФ от 7 февраля 2012 г. №233-О-О.

Наконец, стоит упомянуть и о таком, получившем определенный резонанс, обращении Законодательного Собрания Ростовской области в КС РФ, как *запрос о проверке конституционности положений пункта 2 части первой статьи 26, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса РФ и статьи 5 Закона Ростовской области «Об охране зеленых насаждений в населенных пунктах Ростовской области»*. Несмотря на то, что КС РФ не нашел оснований для принятия запроса к рассмотрению, сославшись при этом, главным образом, на формальные обстоятельства, поставленные в нем вопросы, безусловно, заслуживают самого пристального внимания и имеют большую актуальность.

Заявителем был поставлен, в частности, вопрос об *установленных ГПК РФ правилах подведомственности*, в соответствии с которыми к подсудности областных и иных равных по уровню судов отнесено рассмотрение гражданских дел об оспаривании нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ, затрагивающих права, свободы и законные интересы граждан и организаций. По мнению заявителя, эти законоположения по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, противоречат Конституции РФ, поскольку допускают осуществление судами общей юрисдикции проверки закона субъекта РФ на соответствие федеральным законам в случае, когда таким законом субъекта РФ устанавливается нормативное правовое регулирование по предмету, не урегулированному федеральным законодательством, а также в случае отсутствия законодательного разграничения законодвор-

ческих полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ в соответствующей сфере общественных отношений.

Следует признать, что *вопрос разграничения нормоконтрольных полномочий внутри судебной системы* является одним из наиболее проблемных и острых. Очевидно, что реализуемое в рамках гражданского и арбитражного процесса административное судопроизводство плохо совместимо по своему предназначению и характеру с проверкой на соответствие нормативным актам более высокого уровня законов. Поэтому *федеральному законодателю еще предстоит решить вопрос, связанный с избавлением гражданского процесса от несвойственных ему функций, в рамках судебной реформы*.

Также внимания заслуживает запрос Законодательного Собрания Ростовской области о *проверке конституционности абзаца второго пункта 9 статьи 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»*. Конституционно-правовая проблема заключалась в неопределенности правового регулирования, которое не позволяло установить *пределы полномочий органов государственной власти субъектов РФ в части возможности введения полного запрета на розничную продажу отдельных видов алкогольной продукции*. КС РФ посчитал не подлежащим дальнейшему рассмотрению указанный запрос, так как для разрешения поставленного вопроса не требуется вынесения итогового решения в виде постановления, в связи с чем было принято Определение от 9 ноября 2017 г. №2511-О. Следует подчеркнуть, что проблема, поставленная в запросе, является достаточно острой, так как непосредственно оказывает влияние на здоровье человека, в том числе в связи с широкой распространенностью подобных тонизирующих напитков в молодежной среде, о чем в запросе упоминало Законодательное Собрание Ростовской области.

Тем не менее КС РФ пришел к выводу, что в системе действующего нормативно-правового регулирования органы государственной власти субъектов РФ *не обладают полномочием по установ-*

лению полного запрета на розничную продажу слабоалкогольных тонизирующих напитков. В связи с этим Законодательное Собрание РО исключило подобный запрет из регионального законодательства, оставив лишь ограничения в части невозможности розничной продажи отдельных видов алкогольной продукции в зависимости от времени и места. В любом случае запрос и принятое на его основе решение КС РФ устранили (путем истолкования) неопределенность в понимании соответствующих правовых норм, что имеет важное, в том числе правоприменительное, значение.

Активная вовлеченность органов государственной власти Ростовской области, в особенности Законодательного Собрания, указывает на тот факт, что Донской край выступает активным субъектом конституционно-правовой жизни в России, оказывает самое непосредственное влияние на решение фундаментальных проблем государственного развития Российской Федерации, а потому по-настоящему выступает субъектом совершенствования отечественного конституционализма.

Важно при этом подчеркнуть, что подавляющая часть решений КС РФ, инициированных как ЗС РО, так и другими органами (прежде всего функционирующими на территории Ростовской области судами), равно как и самими гражданами, направлена непосредственно или в конечном счете на защиту прав и свобод человека и гражданина, которыми определяется смысл и основное содержание регионального законодательства¹. Все это представляет собой весомый вклад в развитие федеративных начал российского конституционализма, включающего в том числе региональный и муниципальный конституционализм в рамках единого федеративного конституционно-правового пространства.

¹ *Подробнее об этом см.:* Бондарь Н. С. Конституционные стандарты прав человека, их значение для регионального и муниципального правотворчества (в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации) // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в контексте современного правотворчества и правоприменения: сборник научно-практических материалов IV Донского юридического форума 26 мая 2017 года. Азов: Азов-Принт, 2017. С. 15–22.

5.5. МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ УТВЕРЖДЕНИЯ НА ДОНУ

После принятия поправки к статье 132 (часть 3) Конституции РФ о единстве всей системы органов публичной власти, включая местное самоуправление, вопрос о муниципальном конституционализме приобретает дополнительные аспекты своей актуальности. При этом анализу конкретных вопросов организации местного самоуправления, в частности на Дону, должны быть предпосланы некоторые более общие подходы, имеющие в том числе методологическое значение.

А. Местное самоуправление — институциональная основа муниципального конституционализма

Главным уроком сложной, противоречивой истории возрождения и непрерывного, в чем-то ставшего перманентным реформирования местного самоуправления, является вывод о том, что для демократии одинаково опасными являются крайности как самоуправленческого «романтизма», так и муниципального «нигилизма». Исторический опыт свидетельствует, что уровень развития местного самоуправления оправдан исключительно в той мере, в какой это позволяет выстроить эффективную систему управления городом, районом, населенным пунктом, которая содействовала бы созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь каждого человека. При поиске золотой середины между крайностями в оценке местного самоуправления следует исходить из того, что не политико-идеологические критерии, а социальное содержание и ориентация на конкретную личность являются главной ценностью местного самоуправления как института конституционной демократии.

В этом находит свое отражение сущностная природа местного самоуправления, которая проявляется в единстве публичных и частных начал, власти и свободы. В чем они реализуются? Каково

практическое значение данных характеристик институтов муниципальной демократии? На чем основаны оценки исторической роли и конституционно-правового значения местного самоуправления? При поиске ответов на эти вопросы необходимо учитывать, по крайней мере, два обстоятельства.

Во-первых, вопросы местного самоуправления, связанные с необходимостью решения повседневных проблем населения по месту жительства, меньше всего подвержены политическим и партийным пристрастиям, идеологическим искажениям. В конечном счете решение именно этих вопросов является критерием эффективности и целесообразности складывающихся форм осуществления власти на местах. На данном уровне, в пределах конкретного города или района, села или поселка, люди получают возможность реального участия в решении вопросов хозяйственно-экономической, политической жизни, здесь они могут безошибочно оценить деловые качества своих руководителей, избранных в представительные органы, здесь не удержатся, говоря словами А. И. Солженицына, «ложные репутации, не поможет обманное красноречие или партийные рекомендации»¹.

Во-вторых, на уровне местного самоуправления ярко и одновременно наиболее зримо, результативно обнаруживаются личностные моменты развития демократических процессов, здесь проявляется «очеловеченный» образ социально-экономических и политических реформ. Именно местное самоуправление, обеспечивающее развитие «демократии малых пространств», способно создать в конечном счете органическое сочетание власти и свободы, внешнего управления (реализуемого в том числе посредством выстроенной исполнительной вертикали) и внутренней самоорганизации населения. Тем самым становится возможным преодолеть наши традиционные, во многом авторитарные, по своей сути, представления о демократии как исключительной государственной форме организации власти, которая якобы

¹ См.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М.: Патриот, 1990. С. 47.

является единственным источником и главным гарантом прав личности.

При этом применительно к России процессы развития местного самоуправления по-прежнему направлены прежде всего на поиск баланса централизации и децентрализации. Эффективность же названных процессов непосредственно связана с эффективностью публичной власти, оптимальностью ее конструкции, средств, способов, методов и форм осуществления на различных «этажах» публичной власти, с оптимальностью распределения полномочий и, соответственно, материально-финансовых возможностей между федеральной, региональной и муниципальной властью. Это находит свое подтверждение и в решениях КС РФ. С одной стороны, конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления есть безусловное требование децентрализации публичной власти, связанное с приближением последней к населению; с другой — само по себе местное самоуправление, будучи уровнем публичной власти, одновременно является формой публично-территориальной самоорганизации населения. В этом плане представляется обоснованным тезис о наличии системных взаимосвязей между модернизацией государственности, поиском баланса централизации и децентрализации, правовым прогрессом в развитии современных институтов демократии и приведением их в соответствие с требованиями Основного закона, конституционализацией местного самоуправления и правопорядка в целом.

Подтверждением того, насколько сложными, во многом противоречивыми бывают эти процессы, является очевидная нестабильность законодательства в области местного самоуправления и — что скрывать — порой недостаточная продуманность политических решений, связанных с новыми (очередными) этапами реформирования муниципальной власти. Так, с момента вступления в силу ФЗ-131 о местном самоуправлении в 2003 году в него внесены изменения и дополнения более чем 150 (!) федеральными законами. На сегодняшний день не подвергались корректировке

всего лишь 22 статьи данного Закона, что составляет менее четверти его положений. В одну и ту же статью изменения вносились нередко по несколько раз, причем многие коррективы с трудом можно отнести к изменениям чисто технического порядка¹. Можно ли в этом случае говорить о выверенности решений по реформированию местного самоуправления, развитию муниципального законодательства?

Восприятие местного самоуправления как основы муниципального конституционализма закономерно порождает вопрос о социальной и юридической природе местного самоуправления, характеристиках образующих его институтов муниципальной демократии. При этом важно учитывать, что роль Конституции для местного самоуправления и муниципальной демократии не ограничивается тем, что, являясь Основным законом, она содержит в себе нормы соответствующего отраслевого, в том числе муниципально-правового, содержания. Не менее важным является то обстоятельство, что Конституция представляет собой своеобразное мерило, критерий оценки всей системы норм и институтов муниципального права на предмет их соответствия высшим ценностям, получающим конституционное признание. Конституционные нормы должны соблюдаться всеми органами государственной власти и местного самоуправления, а также их должностными лицами.

В многоуровневой системе правового регулирования местного самоуправления находит свое отражение его сложная, триединая конституционно-правовая природа, отражающая в своем единстве различные стороны местного самоуправления как элемента российской государственности и одновременно — выражения муниципальной демократии. Это позволяет охарактеризовать местное самоуправление в системе муниципального конституционализма:

¹ Основной объем соответствующих изменений и дополнений касается правового регулирования перечня вопросов местного значения, состава муниципального имущества, ответственности органов местного самоуправления, особенностей организации местного самоуправления, а также заключительных и переходных положений.

а) в субъективно-личностном аспекте — как институт правового положения личности;

б) в социальном плане — как средство самоорганизации общества, достижения определенной автономии общества во взаимоотношениях с государством, что позволяет в конечном счете определить местное самоуправление в качестве института гражданского общества;

в) в публично-властном аспекте — как особую форму осуществления населением публичной власти по месту жительства.

В этом плане муниципальный конституционализм включает в себя сложную систему институтов.

Они характеризуют **местное самоуправление, во-первых, как институт правового положения личности**. Это означает, что с точки зрения базовых конституционно-правовых ценностей муниципальной демократии местное самоуправление выступает, прежде всего, как институт индивидуальных и коллективных прав населения по самостоятельному и под свою ответственность решению вопросов местного значения. Это находит свое закрепление в целом комплексе конституционных норм, посвященных главным образом индивидуальным и коллективным правам на местное самоуправление (ст. 24, 32, 33, 40, 41, 130, 131, 132 и др.), а также иным правам и свободам, реализация которых обеспечивается по месту жительства граждан, в частности на основе средств муниципально-правового гарантирования (ст. 24, 27, 32, 36, 40, 41, 43 и др.).

Данный подход получает свое подтверждение и в решениях КС РФ. Наиболее полно он выражен в Постановлении КС РФ от 30 ноября 2000 г. №15-П, в котором Суд сформулировал следующую правовую позицию: из статей 3 (часть 2) и 12 Конституции РФ следует, что местное самоуправление является необходимой формой осуществления власти народа и составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации; по смыслу статей 32 (часть 2), 130, 131 и 132 Конституции РФ граждане имеют право на осуществление местного самоуправ-

ления и реализуют его путем референдума, выборов, иных форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы самоуправления; это означает, в частности, что граждане имеют право на участие — непосредственно или через своих представителей — в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования, причем как само муниципальное образование, так и право проживающих на его территории граждан на осуществление местного самоуправления возникают на основании Конституции РФ и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования. Одновременно субъективно-личностные начала местного самоуправления как одного из правомочий в составе правового статуса гражданина неоднократно учитывались КС РФ как критерий и конституционно-нормативная основа для проверки законодательного регулирования муниципальных институтов.

Во-вторых, местное самоуправление выступает как выражение муниципальных институтов гражданского общества, что является следующей принципиально важной конституционной характеристикой местного самоуправления. В этом качестве местное самоуправление закрепляется как одна из форм народовластия, основа конституционного строя Российской Федерации (ст. 3, 12 Конституции РФ).

Категория гражданского общества позволяет выявить глубинные закономерности самоорганизации населения, становления и развития политических и правовых институтов властвования как одной из фундаментальных основ организации общества и государства. В гражданском обществе становится возможной реальная свобода личности во всех формах и на всех уровнях ее проявления, переходящая в конечном счете в свободу всего общества, когда люди сами управляют социальными процессами в соответствии с требованиями осознанных ими объективных законов. Гражданское общество основывается на развитых, независимых от государства формах общественной самоорганизации и саморегуляции, на оптимальном

сочетании публичных и частных интересов. Современное гражданское общество — это демократическое, плюралистическое общество, основным субъектом которого является гражданин, реализующий свои интересы в рамках единого для всех режима равноправия и общего правопорядка. В обобщенном виде можно выделить такие основные качественные характеристики гражданского общества, предопределяющие его значение как институционной основы становления и развития муниципальной демократии, как:

- поиск баланса частных и публичных интересов;
- наличие социально-правовых факторов и институтов саморегуляции, самоуправления, независимых от государственной власти;
- гарантирование равной для всех членов гражданского общества меры свободы, правовой характер гражданского общества, его соответствие требованиям справедливости.

Государство в этом случае приобретает характер социального государства (ст. 7 Конституции РФ), имея виду, что соответствующие требования — о социальном правовом характере государства — в полной мере распространяются и на уровень муниципальной власти, несмотря на ее относительную самостоятельность, что нашло подтверждение как в практике КС РФ, так и *при выработке и принятии конституционных поправок 2020 г.* (например, ч. 7 ст. 75, ст. 75.1, ч. 1 ст. 132). Речь идет об обогащении публичной власти на всех ее уровнях социальными началами, которые в значительной мере трансформируют и компетенционное наполнение соответствующих органов. При этом само понятие «достойной жизни» (часть 2 статьи 7), получая конституционное наполнение путем закрепления достаточно конкретных государственных и муниципальных обязанностей, воспринимается не как политическое программное положение, а как конституционно-правовая категория, имеющая нормативное содержание, ориентированная в том числе на преодоление конкуренции несовпадающих конституционных ценностей

формально-юридического равенства, с одной стороны, и социальной поддержки населения, с другой, что особенно остро проявляется на низовом, муниципальном уровне реализации прав граждан и осуществления публичной власти.

В этом плане важно учитывать, что конституционная природа местного самоуправления и муниципального конституционализма раскрывается, **в-третьих**, посредством характеристики **местного самоуправления как института публичной власти**. Сейчас это положение, по крайней мере в принципиальном плане, не вызывает сомнений. Соответствующие характеристики местного самоуправления были в полной мере восприняты в том числе федеральным законодателем в рамках реформирования муниципальных отношений. В отличие от Федерального закона о местном самоуправлении 1995 года ФЗ-31 2003 г. прямо предусматривает, что местное самоуправление, составляя одну из основ конституционного строя РФ (ч. 1 ст. 1), является формой осуществления народом своей власти, обеспечивающей в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, законами субъектов РФ (ч. 2 ст. 1). При этом именно определенное организационное обособление местного самоуправления от государственной власти, как функции по самоорганизации и налаживанию совместной деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, придает ему природу муниципальной власти.

Между тем муниципальная власть — особая, уникальная форма организации публичной власти, как власти населения, проживающего на территории муниципального образования; она составляет одну из основ конституционного строя России, является обязательной на всей территории России, хотя и не относится к государственной власти. Но, будучи самостоятельной, весьма специфичной формой осуществления публичной власти, она не относится и к власти общественной, что вытекает в том числе из решений КС РФ.

Все это необходимо в полной мере учитывать в доктрине и практике развития муниципального конституционализма, равно как и при выработке самого *понятия муниципального конституционализма*, которое можно представить как основанную на самоорганизации систему экономических, социальных, политических отношений, функционирующих на местном уровне в правовом режиме гарантирования конституционных ценностей на основе баланса государственной, муниципальной власти и свободы, публичных и частных интересов и имеющих своей целью самостоятельное решение проживающим на соответствующей территории населением вопросов местного значения, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, защиту его прав и свобод.

В структурном плане соответствующие институты муниципального конституционализма составляют достаточно сложную систему институтов экономической, социальной, общественно-политической организации населения по месту жительства, реализации муниципальной власти и осуществления прав населения, проживающего на соответствующей территории.

В этом плане институциональные начала местного самоуправления присутствуют в той мере, в какой оно, с одной стороны, является воплощением достигнутого уровня самоорганизации населения по месту жительства (как институты гражданского общества) и, с другой стороны, местное самоуправление проявляется посредством публично-властных отношений (как институты организации и функционирования муниципальной власти, включая муниципальное народное представительство, институт главы муниципального образования, институт исполнительных органов местного самоуправления, институт муниципальной службы и т. д.), а также институты взаимоотношений человека с муниципальной властью, что соответствует таким институтам правового положения человека и гражданина в системе местного самоуправления, как, например, институт индивидуальных и коллективных прав на осуществление местного самоуправления; институт муници-

пальных избирательных прав; институт муниципальных гарантий прав и свобод человека и гражданина и т. д.

И, наконец, в структуру муниципального конституционализма включаются муниципальные институты гарантирования и ответственности местного самоуправления: государственного обеспечения минимальных местных бюджетов; государственного финансирования отдельных государственных полномочий, переданных местному самоуправлению; судебной защиты местного самоуправления; ответственности местного самоуправления перед населением, перед государством, перед физическими и юридическими лицами; административного контроля и прокурорского надзора за местным самоуправлением и т. д.

Все это находит свое нормативное правовое закрепление не только в федеральном и региональном законодательстве, но, прежде всего, в уставе муниципального образования как своего рода муниципальной конституции.

Сейчас эти подходы вряд ли могут вызывать, по крайней мере в принципиальном плане, какие-либо возражения. В 1990-е же годы, в период возрождения местного самоуправления, его становления на новых основах функционирования в рамках новой российской государственности, в том числе формировавшегося параллельно регионального конституционализма, приходилось все эти вопросы решать «с чистого листа», в острых дискуссиях. Пожалуй, наиболее показательным и, без преувеличения, значимым событием стало в этом плане принятие 9 апреля 1996 года Устава города Ростова-на-Дону — первой муниципальной (донской) конституции.

С выработкой и принятием этого документа связано много воспоминаний, в том числе касающихся, вероятно, первых моих серьезных уроков сочетания теории и практики, перевода на нормативную правовую основу тех методологических подходов, которые в лаконичном варианте представлены в рамках данного параграфа. Далее, в следующем параграфе я постараюсь вкратце рассказать о первых шагах становления донского муниципального конституционализма.

Б. От самоуправленческого романтизма — к реализму муниципального конституционализма¹

При всем том, что возрождение местного самоуправления на Дону в конце 1980-х — начале 1990-х годов прошлого века происходило в целом в русле соответствующих процессов, характерных для Российской Федерации того времени, нельзя не учитывать и очевидные исторически сложившиеся особенности донского самоуправления.

Важно отметить, что при всем многообразии вопросов, относящихся к становлению муниципального конституционализма, на первом месте изначально стоял вопрос о выработке и принятии уставов муниципальных образований как своего рода «муниципальных конституций». Сейчас уже, пожалуй, непросто оценить степень новизны и, соответственно, сложность вопросов, которые должны были решаться при выработке первых таких актов. Одним из первых в ряду крупных муниципальных образований (городов-миллионников), который принял свой Устав, был Ростов-на-Дону. Уже по этой причине уместно об этом сказать особо, в том числе основываясь на личных воспоминаниях.

Учитывая нерешенность, недостаточную ясность, прежде всего методологических, научно-теоретических вопросов, связанных с разработкой Устава г. Ростова-на-Дону как уникального акта местного нормотворчества, городской Думой было принято

¹ Материал подготовлен на основании ранее опубликованных работ: Бондарь Н. С., Чернышев М. А. Муниципальное право и практика его реализации в городском самоуправлении (на примере г. Ростова-на-Дону) Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та. 1996; Бондарь Н. С. Каким должен быть устав муниципального образования. Концепция Устава города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 1996; Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Сильное местное самоуправление — сильное государство: история и современность // Конституционное и муниципальное право. 2016. №4. С. 62–74; Бондарь Н. С., Георгиева Т. П. Устав муниципального образования: нормативная модель, соотношение традиций и новаций // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. №5. С. 23–31 и др.

вполне разумное решение: первоначально обсудить саму концепцию, методологию будущего Устава. Подготовка соответствующих материалов была поручена автору этих строк, результатом чего как раз и явилась представленная на суд депутатов публикация «Каким должен быть устав муниципального образования. Концепция Устава города Ростова-на-Дону» (Ростов н/Д., 1996). Личное участие в подготовке соответствующей концепции, которая во многом была на тот момент новаторской, позволяет обратить внимание хотя бы на отдельные, базовые ее положения, отражающие состояние и уровень начального этапа становления муниципального конституционализма, в частности, на Дону¹.

Устав Ростова-на-Дону, как и устав любого другого муниципального образования, изначально рассматривался как основной акт местного (локального) нормотворчества учредительного характера, который призван был обеспечить нормативную базу организации и функционирования местного самоуправления в административно-политическом (столичном) центре Донского края — городе Ростове-на-Дону как муниципальном образовании. При этом разработчиками учитывалось, что город как муниципальное образование является чрезвычайно сложной социальной системой, стержневыми компонентами которой являются:

— НАСЕЛЕНИЕ — наиболее важный, человеческий субстрат всякой социальной системы, включая, естественно, и город как муниципальное образование;

— ТЕРРИТОРИЯ — со всеми ее природно-географическими, хозяйственно-экономическими и другими характеристиками как материальная основа существования и развития города, пространственный предел существования городской социальной системы и осуществления муниципальной власти;

¹ Попутно будет отмечено, что четверть века спустя, в 2019 году было выпущено репринтное издание «Концепции», посвященное 25-летию Ростовской-на-Дону городской Думы. Этим подтверждается в том числе и сегодняшняя актуальность соответствующих идей и подходов, послуживших концептуальной основой разработки донского муниципального Устава.

— ВЛАСТЬ — функциональное выражение социальной системы, характеризующее степень упорядоченности, уровень и качественные особенности муниципально-властных отношений как базирующихся в своей основе на самоуправляемости данной системы.

Устав муниципального образования как раз и призван закрепить, установить организацию, устройство этих системных компонентов в их единстве и взаимосвязи. В этом плане Устав — это не просто свод нормативных положений для органов местного самоуправления и муниципальных служащих. Устав — это «зеркало души» муниципального образования, отражение его исторических, культурных и иных особенностей, а не просто закрепление организационно-правовых структур системы городского управления. Одним словом, устав муниципального образования должен иметь в качестве главного адресата не чиновника-управленца, руководителя того или иного ранга, а население города.

Именно с учетом обозначенных концептуальных подходов к пониманию природы устава муниципального образования необходимо подходить к методологии разработки Устава, которая сводится к тому, чтобы создать нормативно-правовую модель организации и функционирования социальной среды муниципального образования, стержневая линия которой и определяется обозначенными выше компонентами (население — территория — власть). Эта линия должна лежать и в основе структуры Устава, равно как и содержательных характеристик отдельных его глав, которые призваны обеспечить взаимодействие и взаимосвязь человеческого (городское население), материального (территория) и функционального (муниципальная власть) компонентов городской социальной среды.

Соответственно, высшей целью нормативного упорядочивания жизни населения муниципального образования при помощи Устава является благополучие, нормальная жизнь каждого жителя конкретного муниципального образования. Достижение же этой цели связано с таким способом организации, нормативно-правового устройства муниципальной жизни, который позволил

бы создать наиболее благоприятные условия жизни человека в муниципальном образовании.

Именно поэтому при разработке методологических основ подготовки Устава Ростова-на-Дону в свое время был обоснован подход, основанный на учете указанной выше муниципально-правовой триады и предполагающий, что *в качестве главного адресата устава городского муниципального образования выступает все население города и (что очень важно) каждый его житель в отдельности*. В соответствии с этим впервые в устав муниципального образования была включена в качестве самостоятельной (и одной из первых) глава «Человек и городское самоуправление».

В основе ее нормативного содержания лежит *концепция муниципальных прав и свобод*. Сама природа вопросов местного значения такова, что в преобладающей массе они ориентированы на защиту и гарантирование прав граждан, создание надлежащих условий их реализации. А это есть не только правоприменительная деятельность, но и — неизбежно — муниципально-правовая нормотворческая деятельность, связанная, например, с установлением муниципальных льгот и гарантий для наименее защищенных в социальном плане групп местного населения, конкретизацией организационно-правовых механизмов реализации прав местного населения на территории соответствующего муниципального образования и т. д. В этом плане сообразно уровням публичной власти вполне можно выделять наряду с федеральным и региональным уровнями также муниципальный уровень правового положения граждан, на основе которого формируется муниципально-правовой статус личности как отраслевая категория, обеспечивающая конкретизацию конституционного статуса человека и гражданина.

Не менее важные концептуальные подходы были положены в основу формирования муниципального конституционализма в Ростове-на-Дону, связанные с разграничением полномочий между представительными и исполнительными органами муниципальной власти, с одной стороны; между органами местного самоуправления города и органами государственной власти Ростовской

области, с другой стороны. С их учетом осуществлялось наполнение Устава конкретными содержательными характеристиками. При этом как тогда, так и тем более сейчас, с учетом прошедшего времени и возможности проанализировать развитие муниципальной демократии в России, присутствовало понимание того, что, во-первых, не все эти концептуальные положения могут разделяться депутатами городской Думы, и, во-вторых, некоторые из них сложно реализуемы в условиях существующего состояния муниципальной демократии в Российской Федерации. Поэтому основная проблема была связана не с завышенными требованиями, которые на начальном этапе формирования местного самоуправления на Дону предъявлялись к концепции Устава города, а с сегодняшними сложностями в реализации муниципальной политики.

Такого рода вопросы не раз попадали в поле зрения КС РФ, которому приходилось с учетом реалий муниципального развития России оценивать действующее регулирование в сфере местного самоуправления. Особое значение для оценки проблем муниципальной реформы, в том числе в связи с анализом конституционной природы местного самоуправления, имело Постановление от 1 декабря 2015 г. №30-П.

Нельзя при этом не признать, что в условиях перераспределения законодательных полномочий по регулированию отношений в сфере местного самоуправления в пользу регионального законодателя субъекты РФ нередко шли по пути формального исполнения решения КС РФ. Эта проблема может еще в большей степени актуализироваться в свете конституционной поправки 2020 года о единстве системы органов публичной власти, которая в полной мере основывается на ранее сформированных КС РФ подходах к данным вопросам, что, кстати, нашло свое подтверждение и в тексте Заключения КС РФ¹. КС РФ отметил,

¹ См.: Заключение КС РФ от 16 марта 2020 г. №1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в связи с запросом Президента РФ» // СЗ РФ. 2020. №12. Ст. 1855.

что, несмотря на факт отсутствия буквального закрепления в Конституции принципа единства публичной власти, его наличие имплицитно следует из конституционных положений преамбулы и главы 1 Конституции РФ. Сама же категория «единая система публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз (объединение) многонационального российского народа. Общая суверенная власть данного политического союза распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией Российской Федерации (статьи 5, 10, 11 и 12). Следовательно, органы местного самоуправления, которые согласно статье 12 Конституции РФ не входят в систему органов государственной власти, указанных в ее статьях 10 и 11, во всяком случае входят в единую систему публичной власти политического союза (объединения) многонационального российского народа.

При этом в своем функциональном проявлении единство публичной власти получает свое выражение также и в рамках реализации конституционного предписания о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (статьи 2 и 18 Конституции), что предполагает необходимость согласованного действия различных уровней публичной власти как единого целого во благо человека и гражданина. Как результат, КС РФ сформулировал в своем заключении нормативно-доктринальное понимание единства публичной власти, под которым следует рассматривать прежде всего функциональное единство, не только не исключающие, а, наоборот, предполагающее организационное взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории. Это, однако, не отрицает самостоятельности местного

самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции Российской Федерации).

В ряду многих других проблем муниципальной реформы и развития современного муниципального конституционализма заслуживает внимания, в том числе в свете принятых решений Конституционным Судом Российской Федерации, вопрос *о пересмотре территориальных основ местного самоуправления*. Это особенно актуально для тех субъектов Российской Федерации, где активные процессы территориальных преобразований системы местного самоуправления приобрели своего рода характер всеобщей «муниципальной урбанизации», имея в виду повсеместный, «сплошной» процесс перевода (на языке закона это — «преобразование») поселенческого уровня муниципальных образований (сельских и городских поселений) в городские округа.

Такого рода преобразования затрагивают не только основы *двухуровневой системы местного самоуправления* — «поселение — район» — но и организационную основу местного самоуправления, имея в виду прекращение деятельности представительных органов «преобразованных» муниципальных образований». Все это конституционно значимые вопросы отнюдь не «отдельно взятого» субъекта РФ. Например, по данным Министерства юстиции Российской Федерации, к субъектам Российской Федерации, которые полностью исключили поселенческий уровень местного самоуправления и перешли на систему городских округов, относятся Калининградская, Магаданская, Сахалинская области¹, а также Московская область, случай которой стал предметом рассмотрения Конституционным Судом

¹ Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации, данные за 2018 год — начало 2019 года (режим доступа — https://minjust.ru/sites/default/files/inf_0.docx).

Российской Федерации, к сожалению, лишь в рамках «отказного» определения¹.

Не останавливаясь подробно на существовании дела, отмечу лишь, что выступал за принятие дела к производству для разрешения по существу — о чем впоследствии указал во Мнении судьи к тому Определению Конституционного Суда Российской Федерации — во многом руководствуясь необходимостью доведения действующего регулирования до уровня конституционных требований и высказанных Конституционным судом ранее правовых позиций, с тем, чтобы устранить неточности, порожденные правоприменительной практикой.

В контексте же муниципального конституционализма в Ростовской области отрадно отметить, что на Дону полностью сохранен поселенческий уровень местного самоуправления. Это тем более важно, учитывая, что такого рода «муниципальная урбанизация» тем более сомнительна в регионах с развитым сельским хозяйством (яркий пример в этом плане — воспринявший тенденцию муниципальной урбанизации Ставропольский край).

Хочется верить, что в рамках осуществления муниципальной политики в Ростовской области всегда будут обеспечиваться конституционные начала муниципальной демократии, которые в условиях реформы местного самоуправления порой, к сожалению, воспринимаются как второстепенные, «производные» от административно-управленческих, социально-политических, хозяйственно-экономических интересов, ориентированных на текущие, зачастую сиюминутные выгоды от подобного рода «преобразований».

Это тем более важно учитывать, имея в виду, что сфера местного самоуправления находится в процессе постоянного реформирования, поиска необходимого баланса тех ценностей и интересов, с которыми муниципальная власть переплетена с государственной властью. Такой поиск сопряжен с решением множества проблем,

¹ Определение КС РФ от 24 октября 2019 г. №2955-О // СПС «КонсультантПлюс».

которые становились предметом оценок КС РФ в многочисленных решениях. Имея в виду, что этой проблематике посвящена также достаточно обширная научная литература¹, представляется обоснованным ограничиться в данном случае лаконичным анализом соответствующих вопросов. В рамках данного издания наверняка более оправданным будет представить некоторые соображения и оценки, выраженные в авторских мнениях (особых мнениях) как судьи Конституционного Суда Российской Федерации и относящиеся к отдельным вопросам муниципального конституционализма...

В. Местное самоуправление в доктринальных подходах и авторских оценках (на основе мнений судьи КС РФ)

Не считая целесообразным давать тексты особых мнений (мнений) как судьи Конституционного Суда Российской Федерации в полном объеме, думаю, будет целесообразным ограничиться извлечениями из их текстов с акцентом на затронутые в соответствующих доктринально-процессуальных документах основные проблемы муниципального конституционализма. В соответствии с этим возможно выделить несколько, как представляется, достаточно важных проблем, каждой из которых соответствует высказанное в связи с решением КС РФ личное мнение как судьи Конституционного суда:

¹ Из собственных работ в этом ряду на первое место поставлю монографию, во многом предварившую комплексную концепцию муниципального конституционализма (см: Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008). Как продолжение этой линии можно рассматривать вышедшую в авторской «Библиотеке судебного конституционализма» монографию: Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Ростов н/Д.: Профпресс, 2016. В этом же ряду, например: Местное самоуправление: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н. С. Бондаря. М.: Юрайт, 2019.

1. Местное самоуправление в соотношении с государственной властью на различных уровнях их территориальной организации — главный вопрос муниципальной реформы 2014 года¹

Решение КС РФ всегда является определенным компромиссом по итогам обсуждения, сопоставления несовпадающих позиций. Постановление от 1 декабря 2015 года №30-П, касающееся многих весьма острых, широко дискутируемых не только в научной литературе, но и на общественно-политическом уровне вопросов, не является в этом плане исключением. И это, естественно, не могло не сказаться на выработке Постановления.

Одним из основных является вопрос о реализованном в Постановлении КС РФ дифференцированном подходе к оценке законодательных полномочий субъектов Российской Федерации по вопросам структуры органов муниципальной власти на различных уровнях местного самоуправления — базовом поселенческом, с одной стороны, и верхнем территориальном уровне (муниципальные районы, городские округа) — с другой. Насколько объективными и убедительными являются предложенные критерии такой дифференциации? Носят ли они исчерпывающий характер, или законодатель может (должен?!) их конкретизировать, развивать, дополнять? Если да, то на каком уровне законодательной деятельности это должно получить реализацию — на региональном или на федеральном?

Главный, но не единственный, сформулированный КС РФ критерий — «степень концентрации возложенных на местное самоуправление публичных функций и задач, по своему характеру имеющих государственное значение» (абз. 11 п. 4.2 мотивировоч-

¹ См.: Мнение судьи Бондаря Н. С. к Постановлению КС РФ от 1 декабря 2015 г. №30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. №50. Ст. 7226.

ной части, абз. 2 и 4 п. 1 резолютивной части Постановления). Из тех же положений текста Постановления с определенностью следует, что для целей дифференцированного определения порядка формирования органов местного самоуправления и статуса в структуре органов местного самоуправления главы муниципального образования следует использовать и иные критерии, «отражающие объективные особенности осуществления местного самоуправления».

Вопросы организационного устройства муниципальной власти, имеющие сугубо местный характер применительно к обеспечению эффективного и ответственного решения вопросов местного значения в интересах населения, гарантированию прав и свобод граждан, проживающих на соответствующей территории, приобретают государственное значение с точки зрения реализации посредством местного самоуправления принципов народовластия, относящихся к основам конституционного строя Российской Федерации (абз. 3 п. 2.1 мотивировочной части). Это предполагает, что определение порядка формирования органов местного самоуправления должно осуществляться прежде всего с учетом нужд и потребностей местного сообщества и в то же время учитывать получившие легальное выражение в законе реализуемые посредством местного самоуправления на конкретной территории (уровне) государственные интересы. Поэтому законодательное регулирование, в том числе направленное на изменение порядка формирования органов местного самоуправления, не является тождественным введению ограничений права на осуществление местного самоуправления; оно должно — с учетом сложившихся условий и особенностей осуществления функций публичной власти на соответствующей территории — обеспечивать развитие муниципальной демократии в ее объективных пределах, определяемых как собственно характером, природой муниципальных институтов, действующих в конкретной местности, так и в их взаимосвязи с государственными институтами народовластия, прежде всего регионального уровня. Пределы самостоятельности местно-

го самоуправления, институтов муниципальной демократии могут изменяться по объему и качественному наполнению в зависимости от пространственно-территориальной сферы их реализации и, естественно, с учетом конкретных социально-экономических, политических условий функционирования.

Статья 12 Конституции РФ, как бы признавая «негосударственные» начала местного самоуправления, позволяет выявить специфическую, муниципально-правовую природу соответствующего уровня властеотношений, которые определенной своей стороной (самоуправленческой) вторгаются одновременно и в систему институтов гражданского общества. Но это не может служить основанием для отрицания конституционной ценности осуществления посредством местного самоуправления функций государства на соответствующем территориальном уровне, что, однако, не предполагает лишение местного самоуправления — под предлогом его признания институтом государственности — собственных сущностных характеристик. В этом плане как одна из основ конституционного строя местное самоуправление должно сохранять статусную самостоятельность, с одной стороны, но по своим конституционно-правовым характеристикам его публично-властная природа не может существовать и функционировать изолированно от государственной власти — с другой. На этой конституционной основе становится возможным понимание местного самоуправления как публичной власти особого рода, получающей реализацию на основе сочетания государственных и «негосударственных» (общественных) начал, что вытекает из правовой позиции КС РФ, которая была выражена еще в Определении от 2 ноября 2000 года №236-О.

Отсюда — достаточно широкие возможности государственной власти с учетом конкретного соотношения государственных и муниципальных начал, характеризующих верхний территориальный уровень местного самоуправления, определять порядок формирования органов местного самоуправления и иные элементы, относящиеся к структурной организации муниципальной власти на этом уровне.

Что же касается поселенческого уровня, то конституционно-правовое обоснование недопустимости воспроизведения в законах субъектов Российской Федерации безальтернативной модели формирования органов местного самоуправления на соответствующем уровне может не только содержать аргументацию «от противного» (т. е. отсутствие у них соответствующей концентрации публичных функций и задач, имеющих по своему характеру государственное значение), но в дополнение к этому, вытекающему из указанного Постановления аргументу, быть подкреплено еще одним соображением.

Своего рода конституционной «подсказкой» для такой (дополнительной) аргументации может быть прежде всего норма статьи 131 (часть 1) Конституции РФ. Во-первых, в ней прямо закрепляется в качестве обязательного именно поселенческий уровень местного самоуправления («местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях...»). Что же касается муниципальных районов и городских округов как верхнего территориального уровня местного самоуправления, то они «присутствуют» в соответствующей норме Конституции РФ посредством указания на возможность осуществления местного самоуправления «..и на других территориях». Устройство этих («других») территорий сегодня является одним (муниципальные районы и городские округа), а завтра может стать другим, что может быть реализовано путем внесения изменений в федеральный закон. Более того, этим же путем (внесением изменений в федеральный закон) данный территориальный уровень организации публичной власти может получить различное соотношение муниципальных и государственных начал, вплоть до возможности формирования на этих территориальных уровнях местных органов государственной власти (Постановление КС РФ от 15 января 1998 года №3-П). Поселенческий же уровень, в соответствии с Конституцией РФ и правовыми позициями КС РФ, не может не относиться к муниципальному, самоуправленческому уровню.

Во-вторых, представляется обоснованным исходить из того, что нормативный императив, ориентирующий на недопустимость навязывания поселенческим муниципальным образованиям безальтернативной модели местного самоуправления (в том числе исключая возможность закрепления в уставе такого муниципального образования прямых выборов населением главы муниципального образования), определяется не столько формально-юридическим, сколько социологическим потенциалом статьи 131 (часть 1), в частности, в ее нормативном единстве со статьей 130 (часть 2) Конституции РФ. Речь идет о том, что конституционное положение об осуществлении местного самоуправления «*через выборные и другие органы местного самоуправления*» (выделено мною — Н. Б.) получает дополнительное («нормативно-социологическое») наполнение с учетом последовательной, длящейся реализации конституционной нормы о том, что «*местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях... с учетом исторических и иных местных традиций*» (выделено мною — Н. Б.). «Исторические и иные местные традиции» в части порядка формирования исполнительных органов местного самоуправления муниципальных образований поселений, в особенности сельских, таковы, что безусловным и абсолютным приоритетом здесь традиционно пользуются прямые выборы населением глав администраций этих муниципальных образований. Был выработан, таким образом, в режиме следования местным традициям своего рода социологический императив соответствующих конституционных норм; их дух стал богаче и определеннее с точки зрения степени обязательности прямых выборов применительно к главам администраций муниципальных образований поселений, чем буква соответствующих статей.

К городским поселениям, применительно к которым порядок избрания главы муниципального образования и его место в структуре органов местного самоуправления определяются аналогично городскому округу, относятся те «некоторые городские поселения», которые подпадают одновременно под два условия:

а) приближаются к городским округам «с точки зрения их роли в социально-экономическом развитии субъекта Российской Федерации»; б) их преобразованию в городской округ препятствуют требования Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (часть 7.1 статьи 13), предполагающие учет интересов населения в форме получения согласия как населения городского поселения, так и населения муниципального района, из состава которого должно выделиться соответствующее городское поселение. Соответственно, безальтернативный вариант регулирующего воздействия субъекта Российской Федерации на организацию власти в таком городском поселении является, надо полагать, возможным по общему правилу лишь в случае, если начатая процедура наделения городского поселения статусом городского округа оказалась безрезультатной вследствие отсутствия на то необходимого согласия со стороны населения. Только в таком, ограниченном, истолковании необходимо, как представляется, воспринимать региональному законодателю соответствующее положение Постановления.

Не менее важным является вопрос о дифференциации муниципальных образований для целей: а) закрепления безальтернативной модели организации местного самоуправления для конкретных муниципальных образований; б) использования различных моделей организации местного самоуправления на одном и том же уровне территориальной организации.

В данном случае следует исходить из принципа юридического равенства муниципальных образований (абз. 9 п. 4.2 мотивировочной части Постановления), предполагающего в том числе юридическое равенство между муниципальными образованиями в их взаимоотношениях с органами государственной власти (постановления КС РФ от 11 ноября 2003 года №16-П и от 29 марта 2011 года №2-П). В силу указанного принципа введение законодателем субъекта Российской Федерации для муниципальных образований различий в организации местного самоуправления допустимо, если они объективно оправданны, обоснованы и преследуют

конституционно значимые цели, а используемые правовые средства соразмерны решаемым задачам и достигаемым целям.

Это тоже предполагает серьезные ограничители для регионального законодателя при попытке ввести указанную дифференциацию муниципальных образований для решения вопроса о моделях организации местного самоуправления на соответствующих уровнях. Какими критериями должен при этом руководствоваться законодатель? Они вытекают из текста Постановления.

Применяемые для целей определения порядка формирования органов и структурной организации муниципальной власти критерии дифференциации муниципальных образований должны определяться с учетом предъявляемых к ним позитивных (предоставительно-обязывающих) и негативных (ограничительных) требований. В позитивном плане вводимые критерии должны обеспечивать учет, в частности:

а) влияющих на осуществление местного самоуправления региональных особенностей, связанных с характерными для данного субъекта Российской Федерации географическим положением, численностью и расселением жителей, соотношением городского и сельского населения, исторически сложившейся структурой народного хозяйства и т. д. (абз. 3 п. 3.1 мотивировочной части);

б) роли публично-территориальной единицы в обеспечении комплексного социально-экономического развития субъекта Российской Федерации (абз. 4 п. 4.1 мотивировочной части);

в) пространственно-территориальных характеристик, а также степени концентрации населения и материально-финансовых ресурсов, степени взаимосвязи реализуемых на данной территории (уровне) публичных функций и задач с вопросами, относящимися к ведению субъекта Российской Федерации (абз. 6 п. 4.1 мотивировочной части);

г) характера и объема участия органов местного самоуправления конкретного муниципального образования или вида муниципальных образований в осуществлении функций социального

государства на конкретной территории как посредством реализации отдельных переданных государственных полномочий, так и в иных конституционно допустимых формах подобного участия (абз. 7 п. 4.1 мотивировочной части);

д) наличия на соответствующей территории объектов, имеющих государственное значение (абз. 6 п. 4.2 мотивировочной части);

е) уровня социально-правовой активности и самоорганизации населения, реально складывающейся практики местного самоуправления (абз. 1 п. 2.3 мотивировочной части).

Что же касается негативных (ограничительных) требований, то критерии дифференциации муниципальных образований не могут быть подчинены лишь одной государственной целесообразности (абз. 5 п. 4.2 мотивировочной части Постановления); они не могут использоваться, например, для достижения необоснованных преимуществ политической силы, составляющей правящее большинство, равно как и для создания произвольных преград для общественно-политической деятельности своих оппонентов.

Признание же КС РФ возможности для федерального законодателя отнести к компетенции субъектов Российской Федерации весьма широкие законодательные полномочия в сфере организации местного самоуправления не может рассматриваться как ставящее под сомнение ценность вытекающего из положений статьи 131 (часть 1) Конституции РФ требования безусловного обеспечения участия населения в определении структуры органов местного самоуправления. В связи с этим КС РФ обратил внимание на то, что определение законодателем субъекта Российской Федерации порядка формирования органов местного самоуправления предполагает необходимость поиска согласованных с муниципальными образованиями решений на основе широкого политического диалога и готовности к компромиссам в целях обеспечения наиболее эффективного механизма реализации публичных функций и задач на соответствующей территории в интересах населения (абз. 12 п. 4.2 мотивировочной части).

В частности, из указанной части Постановления вытекают ориентиры, связанные с установлением порядка направления проектов законов субъектов Российской Федерации в представительные органы муниципальных образований, которые затрагивает предполагаемое решение о порядке формирования органов местного самоуправления, для представления ими в законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации в определенный срок отзывов на этот законопроект, а также использованием иных сложившихся в парламентской практике форм взаимодействия.

Принципиально важен в этом плане еще один момент: в сходной ситуации, связанной, в частности, с изменением статуса городского округа в связи с наделением его статусом городского округа с внутригородским делением либо лишением его подобного статуса, влекущим в том числе возможности для соответствующего изменения порядка формирования представительного органа городского округа, федеральный законодатель прямо связывает принятие закона субъекта Российской Федерации с необходимостью учета мнения населения соответствующего городского округа в соответствии с его уставом и законом субъекта Российской Федерации (часть 7.1 статьи 13 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»). Очевидно, что этому подходу на региональном уровне может придаваться универсальное значение (своего рода аналогия закона), если даже федеральный законодатель не внесет такие дополнения в указанный федеральный закон (что было бы весьма целесообразно).

Требует определенных дополнительных пояснений вывод КС РФ о недопустимости вхождения избранных представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, глав муниципальных образований в состав формируемого по системе делегирования представительного органа муниципального района. Такое избрание главой городского, сельского поселения не обусловлено наличием напрямую полученного от населения мандата,

поэтому оно не может считаться адекватным конституционно-правовым способом легитимации для целей вхождения в состав представительного органа муниципального образования более высокого уровня как органа народного представительства (абз. 6–7 п. 4.3 мотивировочной части, абз. 5 п. 1 резолютивной части Постановления).

Кроме того, в тексте Постановления прямо указывается, что избрание главы муниципального образования представительным органом по итогам конкурса дает основания для его причисления — в системе действующего правового регулирования — к выборным должностным лицам местного самоуправления (абз. 6 п. 4.3 мотивировочной части). Легитимирующая правовой статус главы муниципального образования воля представительного органа муниципального образования является, по сути, формализованным выражением воли самого местного сообщества.

Это соотносится с конституционным пониманием местного самоуправления как обеспечивающего решение населением вопросов местного значения непосредственно и через представительство в выборных и других органах местного самоуправления, притом что иные, помимо выборного (представительного), органы местного самоуправления приобретают право на осуществление власти либо путем избрания непосредственно населением, либо путем образования представительным органом муниципального образования (абз. 14 ч. 1 ст. 2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

При этом право регионального законодателя участвовать в решении вопросов организации местного самоуправления на своей территории обоснованно, в особенности, если речь идет о необходимости учета местных (региональных) условий и обеспечении многообразия моделей местного самоуправления. Это, однако, не должно уводить в сторону от понимания того, что Конституцией РФ приоритетная роль отведена федеральному законодателю, который определяет общие принципы организации местного самоуправления, включая конкретную номенклатуру способов фор-

мирования органов и структурных схем организации муниципальной власти на соответствующих уровнях; осуществляет регулирование и защиту права на осуществление местного самоуправления; производит на основе собственного широкого усмотрения распределение и перераспределение регулирующих полномочий в муниципальной сфере между уровнями власти (ст. 71, п. «в»; ст. 72, п. «б», «н» ч. 1; ст. 76 и 131).

Конституция РФ предполагает повышенный уровень защиты прав местного самоуправления от ограничений, которые могут вводиться именно и только федеральным законом, что предопределено не только общей нормой, содержащейся в статье 55 (часть 3), но и специальной нормой статьи 133. Обязанность федеральных органов государственной власти обеспечивать государственные гарантии прав населения на осуществление местного самоуправления, установленная в части 4 статьи 3 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», является нормой прямого действия. Более того, в случае противоречия каких бы то ни было (!) нормативных правовых актов, регулирующих вопросы местного самоуправления, Конституции РФ и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» применяется, наряду с Конституцией РФ, и указанный Федеральный закон (часть 3 статьи 5 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») как акт не только прямого действия, но и повышенной юридической силы в соотношении со всеми другими нормативными правовыми актами по вопросам местного самоуправления.

В условиях новых — характерных для реформы 2014 года — подходов к разграничению полномочий в муниципальной сфере особое значение приобретает гарантирующая роль федерального законодателя по отношению к местному самоуправлению. Это предполагает, в частности, закрепление требований, обеспечивающих определенность в установлении конкретных критериев дифференциации муниципальных образований для це-

лей использования различных способов формирования органов местного самоуправления, а также гарантий обязательного учета мнения муниципального сообщества применительно к принимаемым на уровне субъекта Российской Федерации соответствующим решениям.

Причем соответствующие федеральные гарантии местного самоуправления необходимы не только на поселенческом, но и — в меньшей степени — на верхнем территориальном уровне (муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением). Отдавать на откуп субъектам Российской Федерации обустройство этих важнейших публично-территориальных образований не просто сомнительно, но недопустимо и опасно, в том числе с точки зрения возможности их «отрыва» от федеральной власти и в конечном счете гарантирования единства политико-правового пространства России как федеративного государства. Местное самоуправление — основа не региональной, но всей системы российской государственности.

В этом плане, учитывая сам дух Постановления, в котором большое внимание уделено обоснованию принципиального единства системы публичной власти и необходимости укрепления начал взаимодействия и согласованного функционирования между ее уровнями (прежде всего, абз. 2 п. 2.1, абз. 1 п. 2.3 мотивировочной части), пониманию природы местного самоуправления как «части единого механизма управления делами федеративного государства», «элемента комплексного социально-экономического развития территории субъекта Российской Федерации» (абз. 2–3 п. 2 мотивировочной части), представляется оправданным утверждение, что сам вывод о возможности воспроизведения субъектами Российской Федерации единственно возможного варианта формирования представительных органов муниципальных районов, городских округов с внутригородским делением, порядка избрания и места в структуре органов местного самоуправления глав муниципальных образований — муниципальных районов, городских округов, внутригородских районов (абз. 2 п. 1 резолютивной

части) должен быть истолкован предельно ограничительно. Как прямо указано в тексте Постановления, «федеральный законодатель вправе предусмотреть конкретные основания участия субъектов Российской Федерации в законодательном регулировании порядка формирования органов местного самоуправления», но (!) «обеспечивая при этом необходимые гарантии, исключающие произвольное ограничение самостоятельности населения в осуществлении местного самоуправления» (абз. 2 п. 2.3 мотивировочной части Постановления).

Такое решение субъекта Российской Федерации, во-первых, должно носить исключительный характер, и оно не может быть немотивированным; во-вторых, при воспроизведении единственно возможной модели формирования органов местного самоуправления на верхнем территориальном уровне необходимо исходить из того, что эта мера является оправданной в конкретно-исторических условиях государственного и муниципального развития Российской Федерации и, стало быть, соответствующее решение регионального законодателя в каждом конкретном случае должно рассматриваться как временная, ориентированная на учет сложившихся исторических и иных местных (региональных) условий мера. В мотивировочной части Постановления подобные аргументы применительно к этому конкретному вопросу, к сожалению, не получили своего отражения, хотя в общем виде соответствующий методологический подход использован в Постановлении (например, абз. 4 п. 2.1, абз. 3 п. 2.2, абз. 1 п. 2.3 мотивировочной части), а также получил обоснование в ранее принятых решениях КС РФ (см., например, постановления от 1 февраля 2005 года №1-П и от 21 декабря 2005 года №13-П). Очевидно, что в конечном счете применительно ко всем муниципальным образованиям, независимо от их уровня публично-территориальной организации, более демократичным является порядок решения соответствующих вопросов при наличии альтернативных вариантов, включая прямые выборы населением.

*2. Насколько конституционно обоснована
всеобщая «муниципальная урбанизация» путем упразднения
поселенческого уровня муниципальных образований?¹*

По итогам рассмотрения жалобы гражданки Т. М. Павловой КС РФ пришел к выводу, что указанное в жалобе регулирование порядка преобразования муниципальных образований «не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявительницы в обозначенных в жалобе аспектах» (заключительный абзац п. 2 мотивировочной части Определения), и отказал в принятии жалобы к рассмотрению. «Отказной» характер Определения №2599-О вряд ли, однако, может свидетельствовать об отсутствии проблем, заслуживающих внимания для дальнейшего обсуждения, в частности в свете обжалованных заявительницей норм закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — закон №131-ФЗ). Ведь, как справедливо отмечается в принятом Определении, «наличие установленного законодателем порядка образования, преобразования или упразднения муниципальных образований — существенный элемент их правового статуса и статуса их органов, имеющий также принципиальное значение для реализации конституционного права граждан на осуществление местного самоуправления» (абз. 4 п. 2 мотивировочной части).

Мнение по принятому Определению связано с изложением некоторых соображений, в своей основе направленных не на выражение несогласия, а дополняющих Определение аргументами, которые, хотелось бы надеяться, будут полезны для совершенствования федерального и регионального правового регулирования по

¹ См.: Мнение судьи Бондаря Н. С. к Определению КС РФ от 24 октября 2019 г. №2955-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Павловой Т. М. на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 13 и частью 4 статьи 28, а также частью 3 статьи 43 во взаимосвязи с частями 1, 4 и 5 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // URL: <http://doc.kstf.ru/decision/KSRFDDecision438345.pdf>.

соответствующим вопросам, равно как и для более последовательной ориентации на требования Конституции РФ получившей в последние годы (в свете муниципальной реформы 2014 года) региональной правоприменительной практики по «преобразованию» муниципальных образований, включая перевод поселенческого уровня муниципальных образований (сельских и городских поселений) в городские округа.

Одним из таких субъектов Российской Федерации является Московская область. Все ранее созданные 36 муниципальных районов Московской области, в рамках которых функционировала относительно самостоятельная (в пределах действующего законодательства) *двухуровневая система местного самоуправления*, насчитывавшая на момент начала «муниципальной урбанизации» порядка 370 муниципальных образований (подавляющую часть которых составлял сельский и городской поселенческий уровень), после 2014 года была заменена на *одноуровневую систему городских округов* (всего их теперь 64). С учетом этих территориальных преобразований общее количество представительных органов на муниципальном уровне в Московской области сократилось за данный период более чем в пять раз. Но дело не в статистике, а в проблеме реальной приближенности муниципальной власти к жителям определенных территорий и, как результат, в возможности наиболее полно и адекватно разрешать вопросы местного значения; в наличии реальных нормативно-правовых гарантий конституционного права граждан на осуществление местного самоуправления в условиях очевидной концентрации муниципально-властных полномочий и неизбежного вертикально ориентированного «приближения» к ним региональной государственной власти.

В этом плане рассмотренная в рамках настоящего дела проблема преобразования муниципальных образований имеет, по сути, как формально-юридический, конституционный аспект, который в условиях муниципальной реформы порой, к сожалению, воспринимается как второстепенный, «производный» от административно-управленческих интересов, так и социально-полити-

ческий, хозяйственно-экономический, территориально-поселенческий, отражающий, в частности, целеполагание и результаты (не только сиюминутной выгоды, но и отдаленные последствия) территориальных преобразований в сфере местного самоуправления.

При решении вопроса о том, были ли затронуты обжалуемыми нормами конституционные права заявительницы, в частности ее право на местное самоуправление, необходимо учитывать, с одной стороны, особенности нормативно-правовой природы самого по себе этого права, которое, обеспечивая участие граждан на самостоятельное решение населением вопросов местного значения, характеризуется единством индивидуальных и коллективных начал. В своих решениях КС РФ неоднократно отмечал эту специфику, в том числе в связи с решением вопроса о допустимости конституционных жалоб (см., например, Постановление КС РФ от 2 апреля 2002 года №7-П; определения от 29 сентября 2015 года №2002-О и №2003-О, от 6 октября 2015 года №2004-О и др.). С другой стороны, важно учитывать отмечавшиеся выше особенности двойственного статуса заявительницы как: а) члена местного сообщества, жителя городского поселения Селятино и б) депутата Совета депутатов данного городского поселения (с сентября 2013 года до мая 2017 года, т. е. момента прекращения деятельности представительного органа в связи с вхождением городского поселения в состав нового муниципального образования).

С учетом единства соответствующих индивидуальных и коллективно-представительных начал в статусе заявительницы необходимо учитывать также существо тех ее правомочий как элемента комплексного по своей природе конституционного права на осуществление местного самоуправления, которые, несомненно, были затронуты правовым регулированием оспариваемых норм, касающихся преобразования муниципальных образований. Поэтому при решении вопроса о допустимости жалобы гражданки Т. М. Павловой к рассмотрению на нарушение ее конституционных прав обжалуемыми нормами закона №131-ФЗ следовало учитывать указанные особенности самоуправленческого статуса заявительницы.

Положение части 1 статьи 131 Конституции РФ (о том, что «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях...») устанавливает *поселенческий принцип в качестве обязательного и приоритетного* с точки зрения территориальных основ местного самоуправления. Все другие, кроме поселенческих, виды муниципальных образований (включая городские округа) относятся к возможному осуществлению местного самоуправления «на других территориях». В этой связи возникает вопрос, насколько соответствует Конституции РФ тот смысл, который придается в правоприменительной практике, включая практику судов общей юрисдикции, положению части 3 статьи 13 закона №131-ФЗ как позволяющему перейти от приоритетного с точки зрения требований Конституции РФ поселенческого принципа организации местного самоуправления к территориальному, в частности на основе преобразования муниципальных районов в городские округа и включения в состав последних городских, сельских поселений, которые обладали статусом поселенческих муниципальных образований.

Элементы неопределенности обжалуемой нормы (часть 3 статьи 13 Закона №131-ФЗ) также проявляются в части закрепления безальтернативного варианта получения согласия населения поселений в форме исключительно решения представительного органа каждого из объединяемых поселений, что усиливается при систематическом толковании данной нормы в соотношении с другими положениями указанного Закона, предусматривающими, например, возможность изменения границ муниципального образования исключительно с согласия населения данных поселений, выраженного путем голосования (часть 2 статьи 12), хотя само по себе изменение границ муниципального образования не приводит к прекращению их деятельности и к указанным выше иным конституционно значимым для осуществления местного самоуправления последствиям. В этой связи, очевидно, что, чем большее влияние на права и интересы местного сообщества оказывают преобразования, чем в большей степени они затрагивают статусные (кон-

ституирующие) характеристики местного самоуправления, тем большая степень вовлеченности граждан в решение этих вопросов должна гарантироваться. Такой подход является основой для обеспечения баланса частных и публичных интересов (включая муниципальные, государственно-региональные, федеральные) при проведении подобных преобразований. Нельзя при этом не учитывать и тот факт, что ранее действовавшее регулирование (часть 3 статьи 13 Закона №131-ФЗ) предусматривало, что объединение двух и более поселений, не влекущее изменения границ иных муниципальных образований, осуществляется с согласия населения каждого из поселений, выраженного путем голосования (переход на опосредованное одобрение со стороны населения был установлен Федеральным законом от 27 декабря 2009 года №365-ФЗ).

В рамках нормирования процедуры участия местного сообщества в решении вопросов о существенных изменениях основ местного самоуправления федеральный законодатель должен руководствоваться в первую очередь теми последствиями (правовыми, социально-экономическими и иными), которые такие изменения влекут. Из этого исходил и КС РФ, отмечая, что федеральный законодатель вправе установить дифференцированный порядок учета мнения населения в отношении объективно различных по своей социально-правовой природе и последствиям изменений границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление. При этом, однако, он не может действовать произвольно и связан необходимостью обеспечения выявления достоверного мнения населения по соответствующим вопросам и доведения его до сведения органа публичной власти, уполномоченного принимать решение.

Решения, принимаемые в рамках преобразования муниципальных образований, носят, по своей сути, конституирующий характер для всей системы местного самоуправления соответствующих муниципальных образований. Это порождает неопределенность в вопросе о том, почему, например, при внесении изменений (дополнений) в устав муниципального образования

требуется принятие соответствующего решения квалифицированным большинством депутатов представительного органа муниципального образования (часть 5 статьи 44 Закона №131-ФЗ), а решение о преобразовании муниципальных образований, влекущее в том числе и прекращение действия Устава соответствующего муниципального образования, принимается простым большинством представительного органа? Такая практика вызывает сомнения в том числе и в аспекте ее соответствия требованиям справедливости и равенства, когда внесение изменений и дополнений в Устав связано с усложненной процедурой голосования, а процедура, приводящая к прекращению действия Устава, требует простого большинства голосов.

Таким образом, влияние решений, принимаемых в случае объединения муниципальных образований на статусные характеристики муниципального образования достаточно очевидно. Это, вероятно, вполне могло бы предопределять необходимость распространения на порядок принятия таких решений более сложной процедуры, тем более в отсутствие непосредственных форм участия населения в решении этих вопросов.

Из возможности и необходимости дифференцированного подхода к определению порядка учета мнения местного сообщества логично следует и вывод о допустимости закрепления за регионами регулятивных полномочий в этой части. Еще более обоснованной такая возможность представляется в контексте протекающего в настоящее время перераспределения компетенций в пользу регионального правотворчества в сфере организации местного самоуправления как одной из тенденций современного этапа муниципальной реформы. При этом региональное правотворчество во всяком случае должно всегда оставаться в конституционно заданных рамках, получивших свое отражение в федеральном законодательстве. В контексте рассматриваемой проблемы это тем более важно, учитывая тот факт, что правоприменительная практика идет во многом вопреки (или даже порой явно не соответствует) существующим нормам Закона №131-ФЗ. Проявляется это, в част-

ности, в том, что субъекты Российской Федерации осуществляют территориальные изменения путем объединения всех поселений, входящих в муниципальный район, в одно городское поселение с последующим присвоением ему статуса городского округа — при том, что такое преобразование муниципального района в городской округ положениями федерального законодательства не предусмотрено. Это неизбежно порождает определенные сомнения в вопросе о том, не вышли ли регионы за пределы тех возможностей, которые им предоставляет федеральный законодатель.

Помимо обозначенных выше проблем, хотелось бы обратить внимание на итоговый вывод КС РФ о том, что «из права на участие в референдуме и права на участие в управлении делами государства и местного самоуправления, как они установлены статьями 32 и 130 (часть 2) Конституции РФ, не следует, что данные права могут быть реализованы без учета проведенного Конституцией РФ (статья 11, часть 3; статьи 12, 71, 72, 73, 76, 130 и 132) разграничения компетенции между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и местным самоуправлением, осуществленного с учетом приведенных в настоящем Определении правовых позиций КС РФ» (абз. 15 п. 2 мотивировочной части). Хочется надеяться, что данное положение не будет истолковано таким образом, что из статей 32 и 130 (часть 2) Конституции РФ вытекает конституционное право на «участие в управлении делами местного самоуправления». Такое толкование соответствующих конституционных норм противоречило бы в том числе ранее сформулированным правовым позициям Суда о конституционном праве граждан Российской Федерации: на местное самоуправление (Постановление от 18 мая 2011 года №9-П; определения от 22 октября 1999 года №174-О, от 29 сентября 2015 года №2003-О, от 6 октября 2015 года №2004-О) или — что фактически то же самое — о праве на осуществление местного самоуправления (постановления от 2 апреля 2002 года №7-П, от 26 апреля 2016 года №13-П, от 18 июля 2018 года №33-П и др.), праве на самостоятельное решение вопросов местного значе-

ния (определения от 3 апреля 2007 года №171-О-П, от 15 июля 2010 года №931-О-О). Но все это ни в коей мере не право на «участие» в управлении делами местного самоуправления.

Кроме того, уместно напомнить, что КС РФ последовательно в своих решениях исходит из недопустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях одной лишь рациональной организации деятельности органов публичной власти (постановления от 20 декабря 1995 года №17-П, от 26 декабря 2005 года №14-П, от 7 июня 2012 года №14-П, от 13 мая 2014 года №14-П и др.).

Разграничение же предметов ведения и полномочий по обеспечению (защите) прав и свобод человека и гражданина между уровнями публичной власти является, как известно, проблемным вопросом (достаточно в этой связи соотнести нормативное содержание пункта «в» статьи 71 с пунктом «б» части 1 статьи 72 Конституции РФ), и он нуждается, по крайней мере, в специальном истолковании применительно к рассматриваемой сфере осуществления местного самоуправления. Тем более разграничение компетенции между органами государственной власти и местным самоуправлением не может рассматриваться в качестве конституционно значимого фактора возможного ограничения прав местного самоуправления.

3. Без учета мнения населения невозможно местное самоуправление¹

Конституционная по своей природе проблема необходимости учета мнения населения муниципального образования могла быть рассмотрена и разрешена по существу с учетом системных взаимосвязей оспариваемых нормативных положений с нормами Кон-

¹ См.: Мнение судьи Бондаря Н. С. к Определению КС РФ от 17 июля 2006 г. №137-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности положений законов Кабардино-Балкарской Республики «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» в связи с жалобами ряда граждан» // ВКС РФ. 2006. №5.

ституции Кабардино-Балкарской Республики, Федерального закона о местном самоуправлении, а также путем толкования части 1 статьи 131 Конституции РФ в приложении к предмету обращения и установления адекватного действующему конституционно-правовому регулированию соотношения между понятиями «упразднение муниципальных образований», «преобразование муниципальных образований», «изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление».

Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций (статья 131, часть 1, Конституции РФ). Следовательно, именно эти территории выступают пространственной сферой реализации права на осуществление местного самоуправления и одновременно — пространственным пределом осуществления муниципальной власти, имея в виду, что признание, гарантирование и осуществление местного самоуправления должно быть обеспечено на всей территории Российской Федерации. Именно поэтому Конституция РФ, допуская изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, в частности в связи с реализацией Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации находящихся в их совместном ведении полномочий по установлению общих принципов организации местного самоуправления, включая установление общих принципов его территориальной организации, в качестве необходимого условия такого изменения требует учет мнения населения соответствующих территорий (статья 131, часть 2, Конституции РФ).

Конституционное предписание об учете мнения населения при изменении границ территорий, на которых осуществляется местное самоуправление, являясь важнейшей гарантией права граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения, выступает универсальным требованием, непосредственно связывающим свободу усмотрения федерального законодателя и законодателей субъектов Российской Федерации при принятии ими нормативных решений, касающихся любого изменения тер-

риториальной организации местного самоуправления, связанного с сужением либо расширением пространственной сферы реализации права на осуществление местного самоуправления. При этом во всяком случае любое изменение территориальных основ местного самоуправления не может приводить к отказу от него (Постановление КС РФ от 30 ноября 2000 г. №15-П). В этом смысле названная конституционная гарантия является выражением нормативного содержания коллективного права на осуществление местного самоуправления, проявляя себя в качестве его неотъемлемого правомочия.

Конституционное требование учета мнения населения при изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, означает, что, принимая решения, связанные с изменением пространственной сферы реализации права на осуществление местного самоуправления, органы государственной власти обязаны обеспечить населению соответствующих муниципальных образований, как территориальным объединениям граждан, коллективно реализующим на основании Конституции РФ право на осуществление местного самоуправления, возможность непосредственно или через органы местного самоуправления сформулировать свою позицию в отношении предполагаемого территориального изменения, условий реализации своего права на осуществление местного самоуправления.

Само по себе отсутствие в переходных положениях специального указания на необходимость учета мнения населения муниципального образования, находящегося в пределах городской черты, при решении вопроса о его упразднении не означает установление федеральным законодателем особого порядка решения вопроса об изменении территориальной организации местного самоуправления в части наделения городских населенных пунктов, в границах которых располагаются муниципальные образования, статусом городского округа, исключаящего при этом учет мнения населения соответствующих муниципальных образований.

В отсутствие какого-либо специального нормативного регулирования, а также исходя из презумпции конституционности действий федерального законодателя, положения абзаца 5 части 3 статьи 84 Федерального закона о местном самоуправлении в части, касающейся решения вопроса об упразднении находящихся в пределах городской черты муниципальных образований, как непосредственно затрагивающего пространственные пределы реализации права на осуществление местного самоуправления, не могут рассматриваться как не предполагающие учет мнения населения.

4. Может ли муниципальный депутат совмещать свой статус с адвокатской деятельностью?¹

По итогам рассмотрения дела КС РФ пришел к выводу, что «законодатель не предусматривает каких-либо правовых последствий замещения муниципальной должности адвокатом для его адвокатского статуса в случае, если он избран депутатом представительного органа муниципального образования и осуществляет свои полномочия на непостоянной основе»; и «это должно расцениваться не как пробел», а «как квалифицированное умолчание», свидетельствующее о том, что на осуществление полномочий депутата представительного органа местного самоуправления на непостоянной основе оспариваемое законоположение не распространяется и, соответственно, не предполагает запрета адвокату совмещать в этом случае адвокатскую деятельность с осуществлением им полномочий муниципального депутата на непостоянной основе (п. 4 мотивировочной части Постановления).

Вместе с тем представляется вполне обоснованной необходимость совершенствования действующего правового регулирования, в том числе с учетом выказанных в данном Постановлении

¹ См.: Мнение судьи Бондаря Н.С к Постановлению КС Суда РФ от 18 июля 2019 г. №29-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова» // СЗ РФ. 2019. №30. Ст. 4411.

подходов КС РФ. Об этом свидетельствует, как это вытекает из представленных в КС РФ материалов дела, в том числе отсутствие единообразной практики применения оспариваемой нормы, на что справедливо обращается внимание и в Постановлении (абз. 5–7 п. 3 мотивировочной части).

Отмечая необходимость совершенствования соответствующего правового регулирования, нельзя не обратить внимание на сформулированную в Постановлении от 18 июля 2019 года позицию, в соответствии с которой из Конституции РФ не вытекает прямой запрет федеральному законодателю исключить возможность совмещения адвокатской деятельности с осуществлением полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе (абз. 4 п. 3.1 мотивировочной части) и, следовательно, решение вопроса о возможности, условиях и последствиях такого совмещения Конституция РФ относит к дискреции федерального законодателя (абз. 6 п. 3.1 мотивировочной части).

Данный подход позволяет сделать вывод о допустимости введения полного запрета совмещения статуса адвоката с осуществлением полномочий депутата представительного органа местного самоуправления не только на постоянной, но и на непостоянной основе. С этим вряд ли можно согласиться, если исходить из самой природы конституционно-правового регулирования соответствующей сферы отношений, учитывать конституционно-аксиологические характеристики конкурирующих, как это имело место в настоящем деле, институтов адвокатуры, квалифицированной юридической помощи, с одной стороны, и местного самоуправления, участия граждан в управлении делами общества и государства в процессе реализации, в частности, пассивного избирательного права при избрании адвоката депутатом представительного органа местного самоуправления, с другой стороны.

Положение пункта 1 статьи 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» говорит не об индивидуальном вхождении (не вхождении) адвоката в состав муници-

пального органа, а о том, что адвокатура как профессиональное сообщество и как институт гражданского общества не входит в систему органов местного самоуправления. Между тем данный аспект — квалификация адвокатуры и местного самоуправления как институтов гражданского общества, характер их взаимоотношений — не получил в Постановлении №29-П должной оценки, хотя он имеет важное конституционное значение.

В положениях пункта 2 мотивировочной части Постановления подход к раскрытию конституционно-правовых основ законодательного регулирования соответствующих отношений представлен достаточно ограниченно, в частности лишь сквозь призму части 1 (пункт «л») статьи 72 Конституции РФ, имея в виду регулирование кадров судебных и правоохранительных органов, адвокатуры. Думается, рассматриваемая проблема, в том числе в аспекте ее конституционного регулирования, носит более широкий, комплексный характер.

Вполне обоснованным мог бы стать, в частности, учет конституционных основ регулирования местного самоуправления как института гражданского общества (статья 12, пункт «н» части 1 статьи 72) в его коллизионном соотношении с другим институтом гражданского общества — в данном случае в виде адвокатуры. Важен, кроме того, своего рода конституционно-правовой переход от публично-правовых институтов гражданского общества к затрагиваемым данным регулированием правам и свободам человека и гражданина, их защите, обеспечению законности и правопорядка (пункт «б» части 1 статьи 72). Субъективно-личностный уровень конституционно-правовых основ регулирования соответствующей сферы отношений представлен в этом плане положениями статей 32 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 45 (часть 1), 48 (часть 1) Конституции РФ.

Такое понимание конституционно-правовых основ законодательного регулирования исследуемых отношений важно учитывать в том числе в связи с поиском баланса конституционных ценностей в режиме взаимодействия институтов адвокатуры и

местного самоуправления и в контексте совмещения статуса адвоката с полномочиями депутата представительного органа местного самоуправления, реализуемыми на непостоянной основе.

Пределы возможных ограничений взаимодействия адвокатуры и местного самоуправления — как и сама допустимость, конституционная обоснованность их установления — не могут оцениваться без учета конституционного наполнения каждого из институтов, вовлеченных в этот процесс. При этом Конституция РФ дает вполне определенные ориентиры законодателю в плане как последующей конкретизации правового регулирования соответствующих отношений, так и их гармонизации, достижения конституционно обоснованного баланса несовпадающих интересов и ценностей.

Из нормативной логики статьи 48 Конституции РФ следует и тот факт, что право на получение квалифицированной юридической помощи не связано, с одной стороны, исключительно и только с правом воспользоваться помощью адвоката, а, с другой стороны, адвокатская деятельность как организационно-правовая форма оказания юридической помощи не сводится к процессуально-правовым началам участия адвоката в гарантировании права на судебную защиту. Квалифицированная юридическая помощь, включая адвокатскую деятельность, выступает в конечном счете обеспечительно-правовым инструментом формирования гармоничных отношений между личностью и властью, равно как и функционирования самой власти в соответствии с требованиями верховенства права. В этом же ключе данное право должно пониматься и при рассмотрении вопросов, связанных с взаимодействием адвокатуры со всеми уровнями и институтами публичной власти.

С учетом этих конституционно-правовых начал, касающихся в том числе права на оказание квалифицированной юридической помощи, следует подходить и к анализу конкретных вопросов взаимоотношений демократических институтов муниципальной власти с адвокатурой как институтом гражданского общества. Усиление взаимодействия этих институтов могло бы способствовать решению весьма острой по состоянию на сегодняшний день

проблемы повышения юридической квалификации лиц, занимающих муниципальные должности, что, в свою очередь, способствовало бы повышению авторитета представительных органов местного самоуправления, расширению их возможностей — как наиболее приближенных к населению органов — более эффективно решать вопросы местного значения, не ставя при этом под сомнение, что адвокатура как профессиональное сообщество и институт гражданского общества ни в коей мере не вторгается в сферу муниципально-властной деятельности, не входит в систему органов местного самоуправления.

Что же касается статуса каждого конкретного адвоката, осуществляющего полномочия муниципального депутата на непостоянной основе, то здесь надо учитывать несколько моментов. Во-первых, в принципиальном, конституционно-правовом плане исполнение адвокатом депутатских полномочий на непостоянной (непрофессиональной) основе не может рассматриваться как нарушение его профессиональной независимости: депутатские полномочия он осуществляет исключительно на общественных началах и, таким образом, здесь полностью отсутствуют пересекающиеся «профессионально-должностные» линии.

Во-вторых, такое совмещение статусов не нарушает принцип равноправия адвокатов, имея в виду сам характер депутатских полномочий на муниципальном уровне; в их числе нет таких, которыми муниципальный депутат мог бы «прирастить» свой адвокатский статус, воспользоваться ими в своей профессионально-адвокатской деятельности. Все депутатские полномочия адвокат осуществляет как полномочный представитель населения и член представительного органа местного самоуправления. Причем на муниципальном уровне депутатский мандат имеет в своей основе императивный характер, он ориентирует депутата прежде всего на исполнение обязанностей во взаимоотношениях с избирателями. Статус же адвоката и возможности его реализации в принципиальном плане равны возможностям всех других членов адвокатского профессионального сообщества.

Наконец, третий аспект рассматриваемой проблемы, который имеет принципиальное значение, в том числе с точки зрения последовательной реализации требований оспариваемого Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в соответствии с выработанной в Постановлении №29-П правовой позицией КС РФ, связан с установлением в законодательстве эффективных механизмов преодоления возможных конфликтов интересов, которые не исключены при совмещении статуса адвоката с осуществлением депутатских полномочий на непостоянной основе.

Особо следует подчеркнуть, что сами по себе потенциальные возможности конфликтов интересов не могут (и не должны) выступать основанием для введения абсолютного запрета совмещения соответствующих статусов. В противном случае в основу такого регулирования была бы положена некая презумпция противоправности, недобросовестности соответствующего лица — как адвоката и (или) как депутата, представителя населения муниципального образования.

В связи с совершенствованием национального правового регулирования важно учитывать, что и законодательство об адвокатуре, кадрах судебных органов, и законодательство об организации местного самоуправления, равно как и о защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечении законности и правопорядка относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пункты «б», «л», «н» части 1 статьи 72 Конституции РФ). Поэтому возможно, в частности гарантийно-обеспечительное, законодательное регулирование соответствующих вопросов не только на федеральном, но и на региональном уровнях. Более того, такого рода нормирование не исключается в определенной мере и на уровне муниципальных правовых актов, когда конкретное муниципальное образование (с учетом собственных нужд и интересов) может установить некоторые правила, относящиеся к дополнительному гарантированию, процедуре по предупреждению, разрешению на местном уровне возможных конфликтов интересов в связи с осуществлением адвокатом пол-

номочий муниципального депутата на непостоянной основе, не прибегая при этом к помощи государственных юрисдикционных органов. При этом, однако, следует неукоснительно исходить из положения части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, закрепляющего возможность ограничения конституционных прав и свобод исключительно на основе федерального закона; имеется в виду как установление возможных ограничений прав в отношении лиц, совмещающих статус адвоката с исполнением обязанностей муниципального депутата на непостоянной основе, так и недопустимость ограничения прав иных лиц; как тех, кто выступает, например, доверителями адвоката, так и населения муниципального образования, интересы которого представляет избранное от них в качестве депутата лицо, обладающее статусом адвоката, т. е. прав, гарантированных статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 32 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 45 (часть 1), 48 (часть 1) Конституции РФ.

Требованиями Конституции РФ напрямую предопределяется обязанность законодателя создать на основе принципов равенства, справедливости и соразмерности надлежащий механизм разрешения возможных конфликтов интересов при занятии адвокатом должности депутата представительного органа местного самоуправления на непостоянной основе, обеспечивая при этом баланс конституционных ценностей, связанных с гарантированием независимости и особой публично-правовой функции адвокатуры, самостоятельности и конституционной важности осуществляемой адвокатом юридической помощи и одновременно — защиты представляемых избранным муниципальным депутатом лицом, обладающим статусом адвоката, прав местного самоуправления, включая права населения муниципального образования. В этом плане главная задача законодателя, вытекающая из Конституции РФ, — не устанавливать запреты, ограничения, а вырабатывать эффективные механизмы взаимодействия адвокатуры и местного самоуправления, преодолевать возможные конфликты интересов при совмещении статуса адвоката с исполнением полномочий муниципального депутата на неосвобожденной основе.

*Post
Scriptum
2020*

◆◆◆

При том, что в течение всего периода работы в качестве судьи КС РФ автору пришлось написать, как ранее уже отмечалось, немало мнений (особых мнений), представляется, что именно предложенные четыре сюжета концентрированно отражают проблематику муниципального конституционализма. Именно этими несколькими, весьма специфичными процессуально-доктринальными документами (в их сокращенном изложении) я посчитал целесообразным ограничиться в рамках соответствующего параграфа.

5.6. РОСТОВСКАЯ ШКОЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА И ЕЕ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА¹

*Ante
Factum
2020*

Вряд ли у кого-то возникнет сомнение в том, что сформированная на юридическом факультете РГУ (ЮФУ) Ростовская школа муниципального права (а в более широком смысле — конституционного и муниципального права) имела (и имеет)

¹ Материал подготовлен на основе публикаций: Бондарь Н. С., Джагарян Н. В., Георгиева Т. П. От Донского местного самоуправления — к Ростовской школе муниципального права: вчера, сегодня, завтра // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2017. Т. 4. №1. С. 6–15; Бондарь Н. С., Джагарян Н. В. Ростовская школа муниципального права // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2016. №4. С. 38–43; Бондарь Н. С. Мы преданы «команде молодости нашей»: к 30-летию кафедры муниципального права и природоохранного законодательства // Близкое-далекое: кафедре муниципального права и природоохранного законодательства РГУ (ЮФУ) — 30 лет / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Профпресс, 2018. С. 10–46; Бондарь Н. С. «Команда молодости нашей». Кафедре муниципального права и управления — 20 лет (воспоминания и размышления) // От советского строительства — к муниципальному праву: история и современность (кафедре муниципального права и управления ЮФУ (РГУ) — 20 лет): сб. материалов, посвященных юбилею кафедры муниципального права и управления ЮФУ / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2008. С. 6–35.

прямое отношение к решению проблем регионального и муниципального конституционализма на Дону. Поэтому представляется важным посвятить соответствующим вопросам хотя бы небольшое, достаточно скромное внимание в рамках настоящей главы.

При этом отдаю себе отчет в том, что вопросы организации кафедры, особенности научно-педагогической и других направлений ее деятельности затрагивались и в других разделах данного издания. Поэтому единственный способ избежать повторов — дать концентрированный и лаконичный анализ этой весьма важной стороны педагогической и научной биографии автора, оставившей глубокий след и в его профессиональной деятельности, и в его судьбе. Соответственно, в рамках данного повествования упомяну лишь о самом важном применительно к истории и, хотя бы отчасти, современному состоянию Ростовской школы конституционализма, включая, естественно, и школу муниципального права.

◆◆◆

А. Исторические предпосылки и научно-теоретические истоки Ростовской школы муниципального права

Край Тихого Дона, Ростов-на-Дону... Даже сами по себе эти географические названия естественным образом ассоциируются с богатой историей и глубокими традициями казачьей вольницы, местного самоуправления жителей этого удивительного региона, который всегда, во все времена и исторические эпохи играл (и играет!) особую роль в развитии российской государственности.

Уместно вспомнить, например, что одно из первых упоминаний в исторических документах войскового круга как института самоуправления относится к далекому 1554 году, что подтверждает глубокую, неразрывную связь в российской среде идеей самоуправления и державности¹. Приходится только сожалеть, что современная правовая наука оказалась во многом в долгу перед реальной практикой в плане исследований столь уникальных яв-

¹ Савельев Е. П. Войсковой круг как народоправие на Дону. Новочеркасск, 1913. С. 2.

лений и условий социальной жизни нашего края, оказывающих существенное влияние на все стороны бытия его населения: не только на реализацию, но и на объем, содержание (!) прав и свобод граждан и в конечном счете на развитие основополагающих государственных институтов правовой демократии на Дону. В особой степени это проявляется в нынешних условиях, когда наша область как территориальное образование обрела (наряду со всеми другими областями, краями) статус субъекта Российской Федерации как государственно-политическое образование со своей (областной) системой законодательства, региональной избирательной системой, системой органов государственной и муниципальной власти. Уникальное значение в ряду соответствующих региональных государственно-правовых проблем, несомненно, принадлежит вопросам местного самоуправления: ведь именно местное самоуправление, являясь важным элементом единой системы российской государственности (ч. 2 ст. 3, 12 Конституции РФ), может успешно развиваться только и исключительно на основе последовательного учета исторических и иных местных традиций (ч. 1 ст. 131 Конституции РФ). Отсюда — особое значение научных исследований соответствующих проблем, равно как и подготовки специалистов (в том числе юристов) для данных органов публичной власти, составляющих фундамент государственности.

В этом плане представляется небезынтересным экскурс в историю становления и развития получившей широкое признание в России Ростовской школы муниципального права¹. Она имеет глубокие исторические корни, связанные как с многовековыми самобытными традициями местного (казачьего) самоуправления на Дону, так и с вкладом представителей донской науки в становление и развитие отечественной доктрины местного самоуправления.

¹ Одним из объективных подтверждений такого признания является, например, тот факт, что по результатам общероссийского экспертного опроса, как это указано в журнале «Муниципальное имущество: экономика, право, управление» (2016, №4), в «Топ-10 ученых России в области муниципального права» входит, в частности, основатель Ростовской школы муниципального права.

Особое место в этом ряду принадлежит *Льву Александровичу Велихову*. Все мы знаем его как выдающегося ученого, стоявшего у истоков муниципальной теории в России; но, как это нередко бывает, за скобками остаются страницы личной биографии ученого, фамилия которого становится именем нарицательным в науке. Между тем основные достижения, вклад Л. А. Велихова в становление и развитие отечественной муниципальной теории приходится именно на тот период, когда он был профессором Ростовского государственного университета (1923–1929 гг.). Еще одна выдающаяся личность, символизирующая связь времен и эпох в теории и практике муниципального строительства в России, — это выпускник Ростовского государственного университета *Александр Исаевич Солженицын*; его идеи о земском (местном) самоуправлении, изложенные, в частности, в известном и, как представляется, одном из лучших (не политизированном в отличие от других его работ) произведении «Как нам обустроить Россию» 1991 года, имеют непреходящее и, к сожалению, не до конца осмысленное нами значение. Уже эти, далеко не полные странички предьстории муниципально-правовой школы на Дону — подтверждение того, что ничего случайного в жизни не бывает.

Истоки формирования современной Ростовской школы конституционализма (включая зарождавшееся в тот период муниципальное право) находились в общем русле развития государствоведческой специализации и развития конституционно-правовой науки в Ростовском государственном университете под руководством ранее уже неоднократно упоминавшегося в данном повествовании моего научного руководителя, видного советского и российского конституционалиста — доктора юридических наук, профессора В. А. Ржевского. Его учениками были многие из нас, представителей теперь уже старшего поколения ростовских конституционалистов, о чем ранее мне уже приходилось писать¹.

¹ См.: Бондарь Н. С. Слово о профессоре Ржевском В. А., его вкладе в теорию и практику отечественного конституционализма // Конституция, судебная власть и права человека в РФ. Мат-лы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Ржевского / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2006. С. 8–16.

Не будет преувеличением сказать, что в историческом плане становление школы муниципального права, как и новой кафедры соответствующего профиля, проходило в бурном потоке социально-политических событий конца XX — начала XXI века вместе с реформированием системы организации власти, с обновлением общества и государства. Процессы российских реформ привели к существенному изменению картины социально-экономической, политической жизни и правовой системы России. Причем речь шла не только об обновлении действовавшего законодательства и основанной на нем правовой системы, но и о формировании принципиально новых правовых институтов и отраслей права, призванных юридически отразить новые явления нашей действительности. В их ряду заметное место принадлежит *муниципальному праву как относительно самостоятельной новой отрасли российского права.*

При всей сложности, противоречивости процессов формирования муниципального права и его обособления в самостоятельную отрасль права очевидным остается тот факт, что в основе этих изменений лежали объективные условия и предпосылки. К последним относятся, прежде всего, социально-политические и экономические факторы, предопределившие в рамках процессов деэлитизации и перехода к плюралистической демократии выбор новой системы организации власти на местах, перераспределение как политической, так и экономической власти «сверху вниз». Организационным выражением этих процессов явилось формирование и развитие системы местного самоуправления.

Возрождение местного самоуправления на качественно новой основе явилось своего рода материальной основой формирования муниципального права России. С развитием местного самоуправления появляется широкая, многообразная сфера общественных отношений — как публичного, властно-политического характера, так и экономических отношений, характеризующих хозяйственную жизнь населения, его предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в городских и сель-

ских поселениях. Природа соответствующих отношений такова, что они в силу специфики материального содержания объективно предполагают необходимость специальных норм и институтов для обеспечения их правового регулирования. На этой основе происходит своего рода «отпочкование» соответствующей сферы самоуправленческих общественных отношений в самостоятельный предмет правового регулирования с использованием специфических методов нормативно-правового воздействия. Предмет и метод муниципально-правового регулирования имеют, таким образом, объективные предпосылки, связанные с процессами становления и развития местного самоуправления в России и, соответственно, формирования муниципального права как отрасли.

Все эти новые государственно-правовые явления требовали их научно-теоретического осмысления и адекватного отражения в учебном процессе путем внесения серьезных изменений не только в содержание традиционных учебных курсов, но и в сам учебный план, с включением в него в том числе новых учебных дисциплин, одной из которых стало муниципальное право.

Это предопределило необходимость внесения существенных корректив и в идеологию юридического образования, равно как и оказало влияние на формирование новых направлений развития юридической науки. В этом плане неслучайной является одна из важных особенностей кафедральной научной Школы — тесное, органическое переплетение лежащих в ее основе концептуальных, методологических, дисциплинарных подходов, свойственных собственно муниципальному праву, с общими проблемами современного конституционализма, имея в виду осмысление идейно-философских, социокультурных, нравственно-этических, политико-правовых начал организации публичной, в том числе муниципальной, власти в единой системе российской конституционной государственности. Это проявилось и в тематике, направлениях исследовательской деятельности представителей Школы; они, как правило, не узкие муниципалы, а разработчики и носители фундаментальных, междисциплинарных по своему характеру

конституционно-правовых подходов, касающихся власти — свободы — собственности, личности — коллектива — государства в правовом пространстве российской государственности. Подтверждением этого является и тот факт, что более 60% диссертаций, подготовленных и защищенных представителями Школы (под научным руководством проф. Н. С. Бондаря), посвящены проблемам современного российского конституционализма. Поэтому, как представляется, есть все основания именовать зародившуюся на кафедре научную школу *Школой муниципального конституционализма*. В этом названии проявляется не просто специфика научной школы, но само понятие муниципального конституционализма вполне может претендовать на новое научное направление междисциплинарного характера (наряду с получившими обоснование в работах автора этих строк понятиями судебного и экономического конституционализма).

Многообразие тематики диссертационных и иных работ всегда было характерно для питомцев научной Школы. При этом гордостью Школы являются не только преподаватели кафедры, сотрудники ЮФУ и других вузов, но и соискатели, которые работали над диссертациями, так сказать, «без отрыва от производства», совмещая научно-исследовательскую деятельность с работой в государственных и муниципальных органах власти, в других сферах профессиональной деятельности. Так, Ю. И. Колесов в период, когда возглавлял Управление юстиции Ростовской области, защитил диссертацию по проблемам, напрямую связанным с его профессиональными на тот период интересами *регионального и муниципального правотворчества* (2001 г.). Весьма удачным было сочетание теории и практики у одного из ярких выпускников кафедры муниципального права РГУ С. В. Юсова, который, будучи председателем избирательной комиссии Ростовской области, подготовил диссертацию (работу над которой начинал под руководством профессора В. А. Ржевского) и успешно защитил как соискатель кафедры муниципального права и управления по избирательной проблематике (1999 г.). Выпускник юридического

факультета РГУ Е. Ф. Беркович, работавший в органах прокуратуры, защитил диссертацию, посвященную *прокурорскому надзору за органами местного самоуправления* (2004 г.). То же самое можно сказать еще об одном соискателе кафедры — выпускнике юридического факультета РГУ Н. В. Хачатурове, который, имея опыт депутатской деятельности на протяжении двух десятков лет, защитил диссертацию по проблемам *предвыборной агитации* (2004 г.). Среди практических работников — соискателей кафедры — представитель судебной власти И. И. Урвачева (ныне — Фефелова), работающая в настоящее время судьей Северо-Кавказского окружного арбитражного суда (2000 г.). О. А. Фризен также подготовила в свое время диссертацию по проблематике кафедры муниципального права и управления и успешно защитила ее (2006 г.). Представителем Ростовской школы муниципального права по праву можно считать А. А. Джагаряна, на протяжении полутора десятка лет работавшего советником судьи КС РФ, подготовившего под научным руководством проф. Н. С. Бондаря кандидатскую диссертацию в качестве аспиранта Института государства и права РАН (2006 г.), а затем защитившего докторскую диссертацию о развитии местного самоуправления в системе социальной государственности РФ в Диссертационном совете ЮФУ (2012 г.). Этот список может продолжить другой соискатель кафедры как сотрудник КС РФ — главный консультант аппарата судьи КС РФ Е. А. Соболева, защитившая в ЮФУ диссертацию по проблемам конституционного нормоконтроля за актами субъектов Российской Федерации (2019 г.). Немало тех питомцев Ростовской школы муниципального права, которые трудятся в других вузах страны, как-то: д.ю.н., проф. Т. Н. Матюшева, кандидаты юридических наук Д. А. Алимов, Ю. В. Капанова, А. П. Жуков, безвременно ушедшая из жизни Т. В. Мокина.

При этом, говоря о становлении научной школы, нельзя не сказать об очевидной тесной связи, интеграции науки и юридического образования. Особая роль в обеспечении такой связи принадлежит кафедре как своего рода организационно-правовой

основе научной школы. Поэтому представляется оправданным сказать о ней, ее вчерашнем и сегодняшнем дне, сквозь призму становления и развития указанного выше научного направления несколько подробнее. Это тем более важно, имея в виду, что для голословных «хулителей» нашего советского прошлого, возможно, покажется странным тот факт, что чрезвычайно важным энергетическим, идейно-правовым толчком для возникновения новой кафедры, становления и развития Ростовской школы муниципального права (не только в ее научно-интеллектуальном, но и в учебно-образовательном, практико-прикладном, организационно-правовом планах) стали принятые уже на закате советской эпохи два документа о подготовке юридических кадров для органов власти — постановления Правительства СССР (от 28.08.1986 г.) и Правительства РСФСР (от 25.02.1987 г.). В соответствии с ними юридический факультет РГУ оказался в числе ведущих юридических вузов страны (восьми вузов в СССР и трех — в РСФСР), которым была поручена организация этой работы в Северо-Кавказском регионе.

После острых дискуссий, в крайне сложных (не только финансово-экономических) условиях того периода удалось убедить, что успешное выполнение соответствующих задач объективно требует создания принципиально новой, специализированной кафедры муниципально-правового профиля.

Б. Кафедра — организационно-правовая основа школы муниципального права: история и современность

К кафедральной теме я обращаюсь в данном повествовании не в первый раз. И это не случайно. Надеюсь, этот факт не будет восприниматься читателем лишь как досадная назойливость. Просто о НЕЙ, о МОЕЙ кафедре можно говорить и писать в самых различных аспектах и применительно к разным периодам моей жизни. Тем более, она имеет прямое отношение к научной школе муниципального права (равно как и к практике донского муници-

пального конституционализма, чего я касался ранее). Тем более дороги воспоминания, связанные с истоками кафедры, периодом ее становления. Ведь это была наша научно-педагогическая молодость — один из лучших периодов жизни, «золотой век» мой и моих коллег — соратников, «соучредителей» вновь создававшейся кафедры.

Известно, что человеку характерно идеализировать прошлое. «Тогда» все было по-другому: даже «трава была зеленее и деревья выше», не говоря уже о том, что мы были значительно моложе и... амбициознее, полны жизненных планов и романтических представлений о будущем. Вероятно, во многом этот же психологический эффект связан и с воспоминаниями о создании кафедры, об этом удивительном времени для всех тех, кто находился у ее истоков, делал с ней первые шаги в научно-образовательной университетской жизни и в последующем, спустя двадцать лет, получил высокое звание членов «команды молодости нашей»¹.

Одновременно это те, кто, работая на кафедре в разные годы, в том числе и в те времена, когда преподавательская деятельность во многом потеряла престиж, особенно в глазах выраставшей как на дрожжах, далекой от науки и образования, «новорусской элиты», способствовал не только сохранению, но и развитию живого кафедрального научно-образовательного организма, оставался верен идеалам и мечтам «молодости нашей» на изломе эпох, в самые трудные времена выживания системы образования. Но какими бы сложными ни были годы становления кафедры и ее научно-образовательного коллектива, нельзя не отметить, что для участников тех событий это были яркие, значимые не толь-

¹ См. об этом: Бондарь Н. С. «Команда молодости нашей». Кафедре муниципального права и управления — 20 лет (воспоминания и размышления) // От советского строительства — к муниципальному праву: история и современность (Кафедре муниципального права и управления ЮФУ (РГУ) — 20 лет): сб. материалов, посвященных юбилею кафедры муниципального права и управления ЮФУ / Ятв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2008. С. 6–35.

ко в чисто профессиональном, но и в личном плане, по-своему счастливые времена.

Как это не грустно осознавать, но кафедра как творческий коллектив, подобно любому живому организму, имеет свой возраст и проходит в своем развитии вполне определенные этапы, включающие «почти интимные» даты рождения, взросления, зрелости и, увы, увядания — не столько физического, сколько эмоционально-энергетического, а, возможно, и интеллектуального... При этом нельзя не учитывать весьма существенные особенности такого научно-педагогического формата — относительно небольшой состав команды, особые критерии и порядок формирования коллектива, когда во главу угла ставится, как правило, не только исключительно профессиональные качества, но и не в последнюю очередь личностные характеристики, мировоззренческие установки и даже элементарная способность нового приверженца кафедры работать сообща с коллегами. Но при этом, я убежден, — главный залог жизнеспособности и эффективности кафедрального коллектива — подбор его состава не по признаку личной преданности (небезызвестный закон государственной кадровой политики), а на основе «единства в многообразии», когда каждый сотрудник кафедры — личность: то ли уже сформировавшаяся на основе своего богатого жизненного опыта, то ли молодая и энергичная, с оригинальными, порой неожиданными подходами и оценками. При таком сочетании коллектив наверняка «не скиснет».

Сегодня можно с уверенностью сказать, что и те, кто представлял собой исходный состав «команды молодости нашей», и влившиеся в коллектив позже, но уже успевшие заявить о себе «честолюбивые дублиеры», представляют собой как раз то самое «единство в многообразии», для которого сама кафедра во многом стала общей Судьбой. В этом плане о сегодняшней кафедре нельзя писать, не коснувшись самих истоков ее создания, основных этапов развития, а, стало быть, не обратившись к тем публикациям, которые касаются истории юридического факультета

РГУ (ЮФУ) и кафедры муниципального права¹, формирования на ее основе муниципально-правовой школы.

Известно, что любая новая кафедра создается чаще всего как организационная форма для реализации новых задач в учебно-образовательной сфере, с одной стороны, и как институциональная основа развития нового научно-прикладного направления исследований, с другой. Не является исключением в этом плане и кафедра муниципального права и природоохранного законодательства или, как она называлась на начальном этапе своего существования, — кафедра советского строительства и управления.

При всех изменениях в названии кафедры (о чем подробнее будет сказано ниже) изначально и на протяжении всего периода ее существования в основе научно-образовательной идеологии кафедры лежали идеи, связанные с исследованием особенностей осуществления власти на низовом уровне, имея в виду, что всегда, независимо от политических условий, исторических этапов развития общества и государства, на местном уровне система организации и функционирования публичной власти всегда отличалась от государственной системы, тяготела к началам самоорганизации населения по месту жительства, к формированию местного самоуправления.

История кафедры своими корнями уходит в так называемый перестроечный период советской эпохи, когда еще не было муниципального права как отрасли законодательства и отрасли права. В качестве же учебной дисциплины преподавался в это время курс «советского строительства», предназначенный для изучения основных принципов, форм и методов деятельности системы

¹ Кроме указанных выше источников, посвященных кафедре муниципального права и управления ЮФУ, это прежде всего весьма ценные публикации питомца РГУ, глубокого знатока истории alma mater д.ю.н. К. П. Краковского (См: Краковский К. П. Нить времени (История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). В 2 т. Ростов н/Д.: Юг, 2005; он же. Нить времени (История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского-Южного федерального университета. 1915–2015). Издание 2-е. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015.

представительных органов власти в лице Советов народных депутатов и их исполнительных органов. Это нашло свое отражение в первоначальном названии новой кафедры — *кафедра советского строительства и управления*.

Однако сама идеология создания кафедры изначально уже опережала время: она была связана с необходимостью обеспечения организационно-правовых, учебно-методических, научных, практико-прикладных условий подготовки на качественно новой основе юристов высшей квалификации — специалистов в области публичной власти и зарождающейся рыночной экономики.

Решение этих задач по-прежнему — как и тогда — остается одним из важнейших направлений реформирования всей системы юридического образования. При этом, не касаясь сложных политических событий того периода и, тем более, не ставя цель дать им политико-правовые, конституционные оценки (история уже дала оценку и, хочется надеяться, еще вынесет свой приговор разрушителям страны), следует отметить, что само создание кафедры советского строительства и управления РГУ изначально органично вписывалось в общегосударственные процессы совершенствования — как тогда это оценивалось — советского строительства, повышения роли органов представительной демократии.

Что же касается хронологии, временных рамок становления и развития кафедры, то этот период совпал с бурной, чрезвычайно противоречивой историей становления новой российской государственности, восстановления и развития местного самоуправления на рубеже 1980–1990-х гг.

Начало юридическому оформлению статуса кафедры положил *приказ ректора РГУ №340 от 23.06.1987 г. «Об организации в РГУ кафедры советского строительства и управления»*. Формально, вероятно, оправданно было бы считать эту дату днем рождения новой кафедры. Но это был конец учебного года и не предполагалось, что кафедра немедленно начнет функционировать. Уже с началом нового учебного года, *30 октября 1987 года, Ученым советом РГУ был избран заведующий кафедрой советского строи-*

тельства и управления (33 года назад это доверие было оказано мне). *А первое заседание кафедры состоялось 16 января 1988 года*. На этом заседании (с участием декана юридического факультета А. А. Пушкаренко) был рассмотрен, как свидетельствуют в том числе архивные материалы, единственный вопрос — «Об открытии кафедры советского строительства и ее основных задачах» (докладчик — зав. кафедрой Н. С. Бондарь). Эту дату представляется наиболее корректным считать днем учреждения кафедры. Более того, и участники того первого (учредительного!) заседания помнят, что оно сопровождалось полушутливыми репликами по поводу «исторической» роли отцов-учредителей кафедры. Участниками этого исторического, «учредительного» заседания были: перешедший с кафедры теории и истории государства и права *к.ю.н., доцент Федор Карпович Голомидов*, который оставил у всех, кто его знал, самую добрую память о себе как душевном человеке, незаменимом специалисте в области советского строительства; яркая личность, молодой *ассистент Михаил Васильевич Емельянов*, закончивший к тому времени аспирантуру и избравший после нескольких лет работы на кафедре иной жизненный путь — политического деятеля. Уже как старший преподаватель кафедры, кандидат юридических наук в далеком 1996 году он был избран первоначально депутатом Законодательного Собрания Ростовской области, а затем, начиная с 1997 года, бессменно, т. е. на протяжении шести (!) созывов является депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ, первым заместителем руководителя фракции партии «Справедливая Россия», первым заместителем председателя комитета ГД РФ по государственному строительству и законодательству. Кроме того, к работе на кафедре был привлечен в качестве совместителя заведующий лабораторией по совершенствованию методов деятельности Советов Министров автономных республик, исполкомов местных Советов ЦЭНИИ при Госплане РСФСР *ст. научный сотрудник, кандидат экономических наук Вячеслав Сергеевич Вильямский*, который в дальнейшем стал первым на кафедре доктором наук, профессором кафедры. Именно этим

сотрудникам было суждено составить кадровую основу вновь созданного учебно-педагогического подразделения, стать ее своего рода соучредителями.

При определении кадрового состава кафедры изначально учитывалось, что кафедра должна быть — как специализированная, выпускающая кафедра по подготовке юридических кадров для государственных органов — в определенной степени межотраслевой, включать в себя наряду с юристами-государствоведами, по возможности, экономистов, психологов, социологов и т. п. В последующем так оно и получилось.

Говоря же об истоках Ростовской школы муниципального права, приятно вспомнить, что именно кафедрой муниципального права и управления РГУ была предложена первая развернутая рабочая программа по муниципальному праву с делением курса на общую и особенную части, концептуальным обоснованием предмета новой отрасли права комплексного характера, системы его основных институтов и т. д.¹ В дальнейшем наиболее полно, системно кафедральные подходы к учебному курсу муниципального права были представлены в учебнике, вышедшем несколькими изданиями и рекомендованном Минвузом России к преподаванию в высших юридических учебных заведениях страны². Данный учебник получил широкое признание, как среди отечественных, так и зарубежных

¹ См.: Бондарь Н. С. Теоретические основы муниципального права. Часть I. Методические указания. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1992.

² См.: Бондарь Н. С. и др. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под ред. проф. Н. С. Бондаря. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002; Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под ред. Н. С. Бондаря. 3-е изд., перераб. и доп. Серия: Бакалавр. Углубленный курс. М.: Юрайт, 2013; Муниципальное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата/под ред. Н. С. Бондаря. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. Серия: Бакалавр. Академический курс. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Н. С. Бондаря. 5 изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. В 2 т.; Местное самоуправление: учебник для академического бакалавриата/под ред. Н. С. Бондаря. Академический курс. М.: Юрайт, 2017.

специалистов муниципального права, что лишний раз подчеркивает отсутствие, по крайней мере, «академических границ» в современных реалиях теоретической и практической юриспруденции¹. В одной из рецензий, подготовленной, в частности, известным специалистом в этой области профессором Е. С. Шутриной, дается подробный анализ учебника в контексте сочетания в нем теоретических и практических аспектов; содержательной составляющей в условиях обеспечения образовательной потребности бакалавриата и магистратуры; учета требований современности и приверженности историческим началам национальной системы местного самоуправления; поиска баланса между профессиональными компетенциями членов авторского коллектива². Вероятно, данный учебник (под редакцией проф. Н. С. Бондаря, с участием его учеников — А. А. Джагаряна, Н. В. Джагарян, Т. П. Георгиевой) по праву можно считать своего рода визитной карточкой сложившейся на кафедре школы муниципального права.

В целом же, рассуждая о становлении и развитии кафедры как организационно-правовой основы научной Школы муниципального права, в концептуально-обобщенном плане можно отметить, по крайней мере, тот факт, что изначально, с первых дней существования кафедры, важным источником прироста ее научного (а не только учебного) потенциала явились такие факторы, как: *во-первых*, тесное единство теории и практики, учебного процес-

¹ См.: Батанов А. В. Современный взгляд на предмет муниципального права. Рецензия на учебник: Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под ред. Н. С. Бондаря. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 721 с. Серия: Бакалавр. Углубленный курс // Конституционное и муниципальное право. 2014. №9. С. 78–80.

² См.: Шутрина Е. С. Учебник по муниципальному праву как поиск баланса (размышления об учебнике, подготовленном представителями Ростовской школы муниципального права) // Близкое–далекое: кафедре муниципального права и природоохранного законодательства РГУ (ЮФУ) — 30 лет: сб. материалов, посвященных 30-летию кафедры муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Профпресс, 2018. С. 156–164.

са и научных исследований в области права с практикой муниципального строительства (что в какой-то мере уже затрагивалось выше); *во-вторых*, ориентация и в учебном процессе, и в научно-исследовательской деятельности на междисциплинарные, межатраслевые подходы (это в полной мере проявилось и в кадровой политике, подходах к формированию кафедрального коллектива на различных этапах его развития); *в-третьих*, с учетом особенностей самой природы муниципально-правового регулирования, — последовательный учет в кафедральной научно-образовательной деятельности единства публичных и частных начал, что в особой степени повлияло на выработку подходов, связанных с исследованием правовых, формально-юридических и экономических начал в муниципально-правовых институтах, механизмов их взаимодействия с институтами частного (гражданского, предпринимательского) права, с одной стороны, и межотраслевыми институтами публичного (административного, земельного, экологического) права, с другой.

Заслуживают в связи с этим особого упоминания страницы кафедральной биографии, связанные с творческим сотрудничеством с безвременно ушедшими из жизни такими яркими учеными-цивилистами, как профессора С. А. Зинченко и В. А. Лапач. В частности, важным этапом в утверждении кафедры в качестве центра подготовки юридических кадров для органов государственной власти стала разработка в далекие 90-е годы прошлого века совместно с кафедрой хозяйственного права (зав. кафедрой на тот период — проф. С. А. Зинченко) для спецнабора индивидуального учебного плана по весьма оригинальной специализации — *«Правовая экономика и управление»*, имея в виду ориентацию на подготовку юристов как для государственного и муниципального аппарата, так и для хозяйствующих субъектов развивающихся рыночных отношений. В 1995 году был осуществлен соответствующий набор на первый курс. В отличие от заочных форм специальной подготовки юридических кадров данное направление кафедральной работы в дальнейшем, к сожалению, не получило развития,

хотя и был накоплен опыт пятилетнего обучения соответствующей группы кафедрального набора. На дальнейшую судьбу данной специализации, к сожалению, повлияли определенные субъективные обстоятельства.

В продолжение гражданско-правовой, рыночно-экономической линии в деятельности молодой кафедры можно отметить и такое направление, как подготовка в соавторстве с профессорами С. А. Зинченко и В. А. Лапач первого в России муниципально-правового нормативного акта о порядке управления объектами муниципальной собственности¹. В научном же плане в соавторстве с профессором С. А. Зинченко были написаны работы на стыке конституционной, гражданско-правовой и муниципальной проблематики². В дальнейшем эти подходы, которые можно обозначить как «конституционная цивилистика», получили развитие в работах, посвященных различным аспектам конституционного правосудия, а своего рода итоговим исследованием соответствующих проблем, стала работа по экономическому конституционализму³. С этими подходами связано концептуальное понимание природы как конституционно-правового, так и муниципально-правового регулирования в их сложном соотношении в рамках конституционно значимой на всех уровнях правового регулирования триады «свобода — власть — собственность».

¹ См.: Бондарь Н. С., Зинченко С. А., Лапач В. А. Временное положение о порядке распоряжения и управления объектами муниципальной собственности г. Ростова-на-Дону. Ростов н/Д.: Администрация города, 1995. 80 с.

² См.: Зинченко С. А., Бондарь Н. С. Собственность — свобода — право. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1995; Бондарь Н. С., Зинченко С. А. Собственность, свобода и права человека (политико-правовой аспект). Ростов н/Д.: Логос, 1995; Бондарь Н. С., Зинченко С. А. Городской Совет и администрация: проблемы разграничения полномочий в сфере муниципальной собственности // Государство и право. 1993. №3. С. 86–96.

³ См.: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России (очерки теории и практики). Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 7. М.: Норма, 2017.

При том, что необходимость обеспечения единства фундаментальной юридической подготовки с прикладными знаниями, равно как и междисциплинарные подходы всегда рассматривались кафедрой в качестве одного из важнейших принципов не только конкретных форм научно-образовательной работы, но и кадровой политики¹, ядро кафедры всегда составляли, естественно, юристы, которые по кафедральной традиции активно занимались и практикой деятельности государственных и муниципальных органов. Здесь можно назвать прежде всего *к.ю.н., доцента Т. П. Георгиеву*. На кафедре проходило ее профессиональное становление, начиная с написания ею и защиты диссертации «Управление муниципальной собственностью в Российской Федерации (межотраслевой анализ организационно-правовых аспектов)» (2000 г.), продолжая научно-педагогическим взрослением всегда молодой Татьяны Петровны как ведущего доцента кафедры, бессменного и незаменимого на протяжении многолетней «командировки» заведующего кафедрой в КС РФ его заместителя. А параллельно — депутата Ростовской-на-Дону городской Думы на протяжении пяти (!) последних созывов, работа в Думе в течение последних двух созывов в качестве заместителя председателя городской Думы; она же — эксперт Совета по местному самоуправлению при Президенте РФ. Во многом благодаря Т. П. Георгиевой связи кафедры с муниципальными и государственными органами власти и сегодня сохраняются на хорошем уровне, хотя, конечно, есть большой потенциал и для их углубления.

Важно, что уже на протяжении достаточно продолжительного периода времени кафедра имеет возможность развиваться, укрепляться в кадровом плане, опираясь на собственные ресурсы. Это тем более важно отметить, имея в виду, что своего рода продолжением научного потенциала кафедры на протяжении многих

¹ В связи с этим достаточно отметить, что в числе членов кафедры (на различных этапах ее развития) только специалистов из области экономики было внушительное число. Среди них: д. э.н., проф. В. С. Вильямский, кандидаты экономических наук — Н. А. Калашникова, В. Л. Миникаева, С. Н. Рындин.

лет рассматривался *Диссертационный совет РГУ (ЮФУ) по специальности 12.00.02 (конституционное и муниципальное право)*, который в течение двух десятилетий (вплоть до прекращения его полномочий в 2019 году в связи с переходом к новой — внутривузовской — а не ВАКовской, системе функционирования) возглавлялся автором этих строк. С 2008 г. Совет проводил защиты также по специальности 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. За период существования диссертационного совета было успешно защищено 69 кандидатских и 3 докторские диссертации по специальности 12.00.02, а также 27 кандидатских диссертаций по специальности 12.00.03.

Сегодня три четверти состава кафедры — питомцы «своей» научной школы муниципального и конституционного права. Кроме Т. П. Георгиевой, это также — если иметь в виду хронологическую очередность защит диссертаций в «своем» диссертационном совете — *А. Е. Гавришев* («Муниципальное правотворчество в Российской Федерации», 2004 г.), а также *Н. В. Шевченко (Джагарян)*, которая в развитие находящейся в русле кафедрального научного направления темы кандидатской диссертации («Муниципальные институты представительной демократии в Российской Федерации», 2006 г.), проявив незаурядную целеустремленность и настойчивость, успешно защитила также докторскую диссертацию, в которой были продолжены исследования проблем муниципальной представительной демократии («Муниципальное представительство в системе российской государственности: правовое регулирование и реализация», 2015 г.). В числе сотрудников кафедры соответствующего периода была *к.ю.н. доцент С. М. Лях*, которая одновременно избиралась — не в последнюю очередь с учетом рекомендации кафедры — деканом юридического факультета. Нельзя не вспомнить полезную деятельность в этот период *к. э. н. С. В. Рындина*, безвременно ушедшего из жизни *к. соц. н. С. В. Стародубцева*.

Это лишь самые общие, в своей основе портретные характеристики «команды молодости нашей» в лице кафедры на новом,

условно говоря, втором этапе ее развития, когда состоялся ее переход от «советского строительства» к кафедре муниципального права и управления. Очевидно, однако, что погружение в историю не должно выглядеть как хронологическое описание. В данном случае важны прежде всего те аспекты кафедрального развития, которые связаны с формированием и результатами функционирования нашей, кафедральной научной школы муниципального конституционализма.

Ирония кафедральной судьбы на новом, современном этапе ее развития заключалась в том, что в рамках оптимизации кафедрального структурирования юридического факультета возникла идея включения в образовательную (а, стало быть, и в научную) кафедральную орбиту новых учебных дисциплин, которые как раз и характеризовались ярко выраженным сочетанием публичных и частных начал. Это — экологическое, земельное право, а также находящиеся в русле этих отраслевых дисциплин спецкурсы и факультативные курсы на неюридических факультетах, для которых соответствующие проблемы представляют профессиональный интерес (биолого-почвенный, географический и некоторые другие факультеты и подразделения университета). Поэтому вполне логично, что после этого, в 2010 году кафедра получила новое наименование — *кафедра муниципального права и природоохранного законодательства*.

Это, по существу, третий, современный этап деятельности кафедры, которому соответствует новое (третье) ее название. Весьма широкая палитра межотраслевых, публично-правовых и частных интересов нашла свое отражение в научной и образовательной деятельности кафедры. На кафедре реализуется новый, не вписывающийся в традиционное понимание специализации, комплексный подход к юридическому образованию (хотя, попутно будет отмечено, ему отнюдь не всегда способствует так называемая новая система двухуровневого образования). Кафедральные подходы предполагают максимальное использование возможностей и преимуществ междисциплинарных связей; интеграцию в научном и образовательном процессе публично-правовых и част-

ноправовых начал; тесную связь, интеграцию науки, образования и практики. В рамках неизбежного, предписанного действующим законодательством перехода к многоуровневой системе образования кафедрой была разработана *магистерская программа «Муниципальное право и управление (юрист в органах власти)»*. Ее реализацию обеспечивают известные ученые, а также высококвалифицированные практики, широко известные как в регионе, так и в стране в целом. Программа носит междисциплинарный, многоотраслевой характер, что предопределяется потребностями подготовки юристов для органов муниципальной и государственной власти на основе сочетания фундаментальной подготовки с потребностями отраслевой специализации.

С новым этапом развития кафедры неизбежными стали новые кадровые вопросы, потребность в специалистах по новым направлениям кафедральной работы. По разным причинам пришлось ориентироваться на внутренние кадровые резервы, имея в виду, в частности, молодых выпускников РГУ (ЮФУ), питомцев кафедральной конституционной и муниципально-правовой научной школы.

Весьма своевременно «подоспели» в этот период со своими диссертациями молодые кафедральные аспиранты-соискательницы — *Е. В. Микулина (Гурнак)* и *Е. А. Филимонова (Дмитриева)*: первая успешно защитила к этому времени диссертацию по проблемам муниципального градостроительства (2013 г.), а вторая — муниципальных публичных услуг (2013 г.). В этот же период, в связи с появлением новых кафедральных учебных дисциплин, состав кафедры пополнила *к.ю.н. С. В. Гадирова* (с 2012 г.), и преподаватель *С. В. Батурич*.

Заметное влияние на кадровый потенциал кафедры оказала демографическая компонента — активное и едва ли не синхронно-перманентное участие ряда членов кафедры (*Н. В. Джагарян, Е. В. Минулина, Е. А. Филимонова*) в решении этой чрезвычайно важной в социальном плане государственной задачи. Это потребовало принятия дополнительных, экстренных мер кадрового характера. И здесь на помощь пришли тоже питомцы нашей кафедральной научной школы, которые, окончив Ростовский юридический ин-

ститут МВД РФ, стали в свое время моими адъюнктами, успешно защитили диссертации. Это — *к.ю.н., доцент Э. Э. Баринов* (диссертация по проблемам конституционного правосознания, 2001 г.) и *к.ю.н. Д. А. Алимов* (диссертация посвящена конституционному обеспечению прав объединения, 2001 г.). Их профессионализм, умноженный на ответственное отношение к делу, оказался весьма кстати для кафедры в сложившейся ситуации. Несколько позже, но весьма эффективно и полезно для кафедры как в учебном, так и научном плане включилась в кафедральную работу *к.ю.н. М. А. Абрамова*, имевшая значительный опыт практической, в том числе муниципально-управленческой (равно как и научно-педагогической) деятельности. В этот же период плодотворным стало сотрудничество (по совместительству) с выпускницей кафедры — *к. филос. н. И. К. Липчанской*. Тем более важное значение имела достаточно продолжительная работа на новом этапе развития кафедры *д.ю.н., профессора Ю. А. Колесникова*, который представлял *финансово-правовое научное направление*. Успешная реализация этого научно-образовательного направления позволила создать новую самостоятельную кафедру — кафедру финансового права (во главе с проф. Ю. А. Колесниковым).

Невозможно (да и есть ли такая необходимость?) дать исчерпывающую картину научной, педагогической деятельности кафедры на том или ином этапе ее развития. Тем более, что, по крайней мере, некоторые из этих направлений имеют более солидную историю, чем сама кафедра. К тому же профильное (муниципально-правовое) название кафедры изначально не исключало того обстоятельства, что важной составляющей ее научной и педагогической работы всегда был конституционно-правовой компонент, в том числе чтение конституционно-правовых спецкурсов. В этом плане особо хотелось бы отметить *спецкурс «Права человека в РФ»*. Он читался автором этих воспоминаний с 1982 года (!) на юридическом факультете РГУ — вначале по кафедре государственного и международного права (на которой я работал в тот период), а затем — по вновь созданной кафедре. Первоначально, в 1980-е годы,

этот спецкурс назывался «Конституционный статус личности в СССР», но фактически это был один из первых спецкурсов в стране по правам человека (примерно в то же время на юридическом факультете МГУ начал читать родственный спецкурс видный ученый — профессор Л. Д. Воеводин, о котором у меня сохранились самые теплые воспоминания как о прекрасном, удивительно душевном человеке). С этим спецкурсом была связана также важная многолетняя традиция — заканчивать чтение спецкурса *кафедральной студенческой научной конференцией*. Первая такая кафедральная конференция была проведена в 1995–1996 учебном году. С тех пор она проходит практически ежегодно на протяжении более чем двух десятилетий. Интересно, что некоторые из этих конференций организовывались на широкой основе межвузовского представительства с участием профессорско-преподавательского состава, практических работников государственных и муниципальных органов, суда, прокуратуры, с последующей публикацией материалов докладов и сообщений¹. Нужно признать, что конфе-

¹ См.: Права человека в России: время надежд и разочарований. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека. 10 декабря 1998 г. / Отв. ред. и автор введения — Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, РГУ, 1998; Местное самоуправление на рубеже веков: история и современность. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции, посвященной 250-летию г. Ростова-на-Дону. 17 декабря 1999 г. / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2000; Права человека и конституционная безопасность. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции/отв. ред. Бондарь Н. С. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002; Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Ржевского / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2006; Современный российский конституционализм: доктрина и практика. Материалы межвузовской научно-практической конференции (ЮФУ, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский госуниверситет, 5 марта 2011) / Отв. ред. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д. — СПб.: Профпресс, 2011.

ренции эти стали не просто традиционными — они превратились в своеобразную летопись научно-исследовательской деятельности кафедры и обучающихся по кафедральным спецкурсам студентов, равно как и летописью юридического факультета РГУ (ЮФУ) в целом. Немало бывших участников таких конференций — нынешние кандидаты юридических наук, питомцы муниципально-правовой ростовской школы.

При всей подвижности, естественных изменениях в кадровом составе кафедры (общеизвестна истина, что «жизнь не стоит на месте») считаю возможным заключить, что на кафедре в ее сегодняшних портретных характеристиках сохранился «свой» неповторимый нравственно-этический климат, в основе которого — взаимопомощь и взаимоуважение, доверие друг к другу, безусловное признание приоритета интересов студентов в их взаимоотношениях с кафедрой и преподавателями. Поэтому по-прежнему, как и в старые добрые времена, заседания кафедры, как правило, заканчиваются чаепитием и продолжением обсуждения вопросов кафедральной повестки дня в формате «Разное». Кафедральным старожилам это, безусловно, придает молодости, а молодым сотрудникам, надеюсь, добавляет мудрости...

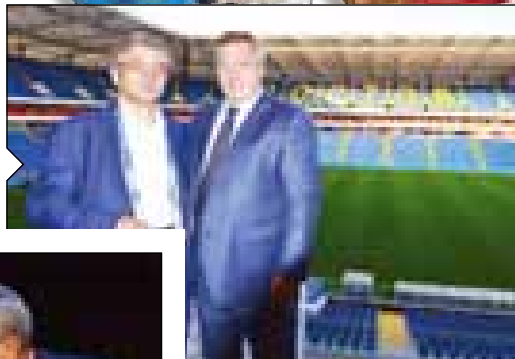
В этом — тоже проявление поиска баланса между публичным и личным. Но обозначенными сферами этот поиск не ограничивается. Подтверждением этого будет следующая, надеюсь, заключительная глава настоящего повествования...



С губернатором Ростовской области В. Ю. Голубевым. Встречи желанны и в Ростове, и в Москве, и в Питере...

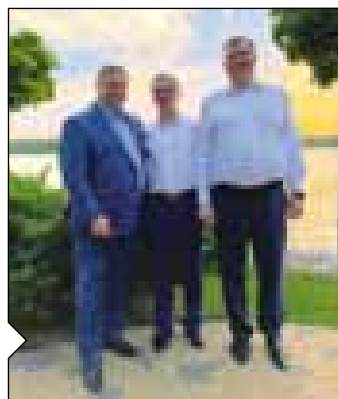


Стадион Ростов-Арена — гордость губернатора и всех жителей Дона, 2018 г.



С прокурором Ростовской области Ю. А. Барановым

Законодательная (А. В. Ищенко) и исполнительная (В. Ю. Голубев) власть в Ростовской области — в тесном взаимодействии



История парламентаризма на Дону — из прошлого в современность, 2019 г.



Современные тенденции развития действующего законодательства и приоритеты правоприменительной практики

Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в контексте современных правотворчества и правоприменения

Выступление на Донском юридическом форуме



В кулуарах Донского юридического форума





Вместе с руководством города — после принятия Устава города Ростова-на-Дону, 1996 г.



Заседание кафедры в далеком 2006 году.



Кафедра — организационно-правовая основа школы муниципального конституционализма, ЮФУ, 2016 г.



20-летний юбилей кафедры



Начало работы диссертационного совета: в тесном тандеме с научным руководителем В. А. Ржевским, 1997 г.

Идет защита...
(май, 2019 г.)

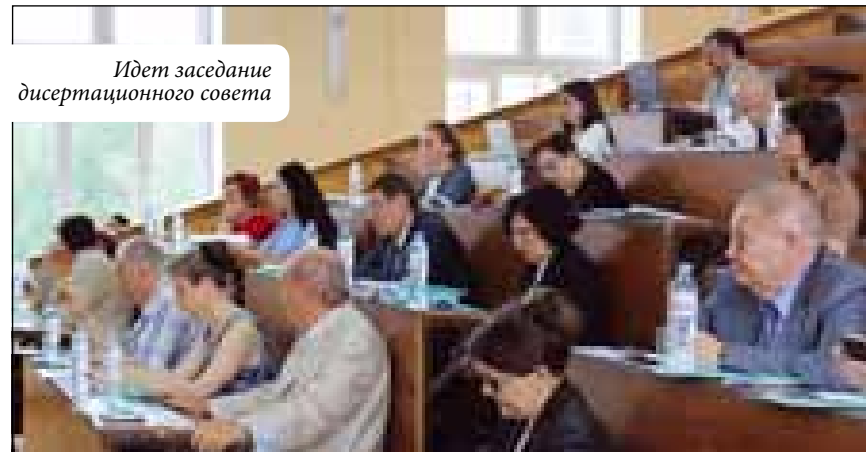


Вместе с ученым секретарем Совета И. А. Иванниковым, 2017 г.

Трудно понять реакцию уважаемых профессоров на ответы диссертанта
(май, 2019 г.)



Знаменитый летописец юридического факультета, ЮФУ, многолетний ученый секретарь диссовета К. П. Краковский



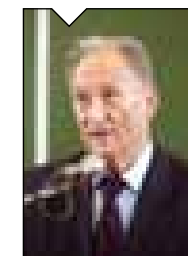
Идет заседание диссертационного совета



Профессора А. А. Лукьянцев, Ю. А. Ляхов и В. А. Любашинц всегда были заметны на заседаниях диссертационного совета



Официальные оппоненты (слева направо: В. И. Крусс, В. А. Лебедев, профессор Л. И. Волова) сосредоточены на процессе защиты диссертации (май, 2019 г.)





ГЛАВА VI

Возвращаясь к личному, глубоко сокровенному. И не только...

*Ante
Factum
2020*

Само название настоящей главы свидетельствует о том, что в ней — возвращение не просто к «личному» в соотношении с «публичным», но, пожалуй, к наиболее чувствительным страницам биографии, имеющим особое значение в личных воспоминаниях.

Но хотелось бы сразу предупредить читателя: эта глава, как и предыдущие, состоит в своей основе из материалов, написанных ранее. И в этом мое спасение; сегодня по разным причинам, наверняка, было бы не только сложнее, но, скорее всего, и невозможно написать, как мне кажется, столь искренне и откровенно о своих родителях, «про малу Батьківщину», находящуюся в такой далекой теперь, но по-прежнему очень близкой моему сердцу Украине; об удивительных, по-настоящему преданных друзьях, старших товарищах, с которыми тоже связаны воспоминания об Украине...

В этом плане достаточно очевидной является связь этой — заключительной — главы данного издания с первой, что обусловлено в том числе и некоторым пересечением их содержательных линий. Обращаю на это внимание читателя сознательно, чтобы не

показалось, что на завершающем этапе автор повторяет еще раз то, о чем писал в начале. Речь идет о другом: замысел изначально состоял в том, чтобы в первой главе представить своего рода лично-биографичный авторский портрет, дающий в общих чертах ответ на вопрос о том, who is who — кто таков тот человек, который «замахнулся», как это вытекает из последующих глав повествования, на конституционного Шекспира? Уже поэтому с точки зрения жанра первая глава в большей степени отражает официальные, формально-биографические личностные стороны жизни автора.

Что же касается завершающего витка мемуарно-юридической спирали повествования, то здесь, как уже было отмечено ранее, преобладают глубоко сокровенные, личные (хотя и с неизбежными вкраплениями публичного) материалы. В частности, хотелось бы надеяться, что не будут выглядеть чужеродными по отношению к обозначенным в содержании темам книги те фрагменты и реплики, в том числе несколько легкомысленного характера, которые были предложены друзьями и коллегами автора в порядке своеобразного дополнения, гротескного отражения тех или иных событий, а также особенностей личности самого автора. При этом в полной мере осознаю, что найти некий общий знаменатель для весьма разнопланового материала, использованного в данной главе, предложить стройную логику его изложения — задача почти невыполнимая. Автора в какой-то мере оправдывает лишь то, что в данном случае, возможно, и не следовало ориентироваться на строгое соблюдение формы, приверженность определенному жанру. Ведь невозможно втиснуть в прокрустово ложе нескольких сотен страниц все многообразие человеческой жизни и порожденных ею душевных переживаний, рефлексии; эта задача сродни поиску квадратуры круга...

И даже если кому-то эти слова покажутся неловкой попыткой самооправдания, я останусь при своем мнении. В порядке же некоего дополнительного аргумента в пользу внешней бессистемности и художественной выразительности подачи материала в этой книге напомним одну из максим восточной эстетики: красота

— в естественности (саби), простоте, прелести обыденного (ваби). В этом плане объяснимой является и несоразмерность в том внимании, которое автор уделяет различным периодам своей биографии и карьеры, — такая цель не ставилась изначально. Думаю, что, даже если бы я пожелал дать максимально полное описание всех перипетий моего земного пути, то вряд ли смог бы это сделать на уровне, который считал бы для себя приемлемым. Человеческая память — словно молния — она неожиданно пронзает пространство времени, высвечивая лишь отдельные события, кстати, не всегда самые важные с точки зрения их влияния на линию судьбы, но эмоционально и ситуационно ярко окрашенные и, как следствие, наиболее запомнившимися.

В заключение отмечу: особая тема, поднятая мной в данной главе, — тема духовной связи с «малою Батьківщиною» и поэтического творчества моего отца. Эта сторона «личного» раскрыта через ретроспективу визитов на Луганщину делегаций выдающихся отечественных деятелей музыкального искусства... К огромному сожалению, в год второго издания этой книги один за другим ушли из жизни ряд героев тех замечательных поездок, очень близких для меня людей — душа нашей компании и непревзойденный рассказчик, своего рода энциклопедист житейского опыта и знаток высокой отечественной культуры, доктор искусствоведения, профессор, выдающийся баритон, народный артист России Сергей Борисович Яковенко (19 июня 1937–28 июня 2020 гг.), а также один из ярких современных композиторов, невероятно душевный, глубоко верующий человек, тонкая и, как это водится в таких случаях, беззащитная перед жестокой реальностью жизни личность — заслуженный деятель искусств РФ Александр Павлович Кулыгин (9 декабря 1943–2 августа 2020 гг.). Считаю возможным и необходимым сегодня вспоминать и писать о них как о живых. Они это заслужили!

Это было недавно — это было давно... Жизнь в ее публичных и в чисто личных проявлениях не стоит на месте — уверен, что взыскательный читатель, ознакомившись с заключительной главой данного повествования, еще раз убедится в этом. Поможет

в этом специально отобранный редакционной коллегией массив иллюстративных материалов, как с сопроводительными подписями, так и без них, — глубоко личное порой не терпит однозначных комментариев и пояснений...

Завершает же книгу, как это имело место и в первом ее издании, дружеский шарж на ее автора. Этот рисунок призван заменить отсутствующий (пока) эпилог авторской Книги жизни и является символом того, что жизнь продолжается, пусть и в новом измерении — личном и публичном. Какой она — эта жизнь — будет на новом витке, в столь зрелом возрасте, во многом зависит от того, что ты смог воспринять от своих родителей, что впитал с молоком матери... Поэтому считаю вполне резонным начать финальную главу с обращения к личности моего отца...



6.1. СЛОВО СЫНА¹

Эти несколько страниц дались мне труднее, чем всё то, что пришлось написать до сегодняшнего дня. Для меня это не просто воспоминания об отце и матери, не только путешествие в босоное, полуголодное, но такое светлое счастливое детство. Это, возможно, первая в моей жизни попытка не забегать вперед, не стремиться заглянуть в будущее, а остановиться и посмотреть назад, вернуться во вчерашние-позавчерашние дни и — хотя бы на эмоциональном уровне, чувственно и только для себя, а не для читателя (с его, что скрывать, самыми разными взглядами, мыслями и оценками) — прикоснуться к тому Древу бытия, корню которого — жизнь моих Родителей вместе со многими поколениями наших предков, где я — лишь малое ответвление, росток, давший новые и, даст Бог, устойчивые, не гнущиеся под ветром перемен побеги — во внуках и правнуках моих родителей.

¹ Сокращенный вариант вступительной статьи Н. С. Бондаря к посмертному изданию сборника произведений Семена Егоровича Бондаря «Голуби повертаются знов». Донецк: Донбас, 2005.

Вообще-то, эта книга и есть художественный — поэтический и одновременно прозаический — образ того самого Древа жизни, возраст которого измеряется несколькими поколениями людей, объединенных одной судьбой и родным краем, воспетым Семеном Егоровичем Бондарем. Среди этих людей — родственники и друзья, ученики и учителя, односельчане, — все те, кто оставил след в жизни, в памяти произведений С. Е. Бондаря, опубликованных посмертно, спустя год после столь неожиданного его ухода из жизни. Многие, очень многие лица и факты узнаваемы для всех тех, кто знал Семена Егоровича, кто учился у него (а таких было много, очень много за шестидесятилетний период его педагогической деятельности), работал и проводил свободные минуты вместе с ним, был рядом с ним. Это и понятно: ведь главный герой литературных произведений отца — его односельчане-голубовчане, его родной край. При этом особым теплом, поэтической «пісенністю» наполнено и само название села — ГОЛУБИВКА...

Это воспетые отцом, исхоженные мною вместе с друзьями детства луга и поля, речка Боровик, где, кстати, впервые в жизни мне удалось преодолеть страх утонуть и испытать восторг от осознания того, что, научившись держаться на воде, плыть можно не только по течению — не утонешь лишь в том случае, если научишься преодолевать сопротивление течения. Это так пригодилось в дальнейшей взрослой, сухопутной жизни!

Во многих произведениях отца просматриваются его родные и близкие, по-украински говоря, «родина» (жаль, что в русском языке нет аналогичного слова; пожалуй, ближе всего к украинской «родині» русское понятие «родословная», слово же «родина» имеет иной смысл, другое (публичное) ударение, пишется через «і», хотя корень у всех этих слов один — наш, славянский).

Поэтому пусть не покажется нескромным как для взыскательного, так и для предвзятого читателя (наверняка, будут и такие), когда в книге они найдут фотографии как историческую память не только о Семене Егоровиче и его жене (моей маме), но и об их родителях, братьях, сестрах, детях, внуках, правнучке, дру-

зьях, односельчанах... Кстати, немало из этих фотографий имеют право быть представленными в книге Семена Егоровича еще по одной причине. За исключением нового периода (двух-трех последних десятков лет) практически все прежние фотоснимки были сделаны в домашних условиях — в это трудно поверить — самим отцом. Так получалось, что отец всю жизнь чему-то учился, становился самоучкой в новых профессиях. Еще в конце 1940-х — начале 1950-х годов он стал первым (и единственным!) не только в селе Голубовка, но и для многих сел в округе почти профессиональным фотографом. Практически все фотографии односельчан 1950–60-х годов (включая фотографии на документы!) были изготовлены Семеном Егоровичем. То же самое, кстати, касается и фотографий самого отца — в этом случае он фотографировался с помощью им самим изобретенной мудреной системы автоспуска, ведь по-другому по тем временам «техника» не позволяла этого сделать.

В этот же период непростой для моей семьи жизни он также самостоятельно осваивает технику игры на скрипке, которая была для него продолжением поэзии души; не случайно она всегда находилась на самом видном месте в голубовской хате, а затем, с 1968 года, в квартире №23, в доме по улице Победы, 10, в Кременной. Думаю, нет необходимости говорить о том, что скрипка — не гитара и не баян. На скрипке играют, как правило, не для застолий, а когда просит душа, ноет сердце. Вспоминаю, как терпеливо отец пытался приобщить к этому чарующему инструменту своих детей — меня и мою сестру, у которой, честно признаюсь, получалось заметно лучше, чем у меня. Я в том раннем детстве предпочитал футбол и другие забавы, по поводу которых, не буду скрывать, не обходилось без огорчений для родителей. Но скажу попутно, ничем не отличаясь в этом плане от сельских пацанов, я никогда не имел проблем с успеваемостью в школе: вспоминаю, порой бывало обидно от того, что родители, являясь школьными учителями, очень редко интересовались тем, какие оценки я получаю. Теперь-то я понимаю, что это была с их стороны тонкая педагогика — при-

учили с детства, что отличная оценка, ответственное отношение к делу — не какая-то заслуга, а элементарная обязанность.

Возвращаюсь к родословной («родині»), в первую очередь, к родителям отца. Егор Никитич (только после его смерти узнал, что по паспорту мой дед Георгий (хотя всегда для всех он был именно Егором) и Ксения Фроловна — потомки крепостных, а в последующем — простые трудолюбивые крестьяне, перенесшие в советский период коллективизацию и колхозное житье-бытье. У них была своя хата у большого дуба, с огородом, небольшим садом и кормилицей-коровой:

Рідний дім у тіні кучерявого дуба
В моїй пам'яті часто й тепер ожива:
Гостроверхий, здаля — немов птах білочубий,
У віконцях ясних далечінь степова.

(«Рідний дім»)

Нет ничего удивительного в том, что к данной теме Семен Егорович возвращался вновь и вновь... Например, стихотворение «Отчий поріг», где он спрашивает себя: «*Чи не час би на пройдений шлях озирнутися, пригадати дитинство, той отчий поріг, де бувало всі рідні зберуться і запахне приємно гарячий пиріг*». А одно из стихотворений, посвященных своей матери, было написано Семеном Егоровичем в далеком, огненном 1944-м, на чужбине («Дума про матір»).

Здесь же, в отчете доме, «*привільно росли хлопчачки білочуби, хоч бувало і мали від батька хлистів*». Это — четыре кровных брата. Самый младший — Иван (1926 г. р.), — возможно, щедрее всех наделенный талантами: в 17 лет сбежал на фронт, а в 20 лет молодой красавец-победитель уже занимался руководящей советской и партийной работой, но в дальнейшем судьба не позволила ему в полной мере воспользоваться природными способностями, в том числе закончить Харьковский юридический институт (по тем временам он так назывался). Федор (1912 г. р.)

— удивительно цельная натура, историк-педагог не только по профессии, но и по призванию, посвятивший всю жизнь народному образованию на Кубани. Наконец, самый старший — Петр (1910 г. р.), — образ которого мне известен лишь по армейской фотографии; он погиб на фронтах Великой Отечественной. Это о них, о своих братьях, отец писал:

На столі три свічі. Впали тіні глибокі.
Наче в хату заглянув нічний небокрай.
За судьбу трьох братів мене мучить неспокій —
Чи хоч там — на тім світі — потрапили в рай.
(«Братам»)

И, конечно, это семья самого Семена Егоровича — его жена, дети, внуки.

Валентина Романовна — моя мама — покинула нас ровно на десять лет раньше отца. Ее светлой памяти были посвящены многие строки отцовских произведений, в том числе и очень печальные, — например, стихотворение «Над могилою». А в повести «Голуби повертаються знов» невозможно читать страницы повести с подзаголовком «Засмутнів сосновий ліс» без слез о последних днях ее жизни (в образе Варвары). Дочь Лидия Семеновна (в повести ей соответствует персонаж Ларисы), получившая прекрасное медицинское образование как врач-психиатр, привыкшая помогать другим не только в силу своего профессионального долга, но не всегда ощущавшая участие и встречавшая понимание близких окружающих (меньше всего это касается посторонних людей) на своем нелегком жизненном пути.

Любимый внук — Андрей — именно он в свое время, будучи тогда еще студентом, проделал огромную работу по компьютерному набору повести деда «Голуби повертаються знов» при ее подготовке к первому изданию в 1996 году. Это в нем, в своем внуке, дед видел ту кровную нить, которая связывала его, поэта из прошлого, с будущим нового столетия, которое доступно для него только во

сне, увиденном в поэме (кстати, тоже с символическим названием) «На стику століть» (2000 г.):

...Як раптом бачу ... Андрій, онук —
Ще молодий діяч Росії,
А вже нові закони сіє,
Навчившись батькових наук.
...
І вже кричу: «Привіт, Андрію!»
Із білого Пегаса зліз.
Стою у натовпі, радію
Нежданій зустрічі до сліз.

Это также красавица-внучка Оксанка, повторившая в своих чертах, как это многие отмечают, бабушку и даже свою прабабушку Улиту, мать Валентины Романовны. Оксана не так свободно, как ее брат, владеет українською мовою, но, уверен, так же уважительно будет относиться к родному для своих предков краю. И, конечно, это правнучка Аня, дочь Андрея, как символ и реальное подтверждение того, что жизнь продолжается, а человеческая память бесконечна¹.

Многое, очень многое до щемящей боли близкое, родное, неповторимое пробивается через толщу времен и эпох, которые пережил в бурном потоке XX — начала XXI вв. Семен Егорович вместе со своими современниками, художественно воспроизведя в своих произведениях. Хочу покаяться, попросить прощения у своих родителей — матери и отца. Не потому, что не смог помочь им продлить жизнь на земле, — на то есть воля Божья, все другие, в том числе самые близкие, бессильны в этой части. Но мы, дети своих родителей, должны быть всеильны в своей любви и внимании не только к ушедшим, а прежде всего к живым. В детстве, юности все мы спешим взростеть, потом так же спешим жить взрослой

¹ Во время написания «Слова сына» у отца была одна правнучка. Сегодня, как об этом будет еще сказано, уже две правнучки и три правнука.

жизнью. Но спешить жить, возможно, надо лишь для того, чтобы успеть принести добро, радость родным и близким, при жизни извиниться перед ними, если в чем-то виноваты (а бывает ли по-другому?) И этим можно не только скрасить, но и продлить жизнь тех, кому мы обязаны всем, в том числе своей жизнью. Ведь, кто лучше меня мог знать, что значило для отца художественное творчество или игра на скрипке в состоянии постоянного одиночества и в его возрасте? Пусть Бог будет судьей тем, кто порой мог усматривать в этом едва ли не старческое чудачество.

Особых слов благодарности заслуживают друзья, окружавшие отца до последних дней его жизни. Это его младший товарищ — Анатолий Николаевич Васильцов. Несмотря на заметную разницу в возрасте, многие годы их объединяла творческая и человеческая дружба. В соавторстве с А. Васильцовым были написаны две прекрасные песни на слова отца. Одна из них — поэзия чувств Отца к Сыну, к которой по-особому отношусь. И дело не в моих личных воспоминаниях, эгоистических чувствах; вряд ли возможно, чтобы, услышав эту песню, тем более в прекрасном исполнении А. Васильцова, любой из нас не вспомнил о своем детстве, своих детях, внуках...

Наче тільки що був з горошинку,
Наче все промайнуло вві сні,
А вже встиг ти покинуть домівку
Це село, ці поля запашні.
...
Залишилось дитинство позаду.
Воно вернеться лиш міражем.
Як відкриєш колись ту шухляду,
Де дрібнички твої збережем.

(«Проводжаючи сина»)

Искренняя («щира») благодарность также и друзьям нашей семьи, моим надежным сотоварищам по взрослой жизни, кото-

рые живут и трудятся на Кременщине, которые много сделали для своего края и его жителей в сложный период безвременья, на изломе исторических эпох и человеческих судеб. Имею в виду, прежде всего, удивительной доброты, щедрой души человека Владимира Николаевича Прокопенко вместе со своей, под стать ему восхитительной супругой Надеждой Федоровной (Наденькой). Так случилось, что Владимир Николаевич помогал Семену Егоровичу, наверное, даже больше, чем находящийся вдали от отчего дома сын. И он же, Владимир Николаевич, оказался последним, с кем прощался отец, уходя из жизни. Казалось бы, стоит ли к этому еще что-то добавлять? (Но это необыкновенно важная, постоянно щемящая мою душу тема, и я к ней обязательно вернусь в данном повествовании — Н. Б.).

◆◆◆

...Вот и те несколько страниц, о которых я говорил в первых строках этих заметок. Да простит меня читатель за многословие. Понимаю, что главное здесь — не исповедь сына. Кому она, эта исповедь, нужна? Может, моим детям?.. Странно, но чем дальше вспоминаешь, тем сложнее остановиться, поставить точку. Просто вопреки законам природы хочется верить, что хотя бы таким образом можно задержаться в прошлом, где еще живы отец и мать; встретиться с ними еще раз; побыть со всей своей «родиной», а после уже можно продолжить свой бег по отмеренному Богом жизненному пути. При этом так важно в наше беспокойное время (в особой степени это касается Украины, моей малой Батьківщини) не уронить полученную от родителей эстафету, вовремя передать ее детям, внукам. Нет, *не только память, но и жизнь бесконечна...*

*Николай Бондарь,
сын Семена Егоровича и Валентины Романовны¹*

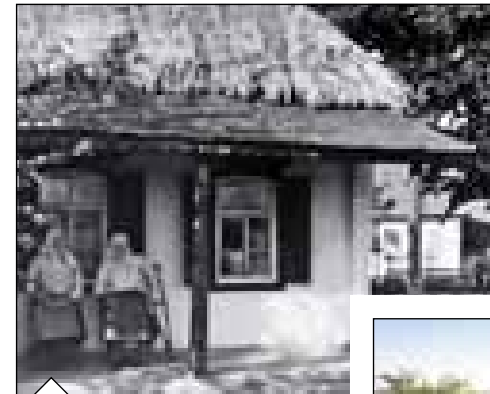
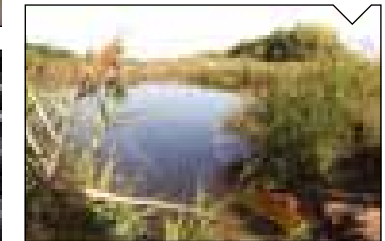
¹ Так, в свое время, в 2004 году, я подписался под «Словом сына». Сохраняю эту, по-особому значимую для меня подпись и в настоящем издании...

←☞ МОГО СЕРЦЯ ЛАСКАВА ДОМІВКА ☞→



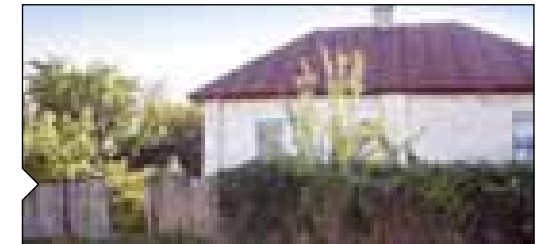
Родная
Голубовская
сельская улица

Давным-давно
я здесь рыбачил

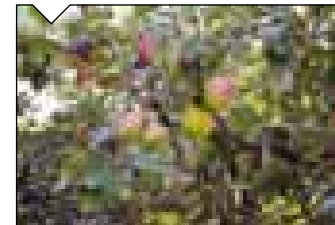


Отчий дом.
Фото С. Бондаря, 1954 г.

Теперь уже бывший
отцовский двор



А яблоки
такие же вкусные...



Возвращаясь
в родные места... (2010 г.)



6.2. НЕ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ, НО И ЖИЗНЬ БЕСКОНЕЧНА¹

*Ante
Factum
2020*

Так получилось, что завершающие слова из «Слова сына» о том, что «не только память, но и жизнь бесконечна...», стали прологом к следующей книге воспоминаний, которая была подготовлена к столетнему юбилею С. Е. Бондаря, спустя 12 лет после его ухода из жизни. Эти слова легли в основу самого названия данной книги.

В этом плане воспоминания 2016 года, как мне представляется, — продолжение единой линии повествования о самом сокровенном, истоки которой восходят к «Слову сына». Не случайно в новой книге пришлось неоднократно оговариваться, что не хотел бы воспроизводить «Слово сына», хотя полностью абстрагироваться не только от фактов и событий, но и от эмоционального заряда «Слова...» оказалось невозможно.

Сохраняя установку на то, чтобы не повторяться, я посчитал возможным воспроизвести некоторые сюжетные линии книги, опубликованной к 100-летию С. Е. Бондаря, украинского поэта и моего отца. Но это также как раз тот случай, когда без дополнительных пояснений не обойтись.

Прежде всего, необходимо учитывать, что книга, о которой идет речь не является мемуарами в их классическом понимании. Не случайно тот, кто ее готовил (Н. С. Бондарь), обозначен как «автор-составитель». Все-таки основным автором является С. Е. Бондарь со своим поэтическим наследием, а его полноправными соавторами — композиторы и исполнители музыкальных произведений на его стихи, равно как и друзья нашей семьи, земляки, вдохновлявшие отца на творчество. Поэтому для меня важно было (как тогда, так и сейчас) передать атмосферу духовной возвышенности человеческих отношений, не пытаясь «вторгаться» в ткань событий прошлого вряд ли уместными в этом случае «взглядами», «соображениями» и «умозаключениями», даже если они основаны на личных наблюдениях и воспоминаниях.

¹ На основе книги «Не только память, но и жизнь бесконечна...» / Авт.-сост. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Профпресс, 2016.

Пожалуй, еще более важно отметить тот факт, что соответствующий относительно непродолжительный период (после 2016 года) принес не только новые социальные, политические потрясения, но и личные трагедии. Выше я уже писал об ушедших от нас совсем недавно С. Б. Яковенко и А. П. Кулыгине. Столь же пророчески трагичными оказались грустные мотивы в «Слове сына» о сестре — главные испытания, как оказалось, поджидали ее в 2019 году, когда она похоронила свою единственную дочь Наталью...

Не могу не отметить и то обстоятельство, что это издание готовилось в особый момент жизни самого автора-составителя. Об этом намеками и как бы между строк говорится во вводной части. Сегодня, по прошествии времени, пожалуй, можно приоткрыть завесу и сказать, что дополнительную эмоционально-психологическую окраску тексту придал тот нюанс, что он готовился в начале новой, «второй жизни» автора-составителя. Конкретная дата и место нового «рождения» — 29 февраля 2016 года, Тель-Авив, медицинский центр Ассута... Хотя бы в двух словах не могу не отметить, что этот особый, непростой период проживался мною на Земле обетованной, вместе с сыном Андреем, точнее — не «вместе» с ним, а во многом «благодаря» ему...

Этими оговорками, естественно, не исчерпываются перемены, которые произошли после издания книги и напрямую касались «действующих лиц». Вряд ли, однако, есть смысл перечислять их в настоящем предисловии. Внимательный, думающий читатель самостоятельно, без особого труда сделает необходимые хронологические поправки на эти события, тем более, если они имели определенное публичное значение.

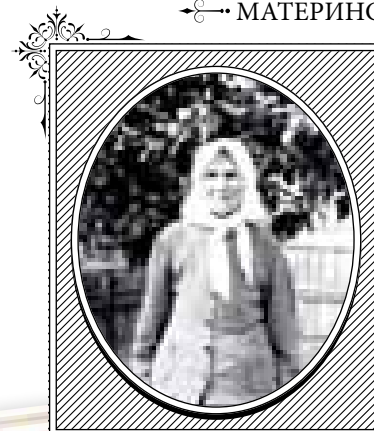
Руководствуясь принципом историко-биографической достоверности, считаю возможным и целесообразным сохранить колорит изложения, присутствовавший в издании 2016 года. Таким образом, автор продолжает линию, связанную с глубоко личным, самым сокровенным, но, как и ранее, без вкраплений публичного и в данном случае, естественно, не могло обойтись...

◆◆◆

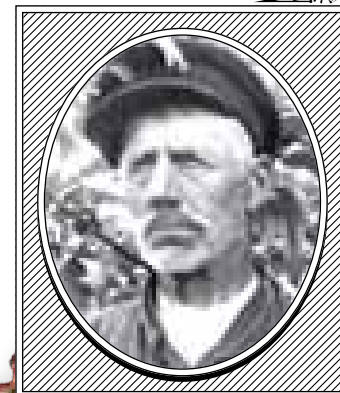
Исповедь как покаяние...

«Наши мертвые нас не оставят в беде...»
(В. Высоцкий)

Садясь за письменный стол, я часто ловлю себя на мысли, что, возможно, самым трудным при работе над книгой или статьей является поиск наиболее точного, приемлемого для будущей публикации названия (заглавия), а затем — написание первого, самого необходимого и, не исключено, единственно возможного предложения, фразы, раскрывающих сам смысл будущего текста... В особой мере это касается — как в данном случае — не просто очередной научной статьи, а глубоко личных размышлений, связанных с осознанием каких-то, возможно, самых важных истин в твоей жизни. Все это сродни исповеди. Но исповеди не перед Богом, где при всей сложности этого таинства все же существует заранее заданный церковный ритуал, основанный на осознании и исповедании, по крайней мере, двух видов прегрешений: грехов, направленных против ближнего, и грехов против самого себя. В данном же случае сама исповедь — перед собой и (что особенно важно) перед ушедшими из жизни родителями, вина перед которыми всегда очевидна, не требует никаких доказательств и, что особенно печально, уже никогда не может быть хотя бы уменьшена. Единственное спасение — покаяние... Поэтому — что скрывать — с особым волнением приходится подбирать первые, как, впрочем, и последующие слова, переносить их на бумагу, не имея никакого ритуала или хотя бы плана действий. Это и понятно: можно ли заранее регламентировать, упорядочить то, что связано с глубоко личным и, стало быть, эмоциональным, душевным восприятием явлений, фактов и событий, не представляя при этом, что подскажет Память Сердца в следующее мгновение, какими будут последующие мысли, оформленные в виде текста, что из этого получится в конечном счете...



Коробко
Улита
Яковлевна
(1891–1977)

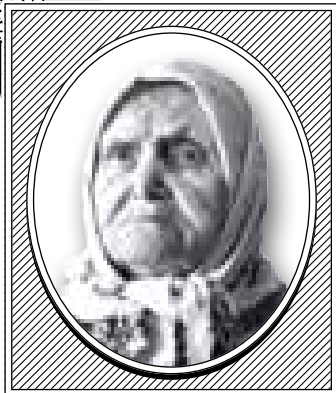


Коробко
Роман
Григорьевич
(1893–1958)

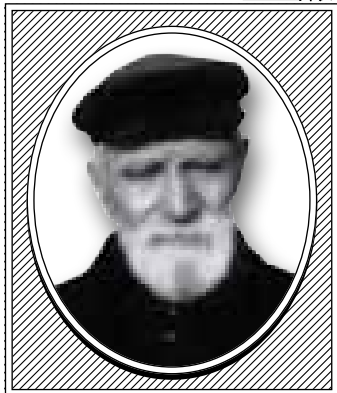


Мама — Валентина Романовна Бондарь
(в девичестве — Коробко). Фото сделано в г. Вердер
(Германия), 2 мая 1945 г.

←— ОТЦОВСКИЕ КОРНИ ДРЕВА ЖИЗНИ —→



Бондарь
Ксения
Фроловна



Бондарь
Егор
Никитович



Бондарь
Петр Егорович
(1910–1943).
Не вернулся
с войны...



И. Е. Бондарь. Германия, 1945 г.



Три брата:
И. Е. Бондарь, Ф. Е. Бондарь
и С. Е. Бондарь

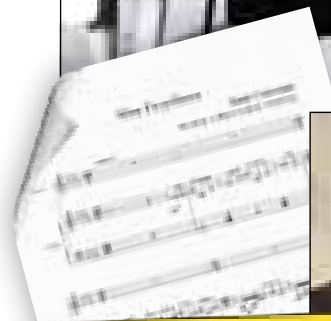
←— КОРНИ ДРЕВА ЖИЗНИ —→



Дед Егор
с внуками, 1969 г.



Та самая
скрипка...



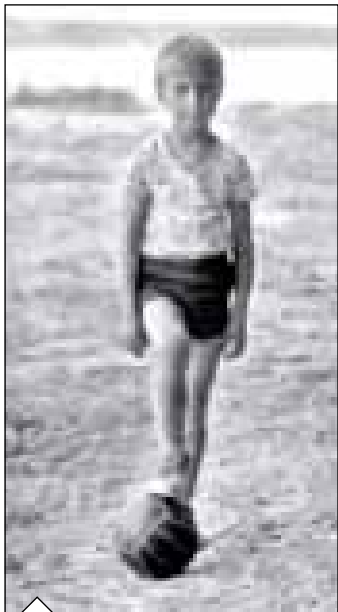
Поэт и плачет инструмент...
Скрипка — С. Бондарь, за роялем — А. Васильцов



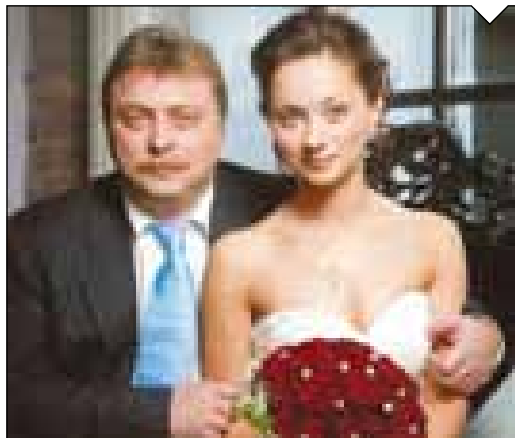
Совсем недавно
Оксана-первоклассница, 2000 г.



Времена меняются —
отношения между братом
и сестрой прежние, 1995 г. и 2010 г.



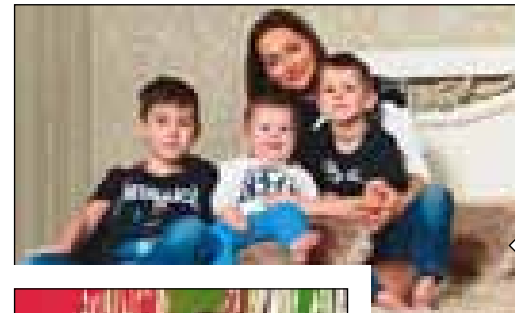
И в футболе —
по стопам отца...



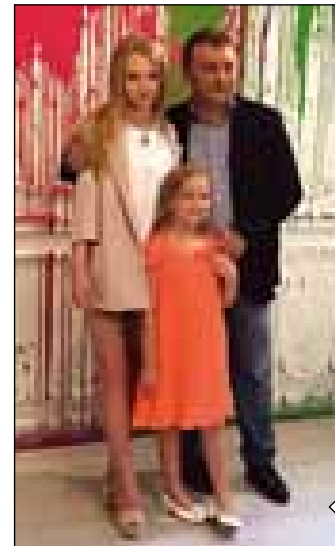
По старой православной традиции...



Горько! Грустная радость
эгоистичного отца,
31 октября 2010 г.



У дочери три сына:
Матвей, Захар и Егор



Вместе с сыном
значительно
легче преодоле-
вать ветер
в грудь...
Тель-Авив,
февраль, 2016 г.



У сына —
две дочки:
Анна и Ксения

Я долго не мог определиться с написанием вводных слов к настоящему изданию, где главным действующим лицом является, естественно, отец с его творческим наследием и столетним юбилеем в 2016 году. При этом я не исключал возможность использования в качестве вводного текста ранее опубликованное «Слово сына», которое было написано в связи с посмертным изданием собрания сочинений отца, но отказался от этого, чему есть веские причины. Во-первых, ни тогда, на момент написания, ни тем более сейчас, по прошествии многих лет, «Слово» ни в коей мере не может претендовать на полноту, завершенность выражения мыслей и чувств сына к отцу и его творчеству, к памяти родителей, к родительской и своей малой Родине... Напротив, главное в том «Слове» заключено, возможно, не в самом по себе тексте — не в том, что удалось написать, а в том, что осталось... недосказанным, выражено в виде личных оценок и размышлений, в том числе с очевидными оттенками покаяния. В этом случае недосказанность, надеюсь, имеет свое значение.

Во-вторых (и это тоже очень важно), при всем желании сохранить ранее опубликованный текст неизбежно пришлось бы внести в него изменения. И не только потому, что он был написан в далеком 2005 году, далеком не только по времени, количеству прожитых лет, но, прежде всего, с учетом тех событий, которые произошли на Украине, на Луганщине, в жизни практически каждого жителя юго-востока Украины, равно как и тех, кто в той или иной мере, независимо от того, где сейчас живет, связан с этой землей пуповиной кровных связей как со своей Малой Родиной (Малою Батьківщиною), где покоятся многие поколения ушедших из жизни предков, веками живших в некогда едином нашем обществе и государстве... И как быть, если некоторые (не хочу употреблять некорректные выражения для определения того, кто они, эти «некоторые») посчитали возможным лишить других земляков (отнюдь не меньших украинцев, чем они сами) права на Малу Батьківщину?! Оставляю эти, как и многие другие вопросы, неизбежно приобретающие острый для сегодняшнего дня политический оттенок, на

суд времени и истории. А вот в тексте, написанном ранее, во имя исторической памяти не хочу менять ни одной запятой, не говоря уже о фамилиях и именах, если даже сегодня они, упоминаемые фамилии, оказались по разные стороны баррикады. Слава Богу, история сегодняшним днем не заканчивается...

Вместе с тем «Слово сына» для меня дорого не в силу исторической достоверности, а, прежде всего, как личная фотография Памяти о прожитых вместе со своими родителями, с семьей моего детства счастливых мгновениях жизни, зафиксированных вроде бы в воспоминаниях, а в действительности существующих и сегодня как наяву... Не случайным является в этом плане и то обстоятельство, что «Слово» родилось в свое время на одном дыхании — было переложено на бумагу в течение нескольких часов бессонной ночи.

Что же касается настоящего издания и вводных слов к нему, то, думаю, вполне естественным является определенное использование материалов «Слова сына». Это и понятно: в разное время, с интервалом, превышающим десять лет, приходится писать практически об одних и тех же событиях, переживать те же чувства, воспоминания... Уже поэтому, на мой взгляд, необходимы предварительные пояснения, в том числе адресованные не только будущему читателю, но и самому себе.

О замысле издания: приоткрывая личную тайну...

Искренне признаюсь, что пока не представляю, как в конечном счете будет воспринято настоящее издание. Главный его замысел, — окунувшись в воспоминания о неумолимо удаляющихся временах, одновременно напомнить о совсем недавних, вчерашних-позавчерашних днях, вспомнить тех прекрасных людей (многие из которых давно были моими близкими друзьями, другие позже стали ими), во многом благодаря которым творчество отца продолжает жить, и тем самым показать жизнь произведений поэта после жизни поэта.

В этом смысле сегодня для меня заметное значение в плане внутренних размышлений имеет тема бесконечности жизни. Вынесенные в название издания слова — «не только память, но и жизнь бесконечна...», — признаюсь, являются «автоплагиатом»: это последняя фраза, которой я закончил в свое время «Слово сына». Позже эти слова удивительно органично использовал прекрасный композитор Александр Павлович Кулыгин при написании потрясающего как по жанровой форме, так и по содержательному музыкально-летописному наполнению сочинения «Листая страницы» (кантата для баритона, струнного альта и смешанного хора на слова С. Бондаря из его произведений на українській мові с вкраплениями из «Слова сына» на русском языке ¹).

В связи с этим приоткрою личную тайну, связанную с рождением и созреванием идеи подготовки настоящего издания. Знаю точную дату, когда внутренний импульс — заняться этим вопросом — окончательно овладел мною, — это 5 марта 2016 года, Вселенская родительская суббота. В такие дни с особой силой осознаешь, что с уходом родных, близких для тебя людей наше отношение к ним, если и меняется, то лишь в той мере, в какой оно наполняется новым, еще более ярким духовным (и душевным) содержанием. Более того, не только наше отношение, но и отношение к нам ушедших из жизни тоже не кончается с их биологической смертью (что так точно подметил Владимир Высоцкий в словах, приведенных выше в виде эпиграфа). И это не есть мистика. Другое дело, что все это надо прочувствовать. Для этого, вероятно, необходим особый опыт, опыт души; он приходит — знаю об этом не понаслышке — не с опытом жизни и не с возрастом, а в особых ситуациях: с соприкосновением с зоной, пограничной с самой жизнью. И такое соприкосновение не зависит от возраста; оно возможно

¹ Попутно отмечу то, что сегодня особенно актуально: не знаю другого музыкального произведения, в котором так органично сочетались бы слова на двух братских славянских языках (причем в одном случае это поэзия, в другом — проза), равно как и переплетались бы в одном произведении традиции музыкального искусства этих двух народов, составлявших и, уверен, составляющих единое целое.

раньше времени, отведенного Всевышним для жизни, что тоже является Богом данным испытанием. В этом случае ты оказываешься в состоянии некоего раздвоения: с одной стороны, невероятно тяжелого осознания возможной, достаточно реальной перспективы расставания с детьми, внуками, с теми, кто останется без тебя на земле (а точнее — ты без них); с другой стороны, для верующих (и в этом их преимущество!) — это ощущение ожидания встречи с близкими, родными тебе людьми, которые ранее, давно или совсем недавно покинули этот мир и ждут тебя Там. В особой степени это касается наших родителей...

Вера в то, что так и случится, в какой-то мере как бы уравновешивает печаль расставания с ожиданием будущей (возможной) встречи. Только ради этого стоит верить в жизнь после жизни! Это и есть мой личный «секрет» обращения к данной теме через личное недавнее соприкосновение с пограничной зоной жизни...

Духовная бесконечность творческой жизни

Надеюсь, после этих вводных слов станет понятным мое желание заново перечитать стихи отца. Тем более, что, каюсь, раньше, при его жизни, не всегда был внимателен и отзывчив на просьбы почитать новые стихи, высказать свое мнение (которым он, кстати, очень дорожил). Сейчас же перечитываешь, заново открывая не просто рифму, а внутренний смысл ранее, порой очень давно написанного отцом, соотносишь все это с историческими фактами и страницами его биографии, биографии окружавших его родных, друзей, односельчан...

Пусть не покажется нескромным как для взыскательного, так и предвзятого читателя (наверняка, будут и такие), что в порядке небольших вкраплений в творческое пространство С. Бондаря (что, естественно, является главным для настоящего издания) несколько слов скажу об одной из очень важных, как считаю, характеристик отца. Речь идет о способности и понимании необходимости всегда, всю жизнь учиться.



Самообразование — секрет творчества. Так получалось, что отец всю жизнь чему-то учился. Подтверждение тому — не только тот факт, что, не заканчивая никакого специального учебного заведения, сразу после окончания средней школы, в довоенный период (в 17-летнем возрасте) он стал преподавать сразу несколько дисциплин — немецкий язык, географию, историю; в послевоенный же период заочно закончил пединститут («ин. яз.») и наряду с немецким самостоятельно освоил английский и латинский языки.

Более того, становился самоучкой в освоении новых «профессий», порой неожиданных — от фотографа до портного и сапожника. В условиях этой, порой весьма суровой, прозы жизни творчество, поэзия оставались его увлечением, которое, как мне кажется, было состоянием его души и никогда от него не уходило: при нем всегда была старая потрепанная записная книжечка, куда он записывал неожиданно родившуюся рифму. Ведь другого свободного времени (специально для поэзии!) никогда не было; не случайно только в преклонном возрасте, выйдя на пенсию, отец стал наконец-то активно публиковать ранее написанные стихи и писать новые, наряду с прозой.



Скрипка как музыкальная поэзия души. В этот же период отец также самостоятельно, шаг за шагом освоил скрипку и достиг весьма приличного исполнительского уровня. Он все чаще оставался один на один с любимым инструментом (особенно после ухода из жизни своей жены, «дружини»). Скрипка для отца была продолжением его внутреннего поэтического состояния души. Вспоминаю, как заботливо, трепетно он относился к дефицитным по тем временам струнам, к качеству смычка... Не могу не отметить с особым удовлетворением, что отцовская скрипка и сегодня жива. Речь идет о том, что в ряду близких душе и сердцу сына Андрея вещей, которые заняли достойное место в его домашнем кабинет-минимуме, находится и скрипка деда (так же, как и, например, домино, которым дед и внук «рубались» в свободное время, древний

магнитофон 1960-х годов и пр.). При всем том, что скрипка для меня — настоящая реликвия детства, я с радостью передал ее сыну. Значит, этому инструменту суждено и дальше жить...



Земная конечность духовно бесконечной жизни. Сам того не замечая, я почему-то стал по-другому оценивать стихи, в том числе сквозь призму, возможно, одной из основных тем, которая присутствует в творчестве С. Бондаря, — духовной бесконечности короткой земной жизни.

Таких стихов немало, и, что важно еще раз подчеркнуть, все они, абсолютно все — биографичны. Это те, которые были связаны с уходом из жизни его жены, моей матери («Над могилою», «Горобина над хрестом»), троих его братьев («Братам»), его матери («Дума про матір»), деда («Дідусеві»), его друга («Памяті друга Андрія Коломійця»).

Что особенно интересно, отцу, до последнего дня жизни оставшегося последовательным атеистом (в отличие от матери, которая, сколько помню, всегда была глубоко верующей), принадлежат проникновенные стихи о бессмертии. Одно из них так и называется — «Безсмертя», последние строчки которого звучат весьма оптимистично и жизнеутверждающе:

І може тоді ще не смеркне,
Коли вже настане безсмертя.

Не менее глубоки его мысли о быстротечности человеческой жизни. Это, например, стихотворение «В день сімдесятиліття», которое я уже цитировал во вводной части настоящего издания. Написанное к его семидесятилетию (после этого Бог даровал отцу еще 18 лет жизни), оно являет собой стихотворную форму страсти жизни, осознание того, что, чем старше становишься, тем больше ценишь каждое мгновение жизни... Ведь независимо от возраста человеку — «все здається — тільки старт». Как это точно! И чем старше становишься, тем глубже проникаешь в эти истины бытия...

А уже в возрасте за восемьдесят, на одном дыхании, как крик души, он пишет глубоко биографичную, исторически точную поэму «Верхньоголубівське джерело», которую, вероятно, можно расценивать и как жизнеутверждающий гимн, и как реквием. Как уже приходилось отмечать, для меня это одно из любимых произведений отца, что не случайно — слишком близкое, родное в том числе и для меня, ушедшее в вечное бессмертие, запечатлено там. Чего стоят, например, эти строки, посвященные нашей родной голубовской сельской хате (именно хате, а не дому), где прошло и мое детство:

Іду у свій двір,
А там вже пустир.
Де сад зеленів,
Нема уже й пні в.

На хаті старій —
В дірках вітровій.
Гуде про батьків,
Про рідних браті в.

Як відчит трима
Про тих, що нема...
Одні лиш хрести.
О, рід мій, прости,

Що стільки ось літ
Тривав мій політ.
Тепер я один.
У серці — полин.

Піду за село,
Де б'є джерело,
З пером, що зберіг
На згинах доріг.

Это и есть физическое (но не духовное!) одиночество человека, пережившего своих родных братьев, многих родственников, всех друзей-ровесников. Но одновременно это — то одиночество, которое стало источником поэтического вдохновения.

«Голубівка, моя Голубівка, — Босоноге дитинство моє»

Погружаясь в творческое наследие отца, пожалуй, логично перейти к теме, которая заслуживает первостепенного внимания: это окружение С. Бондаря, его односельчане, друзья, товарищи по творчеству, которыми он дорожил и которые оставались с ним до последних дней жизни (в то время как, в частности, его сын находился вдали от отчего дома). Наряду с ними это также — надеюсь, будет позволительным такое признание — мои новые друзья, с которыми познакомил меня творчество отца, увы, уже после ухода из жизни. Благодаря им творчество Семена Бондаря получило новое дыхание, новую жизнь — в музыке, в произведениях самого высокого исполнительского искусства, что стало достоянием как московской взыскательной публики (в том числе в знаменитом Рахманиновском зале Московской консерватории им. П. И. Чайковского, Московском Доме композиторов), так и жителей моей Малой Родины, имея в виду не только Кременщину, но и Луганск, Рубежное.

Впрочем, обо всем по порядку.



«Мого серця ласкава домівка...». Хронологически, руководствуясь логикой самой жизни и биографической летописью поэта, следует начать с Голубовки (Голубівки) — с села, в котором находятся глубокие корни нескольких поколений рода Бондарей (с момента основания самой Голубовки в 1866 году¹) и которую с такой любовью воспел Семен Егорович в своих поэтических произведениях.

¹ Повесть С. Е. Бондаря «Голуби повертаються знов» (Донецк: Донбасс, 2004) как раз и есть художественное описание истории зарождения и развития родного села Голубовка, одним из основателей которого был род Бондарей.

Мне уже приходилось отмечать — и в этом нет никакого преувеличения, — что главный герой литературных произведений отца — его родной край, земляки, в особенности односельчане-голубовчане. Глубоко символично, что последний сборник стихов, вышедший в свет уже после ухода Семена Егоровича из жизни (буквально через неделю после прощания), так и называется — «Краю мій...». В самом названии этого сборника — многозначие как внутреннее ощущение незавершенности, недосказанности... Именно в этом сборнике помещено стихотворение, написанное автором в восьмидесятилетнем возрасте, но с такой жизнеутверждающей силой, юношеской мелодичностью, что было переложено на музыку другом и единомышленником Семена Егоровича, Анатолием Васильцовым (литературный псевдоним — Анатолий Анненко) и отныне стало гимном родного села.

Чего стоит, например, припев:

Голубівка, моя Голубівка, —
Босоноге дитинство мое;
Мого серця ласкава домівка,
Хай Господь тобі щастя дає.

Не могу не отметить в связи с этой песней еще одно обстоятельство. Благодарен А. Васильцову и за то, что он убедил атеиста-поэта включить в припев слова «Хай Господь тобі щастя дає». Они оказались очень к месту, значительно усилили духовную глубину песни. Это прекрасный пример творческого содружества поэта и композитора, когда на основе слов и музыки появляется новое произведение уже двух авторов — песня.

Что же касается Голубовки, то с ней связано действительно незабываемое, счастливое, хотя и босоное, детство не только отца, но и деда, прадедов, которые были одними из первых поселенцев этого края Малороссии. Отныне и на века будут воспеты исхоженные мною вместе с друзьями детства (большинства из ко-

торых, к сожалению, давно нет в живых) луга и поля, лес с прекрасным прудом, речка Боровик...

Уверен, что наряду со стихами о родном крае — как-то: «Я люблю мій край» (эти стихи также были положены на музыку композитора А. П. Кулыгина, а исполнял песню знаменитый баритон, народный артист России С. Б. Яковенко), «Ставок мого села», «Над річкою Боровою», «Село моє на Україні», «Гімн Кременщини» и др. — не менее значимой является в этом отношении исторически достоверная и во многом биографичная повесть «Голуби повертаються знов», где сам автор, Семен Егорович, присутствует в образе Сергея Георгиевича, его жена Валентина Романовна — моя мать — в образе Варвары Васильевны, а моя сестра — Лидия Семеновна — в образе Ларисы и т. д.). Не случайно эта повесть вошла в свое время в программу рекомендованных произведений по краеведению для изучения в школах Кременщины.

При всей сложности и трагичности сегодняшних событий хотелось бы тем не менее дополнить литературно-поэтический образ Голубовки оптимистичными, в чем-то задорными словами из стихотворения «Село моє на Україні»:

Дзвенить піснями у долині
І молодіє з року в рік
Село моє на Україні,
Де в'ється річка Боровик.

Такой была запечатлена Голубовка в стихах С. Бондаря и такой навсегда останется в моей памяти Мала Батьківщина, моє рідне село:

Село веселе на роздоллі,
Сади над річкою рясні,
Стрункі над хатами тополі,
І ранні зорі навесні.

Этот край навечно будет мне родным, так как здесь, в этой земле, — средоточие жизни и, хочется надеяться, бессмертия мое-

го рода... Не могу не сказать об этом, хотя бы лаконично, с помощью еще одного стихотворения отца, которое до боли автобиографично и очень дорого мне. Речь идет о стихотворении «Горобина над крестом» («Рябина над крестом»), посвященном памяти жены Семена Егоровича — моей матери, Валентины Романовны, участницы Великой Отечественной войны, которая дошла до Берлина.

Предыстория стихотворения такова: в год ухода матери из жизни я привез из Ростова-на-Дону, где провел большую часть своей профессиональной жизни, росток рябины; очень хотелось, чтобы частичка духа тех мест, где сам жил и где мать ушла из жизни (как в таких случаях пишут, «после тяжелой болезни», когда ни я, ни Ростовский научно-исследовательский онкологический институт помочь не смогли), присутствовала на могиле, рядом с матерью. Высаженный осенью 1994 года росток рябины очень хорошо прижился, быстро пошел в рост. Но, спустя несколько лет, в последние годы жизни отца, рябина (горобина) неожиданно заболела, появилась опасность ее усыхания. Я просил сестру и, конечно, Владимира Николаевича Прокопенко что-то сделать, спасти рябину. И чудо случилось: она жива-здоровая и, более того, дала новый отросток! Но отростка уже не успел увидеть отец... После этих пояснений, надеюсь, понятным станет мое отношение к стихотворению, которое я привожу ниже...

ГОРОБИНА НАД ХРЕСТОМ

Родилась ти біля Ростова.
Була недавно лиш ростком.
А вже шумить листва –обнова.
І чутна в ній вітрів розмова,

Немов молитва над хрестом.
Струнка, висока горобина
Думок навіяла мені.
З тобою вся моя родина,

Моя печаль, дочки і сина.
Дубовий хрест¹ в твоїй тіні.
Матусі добрій у могилі
Ти навіваєш вічний сон.

Тут наші всі плачі безсилі,
Бо долі злій і Божій силі
Ніде немає перепон.
Родилась ти біля Ростова.

Тепер ось тут, у нас ростеш.
А прийде час — пора сурова,
І змовкне ця твоя розмова.
Земля тебе покриє теж.

Но, слава Богу, рябина жива, и жизнь продолжается...

◆◆◆

«**Пройди по алеї до нашої школи...**». Особо хотелось бы отметить мою (как и отца, матери, сестры) родную голубовскую среднюю школу, где я пошел в первый класс.

У каждого из нас есть своя Школа жизни, как и свои пути-дороги, возвращающие нас в страну нашего Детства. Много, очень много светлых воспоминаний детства связано именно с Голубовской школой, которой в том числе и мои родители отдали десятилетия педагогического труда, в которой училась моя сестра, с которой связаны были первые настоящие отношения дружбы...

В этой же голубовской школе я с удовольствием вступал в пионерскую и комсомольскую организации. Помню, что это были

¹ В стихотворении точно указано, что рябина росла у дубового креста на могиле Валентины Романовны, хотя на фотографии изображен другой, не деревянный крест. Дело в том, что мать, уходя из жизни, лично мне дала наказ: на могиле должен быть крест, а не памятник. Так и было несколько лет. А потом, каюсь, пришлось пойти на небольшую хитрость: крест был сохранен но стал «воздушным» крестом в виде памятника. Хотя это уже не деревянный, а другой крест, надеюсь, мать меня простит за эту, считаю, богоугодную хитрость.

по-настоящему волнительные, праздничные события, а предшествовала этому активная подготовка, что отнюдь не считалось зазорным, как теперь порой представляется некоторыми «непримиримыми» критиками всего того, что было связано с нашей общей Родиной. При этом, правда, я не мог похвастаться тем, что был образцовым пионером. Хотя я и учился «на отлично», но практически все свободное время посвящал спорту и мальчишеским забавам. Одним словом, был как все, с различными последствиями, а порой и разбирательствами в школе. Лишь в Кременной (куда я переехал в восьмом классе), особенно с избранием секретарем школьного комитета ВЛКСМ, мне пришлось не только в учебе, но и в общественной жизни остепениться — «стать образцовым».

Не могу удержаться и от того, чтобы не поделиться большой радостью. Относительно недавно, в виду 2016 году, получил от своей сестры бесценный подарок: она привезла мне мои школьные реликвии — комсомольский билет, комсомольский значок и пионерский галстук, которые хранила у себя после ухода из жизни наших родителей. У отца, кстати, по поводу похожей ситуации есть замечательные строки в стихотворении «Проводжаючи сина»:

Залишилось дитинство позаду.
Воно вернеться лиш міражем.
Як відкриєш колись ту шухляду,
Де дрібнички твої збережем».

Вот и вернулось детство миражом — через школьные «дрібнички» — пионерский и комсомольские атрибуты. Впрочем, для меня это — сейчас и навсегда — не просто «дрібнички».

Школа — это, разумеется, особая тема, заслуживающая многих страниц воспоминаний: и о легендарном ее директоре 1950–60-х гг. Петре Ивановиче Воронцове, старшем товарище отца; и, конечно, о новом времени, когда в школу и отцу, и мне приходилось приезжать в качестве гостей, а ее директором была подлинный сподвижник народного образования Александра Ивановна

Макашова, под руководством которой в свое время был открыт школьный музей, создан литературно-поэтический класс памяти С. Е. Бондаря, регулярно проводились литературные уроки и творческие вечера, посвященные творчеству отца.

Вряд ли возможно более тепло, сердечно сказать о школе, чем это сделал мой отец. И не только в стихах, но и в прозе. Вспоминаю небольшую публикацию — очерк «Моя школа» в районной газете «Кременщина» от 6 января 2001 г., который вместил в себя столько эмоций, воспоминаний, образов... Например, вот как описывается там встреча с ее директором в связи с очередным приездом отца в школу: *«Перед нами стояла з запрошенням така доброзичлива жінка з теплими й розумними очима, з такою своєю неквапливою і простою мовою, що відразу вселяє добрі почуття. Зразу було видно, що в цієї жінки набираються науки і мудрості не лише учні, а й вчителі. Це була директор школи Олександра Іванівна Макашова. А коли ми завітали в класні кімнати, на виставку експонатів, красивих вишиванок, відразу зрозуміли, що тут тісна взаємодія учнів і вчителів, що є важливим фактором у процесі навчання. А ось і та аудиторія, де нас чекали учні, вчителі і батьки. Хоч у тісноті, та урочисто й весело, після теплого вітання було показано учнями таку художню самодіяльність, що аж дух захоплює. Які тут були цікаві інсценівки, художнє читання, розповіді з історії села! Мені, як колишньому корінному мешканцю, особливо радісно було чути з уст моїх нащадків те, що було написано в моїх книжках про рідне село, про рідний край. Вважаю великим надбанням свого життя все те, що на користь людям».*

У меня также были регулярные, ежегодные (до 2014 года) поездки в школу (вместе с моими друзьями — В. Н. Прокопенко и А. Н. Васильцовым, представителями районного отдела народного образования и др.), встречи с учителями, односельчанами, учениками. Каждый раз это было для меня настоящим праздником, подарком судьбы: ведь то были неповторимые мгновения погружения в далекое-далекое детство, когда мои родители работали учителями, а я здесь учился, проходил первые уроки жизни, активно

увлекался спортом (в порядке «хвастовства» могу заметить, что односельчане долго помнили мои голы, которые удавалось забивать на футбольном поле, находившемся по тем временам в центре села). Кстати, вместе с отцом в последний раз я посетил голубовскую школу в мае 2004 года, менее чем за два месяца до его ухода из жизни... А самостоятельный последний визит состоялся накануне трагичного 2014 года, летом 2013 года...

Пройди по алеї до нашої школи,
До квітів яскравих, де клумба рясна.
Пізнаєш красу — не забудеш ніколи,
Як дише і сяє там цвітом весна.

Будова червона в земному цім раї
Як світоч тут славиться сотню вже літ.
А поряд ще вища нова виростає.
Вже сходи вкрашає блискучий граніт.
...
Пройди ж по алеї до нової школи,
Де квітне вже клумба і друга рясна.
Пізнаєш красу — не забудеш ніколи,
Як дише і сяє там цвітом весна.

(«Наша школа»)

Надеюсь, не будут лишними для настоящего издания хотя бы отдельные фотографии как документальная иллюстрация тех незабываемых визитов...



Уже на завершающем этапе работы над изданием «Не только память, но и жизнь бесконечна» (в марте 2016 г. — Н. Б.) я получил по каналам электронной почты своего рода «привет» из родной Голубовки в виде стихотворения-посвящения Семену Егоровичу Бондарю.

Для меня очень ценно (как, наверняка, было бы и для отца), что автор этого стихотворения — учитель голубовской школы. Даже

фамилия его весьма символична — и для села Голубовки, и для самого творчества С. Бондаря — Алена Валериевна Голубь (Олена Валеріївна Голуб). Расцениваю это стихотворение (не вдаваясь в оценку его поэтических достоинств) как подтверждение того, что в школе, которой С. Бондарь посвятил не только полвека своей педагогической работы (включая и годы работы по совместительству, когда он проживал уже в Кременной), но и немалую часть творчества, как подтверждение того, что посеянные С. Бондарем школьные зерна «разумного, доброго, вечного» по-прежнему дают всходы, порой весьма неожиданные. К сожалению, я не знаком с автором стихов лично, хотя не исключаю, что встречался с Аленой Валериевной во время своих визитов на Луганщину.

СЕМЕНУ ЄГОРОВИЧУ (присвята)

Говорять, вік — то довга нива...
Один засіє ниву ту дбайливо,
Хто нехтує дарованим життям,
Марнує свій життєвий лан.

Та є такі, нажаль, їх небагато,
Життя хто ладен нам своє віддати,
Бо серце Данко мають у грудях,
Воно і визначає їхній шлях.

Це серце не підвладне злому,
Людські спокуси — не для нього.
Ось так і Ви — Перлина Кременщини!
Те серце Данкове в грудях носили.

Воно пекло, горіло і боліло,
Воно сміялось, плакало, любило.
В уста вкладало полум'яне слово
Байдужим, не лишаючи, нікого!

Мені також Вас бачить пощастило.
Говорять, перше відчуття правдиве:
Якою неземною простотою
І чимось рідним, батьківським, до болю

Повіяло від Вас, вельмишановний,
Чомусь хотілось обійнять з любов'ю,
Сивин святих торкнутися рукою.
На жаль, були ми, навіть, незнайомі.

Та думка промайнула в голові:
Мабуть, в такій ось щирій простоті
Народжується Велич на землі.

*автор вірша — Олена Валеріївна Голуб,
вчитель Голубівської ЗОШ, 2016 рік*

В этом же ряду стоит еще одно стихотворение памяти С. Бондаря. Автор этого посвящения — известный на Кременщине литературовед Любовь Михайловна Таранец. Вспоминаю ее активное, деятельное участие в проведении мероприятий, посвященных памяти С. Бондаря в 2004 году и в последующий период, включая встречи с московскими представителями музыкального сообщества во время их визитов в Кременную. С теплыми чувствами признательности включаю это произведение, которое сама Любовь Михайловна назвала одой. Думаю, это будет достойным завершением данной части повествования.

ПАМ'ЯТИ СЕМЕНА БОНДАРЯ

Седой скрипач
На струнах сердца своего
Играл мелодию простую.
Все слушали «Гречанники» его,

Задорную, шальную плясовую.
Лилась она легко, свободно в зал,
Как будто в общий танец приглашал.
И каждый улыбался, но, не зная,

Седой скрипач — история живая.
Война. Безумная и страшная война
Благословила жертву жуткою она.
Концлагерь. Тысячи смертей...

А он, почти в обнимку с ней,
Рискуя, пишет свои оды,
Как жизни зов, как гимн народу,
Пророчество Победы и Свободы!

И Вера помогла пройти сквозь ад,
Он дальше шел по жизни как солдат,
Как верный сын Земли, Отчизны,
Живой легендой он при жизни стал,
И подвиг свой он детям завещал.

Любовь Таранец, Кременная, 2013 г.

◆◆◆

«Рідний дім. Бондарі». Несмотря на то, что в «Слове сына» эта тема уже звучала, вновь возвращаюсь к родословной («родині»), к отчому дому в Голубовке.

В этом нет ничего удивительного, как и в том, что Семен Егорович также вновь и вновь возвращался к этой теме в своем творчестве. Нельзя не обратить внимание, например, на стихотворение «Отчий поріг», где поэт спрашивает себя:

Чи не час би на пройдений шлях озирнутися,
Пригадати дитинство, той отчий поріг,
Де бувало всі рідні зберуться
І запахне приємно гарячий пиріг.

Родной дом, отчий поріг — это, естественно, прежде всего родители поэта, его братья — «хлопчаки білочубі» и, конечно, это семья самого Семена Егоровича — его жена, дети, внуки. Все они объединены единой фамилией — Бондарі, — которая тоже явила собой поэтические образы. Уместно в связи с этим отметить, что глубокая гражданская лирика, пронизывающая стихи о своих близких, неожиданно сочетается у С. Бондаря с элементами тонкого юмора и даже самоиронии.

Показательным является в этом плане стихотворение, которое так и называется — «Бондарі». В нем поэт как бы раскрывает глубинный смысл той фамилии, которую носили многие поколения его предков и которая, хочется надеяться, не прервется благодаря детям, внукам, правнукам... Это, своего рода, стихотворение-рассказ от имени деда поэта (дідусь):

Казав дідусь мені ще змалку:
«Умілий труд тримає рід,
Хай річ твоя хоч буде з валу,
Однак роби її як слід.

...

А ми були не лежебоки,
Бочки робили і діжі.
Такі міцні, що сотню років
Не мали течі, ні іржі.

Ми всі були не пришелепки,
За діло брались обіруч.
У нас завжди хватало клепки,
Щоб не розслабився обруч.

Хоча й ходили, було, пішки,
Мозоль, бувало, запече,
А взявсь за діло — зробиш діжку
Таку, що вік не потече».

Нельзя не отметить (в продолжение рассказа дідуся), что представители рода Бондарей впоследствии стали не только признанными мастерами по выделыванию бочек. И это тоже запечатлел С. Бондарь, имея в виду как детей (чего стоит в этом плане переложенное на музыку стихотворение «Проводжаючи сина!»), так и внуков (в частности, «молодого діяча Росії» Андрея, постигшего, как это описано в поэме «На стику століть», «батькові науки»).

С высоты сегодняшнего дня важно отметить и то обстоятельство, что теперь наряду с внуками (Андреем, Оксаной) продолжателями семейной памяти и залогом ее сохранения в завтрашней-послезавтрашней жизни будут, хотелось бы надеяться, правнучки и правнуки — дочери Андрея (Аня, Ксюша) и сыновья Оксаны (Матвей, Захар, Егор). В этом продолжении — главный залог и подтверждение того, что человеческая память бесконечна.

Что же касается сюжета о фамилии, то осмелюсь привести — в порядке подтверждения преемственности поколений Бондарей — стихотворение моего коллеги, доброго товарища Владимира Ивановича Крусса. Не ведая о том, что перу С. Е. Бондаря принадлежит стихотворение «Бондарі», он написал (к одному из моих дней рождения) стихотворение с таким же названием. Если иметь в виду, что это видный ученый в области юриспруденции и одновременно признанный (не только в юридической среде) поэтический талант, надеюсь, небезынтересным будет познакомиться с его, в том числе «юрисдикционной» интерпретацией фамилии «Бондарь».

БОНДАРЬ

В этимологии имени
И преюдиции статуса
Нет, и не может быть
Знаковой пустоты.
Тот, кто ментально связан
Смыслами нам не явными,
Более нас причастен
Таинству красоты.

Есть полнота неполного,
Закономерность случайного,
И обручения бондаря
Каждая истина ждёт.
Как избавленья должного
От морока тривиального;
Соединения с тайною
Трансцендентных высот.

Бондарь колдует с обручами;
Он их рихтует бережно,
Он доверяет обручам
Нежные души слов.
И аксиомами-стержнями,
И подчиненьями сложными
В логике и логистике
Наших святых основ.

Мы принимаем от бондаря
Текст, заповеданный предками, —
Бремя и радостный дар.
Нами еще не увиденный
В радуге русского контура,
Нами еще не понятый
И нелюбимый так,

Как это важно бондарю,
Как это видится кормчему,
Кем бы он ни был по имени —
Вахтенный иль рулевой...
Определение — бочкою,
Постановление — бочкою,
Каждой смолистой точкою
И легитимной строкой!..

Что в них от нас сокрытого,
Что — не напрасно ли? — дадено
Сертификатом должного
Или подобием виз?
К острову справедливости,
К берегу непредвзятого!..
По стапелям намоленным
Бочки катятся вниз!

В трюм корабля огромного,
Гордо вперёд плывущего,
Маршем родных и любящих
Сквозь посторонний гвалт,
К тем горизонтам будущего,
Где отвечает за лучшее
Бондарь — чудесник сущего
И корабельных мачт!..

В. Крусс, 2018 г.

Когда друзья больше, чем родня (портретные зарисовки)

*Ante
Factum
2020*

Особенность данной части ранее подготовленных воспоминаний, обретших форму книги «Не только память, но и жизнь бесконечна...» (2016), такова, что она нуждается не в редактировании, «уточнении» текста, а, прежде всего, в существенных дополнениях. В особой степени это касается моих самых близких друзей — семьи Владимира Николаевича Прокопенко, а также тех, кто, к огромному сожалению, уже ушел из жизни.

В целом же данный сюжет (о друзьях и связи с моей малой Батьківщиною) вполне вписывается в концепцию второго, дополненного издания «Личного и публичного...».

◆◆◆

Это особая страница моих воспоминаний, которые, возможно, больше похожи на исповедь. Речь идет не просто о тех, с кем

отцу довелось бок о бок жить и творить. Это и для меня близкие, очень близкие люди. О них сказано в «Слове сына» и, если в какой-то мере придется повториться, надеюсь, это будет воспринято с пониманием.

Прежде всего, о Владимире Николаевиче Прокопенко и его жене Надежде Федоровне. На протяжении многих лет, в том числе на изломе эпох, они (в этом нет никакого преувеличения) — самые близкие люди для меня и моей (а также родительской) семьи. Ирония судьбы, а, возможно, и просто логика жизни, такова, что с годами, несмотря на то, что с 2014 года мы вынуждены обходиться без личных встреч, лишь время от времени созваниваясь по разным поводам, наши отношения стали еще теплее и даже ближе. Но — обо всем по порядку, хотя бы вкратце.

Что можно сказать о человеке, который на протяжении нескольких лет помогал, поддерживал отца — не только морально — больше, чем кто бы то ни было другой, включая находившегося вдаль его собственного сына? Владимир Николаевич и его удивительная жена Наденька («красуня», как ее по-украински «ласкаво» называет А. Н. Васильцов) и сегодня в нынешних непростых, в том числе для моих родных на Луганщине, условиях по-прежнему не просто первые помощники, а в буквальном смысле — спасители. Нет слов, которыми можно было бы выразить чувства, связанные с тем, что именно Владимир Николаевич вместе с Надей, без преувеличения будет сказано, вернули к жизни мою сестру (после трагичного ухода из жизни ее дочери Натальи). В тот период, когда сестра в буквальном смысле не желала есть и пить, единственным спасительным островком жизни для нее стала семья Прокопенко. А дальше — больше ... Беда, как известно, не приходит одна. Уже в 2020 году сестре был поставлен тяжелый диагноз. Мое участие и поддержка в этой ситуации были возможны только на расстоянии. А Владимир Николаевич вместе с Надей — трудно в это поверить — невероятными, только им (и немного мне) известными усилиями и ежечасной заботой смогли буквально вытащить сестру, как в таких случаях говорят, «с того света» (по крайней мере, так это вы-

глядит по состоянию на сегодняшний день). Это слишком личные вопросы, чтобы глубоко в них погружаться; но, надеюсь, и этого вполне достаточно, чтобы любой, в том числе и не самый доброжелательный читатель — а такие, знаю, будут, поскольку оставшиеся в стороне вроде бы не чужие (если не сказать больше) люди, мягко говоря, «с недоумением» воспринимали эту ситуацию — смог оценить особое, БЕСЦЕННОЕ значение моих отношений с семьей друга-земляка В. Н. Прокопенко.

При всем понимании того, что в данном случае вряд ли оправдано многословие, хотелось бы, тем не менее, предельно лаконично добавить, что В. Н. Прокопенко и его семья — неотъемлемая часть моей жизни, насчитывающей несколько десятков лет: начиная с Ростовского госуниверситета, где Владимир Николаевич получал второе образование (юридическое), причем безо всякой скидки на дружеско-земляческие отношения, и продолжая тем, что можно назвать «совместной жизнью... на расстоянии» при регулярных до известных событий встречах не только на Малой Родине (в Кременной и Голубовке), но и в Москве, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, с поездками на Валаам (Россия) или по Святогорским святым местам (Донецкая область) и т. д. Одним словом, то, что непосильно было сделать великому Эйнштейну, — разрешить противоречие между пространством и временем — мы успешно решали, имея в виду, например, что расстояние между Ростовом-на-Дону и Кременной измерялось не километрами, а всего лишь четырьмя часами езды на автомашине (в том числе порой в течение практически одних-полутора суток — туда и обратно). Многие наши встречи того периода, включая знаменитые визиты на Луганщину с участием московских звезд музыкального искусства, были бы просто невозможны без четкой, в соответствии с выстроенным Владимиром Николаевичем «регламентом» (это его «фирменное» выражение) организации этих мероприятий, и при самом активном его личном участии.

Хочу сказать еще об одном моменте, связанном с личностью В. Н. Прокопенко, — о подарке судьбы, которым я был вознагра-

ден, — благодаря именно Владимиру Николаевичу я познакомился со многими удивительными людьми, моими выдающимися земляками. Это, например, братья-художники Борис и Анатолий Костяниковы. Оба они — уроженцы славной (а сегодня еще и много-страдальной) Луганщины, в частности поселка Краснореченск Кременского района, который находится по соседству с Голубовкой (на расстоянии около 20 километров). Их творчество — живое подтверждение неразрывных духовных связей братских славянских народов России и Украины: Борис — живет и работает в родном Краснореченске, он — член Национального союза художников Украины; Анатолий же многие годы работает в г. Орле, он — заслуженный художник России, почетный академик Российской академии художеств. Горжусь, что наряду с другими прекрасными произведениями живописи кисти А. Костяникова принадлежит в том числе работа «Портрет судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря» (2013 г., х. м., 110:100).

Нет ничего удивительного и в том, что постепенно, по итогам встреч, совместных мероприятий близкие друзья В. Н. Прокопенко стали и моими друзьями. Это, в частности, Валерий Тимофеевич Лагно, о котором можно было бы написать немало как об интересном, душевном человеке, но отмечу хотя бы то обстоятельство, что, будучи известным на Луганщине предпринимателем, с начала 90-х годов прошлого века, он давно проявлял интерес к экономической теории и уже в новое, очень непростое время (в январе 2016 г.) защитил докторскую диссертацию по экономике. Особо заслуживает быть отмеченным знаменитый «экслюзив» (что скрывается под названием «экслюзив», пусть останется секретом) «по рецепту Лагно»; в этом случае речь должна идти, в том числе, о заслугах его обаятельной жены Любовь Павловны.

Не могу не вспомнить и яркого, по-народному талантливое, энергичного земляка в лице Николая Владимировича Куценко. Если представить его лишь как успешного фермера Кременского района, то это означало бы практически ничего не сказать о его заслугах. До киевских событий 2014 года он был депутатом Луган-

ского областного Совета. Его знают и глубоко уважают как мецената (кстати, он активно поддерживает художников Костяниковых, является тонким ценителем их творчества). А чего стоит обустроенный на территории его фермерского хозяйства уникальный (не только для Луганщины) «Музей под открытым небом», где размещены скульптурные и другие символы культурно-исторического значения советской эпохи, собранные на территории не только Луганской, но и других областей Украины! Н. В. Куценко фактически создал основу (в том числе в виде богатой коллекции экспонатов) для открытия на территории своего хозяйства... этнографического музея. А какие представители фауны обосновались на его фермерском подворье! Какое богатство сельскохозяйственной продукции! Какой пруд! Не случайно, в том числе и мне, моим московским друзьям, представителям музыкального искусства, очень нравилось бывать, отдыхать в этом рукотворном райском уголке Кременщины.

Невозможно описать, насколько зачастую острыми бывали разговоры за «круглым столом» с участием столь интересных людей. Вспоминается одна из таких встреч осенью 2013 года, незадолго до начала так называемой майданной революции. Н. В. Куценко — на тот момент депутат Луганского областного Совета — спросил меня, как я отношусь к действующему украинскому президенту. На этот вопрос я ответил вопросом: «А разве у вас есть президент?». К сожалению, последующие события подтвердили мою правоту...

Возвращаясь к основной теме, хочу отметить, что и В. Т. Лагно, и Н. В. Куценко, как и некоторые другие земляки, познакомились с С. Е. Бондарем уже после его ухода из жизни, через пережившие его произведения. Чего, однако, стоит, например, такая неожиданная форма причастности к семье С. Е. Бондаря, как помощь одного из них (Н. В. Куценко, не говоря уже о В. Н. Прокопенко, без участия которого вообще практически ничего не происходило и не происходит в этом отношении) в установке нового памятника в Голубовке брату С. Бондаря, участнику Великой Отечественной

войны Петру Бондарю... В то же время можно было бы назвать немало тех людей, друзей В. Н. Прокопенко, которые, в том числе благодаря ему в той или иной мере были и друзьями семьи С. Бондаря. Нельзя при этом, правда, не признать, что некоторые из них опять же по известным причинам гражданского раскола в обществе, стали уже бывшими друзьями (но не для меня).

Знаю, что по-разному отнесутся к моим последующим словам, но нельзя и не надо пытаться (!) выбросить «из песни слова», если, конечно, мы не хотим стать «иванами, не помнящими родства». Речь идет, прежде всего, о Валентине Ивановиче Рябинине, главе администрации Кременского района на протяжении тяжелого периода 1990–2004 годов, а затем — во второй раз — с 2011 вплоть до событий 2014 года. Зная сегодняшнее различное отношение к В. И. Рябинину, для меня важнее другое, то что связано с нашей вчерашней жизнью, с теми или иными историко-биографическими фактами. В частности, удивительно, но так случилось, что в разное время он учился и у моей матери (в школе), и у отца (в медицинском училище), а затем — у меня (в Ростовском госуниверситете). При всем том, что В. Н. Прокопенко и В. И. Рябинин всегда были разными, «закадычными оппонентами» (по мере возможности мне порой приходилось сглаживать острые углы в их общении), на протяжении многих лет мы были рядом и даже — вместе. В отличие от нынешнего времени... Не вдаваясь в детали, справедливости ради нельзя не отметить, что все вопросы, связанные с моей семьей, с родителями, были вопросами только Владимира Николаевича...

Я привел здесь, конечно же, далеко не полный перечень друзей, которые вошли в жизнь С. Е. Бондаря и его семьи, в том числе после ухода из жизни отца. Вспоминаю, например, фермера Александра Викторовича Задераку, благодаря которому и в настоящее непростое время Голубовка сохраняет образ «квітучого села», где остаются «поля запашні». В его хозяйстве, на родной голубовской земле мы тоже бывали, плавали в прекрасном пруду, и не только...

Что же касается творческих отношений, то здесь, безусловно, особое значение имел для С. Бондаря ранее уже неоднократно упоминавшийся, заслуживающий всемерного почета и уважения Анатолий Николаевич Васильцов. Без преувеличения можно сказать, что это человек — обладатель уникальных творческих талантов — поэт и композитор, музыкант и исполнитель. Несмотря на заметную разницу в возрасте с С. Бондарем (который, кстати, душой всегда был значительно моложе своих лет), их многие годы объединяла творческая и человеческая дружба. Как уже отмечалось, в соавторстве с А. Васильцовым были написаны две прекрасные песни на слова отца — «Моя Голубівка» и «Проводжаючи сина». Непросто говорить об этих песнях словами прозы, лучше прослушать их в прекрасном авторском исполнении А. Васильцова. В последующем, после смерти отца, Анатолий Николаевич написал невероятно проникновенную песню, посвященную памяти своего старшего друга, — «Благословенний заповіт» (мне она почему-то напоминает знаменитые «Журавли» в исполнении Марка Бернеса). В этом же списке — принятая мною с большой благодарностью песня-посвящение Н. Бондарю «Ще не змовкли в садах солов'ї» (слова, музыка и исполнение этих песен — опять же А. Васильцова).

Об Анатолии Николаевиче можно было бы много, очень много написать. Или использовать им самим написанное, кстати, на трех языках — украинском, русском и белорусском... Чего стоят, например, его стихотворные посвящения своим друзьям к юбилейным и другим памятным датам (в числе адресатов его сочинений были и В. Н. Прокопенко с его женой, и мне тоже досталось). Некоторые из этих произведений хотелось бы включить в настоящее издание. Думаю, они органично впишутся в ткань повествования как подтверждение того, что глубокая человеческая и творческая дружба не имеет временных границ.

Горжусь, что я имел (и, надеюсь, еще буду иметь) возможность продолжать эти отношения нашей «пацанячьей» дружбы («пацаны» — это имеющее особое, закодированное значение, слово из лексикона нашего украинского круга общения).

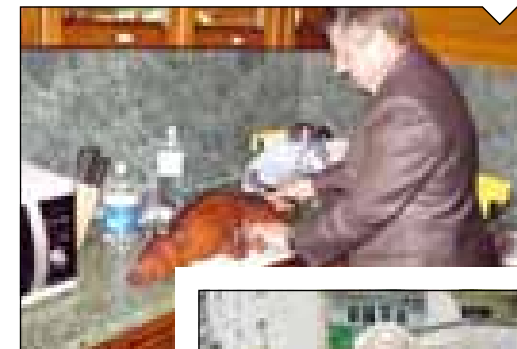
С чувствами глубокой признательности вспоминаю еще одного талантливого композитора Кременщины — Елену Гончарук. У нее также были совместные творческие работы с С. Бондарем, о чем я, к большому сожалению, узнал позже, уже после ухода отца из жизни. Без преувеличения могу сказать, что написанная ею музыка на стихи «У Каневі», как и сама песня в ее авторском исполнении, заставили меня по-новому воспринять и оценить это произведение отца. До этого от А. Васильцова я несколько раз слышал буквально следующие слова: «У Каневі» — це геніальний вірш». Я воспринимал это как традиционный комплимент, не больше. И только услышав песню на эти слова, понял глубину профессиональной (а не комплиментарной) оценки этого стихотворения. Что же касается музыкального произведения «У Каневі», то, как неоднократно решительно высказывался мой земляк по Луганщине и коллега Ю. М. Данилов, это произведение заслуживает того, чтобы стать гимном Украины; когда его слушаешь, по словам Юрия Михайловича, — мурашки бегут по коже. Возвращаясь же к композитору Елене Гончарук и ее совместным проектам с С. Бондарем, хотелось бы отметить, что она является автором музыки и исполнителем еще одного произведения на слова отца — юмористического стихотворения «Жигулі», которое живет теперь в весьма неожиданной музыкальной оранжировке.

Приятной неожиданностью для меня стало то, что в инициативном порядке в 2015 году были записаны некоторые песни на слова С. Бондаря (музыка А. Васильцова) в исполнении Татьяны Лавренко — выпускницы Донецкой государственной музыкальной академии имени С. С. Рахманинова, ныне — солистки Санкт-Петербургского музыкального театра, лауреата международных вокальных конкурсов, а также Елены Аренковой — дипломанта международного фестиваля фортепианной музыки Марии Гамбарян, лауреата международного конкурса «Фортепианные мосты». Вот и получается, что, проживая в Санкт-Петербурге, я не ведал, что пусть и в узких кругах любителей української пісні в северной столице России тоже могут звучать произведения С. Бондаря в музыкальном оформлении и выдающемся вокальном исполнении.

→☪→ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗЕМЛЯКИ, ДРУЗЬЯ →☪→



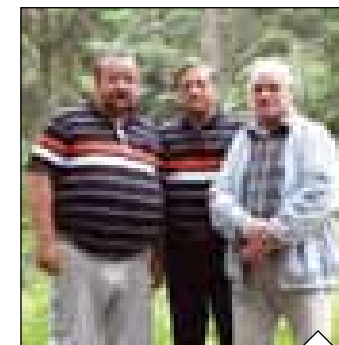
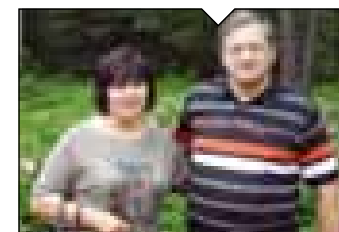
*Щіро та смачно...
Все готово к встрече
московских гостей, 2009 г.*



*Семья
Прокопенко:
Владимир
с женой
Наденькой*



*Богата
Кременщина
талантами.
Композитор
и исполнитель
Елена Гончарук*



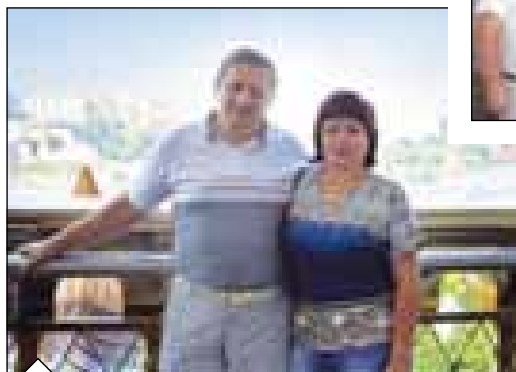
*Друзья-земляки
в Питере, 2010 г.*

Талантщице!



На Валааме...

Валаам.
С настоятелем
монастыря, 2012 г.



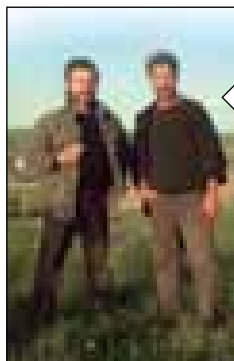
Семья
Прокопенко,
Москва, 2010 г.



С братьями —
художниками
Анатолием
и Борисом
Костяниковыми



Портрет
и... оригинал



Прикоснувшись к теме профессиональной музыки, впору перейти к московским представителям музыкального искусства...

◆ ◆ ◆

С московскими звездами музыкального искусства на Луганщине

Особая тема, как это уже отмечалось выше, связана с продолжением жизни поэзии отца в произведениях блестящих представителей музыкального искусства Москвы, с их поездками на Луганщину. Взаимоотношения с каждым из них, переросшие в дружбу, — одна из ярких страниц моей жизни, естественно, не только как судьи КС РФ.

В полной мере отдаю себе отчет в том, кому обязан знакомством, а в последующем и дружбой с этими удивительными людьми. Это был... мой отец. Именно он, уже после своего ухода из жизни, познакомил меня (своим творчеством!) сначала с Ю. А. Ткановым, а затем с А. П. Кулыгиным и С. Б. Яковенко. В этом плане сама история знакомства, надеюсь, тоже представляет интерес.

Все началось в июле 2004 года, когда на девятый день после смерти отца, по давней православной традиции я решил пригласить в Москве (где проживал как судья Конституционного Суда РФ) на поминальный обед своих товарищей, включая представителей Ростовского и Луганского землячеств в Москве. Такое «раздвоение» между землячествами вполне естественно для моей биографии: как с формально-юридической, так и фактической стороны, — в силу реальных связей и с Луганщиной, и с Донским краем я в одинаковой мере считаю себя членом как Ростовского, так и Луганского землячеств. Этим как раз и объясняется то, что по инициативе руководства Луганского землячества (и по согласованию, естественно, со мной) на то мероприятие был приглашен член Луганского землячества (как уроженец Луганска) Юрий Адальбертович Тканов, профессор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, заслуженный артист Рос-

сии. В этот день и состоялось мое знакомство с Юрием, а спустя несколько дней — с его мамой, Марией Романовной Ткановой, удивительной, невероятно душевной, высокообразованной, молодой по духу (несмотря на преклонный возраст), внутренне красивой женщиной, уроженкой Луганщины.

Прекрасные личные качества Ю. А. Тканова удивительно органично сочетаются с его высочайшим профессионализмом. В его исполнительской манере проявляется феноменальная виртуозность в сочетании с яркой эмоциональностью и глубиной трактовки музыкального произведения. Как исполнитель Ю. А. Тканов давно снискал славу на самых известных музыкальных площадках мира. Невозможно умолчать об особом, магнетическом воздействии альтиста на слушателей и зрителей. У него абсолютное ощущение сцены и языка музыки, что проявляется в глубоком проникновении в самые различные жанры и стили. Он многое сделал для того, чтобы альт занял подобающее место в современной музыкальной жизни — Тканов изобретает собственные приемы игры на инструменте, создает оригинальные концертные программы, позволяющие продемонстрировать во всей полноте уникальные возможности альта и проявить свой собственный талант как выдающегося исполнителя.

Само знакомство и общение с Ю. А. Ткановым — подарок судьбы. Участие же маэстро в поминальном обеде (после которого и завязались наши отношения), его потрясающее мастерство альтиста стали откровением и по-настоящему поминальным событием, коль скоро все это было посвящено моему отцу — человеку, жившему со скрипкой (альт и скрипка — родственные струнно-смычковые музыкальные инструменты), поэтическая душа которого была созвучна утонченной скрипичной гармонии. Хотя бы попутно не могу не отметить, что участниками того знаменательного поминального обеда в Москве были и посланники Кременщины — В. Н. Прокопенко и А. Н. Васильцов. В память о поэте звучали в тот день, естественно, проникновенные песни в исполнении А. Васильцова, в том числе на слова С. Бондаря.

После состоявшегося знакомства, во время одной из очередных наших встреч Юрий Тканов поделился соображениями по поводу того, что он мог бы передать книгу С. Бондаря «Голуби повертаются знов» известному московскому композитору, своему старшему товарищу — Александру Павловичу Кулыгину, который, возможно, обратит внимание на вдохновенные стихи С. Бондаря и положит их на музыку. Признаюсь честно, первоначально я не придавал словам Тканова особого значения, тем более, что не был знаком с Кулыгиным. Однако, каково же было мое удивление, когда спустя некоторое время Ю. Тканов сообщил, что на одно из произведений моего отца было создано музыкальное произведение для альта и фортепиано. Ясно было, что исполнителем на альте будет сам Юрий, а на фортепиано — прекрасный пианист в лице его супруги Елены Никитенко. Что же касается вокала, то по замыслу композитора либретто следовало поручить средней по тону мужской партии — баритону. Выбор пал на человека, с которым как Ю. Тканов, так и А. Кулыгин находились в давних творческих связях — С. Яковенко. Так, достаточно неожиданно для меня вскоре состоялось знакомство с этими, как я потом убедился, удивительными людьми — единым, звездным исполнительским коллективом. Каждый в его составе заслуживает отдельных слов восторга, признательности и моей глубокой благодарности. Говорить сегодня о каждом из них как о живом — для меня большая честь!

Александр Павлович Кулыгин,
композитор, заслуженный деятель искусств России

В плеяде ярких представителей современного музыкального искусства Москвы композитору Александру Павловичу Кулыгину, несомненно, принадлежит достойное место. Не только профессиональным деятелям искусства, но и — что особенно важно — широкой публике — театральным зрителям и слушателям, всем любителям музыкально-театрального искусства, включая

оперное и хоровое пение, балет и музыкальную комедию, симфоническую и инструментальную музыку, да и любителям современного кинематографа — хорошо известно творчество А. П. Кулыгина.

Широта творческих интересов композитора, глубина его проникновения в мир музыки вызывают восхищение. Им созданы многочисленные произведения в самых различных музыкальных жанрах и формах: от опер (их у него двенадцать!) и балетов, до музыкальных комедий и мюзиклов, ораторий, кантат, хоровых сочинений разных жанров, симфонической и инструментальной музыки, музыки для театральных постановок, кино- и телефильмов. Творчество А. П. Кулыгина характеризуется высокой духовностью, опирается на глубокие традиции, в том числе русской православной музыки. Многие произведения написаны им на библейские тексты, для церковного хорового исполнения. Значение этих сочинений, утверждающих и прославляющих ценности Православия, трудно переоценить.

Свидетельством беззаветной преданности высокому искусству является и тот факт, что А. П. Кулыгин перекладывал на язык музыки литературные произведения не только великих мастеров, но и малоизвестных авторов, которые в последующем обретали известность благодаря его музыке. Один из ярких примеров — музыкальные произведения различного жанра на стихи моего отца. Как признавался сам Александр Павлович, познакомившись с поэзией С. Бондаря, он оценил ее мелодичность, духовную глубину.

Не могу не рассказать в связи с этим об одном, как представляется, удивительном факте, свидетельствующем о степени погружения А. Кулыгина в поэзию С. Бондаря. Во время посещения могилы С. Бондаря в г. Кременная (это была первая наша поездка на Луганщину в мае 2010 г.) А. Кулыгин, подойдя к памятнику С. Бондарю и прочитав написанные на нем слова, замер: на надгробии были те же слова из поэмы С. Бондаря, которые он как композитор сам тоже выбрал для названия своего прекрасного музыкального

произведения — триптиха для баритона, альты и фортепиано — «Своим потомкам оставляю».

На надгробии же было начертано:

Дітям, онукам... всім щастя бажаю.
А в час надгробної відправи
Прожиті дні, мов книжні глави,
Своїм нащадкам залишаю.

Таким образом, последняя строчка из посвящения буквально воспроизведена, использована как ключевая на уровне ничем не объяснимого чутья композитора, который, кстати, не владел украинским языком. Сам же Александр Павлович оценил эту ситуацию как некий мистический знак...

Склонность А. П. Кулыгина к многообразию музыкальных жанров в полной мере проявилась в работе с поэзией С. Бондаря. На слова в общем-то малоизвестного украинского поэта маститый московский композитор написал наряду с триптихом «Своим потомкам оставляю» также кантату «Листая страницы» (для баритона, струнного альты и смешанного хора), диптих «Прийде весна» (для тенора, хора и фортепиано), а также песню «Мій край» (для баритона, альты и фортепиано).

Не могу удержаться, чтобы не назвать в этом же ряду еще одно удивительное произведение А. П. Кулыгина — музыкальную поэму «В поисках баланса» (для альты и фортепиано). Горжусь, что это произведение композитор посвятил мне, а сама идея этого сочинения была навеяна, как признавал сам Александр Павлович, моей книгой, первым изданием «Личное и публичное: в поиске баланса...». Вдохновенное исполнение этого произведения (альт — Ю. Тканов, фортепиано — С. Булатов) в Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, Московском Доме композиторов и на других сценических подмостках всегда сопровождалось большим успехом. Музыковеды заслуженно отмечали глубину, оригинальность этого музыкального произведения.

Что же касается вокала, то в исполнении всех (!) произведений А. Кулыгина на слова С. Бондаря незаменимым был (и оставался!) как в Москве, так и в поездках на Луганщину С. Б. Яковенко.

**Сергей Борисович Яковенко,
народный артист России, доктор искусствоведения, профессор**

Если бы мне сказали до знакомства с Сергеем Борисовичем — этим выдающимся деятелем отечественного вокального искусства, — что он будет исполнять музыкальные произведения на слова моего отца и что позже станет для меня по-настоящему близким человеком, старшим товарищем, я воспринял бы все это как неуместную фантазию. Тем не менее, это оказалось пусть и сказочной, но реальностью.

Я благодарен Богу (и, естественно, Юрию Тканову), что судьба свела меня с этой удивительно яркой и невероятно талантливой личностью. Конечно, Сергея Яковенко знали прежде всего как певца, одного из лучших не только отечественных, но и мировых баритонов. Его необъятный репертуар в равной мере охватывал и классику, и современную музыку, насчитывая без преувеличения тысячи произведений. И тот факт, что в арсенале народного артиста России С. Яковенко на очередном этапе его творческого пути появились триптих, кантата, диптих и задушевная украинская песня на слова украинского поэта С. Бондаря иначе как фантастикой не назовешь! У меня создается такое впечатление, что, если я, вспомнив исполнение С. Яковенко конкретного произведения в Москве или на Луганщине во время наших поездок, начну рассказывать об этом, то тем самым я как бы могу принизить исполнение великим Певцом других произведений. Поэтому я воздержусь от теснящихся в моей груди комплементарных пассажей...

Однако выдающиеся вокальные данные — далеко не единственный талант С. Б. Яковенко. Не касаясь чисто профессиональных его заслуг как известного музыковеда, доктора искусство-

ведения, профессора, у которого, кстати, много талантливых и обаятельных (!) молодых учеников-исполнителей, хочу отметить, что С. Б. Яковенко был непревзойденным рассказчиком. Не все, конечно, имели счастье лично слушать Сергея Борисовича, но вот я имел такую возможность, особенно во время наших вояжей по Луганщине. Я готов был едва ли не круглосуточно впитывать его разнообразные истории — одна занимательнее другой. На самом деле познакомиться с этой стороной личности С. Б. Яковенко мог любой желающий — он долгое время работал ведущим радиостанции «Орфей» (с большим удовлетворением отмечу, что посещение моих украинских пенатов существенно расширило тематическую палитру Яковенко-радиоведущего).

Нельзя не отметить и еще одно то ли хобби, то ли профессиональное «отвлечение» (или увлечение) С. Б. Яковенко — его работы как музыкального писателя. Но об этом лучше почитать в книге самого Сергея Борисовича — так интересно писать, как он, я, увы, не в состоянии. Горжусь, что являюсь обладателем одной из наиболее популярных его книг — «И довелось, и посчастливилось...» (М.: Композитор, 2007), с автографом, который содержит очень важные для меня слова: «Кто сказал, что в нашем возрасте поздно заводить новых друзей?». Вряд ли есть необходимость что-то добавлять к этому, за исключением глубочайшего сожаления по поводу столь неожиданного ухода из жизни этого прекрасного человека...



Завершить же эту часть моего повествования хотелось бы материалом, который уже сегодня стал своего рода документом знаменательных событий, связанных с поездками звезд московского музыкального олимпа на Луганщину и поистине братских отношений в сфере единого для России и Украины музыкального искусства. Речь идет о тех аудиозаписях, которые содержатся на компакт-диске «Моя Голубівка» (Санкт-Петербург — Кременная. Вып. 4, 2012) и предворяют каждое из включенных в содержание диска музыкальных произведений на слова С. Бондаря.

Во имя исторической достоверности материала помещаю соответствующие тексты выступлений без какого-либо редактирования; одновременно приношу извинения за не вполне заслуженную комплиментарность в свой адрес.

◆◆◆

Александр Павлович КУЛЫГИН:

— Проходят годы, но мне кажется, что поэзия Семена Егоровича Бондаря все больше и больше приближается к нам, становится понятнее, естественнее, важнее и нужнее. Я счастлив, что в моей творческой судьбе возникла поэзия этого замечательного поэта.

Мной написаны три сочинения на стихи Бондаря¹, разные по жанру, — это триптих, кантата и песня, но во всех трех сочинениях мне очень хотелось, чтобы участвовали два наших замечательных исполнителя — это выдающийся певец Сергей Яковенко и один из лучших альтистов — Юрий Тканов.

Когда я пишу музыку, скажу честно, я мало забочусь о том, чтобы понравиться зрителю, слушателю. Мне важнее решать какие-то более существенные задачи. Но в данном случае я каждый раз ловил себя на мысли, что мне очень хотелось бы услышать мнение об этих сочинениях самого поэта — Семена Егоровича Бондаря. К сожалению, это уже невозможно. Хотя, может быть, каким-то чудесным образом он даст нам весточку и скажет свое мнение об этой музыке, может быть, через своего замечательного сына — Николая Семеновича — для меня это было бы очень важно и нужно.

◆◆◆

Сергей Борисович ЯКОВЕНКО:

— Мы, исполнители, — альтист Юрий Тканов, композитор Александр Кулыгин и я, певец Сергей Яковенко, все больше и больше вдохновляемся стихами Семена Бондаря. Его уже нет, а поэзия его живет, дышит. И вот сегодня, в дни юбилейные, дни Победы (а это был поэт, прошедший тяжелый военный путь), его поэзия, его стихи с нами. Они удивительно образные, теплые, чистые. Вы знаете,

¹ В последующем А. Кулыгиным было написано еще одно музыкальное сочинение на слова С. Бондаря.

существует такое выражение — какой человек, такая и его музыка. Мы, музыканты, всегда слышим человеческую сущность исполнителя через его игру. А я бы расширил это сравнение и сказал бы, что через эти стихи, не будучи знакомым с Семеном Бондарем, мы его очень хорошо узнали, он нам стал просто родным и близким, и каждое обращение к его поэзии — это огромная радость. Спасибо ему за все.

◆◆◆

Юрий Адальбертович ТКАНОВ:

— Я хотел сказать только то, что для меня большая честь и радость сотрудничать со своими выдающимися, легендарными коллегами — великим певцом Сергеем Яковенко, замечательным композитором Александром Кулыгиным. Я думаю, что у нас получилась неплохая работа. Разумеется, без стихов, замечательных, искренних, глубоких стихов моего земляка Семена Егоровича Бондаря, ничего бы этого не было.

Что еще хотелось бы сказать? Поклониться Николаю Семеновичу Бондарю за его удивительно трепетное, уважительное отношение к наследию своего отца. Я надеюсь, что предстоящие концерты на родине Семена Егоровича в Луганске, в Кременной доставят слушателям много радости.

◆◆◆

Музыка поэзии: вершины творчества

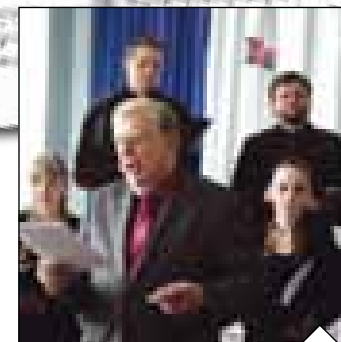
Важным эликсиром долголетия творчества С. Бондаря является, конечно, музыка, оживляющая и одухотворяющая, обогащающая новыми красками, новой тональностью его поэзию.

На слова С. Бондаря было написано не так много музыкальных произведений¹, но каждое из них, по крайней мере для меня, по-своему дорого. Они и по поэтическому материалу, и по музы-

¹ Вспоминаю по этому поводу шутку А. Н. Васильцова: когда отец ему как-то с ироничной обидой сказал, что он написал «всего лишь» две песни на его слова, Анатолий Николаевич ответил, что он, Семен Егорович, должен этим гордиться, так как на слова Т. Г. Шевченко он написал «лишь одну» песню. Действительно — все относительно!

кальным жанрам весьма разнообразны — от песен до произведений, тяготеющих к классическим музыкальным формам триптиха, кантаты и диптиха. В этом плане при подготовке книги «Не только память, но и жизнь бесконечна...» я посчитал важным включить в издание партитуры всех соответствующих музыкальных сочинений. Это тем более важно, если иметь в виду, что сами творческие личности, авторы музыкальных произведений, не всегда относятся с должной ответственностью к судьбе своих творений. Вспоминаю, например, каких усилий, многократных напоминаний на протяжении, как минимум, двух-трех лет мне стоило заполучить партитуру музыкальных произведений А. Васильцова (заинтересованный читатель сможет найти ее в самой указанной книге 2016 года издания), в настоящем же издании посчитал нецелесообразным воспроизводить материал, представляющий интерес лишь для сведущей в музыкальной грамоте части аудитории. Это тот случай, когда семи нот было вполне достаточно, чтоб они сами по себе, посредством партитурного текста, выразили все, что хотели сказать композиторы — Анатолий Николаевич Васильцов, Елена Федоровна Гончарук и, конечно, Александр Павлович Кулыгин.

Что же касается исполнения этих произведений, то здесь в полной мере проявилась известная истина: поэзия не имеет границ, не только территориальных, но и сердечных, эмоциональных. Подтверждение этого — воспоминания о поездках (сегодня воспринимаемых как по-своему легендарные) совместно с московскими представителями музыкального искусства на Луганщину (2009, 2010, 2012 гг.), участие кременнских земляков в различных мероприятиях в Москве (2004, 2008, 2013 гг.). В этом ряду — проведение важного мероприятия, посвященного творчеству С. Бондаря, в Библиотеке украинской литературы в Москве; организация и проведение заседания действовавшего в тот период при Библиотеке украинской литературы клуба «Родичі — Велика сім'я», посвященного семье Бондарей; художественная выставка в Украинском культурном центре в Москве с активным участием художников-земляков — братьев Анатолия и Бориса Костяниковых и т. д.



Народный артист
России С. Б. Яковенко

Звездный час композитора
А. П. Кулыгина

←☞ МОСКОВСКИЕ ЗВЕЗДЫ НА ЛУГАНЩИНЕ ☞→

Посетив родовое голубовское гнездо...

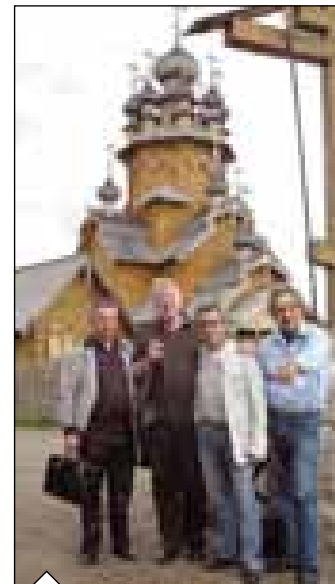


Этнографический уголок-музей в фермерском хозяйстве Н. В. Куценко



А. П. Кулыгин — композитор от Бога. Свято-Успенская Святогорская лавра

←☞ МОСКОВСКИЕ ЗВЕЗДЫ НА ЛУГАНЩИНЕ ☞→



Ю. Тканов, выдающийся альтист

В Свято-Успенской Святогорской лавре



С большим сожалением исключаю из настоящего, второго издания, конкретные материалы, касающиеся соответствующих мероприятий... Но хотя бы несколько фрагментов, касающихся, например, весьма интересного опыта работы клуба «Родичі — Велика сім'я», я здесь упомяну. Об этом пишет, по итогам заседания клуба (22 ноября 2008 г.), директор Библиотеки украинской литературы Виталий Крикуненко. Это, мне кажется, тот случай, когда текст целесообразно дать на языке оригинала: созвучность русского и украинского языков, которые соседствовали и в тот вечер в клубе «Родичі — Велика сім'я», только подчеркивают это обстоятельство.



Віталій Крикуненко, ведучий клубу «Родичі — Велика сім'я»:

— ...Клуб «Родичі — Велика сім'я», що під сучасну пору діє при Бібліотеці української літератури в Москві, вже вкотре відчиняє свої двері дбайливим хранителям родинної пам'яті про тих діячів української літератури, науки, культури та мистецтва, чий нащадки, родичі волею долі живуть та працюють у Москві, в Російській Федерації.

Тут уже побували онук поета-академіка Максима Рильського нині москвич Андрій Богданович Рильський, донька Валер'яна Поліщука, замріяного «філософа з головою хлопчика» — Люцина Валер'янівна Поліщук, вдова Олександра Дейча, видатного вченого-філолога, блискучого перекладача та популяризатора української літератури — відомий літературознавець Євгенія Кузьмівна Дейч, син Костя Котка (Миколи Любченка), українського письменника та публіциста 20-х рр. ХХ століття Олег Миколайович Любченко, син видатного державного діяча Радянської України Петра Шелеста — академік Віталій Шелест, інші цікаві гості.

Чергова зустріч присвячена творчій спадщині самобутнього прозаїка, поета, педагога з Луганщини, яскравого представника української інтелігенції Семена Єгоровича Бондаря (1916–2004). Його літературний доробок представлено у влаштованій

бібліотекою експозиції книгами «Голуби повертаються знов», «Пам'яті», «Надрікою Красною», «Краю мій...», «Джерело», численними публікаціями в літературно-художній періодиці. Своєрідним заспівом до хвилюючої розмови про життя та творчість талановитого сина України прозвучали пісні на слова С. Є. Бондаря у виконанні його земляка з Кременної, що на Луганщині, самобутнього поета і композитора Анатолія Васильціва.

А потім перед численними гостями клубу «Родичі...» поставили кадри відеофільму про вшанування пам'яті Семена Єгоровича на його батьківщині, в рідному селі Голубівка, де майже півстоліття літ письменник вчителював, звідки — джерела його творчого натхнення. Звідти ж, із Голубівки випурхнули у світи широкі з теплого домашнього гнізда його діти, продовжувачі славного трудівничого роду Бондарів. І один з них, батьківська гордість — Микола Семенович Бондар, суддя Конституційного суду Російської Федерації — радо завітав на зібрання в клубі «Родичі — Велика сім'я», аби повідати й своє синівське слово про цікавого письменника, турботливого батька, мудрого наставника. А з ним гостями Бібліотеки української літератури були і письменникова правнучка Аня, і невістка Миколи Семеновича Юлія, а ще — друг родини Бондарів Володимир Миколайович Прокопенко, чільні представники луганського земляцтва у Москві, читачі БУЛ... Й увіч видно було, як родинне коло родичів переростає у Велику сім'ю людей, поєднаних любов'ю до рідного краю, вболіванням за його сьогоднішнє та майбуття.

Говорячи про книгу «Голуби повертаються знов», Микола Семенович Бондар зазначив, що провідна тема, головні герої літературних творів батька — предковічна Голубівка, мальовнича Кременна, односельці-голубівчани.

...В «Слові сина», що відкриває цю чудово оформлену книгу (видавництво «Донбас») міститься щире зізнання: «Пишаюся тим, що віднині і навіки будуть оспівані сходжені мною разом із друзями дитинства луки і поля, ріка Боровик, де вперше в житті вдалося подолати страх втопитися й пережити захоплення від того, що, навчившись триматися на воді, плисти можна не тільки за течією:

не втопишися лиш у тому випадку, коли навчишися долати опір течії. Це так згодилося в подальшому дорослому, сухопутнім житті!»

Мабуть, то окрема велика й захоплююча тема — як сільський хлопчина (в повісті «Голуби повертаються знов» він змальований в образі Михася), долаючи опір життєвої течії, досяг своїх висот, як став голубівчанин Микола Бондар відомим вченим у галузі конституційного та муніципального права, автором численних монографій, суддею Конституційного суду Російської Федерації. Але ж яка велика роль у цьому батьківських уроків, що вперше відкривали синові широкі життєві горизонти.

Тож нашому роду нема переводу, — слушно наголосив у своєму слові-відповіді Миколі Семеновичу письменник і музикант Віктор Добродій.

У зворушливих виступах керівника Московської асоціації «Лугань» Ганни Володимирівни Гапонової, повноважного представника Луганської області в Москві Миколи Івановича Чоломбиська, поета Володимира Лісового, земляків письменника Стелли Аврамівни Коротич, захопленої читачки його творів Марії Романівни Тканової та інших давалася висока оцінка правдивості та громадянській наснаженості творчості Семена Бондаря, його поетичній здатності будити в нас почуття людяності та братерства, перейнятність глибоким уболіванням за майбутнє України.

Щоб наша славна Україна
Не знала сліз, як та вдова,
І чулась мова солов'їна,
Ніким не зборена, жива.
Яскраве сонце щоб сяло,
У небі чистому стояло,
Немов піднята булава... —

проголошує Семен Бондар у своїй поемі «На стику століть», тривожачись непростими проблемами сьогодення, висловлюючи вистраждану його поколінням певність у тому, що «сім'я одна — Вкраїна й Русь!».

Земля ж одна. Ланів розливи,
Озер і золото узлісь,
І пісні нашої мотиви
Нехай були б, як і колись.
Вони ж давно у нашу силу,
Ніким у світі незбориму,
Єдиним струменем влились...

А ще ж якою гарною українською мовою написані ці твори, стільки в повістях, оповіданнях, поемах, віршах та гуморесках Семена Бондаря життєвої правди та мудрості, влучних образів та порівнянь, віднайдених в глибинах рідної мови слів самоцвітних!

Не випадково на вірші поета з Луганщини вже написано стільки пісень. А учасники засідання клубу «Родичі — Велика сім'я» стали учасниками ще однієї пісенної прем'єри. В затишному читальному залі БУЛ уперше прозвучав чудовий триптих для баритону, альти і фортепіано «Своїм нащадкам залиша» (музика заслуженого діяча мистецтв Росії Олександра Кулигіна), що його натхненно виконали народний артист Росії Сергій Яковенко, заслужений артист Росії Юрій Тканов та Олена Нікітенко.

Допізна тривало щире творче спілкування, даруючи гостям клубу відкриття все нових граней розмаїтого таланту прозаїка, поета, педагога, батька — Семена Бондаря, засвідчуючи щедрість родинної пам'яті та синівської вдячності.

А для наступних зустрічей з багатим внутрішнім світом скромного сільського вчителя і талановитого письменника з слобожанського села на Луганщині Семена Бондаря в бібліотеці назавжди залишилася його книга з такою промовистою назвою — «Голуби повертаються знов».



Не могу не дополнить это лирическое отступление еще одним неожиданным для меня, но весьма приятным моментом. В процессе работы над книгой «Не только память, но и жизнь бесконечна...» директор издательства, готовившего книгу к вы-

пуску в свет Дмитрий Владимирович Нефёдов, которого я попросил обратить внимание не только на технические нюансы, но и на содержательный аспект предлагавшихся к публикации материалов, прислал ответ, содержащий, наряду с редакторскими замечаниями, неожиданные и очень интересные соображения, которые я посчитал возможным воспроизвести в заковыченном варианте:

«Познакомившись с творчеством Вашего отца, я обнаружил, что стихи, написанные им на украинском, во многих случаях вполне корректно перекладываются и на русский (даже с сохранением рифмы!). Судите сами:

Текст исходный:

*Чи не час би на пройдений шлях озирнутися,
пригадати дитинство, той отчий поріг,
де, бувало, всі рідні зберуться
і запахне приємно гарячий пиріг.*

Вариант на русском (конечно, многие слова я транспонирую по аналогии, не будучи знаком с языком оригинала):

*Час пробил, чтоб на пройденный путь оглянуться,
Вспомнить детство бывшее и отчий порог,
Где, бывало, все родственники соберутся
И запахнет призывно горячий пирог...»*

Признаюсь честно: я об этом созвучии как-то даже не думал. А Дмитрий Владимирович сходу, где-то, вероятно, интуитивно уловил это языковое (русско-украинское) созвучие. Это дорогого стоит!

Буквально в последний момент, на фмнальном этапе работы над данной рукописью, я неожиданно обнаружил в интернете (Анатолий Анненко. Стихи.ру) новый перевод А. Н. Васильцова («Анненко» — его литературный псевдоним) одного из сти-

хотворений С. Е. Бондаря на русский язык. Говорить о том, что это очень удачный перевод излишне: по-другому у Анатолия Николаевича не бывает. Привожу этот текст, как он дан на обозначенном интернет-ресурсе (при этом, конечно, не удержусь, чтобы не высказать Анатолию Николаевичу слова «обиды» на то счет, что он заранее не поставил меня в известность об этом переводе).

К ЮНОСТИ

Я дубравой любовался,
Слушал песню соловья. —
Вновь с тобою повстречался,
Юность давняя моя.

Нежно ты мне улыбнулась
(Свет весны в твоих глазах!).
Легкой тучкой обернулась
И пропала в небесах.

Вот стою я у причала —
В добрых мыслях и мечтах...
Вместе были мы так мало. —
Приходи, хотя бы в снах.

Русско-украинский «камертон» творчества С. Бондаря получил подтверждение еще в одном знаменательном для меня историко-биографическом факте. Спустя несколько лет после издания сборника произведений С. Е. Бондаря «Голуби повертаються знов», я наконец-то нашел три стихотворения, написанные им на русском языке. Едва ли не с детского возраста я помнил, что у отца было несколько сочинений на русском языке. Но только через много лет они обнаружилились, чему я несказанно рад. Остается выразить надежду, что истина, связанная с тем, что «рукописи не горят», воз-

можно, и в дальнейшем найдет свое подтверждение... в новых находках. Разве это не есть знак С. Е. Бондаря ОТТУДА (не только как поэта) всем тем, кто остается (пока) на земле, где в последнее время, к сожалению, разладился русско-украинский камертон — и не только языковой...

Что же касается самих стихов на русском — вот небольшие извлечения из найденной мной подборки:

ЦВЕТОК

Нашел я твой цветок красивый
В бумагах пыльных невзначай.
Сижу над ним и, приунылый,
Читаю надпись: «Вспомянай».

Цветок любви, цветок лиловый.
Сияет он, звездой горит;
На склоне юности суровой
Мне о тебе он говорит.

Как будто снова на свиданье
Явилась ты из прошлых дней.
Твой образ, милое созданье,
Яснеет в памяти моей.

Давно оставлен он тобою.
С тех пор я много пережил
В стране далекой, под грозой,
Среди болот, среди могил.

Не знал я там любви, покоя,
И слышал стон скалистых гор.
Мне злые призраки разбоя
Сулили смертный приговор....

Но вот вернулся невредимый.
Цветок нашел твой невзначай.
Сижу над ним и, приунылый,
Читаю надпись: «Вспомянай»...



КОГДА ИДЕШЬ ТЫ, ДОРОГАЯ

Когда идешь ты, дорогая,
Навстречу мне по мостовой,
Я снова сердцем содрогаюсь,
Как дуб осеннюю листвою.

Пленюсь твоими я шагами —
Стареть ты сердцу не даешь.
Стучишь, звенишь ты каблучками,
Как будто песенку поешь.

В душе моей цветет отрада.
Я молодею и расту.
В твоей улыбке, в силе взгляда
Я вижу жизнь и красоту.

Мой сад уже листву роняет
Вдали от юности моей,
Но сердце снова расцветает
Под властью золота очей.

Моя мечта теперь такая,
Чтобы увидеться с тобой,
Когда идешь ты, дорогая,
Навстречу мне по мостовой.

ЕДУ К ТЕБЕ

Еду, еду к тебе, дорогая.
А вокруг расцветает весна.
Эх, раздольная даль голубая,
Ты, родная моя сторона,

По просторам до самой России
На пути вижу много чудес,
Вижу образ твой нежный, красивый
В ярких звездах вечерних небес.

Вдоль дороги деревья рядами,
Будто в книге строка за строкой.
Багровеет луна над полями,
Будто машет мне кто-то рукой.

У пригорка твой дом среди долины.
Издалека его узнаю.
И в саду твоём кустик малины
Вижу я как улыбку твою.

Еду, еду к тебе, дорогая,
Впереди свет знакомый горит.
И, как прежде, в душе оживая,
Все вокруг о тебе говорит.

Творчество С. Бондаря, как и вся его жизнь, позволяет мне со всей определенностью отметить, что отец всегда был принципиальным противником каких-либо проявлений украинского национализма. В этом плане категорически не принимается ставшая с некоторых пор расхожей фраза, что якобы «национализм — это любовь к своей нации». Всякие попытки представить национализм (который *всегда* проповедует исключительность, превосходство

своей нации) в виде безобидной «любви к нации» ведут, как свидетельствует не только история, но и сегодняшняя действительность, в никуда, к историческому тупику.

Другое дело — любовь к своему языку, к национальной культуре! В этом плане весьма показательным (и поучительным!) является то, как принципиальный противник национализма в буквальном смысле этого слова воспевал красоту, пісенність української мови. Вероятно, не случайно уже в новое время, ровно десять лет спустя после ухода поэта из жизни, газета «Кремінщина» опубликовала 23 августа 2014 г. (ко Дню незалежності України) стихотворение «Живи, мово українська». Вот первые строчки:

Живи ти в нас, як стяги малинові,
Як шум садів, як трелі солов'я,
Несу тобі рясний вінок любові,
Українська мово рідна ти моя.

Разве это не есть проявление любви к Украине, к ее языку?! Именно в таком отношении к рідній мові выражается проявление подлинной любви к нации. Но это ни в коем случае не проявление национализма!

Данный сюжет заключительной главы хотелось бы завершить лаконично, емкими словами, которые являются своего рода лозунгом ежегодно проводимого Дня украинской письменности и языка. Их, пожалуй, непросто аутентично перевести на русский язык. Впрочем, думаю, здесь все понятно и без перевода: «*Минуще все, лиш слово не мине...*».



Разное как продолжение главного: стихи-посвящения

В данный раздел, надеюсь, органично впишутся стихи члена Московской ассоциации «Лугань» Владимира Хроменко. Не касаясь их литературно-поэтических достоинств, обращаю внимание

на их искренность, эмоциональную наполненность. Первое стихотворение — «Наследник Тараса», второе — «Отец и сын».

НАСЛЕДНИК ТАРАСА
(Семену Бондарю посвящается)

После смерти Тараса слава кобзы померкла.
Но, минуя столетье, вновь родился кобзарь...
Кобзари, не ныряйте никогда там, где мелко —
Глубина засинеет в песнях ваших, как встарь.

После смерти Тараса стал Днепр сиротою!
Но родиться поэту суждено у Донца,
Где коса в жаркий полдень будет лишь золотою,
Чтоб счастливый мальчишка до глубин добрался.

После смерти Тараса закружилась поземкой
Грусть-тоска вековая будто бы на века.
Но природа бывает божьей женщиной зоркой,
Что рождает поэта, чья звезда высока.

После смерти Тараса стало некому струны
Бегло трогать рукою в нашем певчем краю!
Но поэт прозревает не от слов многотрудных,
А когда вдохновенно музу слышит свою.

После смерти Тараса на весенней могиле,
Как стихи, расцветают полевые цветы.
Я не знаю, поэты жить иначе могли ли,
Хоть и не было в жизни между ними святых.

После смерти Тараса на Украине державной
Радость с горем сливалась, будто с морем Днепр.
Но рожденье поэта начинается тайной,
Ведь пера вдохновенье в мире вечно старо.

После смерти Тараса по традиции певчей
На небесных качелях закачался малыш.
Жизнь как печь роковая, чтобы образы печь в ней,
Да такие, что богом вдруг себя возомнишь!

После смерти Тараса нам осталась надежда
На стихи на страницах переизданных книг.
Все поэты уходят, самолюбие теша,
Что вновь кто-то из смертных к вещим строкам приник.

После смерти Тараса слов не вынуть из песен,
Мудро собранных в бусы промелькнувших времен.
Вновь уходят поэты, потому что мир тесен
Для того, кто в Украину и на небе влюблен.

«Уважаемый Николай Семенович! Посылаю Вам стихотворение, написанное мной и посвященное Вашему отцу. К написанию этого стихотворения меня вдохновило именно Ваше отношение к его памяти. В. Хроменко, 29 июля 2004 г., г. Москва».

ОТЕЦ И СЫН
(С. Бондарю и Н. Бондарю посвящается)

Отец и сын. Так до седин:
Отец — один,
А сын — другой.
Отец поэт. Его уж нет,
Но есть сонет,
Что под рукой.

Пусть сын прочтет, как прожил тот.
Кто ел не торт,
А черный хлеб.
И видит бог, он жил как мог,
Знал сто дорог,
От горя слеп!

От слез сухих не мокнет стих,
От рифм своих —
Дрожит струной.
Отец — скрипач. Эй, скрипка, плачь,
Пускайся вскачь,
Как конь степной!

Верни нас к дням, что дали нам
Высокий храм
Почетных слов.
Живут слова — и жизнь жива,
И дважды два
Всегда любовь.

Отец и сын! Их путь един,
Ни смерть, ни чин
Не разлучат.
Судьба одна. Стакан — до дна.
И даль видна
В глазах внучат.

Забыв про смерть, попробуй спеть,
И жизнь на треть
Продлишь тогда.
А жизнь отца — вся до конца —
Вошла в сердца
Людей труда.

*Владимир Хроменко,
г. Москва, 18.10.2005 г.*



Чтобы завершить этот раздел на оптимистичной, мажорной ноте, не без сомнений включаю «разоблачительные» стихи в свой адрес. При всей многослойности скрытого в них смысла, они (как

и все другое, что выходит из-под пера А. Васильцова) по-своему прекрасны и в определенной степени биографичны. Особенно, если соотносить их содержание с меняющимся возрастом их главного персонажа...

К 55-ЛЕТИЮ
МОЕГО ДРУГА-ЭГОИСТА (2005 г.)¹

Еще пьешь пиво с водкою,
А также водку с пивом;
Еще в футбол играешь ты,
Как профессионал.

Находишься ты в возрасте
Натруженно-счастливом, —
На службе, в жизни, в творчестве...
Викторию познал.

Так пусть же все дела твои
Победа увенчает!
И в радости, и в горести
Пребудь самим собой.

Твой «эгоизм» возвышенный
Господь благословляет.
Любимым будь (!) женой, семьей,
Друзьями и судьбой.

К 60-ЛЕТИЮ Б.Н.С. (2010 г.)

Еще пьешь пиво с водкою,
А также водку с пивом.
...Ты все такой, как в юности, —
Веселый, заводной.

¹ Эти и другие сочинения Анатолия Васильцова (литературный псевдоним — Анненко) опубликованы на интернет-ресурсе *stihi.ru*.

Хоть мог бы, но не «шастаешь»
По «кипрам» и «мальдивам»...
Зато бываешь часто ты
В какой-то Кременной.

В Ростове-на-Дону, в Москве
И в Питере — «домівки».
Куда бы ни поехал ты —
Живешь не в шалаше.

Но нет милее для тебя
Родимой «Голубівки»;
Ее забыть не сможешь ты —
Она в твоей душе.

Ты в нашем дружеском кругу
Любим и обожаем.
С тобой готовы мы пойти
И в самый трудный бой.

Мы все по зову твоему
Слетаться продолжаем. —
Пусть Провиденье даст нам впредь
Побольше встреч с тобой!

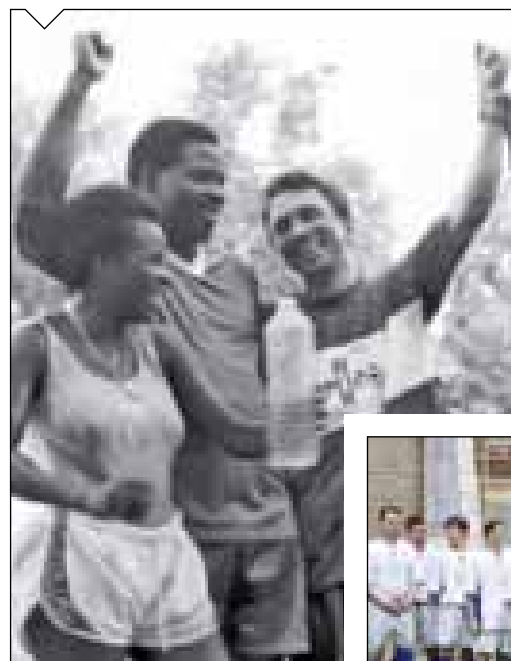
P. S.
На сей планете (на Земле)
Таких как ты — немного;
И над тобой не зря горит
Высокая звезда.

Да будет радости полна
Твоя судьба-дорога!
Коль (,) счастлив ты и нам светлей,
Ведь мы с тобой — всегда!

Футбольная
команда
молодости
нашей.
Начало
1980-х гг.



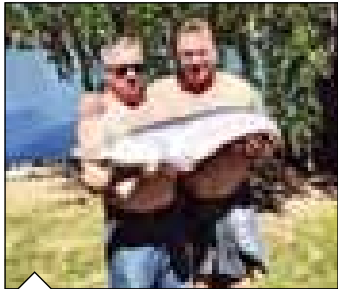
Мы,
«африканцы»,
победили!
Париж, 1994 г.



Время и возраст
диктуют новые правила игры.
Теперь это — теннис, 2011 г.

Сборная команда «Судьи России»
(тренер — В. Газзаев).
Москва, 2005 г.





Такой улов — гордость для любого рыбака. Осетр на 14,5 кг! (Московская область, 2016 г.)



В экзотической Марокко, 2019 г.



Встречи с В. Г. Сафроненко — всегда приятны! Санкт-Петербург, сентябрь 2020 г.



Лучше позже, чем никогда. На горных лыжах. Сочи, Красная Поляна, 2017 г.



С внуками можно отдыхать даже в рабочем кабинете, 2020 г.

А с внучкой Ксюшей — в Большом театре! Новогодний вечер 2019 г.



ПОЇХАВ ДРУГ... (2015 г.)

Поїхав друг у далечинь —
І я похмурим став. —
Він лиш (з відомих нам причин)
На три дні прилітав.

Сказав я другові: — Бувай!
Молюсь за тебе я.
Не забувай наш рідний край,
Що сонечком сія.

І рідні: річка, поле, гай,
Високий небозвід...
Шепнули теж: — Не забувай...
Привіт тобі, привіт!..

◆◆◆

И, наконец, самая последняя страничка настоящего издания... Название для нее я позаимствовал у отца, из его поэмы «Верхньоголубівске джерело»...

Вместо эпилога:
**«Хрестам поклонившись, іду на узгір'я,
свого родоводу шукаю сліди»**

Эти слова созвучны моему сегодняшнему внутреннему состоянию души, как и каждого, кто прошел большую часть своего жизненного пути... В этом состоянии вполне уместно (и естественно!) искать, вспоминать следы своих предков, раньше времени ушедших в вечность друзей... Эти слова в полной мере отражают глубину чувств всех тех, кто приходит к покоящимся своим родителям, к тем, кого мы помним или хотя бы что-то пытаемся узнать о них, затерявшихся в глубинах времени...

Очень хотелось бы надеяться, что не только дети, но и внуки, а также правнуки не потеряют следы своего рода. А если вдруг все-таки возникнет необходимость (и, дай Бог, потребность!) в таком поиске, хотелось бы надеяться, что в какой-то, пусть даже самой малой степени, эта книга поможет им в этом поиске, в сохранении «своего роду» следов.

Возможно, в этом главный смысл и главное оправдание появлению данного издания. Но это не означает, что в соотношении личного и публичного на первом месте — личное. Все-таки главное — баланс между ними. Буду продолжать его поиск на оставшемся отрезке своего земного пути. Ведь и эта книга (во втором издании) — все еще без эпилога, жизнь продолжается... Конечно, теперь, после завершения 20-летнего периода служения конституционному правосудию, окончания срока пребывания в высокой должности судьи Конституционного Суда России и, соответственно, расставания с обжитыми просторными и весьма комфортными (для работы!) кабинетами — первые 8 лет это — центр Москвы (ул. Ильинка, 21), последующие 12 лет — сердце Санкт-Петербурга, рядом с Медным всадником (Сенатская пл, 1), образ жизни, наверняка, поменяется. Главное, однако, заключается в том, что в моей памяти, в моем мировоззрении, мировосприятии, в профессиональном опыте, опыте личной жизни останется все то, что впитал в себя на протяжении всех предыдущих этапных периодов жизни, главным мерилom которых для меня, возможно, к сожалению всегда была РАБОТА — будь то научно-педагогическая, судейская или какая бы то ни была иная деятельность. При этом не могу не поблагодарить свою семью, детей, что они ВСЕГДА с пониманием относились к моему «несовременному» отношению к жизни, к тому, что я никогда не ставил во главу угла материальные выгоды...

Так что заглядывая в день завтрашний, который будет обозначен в том числе (но, надеюсь, не только) статусной характеристикой судьи Конституционного суда в ОТСТАВКЕ, уверен — это не будет ОТСТАВКА, отстранение от всего того, что представляло и

представляет для меня не только профессионально-юридический, но и глубоко личный интерес... А это как раз и является подтверждением того, что ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

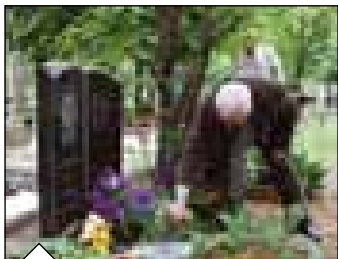
Поэтому вместо завершающих строк несостоявшегося эпилога — дружеский шарж, подаренный мне от имени alma mater (РГУ — ЮФУ) накануне отъезда в Москву в связи с назначением судьей Конституционного Суда России. Хотелось бы надеяться, что спустя двадцать лет, мое сходство с рисунком все еще заметно:)

Последние же страницы издания, непосредственно предшествующие шаржу, представляют собой хронологический указатель опубликованных за весь предыдущий период научно-педагогической, иной профессиональной деятельности научных, учебно-методических, публицистических, иных публикаций. Очевидно и вполне естественно, что этот список носит открытый характер, за 2020 годом, уверен (!), последует его продолжение...





Голубівка.... мого серця ласкава домівка



Посетив старшего друга...



Отцовские слова — даже на его надгробии

Благодарная память о матери — вечная рябина — будет жить...



Помянем по-христиански...



Хронологический указатель научных трудов, иных публикаций Н. С. Бондаря

1977

1. Бондарь Н. С. К вопросу о конституционной природе социально-экономических прав и обязанностей советских граждан // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ). Серия общественных наук. 1977. №2. С. 25–31.
2. Бондарь Н. С. Единство прав и обязанностей // Блокнот агитатора. Ростов н/Д. 1977. №25. С. 1–4.
3. Бондарь Н. С. Подлинный демократизм общества // Блокнот агитатора. Ростов н/Д, 1977. №5. С. 18–21.
4. Бондарь Н. С., Макаренко О. Н. [Рецензия] // Известия СКНЦ ВШ. Серия обществ. наук. 1977. №4. Рец. на кн.: Местные Советы в условиях развитого социализма. Краснодар, 1975.
5. Бондарь Н. С. Торжество социалистической демократии (Молодежи об основных правах, свободах и обязанностях). Ростов н/Д.: Общ-во «Знание», 1977.

1978

6. Бондарь Н. С., Ржевский В. А. Конституция развитого социализма // Вечерний Ростов. 1978. 5 октября.
7. Бондарь Н. С. ... и реально гарантирует: [социально-экономические права советских граждан] // Комсомолец. 1978. 21 марта.
8. Бондарь Н. С. Основной закон в действии: (к годовщине принятия новой Конституции СССР) // За советскую науку. 1978. 25 сентября.
9. Бондарь Н. С. Разрядка напряженности и права человека. Беседы на международные темы // Блокнот агитатора. Ростов н/Д. 1978. №29. С. 23–25.

10. Бондарь Н. С. Социально-экономические права, свободы и обязанности в системе конституционного регулирования положения личности в СССР. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та. 1978. 27 с. — Депонирована в ИНИОН АН СССР. Бюллетень ИНИОН АН СССР «Новая Советская литература по общественным наукам. Юридические науки». 1979. №5. Депонентский №3012.

11. Бондарь Н. С. Образ жизни — социалистический // Комсомолец. 1978. 21 марта.

1979

12. Бондарь Н. С. В слове «мы» — сто тысяч «я»: [что такое выборы, как они осуществляются, закон о выборах] // За советскую науку. 1979. 26 февраля.

13. Бондарь Н. С., Ржевский В. А. Ко второй годовщине новой Конституции СССР: вопросы теории // За советскую науку. 1979. 8 октября.

14. Бондарь Н. С. Конституционная природа социально-экономических прав, свобод и обязанностей советских граждан: Дис... канд. юрид. наук. Л., 1979. 209 с. Библиогр.: С. 179–209.

15. Бондарь Н. С. Конституционная природа социально-экономических прав, свобод и обязанностей советских граждан: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1979. 17 с. Список работ авт.: 8 назв.

16. Бондарь Н. С. Конституционная система социально-экономических прав, свобод и обязанностей советских граждан (методическая разработка). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та. 1979. 16 с.

1980

17. Бондарь Н. С. Конституционное регулирование социального равенства граждан СССР // Проблемы развития юридической науки и юридического образования на Северном Кавказе в свете Конституции СССР. Тезисы докладов и сообщений научн. конференции 21–22 марта 1980 года. Ростов н/Д., 1980. С. 51–52.

18. Бондарь Н. С., Ржевский В. А. [Рецензия] // Известия вузов. Правоведение. 1980. №4. С. 93–95. Рец. на кн.: В. Т. Кабышев. Народовластие развитого социализма: конституционные вопросы. Изд-во Саратовского ун-та. 1979.

19. Бондарь Н. С. Социалистическое право и формирование коммунистического мировоззрения // Блокнот агитатора. Ростов н/Д., 1980. №26. С. 14–17.

20. Бондарь Н. С. Социально-экономические права, свободы и обязанности — важнейший элемент конституционного статуса советских граждан // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалисти-

ческом обществе в свете Конституции СССР 1977 года (Вопросы теории государства и права, государственного и административного права). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 219–223.

1981

21. Бондарь Н. С. Законодательная деятельность Верховного Совета СССР (программа спецкурса для студентов юридического факультета РГУ). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1981. 31 с.

22. Бондарь Н. С. Территориальная организация населения — важный фактор осуществления прав и обязанностей граждан // Проблемы государств, демократии и права в материалах XXVI съезда КПСС. Тезисы докладов и сообщений научн. конференции (13–14 ноября 1981 года). Ростов н/Д., 1981. С. 39–41.

1982

23. Бондарь Н. С. Об основных направлениях развития советского законодательства // Блокнот агитатора. Ростов н/Д. 1982. №34–35. С. 25–27.

24. Бондарь Н. С. Воплощение принципа национального равноправия в законодательной деятельности Советского государства // Осуществление ленинских принципов интернационализма и дальнейшее развитие национальных отношений в СССР (Тезисы докладов и сообщений региональной научн. конференции). Грозный, 1982. С. 139–141.

25. Бондарь Н. С. Молодежи о Конституции. Беседы о Конституции // Комсомолец. 1982. 7 октября.

26. Бондарь Н. С. От античного мира до наших дней. Беседы о Конституции // Комсомолец. 1982. 1 октября.

27. Бондарь Н. С., Ржевский В. А. [Рецензия] // Известия вузов. Правоведение. 1982. №2. С. 94–96. Рец. на кн.: Конституционные основы народовластия в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.

28. Бондарь Н. С. Территориальная организация населения — важный фактор реализации конституционного статуса советских граждан // XXVI съезд КПСС и правовые проблемы регионального управления. Межвузовский тематический сборник научн. трудов. Саранск, 1982. С. 85–92.

1983

29. Бондарь Н. С. В стране социализма: [Беседы о Конституции] // Комсомолец. 1983. 3 декабря.

30. Бондарь Н. С. Занятия начинаются вечером // За советскую науку. 1983. 9 февраля.

31. Бондарь Н. С. Имеет право только он... Беседы о Конституции // Комсомолец. 1983. 4 января.

32. Бондарь Н. С. Конституционный статус личности в структуре правовой основы государственной и общественной жизни // Проблемы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни (Государственно-правовые проблемы). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та. 1983. С. 30–36.

33. Бондарь Н. С. Правовое воспитание — важный фактор формирования коммунистического мировоззрения студентов // Методические указания и комплексный план идейно-воспитательной работы среди студентов вечернего и заочного отделения на весь период обучения. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1983. С. 20–24.

34. Бондарь Н. С., Ржевский В. А. Рабочая учебная программа по советскому государственному праву. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1983. 44 с.

1984

35. Бондарь Н. С. Конституционное обеспечение социального равенства в развитом социалистическом обществе // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1984. №1. С. 21–26.

36. Бондарь Н. С. Социально-правовые статусы жителей города и деревни // Правовые проблемы реализации Продовольственной программы на Кавказе. Тезисы выступлений на научн. конференции 18–19 мая 1984 года. Краснодар, 1984. С. 37–38.

37. Бондарь Н. С. Социальное и правовое равенство советских граждан (Конституционный аспект) // Сов. государство и право. 1984. №12. С. 128–133.

1985

38. Бондарь Н. С., Емельянов М. В. Конституционное регулирование социальных отношений развитого социализма. Ростов н/Д., 1985. 31 с. Депонирована в ИНИОН АН СССР «Новая советская литература по общественным наукам. Государство и право», 1985. №10.

39. Бондарь Н. С. Принципы равноправия граждан в теории и практике буржуазного конституционализма // Конституция СССР и критика буржуазного конституционализма: межвузовский сб. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 157–166.

1986

40. Бондарь Н. С. Деятельность местных Советов по усилению правового равенства граждан // Известия вузов. Правоведение. 1986. №1. С. 13–22.

41. Бондарь Н. С. Местные Советы и управление социальным развитием регионов // Совершенствование деятельности аппарата местных Советов в современных условиях: сборник научн. трудов ЦЭНИИ при Госплане РСФСР. М., 1986. С. 37–45.

42. Бондарь Н. С., Ржевский В. А. О нетрудовых доходах // Вечерний Ростов. 1986. 27 июня.

43. Бондарь Н. С., Ржевский В. А., Овсепян Ж. И. Планы семинарских занятий по учебной дисциплине «Советское государственное право» (для студентов юридического факультета). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1986. 40 с.

44. Бондарь Н. С. Проблемы совершенствования деятельности местных Советов по усилению социального равенства граждан // Связь юридической науки с практикой. М.: Ин-т государства и права АН СССР. Отв. ред. акад. В. Н. Кудрявцев, 1986. С. 125–129.

45. Бондарь Н. С. Емельянов М. В. Развитие сферы услуг — практическое осуществление социальной политики // Блокнот агитатора. Ростов н/Д. 1986. №35. С. 4–7.

46. Бондарь Н. С. Региональные социальные различия: организационно-правовые средства их преодоления и усиления равенства граждан // Право и государственное управление регионами: межвузовский тематический сб. научн. трудов. Калинин, 1986. С. 18–32.

47. Бондарь Н. С. Теоретическая деятельность КПСС и развитие конституционно-правовой науки // Известия вузов. Правоведение. 1986. №4. С. 3–11.

48. Бондарь Н. С. Программа КПСС (новая редакция) — важнейший источник развития государственно-правовой науки // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1986. №4. С. 14–23.

49. Бондарь Н. С. Конституционный статус личности: понятие и юридическая природа // Методологические проблемы государства и права: межвузовский сб. Куйбышев: Куйбышевск. ун-т, 1986. С. 74–82.

1987

50. Бондарь Н. С. Роль местных Советов в обеспечении социальной справедливости и равенства граждан // Правовые аспекты организации и деятельности органов Советского государства: сборник научн. трудов. Краснодар, 1987. С. 61–71. Библиогр.: 13 назв.

51. Бондарь Н. С. Личность в системе социалистического самоуправления: конституционный аспект // Правоведение. 1987. №6. С. 3–12.

52. Бондарь Н. С. Конституция СССР — нормативная основа формирования политической и правовой культуры граждан // Повышение роли культуры производства научно-технического прогресса. Тезисы докладов областной научн. конференции (27–28 ноября 1987 года). Ростов н/Д., 1987. С. 148–150.

53. Бондарь Н. С. Конституционный статус гражданина СССР (программа спецкурса для студентов юридического факультета). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та. 1987. 44 с.

1988

54. Бондарь Н. С. Конституционный принцип равноправия граждан: сочетание материальных и процессуальных начал // Вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса: межвузовский тематический сб. научн. трудов. Калинин, 1988. С. 5–20.

55. Бондарь Н. С. Самоуправление народа и социально-экономические права граждан СССР: конституционный аспект. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1988. 144 с. Библиогр.: 224 назв.

56. Бондарь Н. С. А где верховенство? (Обсуждаем проекты законов) // Советская Россия. 1988. 26 октября.

57. Бондарь Н. С. Противоречия между обществом и личностью: конституционные средства их решения // Региональные особенности государственного строительства и укрепления правопорядка в свете идей Октября. Орджоникидзе, 1988. С. 31–82.

1989

58. Бондарь Н. С. Права человека и регулирование правового положения граждан СССР // Права человека в истории человечества и в современном мире / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1989. С. 77–79.

59. Бондарь Н. С. Советская Конституция и противоречия социализма: их выявление и разрешение // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1989. №4. С. 80–86.

60. Бондарь Н. С. Социальная справедливость в институте равноправия советских граждан // Право. Ускорение. Справедливость: сб. статей. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. С. 80–82.

61. Бондарь Н. С., Лях С. М. Обеспечение местными Советами прав и свобод граждан в современных условиях перестройки // Проблемы перестройки Советов народных депутатов: сб. научн. трудов. М., 1989. С. 74–83.

62. Бондарь Н. С. Приемлемо ли формальное отношение к «неформалам»? (Беседы за круглым столом) // Вестник партийного активиста. Ростов н/Д. 1989. №16.

63. Бондарь Н. С. Диалог и взаимодействие возможны (Беседа за «круглым столом») // Вестник партийного активиста. Ростов н/Д. 1989. №23.

64. Бондарь Н. С. Стратегия регулирования правового положения личности в условиях перестройки // Правовая реформа и проблемы ее реализации. Тезисы докладов и сообщений региональной научно-практич. конференции 14–15 сентября 1989 года. Краснодар. 1989. С. 43–44.

65. Бондарь Н. С., Голомидов Ф. К., Вильямский В. С. Рабочая учебная программа курса «Советское строительство» (для студентов юрид. факультета). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1989. 30 с.

1990

66. Бондарь Н. С. Гражданин пришел в Совет // Народный депутат. 1990. №8. С. 78–82.

67. Бондарь Н. С. Права человека и реформа советской политической системы // Правоведение. 1990. №2. С. 3–13.

68. Бондарь Н. С. Гражданин и местные Советы. Методические указания. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та. 1990. 28 с.

69. Бондарь Н. С. Права человека как средство преодоления политического отчуждения личности // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1990. №2. С. 3–10.

70. Бондарь Н., Кряжков В. Найдется ли юристу место в аппарате местных Советов? // Народный депутат. 1990. №6. С. 82–85.

71. Бондарь Н. С. Права человека как средство преодоления политического отчуждения личности // Проблемы преодоления политического отчуждения и бюрократизма в условиях обновления социализма. Материалы советско-польского симпозиума. Ростов н/Д., 1990. С. 82–85.

72. Бондарь Н. С. Равноправие граждан в концепции правового государства (история и современность) // Государство. Право. Национальные отношения в период создания социалистического правового государства: тезисы докладов науч.-практ. конф., посвященной 75-летию РГУ. Ростов н/Д., 1990. С. 68–71.

1991

73. Бондарь Н. С. Правовая комфортность личности — важнейшая характеристика режима социалистической законности // Актуальные вопро-

сы советской государственности и социального управления. Тверь, 1991. С. 30–35.

74. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и муниципальные права граждан // Местные Советы в условиях политических и экономических реформ. М., 1991. С. 78–88.

75. Бондарь Н. С., Емельянов М. В., Вильямский В. С., Георгиева Т. П. Методические указания и планы курсовых работ по государственно-правовой специализации (государственное право и советское строительство). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та. 1991. 45 с.

1992

76. Бондарь Н. С. Демократия — без прав человека, рынок — без товара // Утро. Ростов н/Д. 1992. №152–153. 17 октября.

77. Бондарь Н. С., Емельянов М. В. [Рецензия] // Сов. государство и право. 1992. №1. С. 148–151. Рец. на кн.: А. Е. Козлов. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы. М., 1990. 160 с.

78. Бондарь Н. С. Теоретические основы муниципального права. Ч. I. Методические указания. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1992.

79. Бондарь Н. С., Емельянов М. В., Вильямский В. С., Георгиева Т. П. Методические указания к выполнению курсовых работ. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1992. 30 с.

1993

80. Бондарь Н. С. Городской Совет и администрация: проблемы разграничения полномочий в сфере муниципальной собственности // Государство и право. 1993. №3. С. 86–96.

81. Бондарь Н. С. Гражданин в системе местного самоуправления // Государственное управление: проблемы теории, истории, практики, преподавания: тезисы докладов и сообщений науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 1993. С. 137–139.

82. Бондарь Н. С. За республику демократическую, против придворно-бюрократической // Утро. 1993. 10–16 декабря.

83. Бондарь Н. С. Как и почему «рождается» и «умирает» Конституция? // Утро. 1993. 5 июня.

84. Бондарь Н. С. Конституция — для человека, а не для Президента или Верховного Совета // Утро. 1993. 12 июня.

85. Бондарь Н. С. Местное самоуправление в современной политической системе // Государственность, право, местное самоуправление: Материалы науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 1993. С. 112–115.

86. Бондарь Н. С. Образовательный плюрализм — принцип формирования новой системы подготовки юридических кадров // Проблемы многоуровневой системы подготовки специалистов в университете: традиции и современность (материалы конференции). Ч. I. Ростов н/Д., 1993. С. 33–34.

87. Бондарь Н. С., Зинченко С. А. Два проекта Конституции Российской Федерации: в поисках компромисса или конфронтации? Ростов н/Д.: Рост. обл. Совет народных депутатов, 1993. 24 с.

88. Бондарь Н. С., Зинченко С. А. На пути к новой Конституции Российской Федерации. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та — Рост. обл. Совет народных депутатов, 1993. 24 с.

89. Бондарь Н. С. Юридическое образование в России в современных условиях: новые подходы и модели (Выступление на заседании «круглого стола» журнала «Государство и право») // Государство и право. 1993. №2. С. 6–8.

90. Бондарь Н. С., Емельянов М. В. Кафедра муниципального права и управления // Юридический факультет РГУ: вчера, сегодня, завтра. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1993. С. 19–27.

1994

91. Бондарь Н. С. И стала рабыней свободы... // Приазовский край. 1994. №9. 3 марта.

92. Бондарь Н. С. Устав города: каким ему быть? // Утро. 1994. №40–41. 18–24 марта.

93. Бондарь Н. С. Шаги в русле права? Размышления о власти // Утро. 1994. 22–28 марта.

94. Бондарь Н. С. Права человека в России: время перемен и надежд // Arche III. Париж. 1994. №8 (на франц. языке). С. 3–5.

95. Бондарь Н. С. Учиться быть свободными: о преподавании прав человека в России // Arche III. Париж. 1994. №10 (на франц. языке). С. 4–5.

1995

96. Бондарь Н. С., Зинченко С. А., Лапач В. А. Временное положение о порядке распоряжения и управления объектами муниципальной собственности г. Ростова-на-Дону. Проект. Ростов н/Д.: администрация города, 1995. 80 с.

97. Зинченко С. А., Бондарь Н. С. Собственность — свобода — право. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1995. 151 с.

98. Бондарь Н. С., Зинченко С. А. Собственность, свобода и права человека (политико-правовой аспект). Ростов н/Д.: Логос, 1995. 68 с.

99. Основы государства и права: уч. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. (в соавторстве). Автор разд. I, гл. 1; разд. III, гл. 2, 3. С. 9–33, 207–300.

100. Бондарь Н. С. Человек и местная власть: правовые основы взаимоотношений // Право и политика: проблемы взаимосвязи. Тезисы докладов и сообщений участников научно-теоретич. конференции. Ростов н/Д.: Рост. высшая школа МВД РФ, 1995. С. 53–55.

101. Бондарь Н. С. Права человека в стратегии развития российского законодательства // Российское законодательство и правоприменительная деятельность органов внутренних дел. Тезисы докладов межвузовской научно-практич. конференции. Ростов н/Д.: Рост. высшая школа МВД РФ, 1995. С. 7–9.

1996

102. Бондарь Н. С. Гражданин и Российское государство: конституционные основы взаимоотношений: уч. пособие. Ростов н/Д.: Рост. высшая школа МВД РФ, 1996. 164 с.

103. Бондарь Н. С. Конституция России: история и современность. Ростов н/Д.: Рост. высшая школа МВД РФ, 1996. 31 с.

104. Бондарь Н. С., Чернышев М. А. Муниципальное право и практика его реализации в городском самоуправлении (на примере г. Ростова-на-Дону). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1996. 246 с.

105. Бондарь Н. С. Права человека: уч. пособие. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1996. 61 с.

106. Бондарь Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1996. 240 с.

107. Бондарь Н. С. Проект Устава города уже подготовлен // Утро. 1996. 16–22 февраля.

108. Бондарь Н. С. Временное положение о выборах мэра города Ростова-на-Дону. Проект (авторский) // Вечерний Ростов. 1996. 24 июля.

109. Бондарь Н. С. Устав города — для всех ростовчан // Ростов официальный. 1996. Март. №9–10.

110. Бондарь Н. С. Каким должен быть устав муниципального образования (Концепция Устава города Ростова-на-Дону). Ростов н/Д.: Ростовск. гор. Дума, 1996. 46 с.

111. Бондарь Н. С. Свобода или равенство: проблема конфликта базовых ценностей демократии в условиях рыночной реформы // Имущественное расслоение в России: социально-правовые последствия. Материалы межвузовской конференции. Ростов н/Д., 1996. С. 27–30.

112. Бондарь Н. С. Устав муниципального образования в механизме реализации законодательства о местном самоуправлении // Проблемы реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Материалы научно-практической конференции 25 апреля 1996 г. / Отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 99–107.

113. Бондарь Н. С. Федеративная природа муниципального права России // Государственность и право республики в составе Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции (10–11 апреля 1996 года, г. Нальчик). Продолжение / Под ред. Д. Ю. Шапсугова. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1996. С. 56–60.

1997

114. Бондарь Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации: дисс... докт. юрид. наук. Ростов н/Д., 1997. 323 с. Библиогр.: 385 назв.

115. Бондарь Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации: автореферат дисс... докт. Юрид. наук. Саратов, 1997. 48 с.

116. Бондарь Н. С. Законодательная власть в Российской Федерации (учебно-методическое пособие для студентов юридического факультета РГУ). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1997. 80 с.

117. Бондарь Н. С. Городское самоуправление — качественно новая для России форма осуществления публичной власти // Ростов официальный. 1997. Ноябрь. №47 (156).

118. Бондарь Н. С. Права человека в условиях формирования гражданского общества // Права человека в условиях становления гражданского общества (Материалы международной научно-практической конференции. Курск, 15–16 мая 1997 г.). Курск, 1997. С. 16–20.

119. Бондарь Н. С., Емельянов М. В. Кафедра муниципального права и управления // Юридический факультет РГУ: вчера, сегодня, завтра. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1997. С. 45–53.

120. Бондарь Н. С. Ростовская область: конституционная модель организации и политическая практика развития // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. №2 (19). С. 86–100.

121. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / Отв. редактор В. А. Четвернин. М., 1997. В соавторстве (авт. гл. 5 «Местное самоуправление»). С. 528–560.

1998

122. Введение // Права человека в России: время надежд и разочарований. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской конфе-

ренции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека. 10 декабря 1998 г. / Отв. редактор и автор введения Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: ЮИ МВД России, РГУ. 1998. С. 3–4.

123. Бондарь Н. С. Права человека в современной стратегии развития Российской государственности // Права человека в России: время надежд и разочарований. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека. 10 декабря 1998 г. / Отв. редактор Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: ЮИ МВД России, РГУ, 1998. С. 7–11.

124. Бондарь Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1998. 382 с.

125. Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект Федерации на новом этапе конституционного развития // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1998. №4. С. 94–103.

126. Бондарь Н. С. Городское самоуправление как управляющая система: проблемы становления и перспективы развития // Ростов-на-Дону в XXI веке: концепции, программы, прогнозы. Материалы городской научно-практической конференции 27–28 ноября 1997 г. Ростов н/Д., 1998. С. 62–67.

127. Бондарь Н. С., Урвачева И. И. Правовые основы организации государственной власти в субъектах Российской Федерации // Российская государственно-правовая идеология. Тезисы докладов и сообщений участников научно-теоретической конференции. Ростов н/Д., 1998. С. 33–37.

128. Бондарь Н. С. Учиться жить Свободными // Вестник библиотек Совета Европы по правам человека в Российской Федерации. 1998. Октябрь. №2. С. 4–5.

129. Бондарь Н. С. Муниципальное право России. Методическое пособие для студентов юридических факультетов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1998. 59 с.

130. Бондарь Н. С. Все сферы города могут развиваться только при участии населения // Ростов официальный. 1998. Январь. №5 (164).

131. Бондарь Н. С. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву. «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1998. №8. С. 39–41.

132. Бондарь Н. С., Георгиева Т. П. Конституционное право Российской Федерации (методические указания). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1998.

133. Бондарь Н. С. Конституционно-правовая реформа в субъектах Российской Федерации: проблемы, противоречия, перспективы осуществления // Конституционализм: политическая реальность и законодательство. М., Центр конституционных исследований МОНФ, 1998. С. 5–7.

1999

134. Бондарь Н. С. Муниципальное право России. Методическое пособие. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1999. 69 с.

135. Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект федерации на новом этапе конституционного развития // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. №1. С. 94–103.

136. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации (Методические указания для слушателей Института права и управления РГУ). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1999. 15 с.

137. Бондарь Н. С. Конституционное право России и зарубежных стран (Методические указания для слушателей Института права и управления РГУ). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1999. 34 с.

138. Бондарь Н. С. Права человека как общедемократическая ценность и развитие российской национальной государственности // Права человека: пути их реализации. Материалы международной научно-практической конференции (8–10 октября 1998 г.). Ч. I / Под ред. Д. Ф. Аяцкова, А. С. Ландо. Саратов, 1999. С. 130–131.

139. Бондарь Н. С. Предмет и система муниципального права РФ как новой отрасли и учебной дисциплины // Проблемы преподавания конституционного и муниципального права / Под ред. проф. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 161–167.

2000

140. Бондарь Н. С. Конституционное право Российской Федерации (методические указания для студентов юридического факультета РГУ). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2000. 66 с.

141. Бондарь Н. С. Современная конституционная модель местного самоуправления в России: сочетание публичных и частных начал // Местное самоуправление на рубеже веков: история и современность. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции, посвященной 250-летию г. Ростова-на-Дону. 17 декабря 1999 г. / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2000. С. 18–24.

142. Бондарь Н. С. и др. Административно-территориальное устройство города Ростова-на-Дону. Справочное издание / Под редакцией проф. Н. С. Бондаря, Т. П. Куценко, Н. А. Чумаковой. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2000.

143. Бондарь Н. С., Колесов Ю. И. Конституционно-правовая реформа в субъектах Российской Федерации // Политические и правовые институты.

Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. Ростов н/Д.: РЮИ МВД РФ, 2000. С. 30–35.

144. Бондарь Н. С., Русских ВВ. Конституция России и Таможенный кодекс РФ: нормативные связи // Таможенный кодекс в системе российского права: сб. научн. трудов / Под ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2000. С. 56–66.

145. Бондарь Н. С. Конституционное развитие современной России. Лекция в Институте им. Кеннана (Вашингтон) // Информационный бюллетень Института им. Кеннана. Вашингтон, 2000. Декабрь. Vol. XVIII №4 (на англ. языке).

2001

146. Бондарь Н. С. Конституционное право как средство разрешения межнациональных конфликтов // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. Мат. конф. Москва, 27–28 апреля 2000 г. / Под ред. проф. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 17–24.

147. Бондарь Н. С. Конституционное пространство субъектов Российской Федерации: проблемы становления и развития // Регионы России: взаимодействие и развитие (междисциплинарный подход): Материалы конференции. М.: Инайт Полиграфик, 2001. С. 12–28.

2002

148. Бондарь Н. С., Авсеенко В. И., Бочаров С. Н. и др. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под ред. проф. Н. С. Бондаря. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 559 с. (35 п. л.).

149. Бондарь Н. С., Капранова Ю. В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. 192 с. (10 п. л.).

150. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации: Государственная власть. Федерализм. Местное самоуправление. Защита прав и свобод граждан / Отв. ред. Б. С. Эбзеев. М.: Юрист. Т. 3 (2000–2001). 651 с. (41 п. л.) — в соавторстве.

151. Бондарь Н. С. Социальная защита граждан: конституционная «рихтовка» законов и правоприменительной практики // Российская юстиция. 2002. №6. С. 8–11 (0, 5 п. л.).

152. Бондарь Н. С. Конституционный императив социальных прав (о практике Конституционного Суда Российской Федерации по социальной защите граждан) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. №2 (39). С. 216–225 (1 п. л.).

153. Бондарь Н. С. Правотворчество как особая форма реализации муниципальной власти // Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: сб. статей / Под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2002. С. 9–24 (0,8 п. л.).

154. Бондарь Н. С. Конституционный Суд Российской Федерации — гарант социальных прав граждан // Право и власть. 2002. №2. С. 5–13 (1 п. л.).

155. Бондарь Н. С. Права человека и гражданина как фактор конституционной безопасности // Права человека и конституционная безопасность. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции / Отв. ред. Бондарь Н. С. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. С. 9–18 (0, 4 п. л.).

156. Бондарь Н. С. Конституционная концепция социальной защиты граждан и роль Конституционного Суда РФ в ее реализации и развитии // Конституционная юстиция и проблемы формирования социального государства. 5-й Международный форум по конституционному правосудию. М.: Институт права и публичной политики. 25–26 октября 2002 года (1 п. л.).

157. Бондарь Н. Основной Закон нужно не изменять, а исполнять // Известия. №226 (26305). 11 декабря 2002 года. С. 1, 4 (0,25 п. л.).

158. Бондарь Н. Конституция России: не изменять, а исполнять // Южный федеральный. №49 (073). 2002. 11 декабря.

159. Становление гражданского общества: личность, самоуправление, власть: монография / Под ред. проф. Т. Д. Зражевской. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. 368 с. (23 п. л.). Автор параграфов 1.1, 2.1, 2.2, 2.3, 2.6. С. 7–20, 93–105, 124–133.

160. Бондарь Н. С. Особое мнение к Постановлению от 15 января 2002 г. №1-п по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 64 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и ст. 92 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой гражданина А. М. Трапцова // СЗ РФ. 2002. №6. Ст. 626.

2003

161. Налоговое право России: учебник для вузов / Отв. ред. д. ю.н., проф. Ю. А. Крохина. М.: НОРМА, 2003. 656 с. (41 п. л.). Автор параграфа 4 главы 5 «Решения Конституционного Суда РФ в системе правового регулирования налоговых отношений». С. 127–152 (1,1 п. л.).

162. Основы государства и права: учебник/4-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 704 с. 42 п. л. (в соавторстве). Автор разд. I, гл. 1; разд. IV, главы 2, 3 (параграфы 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9). С. 12–31, 280–333, 343–368.

163. Бондарь Н. С. Гражданское общество и местное самоуправление как социально-правовое выражение нового конституционного строя России // Основы конституционного строя Российской Федерации: понятие, содержание, значение: сб. ст., посвящ. 30-летию Алтайского государственного университета и 40-летию юридического факультета АлтГУ / Под ред. В. В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 3–32 (1,35 п. л.).

164. Бондарь Н. С. Конституционная модель российской системы защиты социальных прав (в свете решений Конституционного Суда РФ) // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. статей / Под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2003. С. 318–348 (1, 35 п. л.).

165. Бондарь Н. С. Защита социально-экономических прав конституционными судами стран Восточной Европы. Российская Федерация // Конституционное правосудие и социальное государство: сб. докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2003. С. 160–188. (1, 3 п. л.).

166. Бондарь Н. С. Конституционный строй как государственно-правовое выражение гражданского общества России // Конституционное развитие России: межвузовский сб. научных статей. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003. Вып. 4. С. 62–81 (1 п. л.).

167. Бондарь Н. С. Конституционный Суд и муниципальное правосудие // Местное самоуправление в России: сб. статей / Под ред. д. э.н., проф. В. Б. Зотова. М.: Ось-89, 2003. С. 51–65 (0,75 п. л.).

168. Бондарь Н. С. Конституция — нормативная основа разрешения социальных противоречий (к 10-летию Конституции Российской Федерации) // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2003. №1. С. 16–20 (0,5 п. л.).

169. Бондарь Н. С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. №11 (83). С. 55–64 (0,5 п. л.).

170. Бондарь Н. С. Конституционный Суд и адвокатура: цель одна — защита прав и свобод граждан // Южнороссийский адвокат. 2003. №4–6. С. 4–6 (0,25 п. л.).

171. Бондарь Н. С. Конституция России — нормативно-правовая основа разрешения социальных противоречий // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (К 10-летию Конституции России): Международная научно-практическая конференция (1–3 октября 2003 г.): в 3 ч. / Под ред. А. И. Демидова, В. Т. Кабышева. — Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003. Ч. 1. С. 19–21 (0,25 п. л.).

172. Бондарь Н. С., Баранов В. М. Конституционная безопасность и ее обеспечение в деятельности Конституционного Суда России: теория и практика // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2003. №3. С. 10–19 (0,5 п. л.).

173. Бондарь Н. С. Равенство и справедливость. Принципы Конституции в измерении КС РФ // ЭЖ-Юрист. 2003. №49 (303). 0,35 п. л.

174. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России — гарант конституционной безопасности личности, общества, государства // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 4 (22). 2003. Ереван, 2003. С. 45–72 (1 п. л.).

175. Бондарь Н. С., Кабышев С. В., Козюк М. Н. Модельные нормативные акты муниципальных образований: научно-практич. пособие. М.: Формула права, 2003. 104 с. (8,1 п. л.).

2004

176. Бондарь Н. С., Джагарян А. А., Хачатуров Н. В. Предвыборная агитация: теория и практика / Отв. ред. Н. С. Бондарь. М.: ИД «Городец», «Формула права», 2004. 220 с. (7,5 п. л.).

177. Налоговое право России: учебник для вузов / Отв. ред. д. ю.н., проф. Ю. А. Крохина. М.: НОРМА, 2004. 656 с. (41 п. л.). Автор параграфа 4 главы 5 «Решения Конституционного Суда РФ в системе правового регулирования налоговых отношений». С. 127–152 (1,1 п. л.).

178. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России — гарант конституционной безопасности личности, общества, государства // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2004. №1. С. 6–14 (1 п. л.).

179. Бондарь Н. С. Требования равенства и справедливости в измерении Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционные основы судебной власти. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 23 октября 2003 г.). М.: Российская академия правосудия. 2004. С. 56–66 (1 п. л.).

180. Бондарь Н. С. Конституционная безопасность личности, общества, государства: постановка проблемы в свете конституционного правосудия, обеспечения социальной справедливости, равенства и прав человека // Законодательство и экономика. Журнал для деловых людей. 2004. №4. С. 4–15 (1 п. л.).

181. Бондарь Н. С. Европейские стандарты по правам человека в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и их реализация в законодательстве субъектов Российской Федерации // Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского сове-

щания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М. А. Митюкова, С. В. Кабышева, В. К. Бобровой и А. В. Сычевой. М.: Международные отношения. 2004. С. 210–220 (0,75 п. л.).

182. Бондарь Н. С. Бюджетным средствам — конституционную защиту. Практика Конституционного Суда РФ // Юрист. Российская правовая газета. №29 (333). Июль. 2004. С. 4 (0,35 п. л.).

183. Бондарь Н. С. Конституционная безопасность личности, общества, государства: постановка проблемы в свете конституционного правосудия, обеспечения социальной справедливости, равенства и прав человека // Правовая реформа, судебная реформа и конституционная экономика: сб. статей / Сост. П. Д. Боренбойм. М.: Издание г-на Тихомирова М. Ю., 2004. С. 42–64 (1 п. л.).

184. Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: уч. пособие. М.: ИД «Городец», 2004. 352 с. (22 п. л.).

185. Бондарь Н. С. Местное самоуправление: баланс власти и свободы // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2004. №2. С. 9–27 (1,35 п. л.).

186. Бондарь Н. С. Европейские стандарты по правам человека в конституционном пространстве Российской Федерации // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2004. №3. С. 19–28 (1 п. л.).

187. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Право на предвыборную агитацию и свобода массовой информации: в поисках баланса конституционных ценностей // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2004. №4. С. 9–23 (1,5 п. л.).

188. Бондарь Н. С. Требования равенства и справедливости в решениях Конституционного Суда России // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 4 (26). 2004. Ереван, 2004. С. 7–43 (1,25 п. л.).

189. Бондарь Н. С. Особое мнение к Определению от 4 марта 2004 г. №90-о по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности п. 7 ст. 2 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // ВКС РФ. 2004. №5.

190. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 6 апреля 2004 г. №7-П по делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 87 Кодекса торгового мореплавания РФ и постановления Правительства РФ от 17 июля 2001 года №538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // СЗ РФ. 2004. №15. Ст. 1519.

191. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 23 апреля 2004 г. №9-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковско-го // СЗ РФ. 2004. №19 (часть 2). Ст. 1923.

192. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 29 ноября 2004 г. №17-П по делу о проверке конституционности абз. 1 п. 4 ст. 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В. И. Гнездилова и С. В. Пашигорова // СЗ РФ. 2004. №49. Ст. 4948.

2005

193. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005. 592 с. (37 п. л.).

194. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М.: Формула права, 2005. 336 с. (21 п. л.).

195. Бондарь Н. С. Конституционная природа налогового права // Финансовое право. 2005. №3. С. 28–40 (1,25 п. л.).

196. Бондарь Н., Джагарян А. Голосование «против всех» как российский социально-политический феномен и его конституционные оценки // Сравнительное конституционное право. 2005. №2 (51). С. 128–137 (1 п. л.).

197. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал российского права. 2005. №11. С. 15–30 (1 п. л.).

198. Бондарь Н. С. Обеспечение баланса власти и свободы — главная задача конституционного правосудия // Проблемы совершенствования российского законодательства. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2005. С. 6–20 (0,75 п. л.).

199. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Ученые записки юридического факультета РГУ: сб. научных трудов. Вып. 5. Ростов н/Д.: Издательство «Проф-Пресс», 2005. С. 4–46 (1,5 п. л.).

200. Бондарь Н. С. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Обязывающая сила решений // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. 6-я встреча, Баден-Баден, 12–15 января 2004 г. М.: Права человека, 2005. С. 14–18 (0,25 п. л.).

201. Бондарь Н. С. Судебное толкование законов // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. 6-я встреча, Баден-Баден, 12–15 января 2004 г. М.: Права человека, 2005. С. 19–40 (1 п. л.).

202. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Административное право как единство материальных и процессуальных начал // Право и политика. Научный юридический журнал. 2005. №12 (72). С. 32–37 (0,5 п. л.).

203. Бондарь Н. С. Современная конституционная концепция прав человека: ее развитие и практика реализации в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционные права и свободы человека и гражданина как высшая ценность демократического, правового государства. Сборник научно-практических статей. Тирасполь, 2005. С. 120–141 (1,25 п. л.).

204. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как средство решения избирательных споров // Избирательное законодательство и выборы в регионах: теория и практика / Под ред. С. В. Юсова. М.: ТК Велби — Проспект, 2005. С. 43–58 (1 п. л.) (вышел в 2006 г.).

205. Бондарь Н. С. О назначении губернаторов без политики. Новый порядок наделения полномочиями глав регионов не нарушает права и свободы граждан // Российская газета. 2005. 29 декабря. №294 (3963). 0,3 п. л.

206. Бондарь Н. С. Бедность стариков — это проблема конституционной безопасности // Российская газета. 2005. 20 апреля. №81 (3750).

207. Бондарь Н. С. РГУ: путь к национальному университету // Наше время. 2005. 6 апреля. №81 (17416).

208. Бондарь Н. С., Лях С. М. Права человека. Методические указания для студентов. Ростов н/Д., 2005. 114 с. (5,5 п. л.).

209. Бондарь Н. С. Самоуправление как «демократия малых пространств»: баланс власти и свободы // Меняюсь сам, изменял мир к лучшему: Материалы научной конференции, посвященной памяти Г. В. Барабашева. Москва, 17 ноября 2004 г. / Под ред. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 43–69.

210. Бондарь Н. С. Мнение к постановлению от 14 июля 2005 г. №8-п по делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и постановления правительства РФ «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э. Д. Жуховицкого, И. Г. Пойма, А. В. Понятовского, А. Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго» // СЗ РФ. 2005. №30 (ч. II). Ст. 3199.

211. Бондарь Н. С. Особое мнение к Постановлению от 14 ноября 2005 г. №10-п по делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 48 и ст. 58 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», п. 7 ст. 63 и ст. 66 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой уполномоченного по правам человека в РФ // СЗ РФ. 2005. №47. Ст. 4968.

2006

212. Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М.: Викор-Медиа, 2006. 223 с. (14 п. л.).

213. Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. №6. С. 113–127 (1 п. л.).

214. Бондарь Н. С. Экономическое развитие общества в контексте решений Конституционного Суда РФ // Закон. 2006. №11. Ноябрь. С. 33–42 (0,75 п. л.).

215. Бондарь Н. С. Налоги как связующее звено между властью и свободой: налоговое право в свете конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. №3 (56). С. 123–137 (1 п. л.).

216. Бондарь Н. С. Социально-экономическое развитие общества в зеркале конституционного правосудия // Конституционные основы экономической и социальных отношений. Конституционная юстиция: Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву. 31 марта — 1 апреля 2006 года / Под ред. А. А. Ливеровского. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 2006. С. 9–41 (1,5 п. л.).

217. Бондарь Н. С. Решения Конституционного Суда как мера свободы и ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. №10. С. 2–5 (0,35 п. л.).

218. Бондарь Н. С. Конституционный Суд и арбитражное правосудие: полномочия различны, цель одна // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2006. №1 (2). С. 6–11 (0,5 п. л.).

219. Бондарь Н. С. Конституционный Суд как орган по разрешению избирательных споров // Реформирование отечественного избирательного законодательства: проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 23 сентября 2005 г. / Под ред. М. С. Матейковича, И. Н. Халина. Тюмень: Вектор Бук, 2006. С. 5–20 (1,2 п. л.).

220. Бондарь Н. С. Экономическое и социальное развитие общества в контексте современного конституционализма и решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный строй России. Вып. У. Труды Института государства и права РАН / Отв. ред. проф. Ю. Л. Шульженко. М., 2006. С. 13–35 (1 п. л.).

221. Бондарь Н. С. Конституция, Конституционный суд и налоговое право // Налоги. 2006. №3 (461). С. 3–14 (1 п. л.).

222. Бондарь Н. С. Конституционный Суд РФ и современная концепция прав человека: вопросы теории и практика реализации // Проблемы права. 2006. №1. С. 9–23 (1,5 п. л.).

223. Бондарь Н. С. Национальный конституционный контроль в соотношении с конвенционной юрисдикцией Европейского суда по правам человека // Юстиция. 2006. №2. С. 89–96 (0,75 п. л.).

224. Бондарь Н. С. Конституционный Суд как институт модернизации российской государственности // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (31). 2006. Ереван, 2006. С. 5–32 (1,15 п. л.).

225. Бондарь Н. С. Конституционный строй Российской Федерации и роль Конституционного Суда в его защите // Современный конституционализм. Международный научно-практический журнал. Тирасполь. 2006. №1. С. 20–31 (0,75 п. л.).

226. Бондарь Н. С. Права человека и их европейские стандарты в конституционном пространстве России как единого федеративного государства // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сб. научных трудов. Казань: Офсет-сервис, 2006. С. 59–75 (1 п. л.).

227. Бондарь Н. С., Гавришев А. Е. Конституционный Суд РФ — институт гарантирования прав местного самоуправления // Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации. Материалы докладов и сообщений участников межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Ржевского / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2006. С. 46–52 (0,25 п. л.).

228. Бондарь Н. С. Достоинство личности — критерий конституционности законодательства // ЭЖ–Юрист. Российская правовая газета. №21 (426). Июнь. 2006. С. 5 (0,35 п. л.).

229. Бондарь Н. С. Цель одна — полномочия различны // ЭЖ–Юрист. Российская правовая газета. 2006. Июль. №29 (434).

230. Бондарь Н. С. Слово о профессоре Ржевском В. А., его вкладе в теорию и практику отечественного конституционализма // Конституция, судебная власть и права человека в Российской Федерации. Материалы докладов и

сообщений участников межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Ржевского / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2006. С. 8–16 (0,4 п. л.).

231. Бондарь Н. С. Слово об учителе (Ржевский В. А.) // Саратовская научная школа конституционного права. 2-е издание, переработанное и дополненное / Сост. В. Т. Кабышев. М.: Формула права, 2006. С. 140–145 (0,35 п. л.).

232. Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека и осуществление конституционного контроля (в свете практики Конституционного Суда РФ) // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: сб. докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2006. С. 193–217 (1,2 п. л.).

233. Бондарь Н. С. Конституционный строй Российской Федерации и роль Конституционного суда в его защите (Ч. 2) // Современный конституционализм. Международный научно-практический журнал. Тирасполь. 2006. №2. С. 20–31 (0,75 п. л.).

234. Бондарь Н. С. Социально-экономическое развитие общества как сфера конституционного влияния (в свете решений Конституционного Суда РФ) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов: Изд-во Саратовская гос. академия права, 2006. Вып. 7. С. 16–36 (1 п. л.).

235. Бондарь Н. С. Конституционный Суд как орган по разрешению избирательных споров // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Международный альманах. XI Ереванская международная конференция. Ереван. 2006. С. 57–69 (0,75 п. л.).

236. Бондарь Н. С. Конституционный суд — универсальный институт обеспечения баланса свободы и ответственности // Право как мера свободы и ответственности: в 2 т. / Под ред. д. ю.н., проф. В. А. Лебедева., д. ю.н., проф. Кунц. Т. 1. М.: ИД «Анвик», 2006. С. 21–30 (0,45 п. л.).

237. Бондарь Н. С. Мнение к Определению от 17 июля 2006 г. №137-о о прекращении производства по делу о проверке конституционности положений законов Кабардино-Балкарской Республики «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» в связи с жалобами ряда граждан // ВКС РФ. 2006. №5.

2007

238. Налоговое право: уч. для вузов / Отв. ред. д. ю.н., проф. Ю. А. Крохина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2007. 752 с. (47 п. л.). Автор параграфа

4 главы 5 «Решения Конституционного Суда РФ в системе правового регулирования налоговых отношений». С. 117–161 (1,5 п. л.).

239. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. №4. С. 75–85 (1 п. л.).

240. Бондарь Н. С. Власть и свобода как конституционные ценности в их коллизионном единстве // Гуманитарный ежегодник / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д. М.: Социально-гуманитарные знания, 2007. С. 200–207 (0,4 п. л.).

241. Бондарь Н. С. Социальная реформа в зеркале конституционного правосудия // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (вып. II): сб. научных трудов. Казань: Офсет-сервис, 2007. С. 26–40 (0,75 п. л.).

242. Бондарь Н. С. Акты конституционного правосудия как особый юридический феномен // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития. Материалы научно-практического семинара. 29–30 сентября 2006 года / Под общей ред. С. Л. Сергеевнина. СПб.: Ореол, 2007. С. 30–69 (1,35 п. л.).

243. Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с национальным конституционным контролем // Актуальные аспекты реформ российского государства и права конца XX — начала XXI столетия (Межотраслевое социально-правовое исследование). Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2007. С. 68–97.

244. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие — универсальный институт разрешения социальных противоречий современного общества // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 1 (35). 2007. Ереван. 2007. С. 5–31 (1,15 п. л.).

245. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Ученые записки. Вып. 6. Юбилейный. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 4–19 (1 п. л.).

246. Бондарь Н. С. Равенство и справедливость как критерии конституционности социального законодательства // Конституционное развитие России: межвузовский сб. научных статей. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2007. Вып. 8. С. 113–127 (1 п. л.).

247. Бондарь Н. С. Социально-экономическое развитие — проблема конституционная (фрагменты авторского видения к монографии «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ)» // Российский экономический журнал. 2007. №5–6. С. 71–75 (0,5 п. л.).

248. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Государственная власть и (или) местное самоуправление: в поиске оптимальной модели взаимоотношений (Рецензия-размышление по поводу книги: Пешин Н. Л. Государственная власть и местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы развития конституционно-правовой модели. М.: Статут, 2007. // Конституционное и муниципальное право. 2007. №24. С. 23–26 (0,45 п. л.).

249. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 23 января 2007 г. №1-п по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ в связи с жалобами ООО «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева // СЗ РФ. 2007. №6. Ст. 828.

250. Бондарь Н. С. Особое мнение к Определению от 1 ноября 2007 г. №948-о об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. А. Астафьева на нарушение его конституционных прав п. «д» ч. 1 ст. 115, ст.ст. 117 и 119 УИК РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. №2. 2008.

2008

251. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008. 592 с. (37 п. л.).

252. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов. М.: Академия труда и социальных отношений, 2008. 180 с. (11,25 п. л.).

253. Бондарь Н. С. Конституция — ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий (в контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Сравнительное конституционное право. 2008. №2. С. 46–58 (1 п. л.).

254. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальное значение решений Конституционного Суда РФ для конкретизации законодательства // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (г. Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. 1134 с. (1 п. л.).

255. Бондарь Н. С. Социальные права как отражение достоинства личности, равенства и справедливости: в поиске баланса конституционных ценностей // Социальные права и практика Конституционного Суда Российской Федерации: сб. материалов научной конференции 5–7 июня 2007 г. СПб.: ИД Санкт-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2008. С. 39–62 (1,25 п. л.).

256. Бондарь Н. С. Ценностно-правовые начала конституционной концепции социального государства (практика Конституционного Суда Российской Федерации) // Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: сб. докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 118–140 (1,2 п. л.).

257. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как институт преодоления правовых дефектов, конфликтов и пробелов в правовой системе // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (выпуск III): сб. научных трудов. Казань: Офсет-сервис, 2008. С. 47–59 (0,75 п. л.).

258. Бондарь Н. С. Конституционный Суд между Сциллой и Харибдой: место конституционного правосудия в системе разделения властей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Второй выпуск. (№13). 2008. С. 5–17 (1,2 п. л.).

259. Бондарь Н. С. Конституционные пробелы и конфликты в практике Конституционного Суда РФ // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: материалы международной научной конференции. Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 28–31 марта 2007 года / Под ред. проф. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 85–96 (0,5 п. л.).

260. Бондарь Н. С. Последовательное соблюдение Конституции невозможно без ее уважения // Форум. 2008. Январь–февраль, №1 (14). С. 12–15.

261. Бондарь Н. С. «Команда молодости нашей». Кафедре муниципального права и управления — 20 лет (воспоминания и размышления) // От советского строительства — к муниципальному праву: история и современность (кафедре муниципального права и управления ЮФУ (РГУ) — 20 лет): сб. материалов, посвященных юбилею кафедры муниципального права и управления ЮФУ / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2008. С. 6–35.

262. Бондарь Н. С. Научно-теоретические истоки конституционного мировоззрения (в контексте творческого наследия профессора И. Е. Фарбера) // Конституционное развитие России: межвузовский сб. научных статей. — Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права. 2008. Вып. 9. С. 47–58 (1 п. л.).

263. Бондарь Н. С. Между Сциллой и Харибдой: Конституционный Суд в системе разделения власти // Конституционный Суд в системе органов государственной власти: актуальные проблемы и пути их решения: материалы международной конференции, г. Киев, 16 мая 2008 г. / Конституционный суд Украины. Киев: Ин Юре, 2008. С. 53–72, 239–258 (1,35 п. л.).

264. Бондарь Н. С. Конституционные ценности в практике Конституционного Суда России: опыт разрешения социальных противоречий и конфликтов // Международный альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2008. С. 65–90 (1,25 п. л.).

265. Бондарь Н. С. Современный конституционализм — основа правовой глобализации // Развитие России в условиях глобализации мировой экономики: материалы Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 мая 2008 г.): в 3 т. Т. 3 / Под ред. А. Ю. Архипова, Ю. М. Осипова, В. А. Алешина, В. Н. Овчинникова. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. С. 3–13 (0,75 п. л.).

2009

266. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М.: Эксмо, 2009. В соавторстве (85,14 п. л.), комментарий к статьям 12, 19, 71 (п. «в»), 72 (п. «б», «н» ч. 1), 130–133; совместно с В. И. Круссом — ст. 18, 21, 26, 32, 33.

267. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор развития российского конституционализма // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г. / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2009. С. 71–86 (1,25 п. л.).

268. Бондарь Н. С. Экономическое развитие общества и конституционное правосудие (в контексте решений Конституционного Суда РФ) // Законодательное обеспечение экономической политики государства и юридическое образование: материалы Международной науч.-практической конференции (Донецк — Святогорск, 16–17 апреля 2009 г. / МОН Украины, Донецкий национальный университет; ред. кол.: А. Г. Бобкова и др. — Донецк: Юго-Восток, 2009. С. 22–25 (0,25 п. л.).

269. Бондарь Н. С. Ценности конституционализма в условиях глобализации современного мира // Вестник Тверского гос. университета. Научный журнал. Серия «Право». Вып. 15. 2009. С. 21–30 (0,5 п. л.).

270. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор формирования политической многопартийности // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 2 (44). 2009. Ереван, 2009. С. 7–51 (1,65 п. л.).

271. Бондарь Н. С. Конституционные ценности как судебной-правовой фактор разрешения социальных противоречий и конфликтов: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционные ценно-

сти в теории и судебной практике. Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 67–92 (1,5 п. л.).

272. Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. №6. С. 1–11 (1,5 п. л.).

273. Бондарь Н. С. Конституционный Суд Российской Федерации — хранитель и преобразователь российского конституционализма // Конституционное развитие России: межвузовский сб. научных статей. Вып. 10. Саратов, 2009. С. 23–38 (0,75 п. л.).

274. Бондарь Н. С. Правовая грамота. Профессиональная подготовка юристов — проблема конституционная // Российская газета. 2009. 17 декабря. №243 (5067) (0,35 п. л.).

275. Бондарь Н. С. О конституционной модели юриста и роли конституционной компаративистики в системе юридического образования // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. №6. С. 57–65 (1 п. л.).

276. Бондарь Н. С. О конституционной модели юриста и роли конституционной компаративистики в системе юридического образования // Конституционное право и конституционная компаративистика в системе российского юридического образования: Сборник докладов. — М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 35–48 (0,75 п. л.).

277. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: постановка проблемы // Ученые записки: сб. научных трудов юридического факультета ЮФУ и Института права и управления. Вып. 7. Ростов н/Д; Книга, 2009. С. 3–28.

278. Бондарь Н. С. От российских друзей (Від російських друзів) // Проблемы сучасного українського конституціоналізму. Збірка наукових праць. На пошану першого Голови Конституційного Суду України, про. Леоніда Юзькова/Конституц. суд України, Академія прав. наук України / Заг. ред. А. Стрижак, В. Тацій. К., 2008. С. 6.

2010

279. Бондарь Н. С. Личное и публичное в поиске баланса... Публикации разных лет. Ростов н/Д: Альтаир, 2010.

280. Бондарь Н. С. Национальный конституционный контроль в соотношении с юрисдикцией Европейского суда: российская доктрина и практика реализации // Конституционное право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху. Сборник научных статей по материалам Вторых Конституционных чтений. М.: РАП, 2010. С. 56–80 (1, 25 п. л.).

281. Бондарь Н. С. Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования? // Человек и закон. 2010. Январь. №1. С. 18–27 (0,75 п. л.).

282. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие — генератор «живого» конституционализма (в контексте практики Конституционного Суда РФ) // Конституционные ценности как фактор стабильности демократического режима. Международная конференция, посвященная 15-летию Конституции Республики Молдова, 22–23 июля 2009 г., Кишинев / Отв. ред. Димитру Пулбере, Майа Банареску, Нина Партак. Кишинев. «Depol Promo», 2010. С. 57–66 (0,75 п. л.).

283. Бондарь Н. С. Конституционные пробелы и конфликты как отражение социальных противоречий: в контексте практики Конституционного Суда РФ // Terra Economicus. ЮФУ. 8 том. 2010. №1. С. 70–79 (0,75 п. л.).

284. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. №3. (0,75 п. л.). С. 28–33.

285. Бондарь Н. С. Философия конституционализма в практике конституционного правосудия России // Гуманитарный ежегодник. 9 / Отв. Ред. Ю. Г. Волков — Ростов н/Д; М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2010. С. 99–111.

286. Бондарь Н. С. Конституционная коллизионность и судебная практика ее преодоления. // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (выпуск V): Сборник научных трудов.- Казань: ООО «Офсет-сервис», 2010 г. С. 34–48 (0,75 п. л.).

287. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционного права: проблема обеспечения единства теории и практики конституционализма // Общее и особенное в современном экономическом и конституционно-правовом развитии постсоветских государств: Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву. 28–30 мая 2010 года. Ч. 1 / Под ред. А. А. Ливеровского. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2010. С. 34–48.

288. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России — генератор «живого» (судебного) конституционализма // Право Украины. 2010. №6. С. 75–86.

289. Бондарь Н. С. Конституционализм как социокультурное явление современного глобалистского мира. // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 37–41.

290. Bondar N. S. Constitutionality as a social and cultural phenomenon of the modern globalist world. // *Dialog of Cultures and Partnership of Civilizations: the Making of a Global Culture: Proceedings of the 10th International Likhachov Scientific Conference, May 13–14, 2010, St/Petersburg: SPbUHSS Publishers, 2010. P. 20–22.*

291. Бондарь Н. С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия. // *Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики/издание Московско-Петербургского философского клуба. Составители: Баренбойм П. Д., Захаров А. В. М.: Летний сад, 2010. С. 46–69.*

292. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие — гарант прав и свобод человека и гражданина (практика Конституционного Суда Российской Федерации)/Журнал «Юрист України». №1. 2010. С. 10–16.

293. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 17 марта 2010 г. №6-п по делу о проверке конституционности положений ст. 117, ч. 4 ст. 292, ст. ст. 295, 296, 299 и ч. 2 ст. 310 АПК РФ в связи с жалобой ЗАО «Довод» // *СЗ РФ. 2010. №14. Ст. 1733.*

2011

294. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма. ИНФРА-М., 2011. 544 с. (34 п. л.).

295. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 1008 с. В соавторстве (81,27 п. л.). Автор комментариев: к статьям 12, 19, 71 (п.«в»), 72 (п.«б», «н» ч. 1), 130–133; совместно с Круссом В. И. Ст. 18, 21, 26, 32, 33.

296. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // *Журнал российского права. 2011. №10. С. 35–46.*

297. Бондарь Н. С. Онтология современного конституционного правосудия // *Віче. Журнал Верховної Ради України. 2011. №17 (302). С. 37–41.*

298. Бондарь Н. С. Европейський конституціоналізм в аспекті співвідношення національної конституційної і конвенційної юрисдикцій (на укр. мові) // *Вісник Конституційного Суду України. 2011. №4–5. С. 114–122.*

299. Бондарь Н. С. Неопределенность правовых норм как отрицание равенства всех перед законом и судом (из практики Конституционного Суда Российской Федерации) // *Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (Вып. VI): сб. науч. трудов. Казань, 2011. С. 52–73.*

300. Бондарь Н. С. Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования? // *Международная научно-практическая студенческая конференция «Проблемы*

совершенствования конституционно-правового статуса субъектов образовательных правоотношений». 29–30 апреля 2011. Изд-во Санкт-Петербургской Академии управления и экономики. СПб. 2011. С. 16–24.

301. Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категории действующего права: проблемы восприятия студентами юридических вузов // *Международная научно-практическая студенческая конференция «Проблемы совершенствования конституционно-правового статуса субъектов образовательных правоотношений». 29–30 апреля 2011. Изд-во Санкт-Петербургской Академии управления и экономики. СПб. 2011. С. 60–80.*

302. Бондарь Н. С. Ценность конституционного права как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины. // *Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Вып. 12 («Саратовская государственная академия права») / Отв. ред. В. Т. Кабышев. Саратов 2011. С. 30–45.*

303. Бондарь Н. С. Конституционализм как нравственно-этическая категория: методология познания в контексте моих университетов конституционализма. // *Современный российский конституционализм: доктрина и практика. Материалы межвузовской научно-практической конференции (Южный федеральный университет, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский государственный университет, 5 марта 2011) / Отв. ред. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д. — СПб.: Профпресс, 2011. С. 13–33.*

304. Бондарь Н. С. Правовая определенность — универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ). // *Конституционное и муниципальное право. 2011 №10. С. 4–11.*

305. Бондарь Н. С. Институт конституционной жалобы: соотношение частных и публичных начал (из практики Конституционного Суда России) // *Защита прав человека органами конституционной юстиции: возможности и проблемы индивидуального доступа: материалы междунар. конф., г. Киев, 16 сент. 2011 г. / Конституц. Суд Украины; отв. ред. А. С. Головин. К.: Логос, 2011. С. 305–322.*

2012

306. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. Формула права. М., 2012. 106 с. (4,5 п. л.).

307. Бондарь Н. С. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / Под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. Автор комментариев к ст. 16, 84–87 (в соавторстве с А. А. Джагаряном) (1,7 п. л.).

308. Бондарь Н. С. Конституционный Суд об обращении взыскания на жилые помещения. Дела о наследовании. Исключительная подсудность // Цивилист. 2012. №4. С. 50–58 (1 п. л.).

309. Бондарь Н. С. О развитии института индивидуальной жалобы в практике конституционного правосудия (соотношение частных и публичных начал) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства (Вып. VII): сб. науч. трудов. Казань: Офсет-сервис, 2012. С. 34–50 (0,7 п. л.).

310. Бондарь Н. С. Концепция судебного конституционализма: методология исследования в свете практики конституционного правосудия // Конституционное правосудие. Международный вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. Вып. 1(55). Ереван, 2012. 1,3 п. л.

311. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие в соотношении с политикой: теория и практика... без политизации // Конституционное право и политика: сборник материалов международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. 28–30 марта 2012 г. / Отв. ред. д. ю.н., проф. Авакьян С. А. М.: Юрист, 2012. С. 514–533.

312. Бондарь Н. С. Место конституционного правосудия в системе разделения властей // Правовое государство. Правовая политика. Правовая жизнь / Под общ. ред. П. П. Глушенко. СПб.: МНИОЦ — Лемма, 2012 (0,5 п. л.).

313. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционное правосудие сквозь призму теории конституционного права в соотношении с концепцией конституционной модернизации (Рец. на кн. Селиванова А. А. Конституционные проблемы в современной теории права: доктрина стабильности и охраны Конституции Украины в контексте ее модернизации и эффективного конституционного правосудия. 2-е изд., доп. К.: Логос, 2011. 208 с.) // Віче. Журнал Верховної Ради України. Киев, 2012. №12.

314. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционное правосудие сквозь призму теории конституционного права в соотношении с концепцией конституционной модернизации (Рецензия на книгу Селиванова А. А. Конституционные проблемы в современной теории права: доктрина стабильности и охраны Конституции Украины в контексте ее модернизации и эффективного конституционного правосудия // Право України. Киев, 2012. №6. С. 420–431 (0,5 п. л.).

315. Бондарь Н. С. Подчинение партий верховенству права — конституционный императив демократического правового государства // История. Право. Политика. Федеральный научно-практический журнал. 2012. №6. С. 21–26 (0,7 п. л.).

316. Бондарь Н. С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан — должников // Цивилист. — 2012. — №4. — С. 50–58 (0,8 п. л.).

317. Бондарь Н. С. Юридическое образование — конституционная ценность нашей жизни: ностальгия по прошлому, надежды на будущее. // Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию юридического факультета РГУ — ЮФУ «Юридическое образование на юге России: вчера, сегодня, завтра». Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 18–26.

318. Бондарь Н. С. Преодоление кризиса современного конституционализма через диалог культур // XIII Международные Лихачевские научные чтения «Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации». 16–17 мая 2013 г. — СПб.: СПбГУ, 2013. С. 36–44.

319. Bondar N. S. Modern Russian Constitutionalism: Philosophical Conceptualisation in Light of Constitutional Justice // Journal of the Higher School of Economics. 2012. p. 25–38.

320. Бондарь Н. С. Особое мнение к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 №11-П по делу о проверке конституционности положения абз. 2 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова // СЗ РФ. 2012. №21. Ст. 2697.

2013

321. Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. М.: Юрист, 2013. 64 с.

322. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под ред. Н. С. Бондаря. 3-е изд., перераб. и доп. Серия: Бакалавр. Углубленный курс. Автор: предисловия, гл. 1–2; 3 (3.1, 3.4, 3.5 — совместно с А. А. Джагаряном) 4 (4.1–4.3); 5 (5.1–5.2); 6 (6.1); 7 (7.1); 8 (8.1, 8.2 — совместно с А. А. Джагаряном), 10 (10.1, 10.2 — совместно с А. А. Джагаряном); 11 (11.1 — совместно с А. А. Джагаряном). М.: Юрайт, 2013. 721 с.

323. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М.: Юрист, 2013. 176 с. (11 п. л.).

324. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и политика: попытка конституционного анализа без политизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. №1 (92). С. 1–20 (1,3 п. л.).

325. Бондарь Н. С. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции и космополитические иллюзии. // *Юридическое образование и наука*. 2013. — №1. С. 7–16 (0,9 п. л.).

326. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционное правосудие как инструмент правовой модернизации на постсоветском пространстве: проблемы теории и практики. Рецензия — размышление по поводу книги: Селиванов А. А. Конституционные проблемы в современной теории права: доктрина стабильности и охраны Конституции Украины в контексте ее модернизации и эффективного конституционного правосудия // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. №1 (31) С. 30–37 (0,7 п. л.).

327. Бондарь Н. С. У истоков «живого» (реального) отечественного конституционализма // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. Научный журнал. 2013. №4 (93). С. 42–48 (0,75 п. л.).

328. Бондарь Н. С. Губернаторы в системе российской федеративной государственности: нормативно-доктринальные подходы Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. №3. С. 11–24 (1,2 п. л.) (в соавторстве).

329. Бондарь Н. С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // *Журнал конституционного правосудия*. 2013. №6. С. 13–24 (1,2 п. л.).

330. Бондарь Н. С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. №11. (1 п. л.). С. 4–13.

331. Бондарь Н. С. По какой Конституции живет Россия: Прошлого или нынешнего, XXI века? // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2013. №6. С. 976–985.

332. Бондарь Н. С. Реформированию юридического образования- конституционные ориентиры // *Lex Russica*. –2013. — №11.- С. 1248–1250.

333. Бондарь Н. С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // *Журнал российского права*. 2013. №11. С. 5–17.

334. Бондарь Н. С. Конституция России: стабильность и (или?) динамизм // *Юридический мир*. 2013. №12. С. 10–20 (1,2 п. л.).

335. Бондарь Н. С. Магистр почти не виден. Приемлема ли в России Болонская система? Интервью «Юридической недели» // *Росс. газ.* 7 марта 2013. №50 (6026). С. 8. (0,1 п. л.).

336. Бондарь Н. С. Подчинение партий верховенству права — конституционный императив демократического правового государства: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // *Политические партии в*

демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности: матер. междунар. конф. Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2012 г. / Под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма, 2013. С. 180–192.

337. Бондарь Н. С. Проблемы конституционализации юридического образования в Российской Федерации // *Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: актуальное соотношение понятий и трендов: сб. мат. по итогам научно-практ. конф., посв. ящевой 20-летию Конституции РФ, Тверь, 17–18 мая 2013 года* / Под общ. ред. проф. В. И. Крусс. Тверь, Твер. гос. ун-т, 2013. С. 70–87 (1 п. л.).

338. Бондарь Н. С. Конституционное равенство — аксиологическая основа судебной защиты прав человека (из практики Конституционного Суда Российской Федерации) // *Вопросы защиты прав человека и гражданина органами конституционной юрисдикции в современных условиях: матер. междунар. конф., г. Ялта, 20–21 июня 2013 г.* / Конституц. Суд Украины / Отв. ред. А. С. Головин. К.: Логос, 2013 С. 68–89.

339. Бондарь Н. С. Концепция «живого» (судебного) конституционализма: методология исследования в свете практики конституционного правосудия // *Теория и практика российского конституционализма: сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г.* / Отв. ред. В. И. Фадеев. М.: ИЦ ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013 г. С. 10–32.

340. Бондарь Н. С. Реформированию юридического образования — конституционные ориентиры (тезисы выступления) // *Актуальные вопросы преподавания конституционного права: сборник материалов Всероссийской конференции преподавателей конституционного права, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, 27 июня 2013 г., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)* / Отв. ред. М. М. Шахрай, В. И. Фадеев. М.: Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013 г. С. 39–42.

341. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие- преобразователь современного конституционализма (к вопросу о формировании судебного конституционализма) // *Zborník príspevkov z medzinárodnej konferencie*. Košice, 2013. С. 93–104.

342. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма — ИНФРА-М, 2013. 1040 с. В соавторстве (83,85 п. л.). Бондарь Н. С. — автор комментариев: к статьям 12, 19, 71 (п. «в»), 72 (п.«б»), «н» ч. 1), 130–133; совместно с В. И. Круссом — ст. 18, 21, 26, 32, 33.

343. Бондарь Н. С. Мнение к определению Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 №1248-О по жалобе гражданина Хорошенко А. А. на нарушение его конституционных прав п. 5 ст. 403, ч. 4 ст. 413 и ч. 1 и 5 ст. 415 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. №1. С. 80–85.

344. Бондарь Н. С. Юридическое образование как конституционная ценность: сочетание публичных и личностных начал // Гуманитарий Юга России. 2013. №3. С. 104–110.

345. Бондарь Н. С. Мнение к Определению от 28 июня 2012 г. №1248-о по жалобе гражданина А. А. Хорошенко на нарушение его конституционных прав п. 5 ст. 403, ч. 4 ст. 413 и ч. 1 и 5 ст. 415 УПК РФ // ВКС РФ. 2013. №1.

346. Бондарь Н. С. Мнение к Определению от 4 октября 2012 г. №1768-о об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки О. Н. Коршуновой на нарушение ее конституционных прав ст. 34 Закона РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfddecision113178.pdf>.

347. Бондарь Н. С. Мнение к Определению от 10 октября 2013 г. №1485-о об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан О. В. Борохова, В. А. Кауца и А. Ю. Федотова на нарушение их конституционных прав ч. 2 ст. 1.7 и п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfddecision142508.pdf>.

2014

348. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н. С. Бондаря. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 794 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

349. Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 3. М.: Юрист. 2-е изд., доп., 2014. 72 с.

350. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. М.: Юрист. 2-е изд., доп., 2014. 182 с. (11,5 п. л.).

351. Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 4. Ростов н/Д.: Профпресс, 2014. 140 с. (8,75 п. л.).

352. Бондарь Н. С. Бизнес и власть в конституционном измерении: Теория и практика конституционного правосудия // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Вып. 9. Казань. 2014. С. 27–53.

353. Бондарь Н. С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования налоговых отношений / Налоговое право России. учебник / Отв. ред. Ю. А. Крохина. 5-е изд., испр.-М.: Норма: ИНФА–М, 2014. 704 с.

354. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 5. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2014. 178 с.

355. Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции — без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. №2 (38). С. 22–34. (1,25 п. л.).

356. Бондарь Н. С. На изломе конституционных эпох (о творческом пути профессора В. Т. Кабышева) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Научный журнал. 2014. №1 (96). С. 17–24 (0, 75 п. л.).

357. Бондарь Н. С. Конституция как социокультурное явление: соотношение динамизма и стабильности // XIV Международные Лихачевские научные чтения «Диалог культур и партнёрство цивилизаций». 15–20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУП. 2014. С. 24–29.

358. Бондарь Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни России: вчера, сегодня, завтра // Правовая политика Ростовской области в современных социально-экономических условиях: материалы первого Донского юридического форума 28 мая 2014 г. Азов: АзовПечать, 2014. С. 25–30.

359. Бондарь Н. С. Цель права — спокойствие души // Наше Время. 2014. №268 (22483).

360. Бондарь Н. С. Акты конституционного правосудия как межотраслевой источник практической юриспруденции // Вестник юридического факультета. 2014. №1/1.

361. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Самовыдвижение на выборах: конституционная ценность и (или) социально-политическая целесообразность? // Конституционное и муниципальное право. 2014. №5. С. 27–40.

362. Бондарь Н. С. Територія як конституційна цінність: поєднання публічно-владних та приватно-особистісних засад (на укр. мові) // Право України. Юридичний журнал. 2014. №9. С. 22–32.

363. Бондарь Н. С. Правозащитный потенциал конституционного требования равенства (из практики Конституционного Суда РФ) // Конституционное развитие России: межвузовский сб. науч. статей / [редкол.: В. Т. Кабышев (отв. ред.) и др.]; ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная

юридическая академия». Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2014. Вып. 14. С. 36–52.

364. Бондарь Н. С. Достоинство личности в аксиологической системе конституционного правосудия // Международный альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2014. С. 42–75.

365. Бондарь Н. С. Кризис современного конституционализма: В поисках путей преодоления // Право и государство. Научно-информационный журнал Казахского гуманитарно-юридического ун-та. 2014. №4. С. 27–31.

2015

366. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма — ИНФРА-М, 2015. 528 с.

367. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности // Стратегии правового развития России: монография; коллектив авторов / Под ред. О. Ю. Рыбакова. 2-е изд., стер. М.: Юстиция, 2015. С. 41–115.

368. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2015. №5. С. 9–23.

369. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация политических институтов Российской государственности. Ч. 1 // Гуманитарий Юга России. 2015. №2. С. 21–29.

370. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация политических институтов Российской государственности. Ч. 2 // Гуманитарий Юга России. 2015. №3. С. 19–27.

371. Бондарь Н. С. Alma mater — сакральное явление моей жизни: Ностальгия в сочетании с умеренным оптимизмом // Гуманитарий Юга России. 2015. №4. С. 13–22.

372. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Институт выборов губернаторов и его эволюция в зеркале конституционного правосудия: сб. материалов межрегиональной научно-практ. конф., приуроченной к 20-летию избирательной системы Ростовской области / Под ред. С. В. Юсова. Избирательная комиссия Ростовской области; Южно-Российский институт упр-я РАНХиГС. Ростов н/Д.: Печатная лавка, 2015. С. 19–44.

373. Бондарь Н. С. Alma mater — сакральное явление моей жизни: с ностальгией о прошлом и умеренным оптимизмом на будущее: сб. тезисов по мат. Международной научно-практ. конф., посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ. 2015. Т. 1. С. 3–8.

374. Бондарь Н. С. Проблемы интеграции Республики Крым и города федерального значения Севастополя в правовую и судебную систему Российской Федерации и роль Конституционного Суда Российской Федерации в интеграционных процессах // Судебная практика и функционирование судебной системы. Севастополь. 19 июня 2015 г. С. 13–17.

375. Бондарь Н. С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журнал российского права. 2015. №11. С. 5–18.

376. Бондарь Н. С. Alma mater — сакральное явление нашей жизни: к 100-летию юбилею юридической науки и образования на Дону // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. №4. С. 8–14.

377. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации 4 июня 2015 года №13-П по делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В. А. Князик и П. Н. Пузырина // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. №5. С. 13–17.

378. Бондарь Н. С., Джагарян А. А., Конституционно-правовая природа прокурорского надзора: проблемы теории и практики // Правоохранительная деятельность: теория и практика: сб. статей / Отв. ред. В. С. Джагиев. М.: Издательский центр ун-та им. О. Е. Кутафина, 2015. С. 150–180.

379. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм как политико-правовой режим обеспечения верховенств конституции // Конституционное правосудие. Вестник конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. №3 (69) С. 51–65.

380. Бондарь Н. С. Конституционализм как социокультурное явление современного глобалистского мира // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015) / Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 541–548.

381. Бондарь, Н. С., Джагарян, А. А. У истоков муниципального права демократической России: Памяти профессора В. И. Фадеева / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян: сб., посвященный памяти Владимира Фадеева. Т. 2. М.: Проспект, 2015. С. 18–43.

382. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 4 июня 2015 г. №13-п по делу о проверке конституционности положений ст. 31.1 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В. А. Князик и П. Н. Пузырина // СЗ РФ. 2015. №24. Ст. 3548.

383. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 1 декабря 2015 г. №30-п по делу о проверке конституционности ч. ч. 4, 5 и 5.1 ст. 35, ч. ч. 2 и 3.1 ст. 36

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и ч. 1.1 ст. 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2015. №50. Ст. 7226.

2016

384. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 6. Ростов н/Д.: Профпресс, 2016. 176 с.

385. Бондарь Н. С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. №1 (49). С. 23–30.

386. Бондарь Н. С. Ценностные начала судебной имплементации конвенционных требований в российскую правовую систему (из практики Конституционного Суда РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2016. №2 (50). С. 4–10.

387. Бондарь Н. С. Достоинство личности — универсальная категория современного конституционализма: аксиология и судебная практика // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей / [редкол.: В. Т. Кабышев (отв. ред.) и др.]; ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2016. Вып. 15. С. 115–127.

388. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Сильное местное самоуправление — сильное государство: История и современность // Конституционное и муниципальное право. 2016. №4. С. 62–74.

389. Бондарь Н. С. Конституционный Суд — это больше, чем суд! (интервью) // Петербургский юрист. 2016. №10. С. 6–12.

390. Бондарь Н. С. Георгиева Т. П. Устав муниципального образования: нормативная модель, соотношение традиций и новаций // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. №5. С. 23–31.

391. Бондарь Н. С. Георгиева Т. П. Устав муниципального образования как «муниципальная конституция» // Проблемы права. 2016. №2. С. 11–20.

392. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как инструмент совершенствования региональной правовой политики // Форум на Дону. 2016. Май–июнь. С. 21–23.

393. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как инструмент совершенствования региональной правовой политики // Южнороссийский адвокат.

394. Бондарь Н. С. Джагарян А. А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №3 (112) С. 52–76.

395. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие — важный фактор реализации региональной правовой политики // Современные тенденции развития действующего законодательства и приоритеты правоприменительной практики: сборник научно-практических материалов III Донского юридического форума 27 мая 2016 года. Азов: АзовПечать, 2016. С. 9–15.

396. Бондарь Н. С., Чепенко Я. К. Пробелы в конституционном механизме реализации прав и свобод: Практика Конституционного Суда Российской Федерации по их преодолению // Журнал конституционного правосудия. 2016. №4. С. 8–16.

397. Бондарь Н. С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Конституционное правосудие. Вестник конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. №1 (71). С. 44–66.

398. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм как политико-правовой режим обеспечения верховенства Конституции // Материалы международной конференции, посвященной 20-летию образования Конституционного Суда Республики Таджикистан на тему: «Конституционное правосудие — гарант обеспечения верховенства Конституции» (Душанбе, 17–18 сентября 2015). Душанбе: «ЭР-граф», 2015. С. 118–130.

399. Бондарь Н. С. Глобальные перемены в современной правовой жизни: конкуренция конституционных ценностей и национальных традиций или столкновение цивилизаций? // Форум на Дону. 2016. Октябрь–ноябрь. С. 60–61.

400. Бондарь Н. С. Правовая педагогика в конституционном измерении (памяти И. Е. Фарбера как великого педагога) // Педагогическое мастерство: опыт и инновации: сб. ст. по матер. межвуз. науч.-метод. конф., посвящ. Памяти профессора И. Е. Фарбера (26 февраля 2015 г., Саратов) / [под. ред. С. Н. Туманова, В. Т. Кабышева]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2016. С. 10–15.

401. Бондарь Н. С. Судебная аксиология в имплементационном механизме европейских конвенционных требований // «Совершенствование механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции по правам человека» Международная конференция (Санкт-Петербург, 22–23 октября 2015). С. 49–54.

402. Бондарь Н. С. Глобальные перемены в современной правовой жизни: конкуренция конституционных ценностей и национальных традиций или столкновение цивилизаций? // Южнороссийский адвокат. 2016. Октябрь–ноябрь. С. 14–16.

403. Бондарь Н. С. Правовые пробелы как категория конституционно-правовой дефектологии: Методология исследования и судебная практика преодоления Альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2016. С. 94–114.

404. Бондарь Н. С., Джагарян Н. В. Ростовская школа муниципального права // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2016. №4. С. 38–43.

405. Бондарь Н. С. Территория как конституционно — правовая категория: единство публично- властных и личностных начал // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. №4.

406. Не только память, но и жизнь бесконечна... (К 100-летию юбилею С. Е. Бондаря) / Автор-сост. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Профпресс, 2016.

407. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 1 декабря 2015 года №30-П по делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. №3.

2017

408. Бондарь Н. С. Местное самоуправление: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Н. С. Бондаря. М.: Юрайт, 2017. 386 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

409. Бондарь Н. С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов: О»богоудных грехах» конституционного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №1. С. 26–32.

410. Бондарь Н. С. Законодательные пробелы — категория конституционно- правовой дефектологии: методология исследования, практика преодоления // Журнал конституционного правосудия. 2017. №3 (57). С. 1–9.

411. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. №4. С. 19–31.

412. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционные реформы: ответ на вызовы современной эпохи (по страницам монографии: Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. –М.: Наука РАН, 2016. –320 С.) // Конституционное правосудие. Вестник конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2017. №1 (75). С. 44–66. С. 62–97.

413. Бондарь Н. С. Какие вызовы будут требовать развития права в ближайшие годы? Комментарий // Закон. Май 2017. С. 22–23.

414. Бондарь Н. С. Пути развития философии права в России // материалы Круглого стола Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН, г. Москва, 7 декабря 2016 г.: Российский журнал правовых исследований. 2017. №1 (10). С. 9–49.

415. Бондарь Н. С. Личность и судебная власть: конституционно- процессуальные основы взаимоотношений // Конституционное развитие России: межвузовский сб. научных статей / [редкол.: В. Т. Кабышев (отв. ред.) и др.]; ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2017. Вып. 16. С. 19–34.

416. Nikolai S. Bondar. The Constitutional Court of the Russian Federation in the National and Supranational Systems of Jurisdictional Bodies: Cooperation and Competition // kutafin university law review. 2017. April. S. 2–27.

417. Бондарь Н. С., Джагарян Н. В., Георгиева Т. П. От Донского местного самоуправления- к Ростовской школе муниципального права: вчера, сегодня, завтра // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2017. №1. С. 6–15.

418. Бондарь Н. С. Николай Бондарь: позиция // Форум на Дону. 2017. Апрель–май. С. 16–17.

419. Бондарь Н. С., Джагарян А.А. Современные конституционные реформы: pro et contra (по страницам монографии: Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.) // Конституционное и муниципальное право. 2017. №6. 69–79.

420. Бондарь Н. С. Конституционный контроль в сфере законотворчества: материальные и процессуальные пределы осуществления // «Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении»: материалы Международной конференции. (Минск, 27–28 апреля 2017 г.) / Конституционный Суд Республики Беларусь; редкол. Н. А. Карпович и др. Минск: СтройМедиаПроект, 2017. С. 108–121.

421. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: Очерки теории и практики / Н. С. Бондарь. М.: Норма — Инфра-М, 2017. 272 с. (Библиотека судебного конституционализма. Вып. 7).

422. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для бакалавриата и магистратуры: в 2-х т. / Под ред. Н. С. Бондаря. 5 изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017.

423. Судебная практика в современной правовой системе России / Под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М.: Норма, 2017. 432 с. (в соавторстве).

424. Бондарь Н. С. Форум-2017: Ожидания и тенденции // VII Петербургский Международный юридический форум // Закон. 2017. №5. С. 22–36.

425. Бондарь Н. С. А. А. Джагарян. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. №3–4. 2017. С. 126–168.

426. Бондарь Н. С. Мнение к Определению от 26.01.2017 №203-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Общероссийской общественной организации инвалидов — Российской ассоциации незрячих студентов и специалистов на нарушение конституционных прав и свобод частями 6 и 11 статьи 45 и частью 17 статьи 48 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // <http://doc.krsf.ru/decision/KSRFDecision261567.pdf>.

2018

427. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма — Инфра-М, 2018. 224 с. (Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 8).

428. Бондарь Н. С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму // Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 9. М.: Юрист, 2018. 83 с.

429. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Информ-Право. 2018. 527 с.

430. Бондарь Н. С. Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому реализму // Журнал российского права. 2018. №12.

431. Бондарь Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. №1 (61). С. 6–16.

432. Бондарь Н. С. Конституционная жалоба: соотношение частных и публичных начал (из практики Конституционного Суда РФ) // Журнал Конституционного правосудия. 2018. №4 (64).

433. Бондарь Н. С. Экономическая конституция, конституционная экономика или экономический конституционализм. Ч. 1 // Право и экономика. 2018. №1. С. 5–14.

434. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм современной России: практика Конституционного Суда РФ. Ч. 2 // Право и экономика. 2018. №4. С. 5–20.

435. Бондарь Н. С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. №10 (95). Октябрь.

436. Бондарь Н. С., Соболева Е. А. Региональные институты публичной власти как предмет нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда РФ // Проблемы права. Международный журнал. 2018. №3. С. 7–18.

437. Бондарь Н. С. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов. Экспертное мнение // Закон. Декабрь. 2018.

438. Бондарь Н. С. Конституция России: через социокультурный динамизм — к юридической стабильности // Судья. 2018. №12.

439. Бондарь Н. С. Рецензия на учебное пособие Н. М. Добрынина. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства. 5-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. 2018. №3. С. 119–120.

440. Бондарь Н. С. Мы преданы «команде молодости нашей»: к 30-летию кафедры муниципального права и природоохранного законодательства. // Близкое — далекое: кафедре муниципального права и природоохранного законодательства РГУ (ЮФУ) — 30 лет: Сборник материалов, посвященных 30-летию кафедры муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ / Отв. ред. — проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Профпресс, 2018. 212 с.

441. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация в стратегии развития современного общества и государства // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Конституция и модернизация общества и государства», посвященной Дню Конституции Республики Казахстан (29–30 августа 2017 г.) / Под общ. ред. И. И. Рогова, А. О. Шакирова. Астана: Жаркын Ко, 2017. С. 40–52 (сборник вышел в 2018 г.).

442. Бондарь Н. С. Конституция 1993 года — живой документ нашей эпохи. Интервью. // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). Публикация 12 декабря 2018 г. // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292461034.html.

443. Мнение к Постановлению КС РФ от 19 февраля 2018 №9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного

районного суда города Смоленска» // Официальный сайт КС РФ <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision316370.pdf>.

444. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 23 июля 2018 г. №35-п по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 208 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Т. В. Ивановой, И. М. Митина и Е. В. Шкотова // СЗ РФ. 2018. №31. Ст. 5065.

2019

445. Бондарь Н. С. Ростовская область в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации (к 25-летию Законодательного Собрания Ростовской области). Серия «Библиотека судебного конституционализма». 2-е изд., перераб. Вып. 10. Ростов н/Д.: Профпресс, 2019. 296 с.

446. Бондарь Н. С. Ростовская область: обретение нового конституционного статуса. Материалы научно-практической конференции «История парламентаризма на Дону. Из прошлого в современность». Ростов н/Д., 2019. С. 16–26.

447. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации. В 2 ч. Часть 1: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 356 с. Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.

448. Бондарь Н. С. Муниципальное право Российской Федерации: в 2 ч. Ч. 2: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 356 с. Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.

449. Бондарь Н. С. Местное самоуправление: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 386 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

450. Бондарь Н. С., Соболева Е. А. Судебный нормоконтроль за законами субъектов РФ: соотношение конституционных и административных начал нуждается в уточнении // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. №3.

451. Бондарь Н. С. Вызовы современному конституционализму: глобализация или суверенизация. Сборник материалов XIX Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 22–24 мая 2019 года в СПбГУП по теме: «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости» С. 49–53.

452. Бондарь Н. С. «Конституции стран СНГ в эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму» // Сборник докладов VII Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Республики Таджикистан по теме: «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития». С. 355–366.

453. Бондарь Н. С., Соболева Е. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации по проверке региональных законов: необходим мониторинг исполнения // Мониторинг правоприменения. 2019. 3 3 (32) С. 7–15.

454. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. №11 С. 25–42.

455. Бондарь Н. С. Мнение к Постановлению от 18.07.2019 N 29-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова» // СЗ РФ. 2019. №30. Ст. 4411.

456. Бондарь Н. С. Мнение к Определению от 24.10.2019 №2955-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Павловой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 13 и частью 4 статьи 28, а также частью 3 статьи 43 во взаимосвязи с частями 1, 4 и 5 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision438345.pdf>.

2020

457. Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире» // Государство и право. 2020. №6. С. 20–34.

458. Бондарь Н. С. Между Сциллой и Харибдой: когда права меньшинства защищаются вопреки мнению («правлению») большинства // Журнал конституционного правосудия. 2020. №4 (76). С. 1–11.

459. Бондарь Н. С. Совершенствование системы публичной власти — важное направление современной конституционной реформы, фактор развития регионального законодательства // Совершенствование конституционно-правовых механизмов организации публичной власти в современной России: общественный диалог. VII Донской юридической форум: Сборник материалов Национальной научно-практической конференции. 2020. С. 7–16.



О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. БОНДАРЯ

1992

1. Бондарь Н. С. Демократия — без прав человека, рынок — без товара: [Интервью с зав. каф. муниципального права и управления юрид. фак. РГУ Н. С. Бондарем] // Утро. 1992. 17 октября.

1995

2. Морозова Л. А. [Рецензия] // Государство и право. 1996. №9. С. 133–136. Рец. на кн.: Зинченко С. А., Бондарь Н. С. Собственность — свобода — право. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1995. 151 с.

1999

3. Интервью с Н. С. Бондарем, директором ИПУ РГУ... // Академия. 1999. 30 октября. №33.

2000

4. Отличник [Интервью с Н. С. Бондарем...] // Труд. 23 февраля 2000. №33.

5. Поздравьте Бондаря: он судья! [Информационное сообщение о назначении судьей Конституционного суда РФ Н. С. Бондаря] // Вечерний Ростов. 18 февраля 2000. №36–37.

6. Ростовчанин российскую конституцию не обидит! [Информация о пресс-конференции судьи...] // Вечерний Ростов. 6 марта 2000. №50.

7. Конституционное право: ни шагу влево-вправо [По материалам пресс-конференции судьи Конституционного суда РФ Н. С. Бондаря, прошедшей в РГУ...] // Вечерний Ростов. 10 марта 2000. №54–55.

8. Ростовский профессор в Конституционном суде [Информационное сообщение о назначении судьей Конституционного суда РФ Н. С. Бондаря] // Ростовский курьер. 23–29 февраля 2000. №8.

9. Второй ростовчанин в Конституционном суде [О назначении Н. С. Бондаря ...] // Ростов официальный. 6 марта 2000. №11.

10. На высокую должность [О назначении Н. С. Бондаря на должность судьи Конституционного суда РФ] // Молот. 18 февраля 2000. №18–19.

11. «... И звучал гимн России». Интервью с Н. С. Бондарем // Живой голос. Независимая газ. юрид. ф-та РГУ. 2000. №3.

2002

12. Недовольные лица с мэром прощались... Конституционный суд запретил смещать мэров без суда. [Интервью с судьей Конституционного суда РФ Н. Бондарем] // Российская Федерация. 2002. №11. С. 45–46.

13. Социальный ковчег перегружен. Конституционный суд хочет гармонизировать общество [Интервью с судьей Конституционного суда РФ Н. С. Бондарем] // Известия. 2002. 26 октября. №196 (26275). С. 5.

14. Георгиева Т. П., Бабицкий С. А. Муниципальное право Российской Федерации [Рецензия] // Закон и власть. 2002. №11. С. 74–76. Рец. на кн.: Бондарь Н. С., Авсеенко В. И., Бочаров С. Н. и др. Муниципальное право Российской Федерации: уч. для вузов / Под ред. проф. Н. С. Бондаря. 2–е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА // Закон и право, 2002. 559 с.

15. Алимурзаев Г., Дончевская М. Судьбоносные вопросы муниципализации России: есть ли принципиальные ответы? [Рецензия] // Всероссийский экономический журнал. 2002. №8. С. 61–68. Рец. на кн.: Бондарь Н. С., Авсеенко В. И., Бочаров С. Н. и др. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для вузов / Под ред. проф. Н. С. Бондаря. 2–е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА // Закон и право, 2002. 559 с.

2003

16. Район поселку не указ. Еще раз подтвердил Конституционный суд [Интервью с судьей Конституционного суда РФ Н. С. Бондарем] // Российская газета. 2003. 18 ноября. №233 (3347). С. 8.

17. Анна Закатнова. Тюрьма — не повод для увольнения [Интервью с судьей Конституционного суда РФ Н. С. Бондарем] // Российская газета. 2003. 16 декабря. №252 (3366). С. 3.

2004

18. Ирина Федотова. ЦБ — вне конкуренции. Какие банки достойны региональных денег [Интервью с судьей Конституционного суда РФ Н. Бондарем] // Росс. газ. 2004. 25 июня. №134 (3511). С. 4.

19. Павел Аптекарь. Губернаторам деньги не отдали. Счета регионов останутся в ЦБ [Интервью с судьей Конституционного суда РФ Н. С. Бондарем] // Газета. 2004. 18 июня.

20. Анастасия Корня. Питер и Красноярск проиграли Москве. Регионам не разрешили держать деньги в коммерческих банках [Интервью с судьей Конституционного суда РФ Н. С. Бондарем] // Независимая газета. 2004. 18 июня.

2005

21. Крохина Ю. А. Рецензия на книгу Н. С. Бондаря «Гражданин и публичная власть: конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении» // Вестник Российской правовой академии. 2005. №1. С. 80–85.

22. Лазарев В. В., Чучелина Н. Н. Избирательные права граждан: опыт конституционно-правового исследования (рецензия на кн.: Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М.: Формула права, 2005. 336 с.) // Журнал российского права. 2005. №6. С. 164–167.

2006

23. Белых С. В., Кокотов А. Н. Рецензия на книгу Н. С. Бондаря «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации» // Российский юридический журнал. 2006. №2 (50). С. 164–167.

2007

24. Ростовчане в Москве: Конституционный Суд РФ. Рейс «Москва. Ильинка, 21 — Ростов-на-Дону, Горького, 88» — постоянный (Интервью с Н. С. Бондарем) // Форум. 2007. Январь-февраль. №1 (8). С. 4–10.

25. Крусс В. И., Суворова С. А. Конституционное правосудие и защита прав человека (рецензия на книгу Н. С. Бондаря «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации») // Журнал российского права. 2007. №5. С. 154–157.

26. Дончевский (Алимурзаев) Г. Н., Дончевская М. Г. Технология социально-экономического развития на основе конституционализации (рецензия на книгу Н. С. Бондаря «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации)») // Законодательство и экономика. 2007. №6. С. 52–58.

27. Бондарь Николай Семенович // Дорогие мои земляки-ростовчане. М.: Юго-Восток-Сервис, 2007. С. 69–70.

28. Уважение к конституции — обязательно! // ЭЖ-Юрист. 2007. №50.

2008

29. Отмечены заслуги судьи и ученого Николая Бондаря // Молот. 2008. 22 апреля. №55–56.

30. Дончевский Г. Н., Георгиева Т. П. «Круглый стол» на тему: «Проблемы конституционного развития российской государственности и национальной правовой системы в монографии Н. С. Бондаря «Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России» (М.: Норма, 2008). Ростов-на-Дону, 31 мая 2008 г. // От советского строительства — к муниципальному праву: история и современность (кафедра муниципального права и управления ЮФУ (РГУ) — 20 лет): сб. мат., посвященных юбилею каф. муниципального права и управления ЮФУ / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2008. С. 66–92.

31. Джагарян А. А., Шевченко Н. В. Конституционный проект муниципального строительства в Российской Федерации (рец. на книгу: Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма. 2008. 592 с.) // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №4. С. 157–165.

2009

32. Кулыгин А. Листая страницы. Кантата для баритона, струнного альта и смешанного хора. По стихам Семена Бондаря и воспоминаниям Николая Бондаря. М., 2009.

2011

33. Кулыгин А. В поисках баланса. Поэма для альта и фортепиано (По мотивам: Бондарь Н. С. Личное и публичное: в поиске баланса... Публикации разных лет. Ростов н/Д: Альтаир, 2010. 674 с.). М., 2011.

34. Арановский К. В., Князев С. Д. Российский конституционализм: Судебный, судебский, судный... [Рецензия на монографию Н. С. Бондаря «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия»] // Журнал конституционного правосудия. 2011. №3. С. 30–37.

35. Барабаш Ю., Евсеев О. Конституціоналізм в суддівській мантиї: спроба комплексного аналізу (рецензія на монографію Н. С. Бондаря «Судовий конституціоналізм в Росії в світлі конституційного правосуддя») // Публічне право. Науково-практичний юридичний журнал. 2011. №4. С. 400–404.

36. Витрук Н. В. Юбилейные итоги конституционного правосудия в России (по страницам монографии Н. С. Бондаря «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия») // Российское правосудие. 2011. №5 (61). С. 15–23.

37. Кокотов А. Н. Судебный конституционализм и конституционное правосудие (Рецензия на книгу: Бондарь Н. С. Судебный конституциона-

лизм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 544 с.) // Журнал российского права. 2011. №6. С. 130–134.

38. Обзор круглого стола кафедры Государственного и административного права юрид. ф-та СПбГУ на тему: «Судебный (“живой”) конституционализм: доктрина и практика» (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 14. Вып. 4. С. 147–154.

39. Селиванов А. С. Суттєвий науковий внесок відомого російського конституціоналіста (Рец. на укр. яз. на кн.: Н. С. Бондарь. Судебний конституціоналізм в Росії) // Право України. 2011. №5.

2012

40. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Конституционализм как единение публичного и частного. Рецензия на книгу: Бондарь Н. С. Личное и публичное: в поиске баланса... Публикации разных лет. Ростов н/Д.: Альтаир, 2010. 674 с. // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. №11. С. 43–46.

41. Зинченко С. А. Судебный конституционализм в России (Рецензия на книгу: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 544 с.) // Журнал российского права. 2012. №7. С. 141–147.

42. Крусс В. И. Судебный конституционализм в России. Н. С. Бондарь. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: ИНФРА-М, 2011. 544 с. // Государство и право. 2012. №4. С. 117–121.

2013

43. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Российский конституционализм: к обретению идеала // Журнал российского права. 2013. №3. С. 131–141.

44. Сивицкий В. А. Начало комплексному осмыслению состояния российского юридического образования положено, что дальше? (Рец. на кн.: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии // Сер. Библиотечка судебного конституционализма. Вып. 3. М.: Юристъ, 2013. 64 с.) // Право. 2013. №4. С. 191–195.

45. Магистр почти не виден. Приемлема ли в России Болонская система? (интервью М. Барщевскому для «Российской газеты») // Росс. газ. 2013. №50 (6026).

2014

46. Батанов А. В. Современный взгляд на предмет муниципального права. Рецензия на учебник: Муниципальное право Российской Федерации:

Учебник для вузов / Под ред. Н. С. Бондаря. 3-е изд., Перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 721 с. Серия: Бакалавр. Углубленный курс // Конституционное и муниципальное право. 2014. №9. С. 78–80.

47. Берлявский Л. Г. Рецензия на книгу: Бондарь Н. С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №9. С. 236–240.

48. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии (рецензия на книгу: Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2013. 176 с.) // Юридический мир. 2014. №2. С. 27–34.

49. Можем гордиться, что наша Конституция отвечает самым высоким стандарта. Интервью для Российского агентства правовой и судебной информации // Режим доступа: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141212/272770512.html.

50. Правила жизни Николая Бондаря. Интервью для ПРАВО.ру // Режим доступа: <https://pravo.ru/story/view/112919>.

51. Тайные желания — по умолчанию. Наказание за пропаганду нетрадиционных связей не нарушает свободы личности // Росс. газ. 2014. №253 (6525).

52. Цель права — спокойствие души // Наше время. 2014. №268.

2015

53. Юбилей Николая Семеновича Бондаря // Конституционное и муниципальное право. 2015. №10. С. 3-4.

2016

53. Добрынин Н. М. Философско-мировоззренческая картина современного российского конституционализма. Очерк о возможном и необходимом в правовой модернизации России — в поддержку монографии: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е Изд., Перераб. М.: Норма — Инфра-М, 2016. 528 С. // Государство и право. 2018. №9. С. 38–51.

54. Глобальные перемены в современной правовой жизни: конкуренция конституционных ценностей и национальных традиций или столкновение цивилизаций? Из лекции Н. С. Бондаря // Форум. Общественно-политический, информационно-аналитический журнал. 2016. Октябрь-ноябрь. С. 60–61.

55. Конституция РФ — документ XXI века. Интервью судьи КС РФ Николая Бондаря // Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/1890604-echo>.

2017

56. Пути развития философии права в России: Круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН // Российский журнал правовых исследований. 2017. №1 (10). С. 9–49.

57. Николай Бондарь: позиция // Форум. 2017. Апрель-май. С. 16–17.

2018

58. Добрынин Н. М. Экономический конституционализм и конституционная экономика: синергия смыслов и конъюнкция перспектив. Размышления о должном и сущем по прочтении монографии: Н. С. Бондарь. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма — Инфра-М, 2017. 272 с. // Государство и право. 2018. №12. С. 128–138.

59. Дончевский Г. Н. С рюкзаком по хребтам юридико-экономических трудов Н. С. Бондаря // Близкое-далекое: кафедре муниципального права и природо-охранного законодательства РГУ (ЮФУ) — 30 лет: сб. мат., посвящ. 30-летию каф. муниц. права и природоохранного законодательства ЮФУ / Отв. ред. — проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Профпресс, 2018. С. 165–171.

60. Левакин И. В. Экономический конституционализм России. Н. С. Бондарь. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма — Инфра-М, 2017. 272 с. (Библиотека судебного конституционализма. Вып. 7) // Государство и право. 2018. №2. С. 123–125.

61. Умнова (Конюхова) И. А., Левакин И. В. Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма — Инфра-М, 2018. 224 с. (Библиотека судебного конституционализма. Вып. 8) // Государство и право. 2018. №10. С. 168–171.

62. Шугрина Е. С. Учебник по муниципальному праву как поиск баланса (размышления об учебнике, подготовленном представителями ростовской школы муниципального права) // Близкое-далекое: кафедре муниципального права и природоохранного законодательства РГУ (ЮФУ) — 30 лет: сб. мат., посвящ. 30-летию каф. муниц. права и природоохранного законодательства ЮФУ / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Ростов н/Д.: Профпресс, 2018. С. 156–164.

63. Парадоксы конституционного правосудия // Адвокатская газета. 2018. №11 (268). Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/intervyu/paradoksy-konstitutsionnogo-pravosudiya>.

64. Судья КС Николай Бондарь: Конституция 1993 года — живой документ нашей эпохи. Интервью для Росс. аг-ва правовой и судебной информации // Режим доступа: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292461034.html.

Дружеский шарж
из серии «Профессора РГУ», 1999 г.



Научное издание

Бондарь Николай Семенович

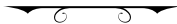
**ПУБЛИЧНОЕ И ЛИЧНОЕ:
ПОИСК БАЛАНСА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...**

Мемуарная юриспруденция



Корректор — .

Дизайн издания и обложки — © Д.В. Нефедов



Отпечатано в ... Сдано в набор 07.09.2020 г.

Подписано в печать ??.10.2020 г. Формат 64x80/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Гарнитура МуніонPro. Усл. печ. л. 48,3. Тираж 250 экз.

ISBN 978-5-91835-390-5



9 785918 353905